

**МАТЕРИАЛЫ
XVI МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЁННОЙ 50-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ
ПЕРВОЙ ПОВОЛЖСКОЙ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ И ПАМЯТИ ЕЁ ОРГАНИЗАТОРА
В. А. НИКОНОВА
(20–23 СЕНТЯБРЯ 2017 ГОДА)**

ТОМ II

**УЛЬЯНОВСК
2017**

Министерство образования и науки Российской Федерации
Ульяновский государственный педагогический университет
имени И. Н. Ульянова

Волгоградский государственный социально-педагогический
университет

Кафедра ЮНЕСКО «Титульные языки
в межкультурном образовательном пространстве»

МАТЕРИАЛЫ
XVI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЁННОЙ 50-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ
ПЕРВОЙ ПОВОЛЖСКОЙ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ И ПАМЯТИ ЕЁ ОРГАНИЗАТОРА
В. А. НИКОНОВА
(Ульяновск, 20–23 сентября 2017 года)

Том II

Ульяновск
2017

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус
О 59

Печатается по решению редакционно-
издательского совета ФГБОУ ВО
«УлГПУ им. И.Н. Ульянова»

Рецензенты:

Кафедра филологии, издательского дела и редактирования Ульяновского государственного технического университета (зав. кафедрой А.А. Дырдин, доктор филологических наук, профессор);
Артамонов В.Н., доктор филологических наук, доцент

О 59 Ономастика Поволжья: материалы XVI Международной научной конференции, посвящённой 50-летию юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти её организатора В. А. Никонова (Ульяновск, 20–23 сентября 2017 г.) / под ред. С.В. Рябушкиной, В.И. Супруна, Е.В. Захаровой, Е.Ф. Галушко. В 2 т. Т. 2. Ульяновск: ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2017. – 536 с.

6+

ISBN 978-5-86045-918-2

ISBN 978-5-86045-920-5 (том 2)

В сборнике представлены материалы XVI Международной научной конференции «Ономастика Поволжья», состоявшейся в г. Ульяновске 20–23 сентября 2017 г. Рассматриваются теоретико-методологические вопросы ономастики, проблемы происхождения и функционирования топонимов, антропонимов, зоонимов и других разрядов собственных имен, а также проблемы литературной и педагогической ономастики. Материалы сборника вносят вклад в теорию и практику ономастических исследований и представляют интерес для широкого круга исследователей.

Ответственность за аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок
несут авторы статей

ISBN 978-5-86045-918-2

9 785860 459182

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус

ISBN 978-5-86045-920-5

9 785860 459205

© Авторы статей, 2017
© Рябушкина С.В., Супрун В.И., Захарова Е.В.,
Галушко Е.Ф., составление, редактирование, 2017
© Артамонов К.В., логотип конференции, 2017
© Захарова Е.В., дизайн обложки, 2017
© ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2017

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОНИМИКИ, ЭТНОНИМИКИ, ЗООНИМИКИ

С.Н. Абдуллаев, К.И. Балтаева
(Каракол, Кыргызстан)

Пословицы-параллели с зоонимами в русском и киргизском языках

В статье ставятся задачи сопоставительного изучения пословиц с зоонимами. Рассматриваются русский и киргизский языки. Авторы уделяют особое внимание использованию метафоры.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, зоонимы, метафора, совпадение, различие.

Корпус пословиц и поговорок русского и киргизского языков нами ограничен тематически. Мы обращаемся только к таким пословицам, которые содержат в себе так называемые зоонимы [Галимова 2013: 45]. Термин *зооним* греческого происхождения и состоит из двух частей. Зооним – от др.греч. ‘животное’ и ‘имя, название’. Зоонимом мы считаем и имя собственное, т. е. кличку животного (например, *Мухтар, Мурка*), и иногда имена нарицательные (*лошадь, волк, осёл*).

Привлеченный к исследованию и сравнительному русско-киргизскому сопоставлению материал поставил проблемы смысловой дифференциации эмпирического материала.

Нами рассматриваются все единицы с названиями животного мира, то есть привлекаются все пословицы и поговорки, в которых упоминаются названия животных, независимо от того, в прямом или переносном смысле употребляется та или иная пословица.

И киргизские, и русские пословицы можно распределить по сходным тематическим разделам, что отражает как единство общечеловеческих нравственных и социальных законов, так и сходство условий жизни на планете Земля. Отметим параллелизм пословиц: *Байлык оссо, достордун саны осот* (‘Растет богатство – растет число друзей’) – *Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Кедейди тоонун устундо да ит кабат* (‘Бедняка даже на верблюде собака кусает’) – *Бедному Ванюшке везде все камушки; Мышык балдарын жебейт* (‘Кошка котят не ест’) – *Ворон ворону глаз не выклюет; Жылаанды ойлоп, чайнды унутуп калышты* (‘Опасаясь змеи, забыли про скорпиона’) – *Обжегшись на молоке, дуешь на воду.*

Обращаясь к пословицам с названиями животных как предмету лингвистического исследования, авторы обычно рассматривают национальное своеобразие картины мира. Картиной мира называется представление об окружающем нас мире, основанное на опыте и знаниях предыдущих поколений, а также наших собственных. Человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы в известной степени попытаться изменить этот мир созданной таким образом картиной. Этим занимается художник, поэт, теоретизирующий философ и естествоиспытатель, каждый по-своему. На эту картину и её оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни. Обилие пословиц о человеке в этом мире, позволяет учёным говорить о пословичном представлении о мире. Наблюдения над пословицами показывают, что образы животных в разных языках отмечают разные качества, отражают особенности образного мышления конкретного народа и свидетельствуют о различиях в ценностной картине мира различных этносов.

Так, например, в русских пословицах и поговорках *волк* предстает как отрицательный и враждебный персонаж, в русском языке этот образ позволяет акцентировать негативно-оценочную характеристику какого-либо субъекта. Не случайно главным отрицательным образом в известном еще с советских времен мультфильме «Ну, погоди!» является именно волк. Кстати говоря, для тюркского менталитета, в частности для мышления киргизов, такое иронично-отрицательное отношение к волку совсем не характерно. Волк здесь позиционируется как благородное животное, стоящее у истоков тюрков, волк является тотемом для тюркских народов, в т. ч. для киргизов.

А вот лексема *осёл* не отмечается в киргизских параллелях, она заменяется другим аналогом – *ишак*, который, в свою очередь, не встречается в русских пословицах и поговорках. Очевидно, эту лексему можно отнести к числу безэквивалентной лексики, которая имеет лингвистическое и идиоэтническое своеобразие.

Когда мы ставим своей целью анализ функционирования пословиц с названиями животных в языке, мы должны направить свое внимание на употребление устойчивых единиц в типовых ситуациях.

Пословицы и поговорки с зоонимами резонно рассматривать в контексте той или иной национальной культуры. Рост количества

лингвистических исследований, в основе которой лежит внимание к взаимодействию языка и культуры, наблюдается в последней четверти XX века, в результате чего стала складываться особая отрасль филологии – лингвокультурология. Возникновение данного направления в российской науке обычно связывают с деятельностью фразеологической школы В.Н. Телия, а также с работами В.В. Воробьёва, В.А. Масловой, В.В. Красных и др.

Приоритет фразеологии в разработке рассматриваемого направления понятен, ведь именно фразеология считается отражением культуры народа, его мировидения и мировосприятия. Прежде всего, это важно в практическом аспекте, поскольку процесс обучения межкультурной коммуникации предполагает формирование у обучаемых представления о взаимосвязи изучаемого языка и культуры его носителей на фоне взаимоотношений родного языка и культуры. Это чрезвычайно важно для достижения адекватной коммуникации, поскольку, как указывал В. фон Гумбольдт, человек преимущественно существует так, как их преподносит ему язык: каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он вступает в круг другого языка.

Сегодня сопоставление культур особенно актуально, поскольку современный человек в условиях глобализации и межкультурных коммуникаций стремится овладеть другими языками. Перед лингвистикой встала задача не только обучить языку, но и научить распознавать языковые знаки, которые приведут к пониманию культурно обусловленного общего смысла. Так появился метод паритетного описания культуры через факты её отражения в языке и интерпретации самих языковых фактов через глубинный, внеязыковой, культурный компонент.

В.А. Маслова характеризует лингвокультурологию с трёх сторон: как дисциплину, возникшую на стыке лингвистики и культурологии, как дисциплину, изучающую воплощённую в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру», и как интегративную область знания [Маслова 2001: 32].

Можно выделить несколько точек соприкосновения дефиниций. Во-первых, все ученые подчеркивают тот факт, что лингвокультурология рассматривает язык как неотъемлемую часть культуры. Во-вторых, изучение языка в этом ракурсе позволяет

получить исчерпывающее представление о языковой личности. В-третьих, язык как феномен культуры отражает её на всех своих уровнях. Отсюда можно сделать вывод, что зоонимы относятся к типу образной метафоры, что делает их устойчивыми, а перенос значения – очевидным.

В лингвокультурологии метафора рассматривается двояко: как лингвистический феномен, отражающий взаимодействие языка и культуры; как средство реализации лингвокультурологического потенциала базовых понятий лингвокультурологии: «картина мира», «концепт», «культурная коннотация» «языковая личность» и др. Метафора – сфера взаимодействия мышления, языка и речи, средство мировосприятия и миропонимания. Именно поэтому исследования национально-культурной специфики языковых картин мира не может обойтись без обращения к исследованию метафорического поля рассматриваемых фрагментов. В.А. Маслова указывает, что объяснение метафор без потери смысла невозможно, их интерпретация в сознании носителей языка осуществляется только благодаря культурной компетенции членов языкового коллектива, что делает метафору безусловным предметом лингвокультурологического исследования [Маслова 2001: 95]. Это ещё раз подчеркивает важность и необходимость описания метафорических единиц языка – зоонимов и зооморфизмов – с позиций потребностей межкультурной коммуникации.

Метафора действует там, где возможно образное отождествление двух различных объектов: она может включать человека или предмет в категорию, к которой они не могут быть отнесены на рациональном основании. Она отражает специфику национального восприятия действительности и является универсальным языковым механизмом, позволяющим обозначить незнакомое через уже освоенное, т. е. выполняет номинативную функцию. В основе данного механизма лежит отнесенность образа к предмету. В метафоре в широком понимании этого понятия эта отнесенность такова: образ несёт в себе лишь то содержание, которое характерно для предмета и его роли в жизни общества. При этом образ полностью изоморфен, т. е. имеет сходство с обозначаемым им предметом. По этому сходству происходит сопоставление. Необходимо понимать, что в основе языковой образности лежит отражение надязыковой и лингвистической действительности. Зачастую переносный смысл слова является отражением

надъязыковой (отвлеченной, художественной) действительности. Лексема *осел*, чаще всего, обозначает не само парнокопытное животное, а статус или характеристики, приписываемые данному животному в нашем сознании. Таким образом, зооморфизм в контексте нашей работы выступает как результат метафорического переноса, при котором свойства животного приписываются человеку или неодушевленному предмету.

Главным отличием пословицы от поговорки является то, что пословица всегда представляет собой законченное, самостоятельное, зачастую рифмованное предложение и отражает глубокую народную мудрость, выражающуюся в её нравоучительном характере. Поговорка же представляет собой предложение, как правило, незаконченное, поучительностью не отличается, а лишь является ярким, образным выражением, зачастую с символическим смыслом.

Использование поговорок делает речь говорящего существенно более красноречивой. Поговорку (в отличие от пословицы) всегда легко перефразировать. Например: *Раскрой глаза! Покупка есть покупка!* – *На ловца и зверь бежит* (близкие по заложенному смыслу пословицы).

У каждого народа есть свои собственные пословицы и поговорки, которые составляют важную часть национального культурного наследия. Многие пословицы в русском и киргизском языке имеют одинаковую суть, которая, однако, может передаваться совершенно разными словами ввиду того, что в основе пословицы лежат разные ассоциации. Однако не у всех существующих пословиц имеются точные или близкие соответствия в других языках, поскольку история развития каждого народа индивидуальна.

Пословицы и поговорки о животных составляют довольно обширный пласт в паремиологическом фонде русского и киргизского фольклора и отличаются большим тематическим разнообразием, отражая условия и специфику бытования киргизского народа.

В горах Ала-Тоо условия жизни никогда не были легкими. Языковая реакция киргизов – это пословицы и поговорки, которые можно услышать скорее от жителей гор, например, *Малчы малчы болсо, мал мал болбой калбас* – ‘Если пастух профессионал, то скот не может быть плохим’; *Жаман малчынын уйлары сутсуз, койлору жунсуз болот* – ‘У плохого пастуха и скот неважен’; *Жаман малчы соз ташуучу болот* – ‘Плохой скотовод любит спорить’; *Жаман малчынын кайнаткан эти бышпас* – ‘У плохого пастуха мясо не

сварится’; *Жаман малчы тан атканчы ойгонбос, ойгонсо да, туруп малын жаялбас* – ‘Плохой пастух до восхода солнца не проснется, а если и проснется, не может встать и вывести скот пастись’; *Жаман койчу койлорун карышкырга кырдырыр* – ‘Овец плохого пастуха волк задерёт’.

Многие пословицы и поговорки с зоонимами осуждают праздность и безделье: *Уйду саай билбегенге короо кынгыр корунот* – ‘Не умеющий доить корову видит двор кривым’; *Малчылар коп болсо, кой арам олот* – ‘Если пастухов будет много, овца подохнет, т. е. подохнет от голода, её и зарезать некому’. А умеющий хорошо трудиться получает соответствующую оценку: *Мыкты малчынын торт козу болот* – ‘У хорошего чабана четыре глаза’; *Мыкты жылкычынын минген аты тез чабар* – ‘У хорошего табунщика конь скачет быстрее’.

Типизация явлений – важное свойство всей фразеологии, при типизации наиболее существенные черты и свойства субъекта выдвигаются на передний план: *Бир огуздун кучунон мин огуз суу ичер* – ‘Благодаря одному волу тысяча волов напьются воды’; *Буканын кучу – бойнунда* – ‘Сила быка в его шее’; *Жаткан бору – ток болбос* – ‘Лежачий волк сытым не будет’. В первой пословице ясно выражена мысль о важности каждого человека для многих других, об общественной значимости каждого. Во второй – мысль о том, что каждый силён по-своему, следовательно, каждое существо, каждая личность индивидуальна, каждый проявляет себя в соответствии со своими достоинствами и пороками, и с этим необходимо считаться. В третьей пословице выражена мысль о том, что всё достается трудом, даже таким ловким существам, как волк.

Таким образом, особенности, которые человек приписывает животным, могут иметь совпадение в разных языках, а могут и существенно отличаться. Так, например, образ волка в русской пословице замещается образом другого животного в киргизской пословице, образ собаки – образом медведя. Вероятно, тюрки, типичными представителями которых являются киргизы, воспринимают поведение животных иначе, чем русские: образы животных в русской и киргизской и вообще славянской и тюркской культурах отличаются. Об этом задумывались отдельные авторы [Абдуллаева 2016], и такая постановка вопроса может послужить направлением отдельного специального исследования.

Список литературы

Абдуллаева Г. Модельно-правовые вопросы этнокультурализма. Саарбрюккен, 2016.

Галимова О.Н. Зоонимы с половой характеристикой как единицы терминосистемы (на материале татарского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5. Ч. 2. С. 43–46.

Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Флинта; Наука, 2001.

S.N. Abdullayev, K. I. Baltayeva

Proverbs with words-zoonyms in Russian and Kyrgyz languages

The article presents the tasks of comparative study of proverbs with zoonyms. The Russian and Kirghiz languages are considered. The authors pay special attention to the use of metaphor.

Key words: proverbs, sayings, zoonyms, metaphor, coincidence, difference.

З.Р. Аглеева

(Астрахань, Россия)

О некоторых особенностях имянаречения в полиэтническом регионе

Тенденции в имянаречении меняются под влиянием экстралингвистических факторов. Нередко имена и отчества жителей поликультурных регионов представляют именники разных народов, что связано с межнациональными браками или различными принципами имянаречения в разные периоды. На примере личных имен проживающих в области национальностей (а это русские, татары, ногайцы, казахи, калмыки и др.) можно проследить динамику имянаречения в полиэтническом регионе.

Ключевые слова: полиэтнический регион, антропоним, именник, традиции имянаречения.

Полиэтнических и поликультурных регионов в России, впрочем, как и в европейских странах, становится всё больше, и причина этого не только в глобализации и миграционных процессах, связанных с переселением из «горячих точек» в некогда спокойную, благополучную, богатую Европу. Появление на той или иной территории представителей других этносов или конфессий воспринимается по-разному. Полиэтническими в России являются южные приграничные области, регионы, которые в 50–70-е гг. прошлого века были объявлены «комсомольскими стройками», районы, где разрабатываются месторождения газа, нефти и т.д., мегаполисы. Многие из живущих в полиэтническом регионе

сталкиваются с проблемами межкультурной коммуникации, культурными барьерами, вполне объяснимыми экстралингвистическими и собственно языковыми факторами. Избежание конфликтов или их цивилизованное разрешение зависит от уровня культуры, кругозора, толерантности, а нередко просто воспитанности субъекта. В традиционно полиэтнических регионах, где на общей территории в течение длительного времени проживают представители разных национальностей (а таких достаточно много в нашей стране), меньше проблем межкультурной коммуникации, так как жителям чаще всего известны культурные традиции, обычаи «соседей». Астраханская область издревле складывалась как полиэтническое, поликультурное и поликонфессиональное пространство. По данным социологов и этнографов, на сегодняшний день здесь проживают представители более ста сорока наций и национальностей. Это отражается и на антропонимике региона. На примере антропонимов исконно проживающих в области национальностей (а это русские, татары, ногайцы, казахи, калмыки) можно проследить динамику имянаречения в полиэтническом регионе. Антропонимы занимают особое место в лексической системе языка, отличаются этноспецифичностью, несут культурологическую и нередко социальную информацию, поэтому обращение к ним помогает расширить представление о лингвокультурах народов, проживающих в полиэтническом пространстве, уточнить языковую ситуацию Астраханской области.

Имянаречение в большинстве случаев процесс креативный, изначально сакральный. Многие народы считали, что от выбора имени зависит дальнейшая судьба человека. Поэтому выбор имени у многих народов осуществляли старшие родственники, хорошо знавшие и соблюдавшие традиции. Об этимологии имен имеется достаточно обширная литература, большой материал можно подобрать и в интернете. Поэтому остановимся на особенностях имянаречения в полиэтнических регионах. Конечно, приводимые материалы не будут характеризовать этот процесс в любом мультикультурном пространстве, всё зависит от национального состава региона. В Астраханской области наиболее широко представлены русские, татары, казахи и калмыки, ранее других заселившие территории. Несмотря на большие группы мигрантов, в том числе трудовых, и переселенцев, в определенной степени повлиявших на языковую ситуацию региона, остановимся на

антропонимах, принадлежащих перечисленным выше национальностям. Если рассматривать антропонимы в диахроническом аспекте, можно обнаружить много сходного с другими регионами. Нас заинтересовала антропонимика двадцать первого века как показатель того, что изменились подходы к имянаречению. Основные особенности имянаречения связаны с большим количеством межнациональных браков. Ещё в восьмидесятые годы прошлого века об этом писала астраханская поэтесса Н. Мордовина в стихотворении «Астраханочка – жгучая смесь»:

*Астраханочка – жгучая смесь:
Запад, юг и восток в этих жилах.
Не природа причуды вершила,
А дороги, что сходятся здесь:
В жены брал россиянку мурза,
Вез казак персиянку с похода,
Ссылный поляк, себе на невзгону,
Кохал панны армянской глаза...
Брал калмычку с отарами – грек,
И татарочку – русский купчина...*

Имянаречение в таких браках часто затруднено, потому что каждая сторона, прежде всего бабушки и дедушки, хотят сохранить свои культурные традиции, выбрать имя из именника своего народа. Конечно, ситуации бывают самые разные и, если речь идет о браке с русскими, многие сходятся на том, что ребенку в России будет проще жить с русским именем. Приведем некоторые примеры из нашей картотеки: *Владислав Теймуразович, Галина Ринатовна, Григорий Марианович, Денис Рашитович, Денис Шамильевич, Елена Аликовна, Лариса Муслуевна, Максим Мингиянович, Максим Мурманович, Олеся Эриковна, Роман Равилевич, Роман Радикович, Светлана Саналовна* и др. Разумеется, лексема *русское* используется не в абсолютном значении: общеизвестна этимология этих имен, но они стали привычными для восприятия и идентифицируются как русские. Как видим, отчества представляют именники разных народов. Представлено огромное количество сочетаний имен и отчеств, где при русском отчестве употреблены имена представителей многих народов, проживающих на территории поликультурного региона: *Абай Алексеевич, Айса Вячеславовна, Алдар Олегович, Алим Робертович, Альмира Викторовна, Арсен Юрьевич, Гиляна Алексеевна, Дорджи Евгеньевич, Мерген Владимирович, Олжас*

Робертович, Мейрамбек Андреевич, Ренат Александрович, Румия Алексеевна, Тамерлан Константинович, Фазиль Эдуардовна, Шамиль Эдуардович. Нельзя только по приведенным примерам говорить о том, что эти и многие подобные сочетания образовались в результате межнациональных браков (в этих случаях имеется в виду женитьба русского мужчины на женщине другой национальности). В послеоктябрьский период у некоторых народов наблюдалась тенденция называть детей русскими и интернациональными именами и лексемами-советизмами (в том числе техницизмами), например, среди казахов и калмыков было достаточно большое количество *Николаев, Андреев, Василиев, Петров, Светлан, Ирин, Елен,* нам встречались *Светлана Марксовна, Светлана Энгельсовна, Жанна Ростсельмашевна, Жанна Советовна, Байр Викторovich, Иджилина Германовна* и т.д. В связи с «парадом суверенитетов» и Федеральным законом «О языках народов Российской Федерации» в начале 90-х годов в отдельных автономиях стали отходить от советской традиции давать детям русские имена и популярность обрели исконные имена, в числе которых большое количество общетюркских, арабских и персидских: *Адильбек, Амантай, Азамат, Азиза, Айгерим, Аймухан, Альфия, Амангельды, Басыр, Гульфина, Ержан, Ерлан, Ербол, Жамиля, Жанара, Мадина, Нарузбай* и т.д.

Если у тюрков существовало много правил называния детей (например, родившимся в том или ином месяце давали сходные имена – *Рамазан и Рамзия* в честь месяца Рамадан (*Рамазан*), *Сафар, Шахбан/Шагбан, Рабига, Мавлют* и т.д.), то в настоящее время в поликультурном пространстве отмечается несколько иной подход к имянаречению. Очень часто выбираются имена по трем основным критериям: (а) имя должно быть популярным, современным (*Азиза, Алина, Альберт, Аида, Альбина, Сабина, Ренат/Ринат, Руслан, Даниял, Наиль, Карина, Регина* и т.д.). Как видим, происхождение имени, его отношение к той или иной конфессии, национальности значения не имеет. Так, в 70–80-е годы симпатия к политическому лидеру Индии, мудрой и обаятельной Индире Ганди привела к тому, что татарских и казахских девочек называли её именем: *Индира Каримовна, Индира Елдаровна, Индира Ибрагимовна, Индира Саматовна* и т.д.; (б) имя должно «сочетаться» с отчеством, обращается внимание на аллитерацию и ассонанс: *Альфия Ильнуровна, Алина Наильевна, Амина Наильевна, Анвер Равилевич, Диляра Растямовна, Карина Ренатовна, Надия Данияровна, Наиля*

Ильгамовна и т.д. Конечно, часто родители, давая имя ребенку, вовсе не задумываются о терминах *звуковая инструментровка*, *звукопись*, главное – найти такое имя, которое гармонировало бы с отчеством, «красиво» звучало. В связи с тем, что в тюркских языках нет полной редукции, ассонанс играет большую роль, чем аллитерация, сказывается и действие закона слогового сингармонизма (ср. например, татарские имена *Адила, Алия, Альфия, Румия, Гюзель/Гюзаль, Наиль, Равиль, Рамиль, Ильяс, Шамиль* и др.), а при сочетании имени и отчества частотнее аллитерация (см. приведенные выше примеры); (в) имя должно быть относительно коротким, многосложные тюркские, персидские имена в последние годы в полиэтническом регионе редки.

Широко известна старая традиция некоторых народов давать ребенку два имени (при официальной записи в свидетельстве о рождении одного) или двойные имена, называть детей нарицательными существительными, обладающими отрицательной коннотацией, с тем чтобы «обмануть злых духов», отвратить болезни и несчастья на жизненном пути ребенка. В настоящее время такого рода «ухищрения» практически не используются. Редки стали и двойные имена типа *Абдулмажит* (от слияния двух имен *Абдул* и *Мажит*).

В связи с большим количеством этносов в Астраханской области наблюдается высокая вариативность тюркских личных имен: *Захит – Загид, Исмаил/Измаил, Рашид – Рашит, Ришат – Решат – Ришад, Ренат – Ринат, Резабек – Риза, Тахир – Тагир, Фарид – Фарит, Аксана – Оксана, Фатима – Патимат, Анель – Анеля, Лейла – Ляйля – Лиля, Ильмира – Эльмира* и т.д. В парах *Айша – Айшат, Асия – Асият, Фатима – Патимат, Халима – Халимат* и подобных второй член (вариант на конечный согласный) характерен для северокавказских женских имен. Фонетический принцип, который является ведущим в тюркских языках, также способствует функционированию вариантов. Установить, какое имя является инвариантом, достаточно сложно: так, исходными являются имена с глухим согласным на конце, но образование женских парных имен, где возможны только звонкие согласные, заставляет разграничивать диахронические и синхронические аспекты. Встречаются однокоренные имена, содержащие в своем составе общий корневой аффикс (ср., *Владислав, Вячеслав, Мирослава, Святослав, Борислав* и

под. в русском языке; *Аман, Амантай, Амангильды, Аманбек* и т.д. в казахском).

Как и в русском языке (*Евгений/Евгения, Александр/Александра, Валерий/Валерия, Виктор/Виктория* и т.д.), в тюркских языках встречаются бинарные оппозиции, причем число их растет: *Али/Алия, Камиль/Камиля, Равиль/Равиля, Рашид/Рашида, Рафик/Рафига, Ренат/Рената, Сабир/Сабира, Фарид/Фарида, Фирюз/Фирюза* и т.д. Интересно то, что наблюдается и обратное образование: *Аделя/Адель, Анара/Анар* и т.д. Имеются имена, которые могут быть отнесены как к женщине, так и к мужчине, например, *Серур, Айса*, разграничение такого типа имен по гендерному признаку возможно лишь в контексте.

Особенностью уже не имянаречения, а функционирования имени в полиэтническом регионе являются фонетические изменения, перенос ударения в женских именах. Так, в течение длительного времени функционировали пары *Камиль/Камиля, Фарид/Фарида* и под., где по фонетическим законам тюркских языков ударение падает на последний слог. В настоящее время ударение всё чаще переносится на второй слог, а, например, традиционно тюркское *Камиля* заменяется *Камилла*. Возможно, под влиянием известной рекламы о чае «Принцесса Нури» старое татарское имя *Нурия* стало произноситься как *Нурия*.

В последние десятилетия в полиэтнических регионах всё чаще происходит смешение имен, взятых из разных языков. Следует обратить внимание на появление, например, достаточно редкого женского имени *Дениза (Дениза Дамировна, Дениза Айдаровна)*. Если сочетания имени и отчества типа *Денис Ибрагимович, Денис Рашитович, Денис Шамильевич* можно объяснить как результат межнационального брака русской женщины и татарина, то женский вариант *Дениза*, на наш взгляд, в определенной степени является окказиональным. Интересными нам кажутся варианты *Данил – Данила – Даниял – Даниэль*, которыми именуют как русских детей, так и тюрков. Интернациональными стали имена *Алина, Аделина/Адэлина, Арина, Артём, Мелания, Руслан, Фердинанд, Эльвира* и мн. др., причём имена *Олеся* и *Оксана* в казахском языке во многих случаях пишутся как *Алеся* и *Аксана*; так, даже в этимологию последнего вносится изменение: обращается внимание на наличие фрагмента *ак* (в тюркских языках *ак* – ‘белый’).

Тенденции в имянаречении постоянно меняются: в наше время большую роль играет мода на разные имена. Так, по сведениям

службы ЗАГС Астраханской области, «своих новорождённых астраханских девочек родители чаще всего называли Викториями, Софиями, Мариями, Анастасиями, Аринами, Дарьями, Полинами, Валериями, Миланами, Алисами... Астраханок называли и достаточно редкими именами: Афина, Настасья, Прасковья, Моника, Люси, Любава, Иванна, Лола, Василина, Доминика, Ева-Мария, Евангелина, Магдалина, Милослава, Параскева» [Каспийинфо]. Цитируемая заметка называется «Астраханцы часто выбирают имя по святцам», в качестве канонических авторы приводят имена *Вера, Надежда, Любовь, Софья*. Вряд ли лишь перечисленные имена могут служить подтверждением авторского тезиса, так как эти имена далеко не всеми соотносятся со святцами, хотя в последнее время и возрос интерес к именинам, дням ангела и т.д. В другой статье отмечается: «В пятёрку самых популярных имён новорождённых мальчиков попали Артём, Кирилл, Максим, Александр, Михаил. Среди новорождённых астраханцев теперь есть мальчики с такими редкими именами, как Иосиф, Вениамин, Данислав, Ефим, Никифор, Прохор... Одними из необычных имен для новорожденных по итогам прошлого года стали имена Маяк, Князь, Лола, Афина» [Каспийинфо]. «Самыми необычными именами, которыми нарекли в 2010 году наших маленьких земляков, можно считать имена: Флавианна, Евлампия, Фердинанд, Яромир, Леонардо, Эжен, Клементин, Соломон, Есения, Одиссей».

Таким образом, изменения, характерные для лексики в целом, свойственны и антропонимике. Особенно это заметно в полиэтнических регионах, где под воздействием постоянных контактов этносов происходит сближение антропонимов разных народов, изменяются традиции имянаречения, одни имена переходят в пассивный словарь (нередко затем возвращаются, как, например, это произошло со старыми славянскими именами), другие актуализируются. Очень многое в имянаречении зависит от того, представителем какой нации является ребенок: в семьях мигрантов и недавних переселенцев чаще сохраняются традиции, связанные с религиозными убеждениями, родной культурой. Исконно проживающие на территории Астраханской области менее остро относятся к выбору имени для ребенка, далеко не всегда учитывая этимологию имени, суеверия, старые традиции.

Список литературы

Астраханцы часто выбирают имя по святым. URL: <http://kaspyinfo.ru/populyarnye-sredi-astraxancev-pravoslavnye-imena/>

Самые популярные и необычные имена Астраханской области *Маяк, Князь, Лола*. URL: <http://kaspyinfo.ru/83739-2/>

Z.R. Agleeva

On some features of the name giving in the polyethnic region

Trends in the naming are changing under the influence of extralinguistic factors. Often, the names and patronymics of residents of multicultural regions represent names of different people, which are associated with interethnic marriages or various principles of naming in different periods. On the example of personal names of nationalities living in the area (e.g. Russians, Tatars, Kazakhs, Kalmyks, etc.), one can trace the dynamics of the name giving in a polyethnic region.

Key words: polyethnic region, anthroponym, book of names, traditions of naming.

*М.В. Ахметова
(Москва, Россия)*

Орфографическая вариативность катойконимов в XX–XXI вв.: *миас(с)цы, старорус(с)цы и др.*

Рассматривается варьирование написания катойконимов, образованных от названий населенных пунктов с основой, оканчивающейся на *-сс*. Написание названий типа *миас(с)цы* (от Миасс) в словарях оттопонимических дериватов обусловлено позицией составителей. Орфографические словари предлагают писать такие названия с одной *с*. В локальных СМИ отсутствует единообразие в усвоении этой нормы.

Ключевые слова: катойконимы, названия жителей, словообразование, орфография, лексикография, язык СМИ

При обсуждении сложных вопросов правописания топонимов и их дериватов наибольшее внимание уделяется отдельно-дефисно-слитному написанию или употреблению строчных / прописных букв (например: [Барандеев 2012: 158–166, 187–200]). Орфография оттопонимических дериватов затрагивается чаще в связи с прилагательными (ср. о слитном / дефисном написании; о варьировании суффикса *-инск(ий) / енск(ий)* и о сохранении мягкости в основе, например: [Озтюрк 2008: 12–13]).

Одним из неоднозначных случаев является написание катойконимов на *-цы* при топооснове, оканчивающийся на *-сс* (типа *Миасс*).

Формулировка в академическом орфографическом справочнике, согласно которой «в словах, образованных от основ, оканчивающихся на две одинаковые согласные, двойные согласные перед суффиксами сохраняются», повторяет § 69 Правил 1956 г. [Лопатин 2007: 110]. В качестве примеров в сборниках правил и в справочниках могут приводиться оттопонимические дериваты, чаще прилагательные: *боннский*, *дарданелльский*, *калькуттский*, *канберрский* и т. д., а также катойконим *равенницы* [Там же], [Розенталь 2005: 11]. Исходя из этого, казалось бы, следует писать с двумя *с* онимы *миассцы* (Миасс), *старорусцы* (Старая Русса), *черкасцы* (Черкассы) и т. п., не входящие в число подразумеваемых правилами случаев, когда двойная согласная не сохраняется [Лопатин 2007: 110]. Между тем словари предлагают в целом иное написание.

В Орфографическом словаре русского языка с 1956 г. фиксировались единичные катойконимы. Систематически (хотя и не всегда последовательно) они включаются лишь в РОС, где с одной *с* пишутся названия *миассцы* (*-сец*), *черкасцы* (*-сец*), *старорусцы* (*-сец*), *староруска* (РОС 1999; 2007; 2012), отсутствуют *донбас(с)цы* и *кузбас(с)цы*–варианты, менее принятые в региональном узусе, чем отраженные словарями *донбассовцы* и *кузбассовцы* (РОС 2007; 2012). Исключением (очевидно, обусловленным необходимостью опознавания основы) является *яссцы* (*яссец*) — дериват от топонима *Яссы* (следует отметить, что в словарях названий жителей [Бабкин, Левашов 1975; Городецкая, Левашов 2003] предлагается иной вариант: *яссинцы* (*яссинец*)).

Ранее и в более полном объеме данные онимы представлены в словарях названий жителей. В издании [Бабкин 1964] отражены *старорусцы* (*старорусец*, *староруска*), *миассцы* и *мелекесцы* (*мелекесец*); в [Бабкин, Левашов 1975] добавлены *донбасцы* (*донбасец*) при *донбассовцы* (*донбассовец*, *донбассовка*), *кузбасцы* (*кузбасец*) при *кузбассовцы* (*кузбассовец*) и *черкасцы* (*черкасец*). При этом примеры-иллюстрации исправлялись. Так, в словаре [Бабкин 1964] исправлено написание *старорусцы*, *старорусец* в цитатах из «Слова о словах» Л.В. Успенского (1957) и из книги Н.В. Затейщикова-Второго «Город Холм (Псковской губернии) и его уезд» (1891), при слове *миассцы* содержится указание на газету

«Миасский рабочий» от 21 июня, 23 сентября и 1 ноября 1959 г. (в то время как в источнике написано *миассцы*). Данные словари учитывали орфографические варианты (например, *весьегонцы* /*весьёгонцы*), но рассматриваемые онимы в их число не вошли.

Стратегия кардинально поменялась в издании [Левашов 2000], где составитель опирался на написание в источниках. В предисловии было оговорено, что фонетические и орфографические варианты приводятся в скобках [Там же: 15], и написание с двумя *с* могло быть принято как основное либо вообще единственное. Рассматриваемые номинации (за исключением дериватов от *Мелекес*, утративших актуальность в связи с переименованием города в 1972 г.) были представлены следующим образом: 1) *донбассцы* (*донбасцы*), *донбассец* (*донбасец*); 2) *кузбассцы*, *кузбассец* (без вариантов с одной *с*); 3) *миассцы*, *миассец* (без вариантов с одной *с*); 4) *старорусцы*, *старорусец*, *староруска* (без вариантов с двумя *с*); 5) *черкасцы*, *черкасец* (без вариантов с двумя *с*).

Наконец, составители словаря [Городецкая, Левашов 2003] ориентировались, очевидно, на [РОС 1999]. В предисловии указывалось, что названия «даются в соответствии с современными правилами орфографии. Если в цитируемых текстах заголовочное слово приводится с их нарушением, ставится предостерегающее указание: *неправ.* (т. е. неправильно, ненормативно)» [Там же: 14]. Соответственно, как «неправильное, ненормативное» маркировались *миассцы*, *миассец* (при *миасцы*, *миасец*), а также *донбассцы* (*донбассец*), *кузбассцы* (*кузбассец*), *старорусцы* (*старорусец*) и *черкасцы* (*черкасец*).

Написание рассматриваемых онимов с одной *с*, видимо, обусловлено идеей об общности их основ с основами не топонимов, а оттопонимических прилагательных. Эта идея получила развитие в работах ономатологов, ср.: «...названия на *-ец* <...> образуются от тех же основ, от которых образуются прилагательные на *-ск(ий)*» [Левашов 1968: 64]; «Катойконимы тесно связаны с оттопонимическими прилагательными<...>, ср. *Юрьев – юрьевский – юрьевец* <...> Как видно из примеров, основа катойконима совпадает с основой оттопонимического прилагательного, а не самого топонима» [Суперанская 1979: 103]. Впрочем, согласно другому мнению, катойконимы производятся от основ не прилагательных, а ойконимов (см. обзор в [Генкин 2009: 61–62]). Совпадение основ прилагательного на *-ск(ий)* и катойконима подразумевает редукцию

конечного -с в основе, по причине невозможности написания более чем двух одинаковых согласных подряд (§ 67 Правил 1956 г.; ср. [Лопатин 2007: 100–101]). Впрочем, эта закономерность, насколько известно, не прописана в орфографических справочниках, а для носителей языка она, как правило, неочевидна. Сотрудникам местных газет в написании названий жителей приходилось руководствоваться интуицией и собственными представлениями об орфографии. Этим обусловлены колебания в СМИ, которые рассматриваются далее на примере второй половины XX – начала XXI в.

Старая Русса. Газета Старорусского городского совета народных депутатов (в 1930–1952 гг. «Трибуна», в 1952–1991 гг. «Старорусская правда») по крайней мере с 1950 г. именовала жителей *старорусцами* (ср. строки из стихотворения, адресованного строителям: *За новые дома, украсившие город, / Вас староруссы все благодарят* («Трибуна», 1.01.1950). В 1960 г. была сделана первая попытка перейти написание с одной с в названии жителей (в номере «Старорусской правды» от 3 августа на первой странице было опубликовано *Строители в долгу перед старорусцами*, а на последней высказывалась надежда на то, что *строителям поможет в меру своих сил в благоустройстве города каждый старорусец*). Однако в 1962 г. газета вернулась к написанию *староруссы*, хотя довольно часто отмечалось написание названия жителей в ед. ч. с одной с, ср. в статье М. Полякова «Мал золотник», посвященной местному говору: *Суетиться, торопиться староруссы не умели, они знали лишь селитовать. <...> Если старорусец был недалек умом или простоват, то о нем говорили, что он «с максимцем»* (1.07.1969). Катоиконим в ж. р. встречается на страницах газеты редко, в любом случае написания с двумя с не попадалось (ср. строки из стихотворения В. Пензина «Землячки»: *Глаза у наших старорусок / С ильменским блеском, глубоки*, 8.03.1967). Окончательный переход написание *староруссы* произошел в 1984 г., и так «Старорусская правда» писала до закрытия в 1991 г.

Интересна корреляция с колебаниями в написании аббревиатурных эргонимов *Старорус(с)прибор* (начал упоминаться на страницах газеты с апреля 1961 г.) и *Старорус(с)прибор* (до ноября 1964 г. именовался в газете *химмашзаводом*, *химмашем* и *заводом химического машиностроения*, хотя аббревиатурное название существовало иранее). Сравнение упоминаний названия жителей и названий предприятий на страницах газеты позволяют

предположить, что написание катойконима с одной или двумя *с* в двух случаях имело следствием аналогичное написание эргонимов, и еще в одном случае (в 1984 г.) переход на единообразное написание произошел одномоментно.

1. Название жителей: не позднее 01.01.1950–03.08.1960: *староруссы*; 03.08.1960–11.02.1962: *старорусцы*; 20.02.1962–11.02.1984: *староруссы* (в ед. ч. иногда *старорусец*); 14.02.1984–31.12.1991: *старорусцы*.

2. Название приборостроительного завода: не позднее 04.04.1961–23.11.1962: *Старорусприбор* (редко с двумя *с*); 30.11.1962 – 11.02.1984: *Старорусприбор*; 14.02.1984–31.12.1991: *Старорусприбор*.

3. Название завода химического машиностроения: не позднее 03.11.1964–08.02.1984: *Старорусхиммаш* (редко с одной *с*); 14.02.1984–31.12.1991: *Старорусхиммаш*.

В 1992 г. городская газета сменила название («Старая Русса») и учредителей, однако написание *старорусцы* осталось неизменным.

В то же время в 2009 г. была основана информационно-рекламная газета «Старорусская недвижимость» (с 2011 – «Вестник Старорусского края»), которая именует жителей города только *старорусцами*.

Миасс. Городская газета «Миасский рабочий» (учреждена в 1935 г., сейчас имеет учредителем администрацию Миасского городского округа) писала название жителей с двумя *с* до начала 1981 г. (например: *Миассцы успешно выполняют социалистические обязательства по производству товаров народного потребления*, 8.12.1979), перешла на написание с одной *с* 14 февраля 1981 г. (ср.: *Трудовой рапорт съезду подписали сотни молодых миассцев*, 14.02.1981).

Аналогична редакционная политика независимой общественно-политической газеты «Глагол», издающейся с октября 1991 г. (в газете со дня её основания работали бывшие сотрудники редакции «Миасского рабочего»).

Что касается газеты «Уральский автомобиль», издающейся с 1944 г. автомобильным заводом «Урал», поиск в ней названий жителей значительно затруднен, поскольку ее адресатами являются не столько горожане, сколько *автозаводцы*. Однако можно как минимум в 1970-е годы имело место написание с двумя *с*. Последний раз такое написание встречаем в 1980 г. (*С ярославскими ребятами миассцы сыграли вничью*, 5.04.1980), в следующий раз название

жителей появляется в газете через полтора года, уже в иной орфографии (*Алые стяги, транспаранты, улыбки на лицах тысяч миассцев*, 10.11.1981). Вероятно, заводская газета ориентировалась на городскую.

В историко-краеведческих изданиях, подготовленных миасскими авторами и редакторскими коллективами, только написание *миассцы* встречается до середины 1990-х годов (например, в книгах В.В. Морозова «Город в золотой долине», Челябинск, 1973 (и след. изд.), А.В. Манина «Золотой юбилей "ЖБИ"», Екатеринбург, 1995; в сборнике к 220-летию города «Золотая долина», Челябинск, 1993), и крайне редко отмечается в изданиях XXI в. (например, в книге «История ветеранского движения города Миасса», Миасс, 2003). Написание *миасцы* появляется в местных изданиях в конце 1990-х годов и сегодня безусловно доминирует: см., например, книгу Н.В. Богачева «Миасцы, мои современники» (Миасс, 2000), издания «Мой приветливый город Миасс» (Миасс, 1998) и мн. др., а также сборник «Истоки», издаваемый Миасским городском краеведческим музеем, где написание *миассцы* встречается лишь в цитатах.

В качестве сравнительного материала осмысленно привести пример с **Мелекесом**. Городская газета «Знамя коммунизма» писала *мелекессцы* как минимум с 1960 г. и до 1972 г., когда город был переименован в Димитровград (хотя район остался Мелекесским). Аналогичным было написание в районной газете («Сталинское знамя» – «Знамя труда» – «Мелекесские вести») по крайней мере в 1970-е – начале 1980-х годов, а также, судя по её современной сетевой версии, в наши дни. Впрочем, вопрос с орфографией катойконима от *Мелекесс* требует более пристального рассмотрения прессы как города Димитровграда / Мелекесса, так и Мелекесского района.

Таким образом, усвоение того, что зафиксировано как орфографическая норма, в отношении оттопонимических дериватов происходит не единообразно. Отдельного внимания заслуживают причины таких колебаний, в том числе в периоды, когда соответствующие онимы отсутствовали в словарях. В случае с переходом на написание *старорусцы* в 1962 г., вероятно, определенную роль сыграло паронимическое сближение с корнем *рус-* (с этническим значением), а дополнительным фактором могло быть официальное написание названий предприятий типа *Старорусхиммаш* либо колебания в написании уже этих названий. В

любом случае выявление возможных экстралингвистических факторов, а также рефлексии локальных сообществ требует дополнительных исследований, в том числе полевых.

Примечание

Работа выполнена в рамках НИР ЛТФ ШАГИ ИОН РАНХиГС «Современный город в актуальных речевых жанрах, спонтанных практиках и локальных самоназваниях»

Список литературы

Бабкин 1964 – Словарь названий жителей (РСФСР): Ок. 6000 назв. / под ред. А.М. Бабкина. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 399 с.

Бабкин, Левашов 1975 – Словарь названий жителей СССР: Ок. 10 000 назв. / под ред. А.М. Бабкина и Е.А. Левашова. М.: Рус. яз., 1975. 616 с.

Барандеев А.В. История географических названий: Русская топонимия в терминах: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 318 с.

Генкин В.М. Ойконимия и катойконимия Белорусского Поозерья: учеб.-метод. пособие. [Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова], 2009. 115 с.

Городецкая И.Л., Левашов Е.А. Русские названия жителей: словарь-справочник. М.: ООО «Рус. словари»; ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2003. 360 с.

Левашов Е.А. «Москвичи и иных мест люди...». Л.: Наука, 1968. 103 с.

Левашов Е.А. Географические названия. Прилагательные, образованные от них. Названия жителей: словарь-справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 603 с.

Озтюрок Л.И. Русская отойконимическая лексика Республики Татарстан: деривационный и лингвогеографический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Казанский гос. ун-т. Казань, 2008. 18 с.

Лопатин 2007 – Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. 478 с.

Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. 10-е изд. М.: Айрис-Пресс, 2005. 361 с.

РОС 1999 – Русский орфографический словарь: ок. 160 000 слов / отв. ред. В.В. Лопатин. М.: Азбуковник, 1999. 1280 с.

РОС 2007 – Русский орфографический словарь: ок. 180 000 слов / отв. ред. В. В. Лопатин. 2-е изд., испр. и доп. М.: [б. и.], 2007. 960 с.

РОС 2007 – Русский орфографический словарь: ок. 200 000 слов / под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой. 4-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 879 с.

Суперанская А.В. Ономастическая стандартизация. Допустимость. Возможности. Ограничения // Восточнославянская ономастика: Исследования и материалы / отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1979. С. 84–112.

Orthographical variance of katoikonoms in XX–XXI centuries:

mias(s)tsy, starorus(s)tsy etc.

The paper analyzes a variance of orthography of katoikonoms, which are derived from toponyms with *-ss* stem (for example, *миассцы* < *Миасс*). The way of writing such onyms in the dictionaries of toponymical derivatives depends on lexicographers' position. The orthographical dictionaries suggest onyms of this kind strictly with one *c*. At the same time, local media lacks uniformity in adopting this norm.

Key words: katoikonoms, names of inhabitants, word-formation, orthography, lexicography, language of media

Е.В. Баканова

(Ульяновск, Россия)

«Да святится имя Твое»

(к вопросу об Имени в Синодальном переводе Библии)

Исследование имён собственных в Синодальном переводе Библии интересно как для изучения собственно библейской культуры именования, так и при изучении освоения библейского ономастикона русской языковой культурой. Одному из аспектов исследования библейского Имени в Синодальном переводе и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: Синодальный перевод, имя, вторичные номинации, имя Бога.

Концепт Имя играет важную роль в Библии. Лексико-семантическое поле собственных имён может стать одним из ключей понимания многих смыслов Библии, поскольку в древние времена отношение человека к языковому знаку было неконвенциональным и собственные имена в Библии выполняют не только и не столько номинативную функцию, сколько функцию смыслоразличительную. «Название воспринималось не как условное обозначение предмета, а как его необходимая часть, поэтому верили, что, например, произнесение ритуального имени может вызвать присутствие того, кто им назван, а ошибиться в словесном ритуале – это обидеть, прогневать высшие силы или навредить им» [Мечковская 2004: 165].

Библейские тексты позволяют проследить историю культуры именования у избранного Богом народа, хотя в Синодальной Библии не наблюдается системы в переводе единиц этого лексического пласта. В частности, собственные еврейские имена либо оставлены без перевода (Адам, Даниил, сатана – их большинство), либо

передают греческую огласовку (Ева, Иисус, Лазарь, Мария и др.) [БЭ 2002: 15, 96, 619; 109, 181, 408, 507].

Библия также даёт представление об Имени в сакральном аспекте – на этом и остановимся более подробно в рамках данной статьи. Сакральный аспект концепта Имя в Библии тесно связан с осмыслением основополагающих концептов Добра и Зла. Концептосфера Добра прежде всего связана с именем Бога-Творца, а также Его Сына Христа; концептосфера Зла – с именем их противника сатаны; причём как когнитивный знак выступает и система вторичных личных номинаций, учитывая, что именование у иудеев имело глубокий магический смысл. Все слова этой части библейского ономастикона этимологически мотивированы.

Следует отметить как когнитивный знак и принятую в Синодальном переводе культуру графического выделения с прописной буквы не только собственно имён Бога *Иегова* (встречается 7 раз), *Суций* (6), *Всевышний* (56), *Саваоф* (269) и Христа *Иисус* (1266), *Христос* (508), *Спаситель* (21), *Мессия* (2), *Помазанник* (1), но и вторичных номинаций: соответственно *Господь*, *Отец* (236), *Вседержитель* (45), *Владыка* (33), *Спаситель* (22), *Всемогущий* (16), *Творец* (15), *Искупитель* (14), *Царь* (12), *Создатель* (8), *Утешитель* (4), *Пастырь* (3), *Владыко* (3), *Альфа и Омега* (2), *Бог-Отец* (1), *Создавший* (1), *Сильный* (1), *Виноградарь* (1) – и *Господь*, *Сын* (204), *Агнец* (31), *Царь* (23), *Первосвященник* (6), *Слово* (4), *Альфа и Омега* (2), *Отрасль* (4), *Еммануил* (3), *Отрок* (3), *Пастырь* (2), *Лоза* (2), *Свет* (2), а также соответствующих местоимений, в том числе притяжательных и относительных, и определений-прилагательных. Например: *Отец Небесный* (18), *Искупитель Сильный Иаковлев* (Ис. 60:16), *Искупитель Святой Израилев* (Ис. 54:5); *Сын Человеческий* (79), *Сын Божий* (40) [Полная Симфония, 2010].

Личные номинации дьявола, напротив, написаны в русских переводах почти всегда со строчной буквы, что также является знаковым: *сатана* (52), *дьявол* (34), *дракон* (16), *змей* (14), *лукавый* (11), *злой* (3), *змий* (5), *легион* (3), *князь мира сего* (3), *бог века сего* (1), *велиал* (1), *Аваддон* (5), *Аполлион* (1), *Велиар* (1). При этом все именованья дьявола (еврейские, греческие и славянские) имеют отрицательные коннотации и выделяют качества его личности именно как носителя Зла: *сатана* – др.-евр. ‘враг’, ‘противник’; *дьявол* – греч. ‘клеветник’, ‘подстрекатель’ [БЭБ 1999: 860, 263];

велиал (Пс. 40:9), *Велиар* (2 Кор. 6:15) – ‘ничтожный, негодный’ [БЭ 2002: 619, 100, 61]. «**ЗЛОЙ**. Общеслав. Того же корня, что авест. *zurc* «неправда», осет. *zul* «кривой», латышск. *Zvelties* «сгибаться, крениваться», др.-инд. «петляет» и т.д. *Злой* буквально – «кривой, лукавый»...Ср. «неправильный, ложный», «*кривить душой, кривда*» [Шанский, Боброва 1994: 98]. «**ЛУКАВЫЙ**. Общеслав. Суфф. производное от *лука* в значении «хитрость, коварство» [Там же: 73].

В Библии встречаются примеры мотивации именовании дьявола «...имя ему по-Еврейски *Аваддон*, а по-Гречески *Аполлион (Губитель)*» (Откр. 9: 11); «(...) *дракон, древний змей, называемый дьяволом и сатаной, обольщающий всю вселенную (...)*» (Откр. 12: 9) [здесь и далее библейские тексты цитируются по: Библия 1990].

Имя Бога *Иего́ва* (Суций; «Который был, есть и будет» [БЭ 2002: 166]) в древних библейских рукописях встречается 6828 раз [Священное Писание 2007:1733]; оно было записано четырьмя согласными буквами древнееврейского «квадратного» письма יְהוָה (ЙХВХ) – так называемый тетраграмматон. Поскольку гласные на письме не обозначались, постольку в переводах на разные языки это имя приобрело разные огласовки (Иехова, Ягве, Хеова и др.), а в Современном русском переводе имя Бога записано в иной фонетической огласовке – Яхве [Библия, 2012]. Такой же вариант имени Бога принят и в современных библейских словарях [СБО 2016: 429], [БЭБ 1999: 396], а в последнем из них перевод *Иегова*, сохранённый в Синодальном тексте, назван «устаревшим» [БЭБ 1999: 396].

У древних евреев считалось страшным произнесение имени Бога – вероятно, вследствие буквального понимания третьей заповеди: «*Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно*» (Вт. 5:11, а также Исх. 20:7); поэтому переписчики древних еврейских текстов соферимы стали заменять тетраграмму именами «Адонай, т.е. Владыка, Господь» [БЭ 2002: 89] или Еллогим, т.е. ‘Бог’ [БЭБ 1999: 395].

Греческая Септуагинта сохраняет тетраграмматон, однако в более поздних её копиях тетраграмматон начинают заменять греческими словами Кириос (κύριος) и Теос (θεός), которые соответственно имели следующие значения: «1) Господь (*о Боге и о Христе*); 2) господин (*т.ж. вежливое обращение*); хозяин, владелец»; «1) Бог; *κατὰ θεόν* а) по Божьей воле, по-божески; б) по образу Бога

(Еф. 4: 24); 2) бог, божество (языческое); ж.р.богиня (Деян. 19: 37)» [ГРСНЗ 2008: 128, 103]. Считалось, что это поддерживает идею единобожия [Священное Писание 2007: 1734], хотя даже Иероним (IV-V вв. н.э.) свидетельствовал о современных ему греческих переводах еврейских рукописей с именем Бога, записанным тетраграмматоном [Там же: 1738].

В Синодальном переводе личное имя Бога также заменено – чаще всего исконными *Бог* (3118) или *Господь* (в заимствованном из старославянского значения ‘бог’). Исключением являются 7 стихов Синодальной Библии (Быт. 22:14; Исх. 3:14; 15:3; 17:15; 33:19; 34:5; Суд. 6:24), в которых имя Бога сохранено, например: «*Бог сказал Моисею: Я есмь Суций (Иегова). И сказал: так скажи сынам Израилевым: Суций послал меня к вам. И сказал ещё Бог Моисею: так скажи сынам Израилевым: Господь, Бог отцов ваших, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова, послал меня к вам. Вот имя Моё на веки, и памятование о Мне из рода в род*» (Исх. 3:14,15) – в данном примере в одном контексте с русским переводом имени.

Именованье *Господь* (1733) существенно затемняет семантику имени Бога, поскольку употребляется и по отношению к Христу. Например, следующий стих в результате случайно возникшей в тексте омонимии вне контекста может быть понят не каждым современным читателем: «*Сказал Господь Господу моему: сиди одесную Меня (...)*» (Пс. 109:1, а также параллельные места Мф. 22: 44, Мк. 12: 36, Лк. 20: 42, Деян. 2: 34).

Личное имя Бога встречается и в составных собственных наименованиях-названиях жертвенников *Иегова-Ире* [Господь усмотрит] (Быт. 22:24), *Иегова Нисси* [Господь знамя моё] (Исх. 17:15), *Иегова Шалом* [Господь мир] (Суд. 6:24), и в составе многих антропонимов: *Иегозавад* со значением ‘кому даровал Господь’; *Иегоханан* – ‘дар Иеговы’ (< Иоанн < Иван), *Иегу* – ‘Господь есть Он’; *Иедаия* – ‘хвала Господа’; *Иезекииль* – ‘которого укрепляет Бог’; *Иегошуа* – ‘помощь Иеговы; Спаситель’ (сокр. Иешуа < греч. Иисус) и др. [БЭ 2002: 166–167, 191].

Наиболее частотное из имён Бога *Саваоф* (евр. ‘силы воинства’) всеми исследователями признаётся отражением вселенской мощи Бога, во власти которого именно небесные силы, звёзды, сонмы ангелов и т.п. В этом же значении употребляется русское *Вседержитель*, а также старославянизмы *Владыка* / *Владыко* и *Всемогущий* с русским синонимом *Сильный*.

Разные аспекты власти и силы Бога отражают такие исконные именованья, как *Отец*, *Бог-Отец*, с одной стороны, и *Творец*, *Создатель*, *Создавший*, а также *Царь* – с другой. Своеобразными именами-характеристиками являются собственно русские *Спаситель*, *Искупитель*, *Утешитель*. Старославянизмы *Пастырь* и *Виноградарь* имеют метафорическое значение, греческое *Альфа* и *Омега* – символическое.

«В результате того, что имя Яхве оказалось скрыто под условным именованием "Господь", в тех случаях, когда в евр. тексте стоит "Господь Яхве", переводчикам во избежание дублирования – "Господь Господь" – приходится прибегать к различным приемам» [БЭБ 1999: 396]. В связи с этим в Синодальном переводе используются вторичные составные именованья Бога: *Господь Саваоф* (151), *Господь Бог* (76), *Святой Израилев* (14), *Бог Всевышний* (12), *Бог Вседержитель* (7), *Господь Бог Израилев* (4), *Бог Всемогущий* (4), *Всевышний Бог* (3), *Господь Бог Вседержитель* (2), *Господь Вседержитель* (2), *Господь Всевышний* (2), *Сильный Иаковлев* (1), *Сильный Израилев* (1); *Бог Богов*, *Господь* (1); *Господь Бог Саваоф*, *Вседержитель* (1) и др.

Принятые в Синодальном переводе варианты именованья Бога всегда передают всепобеждающую силу и мощь его личности, непревзойдённое значение создания им Вселенной и человека, а также безусловное право на высшую власть: *Владыка Святой и Истинный* (Откр. 6:10); *Владыка над народами* (Пс. 21:29); *Владыка царей, открывающий тайны* (Дан. 2:47); *Владыка всей земли* (Мих. 4:13); *Бог Крепкий, Отец вечности, Князь мира* (Ис. 9:6); *Владыка владык, Бог великий* (Вт. 10:17); *Бог и Отец всех* (Еф. 4:6) и др.

К числу вторичных номинаций Бога можно отнести и раскрывающие Его личность определительные словосочетанья *Бог ревнитель* (9), *Бог милосердый* (3); *Бог, любящий прощать* (Неем. 9:17); *Бог, не любящий беззакония* (Пс. 5:5); *Бог, творящий чудеса* (Пс. 76:15); *Бог живой и присносуущий* (Дан. 6:26), *Бог спасения* (2), *Бог крепости* (Пс. 42:2); *Бог всякой благодати, призвавший нас* (1 Пет. 7:9); *Бог ангелов* (2 Пет. 2:4), *истинный Бог и жизнь вечная* (1 Ин. 5:20), *Отец светов* (Иак. 1:17) и др.

Вторичные номинации *Спаситель*, *Царь*, *Пастырь*, *Альфа* и *Омега* в текстах Ветхого Завета называют Бога, в Новом Завете – Христа; причём современное, внетекстовое представление о Спасителе обычно связывается только с именем Христа.

Замена в текстах Писания личного имени Бога привела к тому, что оно стало забываться, поэтому Иисус не только в молитве к Отцу говорит: «*Я открыл имя Твое человекам*» (Ин. 17: 6, а также Ин. 17: 26), – но и даёт своим ученикам образец молитвы: «*Молитесь же так: Отче наш, суищий на небесах! да святится имя Твое*» (Мф. 6: 9).

Собственным именем Христа является в Синодальном переводе греческое *Иисус* (от еврейского Иегошуа < Иешуа – ‘помощь Иеговы; Спаситель’), этимология которого отражает его миссию, отсюда русское именование *Спаситель*. Второе по частотности греческое имя *Христос*, как и *Мессия* (< евр. Машиах) – равнозначны русскому *Помазанник*, т.е. ‘лицо, помазанное на высшую власть’, отсюда *Царь* и *Первосвященник*. Широкое распространение в Синодальном переводе получило составное имя *Иисус Христос* (241).

Все вторичные номинации Христа так или иначе отражают его великое предназначение: древние пророчества о его рождении (*Еммануил* – евр. ‘с нами Бог’); сложные сущностные связи с Богом-Отцом (*Господь, Сын, Слово, Альфа и Омега*) и избранным Им народом (*Отрасль, Отрок*). Великое значение учения Христа, его служения людям и священный характер его искупительной жертвы отражают имена-метафоры *Пастырь, Лоза, Свет* и соответственно *Агнец*.

Таким образом, большинство собственных имён библейского ономастикона в сакральном аспекте – теонимы и демононимы – носит этимологически мотивированный характер.

Список литературы

- Библейская энциклопедия. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. (БЭ)
Библейская энциклопедия Брокгауза. М., Принткорп, 1999. (БЭБ)
Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические. В русском переводе с параллельными местами. М., 1990.
Библия. Современный русский перевод. М.: Российское Библейское общество, 2012.
ГРСНЗ – Греческо-русский словарь Нового Завета: Пер. краткого греческо-английского словаря Нового Завета Баркли М. Ньюмана / Пер. и ред. В.Н. Кузнецовой при участии Е.Б. Смагиной и И.С. Козырева. М.: Российское Библейское общество, 2008.
Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: курс лекций. М.: Издательский центр «Академия», 2004.
Полная симфония на канонические книги Священного Писания. 10-е издание. Сост. Цыганков Ю.А. «Библия для всех», СПб., 2010.

Словарь библейских образов. Под общей ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лонгмана III. Пер. с англ. Изд. 2-е. «Библия для всех», СПб., 2005. (СБО)
Священное Писание: Перевод нового мира. Brooklyn, New York, 2007.
Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прозерпина, 1994.

E.V. Bakanova

"Hallowed be Thy name" (the question of Name in the Russian Synodal Bible)

Analysis of proper names in the Russian Synodal Bible is interesting both when studying the naming culture in the Bible itself and when studying the acquisition of the Biblical onomasticon by the Russian language culture. The article is devoted to one of the aspects of studies of the Biblical Name.

Key words: the Russian Synodal Bible, name, secondary nominations, the name of God.

*Л.П. Батырева
(Шуя, Россия)*

Шуйские прозвища с диалектной основой

Деревенские прозвища, бытующие на территории Ивановской обл., не исследовались. Между тем этот лексический пласт может служить источником сведений о составе апеллятивной лексики говоров. Данная работа представляет обзор фактического материала, собранного в Шуйском и Палехском р-нах Ивановской области.

Ключевые слова: антропонимия, прозвище, говоры, диалектные апеллятивы, мотивы номинации.

Прозвища, как известно, широко бытуют в малом социуме, в частности, в сельской местности. Однако известные изменения в жизни деревни влекут за собой изменения в лексиконе говоров, в том числе, в составе прозвищных номинаций. Так, Г.В. Ковалёва, 1933 года рождения, жительница д. Привалье Палехского р-на сообщает, что в их *вотчине* (в окрестных деревнях) у всех мужчин до 1938–1940 гг. рождения прозвища были, тогда как у более молодых уже не было. Материал, собранный в д. Дроздово, датируется только 20–60 гг. XX в. Наше обращение к данной теме вызвано желанием записать и прокомментировать еще сохранившиеся, хотя уже только в памяти пожилых людей, языковые факты. В статье использован материал, собранный Е.С. Ставровским в д. Дроздово Шуйского р-на, А.К. Мухтаровой в д. Аристово Шуйского р-на, Е.В. Булгиной в д. Привалье Палехского р-на.

Деревенские прозвища лингвистами изучаются очень активно. Известны работы о смоленских, вологодских, красноярских, воронежских, тамбовских, липецких, владимирских, нижегородских прозвищах, прозвищах Орловщины, Урала, Кубани и др. Рассматриваются прозвища в разных аспектах: изучается семантика основ, структурные модели, способы номинации, синонимия и вариантность, их экспрессивность и др. Антропонимы интересны и как источник сведений о составе апеллятивной лексики говоров.

В качестве прозвища используются диалектные лексемы разных тематических групп, и в каждом случае – свои мотивы номинации. Так, прозвище *Бу'шма* (а *бушмой* в местных говорах называют брюкву) имеет такую мотивацию: *Бушма* – так как у женщины было круглое, белое лицо. Мужское же прозвище *Опа'рыш*, связанное с диалектным *опарыш* ‘кочан капусты’, – пример языковой игры, своего рода перевод с общеупотребительного на диалектный фамилии *Капусткин*. Поскольку цель прозвища – дать характеристику человеку, особенностям его внешности, характера, манеры говорить, выделить его индивидуальные черты, оценить их, логично, что прозвищем служит характеризующее существительное. В д. Аристово, например, слово *курна'вка*, именующее и характеризующее женщин маленького роста, стало прозвищем женщины маленького роста.

Не всегда, однако, в составе апеллятивной лексики говоров обнаруживается информация о мотивах номинации. В д. Дроздово, например, человека прозвали *Жохом*, так как он был жадный. Между тем лексема *жох* ‘жадный’ в шуйских говорах не отмечалась, а в лексикографических источниках находим следующее: *жох* – «1. Необразованный, грубый человек; мужлан. ... 2. Черствый, жесткий, неуступчивый человек ... 3. Сутяга. ... 4. Бестолковый или неумный человек. Шуйск. Влад., 1854. 5. Жулик, плут; мелкий вор» [СРНГ 9: 218]; «пройдоха, жулик» [СГКЗ: 111]; «2. Экспресс. Обманщик, мошенник, плут» [АОС, 14: 325], а также *жох* ‘пронырливый человек’ [ЯОСД 1: 230]; *жохарь* – «экспр. Лживый, изворотливый человек» [СРГК 2: 75].

Прозвище *Додон* (*плохо слышит, глухой*) тоже восходит к характеризующему существительному. Ср., однако: *додон* – «1. Нескладный человек. 2 Мифическое существо, которым пугают детей... 3 Прозвище [какое?]]» [СРНГ 8: 89]; «1. Человек высокого роста... 2. Заносчивый человек... 3. Болтливый, шумный человек...

4. Человек, имеющий большой аппетит... 5. Неповоротливый и ленивый человек» [ЯОС 4: 8]; «4. Как додон. Об упрямом своевольном человеке» [ЯОСД 1: 197]. В шуйских говорах *додонами* называют глупых, исключительно бестолковых людей. Апеллятив *додон* ‘глухой’ не известен, но фиксация лексемы в качестве онима позволяет предположить факт его существования.

В д. Аристово человек был прозван *Лямым*, так как был *кривоглазый*. Опрос местных жителей показал, что слово *лямой* действительно известно в значении ‘косоглазый’, ранее же оно отмечалось в шуйских говорах только в значении ‘хромой’ (*Соседка лямая была; Курица лямая!* (дразнилка) и др. Савинский, Шуйский, Южский р-ны. В Южском р-не записан глагол *лямать* ‘хромать’).

Мотивы создания большинства прозвищ уже забыты. Однако данные словарей дают возможность сделать предположения об их появления, об их связи с характеризующим существительным. Это касается, например, прозвища жителя д. Дроздово – *Ванька Гагара*. Ср. данные словарей: *гагара* – «1. О человеке, часто смеющемся громким отрывистым хохотом... 2. О высоком неуклюжем, плохо сложенном существе... 3. Прозвище человека, имеющего длинную шею» [СРНГ 6: 87–88]; «о высокой женщине» [ЯОС 3: 65]; «2. Перен., неодобр. О высокой неуклюжей женщине», как *гагара* – «неодобр. О громко смеющемся человеке» [ОСВГ 3: 20–21]».

Антропоним, таким образом, позволяет обнаружить новое, ранее не отмечавшееся значение соответствующего апеллятива или допустить факт его существования.

Прозвищем служит слово, производное от диалектной лексемы и являющееся единичной номинацией, бытующей только в качестве онима. Например: *Миша Телепало* – говорил часто фразу: «*Пойду потелепаю*», что значит – пойду поем. Глагол *телепать* ‘есть понемногу’ известен местным говорам. Он отмечен и в СРНГ [СРНГ 44: 5]. Однако существительное *телепало* фиксировать не приходилось. К этой группе фактов, вероятно, следует отнести прозвище *Бачан*. Ср.: *бачанить* ‘кричать’ [СРНГ 2: 16], *бачить* ‘говорить, разговаривать, болтать’ [СРНГ 2: 161; АОС 1: 134; КрКОС: 29; СРГС 1: 52; ОСВГ 1: 65–66]. Женское прозвище *Саморуха* (так как это дельная баба) связано с прилагательным *саморучный* (*саморушный*) ‘изготовленный в домашних условиях, вручную; самодельный’ [СРНГ 36: 100], ‘сделанный своими руками’ [СРГК 5: 630]. Прозвище *Жуля* отсылает к словообразовательному

гнезду с известным значением корневой морфемы: *жулить*, *жулик*, а в говорах – *жульница* ‘воровка, мошенница’, *жульничка* ‘плутовка, воровка’, *жультепа* ‘вор, обманщик’, ‘шайка воров, обманщиков’, *жулябие* ‘плутоватый человек’, *жулябий* ‘проныра, плут, обманщик’ [СРНГ 9: 226]; *жулистый*, *жулянский* ‘жуликоватый’ [ЯОС 4: 51].

Прозвищем становится имя собственное. См. запись, сделанную в д. Аристово: *Детей в детстве пугали Оганей. Мама моя рассказывает: «Помню, жила у нас в деревне одна бабка, звали ее Агафья, но дразнили Оганя. И ходила она всем по окнам стучала, оттого что глупая баба была да бедная, просила милостыню. Помню, ляжем спать, да балуем, нам мать с отцом и говорят: «Тихо, а то Оганя придёт сейчас». Мы испугаемся и лежим, не шевелимся. Кстати, меня мама с бабушкой в детстве тоже Оганей пугали, хотя уже её давно нет в живых. Имя собственное **Оганя** (в Словаре Петровского среди производных от имени Агафья названо Аганя; произношение же начального [о] – фонетическая особенность традиционных говоров) приобретает отрицательную коннотацию, становится прозвищем, и далее возникает нарицательное *оганя* ‘мифологическое существо, которым пугают детей’. Иначе говоря, происходит апеллятивизация имени собственного в частной диалектной системе.*

В наших материалах велико число прозвищных номинаций, которые информантами никак не комментируются, которые не обнаруживают связи с апеллятивной лексикой говоров и часто не находят какого бы то ни было обоснования факта своего появления в лексикографических источниках. Это, например, следующие лексемы: *Вова Лёлёка, Федя Чулябач, Серега Мулик, Славка Мурок, Вовка Бомбей* (д. Аристово); *Рин-та-та, Ганай, Моля, Молёк, Ханя (Ханёк), Паташ, Лялян, Каба’* (д. Привалье); *Гугай, Пырин, Шлепёна, Ёлишин (Елишин), Ратя (Ратюк), Бебеня* (д. Дроздово). Все они требуют дополнительного изучения. Может случиться, что фиксация апеллятива «внутри» онима – единственная память о нем в говорах, и было бы неправильно игнорировать это обстоятельство.

Список литературы

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой, Е.А. Нефедовой. Вып. 1–16. М., 1980–2015.

КрКОС – Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост.: Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова; отв. ред. Н.С. Ганцовская. Кострома, 2006. 347 с.

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров. Т. 1–9. Киров, 1996–2014.

СГКЗ – Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. XXXI. 512 с.

Словарь Петровского – Петровский Н.А. Словарь русских личных имен // Режим доступа (свободный). URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=226> (дата обращения: 22.04.2017).

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. В 6 т. / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1994–2004.

СРГС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева, М.Э. Рут. Т. 1–6. Екатеринбург, 2001–2014.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Т. 1–48. М.; Л./СПб., 1965–2015.

ЯОС – Ярославский областной словарь: В 10 вып. / Под ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.

ЯОСД – Ярославский областной словарь: Дополнения: в 2 т. / под науч. ред. Т.К. Ховриной. Ярославль: РИОЯГПУ, 2015.

L.P. Batyreva

Shuiskys nickname from the dialectal basis

Rustic nicknames, prevailing on the territory of Ivanovo region, has not been researched. Nevertheless, the lexical layer can serve as a source of information about the appellative vocabulary dialects. This paper presents an overview of the relevant material collected in Shuya and Palekh districts in Ivanovo region.

Key words: anthroponymy, nickname, dialects, dialectal appellative, the motives of the nomination.

*Е.Н. Варникова
(Вологда, Россия)*

Способы фиксации родства и происхождения животных в современной русской зоонимии

На русском материале в статье рассматриваются способы передачи родства и происхождения животных в разных видах зоонимов, отмечается специфика этих способов для каждого зоонимического вида. Как и в антропонимии, в зоонимии фиксация родственных отношений животных в их кличках определяет диахронические (вертикальные) связи зоонимов. Инициальный способ передачи генеалогических линий, представленный в кличках разных видов, является своеобразным преломлением аббревиации в современном русском языке.

Ключевые слова: русская зоонимия, способы передачи родства и происхождения животных, (диахронические) вертикальные связи зоонимов.

Зоонимы, как и имена собственные других разрядов, возникают и функционируют в определенном парадигматическом единстве. Таким единством является совокупность кличек конкретного множества животных (животных одного владельца, одной фермы, одного конного завода, одной цирковой группы и пр.), что определяет границы зоонимической микросистемы. Функционирование таких микросистем отмечается как в синхронии, так и в диахронии.

В синхронных микросистемах, характеризующихся выбором номинативной модели / моделей и отражающих тенденции к взаимосвязи кличек отдельного множества и одновременно к их дифференциации, прослеживаются горизонтальные связи зоонимов [Варникова 2017]. Диахронные зоонимические микросистемы действуют в тех же пределах и отражают вертикальные связи кличек. Диахронические связи обусловлены фиксацией родства или происхождения животных в их именах. Передача родственных отношений в зоонимах разных видов имеет свою специфику.

Наиболее разнообразны способы передачи родства в официальных кличках племенных лошадей. Эти способы неоднократно становились предметом специального рассмотрения ученых [Романова 1988, 1989; Щетинин 1994]. В их работах отмечены следующие способы 1) повторение имени одного из родителей (так образуются чаще клички самок): *Добрая* – дочь *Доброй*, *Забавная* – дочь *Забавной*, *Пригожай* – сын *Пригожая* [Романова 1989: 27, 29]; 2) повторение имени предка с добавлением цифрового определителя (этот способ характерен для образования кличек самцов): *Ширяй 2-й* – сын *Ширяя*, *Лебедь 1-й* – *Лебедь 2-й* – *Лебедь 3-й* – *Лебедь 4-й*, *Усильная 1-я* – дочь *Усильной* [Романова 1989: 27, 32], *Подарок II* – сын *Подарка I*, *Атласный II* – сын *Атласного I* [Щетинин 1994: 111]; 3) повторение основы материнского или отцовского имени при изменяющемся родовом окончании: *Азартной* – сын *Азартной*, *Бархатный* – сын *Бархатной* [Щетинин 1994: 110], *Богатый* – сын *Богатой*, *Молодецкая* – дочь *Молодецкого* [Романова 1989: 27, 30]; 4) изменение, добавление или опущение одного из элементов имени предка: *Барсик-Гнедой* – сын *Барсика*, *Забавный-Паровоз* – сын *Паровоза*, *Умница* – дочь *Умницы-Орловской*, *Лихая* – дочь *Лихой-Бабы* [Романова 1989: 27, 29]; 5) образование производных суффиксальных кличек: *Барсиха* – дочь *Барса*, *Красавцева* – дочь *Красавца* [Романова 1989: 27, 30], *Анетин* – сын *Анеты*, *Лебедёнок* – сын *Лебеда*, *Орлик* – сын *Орла*

[Щетинин 1994: 111]; 6) обратное словообразование: *Кольчуга* – дочь *Кольчужки*, *Метель* – дочь *Метелицы* [Романова 1989: 31]; 7) сложение имен родителей: *Атласный-Угрюмый* – сын *Атласного* и *Угрюмой* [Щетинин 1994: 111]; 8) создание клички по ассоциации с именами родителей (семантическая соотнесенность кличек базируется на отношениях синонимии, антонимии и тематической общности): *Мажор* – сын *Минорки*, *Мужик 1-й* – сын *Бабы*, *Проворная* – дочь *Быстрой* [Романова, 1989: 27, 28], *Ворожея* – дочь *Колдуна*, *Пройда* – дочь *Ловкого* [Щетинин 1994: 112]; 9) создание клички по принципу инициального соответствия с именами родителей: *Газик* – сын *Гастроли* и *Апатита* [Романова 1989: 27].

В исследованиях Т.П. Романовой описывается эволюция системы способов передачи родства в официальных кличках племенных лошадей. Как пишет автор, в документах Хреновского конного завода до середины XIX века отмечаются способы, непосредственно передающие происхождение животных (повторение имени одного из родителей, повторение имени предка с добавлением цифрового определителя, образование производных суффиксальных кличек и др.). С середины же XIX века основным способом фиксации родственных связей лошадей становится создание кличек по принципу инициального соответствия с именами родителей. Этот способ позволяет кодировать в кличках информацию уже не об одном, а об обоих родителях, что очень важно для селекционной работы [Романова 1989: 28–32]. Не случайно поэтому изменения в правилах именованья лошадей на этом заводе Е.В. Гусева связывает с фактом его перевода в государственную собственность в 1845 году [Гусева 2003: 35]. «В условиях государственного (в особенности социалистического) коннозаводства» инициальный способ «становится общеобязательным» [Романова 1989: 31].

И в настоящее время в племенном коневодстве основным способом передачи родства животных является инициальная фиксация: в кличке жеребенка передается его полное происхождение по матери (первая буква клички) и отцу (буква в одном из следующих слогов): *Волынка* – от *Вязьмы* и *Лукавого*, *Статус* – от *Симы* и *Таланта*, *Мечта* – от *Маруси* и *Чина* и под. и наоборот: *Доха* – от *Движка* и *Ханки*, *Жемчужина* – от *Жребия* и *Аварии*, *Прима* – от *Прометейя* и *Магдалины* и др. [Щетинин 1994: 112–113]. Широкое распространение этого способа определяется не только его удобством для проведения селекционной работы, но и общей тенденцией к

формальной номинации в современной русской зоонимии. Однако в кличках инициального типа степень определенности указания на родство в силу его закодированного характера значительно уменьшилась.

Способы прямой фиксации родства в кличках лошадей, по мнению Т.П. Романовой, «заимствовались из других, более развитых в этом отношении разрядов ономастической лексики, в частности из русской антропонимии, для которой характерен тип патронимического имени, или из народной зоонимии, где повторение кличек – обычное и естественное явление» [Романова 1989: 31]. Действительно, повторение имени предка и образование суффиксальных производных в кличках лошадей имеют прямые аналогии в истории русской антропонимии дофамильного периода. Формирование таких моделей в исторической иппонимии (гиппонимии) отражают документы монастырской письменности XVII века: кобыла *Просвирня* – кобыла *Просвирнина доч*, кобыла *Нырок* – кобыла *Ныркова дочь Ляля*, кобыла *Дмитриевка* – кобыла *Дмитриевкина дочь*, кобыла *Улита* – жеребец *Улитич* [Одинцов 1980: 192–196]. То есть те «редкие случаи прямой квалификации родственных отношений в иппонимии», осуществляемые с помощью лексических и словообразовательных средств, характерных для антропонимии (*Дочь-Улова*, *Внук-Улова*, *Правнук-Леля*, *Догоняй – Догоняева*, *Барс – Барсова*), о которых пишет Т.П. Романова [Романова 1989: 33–34], имеют более глубокие корни. Следовательно, период функционирования таких номинаций в кличках лошадей не может быть ограничен только первой половиной XIX века. Документы конных заводов, скорее всего, отражают преемственность номинативных традиций.

Пришедший на смену способам, непосредственно передающим происхождение животных, и получивший широкое распространение в официальных кличках лошадей инициальный тип номинаций отмечен и в других видах зоонимов, в частности в кличках племенных коров. Однако при выращивании крупного рогатого скота используются иные правила фиксации генеалогических линий животных. Эти правила различны для племенного и откормочного животноводства.

В племенных хозяйствах «для крупного рогатого скота применяют метод присвоения кличек по начальной букве матери. Так, все нарождающиеся от коровы *Нота* (курсив наш – В. Е.) телята

независимо от пола и происхождения по отцу будут называться с буквы «Н», например, *Нитка, Нева, Ночка, Нарцисс, Ноктюрн*» [Сборник кличек крупного рогатого скота 1970: 5]. Такая система именованья приплода необходима для проведения селекционной работы.

В откормочных хозяйствах, где знание происхождения не играет большой роли, применяют систему кличек, отражающих возраст, год рождения животного. При этой системе весь нарождающийся в году приплод получает клички, начинающиеся только с одной буквы, например, «А»: *Абрикос, Азот, Азбука, Айва* и др. На следующий год все клички начинаются с буквы «Б» и т.д. При этом имена даются только ремонтному молодняку, который вводится в стадо. Бычков и выбракованных телочек, идущих на мясо, оставляют без кличек, только с инвентарными номерами [Там же]. Однако, как показывает практика, такие правила присвоения кличек выдерживаются далеко не всегда: во многих хозяйствах свой порядок номинации животных, обычно эта номинация связана с выделением по породным или племенным свойствам с помощью начальных букв кличек разных категорий животных [см. об этом подробнее: Варникова 2010: 314]. Инициальная фиксация родословных или других характеристик животных делает информацию, закодированную в кличках, доступной лишь специалистам.

В частных хозяйствах клички коров, как правило, исторически не связаны между собой: *Сонька – Динка – Чайка – Зорька – Розка – Ночка* (коровы, принадлежавшие в разное время одному хозяину). Достаточно часто животных, сменяющих друг друга, называют одним и тем же именем, например, *Милка* или *Голубка*. В нашей картотеке зафиксирован пока только один пример диахронной микросистемы одноструктурных кличек коров, отражающих масть животных: *Белоха – Черноха – Красноха – Пестроха – Бурёха – Пятноха*.

В кличках собак исторические связи прослеживаются спорадически. При этом используется один из способов, известный по кличкам лошадей, – повторение зоонима с добавлением цифрового индекса: *Журишка IV, Легенда II, Нора VIII, Тиран II, Том III, Фея II* и др. Этот способ, как известно, используется и в антропонимии, например, в именовании российских императоров: *Николай I – Николай II, Пётр I – Пётр II – Пётр III* и др. Цифровой индекс в антропонимах обязательно указывается и в письменной, и в устной речи, в зоонимах – только в письменной.

В кличках беспородных кошек родословие обычно не отражается, за исключением шуточных образований типа *Василий Васильевич, Муська Барсиковна, Филипп Филиппович (Филя), Тихон Васильев сын Махряковых Кякша Рваное Ухо Мордолоб (Тишка)* и др. Клички породистым кошкам присваиваются по особым правилам: имена всего помета должны начинаться на букву, которую определяют заводчик, клуб (фелинологический центр) или питомник (алфавитный порядок букв обычно отражает последовательность пометов), кроме того, в кличке указывается название питомника, где приобретено животное, например, *Бриджит Бардот Роскошь Юга* (домашняя кличка *Бека*), *Максим Анемона Бланда* (домашняя кличка *Макс*), *Олли Снежный Барс* (домашняя кличка *Алиса*) (*Роскошь Юга, Анемона Бланда, Снежный Барс* – названия питомников) и др.

Подведем некоторые итоги. В разных видах кличек способы фиксации родства и происхождения животных различны. Наибольшим разнообразием в передаче родственных отношений традиционно характеризуются клички племенных лошадей. Однако в XIX–XX вв. система отражения их генеалогических линий в зоонимах претерпела значительные изменения. До середины XIX века использовались способы, непосредственно передававшие происхождение животных, с середины XIX века основным способом фиксации родственных связей лошадей становится создание кличек по принципу инициального соответствия с именами родителей. Инициальный принцип создания имен иногда используется также в кличках племенных коров, но их родство передается только по материнской линии. В кличках собак родословие прослеживается sporadически. При этом применяется один из способов, известный по кличкам лошадей, – повторение родительского имени с добавлением цифрового индекса. Своеобразно передается происхождение животных в кличках клубных кошек. Все рассмотренные способы передачи родства первоначально известны русской антропонимии. Фиксация родственных связей животных в их кличках определяет диахронические (вертикальные) связи зоонимов. В инициальном типе кличек находит особое преломление аббревиация как способ словообразования.

Примечание

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Департамента экономического развития Вологодской области.

Список литературы

Варникова Е.Н. Вакконимы как зоонимический класс // Ономастика Поволжья: сборник материалов XII Международной научной конференции (Казань, 14–16 сентября 2010 г.) / под ред. И.А. Гилязова. Казань: Отечество, 2010. С. 312–316.

Варникова Е.Н. К вопросу о системности русской зоонимии // В созвездии слов и имен: сб. науч. ст. к юбилею Марии Эдуардовны Рут / редкол.: Е.Л. Березович (отв. ред.), Т.Н. Дмитриева, Н.В. Кабинина и др. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 133–146.

Гусева Е.В. Клички клубных животных // Сборник трудов участников IV межвузовской конференции молодых ученых / отв. за вып. О.Л. Леханова. Череповец: Изд-во ЧГУ, 2003. С. 34–36.

Одинцов Г.Ф. Из истории гиппологической лексики в русском языке. М.: Наука, 1980. 224 с.

Романова Т.П. Иппонимическая система способов фиксации родства и её эволюция // Системность языковых средств и их функционирование: сб. науч. тр. / отв. ред. проф. Е.С. Скобликова. Куйбышев: Куйбышевск. гос. ун-т, 1989. С. 26–34.

Романова Т.П. Система русских официальных иппонимов и формирование ее типологических черт: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1988. 22 с.

Сборник кличек крупного рогатого скота / под ред. Н.П. Смирнова. М.: Россельхозиздат, 1970. 100 с.

Щетинин Л.М. Клички лошадей // Русская ономастика и ономастика России. Словарь / под ред. О.Н. Трубочева. М.: Школа-Пресс, 1994. С. 107–114.

E.N. Varnikova

The means of indicating the kinship and origin of animals in the modern Russian zoonymic system

The article focuses on the means of indication of animals' kinship and origin on the basis of the modern Russian zoonymic system. In this respect, the author describes different types of zoonyms and analyses the denomination of animals' kinship and origin for each type. As in anthroponymy, the indication of animals' kinship in their nicknames is determined by diachronic (vertical) connections of zoonyms. The initial method of transmission of genealogical lines, which is represented in animals' nicknames of different types, is a kind of interpretation of abbreviation in the modern Russian language.

Keywords: Russian zoonymics, means of indication of animals' kinship and origin, (*diachronic*) vertical connections of zoonyms.

К.О. Васяева
(Арзамас, Россия)

Семейные прозвищные комплексы в говорах части Сергачского района Нижегородской области

Статья посвящена феномену семейных прозвищных комплексов, функционирующих в ряде смежных нижегородских микросистем, представлены пути их формирования, способы деривации, типология.

Ключевые слова: прозвище, говор, прозвищный семейный комплекс, уличная фамилия, способ образования, коллективное прозвище, индивидуальное прозвище.

Структура наименования человека в русском языке делится на официальную, юридически закреплённую и неофициальную. Официальная является трёхкомпонентной: личное имя, отчество и фамилия. Неофициальная представлена различными вариантами: фамилия и личное имя, личное имя и отчество, только фамилия, только отчество, трансформированное личное имя и др. В большинстве случаев неофициальная структура наименования является одно- или двухкомпонентной. Возникновение подобных вариантов связано, в первую очередь, с тем, что неофициальное именование человека функционирует в бытовой речи и не является обязательным.

Одним из компонентов неофициальной структуры именованья является прозвище – «дополнительное неофициальное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством, по какой-либо аналогии, по происхождению и другим мотивам» [Подольская 1988: 111]. В неформальном общении именно прозвище выступает в роли идентификатора личности, отражает её характерные особенности и жизненные установки.

По характеру социума, по месту возникновения и функционирования прозвища делятся на индивидуальные и коллективные, вторые – на сельские, профессиональные, детские, школьные и другие. Особое место в этой типологии занимают семейные прозвища. По своей сути они аналогичны семейным личным именам: «Семейное имя (личн.) – имя, часто используемое в нескольких поколениях данной семьи» [Подольская 1988: 75].

Специфику перехода прозвищ потомкам можно проследить на основе семейных комплексов. Прозвищный семейный комплекс – это

совокупность однокорневых (одноосновных) прозвищ членов одной семьи, представителей разных поколений.

В говорах смежных сёл Красная Пустынь, Чуфарово, Яново Сергачского района Нижегородской области прозвищная номинация осуществляется по нескольким типам, в том числе отражающая родственные отношения и переход соответствующих единиц по наследству. На этой основе выделяется две группы прозвищ: индивидуальные (принадлежат конкретному человеку в том числе и как члену семьи) и коллективные (наименование всей семьи и каждого члена семьи в отдельности).

В говорах указанных сёл насчитывается 38 семейных комплексов, каждый из которых образует своеобразную микроантропонимическую систему (гнездо) в виде прозвищной пары или цепочки.

При переходе на членов семьи прозвище либо не изменяется внешне, меняя лишь свой референт: Вантур (*атца так у них звали*), Кирим (*атца Валерика так звали Киримом, а потом сына стали так звать*), Скворец (*атец был Скварцом, типерь его все зовут так*) и др., либо служит базой для образования новой однокорневой номинанты: Вика Дух (*атца всю жизнь зовут Душман, а ана Дух атниво*), Катя Пашина (*муж был Паша, а ана жена, значит Пашина*), Перчиха (*мужа звали Перец, а её как жену Перчиха*) и др. Этот переход осуществляется по следующим направлениям:

- от отца к сыну: Монах (*Санька так звали сначала, типерь дитей так зовут Сирёгу и Саику*), Лёнок (*атца Лёнок кричали, а потом детям пиришло*), таковы же: Ашот, Вантур, Душман, Липат, Люля, Кирим, Перец, Попонька, Саксей, Симка, Скворец, Цыган;
- от отца к дочери: Мала (*Атец был в симье младшай, звали Малым, а потом дочь стали звать Юлька Мала*), Наташка Бизон (*Атец был Бизон, потом дочь звать стали*), Вика Дух;
- от матери к дочери: Фалева Наташка (*Мать звали Райка Фалева, а типерь Наташку зовут*);
- от мужа к жене: Куяниха (*Муж у ей был Куян, а ана Куяниха*), Валька Бригадирка (*Муж был бригадир у ей*), Катя Пашина, Попоша, Перчиха, Катя Тулупиха;
- от деда к внуку: Борзой (Борзый) (*Ево сабака укусила, Борзым празвали, а потом ребятишек*);

- от деда к сыну и внуку: Ёжик (*У них так звали отца, потом пиришлока всем сынавьям*), Кизим (*Деда так звали пачиму-та, сыну пиришло, тинерь внуку*), Колька Кузьмич;
- от бабушки к дочери и внукам: Воробей (*Эта так Райку Миньшову завут, дочьу ней тоже празвали так, а тинерь внукав называют*).

При формировании семейных прозвищных парадигм действуют различные деривационные процессы.

Продуктивным является лексико-семантический способ, своеобразная трансонимизация, так как первичное прозвище меняет лишь свое референциальное значение, как бы разветвляясь, раздваиваясь: Ашот – Ашот (*атца завут, он чёрнай, смуглай, тинерь сын такой жа*), Цыган – Цыган (*по атцу передалось, он тоже чернай*); аналогичны Борзой, Вантур, Воробей, Душман, Ёжик, Лёнок, Липат, Люля, Кизим, Кирил, Монах, Перец, Попонька, Попоша, Саксей, Симка, Скворец. Проявляется и типичная трансонимизация, то есть перенос единицы одного онимического разряда в пределах антропонимической парадигмы в другой: Кузьмич ← отчество Кузьмич, Харен ← личное имя Харен. Онимизация активно действует и при образовании прозвища главы семьи как основы семейного прозвищного комплекса, при этом происходит онимизация апеллятива.

Проявляет активность морфологический способ, а именно суффиксация, особенно типы с суффиксами *-к-*, *-их-*: Бригадирка ← Бригадир, Перчиха ← Перец, Тулупиха ← Тулуп и др.

Представлен синтагматический способ (или атрибуция), по которому «создаются биноминанты – единицы в виде субстантивного словосочетания с зависимым адъективом. Суть его состоит в присоединении к существительному <...> прилагательного-конкретизатора. <...> Образованное таким образом словосочетание лексикализуется и в целом выполняет единую онимическую функцию» [Климкова 2008: 223]: Горновы ребята, Сузанкины ребята, а также усечение по аббревиатурному типу: Дух ← Душман.

С прозвищными комплексами связана и категория уличных (напаспортных) фамилий – неофициального наименования всей семьи и тем самым каждого ее члена, например: Милкины (*атца звали, патаму что малинькай ростам, тинерь и сына завут, и всю симью*). Появление их мотивировано различными причинами, что позволяет выделить следующие типы номинации главы семьи: по

внешним признакам, по роду занятий, профессии, существует ситуативный тип номинации, по которому прозвище дается в связи с определенным случаем, особой ситуацией [Васяева 2016: 94-95].

Парадигма уличных фамилий в анализируемых говорах включает 24 единицы: Дергуновы (*Дедушка был высокай, прозвали Дергуном, а потом и семью, пригаваривали: всё Чуфарово – Дергуновы, а Яново – Раковы*), Офицеровы (*Кто-та из их семьи надел на себя солдатский мундир да пошёл на улице, а все подумали, что эта какой-та афицер идёт, не узнали ево, так и назвали Афицерам, а потом и всю семью звать стали Афицеравы*), Саввушкины (*Дед был Савва, всю семью прозвали*), а также Аганькины, Агашкины, Афанасьевы, Баранщиковы, Валяськины, Грибчиковы, Данилины, Зеленеёвы, Мамусевы, Марыськины, Мешалины, Милкины, Мурманские, Нюронькины, Палосовы, Пильщиковы, Пичугин, Фитины и др.

Наблюдается и обратное явление – переход уличных фамилий в разряд индивидуальных прозвищ, например: *Кузькин* ← уличная фамилия *Кузькин*, *Пичугин* ← уличная фамилия *Пичугин*. Однако переход был вызван экстралингвистической причиной: остался только один носитель уличной фамилии.

Следует выделить группу индивидуальных прозвищ, оформленных по одному деривационному типу уличными фамилиями: при помощи суффиксов *-ин-, -ов- / -ев-*, так, от имен Дуня, Груня, Елена, Лиза были образованы прозвищные номинации: Витька Лизин (*У нево мама Лизой была, вот так ивопразвали*), Грунчев (*Мать у ниво была Груня*), Дуняшкин (*мать была Дуня, потом сына звать стали, тинерь внука*), Еленин (*Мать звали Елена, имя, а он раз сын, то Еленин*). Аналогично возникли прозвища Ватрунькин, Дырдыськин, Стычкин, Фалева. Данные прозвища также входят в семейный комплекс, так как называют членов семьи и имеют общий корень с другими наименованиями родственников.

Одной из примечательных особенностей прозвищной номинации является наличие нескольких единиц у первичного носителя – полионимия, причем при переносе прозвищ на членов семьи данная особенность сохраняется: переходят все прозвища, принадлежащие первичному носителю: Липат (*ни знай, так празвали Липат, кто сказал, а потом и сыну пиришло*), Папонька (*Папонька завут и атца, и сына так называют*); Лёнок (*атца Лёняй кричали, а потом детям пиришло*), Кизим (*звали сначала атца так, а тинерь*

дтей, внукам уж приходит; Кузьмич (у ниво отец был Кузьмич, а сын тперь Коля Кузьмич), Кузькин (звали атца у ниво сначала, а тперь Кольку завут Кузькин).

Таким образом, прозвищная номинация – активное явление, функционирующее в отдельных микросистемах Сергачского района Нижегородской области, в том числе в виде семейных прозвищных комплексов – прозвищных пар (чаще от отца к сыну) или последовательных онимических цепочек (от деда к отцу и внуку). При этом прозвище выступает в качестве наименования как семьи в целом, имея статус коллективного, так и конкретного человека, отдельного члена семьи, являясь индивидуальным.

Список литературы

Васяева К.О. Прозвищная номинация в микросистеме: взгляд через призму времени // Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 13-16 сентября 2016 г.) / под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас – Саров: Интерконтакт, 2016. 529 с.

Климкова Л.А. Нижегородская микропонимия: разноаспектный анализ. Арзамас: АГПИ, 2008. 261 с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

K.O. Vasyaeva

Family prosveshnyye complexes in the dialects of parts the Sergach district of Nizhny Novgorod region

The article is devoted to the phenomenon of family prosveshnyye complexes, functioning in a number of adjacent Nizhny Novgorod microsystems, presents the ways of their formation, methods of derivation, typology.

Key words: nickname, dialect, prosveshnyye family complex, street name, method of education, collective nickname, personal nickname.

T.N. Volynets

(Minsk, Belarus)

Имя собственное и его функциональная семантизация в мемуарной литературе

В статье рассматриваются особенности процесса семантизации имени собственного в мемуарной литературе: а) прецедентность онимов (как правило, в текст мемуаров вводятся «культурно значимые имена» с уже сформированным в социуме содержанием); б) концентрация в ближайшем текстовом окружении онимов синтагматических развёрнутых конструкций,

которые позволяют автору давать разноаспектные (процессуальные и атрибутивные) характеристики своим современникам; в) субъективность и противоречивость авторских оценок, что нередко приводит к формированию различных вариантов семантического наполнения одного и того же имени собственного.

Ключевые слова: имя собственное, функциональная семантизация, синтагматические конструкции, фразовые номинации, мемуары.

«Текст – это средоточие функций языковых единиц, которые, так или иначе, функционально ориентированы на обеспечение качественной определенности текста в его формально-структурном и содержательном аспектах» [Мороховская 1989: 101], поэтому при построении любого текста наблюдаются два процесса: подбор языковых средств в зависимости от установок и интенций автора, с одной стороны, и преобразование языковых единиц в результате их взаимодействия с элементами контекста, с другой.

Мемуары – это особая, весьма специфическая разновидность текста, для которого характерны фактографичность, событийность, отражённое авторское восприятие и видение пережитого и, как следствие этого, субъективность. У мемуарного текста свой оттенок времени – «время, пропущенное сквозь воспринимаемую личность» [Шайтанов 1979: 57], свой предмет изображения, свой герой. Как правило, это незаурядная личность, при описании которой перед автором стоит сложная задача – создать не монумент, а портрет живого человека со всеми его достоинствами и недостатками, слабыми и сильными сторонами его натуры. Каждый писатель-мемуарист идёт своим путём, однако, рассказывая о том, что пережито, он из всего арсенала языковых средств, находящихся в его распоряжении, в первую очередь актуализирует имена собственные. Эти языковые знаки оказываются востребованными в своей прямой номинативно-опознавательной функции, но в тексте они, как правило, начинают соотноситься с разными типами номинативных единиц, которые, во-первых, замещают имена собственные, чтобы избежать однообразия повествования, а во-вторых, выполняют информативную и оценочно-характеризующую функции, чтобы отразить отношение автора к своему современнику.

Цель нашей статьи – выявить и охарактеризовать языковые средства, участвующие в процессе функциональной семантизации имен собственных в мемуарах Н. Берберовой и З. Гиппиус.

В качестве источников материала мы использовали автобиографию Н. Берберовой «Курсив мой» и воспоминания З. Гиппиус «Живые лица», «Дмитрий Мережковский». В данных произведениях мы находим психологическую интерпретацию катастрофического времени русской революции 1917 г. и блестящие, психологически убедительные, художественно достоверные портреты русской эмиграции 20-х – 40-х годов.

Используя метод сплошной выборки, мы получили 613 (без учёта повторяющихся номинаций) языковых единиц, используемых Н.Н. Берберовой и З.Н. Гиппиус (277 и 336 соответственно) для создания портретов современников. Имена собственные как первичные наименования, репрезентирующие лицо, вводятся в текст в разных структурных вариантах (фамилия, псевдоним, имя, имя + отчество, имя + отчество + фамилия, имя + фамилия). См., например, у Н.Н. Берберовой – *Горький, Максим Горький, Алексей Максимович, Пешков, Дука; Владислав Фелицианович, Владислав Ходасевич, В.Ф. Ходасевич*; у З.Н. Гиппиус – *Боря, Боря Бугаёв, Б. Бугаёв, Андрей Белый; Дмитрий Сергеевич, Д. С., Дмитрий Сер-ч Мережковский* и т.д.

Выбор имени иногда мотивируется самим автором и отражает степень его знакомства (близкие, дружеские / официальные, деловые отношения) с субъектом воспоминаний, масштаб личности современника или какие-либо характерные черты, ср.: *Если Борю иначе, как Борей, трудно было назвать, Блока и в голову не пришло бы звать «Сашей»* [Гиппиус 1991: 13].

Довольно часто имена собственные вводятся в текст в сочетании с именами прилагательными или существительными, в результате появляются неоднословные номинативные конструкции, которые не только называют, но и характеризуют реально существовавшее лицо: *правдивый Блок, встревоженный Д.С., весь мягкий, сладкий, ласковый Боря, поэт Валерий Брюсов, новатор Дягилев, прежний насмешливый и остроумный Брюсов; бледный, худой после болезни Набоков*. В этом случае информативное поле имени собственного расширяется, однако для создания полноценного портрета («живого лица») современника обычно в тексте используются такие текстовые семантизаторы имен собственных, как: однословные лексические номинации, синтагматические и фразовые конструкции, атрибутивные конструкции с причастными оборотами и однородными определениями, характеризующими и оценивающими лицо с разных сторон.

Однословные лексические номинации, обнаруженные нами в мемуарных текстах, немногочисленны (20 лексем у Н. Берберовой и 43 – у З. Гиппиус), но достаточно регулярны. Обычно они выполняют 2 функции: а) текстообразующую (в этом случае они используются как текстовые корреляты имен собственных и вводятся в текст для развития темы, нередко предваряя появление имени собственного); б) оценочно-характеризующую (как правило, в позиции одиночного приложения или предиката). См.: «...а вы ничего не знаете о новоявленном, вашем же, петербургском, **поэте**? Это юный **студент**, – нигде, конечно, не печатался. Но, может быть, вы с ним случайно знакомы? Его фамилия **Блок**». [Гиппиус 1991: 8]. Или: см. у Н. Берберовой: *барин* (И. Бунин); *европеец* (Д. Мережковский), *политик* (А.Ф. Керенский).

Синтагматические конструкции, окружающие имя собственное в тексте, востребованы как в мемуарах Н. Берберовой, так и в мемуарах З. Гиппиус (96 и 182 соответственно): *большой поэт, председатель «Союза поэтов»* (Н. Берберова о Н. Гумилёве); *московский декадент, большевистский цензор, сумасшедше-жестокый коммунист* (З. Гиппиус о В. Брюсове).

Особый интерес среди синтагматических конструкций вызывают: а) сложные словосочетания; б) атрибутивные однородные ряды (при имени собственном или его текстовом корреляте). Данные номинативные единицы позволяют охарактеризовать субъекта воспоминаний с разных сторон, выделить его из общей массы, укрупнить его личностные качества, подтвердить или, наоборот, опровергнуть сформированное в общественном сознании мнение о значимости и масштабности его личности. Так, Н. Берберова, говоря о И. Бунине, использует такие лично-характеризующие номинации, как: *человек прошлого века, абсолютный и закоренелый атеист, злой и мрачный писатель*; имя собственное А. Ахматова Н. Берберова вводит в текст в окружении атрибутивных лексем – *стройная, красивая, черноволосая, изящная Ахматова*. З. Гиппиус, описывая А.Н. Толстого, семантизирует имя собственное с помощью следующих номинаций: *талантливый аморалист, индивидуум новейшей формации, никому не известный писатель*.

Большим информационным и дифференцирующим потенциалом обладают фразовые номинации. Они в полной мере компенсируют «семантическую пустоту» имени собственного, эксплицируя целый спектр признаков, с помощью которых достигается максимальная

конкретизация при репрезентации описываемых лиц. В мемуарных текстах фразовые номинации – это чаще всего сложноподчиненные предложения с определительной придаточной частью, функциональное назначение которой – характеристика и описание, либо выделение лица из ряда других лиц. Данные конструкции синкретичны в своей основе: в их составе могут объединяться как обобщённо-классифицирующие номемы (*он, она, человек, существо*), так и индивидуально-характеризующие номинации, осложнённые развёрнутым определением. Так, например, Н. Берберова активно использует фразовые номинации при описании Н. Гумилёва: *этот человек, которому я не смела сказать ни ласкового, ни просто дружеского слова; консервативный пожилой господин, который, вероятно, до сих пор иногда надевает фрак и цилиндр; человек далёкого прошлого, который не только не понимал своё время, но и не пытался его понять*. З. Гиппиус вводит фразовые номинации в текст при характеристике В. Брюсова (*недурной поэт, которого потом включили в число символистов*), В. Розанова (*такой нищий, что на вокзале собирает окурки; не такой подлец, чтобы думать о морали*); Н.А. Бердяева (*известный марксист, который вместе со своими друзьями начал переходить от марксизма к «идеализму»; тот самый бывший марксист, с которым я провела в разговорах столько петербургских поздних вечеров; один из «идеалистов», которым мы передали «новый путь»*).

Высокая степень информативности и структурный синкретизм свойственны также конструкциям с обособленными членами (причастными оборотами, или согласованными однородными определениями, или приложениями), сопровождающими имя собственное (или его коррелят) в тексте. Данные номинации, так же как и фразовые номемы, позволяют автору представлять своих героев в динамике и статике, давать им развёрнутые и разноаспектные (процессуальные и атрибутивные) характеристики. Создавая яркие, психологически убедительные портреты своих современников, З. Гиппиус акцентирует внимание на любопытных, выразительных деталях, в которых отражаются подмеченные автором качества личности или знаковые жизненные ситуации, ср.: *европейский писатель, проживший всю жизнь и её кончивший в крайней бедности* (о Д. Мережковском); *Не метафизик, не философ – он очень любил историю, умел её изучать, иногда предавался ей со страстью* (об А. Блоке); *человек-беззаконник, живущий среди людей и зная не*

желающий их неписанных, но твёрдых уставов (о В. Розанове); он, вечно в себе неуверенный и склонный преуменьшать свои силы в любой области (о Д. Философове). Н. Берберова также использует развёрнутые номинации для разноаспектной характеристики современников. Вспоминая о В. Ходасевиче, она использует следующие конструкции: он, не имеющий в себе ни капли русской крови; измождённый бессонницами и не находящий себе места человек; скептик, разрушающий вокруг себя всё, не создавая ничего; он, обуянный страшной усталостью и пессимизмом, чувством трагического смысла вселенной. Говоря о личностных качествах И.А. Бунина, Н. Берберова замечает: не мелкий, злобный, ревнивый и чванный человек, а большой писатель, не нашедший себе настоящего места в своём времени; М. Цветаева на страницах автобиографии «Курсив мой» изображается как человек, отодвинувший свои заботы, полный творческих выдумок; человек, не созревший для осознания своих настоящих и будущих реакций; человек, не видящий себя, не знающий своих жизненных (и женских) возможностей; поэт-урод, непризнанный и непонятый.

Все выше названные типы номинаций, разбросанные по тексту мемуаров, группируются вокруг имен собственных, отражая авторское видение современника (или близкого по духу человека), объективируя оценки и восприятие описываемого лица и создавая своеобразный микротекст, нередко не совпадающий с официальными оценками прецедентной для русской культуры личности.

См., например, как представлен Андрей Белый в автобиографии Н. Берберовой «Курсив мой» и в воспоминаниях З. Гиппиус «Живые лица» (см. *Табл. 1*).

Авторы актуализируют абсолютно разные личностные характеристики А. Белого и представляют их, пропуская через своё восприятие, не особенно задумываясь над соотношением объективного и субъективного в оценках. *Юродствующий гений; потрясённый раскрывшимся перед ним одиночеством человек; один из великих моего времени – так представляет героя своих воспоминаний Н. Берберова. Потерянное дитя; воплощённая неверность; мой друг, всегда потенциально-предательский; баловень, фантаст; капризник, беззаконник, то наивный, то наивничающий, не гений, гением быть и не мог – такой психологический портрет А. Белого создаёт З. Гиппиус.*

Номанации Андрея Белого у Н. Берберовой и З. Гиппиус

Н. Берберова «Курсив мой»	З. Гиппиус «Живые лица»
<i>Белый, Андрей Белый, Борис Николаевич Милый Боря Милый, хороший Борис Николаевич</i>	<i>Боря, Бугаев; Б.Бугаёв; Борис Николаевич Андрей Белый</i>
<i>бедный, мятущийся Боря</i>	<i>юный Боря Бугаёв бедный Боря</i>
<i>«сын своей матери», но не сын своего отца»</i>	<i>«христианнейший антропософ» А.Белый; самый преданный ученик Штейнера; ярый штейнерианец</i>
<i>юродствующий гений</i>	<i>весь мягкий, сладкий, ласковый Боря; весь извивающийся, всегда танцующий Боря;</i>
<i>опасный сумасшедший</i>	<i>весь лёгкий, как пух собственных волос в юности, Боря Бугаёв; не гений, гением быть и не мог;</i>
<i>потрясённый раскрывшимся перед ним одиночеством человек</i>	<i>исключительно неправдивый Боря; мой друг, всегда потенциально- предательский; воплощённая неверность</i>
<i>раздражённый и особенно напряжённо улыбающийся человек</i>	<i>страстный враг Блока; вчерашний страстный друг Блока; друг-враг Блока;</i>
<i>один из великих моего времени</i>	<i>«потерянное дитя»</i>
<i>существо, не поддержанное идеей, скользящее в гибель, ищущее защиты от судеб</i>	<i>удивительное существо; существо само по себе оригинальное;</i>
<i>он, возвращённый в свою исконную беззащитность человек</i>	<i>баловень, фантаст; капризник, беззаконник, то наивный, то наивничавший;</i>
	<i>тот самый молодой московский поэт и писатель, что жил у нас в Петербурге, наезжая из Москвы студент-естественник</i>

Различное семантическое наполнение наблюдается и у имени собственного М. Горький. Противоречивость и сложность натуры М. Горького порождает целый ряд контрастных по своим оценкам

номинаций, отражающих неоднозначное к нему отношение авторов и современников.

Для Н. Берберовой, которая изначально нацелена на беспристрастное повествование, Горький, с одной стороны, – это *великий писатель, автор «Матери», умный, не похожий на остальных людей человек, проживший большую, трудную и замечательную жизнь; хозяин дома; человек, с которым под одной крышей я прожила три года, которого видела здоровым, больным, весёлым, злым, в его слабости и его силе*, а с другой – *писатель, лишённый дара предвидеть ближайшее будущее; хозяин, который смотрит поверх всех и барабанит пальцами по столу* [Берберова 1996: 206, 210].

В мемуарах З. Гиппиус портрет М. Горького весьма нелицеприятен. Имя собственное окружено микротекстами с ярко выраженными отрицательными коннотациями. Писателю даются издевательские, уничижительные характеристики, воспоминания о нём проникнуты желчью и сарказмом: *этот человек «из народа», «из страдающих низов»; творец русской катастрофы; «пророк», прежде всего не только не культурный, но и неспособный к культуре вообще; голый дикарь, надевший, однако, цилиндр* (см. контекст: *Притом Горький имел одну несчастную любовь: он безнадежно вздыхал по ... культуре. Безнадежно, потому что как раз эта Прекрасная Дама ему не отвечала взаимностью. И, кажется, голый дикарь, надевший, однако, цилиндр, это чувствовал* [Гиппиус 1991: 239]).

Итак, процесс функциональной семантизации имен собственных в мемуарной литературе имеет свои особенности. Вспоминая о своих современниках, имена которых, как правило, относятся к числу прецедентных, наполненных определённым содержанием в сознании представителей русской культуры, авторы широко используют имена собственные в прямой референции. Однако, стремясь к воссозданию образов современников, авторы мемуаров окружают имена собственные разноплановыми языковыми единицами, содержание которых отражает весьма субъективные оценки событий и лиц, ставших уже историей. В результате в тексте мемуаров вокруг каждого имени собственного формируется своё информационное поле, в содержательном плане не всегда совпадающее с уже сформированным в социуме представлением о «культурно значимой личности».

Список литературы

Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. М.: Согласие, 1996. 734 с.

Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания. Книга II. Тбилиси: Мерани, 1991. 382 с.

Мороховская Э.Я. Взаимодействие грамматических категорий в тексте // Текст и его категориальные признаки. Киев, 1989. С. 101–108.

Шайтанов И. Непроявленный жанр, или литературные заметки о мемуарной форме // Вопросы литературы. 1979. № 2. С. 56–78.

T. N. Volynets

The proper name and its functional semantization in memoir literature

The article is devoted to the peculiarities of the proper name semantization process in memoir literature: a) onym precedence (“culturally significant names” with socially relevant content are part of memoir texts, as a rule); b) concentration of syntagmatically amplified complexes in onyms close textual surrounding makes it possible for the author to characterize their contemporaries’ processual and attributive features; c) subjectivity and contradictoriness of the author’s judgement, which often leads to the formation of diverse ways of semantic content of the same proper name.

Key words: proper name, functional semantization, syntagmatic complexes, phrasal nominations, memoir.

Е.Ф. Галушко

(Ульяновск, Россия)

Н.М. Подлипалина

(Шигоны, Россия)

Русские фамилии жителей Ульяновской области:

опыт исследования

Анализ собранных в ходе полевых наблюдений в 49 населённых пунктах Ульяновской области 360 фамилий русских жителей позволил выявить группы фамилий, рассмотреть особенности номинации, определить повторяемость и уникальность фамилий, поставить проблемные вопросы.

Ключевые слова: Ульяновская область, русские фамилии, происхождение фамилий, редкостные, частотные.

В 60–90-х годах XX века об антропонимическом материале региона писал В.Ф. Барашков в связи с изучением фамильно-именных топонимов [Барашков 1994: 16]; наблюдения антропонимического характера (в том числе и по ульяновским фамилиям) легли в основу словаря «Русские фамилии» [Никонов 1993].

Однако исследований современных фамилий жителей Ульяновского региона практически нет. Встречаются только отдельные популярные статьи краеведов, правда, преимущественно о симбирских именах и фамилиях [Задорин 2014].

Изучение фамилий русских жителей региона представляется актуальным в свете проблем антропонимики и ономастики в целом. Так, связь антропонима и микротопонима иллюстрирует следующий пример: фамилия *Заключновы*, зафиксированная в Больших Ключищах Ульяновского района Ульяновской области послужила основой для микротопонима. По объяснениям местных жителей (запись сделана 15.06.2015): «*На ул. Некрасовой в Больших Ключищах находится Заключнова гора или «Заключка» (на горе жила семья Заключновых)*». Информация о фамилиях и именах русских жителей региона важна и в связи с частотностью фамильно-именных географических названий в регионе, например, оврагов: «*Андреев Колодезь... Захаров... Зиновьев... Крайнов... Кузнецов... Михайловский*» [Галушко 2016: 14].

Данная статья в определённой мере призвана продолжить начатую традицию изучения фамилий жителей региона и ввести в научный оборот новые материалы, полученные в ходе полевых исследований русских народных говоров студентами Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова в 2008–2016 годах.

Полевые исследования проводились в следующих населённых пунктах: Красная Сосна (Базарносызганского р-на); Бекетовка, Вешкайма, Каргино, Чуфарово (Вешкаймского р-на); Междуречье, Сосновка (Инзенского р-на); Кузоватово (Кузоватовского р-на); Потьма, Сухой Карсун, Языково (Карсунского р-на); Вязовка, Воецкое, Копышовка, Майна, Суровка, Тагай (Майнского р-на); Мулловка, Рязаново (Мелекесского р-на); Барановка, Николаевка (Николаевского р-на); Новое Томашево, Репьёвка (Новоспасского р-на); Адоевщина, Радищево, Чауши (Радищевского р-на), Красная Река, Кремёнки, Новиковка (Старомайнского р-на); Астрадамовка, Ждамирово, Сурское, Чеботаевка (Сурского р-на), Молвино, Подкуровка, Тереньга, Ясашная Ташла (Теренгульского р-на); Большое Нагаткино, Новое Никулино, Старые Алгаши (Цильнинского р-на); Богдашкино, Малый Уренбаш, Октябрьский, Первомайский, Старый Белый Яр, Чердаклы (Чердаклинского р-на); Большие Ключищи, Плодовый, Ундоры (Ульяновского р-на).

Как известно, обзорное описание говора необходимо предварять оформлением «паспорта» населенного пункта. Такой «паспорт» содержит сведения о наиболее распространённых фамилиях коренных местных жителей.

Для включения фамилии в выборку релевантными являются два критерия: самоидентичность «русский», называемая носителем говора, и форма фамилии с учётом орфографических, фонетических и словообразовательных вариантов на *-ов, -ев, -ин, -кий, -их, -ых, -аго, -ово* (о данных формантах см.: [Федосюк 1977: 14]).

Каждая зафиксированная фамилия объединяет несколько человек, находящихся в родственных отношениях, поэтому фамилии приводятся в форме множественного числа и, соответственно, статистические подсчёты ведутся от количества таких форм (общее число – 360). Если фамилии повторялись в разных населённых пунктах, то после фамилии указывается индекс повторяемости (знак (?)) используется для обозначения гипотетичности изложенной мотивации).

Конечно, полученные данные предварительны и будут уточняться по мере включения дополнительного полевого материала.

Можно выделить четыре группы фамилий по типу основы («основа фамилии» – термин В.А. Никонова [Никонов 1993 10]), хотя в ряде случаев нет доводов для однозначного определения основы фамилии.

I. Патронимические (по «имени отца» через этап отчества (91,13 %)), например, *Петровичевы* (от Петрович).

II. Матронимические фамилии немногочисленны (0,55 %): у русских жителей Ульяновской области были отмечены фамилии, происходящие от уменьшительных именовании матерей и других родственников по женской линии: Матрёна (церк. Матрона) [Суперанская 2013: 123] – *Матрёнины*; Веруха (?) (церк. Вера) – *Верухины* (фамилия, образованная от уменьшительных личных имен старших в доме, отмечено в прозвищных (вторых, неофициальных) сельских фамилиях. О последней фамилии, напомним, писала В.И. Тагунова в статье «Категория уменьшительности и ласкательности в диалектной антропонимии» [Тагунова 1971: 84].

III. Принадлежностные фамилии встречаются редко (0,55 %): *Поморцевы* (принадлежащие к старообрядцам-поморцам), *Хлыстовы* (внецерковное религиозное течение (секта) – хлысты / христоверы).

IV. Оттерриториальные (по географическому маркёру) фамилий также немногочисленны: 0,83 %): *Крайновы* (живущие на краю села), *Берёзины* (живущие рядом с берёзами (?), хотя и не исключено происхождение от нецерковного древнего имени Береза или прозвища).

Сомнительно отнесение к этой группе фамилии *Пронины*. М. Фасмер упоминает в своём этимологическом словаре, что «*Проня* – *правый приток Оки... см.: пра* – морд. ‘голова’» [Фасмер 1986^B: 375–376]. Однако *Проня* является и уменьшительной формой многих мужских и женских имен, например, таких как: *Апрониан, Прокл, Прокотий, Прокул, Прохор, Прасковья* и др. [Петровский 1966: 345].

V. Профессиональные (6,94 %): а) повторяющиеся по н.п.: *Киси(е) ле(ё)вы*³ (? , возможно также образование от прозвища); б) не повторяющиеся: тат. *Бакшеевы, Баскаковы* («лексическая основа отражает социальные отношения» [Новиков 1993: 199]), *Бердниковы* «*бердник* ‘мастер, выделяющий брда (гребни ткацких станков)’» [Федосюк 2011]), *Водолазовы; Грушины, Грушевин* (*старьёвщики* [СРНГ 1972^a: 172]), *Земсковы, Ковалёвы, Кузнецовы, Ключниковы, Ключарёвы* («*ключарь* ‘эконом в монастыре или церкви’» [Федосюк 2011]), *Полковниковы, Пономаревы, Приказчиковы, Поповы* (условно, так как может быть и «сын попа и поповский работник» [Федосюк 2011]), *Скобелевы, Столяровы, Швецовы, Шаповаловы, Шеймуховы(?)* (шейма – ‘канат, за который тянут лодку. Арх., якорный канат, поволж. Даль.) [Фасмер 1987: 442], *Таракановы* «тюрск. ‘сановник’» [Фасмер 1987: 20–21]).

В самой большой группе патронимических фамилий можно выделить фамилии (через стадию отчеств), восходящие к: каноническому церковному мужскому имени (I.1.1.); разговорному или просторечному варианту канонического церковного мужского имени или к уменьшительному именованию отцов и других родственников по мужской линии (I.1.2.); древнему нецерковному имени (I.2.); иноязычному имени (I.3.); прозвищу (в основе которого лежит диалектный аппелятив, выбранный для характеристики личных особенностей носителя (I.4.1. или его социального статуса, особенностей религиозного поведения, этнической принадлежности (I.4.2.); специальности и роду деятельности предка (I.4.3.)).

Рассмотрим названные подгруппы подробнее.

Группа I.1.1. включает **57** примеров: а) повторяющиеся по разным н.п.: Роман – *Романовы*⁵, Симон – *Симоновы*⁴, Фома – *Фомины*⁴; Мирон – *Мироновы*³, Павел – *Павловы*³; Петр – *Петровы*³, Фирс – *Фирсовы*³, Архип – *Архиповы*², Богдан (в церковных календарях после 17 века) [Суперанская 2013: 45] – *Богдановы*², Елисей – *Елисеевы*², Никита – *Никитины*², Филипп – *Филипповы*², Фрол – *Фроловы*², Харитон – *Харитоновы*²; б) не повторяющиеся: *Агафоновы, Андреевы, Артемьевы, Васильевы, Ермолаевы, Зиновьевы, Карповы, Коновы, Лазаревы, Моисеевы, Николаевы, Никоновы, Наумовы, Никифоровы, Прохоровы, Родионовы, Савиновы* (от *Савин*, но и, возможно, образование от прост. формы *Сава* имени *Савватий*) [Суперанская 2013: 154–155], *Титовы*.

Группа I.1.2. представлена **90** примерами: а) повторяющиеся по разным н.п.: Иван – *Ивановы*⁶, Сидор – *Сидоровы*⁵, Тарас – *Тарасовы*⁴, Миша – *Мишины*⁴, Влас – *Власовы*³, Егор – *Егоровы*³, Илья – *Ильины*³, Ерофей – *Ерофеевы*², Захар – *Захаровы*², Селиван – *Селивановы*², Сергей – *Сергеевы*²; б) не повторяющиеся: *Абрамовы, Абрашины* («Абраша – уменьшит. от Абакум» [Федосюк 2011]), *Абросимовы, Акимовы, Акинфеевы, Алексеевы, Аникины, Андриановы, Антоновы, Арсенины, Артемовы, Артемьевы, Афонины, Борисовы, Варламовы, Васины, Гаранины, Герасимова, Дёмины, Денисовы, Долгова, Зорины, Зоровы* (уменьш. форма *Зоря* от Назар, Захар, Лазарь [Федосюк 2011]), *Игонины, Илюхины, Исаевы, Карпухины, Климовы, Кузины, Кирюшкины и Кирюшины, Кондрашовы* («прост. Кондрат от Кондратий, но новг. ‘товарищ’» [Фасмер 1986^б: 310]), *Лапаевы, Ларин* (от *Илларион*), *Логачевы* («восходит к имени Логач, которое, в свою очередь, образовано от крестильного имени Лонгин / Логгин, что в переводе с латинского «longus» означает «длинный, долгий» [Федосюк 2011]), *Макаровы, Матвеевы, Митенькины, Михайлины, Осиповы, Пантелеевы, Пахомовы, Перфиловы, Платовы, Ульяновы, Устиновы и Устимовы, Степановы, Семёновы, Тонеевы* (от Антон), *Харламовы, Юдины* и другие.

Группа I.2. представлена **21** примером: а) повторяющиеся по разным н.п.: Беляй – *Беловы*³, Волк – *Волковы*², Козёл – *Козловы*², Мороз – *Морозовы*²; б) не повторяющиеся: *Барановы, Зайкины, Заевы* (от уменьшительно-ласкательной формы имени Заяц), *Зимины, Малыгин, Малов, Мамоновы, Радаевы, Сахарцевы* [Федосюк 2011], *Смирновы, Соколовы* [Никонов 1993: 119], *Червяковы*.

Группа I.3. включает 2 фамилии, не повторяющиеся в разных н.п. В селе Богдашкино Чердаклинского района встретила фамилия, восходящая к имени мордовского или тюркского происхождения: *Кудашовы* «Кудаш – эрзян. ‘дом’» [Никонов 1993: 58]. В Каргино Вешкаймского района – *Юхлимовы* («Юхим– украинский вариант имени Ефим» [Федосюк 2011]).

Группу I.4. классифицировать сложнее всего. Давно известны «выводы лексикографов о неизбежном пересечении классов лексических единиц» [Русский семантический словарь 1998: XI]. Именно поэтому возможны разные основания классификации.

Фамилии от прозвища, восходящего к диалектному аппелятиву представлены 70 примерами: а) повторяющиеся по н.п. (14): *Красновы*³, *Новиковы*³, *Беспаловы*², *Жарковы*² (имеющий ярко-рыжие волосы), *Лысовы*², *Плетневы*² – «плеть, сев. ‘выдумщик, фантазёр’» [Федосюк 2011]; б) не повторяющиеся (56), например, *Аракчевы* «тур. аракчи ‘тот, кто пьет водку’» [Федосюк 2011].

Описываемый ономастический материал выявил важность нескольких семантических доминант при номинации.

Подгруппа I.4.1. Во-первых, номинация связана с описанием внешности человека, нередко с маркированием отдельных черт (волосы, глаза, зубы, руки, кожа, телосложение), например, *Безруковы*, *Бибиковы* («бибик – человек с физическим недостатком» [Никонов 1993: 19]), *Кудряшовы*, *Левшановы*, *Мизюрины* («мизюрить ‘щурить глаза, щуриться’ Симб.» [СРНГ 1982: 157]), *Плехановы*, *Зобовы*, *Здобновы*, *Пузановы*, *Слепцовы*, *Сухановы* (*сухан* ‘тощий, сухой’ [Федосюк 2011]), *Ушковы* тат., *Шитова* («шито’й ‘рябой’» [Федосюк 2011]), *Щербаковы*. Во-вторых, важны особенности темперамента: *Дрягалины* (*дряга* ‘непоседа, беспокойный человек’ [Федосюк 2011]). В-третьих, особенности здоровья в целом: *Хуртины* от «хуртатъ ‘быть хилым, прихварывать’» [Фасмер 1987: 285]. В-четвёртых, особенности поведения: религиозного (*Богомолы*, *Постновы*) или поведения, связанного с речью (*Балясниковы*, *Бахаревы* (бахирь ‘говорун, рассказчик, сказочник иногда краснобай’ [Федосюк 2011]), *Борунов* (борун ‘говорун, болтун’...**Влад.** [СРНГ 1968: 120]). В-пятых, ощутима связь фамилий с событиями в жизни или поступками типичными или редкими для предка: трудолюбие: *Бородины*, *Бородковы* и *Бородкины* (от слова *борода* – общая помощь при уборке урожая [Никонов 1993: 4]; бедность: *Будникова* (от «будник ‘будничная, непраздничная одежда’»

[СРНГ 1968: 245]), *Шобоновы*; образ жизни: *Юртаевы* донск. поселение, пребывание, область, страна, владение [Фасмер 1987: 534–535]; *Дюльдин* (*дюльдюкнутьь* ‘выпить; подвыпить’... Пенз. [СРНГ 1972^б: 302]), *Качалины*, *Юренковы* (*Юрень* от юрить ‘суесться, метаться’ [Никонов 1993: 186]); *Щёголевы*, *Манаховы* (м.б. и прозвище),

Подгруппа I.4.2. Фамилия отражает характеристику предка по социальному статусу, этносу. Например, *Вдовины*, *Панковы* (потомки поляков [Федосюк 2011]), *Калмыковы*, *Французовы* и другие.

Подгруппа I.4.3. Фамилия отражает характеристику человека по занятию или профессии предка (по данному параметру целесообразно выделение особой группы, если связи с диалектным апеллятивом нет см.: группа V): *Каликовы*, *Каштановы*, *Каштанины*, *Князькины* (ирон. князь, т.е. скупщик старья, продавец сладостей и груш. Даль, цит. по [Никонов 1993: 53]), *Драничкины*, *Рудометовы*, *Хабаровы* (*хабар* ‘прибыток, барыш, удача’ [Федосюк 2011]).

Достаточно много (88) зафиксировано фамилий с неизвестной (часто неоднозначной) мотивацией. Например: *Бодряговы* (1. Бодрый, бойкий (человек), хват...Новгор. 2. Водка. [СРНГ 1968: 58]). Или фамилия *Бузо'вы*. Существует большое количество многозначных омонимов, например: «2. Буза – род пива... 8 Хорошая земля. Среднее Поволжье» [СРНГ 1968: 253]; *Сорогины* («сорога ‘плотва’, но сорога ‘ворчливый человек’») [Фасмер 1986^б: 720–721]), *Горшковые*, *Кишенины* (от «кишень ‘карман, кошелёк и брюхо’») [Фасмер 1986^б: 242]), *Серовы*, *Смолины*, *Сучковы*, *Тумановы*, *Ширшаевы*.

Особо следует отметить, ни одна из подобных фамилий не повторяется по разным населённым пунктам.

Чаще всего, вероятно, такие фамилии являются прозвищными по основе, их можно отнести к группе I.4. Связь нецерковного имени и прозвища очевидна, поэтому данное суждение до определённой степени также условно (например, фамилия *Куракин*, мирское имя *Курак* и прозвище *Курак* с разной семантикой [Федосюк 2011]). Присутствует возможность некоторые фамилии отнести к группе профессиональных.

Целесообразнее представить массив таких фамилий через следующие модели.

А) фамилии имеют прозрачную внутреннюю форму или есть лексикографическая информация о фамильной основе, но мотивы номинации не очевидны.

Например, *Горячевы* (темперамент или нечто иное), *Чистовы*, *Черновы* (можно найти несколько объяснений по поводу возникновения таких прозвищ). *Алачихины* – от «алача ‘ковёр из овечьей шерсти’ Уральск.» [СРНГ 1965: 232] или «полосатая шелковая или полушерстяная ткань» [Фасмер 1986^а: 68]? Предок, вероятно, был торговцем? Или ткачом? Ходил в полосатом халате? *Бырины* – от бырьь ‘быстрина’ Каширск. [Фасмер 1986^а: 258] (предок был рыбаком или с водой связан трагический случай?); *Бутынины* – от «бутыня ‘торфяник’ Арх.» [СРНГ 1968: 316] (предок жил около торфяника или работал на нём?); *Курушины* – от «куруша ‘индейка Симб. ’» [СРНГ 1980: 147] (предок выращивал индеек, был чем-то был похож?).

Сложность определения мотива при номинации часто обусловлена многозначностью ряда слов в говорах: *Бояркины* («**1. Боярин...** 1. Барин, помещик... 2. О крестьянине... Олон... 3. Участник свадебного обряда») [СРНГ 1968: 143]; *Бутылкины* от будылястый ‘худой, высокий человек’ Симб. [СРНГ 1968: 248] (мена т/д), но и бутылка – ‘верхняя часть тела человека и животного’ [СРНГ 1968: 316], бутыли – ‘высокие рабочие сапоги’ [СРНГ 1968: 316].

Б) фамилии, основа которых может быть названа гипотетически (один вариант), например: *Вертьяновы* («вертью делать, т.е. наскоро, кое-как. Новг.» [СРНГ 1969: 157]).

В) фамилии, при определении основы которых возможны варианты, например: фамилия *Матяшины* может быть как патронимической, так и матронимической, поскольку уменьшительная форма *Матяша* возможна и от имени *Матвей* и от имени *Матрона* [Петровский 1966: 321].

Примечательно, что обращение к СРНГ позволяет уточнить данные о географии фамилий и имевших место в прошлом миграционных процессах. Так, например, *Бешеновы* – от «бешенец 1. Гнев, исступление. Влад... 2. Помешательство, сумасшествие. Влад. 3. Белая горячка. Влад.» [СРНГ 1966: 286].

Встречаются в регионе фамилии, первая фиксация которых известна, например, как свидетельствуют интернет-источники, «первейшее упоминание фамилии *Авдолоткин* зафиксировано в городе Липецк (Россия) в 1887 году» [Фамилия *Авдолоткин*]. В основе фамилии *Авдолоткины*, вероятно, лежит производное *Авдя*

(*Авда*) к старинному редкому имени *Авдон* («евр. ‘служитель, раб’ [Петровский 1966: 35]).

Формат статьи не позволяет подробно рассмотреть все примеры, но считаем необходимым отметить фамилии, часто даваемые семинаристам: *Крыловы, Лебедевы* (метафорические по своей семантике) [Федосюк 2011].

Итак, проведённый анализ показал, что среди фамилий русских жителей Ульяновской области преобладает структурно-словообразовательный тип на *-ов-* (72, 22%). Фамилии на *-ин-*, *-ев-* встречаются в 15,28 % и 12,5 % случаев.

Самые частые фамилии: *Ивановы, Романовы, Сидоровы, Мишины, Тарасовы, Фомины; Беловы; Красновы, Киси(е)ле(ё)вы*. На их долю приходится 10,28 % случаев от общего числа зафиксированных форм.

Среди патронимических фамилий доминируют фамилии (первоначально отчества), производные от разговорных / просторечных вариантов канонических церковных мужских имен; фамилии с неизвестной (часто неоднозначной) мотивацией; фамилии от прозвищ, характеризующих особенности носителя.

Большинство фамилий не повторяются за пределами того населённого пункта, где они были зафиксированы.

Сложность интерпретации в значительной степени обусловлена тем фактом, что многие респонденты не имеют информации о своих предках в четвёртом и более ранних поколениях и, соответственно, не знают семейных легенд о происхождении своих фамилий, но расспросы стимулируют интерес и стремление к семейным изысканиям, и это хорошо.

Новые материалы о географии русских фамилий позволяют продолжить изучение этнической и культурной истории народа.

Список литературы

Барашков В.Ф. По следам географических названий Ульяновской области. Ульяновск: Симбирская книга, 1994. 107 с.

Галушко Е.Ф. Структурные и семантические доминанты в названиях оврагов Ульяновской области // Слово. Словесность. Словесник: материалы Межрегиональной науч.-практ. конф. препод. и студентов, 18 марта 2016 г. / отв. ред. И.Н. Хрусталева, Ю.В. Лазарев, Н.Г. Агапова. Вып. 3. Ч. 1. РГУ им. С.А. Есенина. Рязань, 2016. С. 13–15.

Задорин Е. Симбирские фамилии. 28 марта 2014 [Электронный ресурс]. // Мисанец. Ру.URL: <http://misanec.ru/2014/04/25/simbirskie-familii/> (дата обращения 01.02.2017).

Никонов В.А. Русские фамилии: Москва XVI–XX вв. [Электронный ресурс] // Ономастический архив. URL: <http://imja.name/arkhivonomastiki/nikonov1987.shtml> (дата обращения: 30.05.2017).

Никонов В.А. Словарь русских фамилий / сост. Е.Л. Крушельницкий. М.: Школа-Пресс, 1993. 224 с.

Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М.: Изд-во «Сов. Энциклопедия», 1966. 384 с.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. / РАН. Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н.Ю. Шведовой в 6 тт. М.: Азбуковник, 1998. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). XXVI, 800 с.; [4].

СРНГ – Словарь русских народных говоров / РАН; Ин-т лингвистических исследований. Вып. 1–. Л.; СПб: Наука, 1965– (издание продолжается). Вып. 1. А. Л., 1965. 302 с.; Вып. 2. Ба–Блазниться. М., Л., 1966. 314 с.; Вып. 3. Блазничка–Бяшутка. Л., 1968. 360 с.; Вып. 4. В–Военки. Л., 1969. 356 с.; Вып. 6. Выросток–Гон. Л., 1970. 358 с.; Вып. 7. Гона–Депеть. Л., 1972^а. 355 с.; Вып. 8. Дер–ерепениться. Л., 1972^б. 369 с.; Вып. 16. Куделя–Лесной. Л., 1980. 376 с.; Вып. 18. Масленичек–Мутарсливый. Л., 1982. 367 с. [Электронный ресурс] // Сайт «Института лингвистических исследований РАН». URL: <http://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng.html>. (дата обращения: 02.06.2017).

Суперанская А.В. Словарь личных имен. М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2013. 288 с. (Малые настольные словари русского языка).

Тагунова В.И. Категория уменьшительности и ласкательности в диалектной антропонимии // Ономастика Поволжья: материалы II Поволжской конференции по ономастике. Горький, 1971. С. 81–85.

Фамилия *Авдолоткин* [Электронный ресурс] // Уфолог. Ру. URL: <http://www.ufolog.ru/names/order/%D0%90%D0%B4%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%BA%D0%B8%D0%BD> (дата обращения 21.05.2017).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 1–4. Т. 1. А–Д. М., 1986^а. 576 с.; Т. 2. Е–Муж. М., 1986^б. 671 с.; Т. 3. Муза–Сят. М., 1986^в. 832 с.; Т. 4. Т–Ящур. М., 1987. 864 с.

Федосюк Ю. К вопросу о принципах составления этимологического словаря русских фамилий // Русская ономастика: республиканский сборник / отв. ред. В.Д. Бондалетов. Рязань, 1977. С. 14–17.

Федосюк Ю. Русские фамилии. Популярный этимологический словарь. М.: Флинта, Наука, 2011. 240 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1010455> (дата обращения 18.05.2017).

E.F. Galushko, N.M. Podlipalina

Russian surnames of the Ulyanovsk Region: an attempt of the survey

The survey of 360 Russian surnames collected in the field research in 49 settlements of the Ulyanovsk region resulted in forming groups of them, revealing the

peculiarities of nomination, defining frequency and uniqueness of surnames and raised problematical questions.

Key words: the Ulyanovsk region, Russian surnames, origins of surnames, rare, frequent.

С.И. Гарагуля
(Белгород, Россия)

К вопросу о создании «Лингвокультурологического словаря английских фамилий»

В статье изложен опыт создания словаря, посвященного описанию английских фамилий в контексте языка, истории и культуры. Предлагаемое структурирование словарной статьи позволяет раскрыть содержание культурно значимых имен.

Ключевые слова: антропоним, культурно значимое имя, содержание имени, фамильное имя, этимология.

Подготавливаемый к изданию «Лингвокультурологический словарь английских фамилий» включает культурно значимые английские фамилии, представляющие собой антропонимы, «наполненные» культурной информацией и входящие в фоновые знания носителей английского языка. Они вовлекаются в процессы метафоризации и метонимизации, употребляются в паремиях, служат основой для образования различных типов ономастической лексики и, наконец, становятся именами-символами, отторгаемыми от своих носителей и функционирующими независимо от них, получая дополнительную культурно-историческую значимость. Подобные фамильные имена репрезентируют англоязычное культурное пространство.

В отличие от обычных ономастических (антропонимических) лексикографических изданий, ставивших своей задачей, главным образом, отразить этимологию, орфографию, транслитерацию имен, а также сведения об их варьировании, цель настоящего лингвокультурологического словаря состоит в том, чтобы раскрыть *содержание* культурно значимых английских фамильных имен, выступающих как свернутые лингвокультурные тексты.

В общелингвистическом понимании план содержания представляет собой «предмет мысли, отражение в сознании предметов, качеств и процессов реального мира как внутренняя

(семантическая) сторона (или содержание) языковой единицы» [Ахманова 2004: 273]. Применительно к антропонимической лексике (фамильным именам) *план содержания* – это, с одной стороны, определенная этимология, выражаемая апеллятивом, от которого произошло имя и который дает ему свое содержание, а с другой – с течением времени последнее утрачивается, переосмысливается, фонетически и структурно изменяется и ассоциативно наполняется новым содержанием, которое включает в широком смысле совокупность культурных, исторических, социальных, этнических, прагматических и других коннотаций, придающих имени новые смыслы в изменяющихся культурно-исторических и коммуникативных условиях [Гарагуля 2010: 46].

Точно так же, как слова общего языка, фамильные имена имеют закреплённую за ними информацию. В плане содержания фамилий форма тесным образом связана с этим содержанием. Например, следующие сочетания – *astonish the Browns* («удивлять (изумлять) всяких Браунов»); *бросать вызов общепринятым предрассудкам или общественному мнению*); *Brown, Jones and Robinson* (Браун, Джонс и Робинсон; простые, рядовые англичане); *Capability Brown* («способный» Браун»; тот, кто занимается садово-парковым дизайном); *John Brown* (Джон Браун; борец против несправедливости, герой-мученик); *Sam Brown* («Сэм Браун»; офицерский поясной ремень с портупеей; офицерская портупея) имеют разное содержание, хотя фамильное имя используется то же самое – *Brown*, одно из самых распространённых фамильных имен в англоязычных культурах. Подобные фамилии обогащаются таким содержанием, которое выводит их на уровень культурно значимых имен. Это происходит благодаря расширению содержания имени.

Словник содержит 150 фамилий, распространённых преимущественно в Великобритании, а также в США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии, национально-специфические антропонимические системы которых предстают как подсистемы антропонимической англоязычной и европейской традиции, обнаруживающей общее и особенное, свойственное языковым семиотическим системам. Отбор фамильных имен осуществлялся из британской и американской художественной, публицистической и научной литературы, ономастических и энциклопедических словарей и справочников.

Для включения фамилий в корпус словаря учитывались в максимально полном объёме следующие факторы: общеизвестность фамилии в среде носителей англоязычной культуры; функционирование фамилии в реальном антропонимическом узусе; появление у фамилии метафорического, метонимического или ассоциативного значения; употребление фамилии в произведениях устного народного творчества; использование фамилии в процессе категоризирующей деривации; участие фамилии в трансонимизации; культурно-социальная значимость фамилии – её использование в литературных произведениях; наличие среди носителей данной фамилии известных реальных деятелей в культуре, истории, политике и науке англоязычных стран.

Словарная статья в своем оптимальном варианте имеет следующую структуру:

1) *заголовочное слово* (английские фамилии, расположенные в алфавитном порядке);

2) *этимология и функциональная характеристика фамилии* (сведения, связанные с появлением фамилии в английском антропонимиконе, а также её распространенностью в нынешнем столетии);

3) *орфографические варианты фамилии* (фамилии, не имеющие единого нормативного орфографического оформления);

4) *отфамильные личные имена* (традиции создания и использования фамилий в качестве личных имен);

5) *фамилия в переносном значении* (имена с развившимися метафорическими и метонимическими значениями);

6) *устойчивые обороты* (общеупотребительные фразеологизмы и словосочетания терминологического характера);

7) *фольклорное имя* (имена, используемые в фольклорных текстах – пословицах, поговорках, преданиях, балладах, сказках, народных песнях и т.д.);

8) *производные формы* (дериваты, выводящие отдельные признаки культурно и социально значимых фамильных имен в качестве категоризирующих: поведение, политические и религиозные взгляды и т.д.);

9) *персонажи литературно-художественных произведений* (информация о фамилиях, используемых в художественной литературе);

10) *известные носители имени* (писатели, ученые, политические деятели, музыканты, художники, актёры и так далее, имена которых приобретают социально-культурную значимость);

11) *топонимы* (антропотопонимы, закрепляющие фамильные имена в культурно-исторической памяти людей);

12) *другие типы онимов* (астронимы, зоонимы, фитонимы и др.).

В заключение следует отметить, что предложенное лексикографическое описание культурно значимых фамильных имен, способных аккумулировать социальный, этнокультурный и исторический опыт, позволяет раскрыть их содержание, расширить границы традиционного описания антропонимической лексики, а также показать её функционирование в условиях реального узуса и литературно-художественного произведения. Выделенные особенности составляющих содержания имен подчеркивают их лингвокультурный характер, обусловленный развитием и влиянием языка, социума, религии и обычаев. Работа над подготовкой к изданию «Лингвокультурологического словаря английских фамилий», адресованного студентам и аспирантам филологических специальностей, преподавателям университетов и колледжей, а также широкому кругу читателей, интересующихся английским языком и вопросами ономастики, находится на стадии завершения.

Список литературы

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.

Гарагуля С.И. Антропонимия в лингвокультурном и историческом аспектах: на материале английских личных имен. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 136 с.

S.I. Garagulya

On the problem of compiling

“Linguocultural Dictionary of English Family Names”

The present article reports on compiling a dictionary describing English family names in the context of language, history and culture. The given structuring of a dictionary entry allows revealing the content of culturally loaded names.

Key words: anthroponym, culturally loaded name, etymology, family name, name content.

Антропонимическое пространство романа П.И. Мельникова-Печерского «На Горах»

Рассматриваются антропонимы, использованные в романе П.И. Мельникова-Печерского «На Горах», как полифункциональные речевые единицы, занимающие в тексте сильную позицию; называются модели, по которым созданы антропонимические единицы, приводится их характеристика с конкретизацией выполняемых функций.

Ключевые слова: имя собственное, оним, антропоним, персоним, трансформация, прозвище, функция.

Онимическая лексика значима как в жизни человека, так и в художественном произведении. Онимы обладают уникальными возможностями для выражения творческого замысла писателя; занимая в тексте сильную позицию, имя собственное часто является своеобразным ключом к пониманию созданного образа, а иногда и произведения в целом.

Изучение поэтической антропонимии – одна из актуальнейших проблем ономастики, «вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образных и характеристических функциях <...> не может быть проиллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы» [Виноградов 1963: 38].

Обычно выделяется целый ряд функций имен собственных, в частности антропонимов, в художественном произведении, наряду с узуальными, общеязыковыми функциями (номинативной, выделительной, идентифицирующей, дифференцирующей): стилистическая, идеологическая, характерологическая, эстетическая, символическая, адресная, аккумулятивная, коннотативная, прагматическая, функция хронотопа, функция выражения родства и др. [ср.: Карпенко 1986: 36; Бондалетов 1983: 19, 224; Катермина 1999: 149].

Многофункциональны антропонимы и в романе П.И. Мельникова-Печерского «На Горах».

Объектом изображения у Мельникова-Печерского стала жизнь населения нижегородского нагорного Поволжья середины XIX века: его быт, промыслы, нравы и обычаи. Автор описывает события на

большом отрезке времени, охватывая географию не только Нижегородской области, но и центральной части России. Этим объясняется многообразие антропонимических единиц.

Антропонимы, являясь важнейшей частью словарного состава произведения, помогают не только выявить авторские художественные вкусы и приемы, но и раскрыть специфику поэтического языка П.И. Мельникова-Печерского.

Частотное использование в тексте персонимов. Они являются своеобразными темпоральными указателями, таким образом выполняя функцию хронотопа. Показателен в этом плане подбор личных имен персонажей романа, который отражает именник, действовавший во времени, изображенном в романе (середина XIX в.): *Данило, Кузьма, Арина, Зиновей, Никита, Таифа, Корней, Флор, Герасим, Андрей, Дарья, Олена, Марко, Карп, Сидор* и др. Значительная часть этих имен для современного читателя являются устаревшими (*Анисья, Герасим, Флор, Карп, Кузьма, Зиновей, Таифа* и др.)

Имена собственные в художественном тексте информативны. Информативность их заключается в том, что в тексте романа сначала происходит представление того или иного лица, выяснение, формирование и передача сведений о нём (интродуктивный акт, по А.Д. Шмелёву). В дальнейшем же своем употреблении, после состоявшегося знакомства с тем или иным лицом, антропоним уже сам по себе выступает носителем, «представителем» полученной информации. Примечательны в этом плане персонимы в трансформированном виде, гипокористики, выполняющие в романе прагматическую функцию, которая заключается в эмоциональном воздействии на адресата (адресатов) речи, в выражении доброжелательного, любовного отношения одних персонажей к другим: «— *Его-то... А племянник мне-ка по хозяйке будет, — добродушно ответил за него Карп. — Софронкой звать, Бориса Моркелыча знаешь?.. Сынок ему... Он у нас грамотей, письма даже писать маракует*» [Мельников-Печерский 2003: 97]. Кроме того, персоним в трансформированном виде является показателем вхождения называемого лица в круг своих: «— *Лапоть он плел, а рядом с ним сидел грамотный подросток Софронко, держа стрепанный клочок какой-то книжки*» [Мельников-Печерский 2003: 260]. Персонимы в трансформированном виде также выполняют функцию выражения родства. Интересны в этом плане имена на –УТК (а), –УШК (а), которые являются производными от

персонима с положительной окраской: например, отец Григория зовет сына *Гришуткой*: «– *Выручай, Гришутка!.. Выручай, золотой!.. Меси супротивников!* – услышал отцовский приказ **Григорий Моргун** – и больше стало валиться миришнецев от тяжелых его ударов» [Мельников-Печерский 2003: 658]. Татьяна Андревна своего родственника называет *Микитушкой*: «– **Микитушка!** – радостно вскрикнула Татьяна Андревна. – Родной ты мой!.. Да как же ты вырос, голубчик, каким молодцом стал!...» [Мельников-Печерский 2003: 179].

«Давая конкретные, пусть даже самые распространенные, собственные имена персонажам, писатель неизбежно индивидуализирует их, а читатель закономерно идентифицирует художественный образ с тем или иным лицом» [Виноградов 1963: 56]. В этом плане выделяются наименования по модели «имя-отчество»: «– **Дарья Сергевна** шла за *Мокея*, **Олена Петровна** за *Марку Данилыча*» [Мельников-Печерский 2003: 16]. Также наименования выполняют подчеркнуто идентифицирующую функцию. Вне текста образы оказываются размытыми, а следовательно, такие имена могут быть отнесены к любому человеку того времени.

Наименования по модели «имя-отчество» выражают взаимоотношения между персонажами и авторское отношение к ним. Персонажи именуется по-разному в зависимости от ситуации, конситуации. Например, автор и малознакомые люди, выражая свое уважение к персонажу, используют по отношению к герою антропоним *Никита Федорыч*: «– *Никаких теперь у меня делов с **Никитой Федорычем** нет... – твердо и решительно сказал он* [Доронин]. – *Ничего у нас с ним не затеяно*», «**Никита Федорыч** матери не помнил. В пеленках остался после нее. Рос на попеченье няnek да мамок». Родственники же, выражая доброжелательное, любовное отношение, используют персонимы *Никитушка* или *Микитушка*: «...она [Татьяна Андревна] думала: «*Неужто спроведал? От кого же это?.. Неужели **Никитушка** кому проболтался*», «*Я ведь тебя еще махоньким видала, вот этаким, - прибавила она* [Татьяна Андревна], *подняв руку над полом не больше аршина. – Ни за что бы не узнать!.. Ах ты, **Микитушка, Микитушка!***» [Мельников-Печерский 2003: 180].

Роман содержит единственный пример употребления трансформированного отчества. Такое наименование использует

Ольга Панфиловна в обращении к хозяйке дома, в котором давно работает, – *Сергевнушка*: «*Ахти, матушки!.. Закалякалась я с тобой, Сергевнушка, а у меня квашня поставлена, творить надо – хлебы-то не перекусили бы...*» [Мельников-Печерский 2003: 27]. Наименование *Сергевнушка* противопоставлено наименованию *Дарья Сергевна*, которое используют при обращении практически все герои и автор. Использование трансформированного отчества свидетельствует о близком знакомстве Дарьи Сергевны и Ольги Панфиловны, а также о льстивости со стороны последней, её подобострастии.

Немногочисленны в романе наименования по модели «персоним–прозвище», выполняющие характерологическую функцию, причем они, как правило, «прозрачные по своему характеру, «говорящие», имеющие большую информативность <...>, почти всегда указываются мотивы появления их» [Климкова 1975: 59]. Например: *Алешка Беспутный* – «*Пропавшая, бесшабашная был голова... Так и звали его «Алешка беспутный», другого имени не было*» [Мельников-Печерский 2003: 169]. *Никита Сокровенный* – «– *Никита Сокровенный, – весело улыбаясь, ответил Веденеев. – Так его у нас в дружеском кружке зовут: Никита Сокровенный да Никита Сокровенный, а иной раз и просто Сокровенный. Он уж знает свою кличку. – За что ж это вы его так прозвали, батюшка? – спросила Татьяна Андревна. – А за то, что человек он в самом деле скрытный. Лишнего слова не молвит, все подумавши, не то что наш брат, – сказал Дмитрий Петрович*» [Мельников-Печерский 2003: 323-324].

Наименования по модели «персоним–прозвище» «имеют достаточную информативность, как отраженную, так и собственную, языковую» [Климкова 1975: 160], на фоне использования в тексте произведения полного антропонима. У данных именовании проявляется и экспрессивная функция. Таковы имена на –ИХ (а). Они создают в художественной речи Мельникова-Печерского отношение фамильярности, непринужденности, являются выразительными как имена вторичные. Некоторые наименования по модели «персоним–прозвище» являются производными от фамилии, например, *Анисья Красноглазова* – *Аниська Красноглазиха*: «*В трубы трубят, сударыня, в трубы трубят!.. А все Аниська Красноглазиха – первая всяким злыдням заводчица*» [Мельников-Печерский 2003: 26], коннотативно значимо здесь сопряжение прозвища с трансформированным, отрицательно окрашенным персонимом.

Также в тексте встречаются наименования производные от отчества. Например, Анисья Терентьевна – Терентыха: «*Так учила **Анисья Терентьевна**, и далеко разносилась о ней слава, как о самой премудрой учительнице*» [Мельников-Печерский 2003: 32], «– *Кому же, как не вам ее учить, Дарья Сергевна?.. – молвил Марко Данилыч. – Не Терентыху же приставить...*» [Мельников-Печерский 2003: 44]. Данные имена имеют в тексте отрицательную окраску на фоне параллели. Или: автор называет героиню Анисья Терентьевна - «*Анисья Терентьевна старинки держалась – была по спасову согласию*» [Мельников-Печерский 2003: 48], а Марко Данилыч, хозяин дома, в котором она работает, использует по отношению к ней производное от отчества прозвище *Терентыха*, отражая тем самым различие в социальном положении персонажей: «– *Вон у нас мастерица есть, Терентыха: у той все турлы-мурлы, да антихрист, да вся супротивная сила*» [Мельников-Печерский 2003: 61]. Данные примеры свидетельствуют о параллелизме наименований в романе, полионимии.

Встречаются в тексте и немотивированные автором прозвища: Леска Баран: «*Вот наконец с якимовской стороны выступает паренек лет двенадцати, удалой, задорный, забиясливый, недаром старостин сын. Зовут его Лёска Баран*» [Мельников-Печерский 2003: 652]; Григорий Моргун: «*Лётом влетает в круг **Григорий Моргун**, самый удалой молодец изо всех якимовских*» [Мельников-Печерский 2003: 620]; **Яшка Моргун**: «*Здоровенный, приземистый, но ширь в плечах парень, ровно из перекатного железа скроенный, **Яшка Моргун**, первый возвеселил братию...*» [Мельников-Печерский 2003: 113].

Модель «персоним в полном или трансформированном виде – фамилия» используется при первом упоминании о персонаже и в официальной обстановке, чтобы подчеркнуть серьезность момента, тем самым выполняя коннотативную, стилистическую функцию: «*Старица и певчие девицы были с Каменного Вражка, из обители игуменьи **Манефы Чапуриной***» [Мельников-Печерский 2003: 47]», «***Сидор Аверьянов, Карп Егоров, Софрон Борисов** – вы зачинали, вы и унимайте буянов!.. Имена ваши знаю – плохо вам будет, коли не уймете товарищей!..*» [Мельников-Печерский 2003: 100].

Таким образом, роман насыщен разнообразными антропонимическими единицами. Все они выполняют узуальные, общеязыковые функции, но при большей конкретизации

наименования персонажа к основным функциям добавляются еще и частные, такие, как: функция хронотопа, выражения родства, информационная, прагматическая, характерологическая, коннотативная, экспрессивная.

Список литературы

- Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 301 с.
- Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Издательство АН СССР. 1963. 238 с.
- Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. № 4. 1986. С. 34-40.
- Катермина В.В. Личное имя собственное в художественном тексте // Н. Новгород. Научный вестник. № 1. 1999. С. 265–268.
- Климкова Л.А. Собственные имена и их функции в языке произведений А.П. Гайдара // Творчество А.П. Гайдара. Горький: ГГПИ им. А.М. Горького. 1975. С. 152–164.
- Мельников-Печерский П.И. На Горах. В 2 ч. М.: Эксмо, 2003. Ч. I. 584 с.; Ч. II. 399 с.
- Михайлов В.Н. Специфика собственных имен в художественном тексте // Филологические науки. № 6. 1987. С. 78–82.

O.A. Grinina

Anthroponymic space of the novel by P.I. Melnikov-Pechersky “On the Mountains”

Anthroponyms used in the novel by P.I. Melnikov-Pechersky “On the Mountains” work as a polyfunctional speech medium, occupying a strong position in the text. Models on which anthroponymic units were created are given by the author. Their characteristics are done with concretization of the performed functions, both conventional and additional as well as stylistic ones.

Key words: proper name, onim, anthroponym, person, transformation, nickname, function.

*A.B. Гузнова
(Княгинино, Россия)*

Прозвища от слов с религиозной семантикой в арзамасских говорах

Лексика с религиозной семантикой служит базой для образования прозвищ, функционирующих в арзамасских говорах. Преобладающее большинство прозвищ от религионимов содержит отрицательную коннотацию, что обусловлено историей русского народа, его отношением к религии.

Ключевые слова: прозвище, религиозная семантика, дискурсная часть, именование, отрицательная коннотация.

Религия играет немаловажную роль в жизни человека. Религиозные воззрения русского народа уходят своими корнями в славянское язычество, эстафета которого перенимается христианством, православием, потом атеизмом и снова православием, что по сей день находит отражение в современной картине мира, в том числе и языковой (о сакральности в языке см.: [Климкова 2006: 54–65], [Климкова 2007: 322–352]). Лексика с религиозной семантикой (религионимы) (о содержании понятия «религиозная лексика» см. [Смирнова 2014: 86–90]; ср.: [Гончарова 2010: 44]) проникает во все сферы жизни общества, во все пласты национального языка, включая говоры, где может служить базой для образования прозвищ.

В арзамасских говорах на данный момент зафиксировано около 30 прозвищ, образованных от слов с религиозной семантикой. В их основе наименования:

- божеств: *Исус, Японский Бог, Ярила*;
- inferнальных существ, воплощающих зло: *Бес, Чёрт (3)*;
- священнослужителей: *Поп (3), Попадья, Попёнок, Монах, Монашка*;
- религиозных представлений о человеке: *Дух, Душа*;
- лиц по отношению к старообрядчеству: *Кулугур, Кулугурка*
- лиц по отношению к магии, колдовству: *Ведьма, Ворожея, Колдун, Шаман (6)*.

Наиболее представлены прозвища, образованные от наименований священнослужителей и лиц по отношению к магии, колдовству.

Среди прозвищ, образованных от слов с религиозной семантикой, преобладают индивидуальные именованья, хотя есть и именование семьи: **Яри́ла**, м.р., необидн. – прозвище семьи. *В честь праздника Ярила. Ярила да Ярила, всю семью называли.* (с. Выездное) – образовано от славянского онима Ярило (языческий бог солнца).

Примечателен факт наличия отрицательной коннотации у подавляющего большинства прозвищ, в том числе и тех, что образованы от именованья божеств, например, **Бог**, м.р., необидн. – прозвище мужчины. *Ванёк Усима в больна любит командывать, вот ёго и прозвали бо[γ]ам, а он и рад* (с. Водоватово) – особенность поведения, которая, несмотря на необидное восприятие самим

прозываемым, осуждается окружающими: ассоциация «любит командовать как бог управлять миром»[о слове *Бог* в русской языковой картине мира см: Климова 2003: 239–247; Климова 2005: 117–122]; *Дух*, м.р., обидн. – прозвище мужчины. *Дух. Он у нас набажный, вот. Убижаца, гаварит, что всех нас за эта бог накажет.* (с. Водоватово) – насмешка над поведением, образом жизни прозываемого; *Исус*, м.р., обидн. – прозвище мужчины. *Высокай он, тощай, как Исус.* (с. Абрамово) – внешнее сходство. Негативизм в именовании, вероятно, обусловлен атеистической советской эпохой, когда религия исключалась из духовной сферы жизни общества. Дискурсная часть прозвищного комплекса женщины **Япóнский Бог** содержит насмешку над внешним видом прозываемой: *Глаза узки, здаравенна, но красива на морду, а глаз нет. Кто завётийё так, анасердица.* (с. Н. Усад).

Отрицательная окрашенность прозвищ, образованных от наименований inferнальных существ, воплощающих зло, обоснован производящей базой. Негативное отношение к злу продиктовано религией, эталоном нравственности; поведение, поступки, в которых усматривается злой умысел, противоречат нормам, правилам бытия, а значит, осуждаются обществом: *Бес*, м.р., обидн. – прозвище мужчины. *Озорник он у них, как бес. Да шшыфамилья какá-та сходна.* (с. Абрамово) – поведение; *Чёрт*, м.р., обидн. – прозвище мальчика. *Воласы вечна у него как рога, вот и прозвали его Чёртам.* (с. Чернуха) – неопрятный внешний вид; *Чёрт*, м.р., обидн. – прозвище мужчины. *Он подвижный, невысокава роста, чернаволосый.* (с. Замятино) – внешнее сходство. В арзамасских говорах наблюдается тезоименность: функционируют три именования **Чёрт**, одно из которых является необидным: *Чёрт*, м.р., необидн. – прозвище мужчины. *1. Целовек-та хорошай, что ж так зовут? Пословица, можа у него была какая. 2. Да эта мы смеясь Мишку Цортам зовём, меж собой. А плохова-та про него никто не скажет.* (д. Мерлино) – дискурсная часть содержит положительную характеристику человека, подчёркивает отсутствие плохих черт, следовательно, стоит предположить, что данное прозвище восходит к просторечию *чёрт* – 'тот, кто ловок, смел, удачлив в каком-нибудь деле'. Положительная коннотация содержится в прозвище, образованном от наименования религиозных представлений о человеке: *Душа*, ж.р., необидн. – прозвище мальчика. *Добрый он у нас очень, не обижаца никогда, вот и Душа.* (с. Ковакса).

Форма и дискурсная часть прозвищ, образованных от именовании священнослужителей, не дают однозначной оценки своим носителям, например, **Монах**, м.р., необидн. – прозвище мужчины. *Баушка Витьку-ту так празвала, а теперь все зовут.* (с. Волчиха) – семейное прозвище стало достоянием носителей говора, утратив причину номинации; **Монашка**, ж.р., обидн. – прозвище женщины. *Она в девках была Монахава, вот по фамильи и прозвали, в глаза не зовут.* (с. Бебязево) – отфамильное прозвище; **Поп**, м.р., обидн. – прозвище мужчины. *А у няго в раду все папы́ были, и прадеды, и деды, и братья́ тоже папы́. Ни любит, кадаиво так завут.* (с. Хватовка); **Поп**, м.р., обидн. *У него дедушка был поп.* (с. Замятино); **Поп**, м.р., обидн. *Дедушка у них был попом, вот и его поп по нему прозвали.* (д. Судеб) – отрицательная трактовка связана с негативным отношением к служителям церкви в Советском Союзе (атеистическом государстве), что сохраняется и в других однокоренных дериватах: **Попёнок**, м.р., обидн. – прозвище мужчины. *Оца-та у нёго Попом звали, а к чёму, не могу сказать.* (д. Марьевка). От прозвища отца Поп при помощи суффикса –ёнок образовалось прозвище сына Попёнок, которое имеет насмешливую ассоциацию. **Попадья**, ж.р., обидн. – прозвище девушки. *Полна да заносчива, вот и Пападья.* (с. Чернуха) – дискурсная часть микроантропонимического комплекса содержит оценку внешности и поведения.

Прозвища, образованные от наименований лиц по отношению к старообрядчеству, содержат в дискурсной части оппозицию «свой – чужой (не такой, как все)», что объясняет наличие отрицательной коннотации: **Кулугурка**, ж.р., обидн. – прозвище женщины. *Иной веры она, вот и прозвали Кулугуркай.* **Кулугур**, м.р., обидн. – прозвище мужчины. *У него жена старой веры.* (с. Замятино).

Обидными являются в арзамасских говорах и прозвища, образованные от наименований лиц по отношению к магии, колдовству: **Ведьма**, ж.р., обидн. – прозвище женщины. *Колдунья была Катинька Абрамыва, её ведьмай все и звали.* (с. Котиха); **Ворожéя**, ж.р., обидн. – прозвище женщины. *В народе говорят, что она может ворожить* (с. Мотовилово); **Колдун**, м.р., обидн. – прозвище мужчины. *Странный он какой-та, может, патаму и Калдун. Кто его знает. Скажы ему Калдун, абидицца.* (с. Хватовка); **Шаман**, м.р., обидн. – прозвище мужчины. *Оца у них ща Шаманам звали, вот и он Шаман* (с. Абрамово); **Шамáн**, м.р., обидн. –

прозвище мужчины. *Оцца звали Шаманам, и ево так зовут.* (с. Пятницы); **Шамán**, м.р., обидн. – прозвище мужчины. *У него дедушка какой-та колдун был, потом отец, и на него перешло.* (д. Мерлино). Колдовство считается греховным деянием, противоречащим православным религиозным канонам, порицаемым церковью, следовательно, и люди, связанные с колдовством, также подвергаются критике и народному осуждению. Однако вместе с критикой у носителей говора в одном ряду оказывается ещё и чувство страха перед людьми, которые могут осквернить здоровье и ауру окружающих: **Шаман**, м.р., обидн. – прозвище мужчины. *Он лецыт кого, колдует, травы како-та сабирает, а кто гаворит порцу наводит. Все бояцца его. В глаза так не называют.* (с. Никольское). Страх перед прозываемым находим ещё в одном прозвище: **Шаман**, м.р., обидн. – прозвище мужчины. *Взгляд у него такой, как посмотрит, аж страшна делацца, в глаза не зовут.* (с. Бебяево) – отсутствует указание на колдовскую деятельность носителя прозвища, но отмечается его взгляд, наводящий страх. **Шаман**, м.р., обидн. – прозвище мужчины. *Всё время в большом рванье ходил, всё у него висит, вот и Шаман. Да, обижался.* (с. Семёново) – дискурсная часть раскрывает метафорический принцип номинации: сходство внешнего облика прозываемого с обликом шамана.

В арзамасских говорах соотношение обидных и необидных прозвищ, образованных от слов с религиозной семантикой, – 6 к 1. В одном ряду создателей отрицательной коннотации оказались как слова, отражающие религиозный канон, так и слова, противоречащие ему.

Список литературы

Гончарова Н.А. Религиозные этикетные формулы в современном немецком языке // Вестник МГЛУ. 2010. № 4 (583). С. 44–54.

Климкова Л.А. Лексико-семантический комплекс бог (Бог) в русской региональной языковой картине мира // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Сб. статей по материалам всероссийской научной конференции молодых учёных. Вып. 4. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2005. С. 117–122.

Климкова Л.А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира: монография / науч. ред. И.А. Ширшов; МПГУ. Арзамас: АГПИ, 2007. Гл. 4. Число. Сакральность. С. 322–352.

Климкова Л.А. Сакральное в русском языке повседневности // Православие в контексте отечественной и мировой литературы: Сб. статей / под ред. Г.А. Пучковой; АГПИ им. А.П. Гайдара, Всемирный Русский Народный Собор, Союз писателей России. Арзамас: АГПИ, 2006. С. 54–65.

Климкова Л.А. Слово Бог в русской языковой картине мира // Православие и русская литература: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Православие и русская литература: вузовский и школьный аспект изучения». Арзамас. 22–24 мая 2003 г. / сост. Б.С. Кондратьев. Арзамас: АГПИ, 2004. С. 239–247.

Смирнова С.А. О понятии «церковная лексика» // Научный диалог. 2014. № 12 (36): Филология. С. 84–97.

A.V. Guznova

Nicknames from words with religious semantics in the Arzamas dialects

Lexis with religious semantics is the basis for formation of nicknames functioning in the Arzamas dialects. Most nicknames from religionyms contain a negative connotation which is due to the history of the Russian people, its attitude to religion.

Key words: nickname, religious semantics, discourse part, naming, negative connotation.

*А.Е. Деникина
(Самара, Россия)*

Актуальные тенденции развития современного антропонимикона

В данной статье рассматриваются процессы, происходящие в современном русском антропонимиконе. Характеризуются тенденции развития именника, исследуются изменения в составе частотных личных имен и проблемы функционирования редких имен в русскоязычной среде.

Ключевые слова: антропонимика, редкие личные имена, неофициальные формы редких личных имен.

Современный антропонимикон в русскоязычной среде очень динамичен. С течением времени меняются мотивировки выбора имени, изменяется мода на имена, следовательно, не может быть одинаков и состав используемых личных имен. Поэтому важно изучать актуальные тенденции развития современного русского антропонимикона.

Фактическим материалом, на основе которого выполнено исследование, являются 118 имен студентов факультета филологии и журналистики Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королёва. Материал собирался методом сплошной выборки из списков студентов факультета филологии и журналистики. Всего было выявлено 84 женских имени (432 носителей) и 34 мужских имени (64 носителя). Даты рождения

студентов находятся в пределах 1992 и 1998 годов. Дополнительно использован фактический материал, представленный на сайте ЗАГСа Москвы www.zags.mos. Анализируемый нами материал содержит выборку тридцати популярных имен новорожденных за 1991, 1995, 2000, 2005, 2010 и 2015 гг.

В ходе исследования был составлен рейтинг частотности имен студентов, который показал, что у студентов преобладают традиционные русские имена (78,22%), т.е. имена, включенные в церковный календарь – святцы. Большинство этих имен заимствованы из греческого (36,29%) и латинского языков (14,91%). Самая малочисленная группа – славянские имена (2,42%).

Новые личные имена, не входящие в святцы, очень разнообразны по составу. Большой процент составляют заимствованные имена (17,34%), среди которых преобладают западные имена (9,88%), восточные встречаются реже (3,63%). Также представлены имена древнерусского происхождения (2,62%).

На сайте Центрального ЗАГСа города Москвы размещены таблицы, в которых представлены тридцать наиболее популярных имен новорожденных в 2015, 2010, 2005, 2000, 1995 и 1991 гг. Первые пять женских имен, зафиксированные в 1991 году, полностью совпадают с первой пятеркой имен в рейтинге частотности имен факультета филологии и журналистики. Это имена *Анастасия*, *Екатерина*, *Анна*, *Мария*, *Дарья*.

Проанализируем состав именника на материале таблиц Центрального ЗАГСа. В составе женского именника имена *Мария*, *Анна*, *Анастасия* сохраняют лидирующие позиции на протяжении указанного периода. В 2010 году на 1-м месте оказалось имя *София* (*Софья*), которое в 1991 году находилось за пределами первых тридцати имен. В 1995 году оно занимало 24-е место, в 2000 году – 12-е, в 2005 – 5-е. В 2015 году это имя снова оказывается на 1-м месте. Имя *Екатерина*, наоборот, постепенно опускается в рейтинге. В 1991 году оно находилось на 2-м месте, а в 2015 году уже на 12-м. Всего за указанный период в составе тридцати наиболее популярных женских имен появилось семь новых имен: в 1995 году *София* (*Софья*), в 2000 – *Арина* и *Алиса*, в 2005 – *Варвара*, в 2010 – *Кира*, *Ева* и *Милана*. Эти имена продолжают свое движение вверх на шкале рейтинга. Тридцать наиболее популярных женских имен за 2010 и 2015 годы полностью совпадают по своему составу.

В мужском именнике на протяжении всего периода на первом месте находится имя *Александр*. За это время в составе тридцати наиболее популярных мужских имен появилось восемь новых имен: в 1995 – *Егор*, в 2000 – *Григорий* (это имя уже в 2005 году оказалось за пределами первых тридцати имен), в 2005 – *Кирилл*, *Матвей*, *Глеб*, в 2010 – *Тимур*, в 2015 – *Ярослав*, *Марк*.

В.А. Никонов в 1974 г. отмечал тенденцию к расподоблению мужских и женских имен, которая проявлялась в вытеснении женских имен *Александра*, *Евгения* (из-за мужских *Александр*, *Евгений*) [Никонов 1974: 78]. Сейчас мы наблюдаем, что лидирующее положение мужского имени *Александр* не препятствует распространению женского варианта имени. Напротив, имя *Александра*, находясь в 1991 году на 12-м месте, в 2000 и 2005 годах располагалось на 6-м, а в 2010 и 2015 – на 10-м.

Традиционные имена преобладают и в составе наиболее популярных мужских имен, и в составе женских. Но в женском именнике доля новых имен больше по сравнению с мужским: новых женских имен 7–9, мужских – 1–4). Это говорит о том, что процессы по обновлению женского именника, начатые в XX веке, продолжаются и сейчас, хотя и менее активно. Например, укрепляет свои позиции имя *Алиса*, западноевропейское по происхождению. В 2000 году оно занимало 30-е место, а в 2015 году оказалось уже на 8-м месте. Приобретают популярность и исконно русские формы, как народные варианты канонических имен (*Арина*), так и древнерусские имена (*Милана*). В 2015 году имя *Арина* – на 14-м месте, имя *Милана* – на 18-м.

Мужской именник также динамичен, но он пополняется в основном традиционными именами. Изменения практически не затрагивают первые строки рейтинга.

В составе имен факультета филологии и журналистики нами были выделены 52 редких имени. А.В. Сулова и А.В. Суперанская под термином «редкие имена» понимают имена, частота встречаемости которых составляет 1–3 имени на тысячу именуемых [Суперанская, Сулова 1991: 90]. По причине небольшого количества нашего материала мы используем этот термин для имен, которые встретились в списке студентов один раз.

С целью исследования функционирования современных редких имен в русскоязычной среде нами было проведено анкетирование 60 носителей. Вопросы были направлены на определение причин выбора

номинаторами редких имен, отношения носителей и окружающих к редким именам. Также анкетирование позволило обнаружить неофициальные формы редких имен, которые функционируют в разговорной речи, и выяснить отношение носителей к данным формам.

В результате обработки анкет было выявлено семь причин выбора имени:

1. Нравится значение и звучание имени (31,66%). Например, обладательница имени *Инга* написала: «маме и бабушке понравилось значение имени (как мне говорили раньше – «богиня изобилия») и редкость. Наверное, большую роль сыграло известное желание родителей, чтобы их ребёнок был «особенным»... ну, и обеспеченным». Для носительницы имени *Альфия* родители выбирали имя с «мягким» звучанием.

2. В честь родственников или друзей (16,67%): *Антонина*, *Армине*, *Белла*, *Зарбаф*, *Марьяна*, *Наиля*, *Семён*, *Фарида*. Интересно, что иногда имена девочкам даются в честь мужчин: *Стефания* (в честь деда), *Василиса* (в честь отца). Такое возможно, когда у мужских имен есть женские варианты.

3. В соответствии с национальной традицией (13,33%): украинское имя *Олеся*, болгарское *Росица*, восточные имена *Алсу*, *Баянгалей*, *Гаяне*, *Гозель*, *Зарема*, *Ширхан*.

4. В честь литературных героев (8,33%). *Агнесса* – в честь героини романа Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери», *Ариадна* – в честь героини древнегреческих мифов, *Нехат* – в честь героя романа «Нехат и Мариам», *Ярослава* – в честь Ярославны из «Слова о полку Игореве».

5. В честь известных людей (6,67%). *Асхат* – в честь героя Советского Союза Асхата Зиганшина, *Демид* – в честь металлургов Демидовых, *Рамзия* – в честь татарской певицы, *Элла* – в честь джазовой певицы Эллы Фитцджеральд.

6. Компромиссное решение (1,67%). Западное имя *Алиса* было выбрано для ребенка, мать которого русская, а отец – армянин. В данном случае сочетание имени и отчества (*Алиса Хачиковна*) не совсем удачно.

7. Выбор самого носителя (1,67%). *Майя* сама взяла это имя в 14 лет.

20% респондентов не указали причину выбора имени.

70% респондентов отметили положительное отношение к своему имени, 30% указали, что испытывают те или иные неудобства, связанные с именем: имя не нравилось в детстве, не нравится полная форма или сокращённые формы, фонетическая составляющая. Носители заимствованных имен (в особенности, восточных) испытывают неудобства, связанные с ошибками окружающих в произношении и написании имен. Например, носитель имени *Ширхан* привел целый перечень ошибочных вариантов написания своего имени, с которыми он сталкивался. Некоторые восточные имена не соответствуют морфологической системе русского языка и являются несклоняемыми. В таких случаях носители приветствуют употребление сокращённых форм, которые более привычны для окружающих и лучше запоминаются. Например, носители имен *Данагуль* и *Зарбаф* чувствуют себя комфортнее с сокращёнными формами *Дана* и *Зара*.

63,33% респондентов отметили положительное отношение окружающих к их именам; 21,67% – нейтральное отношение. 15% указали, что окружающие постоянно переспрашивают имя и путают. Ошибки в основном вызывают восточные имена. Но и такие имена, как *Инга* и *Ульяна*, не сразу запоминаются людьми. Обладательница имени *Инга* отмечает, что ее имя путают с именами *Инна* и *Ирина*, а имя *Ульяна* путают с именами *Оля* и *Яна*.

Создание производных форм является показателем освоенности редких имен русским разговорно-бытовым дискурсом. Анкетирование 60 носителей позволило обнаружить 104 неофициальные формы, образованные от редких имен. Однако 15% носителей не указали наличие неофициальных форм.

Большая часть неофициальных форм (95) образовались от полных форм одним из традиционных морфологических способов. Рассмотрим эти способы.

1. Усечение основы.

Наиболее продуктивным способом, с помощью которого образовано 29 форм, является конечное усечение основы. Среди них есть формы, включающие флексию *-а / -я*: *Сава* (от *Савелий*), *Гая* (от *Гаяне*). Формы с нулевой флексией образуются не только от мужских имен (*Баян* от *Баянгаей*), но и от женских (*Арм* от *Армине*).

5 форм образовалось при помощи начального усечения основы: *Несса* (от *Агнесса*), *Слава* (от *Ярослава*), *Лица* (от *Анжелика*), *Лиса*

(от *Алиса*). Начальное усечение может сочетаться с усечением середины основы: *Тина* (от *Антонина*).

Менее продуктивным способом является усечение середины основы. Так образовано 3 формы: *Нала* (от *Наиля*), *Арина* (от *Ариадна*), *Ява* (от *Ярослава*).

2. Суффиксация. Большая часть форм (35) образована при помощи суффиксации усеченной основы. Формы с флексией *-а / -я*: *Яшенька*, *Яшуня* (от *Яков*), *Зимка* (от *Зарема*). Формы с нулевой флексией: *Алсик* (от *Алсу*), *Марсик* (от *Марсель*).

Реже используется суффиксация без усечения основы. Данным способом образовано 22 формы. Формы с флексией *-а / -я*: *Ладуся* (от *Лада*), *Фаридушечка* (от *Фарида*). Формы с нулевой флексией: *Бельчонок* (от *Белла*), *Нехатик* (от *Нехат*).

Суффиксацией с наращением основы образована форма *Гиннесик* от *Агнесса*.

В настоящее время переосмысливается семантика суффикса *-к-*, бывшего ранее пренебрежительно-уничижительным. Результаты проведенного нами анкетирования показали, что 13,3% респондентов относятся к формам с этим суффиксом нейтрально, 46,7% считают, что в зависимости от интонации и содержания высказывания такие формы можно расценить как ласкательные. По мнению 23,3% респондентов употребление таких форм возможно при общении друзей; и только 16,7% считают, что такие формы в любой ситуации звучат грубо и могут обидеть. С помощью этого суффикса достаточно активно образуются формы редких имен (например, *Лилька*, *Заремка*, *Майка*, *Яшка*).

Многие современные редкие имена не имеют оригинальных производных форм, а используют формы других имен. Например, форма *Даша* (обычно от *Дарья*) в нашем материале соответствует имени *Дарина*; *Боря* (обычно от *Борис*) – имени *Баянгалей*; *Лиля* и *Лилька* (обычно от *Лилия*) соотносятся с полным именем *Лилит*; *Галя* (обычно от *Галина*) – с именем *Галия*.

А.В. Суперанская отмечает, что, чем с большим количеством полных имен соотносится сокращенная форма, тем слабее её назывные способности [Суперанская 2010: 18]. Зачастую это становится причиной неудобств, которые испытывают носители редких имен. Например, носитель имени *Савелий* написал: «*Когда я учился в школе, возражал, чтобы меня называли Савой, поскольку в классе был Савва, а это разные имена*».

Некоторые неофициальные формы редких личных имен совпадают с апеллятивами, например, *Майка* от *Майя*, *Бельчонок* от *Белла*. Отношение носителей к таким формам положительное. А.В. Суперанская отмечает, что образование таких форм создает предельную унификацию нерусского по происхождению имени и его абсолютное утверждение в составе русского языка [Суперанская 2001: 85].

Также можно наблюдать противоположную тенденцию – использование иностранных личных имен в качестве русских бытовых форм: француз. *Жаннет* от *Жанна* и *Николь* от *Ника*, ит. и нем. *Виола* от *Виолетта*.

Кроме того, отмечается тенденция к номинации женщин полными формами мужских имен: *Жан* от *Жанна*, *Никон*, *Никентий* от *Ника* – или сокращенными: *Ярик* от *Ярослава*, *Марик* от *Марьяна*, *Вася* от *Василиса*. Отношение носителей к таким формам положительное. Например, обладательнице имени *Василиса* не нравится полная форма её имени, поэтому большинство окружающих её людей используют при обращении форму *Вася*.

Однако номинация мужчин формами женских имен вызывает резко отрицательную реакцию. Например, носитель имени *Асхат* написал: «Иногда в приступе юмора друзья называют меня *Асей*, но я этого не люблю, слишком женственно, знаете ли».

У 23,33% носителей неофициальные формы имен вызывают отрицательные коннотации.

В ходе исследования были выявлены изменения, происходящие в группе частотных имен современного русского именника. На основе анкетирования носителей редких имен были исследованы особенности функционирования редких имен на современном этапе.

Список литературы

Суперанская А.В. Словарь народных форм русских имен. М.: Либроком, 2010. 368 с.

Суслова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. Л.: Лениздат, 1991. 222 с.

Суперанская А.В. Неофициальные формы русских личных имен // Русская речь. 2001. № 1. С. 85–89.

Никонов В.А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. 278 с.

A.E. Denikina

Current trends in the development of modern anthroponymycon

The article is devoted to the processes that occur in modern Russian anthroponymycon. The author describes trends in the development of the

anthroponymy. Changes in composition of frequency personal names and problems functioning of rare names in Russian-speaking environment are researched.

Key words: anthroponymic, rare personal names, informal variants of rare personal names.

А.М. Есаева
(Арзамас, Россия)

Тезоименность и полионимия в антропонимическом пространстве посёлка Берещино Нижегородской области

В статье рассматривается прозвищная номинация в антропонимическом пространстве одной микросистемы. Внимание сосредоточено на внутрисемейной тезоименности, а также на полионимии, реализующейся в многочисленных прозвищных рядах.

Ключевые слова: парадигма, прозвищная номинация, внутрисемейная тезоименность, полионимия.

Лексическая парадигма – это совокупность лексических единиц, обладающих не только семантической общностью, но и дифференциальными признаками. В лексическую парадигматику входят антонимические, синонимические, гиперо-гипонимические и другие ряды. В онимии парадигматические отношения имеют свою специфику и реализуются, в частности, в явлении тезомённости – наличии внешне одного имени по отношению к разным объектам (аналог апеллятивной омонимии), а также полионимии – наличии двух или более единиц для номинации одного объекта (аналог апеллятивной синонимии) [Суперанская 1973: 289–290, 300–303, 305]. Свойственны они и антропонимии.

Тезоименность в антропонимическом пространстве, в таком его компоненте, как прозвище, для отдельной микросистемы менее характерна на фоне других парадигматических отношений; однако в говоре посёлка Берещино это явление продуктивное. Основывается оно на разных типах номинации, в том числе по внешнему признаку лица, по внутреннему качеству, по нестандартной ситуации и других. В целом возникновение прозвищ обусловлено присущими человеку качествами, а название происходит с опорой на принципы номинации (кваликативный, релятивный и др.) ([Гузнова 2016: 11]; ср.: [Есаева 2016: 96–100]). В рассматриваемом говоре тезоименность бытует в двух основных разновидностях: совпадение прозвищ разных

лиц, не находящихся в родственных отношениях (внесемейная тезоименность), и лиц, принадлежащих к одной семье (внутрисемейная тезоименность). В первую группу входят, например, такие прозвища: **Рыжий** – прозвище Бархатова И.Н. (*Да рыжий он, вот и завём так*) и Орешина М.А. (*Да патаму рыжий он, издалека видно!*); **Длинный** – прозвище Денисова В.Е. (*Длинный он, высокий и худой очень*) и Потапова В.А. (*А длинющий-то! Как асина, стройный*).

Внутрисемейная прозвищная тезоименность в антропонимическом пространстве говора имеет объёмную представленность: **Череп** – прозвище Каминского А.В. (*Череп он патаму, что спалил себе все брови да волосы*) и Каминского В.А. (*Сынок Черепана, вот и Череп*); **Лев** – прозвище Кожевникова Н.Н. (*Шевилюра у него пышная была, как у льва, вот и Лев*) и Кожевникова А.Н. (*Сын Льва, вот и Лев сам*); **Суслик** – прозвище Суслина И.И. (*Суслик пачему? Патаму что Суслин он!*) и Суслина А.И. (*Сын он его, Суслина, тоже Суслик*); **Прыщ** – прозвище Евтеева В.П. (*Прыщ он, мелкий, младший патаму что*) и Евтеева М.В. (*Сын Прыща, вот и Прыщ*); **Хомут** – прозвище Генералова С.А. (*Хамут, каши с ним не сварить*) и Генералова А.С. (*Сын Хамута он*); **Колпак** – прозвище Крупенина И.И. (*Не знай, пачему Колпак. Все с молодости его так зовут*) и Крупенина С.И. (*Сын Колпака-то старшего, вот и Колпачок, или Колпак, как вырос*); **Гвоздь** – прозвище Денисова Е.А. (*Длинный и худой, вот и Гвоздь*) и Денисова В.Е. (*Атец у него Гвоздь, вот и он Гвоздь*); **Стефан** – прозвище Денисова Е.А. (*Пачему Стефан, не магу сказать*) и прозвище Денисова В.Е. (*Сын Стефана старший*); **Чёрт** – прозвище Есаева М.В. (*Чёрт он патаму, что хитрый и пранырливый, всех знат*) и Есаевой А.М. (*Дочь Черта ана, старшая*) и др.

Прозвища, как индивидуальные именованья человека, призваны выделять его, прежде всего через ту или иную наиболее яркую черту, ситуацию, с ним связанную. Однако они способны выполнять и функцию отражения родственных отношений человека внутри семьи, при этом члены семьи получают прозвище её главы. Так, для именованья детей жители посёлка нередко используют деминутивы как производные единицы от прозвища отца. Такая номинация лица используется в детстве, на этапе подросткового возраста и ранней юности, например: **Гвоздёнок**, **Хомутёнок**, **Колпачок** и др. Когда же человек достигает зрелого возраста, он носит прозвище,

омонимичное прозвищу отца, за исключением тех случаев, когда их (отца и сына) видят вместе (ср.: [Есаева 2017: 144–147]). В таком случае снова используется уменьшительно-ласкательный вариант для младшего по возрасту, например, **Лев – Львёнок**: *Вот идут Лев са Львёнком. - Да какой он Львёнок-то? Ему уж двадцатый год идёт! – Атец-то у него Лев, а по сравнению с ним он и есть Львёнок. – Сегодня у Льва был, у Андрея, младшого и др.* Иногда переход прозвища осуществляется от старшего брата к младшему, например в паре **Пупс**: *Максим – младший брат Саики, тоже пухлый. Вот и Пупс тоже.* Переход прозвища произошёл на основе общности внешнего признака.

Колоритной в онимическом пространстве микросистемы является полионимия, представляющая собой, в микропонимии например, «тождество объекта, который называется разными именами» [Климкова 2007: 66]. В прозвищном компоненте антропонимического пространства один и тот же человек является носителем нескольких номинант. Характерной особенностью прозвищ данного говора является активное употребление всех единиц прозвищного ряда. В анализируемой микросистеме таких рядов-парадигм много: Саушкин С.О.: **Чипа** (*Атца его так звали, и он Чипа*), **Сова** (*Патаму что Саушкин, вот и Сава*), **Фил** (*Сава или Филин, так завём*); Гришин И.А.: **Кот** (*Да кто его знат, сколько sibя помню, Катом завём*), **Котик** (*Тот же Кот, только ласково*); Павликов М.В.: **Павлин** (*Павликов патаму что*), **Толстый** (*Большой он, вот и толстый*), **Рыхлый** (*Да ты его видела? Большой и рыхлый*), **Пухлый** (*Все патаму, что толстый он. Вот паэтомуи называем еще Рыхлым да Пухлым*), **Толстун** (*Толстый. Или Талстун. Здравый уж очень*), **Мордвин** (*Атец у него мардвин, и его тоже Мардвином завём*), **Большой Брат** (*Большой брат он патаму, что мы с ним в кампании самые старшие были. Да и друг он мне хороший. Вот и я стала звать его Большим братом, а он меня – Большой систой. Так и прижилось*); Андронов Д.К.: **Блоха**, **Блошка** (*Маленький, резвый, как Блаха. Был маленьким – звали Блошкой*), **Носик**, **Нос** (*Нос у него большой. А Носик – ласково*); Карькаев К.: **Костян** – трансформация персонима (*Кастян у нас адин. Карькаев. Всего его знают как Костяна́, а Костей его только мать да жена завут*), **Карькай** (*Карькай – патаму что Карькаев*); Кожевников А.Н.: **Львенок**, **Лев**, **Лео**, **Леопольд** (*Львом звали его атца, патаму что шевилюра была пышная. Маленького стали звать*

Львёнком, то есть сыном Льва. Вырос – и Львом стал. А Лео и Леопольд – ласково называем), Перец (Уж и не помню, пачему Перец. С самого садика так завём); Генералов А.С.: Генеральчик, Генерал (Генералов он. Маленький был – звали Генеральчиком. А сейчас уж взрослый), Депутат (Атца его Депутатом звали); Денисов В.Е.: Гвóздь, Гвóздёнок (Ещё атца его Гвóздём звали. Длинный уж очень. Вот и сын весь в атцаурадился), Стéфан (Атца так звали. А пачему – не помню), Длíнный (Длинный очень, адни ноги да туловище); Есаева А.М.: Чертёнок, Чёрт (Атца Чиртóm звали. А я старшая дочь. Вот и меня сначала Чиртёнком, патом Чиртóm звать стали), Есáй, Есáюшка (Патаму что Есаева, вот и Есай. Или Есаюшка, так ласково), Мордóвочка (Жених у неё мардвин, паэтому и Мардовочка), Нáнька (Нянька я всем. А зовут меня Настей. Вот и палучилось Нанька – Настя и нянька), Мордóвское сóлнышко (В Мардови пастаянно прападаешь, не видим тибя пачти), Рýжая (Жених же у тибя Рыжий, вот и ты у нас Рыжая), Большáя сестрá (см. выше); Волкова А.А.: Кельшáстик, Кельшá (Атец у неё Келиш, а она – Кельша, старшая дочь. Кельшастик, эт ласково), Вóлк (Патаму что Волкова), Длíнная (Высокая очень, вот и длинная).

В некоторых случаях персоним трансформируется и закрепляется за определённой личностью именно как прозвище, например, единицы **Мидю́ня**: Митюня → Мидюня; **Костя́н**: Костя → Костян.

Таким образом, внутри микросистемы говора посёлка Берещино Первомайского района Нижегородской области образуются прозвищные парадигмы, основанные на тезоименности, прежде всего внутрисемейной, – функционировании внешне одинаковых единиц для называния разных лиц, и на полионимии – наличии нескольких единиц у одного лица, причём одинаково актуальных.

Список литературы

Гузнова А.В. Прозвищная номинация в арзамасских говорах (части нижегородских): Автореф. дис...канд. филол.наук. Нижний Новгород, 2016. 22 с.

Есаева А.М. Отражение категории времени в антропонимической микросистеме // Язык. Культура. Личность. Вып. 3: материалы X Всероссийской научной конференции молодых ученых, посвященной 250-летию Н.М. Карамзина (Самара, 15 декабря 2016 г.) / под ред. Т.Е. Баженовой, Ю.А. Белкиной. Самара: СГСПУ, 2017. С. 142–145.

Есаева А.М. Фрагмент микроантропонимического пространства одного говора // Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 13–16 сентября 2016 г.) / под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна. Арзамас – Саров: Интерконтакт, 2016. С. 96–100.

Климкова Л.А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира. Арзамас: АГПИ, 2007. 394 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.

A.M. Esaeva

Tesament and polyonymy in anthroponymic space of the village Bereshino

The article considers nicknames nomination in anthroponymic space of microsystem. Emphasis is concentrated in intrafamily tesament and polyonymy, which is realized in polynomial nicknames ranges.

Key words: paradigm, nicknames nomination, intrafamily tesament, polyonymy.

Л.В. Калинина
(Киров, Россия)

«Неуловимый Джо» как прецедентный феномен

В статье в контексте общего изучения семантики неуловимого рассматриваются особенности функционирования в речи прецедентного феномена *Неуловимый Джо*. Показывается, что данное выражение может использоваться как в ироническом смысле ‘никому не нужный, никому не интересный’, так и с актуализацией прямого значения прилагательного *неуловимый* ‘такой, которого трудно, невозможно поймать, застать где-либо’.

Ключевые слова: семантика неуловимого, прецедентный феномен, прилагательное на *-мый*, язык Интернета.

Основным объектом нашего изучения является семантика неуловимого. Семантику неуловимого, организованную по принципу поля, может выражать весьма широкий круг языковых единиц [ср. Калинина 2016^a]. Центральным репрезентантом этой семантики является прилагательное *неуловимый*. В словарях у него отмечается два основных значения, ср.: «1. Такой, которого трудно, невозможно поймать, застать где-либо...; 2. Незаметный, неясный, плохо различимый» [Словарь русского языка, II: 489]. Анализ данных Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) и других источников языкового материала показывает, что наиболее важным в реальном употреблении является второе, переносное значение. Это подтверждается тем, что чаще всего в речи представлена сочетаемость прилагательного *неуловимый* с неопределёнными местоимениями *что-то* и *нечто* [Калинина 2016б].

Прямое значение прилагательного *неуловимый* в речи встречается реже и обычно бывает представлено у словоформы мужского рода со значением лица, ср., напр.: *неуловимый Басаев*,

главарь, мститель, незнакомец, очевидец, преступник, Пугачев, террорист, Фантомас и т.д. Как видим, в таких случаях возможна сочетаемость как с нарицательными, так и с собственными именами существительными. По данным нашего языкового материала, среди сочетаний типа «неуловимый + имя собственное» самым частотным является выражение *Неуловимый Джо* (около 60 примеров употребления в НКРЯ и Интернете). Такая употребительность объясняется, по-видимому, тем, что *Неуловимый Джо* – это прецедентный феномен. По определению В.В. Джанаевой, прецедентные феномены – «это единицы-символы, отражающие культурные, исторические, литературные представления лингвокультурного сообщества, обладающие достаточной воспроизводимостью и устойчивостью компонентного состава» [Джанаева 2008: 3].

Целью настоящей статьи является попытка проанализировать те эксплицитные и имплицитные смыслы, которые делают данный прецедентный феномен достаточно употребительным в русской коммуникации.

В качестве источника выражения *Неуловимый Джо* обычно называют следующий анекдот: *Городок в западно-американской степи. Салун. За столом сидят два ковбоя, местный и приезжий, и пьют виски. Вдруг по улице кто-то проносится на огромной скорости, паля во все стороны из пистолетов. В салуне никто и ухом не ведёт. Приезжий местному: – Билл? – Да, Гарри? – Что это было, Билл? – Это был **Неуловимый Джо**, Гарри. – А почему его зовут *Неуловимым Джо*, Билл? – Потому что его никто ещё не поймал, Гарри. – А почему его никто ещё не поймал, Билл? – Потому что он нафиг никому не нужен, Гарри* [Неуловимый Джо. Электронный ресурс]. Из данного анекдота следует, что «Неуловимым Джо» можно назвать нечто, о чём все знают, но никто этим не интересуется. Анекдот строится на приёме «обманутого ожидания», когда прилагательное структуры «не-имый» используется не со свойственным ему словообразовательным значением «неспособный совершить действие, названное мотивирующим словом, или подвергнуться этому действию» [Русская грамматика 1980, I: 316; ср. также Петрова 2006], а со смысловым сдвигом: Джо зовётся «неуловимым» не потому, что ‘никто не может его поймать, хотя многие пытались’, а потому, что ‘никто не хочет его ловить, так как не испытывает к нему интереса’.

Примечательно, что в речи выражение *Неуловимый Джо* может использоваться как с актуализацией прямого значения лексемы *неуловимый* ('такой, которого трудно, невозможно поймать, застать где-либо'), так и в игровом значении 'никому не нужный, никому не интересный'. Имеющиеся в нашем распоряжении примеры из НКРЯ и Интернета могут быть классифицированы на несколько групп в зависимости от того, по отношению к какому объекту применяется номинация *Неуловимый Джо* и в каком смысле используется в том или ином случае прилагательное *неуловимый*.

1. Прежде всего отметим, что существует целый ряд вербальных и невербальных феноменов, непосредственно связанных с «ковбойской тематикой». К ним можно отнести вариации на тему приведённого выше анекдота (существует даже сборник анекдотов «*Неуловимый Джо. Анекдоты про ковбоев, индейцев и Дикий Запад*»), песни о ковбое по прозвищу «Неуловимый Джо», рисунки с изображением ковбоев и подписью «Неуловимый Джо», а также название семейного ресторана (кантри-бара) «Неуловимый Джо». Но образ Неуловимого Джо даже в этих тематически связанных текстах и номинациях обозначен по-разному.

Например, в одной из песен просто пересказывается сюжет приведённого выше анекдота, и речь в ней идёт о «никому не нужном ковбое». Ср.: *А я тогда спросил его опять: «Но как же это, братцы, понимать! Неужели, Все ковбои, Одного не можете поймать?» Он сказал: «Поймать не можем, почему? Да этот Джо не нужен никому! Здесь его ведь Никто не ловит, И он неуловимый потому!* (из песни «Неуловимый Джо» в исполнении Арчи Гладышева).

В других же песнях создаётся образ бравого ковбоя, который неуловим (в прямом смысле) для шерифа или для влюблённой в него женщины, ср., напр.: *По дикой жаркой прерии Скакал врагам назло На исхудавшей лошади **Неуловимый Джо**. Винчестер, нож и славный кольт – Надёжный арсенал, И белокурой мисс любовь, Что он завоевал... Где пыль столбом, стрельба кругом – Там **Неуловимый Джо**. Где пьют-гуляют за столом – Там **Неуловимый Джо**. Где нежный страстный поцелуй – Там **Неуловимый Джо**. А где на всё забили ... Давненько не было его (из песни «Неуловимый Джо» в исполнении Павла Вишерского); *Всё бы было ничего, Да рвётся жизнь на части: Не видать нигде его, А сердце хочет счастья. Только в прериях опять Гудит он, словно ветер. Что же сделать, чтоб поймать Его, как птичку в сети? **Неуловимый Джо**,**

***Неуловимый Джо, Неуловимый Джо, сегодня он в ударе!
Неуловимый Джо, Неуловимый Джо, Неуловимый Джо, он самый
лучший парень – Неуловимый Джо!*** (из песни «Неуловимый Джо» в исполнении Руслана Алехно).

2. Встречаются примеры использования выражения *Неуловимый Джо* по отношению к лицам (не ковбоям), которых **в прямом смысле трудно поймать или застать где-либо**. Ср., напр.: *Панфилов был нередким гостем в отделе по борьбе с организованной преступностью, в кабинете Павла Воронова, которого коллеги называли «неуловимый Джо», так как он постоянно находился в разъездах по городу, по местам происшествий* (М. Милованов. Естественный отбор); *20 лет без **Неуловимого Джо**: как ликвидировали террориста Дудаева* (<http://scienceport.ru/anlytics/20-let-bez-neulovimogo-dzho/>).

Не все примеры такого употребления следует признавать удачными – благодаря «анекдотическому» происхождению выражения *Неуловимый Джо* оно ассоциируется с несерьёзным, ироническим отношением к тому, кто получает такое наименование. По этой причине использование данного выражения в контекстах, где речь идёт о тяжких преступлениях, представляется некорректным и может расцениваться как стёб. Ср. в связи с этим: ***Неуловимый Джо**. Уголовное дело об убийстве из одного пистолета Андрея Уварова и Владимира Соболева приостановлено. Об этом сообщили на пресс-конференции в орловском СУ СК 16 января. «Дело было закрыто в связи с неустановлением лиц, причастных к совершению преступления» – отметили на пресс-конференции* (http://newsorel.ru/fn_245118.html).

3. Основная масса случаев представляет собой **ироническое использование номинации *Неуловимый Джо*** по отношению к человеку, который никого не интересуется, но сам считает себя преследуемым или обсуждаемым. Ср., напр.: *«**Неуловимый Джо**»: дочь Немцова рассказала немецким журналистам, что была вынуждена бежать из-за своей принципиальной политической позиции... Какую угрозу могла представлять «режиму» мало кому известная журналистка, непонятно* (<http://rusvesna.su/news/1437803620>); *Видимо, по той причине, что уже мало кого интересуется, «неуловимый» Джо Байден принял «сыворотку правды». И сделал все, чтобы его все-таки словили. Хотя бы на слове* (<https://ria.ru/accents/20161017/1479412704.html>); *Мне совершенно*

наплевать на этого человека. И все равно, что он там думает. Желая ему удачи. Но это как анекдот о Неуловимом Джо. Сейчас мне Пихлер просто не нужен(<http://wap.sovsport.ru/gazeta/article-item/627422>).

Иронически-уничжительное употребление выражения *Неуловимый Джо* отмечается также по отношению не только к людям, но и к некоторым явлениям, ср.: *Она (современная поэзия. – Л.К.) превратилась в неуловимого Джо, который никому не нужен... современных стихов не читают ни в профессиональных кругах, ни в провинции* (В. Пригодич. Критика критики, или Постнеклассическая комедия); *О коммунизме, который ещё полвека назад вполне обоснованно претендовал на роль мировой идеологии, все настолько крепко забыли, что впору вспомнить известный анекдот про «неуловимого Джо»* (Г. Панов. Пролетарии, разъединяйтесь // «Коммерсантъ-Власть», 1998).

4. Встречаются контексты с призывами **«поймать Неуловимого Джо»** или с сообщениями о том, что некий «Неуловимый Джо» пойман. В таких случаях ироническая окраска обычно стирается или отходит на второй план и возникает противоположный исходному смысл: «Неуловимый Джо» нужен и представляет определённый интерес. Ср., напр.: *Солдатик исчез из песочницы, Упал и разлился кефир, Пропали из булочной сладкие сочники, И засорился сортир. Все урны забиты мусором, Костюм пиджачный бычками прожжён – Я знаю, в этом виновен безумец Неуловимый Джо. Поймать Неуловимого Джо!*(из песни «Неуловимый Джо» в исполнении группы «Подарки»); **«Неуловимый Джо» попался! Прорыв в диагностике заражения крови эндогенными токсинами! Автором метода стала молодой ученый Института биофизики и клеточной инженерии НАН РБ Наталья Павлова** (<https://www.sb.by/articles/neulovimyy-dzho-popalsya.html>); **Избыточный вес как Неуловимый Джо!.. Может быть, узнав о Неуловимом Джо побольше, поняв, кто он и какой, Вам будет легче двигаться к цели? Готов утверждать – да!** (<http://Избыточный%20вес%20как%20неуловимый%20Джо!-1>).

5. Иногда в контексте содержится **призыв «не пытаться ловить неуловимого Джо»** и объяснение, почему этого делать не стоит. Ср.: *Искусство Возможного и Неуловимый Джо (NUC11). Всё дело в том, что торий – это Неуловимый Джо ядерной энергетики. Его никто не хочет ловить... Просто он пока невыгоден – ни в добыче, ни в*

извлечении, ни в наработке из него делящегося материала... ториевая энергетика практически по всем статьям проигрывает ураново-плутониевой (<http://crustgroup.livejournal.com/30079.html>).

Таковы основные группы по особенностям выражения в контексте того или иного семантического оттенка.

С точки зрения структуры номинация *Неуловимый Джо* может использоваться: а) без изменения своего лексического состава, но с контекстуальным пояснением, кто или что именно имеется в виду, ср. примеры из Интернета: *«Неуловимый Джо»? Янукович находится в Барвихе; Торий пока... «Неуловимый Джо»; НАТО – как «неуловимый Джо»* и др.; б) с расширением лексического состава за счёт добавления к имени «Джо» фамилии конкретного человека, ср.: *Неуловимый Джо Байден; Неуловимый Джо Парубий; Неуловимый Джо по фамилии Супрунюк* и др. При этом замены имени «Джо» на какое-то другое имя не отмечается, так как в этом случае номинация «Неуловимый N» (где N–любое другое имя) уже не воспринималась бы как прецедентная.

Таким образом, выражение *Неуловимый Джо* может использоваться с различными смысловыми оттенками. Основное и наиболее часто встречающееся его значение, восходящее к анекдоту-первоисточнику, является ироническим (‘обладающий широкой известностью, но никому не интересный человек или объект’). Однако возможно и буквальное понимание прилагательного *неуловимый* в составе данного выражения: ‘такой, которого трудно поймать или застать где либо’. В таких случаях в контексте возможны пояснения относительно того, почему человек или объект являются неуловимыми, призывы «поймать» или же, напротив, «не ловить» этого человека или этот объект. Особую группу составляют контексты «ковбойской» тематики, в которых могут быть представлены оба основных варианта интерпретации прецедентного феномена *Неуловимый Джо*: ‘неуловимый, потому что никому не нужный’ и ‘неуловимый, потому что никто не способен его поймать’. Анализ данного прецедентного феномена подтверждает сложность и неоднозначность семантики неуловимого в целом.

Список литературы

Джанаева В.В. Функционирование инокультурных прецедентных феноменов в современном российском медиа-дискурсе // Активные процессы в различных типах дискурсов: политический, медийный, рекламный дискурсы и

Интернет-коммуникация: материалы междунар. конф. 19–21 июня 2009 года. М.; Ярославль, 2009. С. 112–117.

Калинина Л.В. Изучение семантики неуловимого как лингвистическая и когнитивная проблема // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Научный журнал. № 3. Киров, 2016. С. 63–67.

Калинина Л.В. Лексема «неуловимый»: семантика и сочетаемость // Проблемы языковой картины мира в синхронии и диахронии. Сб. статей по материалам XIII Всероссийской научной конференции молодых ученых 21–22 апреля 2016 года. Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» (Мининский университет), 2016. С. 39–43.

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 08.04.2017).

Неуловимый Джо. [Электронный ресурс]. URL: http://wikireality.ru/wiki/Неуловимый_Джо (дата обращения 08.04.2017).

Петрова Н.Е. Внутренняя форма и функционирование прилагательных на -м- // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П.П. Шубы): материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 6–7 апр. 2006 г.: в 2 ч. Минск: РИВШ, 2006. Ч. 1. С. 219–222.

Русская грамматика: в 2 т. / АН СССР; Ин-т рус. яз.; гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 783 с.

Словарь русского языка в 4 т. Т. 2. К–О. М.: Русский язык, 1986. 736 с.

L.V. Kalinina

«Imperceptible Joe» as case phenomenon

In article in the context of the general studying of semantics of imperceptible features of functioning in the speech of a case phenomenon *Imperceptible Joe* are considered. It is shown that this expression can be used as in ironical sense ‘to nobody necessary, to nobody interesting’, and with updating of a direct sense of an adjective *imperceptible* ‘such which it is difficult, it is impossible to catch, to find somewhere’.

Key words: semantics of imperceptible, a case phenomenon, an adjective on -мый, Internet language.

Г.Ф. Ковалев

(Воронеж, Россия)

Сохраним наше русское отчество!

Статья посвящена проблеме особенностей функционирования отчества в современном русском языке. К сожалению, из-за мощного влияния традиций романо-германских языков русское отчество перестало употребляться в российских газетах и журналах, на радио и телевидении. Тем не менее, в обычной русской речи отчество активно употребляется, особенно в вокативной форме.

Ключевые слова: имя, фамилия, статус отчества, обращение, уважительная форма, неуважительная форма, инициалы.

Вот уже два десятка лет наступают чинуши от СМИ на наш русский уклад и на нашу русскую идентичность. Ведь отчество с гордостью носят среди славян только русские, да еще белорусы. Украинцы уже почти отказались от отчеств (та шо мы, москали, чи шо?), у болгар отчество есть, но только в паспорте, в речи не приветствуется.

А у нас, в России повсеместно в газетах и журналах исчезло наше отчество. Спрашиваю журналистов, моих же выпускников, почему в интервью они называют меня в своих публикациях так неуважительно – без отчества? Они сказали, что таков приказ сверху (а, вроде бы, цензуру отменили!). Уже в 2004 г. крупный специалист по русскому вокативу и речевому этикету Н.И. Формановская писала о разгуле в СМИ нерусских форм упоминания человека без отчества [Формановская 2004: 71].

Причины к неупотреблению отчества журналисты приводят следующие: первое – у других народов нет отчества, и все обходятся без него, «вся Европа так пишет»; и второе – писать отчество – занимает много места и времени. По первому аргументу: если у других народов нет отчества, то это совсем не значит, что оно не нужно русскому. Имя-отчество составляет обычай, традицию русского народа, оно завещано нам предками, а ломать традиции не в традициях русского народа. Второе можно отбросить, поскольку существует специальная письменная (не произносимая) форма указания имени-отчества – инициалы. В брежневские времена писали: «И лично *Леониду Ильичу Брежневу*». Этот подхалимский шаблон уже к 1980 г. набил оскомину и в обычной речи использовался как издёвка над плохо говорившим и слабо осознававшим реальность генсеком. А теперь вместо англоязычного *Владимир Путин*, поставив инициалы и сохранив русский этикет, можно писать *В.В. Путин*, при этом журналист сэкономит и газетное место, и время. Но, к сожалению, полные инициалы почти вышли из употребления в газете (это же не европейский формат!).

В сфере же указания на 3-е лицо отчество нередко отбрасывается. В газетах и журналах читаем, по радио и телевидению слышим только имя и фамилию. Возьмем любой номер «Литературной газеты»

(например, 2016, № 12): «ЛГ» беседует с генеральным директором издательства "Молодая гвардия" Валентином Юркиным» (с. 1); «Почетные дипломы и медали за лучшие книги получили академик Сергей Глазьев, народный артист России Никита Михалков...» (с. 23). Однако в самих статьях, заметках журналист варьирует именованья. Так, если в подзаголовке интервью с известным российским кинодеятелем С.А. Соловьевым употреблено в третьем лице: «Сергей Соловьёв – о молодежи, Цое и никому не нужных переменах», то в тексте обнаруживается нормальная русская форма: «Сергей Александрович, говорят, что ваш новый фильм – о современной молодёжи» (Лит. газ., 2016, № 14, с. 3). Думается, во всех этих случаях инициалы выглядели бы пристойнее. Что касается их малой информативности, то она не меньше, чем у имени: ведь так все равно нельзя обратиться, приходится узнавать отчество.

В результате мы получаем «двуличную» игру: во втором лице мы все делаем по-русски, а в третьем «за глаза» – по-чужому. Интересно, что в древности в славянских языках не было личного местоимения 3-го лица. Нельзя было говорить о человеке «за глаза» – можно было навести на него порчу. Впоследствии личное местоимение 3-го лица сформировалось из указательных местоимений *он, она, оно* (только в Им.п.) и *его, её, их* (во всех косвенных падежах), поэтому местоимение и получилось двукорневым в парадигме.

На Руси говорили: *Как вас звать-величать?* Величание по отчеству – возвеличивание с помощью демонстрации почтительного отношения к обыкновенному, «простому» человеку. Это устоявшаяся этикетная форма национального русского языка. Убирая отчество из именованья человека, мы снижаем элемент уважительности вплоть до оскорбления.

Ну, ладно, меня, малооплачиваемого профессора, в местной прессе мои же ученики «прописывают» в своих материалах без отчества, так ведь и с крупной государственной фигурой в «Литературной газете» поступили так же: *Вячеслав Штыров, заместитель председателя Совета Федерации*. А статья его была посвящена тому, как чиновники уродуют русский язык иностранными извержениями. Более того, он тоже обратил внимание на исчезновение в прессе такого понятия, как русское отчество. Справедливо он пишет: «Языковая агрессия подмывает корни национальной культуры, меняет традиционные для нашего народа

правила и ценности. Например, во многих странах, в том числе англоязычных, у человека нет отчества в привычном для нас понимании. Хоть в 10 лет он Джек, хоть в 70. А в русском языке, обращаясь к немолодому человеку, тем более незнакомому, просто неприлично назвать его по имени без отчества. Однако именно такая, "американизированная", форма обращения утвердилась на всех российских телеканалах. Юная девушка – корреспондент, разговаривающая с кем-то в российской глубинке, или молодой паренёк – ведущий в студии обращаются к людям, которые по возрасту им годятся в родители, а то и в деда, словно к своим ровесникам: по имени. А ведь **отчество не случайно имеет один корень с Отечеством. Выбрасывается одно, теряет прочность другое.** Вот почему в той же Франции борьбу за сохранение своего языка считают борьбой за национальную независимость в широком понимании этого слова. Что вполне объяснимо: если нет самоуважения внутреннего, не будет его и внешнего» [Штыров 2013: 12]. А заканчивает Вячеслав Анатольевич веским предостережением: «Сначала отказываемся от родного языка, потом – от отчества, а в конце концов – от Отечества» [Там же].

В сознании русских людей только для очень известных людей возможно лишь имя и фамилия, да и то чаще всего это писатели, артисты или спортсмены. У нас есть *Александр Пушкин, Марина Цветаева, Сергей Есенин, Иннокентий Смоктуновский, Андрей Миронов, Лев Яшин, Лариса Латынина...* Причем, следует отметить, что среди писателей и артистов издавна практиковались псевдонимы, в которых чаще всего утрачивались отчества: Алексей Максимович Пешков – Максим Горький, Андрей Платонович Климентов – Андрей Платонов, Виктор Владимирович Хлебников – Велимир Хлебников, Надежда Александровна Лохвицкая – Тэффи...

Сравните мнение Марины Цветаевой об отрицании отчества в псевдонимах: «Каждый литературный псевдоним прежде всего отказ от отчества, ибо отца не включает, исключает. Максим Горький, Андрей Белый – кто им отец? Каждый псевдоним, подсознательно, – отказ от преемственности, потомственности, сыновности. Отказ от отца. Но не только от отца отказ, но и от святого, под защиту которого поставлен, и от веры, в которую был крещен, и от собственного младенчества, и от матери, звавшей Боря и никакого "Андрея" не знавшей, отказ от всех корней, то ли церковных, то ли кровных» [Цветаева 1991: 229].

Первые отчества на *-ич* были не совсем отчествами: Рюриковичи, Ольговичи, Ярославичи, Мономашичи и т.д. Они были более близки к родовым фамилиям типа *Романовы*. Русские былины уже дают именованья типа *Добрыня Никитич*, *Алеша Попович* и т.д.

Личное имя собственное в русском языке всегда социально. Так, мы различаем ситуации, когда нужно сказать Коля или Коленька, Николай или Николай Александрович. Имя выражает возрастные, эмоционально-оценочные и социальные характеристики. Причем в русском языке многое зависит от контекста и интонации: *Николашка* по отношению к ребёнку передает ласковую интонацию, а вот такая же форма по отношению к царю Николаю – презрительно-неприязненную. Наличие при имени еще и отчества усиливает социальную позицию называемого. Да и само отчество крайне социально.

Отчество не сразу приобрело тот статус, какой мы имеем сейчас в реальной русскоязычной коммуникации. Сначала отчество стало привилегией правящих классов. Крестьяне, основное население Древней Руси, а затем и России, получив святцевые имена, при совпадении имен зачастую получали дополнительный индекс в виде прозвищ, которые, укоренившись, в более позднюю эпоху довольно системно становились основами для будущих фамилий.

До XII в. отчество встречалось в письменных источниках редко. Даже для Рюриковичей в летописях той поры чаще используется одно личное имя. С XII в. отчества уже упоминаются не только при обозначении представителей княжеских родов, но и при именовании лиц других высших сословий: «1127 г. Иванко Вячеславль, тысяцкий Туровский», «1146 год. Иван Халдеевич, воевода Киевский», «1170 год. Коснятин Хотович, воин русский» и др.

В конце XVI в. в эпоху упрочения Московского государства общеславянский патронимический формант *-ич* постепенно превратился в своеобразный социальный знак: им отмечали заслуженных или родовитых людей. Дело дошло до того, что сам Московский государь указывал, кого следует писать с *-вичем*. Так было и в XVIII веке. В то же время это не коснулось в равной степени Украины и Беларуси, где отчество можно рассматривать как руссизм, кроме того формант *-ович / -евич* активно вошел в белорусские фамилии: *Мицкевич*, *Богданович* и др.

Иногда даже наличие отчества не устраняло одинаковости называния. Так, например, запись в «Родословной книге» (начало XVII в.) констатирует: «Князь Костянтин Юрьевичь Фоминской: а у

него три сына, и все Федоры, а прозвища им были: большому Красной, а среднему Слепой, а третьему Меншой» [ВОИДР 1851: 106].

Известен случай, когда Петр I, в 1697 г. специальным указом разрешил князю Долгорукому писаться с *-вичем*, а в 1700 г. наделил такой же милостью именитого купца Григория Строганова. В «Чиновних росписях» только представители «особ первых пяти классов следует писать полным отчеством; лиц от шестого до восьмого классов включительно – полуотчеством, а всех остальных – без отчества, только по имени» [Карнович 1886: 37].

В эпоху Екатерины II отчества на *-ич / -ович* присуждались только тем, кто принадлежал к высшим пяти классам табели о рангах, причем присуждались только за личные заслуги. В армии это начиналось лишь от звания генерал-майора и выше. Остальные имели полуотчество (отчество типа *Иван Петров сын*).

А вот у крестьян отчеств практически не было. Правда, когда молодой крестьянин был назначен в слуги, он назывался *Тришка*, *Филька*. Когда же он состаривался, то получал в качестве имени... отчество. Таковы, например, были: няня *Еремеевна* в «Недоросле» Д.И. Фонвизина, пушкинские *Филиппьевна* (няня Татьяны Лариной) или *Савельич* – опекун Петруши Гринева [Ковалев 2012: 104, 119].

Вот как показано у И.С. Тургенева в романе «Отцы и дети» отчество разночинца Евгения Базарова и его трактовка дворянином Николаем Петровичем Кирсановым при их первой встрече:

«– Душевно рад, – начал он: – и благодарен за доброе намерение посетить нас; <...> позвольте узнать ваше имя и отчество?

– Евгений Васильев, – отвечал Базаров ленивым, но мужественным голосом <...>.

– Надеюсь, любезнейший Евгений Васильич, что вы не соскучитесь у нас, – продолжал Николай Петрович».

Отсутствие отчества у героев романа в стихах А.С. Пушкина (Евгений ...? Онегин, Дмитрий ...? Ларин, Владимир ...? Ленский) навело нас на мысль, что все они были бастардами [Ковалев 2014: 63-77].

Поскольку К.И. Чуковский считался незаконнорожденным, то долго мучился из-за отсутствия отчества: «Я, как незаконнорожденный, не имеющий даже национальности (кто я? еврей? русский? украинец?) – был самым нецельным непростым человеком на земле. Главное: я мучительно стыдился в те годы

сказать, что я "незаконный". У нас это называлось ужасным словом "байстрюк" (bastard). <...> Помню, каким позорным клеймом, издевательством показался мне аттестат Маруси-сестры, лучшей ученицы нашей Епархиальной школы, в этом написано: дочь крестьянки Мария (без отчества) Корнейчукова – оказала отличные успехи. Я и сейчас помню, что это отсутствие отчества сделало ту строчку, где вписывается имя и звание ученицы, короче, чем ей полагалось, чем было у других, – и это пронзило меня стыдом. "Мы – не как все люди, мы хуже, мы самые низкие" – и когда дети говорили о своих отцах, дедах, бабках, я только краснел, мялся, лгал, путал. У меня ведь никогда не было такой роскоши, как отец или хотя бы дед. Эта тогдашняя ложь, эта путаница – и есть источник всех моих фальшей и лжей дальнейшего периода. Теперь, когда мне попадает любое мое письмо к кому бы то ни было – я вижу: это письмо незаконнорожденного, "байстрюка".... Особенно мучительно было мне в 16–17 лет, когда молодых людей начинают вместо простого имени называть именем-отчеством. Помню, как клоунски я просил всех даже при первом знакомстве – уже усатый – "зовите меня просто Колей", "а я Коля" и т.д. Это казалось шутовством, но это была боль. И отсюда завелась привычка мешать боль, шутовство и ложь – никогда не показывать людям себя – отсюда пошло все остальное. Это я понял только теперь» [Чуковский 1991: 323].

Для иностранцев не всегда понятно, когда и какую форму отчества нужно выбирать. Это действительно сложно, если в родном языке не заложена соответствующая этикетная категория. Например, когда императрицу Елизавету Алексеевну в Германии встречавшие немцы приветствовали только по отчеству. «Странно было для русского уха слышать, – писал сопровождавший императрицу адмирал Шишков, – что в сей речи громогласно и с восторгом произносилось одно только отечественное имя ее: Алексеевна! виват, Алексеевна! Они думали подделаться этим под русский язык, потому что у них отечественное имя не в употреблении, но того не могли знать, что без приложения к нему собственного имени оно дико и только о простых и пожилых женщинах говорится» [Морошкин 1867: 8].

Показательно, что даже в современной русской деревне сохранилась старая форма отчества типа Филипп Иванов (сын), но, как правило, такое отчество употребляется на селе с известной долей

уважения: «А вон и сам Андрей *Семёнов* идя», где *Семёнов* отнюдь не фамилия, а отчество.

В соответствии со сложившейся системой именования всех русских соответствующего возраста обязательно называют по имени и отчеству. Отчество в том виде и в той традиции употребления, которая существует у нас, – индивидуальная и неповторимая особенность именно русского именования. Можно говорить даже об отчестве как этической категории русской речи.

А насколько неповторимо русское имя-отчество! Разные народы выработали с помощью личного имени разные возможности помечать уважительное отношение к другому человеку. У русских – это форма имени-отчества.

Писатель М. Веллер заметил по поводу отчества: «Вопрос обращения по отчеству заслуживает отдельного социопсихолингвистического изучения. Русско-советское хамство начиналось с комсомольского свойского "ты" и сквозь все слои и структуры общества восходило к публичному "тыканью" Генсека членам Политбюро. Но снизу вверх полагалось на "вы" и по отчеству. Это было самоутверждение холопов во князьях. У лакея свое представление о величии. В офицерском корпусе разграничивалось просто: на звездочку старше – "вы", на звездочку младше – "ты". В российском, даже купринского "Поединка" захолустном армейском полку – представьте "тыканье" штабс-капитана поручику. Среди "интеллигенции" задеиствовало различие в должности и возрасте. К редактору, скажем, книги или публикации автор даже постарше и помаститее его обращался взаимно по отчеству. Автор моложе и немаститый отчества в ответ не получал. А уж в неформальном общении десять лет разницы казались старшему полным основанием обращаться к младшему по имени, слыша в ответ свое имя-отчество. Это пошло в естество, иное представлялось даже и странным, как бы искусственным, наигранным: обращаться по отчеству к младшему, пусть даже немного младшему, пусть даже под пятьдесят, если только он не был значительной, влиятельной фигурой. Это способствовало самоуважению старших. И не могло зачастую не унижать младших. Поразительно, что в "интеллигентах"-шестидесятниках почти поголовно отсутствует само ощущение того, что неравенством обращения он унижает собеседника, тем самым унижая некоторым плебейством манер себя. Хомо советикус» (Веллер М. Ножик Сережи Довлатова).

Показательно, что российские чинуши от СМИ, отвергая русское отчество, выступают нога в ногу с самыми оголтелыми русофобами – прибалтами. В Эстонии, например, объявлена война русским отчествам (типа Иванович, Петрович, Владимирович...): «В республике запрещено вписывать в паспорт отчество» (Росс. газ. Неделя. 2015, 14 мая, № 102, с. 16).

В Латвии же пытаются «латвизировать» русские имена и фамилии: «Так, латвийские власти уже не один год настаивают на регистрации в качестве "покойника" мальчика по имени Мирон. Вот нельзя просто написать Мирон, надо – "Миронс". Что на слух равнозначно "миронис", означающее по-латышски "покойник". <...> Некогда казалось абсурдным, что в латвийских паспортах человек с фамилией "Шишкин" превратится в "Сискинса» (Там же).

Аналогичный процесс идет и в Литве. А. Филипяк из Вильнюса сообщала: «Президент Литвы Даля Грибаускайте выступила против оригинального написания фамилий в документах и двуязычных табличек с названиями улиц...» (Gazeta Wyborcza, 27.05. 2014).

Список литературы

ВОИДР – Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. 1851.Т. X.

Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России. СПб., 1886.

Ковалев Г.Ф. Пушкин. Ономастический комментарий. Воронеж, 2012.

Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж, 2014.

Морошкин М. Славянский именовослов. СПб., 1867.

Формановская Н.И. Имя-отчество как русский национальный обычай и современные СМИ // Русская словесность. 2004. № 4.

Цветаева М.И. Записные книжки и дневниковая проза. М.: Захаров, 2002.

Чуковский К.И. Дневник 1901–1929. М., 1991.

Штыров В. Отечество и отчество. Как исполняется Закон о русском языке – государственном языке Российской Федерации // Лит. газ. 2013. № 42.

G.F. Kovalyov

Let's save our Russian homeland!

This article is devoted to specific functioning of Russian surname as anthroponymic category of Russian language. Unfortunately, due to the powerful influence of the Roman-Germanic traditions on Russian patronymic it ceased to be used in Russian newspapers and magazines, on radio and television. However, in the conventional Russian speech surnames are actively used, especially in the vocative form.

Key words: name, surname, state of patronymic, appeal, respect form, unrespect form, initials.

С.П. Куркина
(Новозыбков, Россия)

**Фамилии, образованные от катойконимов
(на материале фамилий жителей г. Новозыбкова
Брянской области)**

В статье проанализированы фамилии жителей г. Новозыбкова Брянской области, мотивированные названиями лиц по месту жительства или происхождения; определены основные способы образования антропонимов – морфологический и лексико-семантический; выявлены грамматические особенности катойконимов, на основе которых образованы фамилии. Большинство из них имеют форму мужского рода единственного числа.

Ключевые слова: фамилии, название жителей, апеллятив, топоним, словообразование, гидроним

Антропонимы откатойконимического происхождения в фамильном фонде жителей г. Новозыбкова Брянской области так же, как и в общероссийском ономастиконе, не являются частотными. В.А. Никонов оттерриториальные (условно земляческие) фамилии, образованные от апеллятивов, которые обозначают место происхождения или жительства, считает, что первоначально они появились на рубеже XVIII–XIX вв. у сельского духовенства. В середине XIX в. подобные фамилии были характерны уже и для разночинцев. «Только после падения крепостного права такие фамилии стали возникать там и тут, по названиям тех сёл и деревень, откуда их носители прибыли...» [Никонов 1974: 201].

Объектом нашего исследования послужила 49 ономастических единиц, образованных от названия лиц по месту жительства или происхождения, что составило 1,1 % от общего числа исследуемых лексем. Источником написания статьи является «Справочник абонентов Новозыбковской телефонной сети».

Теоретическая основа статьи – авторефераты и монографии в области ономастики: А.Ф. Рогалева, Л.П. Кобзевой, Б.О. Унбегауна, С.Н. Смольникова, В.А. Никонова, Л.Г. Павловой, А.В. Суперанской, А.Н. Мезенко, Л.М. Щетинина, Л.И. Отзюрк, Д.Ю. Ильина, Е.Г. Сидоровой, И.В. Тихоновой, Е.С. Моисеевой, А.И. Назарова, В.М. Генкина, В.П. Фроловой, В.Е. Татаркина и др.

Целью статьи является анализ топонимического материала, послужившего основой для образования фамилий, бытующих на современной территории г. Новозыбкова Брянской области,

определение географического расположения ойконимов относительно изучаемого региона.

Проведённое нами исследование показало, что часть проанализированных нами фамилий жителей г. Новозыбкова образована от названий жителей населённых пунктов Брянской области. Таков, например, оним **Быховцев**, который восходит к названию жителя села *Быхово*, расположенного в Комаричском районе. Возможно, фамилия образована и от прозвища, обозначающего выходца из города *Быхов*, расположенного на граничащей с Брянской областью современной территории Могилёвской области (Республика Беларусь). Прозвище *Карачевец* получил выходец из города *Карачева* Брянской области, которое, в свою очередь, легло в основу современной фамилии **Карачевцев**. Достаточно распространённой на территории г. Новозыбкова является фамилия **Стародубец** и её вариант **Стародубцев**. Данные антропонимы восходят к прозвищу *Стародубец*, обозначающего жителя города *Стародуб*. Фамилии **Прускавцов (Прусковцов)** образованы от прозвища *Прускавец*, восходящего к нарицательному *прускавец*, которое обозначает жителя деревни *Пруска* Климовского района Брянской области.

Значительная часть фамилий, зафиксированных нами на территории г. Новозыбкова Брянской области, связана с обозначением жителей прилегающих с областью территорий. Так, фамилия **Высельцев** образована от прозвища *Выселец*, которое восходит к апеллятиву *выселец*, обозначающего жителя деревни *Высельцы* Калужской области. С выходцем из Калужской области связана и фамилия **Мещевцев**. Она образована от лексемы *мещовец* в значении «житель города *Мещовск*». Антропоним **Казанцев** образован от прозвища *Казанец*, восходящего к лексеме *казанец*, в значении «житель *Казани* (Татария)». Кроме того, *казанцем* называют и жителя села *Казанское*, которое распространено во многих областях Казахстана и России, в том числе и в Ливенском районе Орловской области.

Достаточно распространёнными являются антропонимы, связанные с названиями жителей различных территорий современных областей Российской Федерации. Так, антропоним **Баганец** является лексико-семантическим образованием от аналогичного прозвища, восходящего к нарицательному *баганец*, которое обозначает жителя или выходца из с. *Баган* Новосибирской области. Существуют и

другие точки зрения на происхождение данной фамилии. Вероятно, прозвище *Баган* является фонетическим вариантом прозвища *Боган*, которым «могли назвать человека высокого роста или худого. Ср. в говорах **баган** – ‘жердь, шест’, ‘прозвище высокого худощавого человека’. В смоленских говорах **баган** – ‘злой дух, покровитель скота’» [Ганжина 2001: 40]. В переносном значении *Баган* – «прозвище крестьянина» [Филин 1966: 32]. В основе фамилии *Балахтин* – прозвище по прежнему месту жительства – прибывший из поселка городского типа Балахты (Красноярский край). Фамилия *Белевитин* образована лексико-семантическим способом от прозвища по прежнему месту жительства: «**белевитин** – ‘прибывший из города *Белева* (Тульская область)’» [Ганжина 2001: 61]. Антропоним *Белозеров (Белозор)* восходит к прозвищу *Белозе(ё)р*, образованного от апеллятива *белозе(ё)р*. Так сами себя называют местные жители *Белозерска* Вологодской области. Такое же название имеют и выходцы с берегов *Белого озера* Вологодской области. От названия жителей или выходцев из определённых областей Российских Федераций образованы и фамилии *Каменец (Каменцев, Каменцов)*, *Котовец*, *Кузовцов*, *Макшанцев (Машканцев)*, *Вахмянин* (фонетический вариант *Вохмянин*: *вохмянин* – житель с. *Вохма* Костромской области), *Верхотурцев*, *Соловцов* (соловец – житель одной из деревень *Соловки*, *Соловецкий*, *Соловецкое*, распространённых во многих областях Российского государства). Фамилия *Усальцев (Усольцев)* образована от прозвища *Усолец*, которое восходит к устаревшему названию жителя *Сольвычегодска* Архангельской области, г. *Солигалич* Костромской области или г. *Соликамск* (Согласно летописи 1506 года город первоначально назывался Усолье на Камском, позднее – Усолье Камское, а с XVII века – Соль Камская). Также может обозначать современное название жителя г. *Усолье* Пермской области или г. *Усолье-Сибирское* Иркутской области.

Существует несколько вариантов объяснения происхождения исходного прозвища *Черепан*, от которого образована фамилия *Черепанов*. «**Черепан**: во-первых, из названия профессии – слово **черепан** в старину означало ‘гончар, горшечник’; во-вторых, прозвище могло быть дано по месту жительства или происхождения (г. **Череповец**)» [Ганжина 2001: 540]. А.В. Суперанская считает, что это самоназвание, то есть «жители *Череповца* зовут себя *черепанами*

(откуда фамилия *Черепанов*)» [Суперанская 1969: 146]. Первой версии происхождения фамилии придерживается и Е.Н. Полякова.

Вариативность происхождения имеют и фамилии ***Носовец*** (***Носковец***): *Носовец* (*Носковец*) – «сын Носа» – типично белорусская патронимическая форма. В то же время, *Носовец* (*Носковец*) – прозвище выходца из *Носово* (*Носково*) – населённых пунктов различных областей Российского государства.

В фамильном фонде жителей г. Новозыбкова Брянской области редки фамилии, образованные от этнохоронимов, – названий от имен обширных регионов (хоронимов) или названия жителей крупных или малых поселений. Онимы ***Сибирев*** (***Сибирко***) восходят к названию выходца из *Сибири*, а фамилии ***Москвин*** (***Москвичев***, ***Московченко***, ***Масковкин***) образованы от названия жителя столицы Российского государства – *Москвы*. Фамилия ***Полещук*** является лексико-семантическим образованием от аналогичного прозвища, восходящего к апеллятиву *полещук* в значении «житель Полесья» [Бабкин 1975: 463].

Встречаются антропонимы, образованные от названий жителей населённых пунктов, расположенных на современных территориях Беларуси, Украины и других республик, сопредельных с Российской Федерацией. Таковы фамилии ***Уфимцев***, ***Браславец*** (***Брасловец***), ***Коломиец*** (***Коломейцев***). Фамилия ***Коденцев*** образована от прозвища *Коденец*, которое, по одной из версий, происходит от названия села *Кодень* в Польше. Согласно другой гипотезе, прозвище *Коденец* связано с топонимом *Кодня* – так называется местечко в Житомирском районе (Украина). Фамилия ***Вязовцев*** восходят к прозвищу *Вязовец*, которое мог получить человек, родившийся или живший в селении *Вязы*, *Вязово*, *Вязовка*, *Вязовское* и других, каких немало на территории России, Беларуси и Украины. Антропоним ***Бутовец*** образован лексико-семантическим способом от аналогичного прозвища в значении «выходец из села *Бутово*». Сёла с таким названием распространены на современных территориях России и Украины. В ономастических исследованиях существуют различные точки зрения на происхождение данной фамилии. По мнению И.А. Кюршуновой, фамилия ***Бутовец*** восходит к лексеме *бут*, которая тесно связана со словами «***бутѣть*** ‘жиреть’, укр. ***бутіти*** то же или *словен. búta* ‘большоголовый человек’, ***butast*** ‘тупой, глупый’, польск. ***buta*** ‘гордыня’ (Фасмер, 1, 253), укр. ***бутá*** ‘гордость, высокомерие, спесь’, ср. также с известным в слав. языках глаголом

бутить: в польск. стар. **bucić się** ‘заноситься, кичиться, гордиться’, укр. диал. **бути́ти** ‘буйствовать’, ‘(о детях, скотине) беспокойно бегать, беспокойно играть’ (ЭССЯ, 3, 101–102)» [Кюршунова 2010: 75]. И.М. Ганжина считает, что прозвище *Бут* происходит от глагола **бутеть** – «толстеть, жиреть» [Ганжина 2001: 85]. Противоположной точки зрения придерживается Е.Н. Полякова, которая предполагает, что данное прозвище связано со следующими значениями: «‘подземное основание каменной постройки’, ‘камень, щебень для подземного фундамента’. Прозв. мог получить основательный, надёжный человек» [Полякова 2005: 66].

Фамилия **Тесновец** – лексико-семантическое образование от аналогичного прозвища, в основе которого – значение «житель села *Тесново* (Могилёвская область) или *Тесновка* (название сёл, распространённых на Украине), *Тесновое* (село в Гомельской области) и др.

Кроме того, нами зафиксированы фамилии, образованные от катойконимов, обозначающих выходца с берегов той или иной реки. Так, по мнению А.Ф. Рогалева, фамилия **Ахтанин** является русской патронимической фамилией из первоначальной формы *Охтанин* в значении «житель по реке *Охте*» [Рогалев 2009: 80]. Фамилии **Ваганов** и **Вагин** образованы из отчества от прозвища по месту жительства: «**ваган** – “житель с берегов реки *Ваги*” (приток Северной Двины)» [Ганжина 2001: 90]. В основу прозвища могли лечь и другие значения слова **ваган**, такие, как: ‘мужик, вахлак’, ‘грубый, ленивый человек’, ‘шалун, шутник, весельчак’, ‘неосторожный человек’. Не исключена также связь фамилии с производной формой христианского личного имени **Евагрий**, что в переводе с греческого языка означает «счастливый на охоте» [Ганжина 2001: 90]. Фамилия **Вагин**, кроме того, может восходить к нарицательному *вага*. Это слово в говорах имеет множество значений: «‘вес, тяжесть’, ‘гиря’, ‘весы’, переносно – ‘влияние, власть, могущество’, ‘ценность, значение’. В некоторых говорах **вага** – ‘лентяй, отлынивающий от работы’» [Ганжина 2001: 90]. Фамилия **Донцов** образована от прозвища *Донец*, восходящего к нарицательному *донец*, которое обозначает выходца с реки *Дон*.

В структурном аспекте наиболее продуктивными являются фамилии, образованные морфологическим способом на основе присоединения к основе преимущественно суффиксов *-ов (-ев)*, *-ин*. Такие фамилии в нашей выборке составляют 32 ономастические

едины (65,3 % от общего числа проанализированных нами антропонимов). Менее частотными в фамильном фонде жителей г. Новозыбкова Брянской области являются лексико-семантические откатойконимические образования. Они составляют 34,7 % (17 зафиксированных нами единиц).

В грамматическом плане, катойконимы, входящие в состав современных фамилий жителей г. Новозыбкова – это имена существительные мужского рода в единственном числе и лишь фамилии *Московченко* и *Масковкин* восходят к прозвищному наименованию *Московка*, образованного от аналогичного имени существительного женского рода в единственном числе. *Московка* – устаревшее название жительницы Москвы. (Кроме того, *московка* в западно-брянских говорах – «женщина-старообрядка» [Филин 1982: 285]).

Таким образом, проведённый анализ этимонов антропонимов жителей г. Новозыбкова Брянской области, мотивированных названием лиц по месту проживания или рождения, позволил установить, что на исследуемую нами территорию миграция населения происходила из различных областей не только России, но и Беларуси, Украины, Татарстана и других соседствующих с Российской Федерацией государств.

Список литературы

Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Фирма “Издательство АСТ”», 2001. 672 с.

Кюршунова И.А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV-XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 672 с.

Нерознак В.П. Этнонимика // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 598–599.

Никонов В.А. География фамилий / отв. ред. С.И. Брук. М.: Наука, 1988. 192 с.

Никонов В.А. Имя и общество. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. 278 с.

Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. Пермь: Книжный мир, 2005. 464 с.

Рогалев А.Ф. Введение в антропониимику. Именованье людей с древнейших времен до конца XVIII века (на белорусском антропониимическом материале). Брянск, 2009. 147 с.

Словарь названий жителей СССР / под ред. А.М. Бабкина, Е.А. Левашова. М.: Русский язык, 1975. 616 с.

Словарь русских народных говоров / АН СССР; Ин-т русского языка; гл. ред. Ф.П. Филин. М.–Л.: Наука, 1966. Вып. 2: Ба – Блазниться. 317 с.

Словарь русских народных говоров / АН СССР; Ин-т русского языка; гл. ред. Ф.П. Филин. Л.: Наука, 1982. Вып. 18: Масленичек – Мутарсливый. 368 с.

Справочник абонентов Новозыбковской телефонной сети / сост. Попченко Н.Н., Хабичева И.Е., Гутникова А.Н. 2002. 312 с.

Суперанская А.В. Структура имени собственного: Фонология и морфология / отв. ред. А.А. Реформатский. М.: Наука, 1969. 208 с.

Щетинин Л.М. Русские имена (Очерки по донской антропонимике) / отв. Ред. В.В. Валимова. Издательство Ростовского университета. 1972. 232 с.

S.P. Kurkina

The surnames formed from katenonymous (based on the names of the inhabitants of the city of Novozybkov of the Bryansk region)

The article analyzes the names of the inhabitants of the city of Novozybkov of the Bryansk region, motivated the names of persons at the place of residence or origin; the main ways of formation of anthroponyms – morphological and lexico-semantic; the identified grammatical features katenonymous on the basis of which formed the names. Most of them are in the form of masculine singular.

The article analyzes the names of Novozybkov residents in the Bryansk region, motivated by the names of people at their place of residence or origin; the main ways of formation of anthroponyms - morphological and lexical-semantic. The author reveals the grammatical features of the katoikonims on the basis of which the names are formed. Most of them are of the masculine gender singular.

Key words: surnames, name of residents, appellative, toponym, word formation, hydronym

А.И. Назаров

(Алматы, Казахстан)

О личных именах татар Алматы

В статье рассматриваются имена детей из татарских семей Алматы. Выявлен состав личных имен детей, родившихся в 2005–2006 гг. Определены его основные квантитативные характеристики и осуществлена лингвогенетическая классификация имен.

Ключевые слова: татарские личные имена, татары Алматы, ономастика Казахстана, взаимодействие именников.

Антропонимия татар крупнейшего города Казахстана Алматы (на начало 2016 г. – 1 млн. 703,5 тыс. [Комитет статистики]) практически не изучена. На эту тему нет ни одной научной или научно-популярной публикации. Между тем её изучение интересно и нужно. Прежде всего выявление составов личных имен и фамилий алматинских татар дополняет сведения по языку и культуре татар,

проживающих в Казахстане: «Антропонимическая система любого языка является фундаментальным материалом для познания, раскрытия самосознания народа, для понимания психологии и характеров людей, относящихся к определенной национальности или региону» [Галиуллина 2009: 3].

В идеале надо стремиться охватить антропонимию всех проживающих в населённом пункте народов. Только в этом случае можно получить целостное представление об антропонимике города, как о части языка города. Татары на начало 2016 г. были пятым по численности этносом Алматы (после казахов, русских, уйгуров и корейцев). Их насчитывалось 23627 (1,39 % от общего числа жителей) [Комитет статистики]. Во взаимодействии и взаимовлиянии участвуют все национальные антропонимиконы. И чем меньше национальных антропонимиконов изучены, тем менее ясны вопросы этого взаимодействия и взаимовлияния при исследовании конкретных национальных антропонимиконов.

Татары в Алматы поселились давно и являются выходцами или потомками выходцев из разных регионов проживания. В городе есть район, который неофициально называется Татаркой. В прошлом это – Татарская слободка, стихийно возникшая в 1858 г. в двух верстах к востоку от русского укрепления Верного (нынешний Алматы развился из этого укрепления, основанного в 1854 году). Здесь селились ремесленники и торговцы из числа татар, чолоказиков, уйгур, дунган и др. До сих пор в Татарке есть улицы Оренбургская, Казанская, Крымская, Астраханская. Краеведы полагают, что в этих названиях отразились места, откуда приехали поселенцы [Лухтанов 2011: 266]. По данным ЖЭУ № 42 Алматы, среди татар, кроме уроженцев населённых пунктов Казахстана, есть уроженцы ТАССР, БАССР, Новосибирска, Омска, Саратова, Томска, Куйбышевской, Оренбургской, Рязанской, Тюменской, Челябинской областей, Крыма, Ташкента, Самарканда, Чугучака (КНР) и др. И, наверное, антропонимистам из этих регионов интересно, как развивалась антропонимия у той части татар и их потомков, которые переселились в Алматы.

Мой интерес к антропонимии татар является частью исследования личных имен жителей Алматы. Оно проводится по инициативе и на энтузиазме автора данной статьи. В конце 1990-х годов мной сделана выборка личных имен по актовым записям о рождении всех районных ЗАГСов Алматы для синхронных срезов

1922–1926, 1932–1936, 1942–1946, 1952–1956, 1962–1966, 1972–1976, 1982–1986, 1992–1996 гг. Один из этносов, по которому собирались имена, – татары. При мониторинге актовых записей выписывались имена детей из татарских семей, по возможности – имена детей из национально-смешанных семей с участием татар и имена родителей-татар. В 2007 г. эти материалы дополнены данными за 2005–2006 гг. Одна из моих целей – подготовка списка бытующих в XX – начале XXI вв. личных имен татар Алматы, на основе которых можно будет проводить дальнейшие исследования. Предлагаемая статья – первый шаг к этой цели. В ней анализируются некоторые аспекты выбора имен детям из татарских семей, рождение которых регистрировалось в 2005–2006 гг. – 99 мальчиков и 84 девочки.

Их именник весьма многочисленный – 65 мужских и 60 женских. При этом много имен единичного употребления (47 мужских и 47 женских). Имена, которые даны чаще одного раза, носят 52 мальчика (52,5 %) и 37 девочек (44,1 %). Как видим, концентрация именника татар Алматы несколько выше в его мужской части.

Приведу список выявленных имен детей из татарских семей Алматы. Имена приведены в порядке убывающей частоты (она показана в абсолютных числах). Звездочкой отмечены имена, которые встречаются в наиболее полном словаре татарских личных имен Г.Ф. Саттарова [Саттар-Мулилле 1998]. Двумя звездочками отмечены имена, частично соответствующие именам из этого словаря.

Мужские имена: *Амир**(8), *Руслан** (5), по 4 раза – *Ильдар** / *Эльдар*, *Эмиль**, по 3 раза – *Дамир**, *Даниэль*, *Радмир*, по 2 раза – *Артур**, *Закир**, *Ильнар**, *Ильяс**, *Малик**, *Мансур**, *Расим**, *Расул**, *Саид**, *Тимур*** (у Саттарова – *Тимер*), *Эмир*** (у Саттарова – тат. (= татарское написание) *Әмир* / рус. (= русское написание) *Амир*), по 1 разу – *Али**, *Алил*** (у Саттарова – тат. *Хәлил* / рус. *Халиль*), *Алишер*** (у Саттарова – *Галишир*, *Алишир*), *Альмир*, *Анвар**, *Аскан*, *Асхат** (у Саттарова – тат. *Әсгать* / рус. *Асгат*, диалектный вариант – *Әсхәт*), *Виктор*, *Даниил*, *Данис**, *Жан**, *Зуфар**, *Инсар*** (у Саттарова есть *Ансар*, *Инсан*), *Исмаил**, *Кубрат*, *Максим*, *Максут**, *Марат**, *Марсель**, *Наиль**, *Натан*, *Омар**, *Равиришат*** (у Саттарова – только части этого сложного имени: *Рави*, *Ришат*), *Раис**, *Рамиль**, *Ратмир*, *Рауф**, *Рафаил*, *Рафаэль**, *Рашид*** (у Саттарова – тат. *Рәшит* / *Рашит*, тат. и рус. *Рашат* (*Рашид*)), *Ризван**, *Ринат**, *Рифкат**, *Роман*, *Рустам*** (у Саттарова – тат. *Рөстәм* / рус. *Рустем*), *Руфат*** (у Саттарова – *Рифат*), *Салават**, *Сани*** (у

Саттарова – в составе сложных имен: тат. *Санибәк* / рус. *Санибек*, тат. *Саниәхмәт* / рус. *Саниахмет*), *Сулейман**, *Таур**, *Тамерлан*, *Тимирхан*** (у Саттарова – *Тимерхан*), *Фарух**, *Шакир**, *Шамиль**, *Эмин*** (у Саттарова – тат. *Әмин* / рус. *Амин*), *Ясур*** (у Саттарова – *Ясир*).

Женские имена: по 4 раза – *Наиля**, *Амина**, *Софья / София*, по 3 раза – *Рената** / *Рината*, *Милана*, *Карина*, *Камиля**, *Диана**, по 2 раза – *Сафия**, *Рамина*** (у Саттарова – тат. *Руминә* / рус. *Румина*), *Рамя**, *Альбина**, *Алина*, по 1 разу – *Адиля**, *Азалия**, *Айзифа**, *Алана*, *Александра*, *Альмира**, *Асалия**, *Василя**, *Вероника*, *Вилада**, *Вильдана* (у Саттарова есть мужское имя тат. *Вилдан* / рус. *Вильдан*), *Гайнель**, *Дамели*, *Данеля*, *Дарина*, *Дарья*** (у Саттарова – тат. *Дәрия* / рус. *Дария*), *Диляра**, *Зайтуна**, *Ильнара**, *Ильсия**, *Инвира*, *Камилла*, *Лилия**, *Лина*, *Лира**, *Лия**, *Лурия*, *Маргарита**, *Мариам*** (у Саттарова – тат. *Мәрьям* / рус. *Марьям*), *Надия**, *Нилюфар**, *Ригина*** (у Саттарова – *Регина*), *Рубина**, *Румина**, *Русалина*, *Руфина**, *Руфия**, *Сафина**, *Сахара*** (у Саттарова – тат. *Саһирә* / рус. *Сахира*), *Снежана*, *Томирис*, *Фарида**, *Фируза**, *Шакира**, *Эзанна*, *Эльвира**, *Эмилия**.

Женский именной список детей-татар отличается от мужского именника тем, что в нем нет явного имени-лидера по частоте употребления, как имя *Амир*. Лидируют три имени с одинаковой частотой (*Наиля*, *Амина*, *Софья / София*) и отрыв по частоте от других женских имен не столь существенный.

Сравнение десятка наиболее частых имен мальчиков и девочек из Татарстана, родившихся в 2005–2014 гг. [Хазиева-Демирбаш 2014: 184], показало, что из них только 4 мужских и 5 женских встретились в именнике детей-татар Алматы 2005–2006 гг. регистрации: *Амир*, *Данил* (у татар Алматы – *Даниш*), *Артур*, *Эмиль*; *Азалия*, *Камилла*, *Камиля*, *Милана*, *Карина*. Остальные имена из групп-лидеров в Татарстане родителей-татар из Алматы не заинтересовали. Вот эти имена: *Карим*, *Аяз*, *Камал*, *Рузаль*, *Булат*, *Адель*, *Азат*; *Самира*, *Малика*, *Сабрина*, *Ралина*, *Мадина*.

В словаре Г.Ф. Саттарова мной выявлены точные соответствия для 38 мужских имен (из 65) и 36 женских имен (из 60). Это означает, что рассматриваемый список имен идентифицируется как татарский с точностью не менее 60 % как для мужской, так и для женской части именника. Эту точность можно увеличить, если отвлечься от незначительных различий между формами имен детей-татар из

Алматы и написаниями имен в словаре (например, для имен *Рашид*, *Рустам*, *Дарья*, *Ригина*, *Мариам*). Однако каждое из выявленных различий между узусом словарём надо рассматривать более внимательно, так за ним может стоять не только орфографические вариации, но и диалектное своеобразие языка татар Алматы (эта тема не изучена), а также влияние других национальных именников. Например, за формой имени *Алишер* можно увидеть влияние казахского именника, так как по-русски это имя у казахов пишется именно так. Отмеченное у мальчика-татарина имя *Руфат* может свидетельствовать об азербайджанском влиянии, так как эта форма характерна для азербайджанцев.

Но и об именах, для которых в словаре Г.Ф. Саттарова не обнаружено никаких соответствий, не стоит делать поспешных выводов. Отсутствие имени в словаре может свидетельствовать либо о том, что составитель решил его не включать, либо о том, что оно не попало в его поле зрения.

Интерес представляет и соотношение имен детей-татар из Алматы по языкам-источникам и языкам-посредникам, которое выявлялось при помощи нескольких словарей [Гафуров 1987; Мусульманские имена 2007; Саттар-Мулилле 1998; Смағұлов 2006; Суперанская 2003].

Больше всего таких имен, которые однозначно можно отнести к именам арабского происхождения и еврейским, проникшим через арабский – 35 мужских (53,9 %) и 19 женских (30 %), в среднем по всему именнику – 43,2 %: *Амир*, *Ильяс*, *Малик*, *Расул*; *Амина*, *Камиля*, *Мариам*, *Наиля* и др. Это больше, чем в словаре Г.Ф. Саттарова (37 % от общего числа татарских мужских личных имен [Хазиева 2007: 11]), но несколько меньше, чем у татар Тюменского района Тюменской области – 48 % [Замалутдинова 2007: 23].

Значительно число имен в группе, в которую можно включить заимствованные из русского языка или других языков через посредство русского, из именников других народов экс-СССР, идеологически мотивированные неологизмы советского периода – 17 мужских (26,2 %) и 25 женских (41,7 %), в среднем по всему именнику – 33,6 %. Для сравнения – в современном татарском антропонимиконе Татарстана в начале XXI в. имена западного типа составляют 21 %, славянского типа – 3 % [Хазиева-Демирбаш 2014: 184].

Другие лингвогенетические группы имен в именнике детей-татар из Алматы в количественном плане малочисленнее –

персидские (*Данис, Рустам; Дарья, Нилюфер, Томирис, Фируза, Дарина*; тюрко-татарские – *Кубрат, Тимур, Тимирхан; Ильясия*; имена-гибриды, возникшие из разных по происхождению компонентов, – тюрко-персидские *Ильдар / Эльдар, Тамерлан; Айзифа*, арабо-персидское *Алишер*, тюрко-арабское *Ильнара*. Ряд имен сложнооднозначно отнести к тому или иному лингвогенетическому пласту – *Альмир, Аскан, Инсар; Инвира, Лурия, Рамина, Русалина, Сахара, Эзанна*.

Как видим, основу рассмотренного именника представляют две лингвогенетические группы – (1) арабского происхождения и арабизированные еврейские имена (к ним примыкают другие имена, возникшие на мусульманском Востоке, – персидские); (2) заимствования из русского именника или других национальных именников в советское или постсоветское время, заимствования из западноевропейских именников (нередко через посредство русского языка). Если в целом по именнику первая группа в количественном плане представлена несколько шире, то в женской части именника преобладают имена второй группы. Если использование в имянаречении имен первой группы рассматривать как приверженность многовековой культурологической традиции, то следует признать, что более четко это проявляется при наречении мальчиков. При выборе имен девочкам, как показывает наличный материал, отрыв от традиции сильнее.

Поддержанию активного использования имен первой группы способствуют несколько факторов. В их числе – приверженность многовековой традиции, мусульманской религии и благоприятный социокультурный контекст. К последнему можно отнести то, что в Алматы сейчас численно преобладают мусульмане разных национальностей, и это преобладание с течением времени только нарастает из-за более высокой рождаемости в семьях мусульман. Самый многочисленный мусульманский этнос в Алматы – казахи, которые ныне численно преобладают в этнической структуре города. Второй по численности мусульманский этнос – уйгуры. Есть немало и азербайджанцев, и узбеков, и кыргызов, и таджиков. Проявлением влияния других мусульманских народов на именник татар Алматы может являться не только прямое заимствование имен, но и то, что в метрические книги в качестве официальных записывают имена из общего для мусульман именного фонда, но не в татарской огласовке (выше приводились примеры с именами *Алишер* и *Руфат*).

Однако татары в Алматы продолжают активно контактировать и с носителями русской культуры и русского языка, который по-прежнему доминирует в языковой ситуации Алматы и многих других регионов Казахстана. И это определяет активное использование имен второй группы. Вообще, татары Алматы чаще всего заключают браки именно с русскими: в 2005–2006 гг. зарегистрировано рождение 561 ребенка в татаро-русских и русско-татарских семьях из 1136, у которых один из родителей – татарин или татарка (анализ имен детей из этих семей будет темой отдельной статьи).

Список литературы

Галиуллина Г.Р. Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2009. 43 с.

Гафуров А.Г. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь / отв. ред. М.Н. Османов. М.: Наука, 1987. 221 с.

Замалутдинова Л.Г. Историко-лингвистическое исследование антропонимии татар нижнего течения р. Тура II половины XX в.: на материале Тюменского района Тюменской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук Тюмень: Тюменский государственный университет, 2007. 24 с.

Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersPopulation?_afLoop=21410526465226938#%40%3F_afLoop%3D21410526465226938%26_adf.ctrl-state%3D37uw990yo_37 (дата обращения 11.04.2017).

Лухтанов А.Г. Город Верный и Семиреченская область: иллюстрированная энциклопедия, она же книга для чтения. 2-е изд., значительно доп. Алматы: [б. и.], 2011. 324 с.

Мусульманские имена: словарь-справочник / сост. Ибн Мирзакарим ал-Карнаки. М.; СПб.: Диля, 2006. 448 с.

Суперанская А.В. Словарь русских личных имен: более 7500 русских имен. М.: Эксмо, 2003. 544 с.

Хазиева Г.С. Историко-лингвистический анализ татарских мужских личных имен: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. 23 с.

Хазиева-Демирбаш Г.С. Основные тенденции развития современных татарских личных имен в начале XXI века // Ученые записки Казанского университета. Том 156, кн. 5. Гуманитарные науки. 2014. С. 177–186.

Саттаров Г.Ф. Татар исемнәре ни сөйли? Казан: Раннур, 1998. 486 б.

Саттар-Мулилле Г. Татар исемнәре ни сөйли? (Татар исемнәренен тулы аңлатмалы сүзлеге). Казан: Раннур, 1998. 487 б.

Смағұлов А. Қазақ есімдері. Энциклопедиялық анықтамалық. Алматы: Атамұра, 2006. 432 б.

About personal names of Tatars of Almaty

This article is devoted to the names of children from Tatar families in Almaty. The composition of personal names of children born in 2005–2006 was revealed. Its basic quantitative characteristics are determined and a linguistic-genetic classification of names is carried out.

Key words: Tatar personal names, Tatars of Almaty, onomastics of Kazakhstan, interaction of names.

*М.Х. Парзулова
(Бургас, Болгария)*

Об антропонимии болгарских переселенцев в Российскую империю

В исследовании представлены наиболее распространённые именные модели болгарских переселенцев в Российскую империю в начале XIX века. Описываются способы, посредством которых болгарские антропонимы адаптировались к русской именной системе.

Ключевые слова: антропоним, болгарские имена, болгарские переселенцы

Объектом внимания настоящей работы являются имена болгарских переселенцев в пределы Российской империи в начале XIX века. Переселение болгар в Россию связано с русско-турецкими войнами (1806–1812 гг., 1828–1834 гг., 1853–1856 гг.). Наиболее активное заселение болгар наблюдается на территории Бессарабии и Крыма.

Исследование проводилось на базе информации, содержащейся в документах, хранящихся в Государственном архиве Одесской области, включающих сведения о переселении болгар, Ревизских сказках 1835 г., 1850 г., 1859 г. (документы, отражающие численность населения России по населённым пунктам); исследованиях, посвящённых различным селам (напр., с. Дельжилер, с. Евгеновка, с. Яровое, с. Новая Ивановка); книге русского исследователя Е.В. Беловой «Миграционная политика на Юге Российской империи и переселение болгар в Новороссийский край и Бессарабию (1751–1871 гг.)» [Белова 2004].

Наблюдения над антропонимной системой первых болгарских переселенцев можно обобщить следующим образом.

1. В начале XIX в. болгарская антропонимная система преимущественно двухкомпонентная, состоящая из следующих антропонимных формул:

а) **личное имя** (далее в тексте ЛИ)+ **ЛИ отца**, напр.: *Никола Добри, Тодор Димитри, Иван Пандо, Райко Калоян, Никола Калоян, Калчо Никола, Стано Стоян* и т. д.; эта антропонимическая модель получила наибольшее распространение;

б) **ЛИ + кличка или прозвище**, напр.: *Пено Узун, Димо Терзи, Иван Арнаут, Стоян Влаха* и др.;

в) **ЛИ+ЛИ отца + суффиксы -ов-, -ев-**, напр.: *Никола Димов, ХристоПенев, Иван Велев, Гочо Митров, Стайко Танасов, Нено Петков, Драгне Донов*;

г) **ЛИ+ЛИ отца+ турецкий суффикс -оглу-, -олу-** в значении 'сын отца', напр.: *Иван Стоянолу, Денчо Пенкоглу, Митро Неноглу*.

2. В 30–40-е гг. XIX в. утверждается трехкомпонентная именная модель. Иллюстрацией этого факта являются Ревизские сказки 1835, 1850, 1859 гг. Преимущественно эта модель употребляется применительно клицам мужского пола, например: *Христо Стоев Тодоров, Дено Боев Иванов, Иван Куртев Каба*.

В Ревизской сказке 1835 г. лица женского пола представлены следующим образом: замужние женщины обозначены личным именем и отчеством супруга, а затем указано личное имя женщины, например: *Ивана Петрова жена Мария, Тодора Дякова жена Пена*; незамужние женщины и девушки – именем и отчеством своего отца, например: *Стана Велева дочь Пена, Бочка Стоева дочь Неделя*. Таким образом, в трехкомпонентной структурной модели именования лиц женского пола первое и второе место занимают имена мужчины (супруга или отца), а на третьем месте стоит женское имя.

Позже, при оформлении записи населения России в Ревизской сказке 1850 г., лица женского пола фиксируются своим личным именем и отчеством, причем для женщины, состоящей в браке, строго уточняется чьей женой она является. В самом начале указывается личное имя и отчество мужа, например, *Дима Караманова жена Гана Костева, Янча Маркова жена Кера Христева* (с. Яровое, 1850 г.). Регистрацию лиц женского пола указанным образом в Ревизской сказке можно проследить и в последующей переписи [Грек 2006: 206-250]. Эта модель продолжает функционировать долго после этого.

Утвердившаяся русская модель именования лиц трёхкомпонентная, на первом месте указана фамилия, на втором – личное имя, на третьем – отчество.

По отдельности рассмотрим записи их личных имен, отчеств, фамильных имен, графическое оформление которых постепенно, на протяжении разных периодов также демонстрирует процесс русификации.

I. Личные имена болгарских переселенцев в Россию в начале XIX в. преимущественно болгарского происхождения или заимствованы из христианского именного календаря, напр. для лиц мужского пола: *Атанас, Братан, Васил, Велико, Ганчо, Георги, Дичо, Желязко, Злати, Иван, Коста, Марин, Милко, Неделко, Никола, Петко* и т.д.; для лиц женского пола: *Атанаса, Вела, Гена, Дона, Жела, Злата, Ивана, Кера, Кина, Мара, Милка, Нена, Пена, Рада, Стояна, Тодора* и др.

На более позднем этапе для именования болгар используются личные имена из русского именного календаря, напр., *Алексей, Александр, Григорий, Демян, Зиновий, Антонина, Евдокия, Ефросиния, Варвара, Марина, Домникия* и т.д.

Появление русских личных имен в антропонимной системе болгар по существу является русификацией болгарской системы имен. Русификация на самом деле осуществлялась двумя способами: путём русификации исконно болгарских имени их заимствованием из русского именного календаря.

Кратко остановимся на первом способе. С одной стороны, переписчики, регистрирующие данные о населении в архивных документах во время проведения переписи, искали схожесть, подобие в звучании болгарских и русских имен и во многих местах по своему усмотрению подменяли болгарское имя русским, например: имя *Мара* было преобразовано в *Марию*, а *Мария* – в *Марину* [Грек 2006: 37].

Русификация болгарских имен уже рассматривалась в научной литературе. В ряде работ упоминается документирование болгарских имен в девятнадцатом веке, что по существу является русификацией имен (см., напр. [Колесник 1984: 9]). В архивных документах зафиксированы имена *Иван, Георги, Никола, Стоян, Васил, Танас, Тодор*, а в метрических книгах церковей они записаны как *Иван, Георгий, Николай, Степан, Василий, Афанасий, Фёдор*.

Для большинства имен, присутствующих в архивных документах XIX в., были подобраны однокоренные имена или их созвучные русские аналоги – календарные имена, напр.: имя *Петко* было трансформировано в ЛИ *Пётр*. К таким парам относятся *Димо* –

Дмитрий, Влаю – Владимир, Минко – Мирон, Нико – Николай, Никита – Никифор. Что касается женских личных имен болгарских переселенцев, то можно заметить, что некоторые из них, по причине схожести по звучанию с русскими, были «вытеснены» из именного календаря болгарки, напр., *Кера* записана как *Лукерия, Тона* и *Дона* – как *Антонина, Тодора* заменяется *Феодорой, Пена* – *Пелагией*.

Можно привести ряд примеров, бытующих в речи разных имен болгарских переселенцев, которые трансформировались в одну и ту же форму русского личного имени, т.е. они были заменены одним именем, напр.: *Васю, Велю, Величко, Венко* документально оформлены одним именем – *Василий*, а вместо *Желе, Жечо, Жеко, Дженко – Зиновий* или *Захарий*.

Установлено, что болгарские имена, начинающиеся с *Ра-* (*Ради, Райко, Райо, Райно, Райчо* заменило русское имя *Радион*, а имена, начинающиеся с *Ст-* (напр. *Стани, Станчо, Станко, Стамо, Стойчо, Стоил* и др.) постепенно исчезли в XX в., вследствие чего зафиксирована только одна форма имени – *Степан* [Колесник 1984: 9]. Русификация некоторых болгарских личных имен осуществлялась оформлением имени посредством прибавления *-й*, напр.: *Алекси – Алексей, Георги – Георгий, Мавроди – Мавродий*.

У другой группы имен русификация произошла путём незначительных фонетических изменений, напр. болг. *Илия* – рус. *Илья*, болг. *Дамян* – рус. *Демьян*, болг. *Матей* – рус. *Матвей* [Колесник 1984: 11; 12]. Примеры женских личных имен: болг. *Ивана* – русское *Иванна*, болг. *Ана* – русское *Анна*.

Некоторые болгарские имена подвергаются фонетическим изменениям посредством прибавления *-ь-* в именах *Велко, Неделко*, см.: *Неделько, Велько*. Зафиксированы болгарские имена, которые по созвучию только в одном или двух звуках заменяются русскими именами, напр.: *Ангел, Гельо – Аггей, Манол – Емануил, Продан* – трансформируется в ЛИ *Прокофий, Стоян* заменяется *Степаном*, а *Тодор* – *Федором*.

II. Русификация отчеств осуществлялась добавлением суффиксов *-ич* (*-ович, -евич*) для лиц мужского пола и *-овна, -евна* для лиц женского пола, например: *Алексеевич, Андреевич, Иванович, Миронович, Николаевич, Степанович* и *Анатольевна, Васильевна, Григорьевна, Петровна, Федоровна, Кирилловна* и т. п.

Лишь в Ревизской сказке 1859 г. структурная модель болгарских имен, занимающая третье место в Бессарабской области России

(область в современной Украине), на самом деле фиксировала отчество с суффиксом *-ович* и *-евич*. Ср., например, имя первого переселенца, представленное двухкомпонентной моделью, *Желю Богданова* (род. 1791 г.), записанное в Ревизской сказке 1835 г., и внесенные в Ревизскую сказку 1859 г. имена его сына – *Богдан* и его внука – *Богданов Зиновий (Желю) Богданович*. Этот пример является яркой иллюстрацией процесса русификации личного болгарского имени *Желю > Зиновий* и его отчества – *Богданович*. См. и следующие имена: *Георгиев Петр Николаевич, Колев Иван Андреевич, Влаев Дмитрий Степанович* (см. [Златова и др. 2003: 245; 250; 438]). См. и следующие примеры имен лиц женского пола, зафиксированные позднее: *Арнаутова Татьяна Демьяновна, Кириллова Акулина Фёдоровна, Грозова Мария Филипповна, Георгиева Марина Пантелеевна, Волкова Екатерина Ильинична*.

Представленные отчества в трёхкомпонентной структурной модели болгарских имен являются ярким свидетельством адаптации болгарских антропонимов к русской антропонимной системе. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что отчества болгар не могут быть этноразличительным знаком выявления и доказательством болгарского присутствия на указанных территориях.

Следует отметить, что имена с суффиксом *-ич(-ович-, -евич-)* встречались ещё в конце восемнадцатого века на территории Болгарии, притом особенно активно функционировали в 30-40-е годы в XIX в., но в качестве второго компонента двухкомпонентной структурной именной модели. Такие антропонимы можно встретить и в списках переселенцев в другие страны, напр.: *Стоян Славович, Тодор Ненович, Иван Добрович, Мино Минович* [Велики, Трайков 1980: 127-128; 183].

III. Русификация фамильных имен осуществлялась двумя способами:

1. Суффиксальным способом:

а) ЛИ + суффиксы *-ов-, -ев-* для лиц мужского пола и *-ова-, -ева-* для лиц женского пола, напр.: *Демьянов, Федоров, Семенов, Захаров, Лазаров, Стаматов, Зиновьев, Николаев, Кулев, Куцарев, Панчев, Янев*. См. также *Найдёнов < болг.ЛИ Найден, Йоргачёв < ЛИ Йоргаки*. Здесь приводим и некоторые другие фамилии лиц женского пола: *Антонова, Генова, Семьонова, Денева, Драгнева, Велева*;

б) суффикс *-ский-*, добавленный к личным именам (*Мирчевский < Мирчо + суфф. -ский-, Минковский < ЛИ Минко + суфф. -ский-*);

к прозвищам (*Македонский* < Македонца + суфф. -ский-); к кличкам (*Пинтийский* < Пр Пинти + суфф. -ский-); к названиям поселений (*Сливенский* < Сливен + суфф. -ский-).

2. Бессуфиксальным способом:

а) фамилии подвергаются фонетическим изменениям: при передаче гласного звука, отсутствующего в русском языке, вследствие чего он заменяется другим – болг. ъ отсутствует в фонетической системе русского языка и поэтому передается на письме как *а*, напр.: *Парванов* < болг. *ЛИ Първан*, *Волков* < болг. *ЛИ Вълко*, *Ватов* < болг. *ЛИ Вѣто*. Существует ограниченное количество фамилий этого типа, получивших суффиксы, характерные для русской антропонимной системы, они функционировали параллельно с антропонимами-источниками, т. е.. *Топал* и *Топалов*, *Пинти* и *Пинтийски*;

б) фамилии, образованные от кличек и прозвищ иноязычного происхождения, преимущественно турецкого, воспринимаются как «нестандартные» фамилии и, подобно русским, не подвергаются суффиксации, что в свою очередь не привело к изменению фамильных имен (о нестандартных фамилиях см. подробнее [Сулова, Суперанская 1976: 59–71]). Эти фамилии сохранились в виде, в котором они были привезены из прародины, напр.: *Узун* ‘длинный’, *Киор* ‘слепой’, *Терзи* ‘портной’, *Топал* ‘хромой на одну ногу’, *Бахчиван* ‘садовод’ [Илчев 1969: 294].

Суффиксов не получило значительное количество имен, сложных по своему составу, например: *Караиван* ‘черный Иван’, *Саравело* ‘желтый, бледный Вело’ и др. Небольшими исключениями являются имена, получившие суффиксы этого типа, например. *Урумбегликов*, *Кизильбашев* (см. подробнее: [Парзулова 2007: 225, 228]). Русификация последнего имени реализовывалась при помощи -ь и суффикса -ев.

В результате произведенных наблюдений можно сделать следующие *выводы*:

1. В основном личные имена болгар в процессе переселения входили в состав болгарского и частично христианского именных календарей, а на более позднем этапе стали частью русской антропонимной системы.

2. Отчества подвергались адаптации круской именной системе при помощи суффиксов или фонетических изменений.

3. Такие фамильные имена, как *Стоянов, Станков, Дымов, Стойков, Тодоров, Денов, Драгнев, Генов*, служат доказательством фигурирования болгар в русских архивах. По сегодняшний день на территории Бессарабии – части бывшей России – и Крымского полуострова эти имена живы и являются свидетельством прежнего и нынешнего болгарского присутствия на этих землях.

Список литературы

Белова Е.В. Миграционная политика на Юге Российской империи и переселение болгар в Новороссийский край и Бессарабию (1751–1871 гг.). М., 2004.

Велики К., Трайков В. Българската емиграция във Влахия след Руско-турската война 1828–1829 г. София: Наука и изкуство, 1980. 452 с.

Грек И. Гюлмян – Дюльмен – Яровое. К., 2006. 264 с.

Златова В.Н., Златов И.В., Георгиев Ф.С. Камчик. Саратовский район, с. Заря. Смил, 2003. 539 с.

Илчев Ст. Речник на личните и фамилните имена на българите. София: БАН, 1969.

Колесник В.А. Болгарская антропонимия юга Украины. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1984. 16 с.

Парзулова М. Кримските българи. Одеса: Друк, 2007. 273 с.

Сулова А.В., Суперанская А.В. «Нестандартные» русские фамилии // Ономастика и норма. М., 1976. С. 59–71.

М.Н. Parzulova

About the anthroponymie of Bulgarian immigrants in the Russian Empire

In the research the most common name models of the Bulgarian immigrants in the Russian Empire in the early nineteenth century are presented. The author describes the ways according to which the Bulgarian anthroponyms (personal, middle and family names) are adopted to the Russian name system.

Key words: anthroponym, Bulgarian names, Bulgarianimmigrants.

*Р.З. Рамазанова
(Москва, Россия)*

Проблема идентификации и самоидентификации при употреблении имен собственных в детской речи

В статье ставится проблема идентификации и самоидентификации при употреблении имен собственных в детской речи. Данная проблема рассматривается на примере развития речи мальчика в период от 1,5 до 2,5 лет, когда происходило освоение им имен собственных.

Ключевые слова: детская речь, имя собственное, термины родства, идентификация и самоидентификация.

На самом раннем этапе развития речи, когда ребенок только знакомится со словами, он воспринимает их как имена собственные, т.е. названия конкретного предмета. «Однако вскоре, на основе практического знакомства ребенка с различными предметами и их свойствами и благодаря способности даже очень маленьких детей к генерализации, дети начинают осознавать, что во многих случаях словесная оболочка может относиться не только к одному предмету, но к целому классу однородных предметов» [Доброва 2014: 105] – таким образом в сознании ребенка происходит постепенное разделение имен на нарицательные и собственные. Как правило, по завершении этого процесса проблем с определением и называнием предметов и лиц именем нарицательным у ребенка не возникает. Однако остаются некоторые вопросы с употреблением имен собственных, т. е. идентификации себя и других лиц.

Поставленная в статье проблема возникла в результате систематических наблюдений за развитием речи ребёнка – мальчика в течение года (от 1,5 лет, когда появились первые имена собственные, до 2,5 – на момент написания статьи). Нужно отметить, что в целом развитие речи ребенка на данный момент соответствует возрасту, а проходило в следующем порядке: в 10–11 месяцев появились первые слова, к двум годам в лексиконе было не более 50 слов, не считая большого количества звукоподражаний, заменяющих собственно наименование предмета или действия, в период первого месяца третьего года жизни произошел скачок в развитии речи – ребенок начал выстраивать предложения и его словарный запас резко вырос. На данный момент ребёнок выстраивает предложения из 5–6 слов, в его речи есть также сложные предложения, в большинстве случаев связанные противительными или определительными отношениями. Следует упомянуть также о языковой среде, в которой находится ребёнок, поскольку этого требует анализ дальнейших примеров. Ребёнок растет в двуязычной среде (русский и татарский языки с преобладанием первого), но сам использует и воспринимает (как кажется) только русский. Слова татарского языка используются для названия родственников.

Одно из первых имен собственных (не считая «мама» и «папа», т.к. они ребёнком также воспринимаются как собственные), которые усваивает ребёнок, – это его собственное имя. Очень быстро ребёнок начинает идентифицировать себя с именем, о чем и говорят первые фразы ребёнка о себе в третьем лице: «Маша ням-ням», «Вова ту-ту».

К четвертому году ребёнок осознает себя как самостоятельная, отдельная от родителей личность, в речи показателем этого становится употребление местоимения **я** вместо имени собственного. В нашем частном случае это процесс перехода от имени к «я» весьма показателен. Ребёнка, о котором идет речь, зовут Ильяс. Свое имя он начал произносить к полутора годам, и оно имело следующее звучание [ија] – *Ия*. Данное сочетание звуков могло бы быть воспринято как связь «союз + личное местоимение», но употребление его в контекстах (ответ на вопрос, как его зовут, а также сочетание с глаголом третьего лица) доказывало, что так в детской речи звучит его собственное имя. В таком виде собственное имя сохранялось в его речи примерно до двух лет. Постепенно он начал называть себя «Ильястик», хотя параллельно в речи присутствовал и звукокомплекс «*ия*», которым ребёнок тоже указывал на себя. Но он использовал его только в форме именительного падежа или притяжательного прилагательного (ијэн') (хотя второе в скором времени уступило место форме «Ильясин»), в то время как «полноценное» имя собственное свободно изменялось по падежам в речи ребёнка. Вскоре сочетание звуков [ија] стало употребляться с глаголом первого лица. По мере того, как эволюционировал процесс осознания себя как отдельного человека, редуцировался и звук [и], таким образом, в настоящее время ребёнок использует местоимения **я** для указания на себя, а имя – для называния себя и противопоставления себя другим лицам, персонажам, а также их качественным характеристикам.

Как следует из предыдущего абзаца, некоторые прилагательные, особенно те, значения которых абстрактны и не до конца понятны ребёнку, воспринимаются им как имена собственные или дополнение к ним. Иллюстрацией может служить следующий диалог взрослого с ребенком:

Р (ребенок): *Водяной, он добрый.*

В (взрослый): *Да, а ты? Ты добрый?*

Р.: *Нет.*

В.: *А какой же ты?*

Р.: *Я Ильястик.*

Ребёнок противопоставляет себя другому лицу, в данном случае сказочному персонажу, включая все его характеристики. Себя же он идентифицирует по имени, половой принадлежности, родственным связям с родителями и возрасту-росту (*я маленький*).

Что касается идентификации других людей или животных, то сначала ребенок именуется одинаково всех лиц или животных чем-либо похожих. Показателен следующий пример: узнав, что кличка соседской собаки Мери, ребёнок всех собак называл этой кличкой. Так, в языке ребёнка совмещалось и общее родовое название и кличка, общая для всех собак. Позже он начал так называть только собак определенной породы, и наконец кличкой Мери стал идентифицировать определенную собаку.

В общем процесс освоения личных имен у ребёнка проходил достаточно легко и быстро. Достаточно быстро ребёнок запомнил имена родителей и других близких родственников, причем в период освоения он пользовался как терминами родства, так и именами. К отцу мог обратиться, как *папа*, так и *Рамиль*, к бабушке – *бабай* или *Зинур*. На данный момент имена родных он называет только если спросить, как зовут папу, маму и т.д. Ребёнок уже усвоил, что каждый человек обладает своим уникальным именем. Непонимание вызывают случаи, когда встречается людей с одинаковыми именами:

В.: Смотри, вот Саша идет.

Р.: Нет, Саша на качелях.

В.: Это другой Саша.

Р.: Как другой?

Примером может также служить то, как ребёнок называет родственников, поскольку некоторые термины родства он до сих пор воспринимает как имена собственные. Так, свою тётю он называет *амай* (от *алматай*) и отказывается так называть других родственниц, поскольку *амай* должна быть только одна. Сложилось так, что каждого из родственников ребёнок называет по-разному, не всегда при этом используя имена: дядя – *абый*, [*абзи*], [*абзикай*], дядя *Равиль* (*Рустам* и т.д.); тётя – *ана*, *апай*, *тэтэй*, *амай*, (*Зульфия* и др.) *ана*, *тётя* (*Марина* и др.) и т.д. Складывается впечатление, что комплекс *термин родства + имя* воспринимается ребёнком как единый звукокомплекс, в котором он не различает эти два компонента. Интересно, что единственные, кого Ильяс называет недифференцированно, – это его бабушки (их 2): *эби* (*эбьячка*, *эбикяйчик*). В этом случае он называет двух разных людей одинаково, и при этом у него не возникает внутреннего конфликта.

Итак, на данный момент ребёнок свободно использует имена собственные, он понимает, что каждый человек имеет свое имя и имена могут быть одинаковые у разных людей. В речи именами

пользуется также в качестве обращений: *Марк, смотри, вертолет; Самира, пойдём играть в машинки.*

Таким образом, ребёнок, ещё не получивший большого жизненного опыта и достаточных знаний о мире, должен как-то определять, идентифицировать себя и окружающих, значимых для него людей. Имя собственное выступает тем самым средством, которое помогает ребёнку ориентироваться в мире, в его отношении к окружающим и отношении окружающих к нему. Освоение имени собственного происходит именно тогда, когда у ребёнка появляется необходимость определить себя и свои связи с другими людьми. Именно поэтому каждого близкого человека ребёнку важно называть определенным именем, поскольку это помогает ребёнку социализироваться и ориентироваться в том обществе, где он находится.

Список литературы

Доброва Г.Р. Личные имена в детской речи: процесс освоения // Вопросы ономастики. 2014. № 2. С. 103–109.

R.Z. Ramazanova

The problem of identification and self-identification in using of proper nouns in child speech

The problem of identification and self-identification in using of proper nouns in child speech is set in the article. The problem is considered through the evolution of the boy-child's speech in the period from 1,5 till 2,5 when the assimilation of proper nouns had taken place.

Key words: child speech, proper noun, kinship terms, identification and self-identification.

Н.Н. Rogoznaya

(Иркутск, Россия)

Лингвистический анализ функционирования русского антропонима в китайском социуме

В статье рассматривается социолингвистическое контактирование русских и китайских антропонимов. Современное состояние языковых контактов типологически разных языков раскрывает специфические особенности выбора имени собственного вторичной номинации китайскими и русскими гражданами, меняющими место своего проживания

Ключевые слова: антропоним, транслитерация, иероглифика, кириллица, фонетическая транскрипция, графика, социологический опрос, статистический опрос.

Термин антропоним происходит от греческого *anthropos* ‘человек’ + *онума* ‘имя’. Имена людей – часть истории народов. В них отражаются быт, традиции, верования, чаяния, фантазия и художественное творчество народов, их исторические и современные контакты. Любое слово, которым именуют человека, окружающие воспринимают как его личное имя, и, следовательно, любое слово потенциально может стать именем. Таким образом, личное имя (в древнерусском языке – рекло, назвище, прозвище, название, прозвание, проименование) – это специальное слово, служащее для обозначения отдельного человека и данное ему в индивидуальном порядке для того, чтобы иметь возможность обращения [Суперанская, Сталтмане 1986: 254], т.е. коммуникации

Особую группу имен собственных (онимов) в языке составляют антропонимы – имена людей. Они служат для выделения человека из ряда ему подобных. В каждом языке существует своя специфика идентификации и индивидуализации человека, используются определенные языковые средства. Антропонимика, которая изучает имена собственные человека (историю их происхождения, эволюцию, современную культуру, способы номинации, семантику и т.д.), располагает богатым выбором личных имен для индивидуума. У каждого народа – своя антропонимика, свой реестр имен, список [Подольская 1978: 198], традиция использования.

Имена собственные принадлежат языку в целом. Что касается содержания личного имени, то оно по-разному может заполнять общие для всех звуковые формы принятых вариантов. Особенности содержательной стороны личного имени и его специфика отражают индивидуальное использование имени в различных культурных и функциональных сферах речи, что часто приводит к возникновению омонимии, т.е. к появлению самостоятельных, семантически между собой не связанных, не зависимых друг от друга единиц в рамках разных стилей в разных языках. Так, например, китайские антропонимы выбираются согласно иероглифам, которые есть не что иное, как картинка, отображающая объект, действие или событие. Это может быть летящая птица, бушующий океан, цветущее дерево – т.е. всё что угодно, имеющее положительную семантику и фонологическое благозвучие. Система подбора иероглифов, предназначенных для именованя лица, настолько сложна, что не поддается точной классификации. Единственное, что можно конкретизировать – женские китайские имена выражают

эстетические воззрения, мужские знаменуют общественные, моральные и сакральные ценности.

Китайские имена чаще всего имеют определённый смысл [Жэнь Цилян (任亮), Ши Сюй (序) 2006: 191–192], закладываемый в форму именами нарицательными. Иногда это пожелание ребёнку, иногда оно указывает на место или время рождения, природные явления в момент рождения и т.д. Например, в имя могут быть введены иероглифы *цзин* (京) – столица, *чэнь* (晨) – утро, *дун* (冬) – зима, *сюе* (雪) – снег (два последних прогнозируют чистоту формирующейся личности) и т.д. Часто встречаются имена, в которые входят иероглифы, обозначающие благородные чувства, например: *чжун* (忠) – преданность, *и* (义) – верность долгу, *ли* (礼) – этикет, *синь* (信) – честность и др. Подобные имена, по мнению китайцев, предопределяют, каким должен стать ребёнок, когда вырастет. В имена часто вводят иероглифы пожелания здоровья, счастья и долголетия: *цзянь* (健) – здоровье, *шоу* (寿) – долголетие, *сунн* (松) – сосна (символ вечности), *фу* (福) – счастье.

Как было отмечено выше, мужские имена отличаются от женских особенностью выбора символов графем, в них часто присутствуют иероглифы с мужской символикой: *ху* (虎) – тигр, *лун* (龙) – дракон, *сюн* (雄) – героизм, *вэй* (伟) – великий, *ган* (刚) – стойкий, *цян* (强) – сильный и т.д. В женских именах преобладают понятия красоты, нежности и прелести: *фэн* (凤) – феникс, *хуа* (花) – цветок, *юй* (玉) – нефрит, *цай* (彩) – многоцветье, *цзюань* (娟) – нежный шелк, *цзин* (静) – тишина, спокойствие, *чжэнь* (贞) – целомудрие, *шу* (淑) – нравственность, *я* (雅) – изящность и др.

В женских именах по древним обычаям часто принято использовать названия цветов. Самыми распространёнными являются: *мэйхуа* (梅花) – цветок сливы, *мудань* (牡丹) – пион, *цзюйхуа* (菊花) – хризантема, *ланхуа* (兰花) – орхидея, *хэхуа* (荷花) – лотос, *гуйхуа* (桂花) – душистый османтус. Несколько уступают им по частоте использования *шаньчахуа* (山茶花) – камелия, *шуйсянь* (水仙) – нарцисс, *юецзи* (月季) – чайная роза, *дуцзюань* (杜鹃) – азалия.

В мужских именах названия цветов тоже могут присутствовать, но встречается это крайне редко. На протяжении веков в Китае цветение ассоциировалось с женственностью, что мужчинам, конечно же, не присуще. Мужчины в свою очередь отнюдь не лишены права выбора имен с элементами фауны. Иероглифы, входящие в мужские китайские имена, традиционно обозначают названия трав и деревьев. Этот способ достаточно популярен, т.к., по мнению китайцев, наличие в имени мужчины названия растения даёт ощущение жизненной силы, делает его мужественным и красивым. По статистике пекинских паспортных служб, в мужских именах наиболее часто встречаются: *ян* (杨) – тополь, *бай* (柏) – кипарис, *сунн* (松) – сосна, *пин* (苹) – яблоня, *чжи* (芝) – кунжут, *пин* (萍) – ряска, *хуай* (槐) – японская софора, *шу* (树) – дерево, *лин* (林) – лес [Кравцова 1994: 544; Ван Цзюньюнь (王军云) 2007: 278].

Таким образом, разделение китайских имен на мужские и женские условно и расплывчато. Большинство их них не содержит очевидных указаний на пол человека. Эта неопределённость заключена в иероглифах, обозначающих природные явления, названиях животных, какой-либо местности. Названия местности в именах прослеживаются на всей территории Китая. Однако это, как правило, не полные обозначения, а сокращенные, иногда устаревшие, но сохранившиеся в памяти народа. Такие названия есть в каждом населенном пункте, начиная с Пекина и заканчивая глухими деревнями. Например, *ЛюЮйчуань* (刘豫川) – имя, принадлежащее мужчине-китайцу: *Юй* (豫) – краткое название провинции *Хэнань* (河南), где вырос его отец, *Чуань* (川) – сокращенное обозначение местности *Сычуань* (四川), родины его матери [Ло Сэнь (罗森) 2000: 401; Линь Му (林木) 2001: 436].

Названия животных и птиц, входящие в имена, разнообразны. Они могут символизировать и мифологические создания: *лун* (龙) – дракон, *фэн* (凤) – феникс. Китайцы испытывают к ним трепетное отношение, считая покровителями самых существенных сфер человеческой жизни – процветания, здоровья, счастья, любви. Дракон и феникс олицетворяют мужское и женское начало в ведущих его проявлениях – царя и царицы. Другие представители фауны, в

частности ху (虎) – тигр, ху (狐) – лисица, ин (鷹) – орел, янь (燕) – ласточка, хунянь (鸿雁) – дикий гусь, ин (莺) – иволга, используются не меньше, что объясняется желанием родителей создать гармоничное слияние ребёнка с окружающим миром, придания его характеру тех или иных качеств, соответствующих, по их мнению, выбранному животному.

Вместе с наименованиями окружающей действительности для наречения людей в Китае используются и произведения культуры – древние канонические книги, поэмы, стихотворные формы. Обычно используются целые строки, предназначенные для смысловой составляющей имени. Китайцы глубоко уверены, что семантика имени оказывает значительное влияние на судьбу того, кто будет его носить. В этом и заключается основная задача китайской антропоники: определить жизненный путь человека при помощи имянаречения.

В китайских антропонимах нередко встречаются пожелания благополучия как самим их обладателям, так и всей стране. Иными словами, китайские имена – целая система жизненных и социальных отношений и ценностей вместе с эстетическими и этическими представлениями нации.

Следует отметить, что китайские иероглифы, проходя разнообразные пути и приобретая богатый опыт создания китайского антропонима, не остаются без внимания у тех, кто изучает китайский язык. Современные социальные и политические условия развития оказывают благотворное влияние на культурные и международные языковые контакты. Интернациональные браки часто требуют от билингвов выбора нового имени. Это происходит сначала в домашних условиях в качестве необходимости установления микроклимата семейной жизни, а затем находит отражение в решении выбора официального имени. Нередко члены семьи из подобных брачных союзов на территории Китая сталкиваются с проблемой написания имени иероглифами. Многих интересует вопрос: как написать своё имя на китайском языке? Некитайские имена пишутся по их произношению, т.е. подбираются иероглифы, близкие к ним по звучанию, и поэтому обычно смысловой нагрузки эти имена не несут. Так, многие русские антропонимы получили «прописку» в китайском языке, обретя иероглифическое

отображение. *Таблица 1* демонстрирует список русских антропонимов, ставших типичными в китайском языке.

В *Таблице 1* показано, что русская транслитерация и произнесение китайского иероглифа согласованы только относительно. Нельзя добиться полного соответствия вследствие разных фонологических систем этих языков. Фонема <д> в китайском языке произносится жёстко, как и китайский <d>, и не произносится мягко, как <j>. Кроме этого, <т> тоже произносится, как и китайский <t>, а не мягко <q>. Например, [ди] – [di], а не [ji] – [ци]; [ти] – [ti], а не [qi] – [ци].

Таблица 1

Русские имена на китайском языке

Имя на русском языке	Имя на китайском языке (транслитерация)	Звучание имени на китайском языке	Ласкательное имя на русском языке	Ласкательное имя на русском языке (транслитерация)	Звучание имени на китайском языке
Аврора	奥罗拉	аолола	Ава	阿瓦	ава
Агата	阿加塔	ацзяда	Ага	阿加	ацзя
Аделина	阿杰莉娜	ацзелина	Ада	阿达	ада
Алевтина	阿列夫京娜	алефуцзинна	Тина	京娜	цзинна
Александр	亚历山大	ялишаньда	Саша	萨沙	саша
Александра	亚历山德拉	ялишаньдэла	Аля	阿里亚	алия
Алексей	阿列克谢	алекэсе	Алёша	阿廖沙	аляоша
Алёна	阿廖娜	аляона	Лёна	廖娜	лаона
Алина	阿琳娜	алиньна	Лина	琳娜	линьна
Алиса	阿利萨	алиса	Ала	阿拉	ала

Русская фонема <н> в китайском языке носовая, содержащая гилинантизм – [ng], а <нь> – [n]. Например, [ан] в китайском языке – [ang] (昂), а [ань] – [an] (安). Китайские иероглифы «二», «尔», «儿» имеют одинаковую транскрипцию – [er], в русском языке – [эр]; китайская транскрипция [uo] в русском фонеме <о>, например, транскрипция «国» – [guo] в русском языке [го]; китайские

транскрипции [j] и [z] в русском – [цз], например, [jia] (加) – [ца], а [za] (杂) – [цаз]; [zh] – [чж], например, [zhao] (赵) – [чжао].

Анализ показал, что русский антропоним, записанный китайский иероглификой, не передаёт точного звучания русского имени, в китайской речи оно может быть малоузнаваемым или вообще неузнаваемым для русского уха. У русского антропонима существует несколько вариантов неофициального имени. Попадая наряду с официальным именем в реестр русских имен, переданных иероглификой, неофициальные дериваты приобретают значимость и начинают функционировать как самостоятельные имена. Так, например, *Дмитрий* и *Дима* ассоциируются в языковом сознании носителя китайского языка с двумя разными индивидуумами. Таким образом, лингвистически подтверждается факт, что с изменением формы меняется значение, происходит семантический распад русского имени собственного на два самостоятельных, приобретающих своё значение, звучание и значимость.

Китайская иероглифическая письменность, как и все известные виды письменности, обслуживает свой язык, т.е. её основная роль состоит в том, чтобы с помощью графем записывать все языковые знаки, имеющиеся в китайском языке. Однако иероглифы значительно отличаются от других графем, типичных для кириллического алфавита. Главным отличием иероглифов от знаков буквенного или слогового фонетического письма является то, что каждый знак китайской письменности передаёт лексическое значение, т.е. семантически значим и поэтому сопоставим со словом или знаменательным корнем слова в других языках. Иероглифу всегда соответствует как минимум – слог, поэтому в китайском языке слог равен морфеме (минимальной единице языка, передающей лексическое значение). Письменных знаков и соответствующих им морфем в китайском языке насчитывается не менее нескольких тысяч, в то время как в языках, использующих буквенную или слоговую письменность, их знаковые системы или алфавиты могут насчитывать от нескольких десятков до нескольких сотен знаков [Кондрашевский 2000: 528], т. е. они исчислимы.

Более громоздкая и более сложная, чем другие виды письменности, китайская иероглифика имеет перед ними и определённые преимущества. В частности, даже в современном Китае именно иероглифика зачастую служит единственным

средством для достижения взаимопонимания между представителями различных диалектных групп. Произнося большинство слов по-разному, жители различных регионов Китая, тем не менее, одинаково понимают то, что изложено иероглифическим текстом. Именно поэтому в отдельных сложных случаях носители китайского языка, совершенно не понимая устной речи представителя иного диалекта, вынуждены обращаться к иероглифике для разрешения противоречий и достижения коммуникативной цели. Ярким примером является то, что многие интервью в программах китайского телевидения часто сопровождаются иероглифическими титрами [Кондрашевский 2000: 528]. Таким образом, иероглифическое письмо, кроме всего прочего, играет и социально-объединительную функцию.

Особенности алфавитной письменности дают возможность использовать фонетическую транскрипцию. Звуки разных языков имеют свои характерные отличия. Когда же возникает необходимость записать имя по-китайски, то часто возникают проблемы. Ведь китайский язык имеет чёткую, постоянную слоговую структуру. Иными словами, функционирование некоторых русских слогов в китайском языке невозможно. Именно поэтому русские антропонимы имеют иное графическое изображение и произнесение. Европейское имя на китайском языке может не иметь ничего общего со своим образцом в родном языке. Иероглифическая письменность является, с другой стороны, главной проблемой, ведь она не только сложна в написании, но и каждый слог имеет несколько вариантов передачи. В принципе, можно выбрать абсолютно любой понравившийся **иероглиф**, однако для передачи русских имен в китайских энциклопедических словарях существует ряд устойчивых сочетаний. И хотя буквы алфавита *иероглифами* написать практически нельзя, есть потенциальная возможность передачи слогов некоторыми иероглифами, которые по произношению близки к фонетическому рисунку антропонима.

Семантическое значение китайского имени очень разнообразно, а смысловые комбинации многочисленны. Женские имена выражают эстетические воззрения, а мужские – общественные, моральные и сакральные ценности. Иероглифы имен не случайны, они всегда имеют определённую логику и смысл. Русские имена в китайской иероглифике чаще не имеют тех семантических компонентов, которые содержит китайский антропоним. В этом плане они содержательно не наполнены, пусты.

Китайские иероглифы, так же как и многие письменные знаки в других языках, обладают тремя основными характеристиками: написанием, чтением и значением. Графический образ каждого иероглифа (или составляющих его частей), как правило, напрямую восходит к какому-либо изобразительному знаку и далее к рисунку, что позволяет говорить о возможности взаимосвязи графики и передаваемого иероглифом значения. Связь графического знака с его чтением (характерная для других языков) в китайском языке весьма условна, либо вообще отсутствует. Вот почему передача иероглифами русских антропонимов – это целая наука, требующая изучения, соблюдения определённых норм, правил транслитерации, знания семантики. Это направление должно получить развитие в современной ономастике.

XXI век раздвинул границы общения, и это повлекло за собой огромные потоки миграции и эмиграции. В последние десятилетия территориальная близость Китая и России послужила причиной изменения в обоих социумах и отдельных его представителей. Всё больше китайцев стремится приехать в Россию в поисках лучшей жизни. Процесс миграции российских граждан в Китай также увеличивается из года в год.

В этой связи создаётся новая социолингвистическая ситуация, когда приезжающие в другую страну на длительный срок или постоянное место жительства люди выбирают себе новое имя, помогающее быстрее адаптироваться в социуме и «окультурации» в новых условиях.

Имя, как губка, впитывает в себя отражение многих событий, происходящих в жизни его обладателя. Имя может выступить в роли магнита или выразителя событий, связанных с носителями этого имени. Например, имя *Юрий* связано с основанием Москвы и эпохой покорения космоса. Люди, сделавшие правильный выбор имени, могут обеспечить их обладателям безопасность и лучшую судьбу, потому что в жизни часто происходит проигрывание мифологической сущности имени.

Иногда в жизни бывает так, что человек «прирачивает» себе другое (второе) имя либо выбирает совершенно новое в конкретных социальных условиях. Имя собственное вторичной номинации часто сопровождает человека во время миграции или эмиграции, внося специфические особенности в его жизнь, а иногда в корне меняет ее.

Так, китайцы, приезжающие в Россию, по разным причинам выбирают себе то или иное русское имя, функционирующее на её территории много лет, т.е. исторически закреплённое: Иван, Маша и др.

Социологический опрос, проведённый в г. Иркутске, показал, что из 80 респондентов-китайцев 62 имеют второе имя в российском социуме, в их числе 32 женщины (51,61 %) и 30 мужчин (48,39 %). Опросник содержал следующие пункты: первичное китайское имя, пол, возраст, семантика китайского имени, имя собственное вторичной номинации (русское), его значение, причина выбора вторичного имени, социальный статус, прагматические задачи (зачем, с какой целью сделан выбор нового имени). В *Таблице 2* отражены причины выбора китайцами имени собственного вторичной номинации.

Статистический анализ проведённого опроса показал, что наличие второго имени у китайцев, проживающих в г. Иркутске, имеет несколько объяснений (*Таблица 3*).

Таблица 3

***Характеристика причин выбора имени
собственного вторичной номинации***

№	Причина	Количество респондентов	
		абс.	%
1	Для общения с русскими	27	43,55
2	Для удобства коммуникации	22	35,48
3	Благозвучие	9	14,52
4	Символ другой культуры	4	6,45
<i>Всего</i>		<i>62</i>	<i>100</i>

Как видно из *Таблицы 3*, прагматическая направленность выбора имени собственного вторичной номинации включает 4 основные причины. Их объяснение дано в *Таблице 4*.

Таблица 2

Китайское имя	Пол	Возраст	Значение в китайском языке	Русское имя	Значение в русском языке	Почему выбрано это имя (принцип)	Социальный статус (профессия)	Причина переименования
Ван Бо	ж.	30	волна, поток	Инна	бурный поток	одинаковое значение	хозяйка ресторана	для общения с русскими
Ван Вэй	м.	28	Великий	Никита	победитель	нравится значение	магистрант	для удобства коммуникации
Ван Вэй	м.	28	Великий	Анатолий	восход солнца	нравится значение	повар	для удобства коммуникации
Ван Дань	ж.	21	Красивая	Белла	прекрасная	одинаковое значение	студентка	для общения с русскими
Ван Ицзяо	ж.	24	Нежная	Ирина	мир	одинаковая первая буква имени	переводчик	для общения с русскими
Ван Лэй	м.	35	Чистосердечный	Сергей	высокий, почтенный	нравится значение	розничный торговец	для общения с русскими
Ван Мэн	м.	23	Сильный	Валерий	сильный	одинаковое значение	магистрант	для общения с русскими
Ван Пин	м.	28	благополучие, спокойствие	Тихон	удачливый	нравится значение	парикмахер	для удобства коммуникации
Ван Сюеин	ж.	35	прелестная, изящная	Зоя	жизнь	соответствует характеру	субподрядчик	для общения с русскими
Ван Сюй	м.	29	восходящее (утреннее) солнце	Валерий	сильный	нравится значение	мелкий торговец	для удобства коммуникации

**Объяснение причин выбора имени
собственного вторичной номинации**

№	Причина	Количество респондентов	
		абс.	%
1	Нравится значение	32	51,61
2	Соответствует характеру	9	14,52
3	Одинаковое значение	9	14,52
4	Благозвучие	7	11,29
5	Имеет одинаковые звуки с родным (первичным) именем	3	4,84
6	Легко произносится	1	1,61
7	Распространённое имя	1	1,61
Всего		62	100

Таблица 4 раскрывает 7 основных причин выбора китайцами русского имени собственного вторичной номинации. Самая распространённая из них – нравится значение имени. Она составляет более 50 % от всех причин.

Ономастический анализ показал, что в большинстве случаев китайцы выбирают себе второе имя собственное не случайно. Прагматическая направленность выбора имени собственного вторичной номинации предполагает, прежде всего, быструю адаптацию в новом социуме. Категория людей, имеющих «приращённое имя», или имя собственное вторичной номинации, относится к репродуктивному возрасту – от 16 до 45 лет. Необходимость его выбора диктуется социальными и экономическими условиями новой жизни индивидуума и происходит по определённым ономастическим и психолингвистическим законам.

Список литературы

Кондрашевский А.Ф., Румянцева М.В., Фролова М.Г. Практический курс китайского языка. Т. 2. 4-е изд., испр. М.: ИД «Муравей», 2000. 528 с.

Подольская Н.В. Ономастика // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 346–347.

Рогозная Н.Н., Ли Чэньчэнь. Новые горизонты функционирования имени собственного (в аспекте русско-китайского билингвизма). Иркутск, 2012. 159 с.

Суперанская А.В., Сталтмане В.Э. Теория и методика ономастических исследований. М.: Наука, 1986. 254 с.

任启亮, 时序. 中国文化常识 / 国家汉语国际推广领导小组办公室, 中华人民共和国国务院侨务办公室编. – 北京: 华语教学出版社, 2007. 241 с.

王希杰. 修辞学导论 [M]. 南京: 南京大学出版社, 2000. 616 с.

林木中国起名改名实用全书[M]. 北京: 中国商业出版社, 2001. 436 с.

N.N. Rogoznaya

Linguistic analysis of functioning of Russian personal name in Chinese society

The article deals with sociolinguistic contacting of Russians and Chinese personal names. The current state of language contacts of typologically different languages provides specific peculiarities of choosing of the secondary nomination's personal names for the Russians and the Chinese changing the place of living.

Key words: personal name (anthroponym), transliteration (metagraphy), hieroglyphics, cyrillic alphabet (kirillitsa), phonetic transcription, script, sociological survey, statistical survey.

Т.П. Романова

(Самара, Россия)

Самарская зоонимия в международном проекте Стефана Вархола

В статье рассматриваются результаты исследования славянской зоонимической лексики, реализованные в пятитомном этимолого-мотивационном словаре славянской народной зоонимии Стефана Вархола. На основании сопоставительного анализа польских и русских кличек самарской составляющей словника выявляются некоторые лексические параллели и общие принципы номинации животных.

Ключевые слова: зоонимия, мотивация, этимология, славянские языки, этногенез славян, ономастическая лексикография.

В 2016 году завершено издание пятитомного этимолого-мотивационного словаря славянской народной зоонимии Стефана Вархола: «Słownik etymologiczno-motywuacyjny słowianskiej zoonimii ludowej» [Warchoł 2007–2016, I–V]. Стефан Вархол – профессор Института славянской филологии Университета Марии Кюри-Складовской в городе Люблине – около 50 лет своей жизни посвятил осуществлению этого грандиозного замысла.

Материал словаря собирался на территории всей славянской Европы: в Польше, Болгарии, Сербии, Македонии, Чехии, Словакии, Верхней и Нижней Лужице, Боснии, Герцеговине, Черногории, Белоруссии, на Украине и в России. Обследовано около 700

населённых пунктов с коренным славянским населением, в том числе села Покровка и Липовка Самарской области. В международном исследовании принимали участие более 150 учёных. Было опрошено около 1500 народных информантов, главным образом, старожилы данной местности. Картотека словаря включает свыше 120000 кличек домашних животных, записанных в оригинальной форме, на одном из 10 славянских языков, с мотивационными комментариями.

В словаре представлены клички 44 видов домашних и одомашненных диких животных. В I-м томе содержатся клички буйволов, быков, волов и лошадей; во II-м – коров; в III-м – кошек и собак. В IV-м томе собраны клички разных видов домашних животных и птиц: коз, овец, свиней, кроликов, нутрий, ослов, мулов, гусей, уток, индюшек, голубей, а также прирученных диких и экзотических животных, содержащихся в домашних условиях: лебедей, оленей, серн, ястребов, мышей, морских свинок, ежей, лис, зайцев, канареек, попугаев, аквариумных рыбок.

В словарных статьях V-го тома объединяются клички животных разных видов на основании общности корневой основы. Это позволяет проследить уровень её продуктивности и широту распространения на всей славянской территории, например: *Bielka – krowa* (70: *brs* 24, *ros* 15, *cz* 13, *buł* 6, *pol* 3, *slk* 3, *ukr* 3, *mac* 2, *stw*); *pies* (18: *ukr* 7, *ros* 6, *brs* 3, *pol*, *srb*) [Warchol 2016, V: 126].

Словарные статьи I–IV томов содержат сведения об оригинальной форме зоонима, месте записи (названия села, района, страны), о мотиве номинации, частотности употребления и источнике сведений, например: **Sivko** – **mac.** *Sivko* [ap. *siv* ‘szary, siwy’] ‘kon masci siwej’ Vitolište (Prilep); **ros.** *Sivko* [ap. *sivyj*, ‘siwy’] ‘kon masci siwej’ [Porotnikov, 222] (Ural); **slc.** *Siuko* (6) [ap. *sivy*, ‘siwy’] и так далее [Warchol 2007, I: 238]. При описании мотивов номинации учитываются местные традиции. Например, в России бык **Krasnyj** – ‘czerwony’, ‘od maści’ [Warchol 2007, I: 96], а в Сербии конь **Krasny** – ‘piękny’ [Warchol 2007, I: 192].

Текст словаря написан на польском языке. При этом заголовочные слова представлены в упрощенной графической форме, призванной решить проблему интеграции кличек, записанных в разных графико-орфографических традициях. Для этого используется латинская транслитерация с добавлением элементов транскрипции и дополнительных графем, например: **Bajkal** – **ros:** *Bajkál* (2) [NP nazwy geogr. (morza)] [Porotnikov, 235] (Ural), [Smirnov, 1969, 301]; **ukr:**

Bajkál [NP nazwy geogr. (morza)] Kamjanka (Charkiv) [Warchoł, T.1, 2007, 125]; *Carëk* – ros. *Carëk* [pieszcz., ар. Сарм ‘krol’] ‘od uprzywilejowanej pozycji lub dumy byka’ Pokrovka (Samara) [Warchol 2007, I: 84].

Издание словаря успешно завершено. Меня восхищает беспримерный труд учёного, который сумел возглавить работу большого интернационального коллектива. Переписка с авторами работ и информантами на разных славянских языках, перевод и адаптация текстов, интеграция данных, полученных из разных источников, разработка общей концепции. Публикация сотен статей. Создание карт распространения лингвистических явлений на территории обследованных стран. И, что самое удивительное, никакие изменения политической обстановки не смогли помешать успешному завершению этого долговременного международного проекта.

Мне особенно приятно сознавать, что в словаре Стефана Вархола есть и «самарская страничка», которую вписали мы с Ольгой Салминой, в то время учащейся 10 класса самарской гимназии № 1. Клички домашних животных, собранные в 1998 году на территории Самарской области, вошли в состав картотеки словаря. Этот материал послужил для написания статьи, опубликованной на русском языке в одном из сборников международных конференций [Романова 2003: 221–231].

На основании нашего исследования можно сказать, что номинация животных в современной российской деревне осуществляется в рамках общерусской зоонимической традиции. Основная масса собранных нами кличек традиционна с точки зрения способов образования, мотивов номинации и лексического состава.

При этом следует отметить, что традиционные клички используются преимущественно в личных хозяйствах (66,8%), в то время как на колхозных конюшнях и на молочно-товарной ферме прослеживается тенденция к индивидуализации имен животных. Повторяющиеся клички здесь составляют только 11,7%.

Традиционные зоонимы встречаются у животных разных видов: а) клички кошек *Васька* (10), *Мурка* (8); б) лошадей *Вишня* (4); в) овец *Машка* (7), *Римка* (8); г) свиней *Борька* (17), *Зинка* (14), *Машка* (7); д) собак *Бим* (7), *Дружок* (6); е) коров *Кнопка* (10), *Мурашка* (10), *Февралька* (10), *Румянка* (8), *Ромашка* (9); ж) бычков *Цветок* (14). Одни и те же клички могут использоваться у разных

животных, например: *Цыган* – козел, бык, собака, лошадь. Повторяющиеся клички представляют наибольший интерес для сопоставительного анализа славянской зоонимии.

К числу наиболее древних относятся звукоподражательные клички, традиционно закрепившиеся за определенным видом животного: козы *Мека*, овцы *Бека*, куры *Цыпа*, свиньи *Хрюшка*, *Чунька*, *Чурка*, *Чушка*, кошки *Мурзик*, *Мурка*, *Муська*, *Мурзилка*. У кошек встречаются клички, мотивированные словами подзыва и отгона *Кыська* и *Брыська*. Гуси имеют групповую кличку *Гаги*.

Абсолютное большинство в нашем материале составляют реально мотивированные клички, характеризующие отличительные особенности животного. Их прозрачная внутренняя форма отчетливо выражает мотив номинации. Доминируют номинации по масти (10,3%), которые традиционно образуются от имен прилагательных (*Карий*, *Савраска*, *Сивуха*, *Буренка*, *Ряба*), а также от существительных, создавая метафоры (*Ландыш*, *Березка*, *Ромашка*, *Кровинка*, *Огневушка*). Они охватывают все виды животных, например: кошка *Белоснежка*; лошадь *Белый*; собака *Бельчик*; коровы *Снежинка* (личное хозяйство), *Антарктида* (колхозная). Номинация животных по масти относится к числу наиболее древних зоонимических универсалий. Интересно сравнить их с древнерусскими прозвищами людей, отмеченными в словаре Н.М. Тупикова, например: *Ивашко Бѣлка*, *Олешко Бѣлко* (1495 г.), *Иван Бѣлько* (1595), *Бѣлогрудъ* (1698), *Федко Бѣлогубица* (1495 г.), *Гридка Бѣлой* (1495 г.) [Тупиков 1903: 132].

Зоонимы традиционно отражают также и другие внешние приметы: *Малыш*, *Великанка*, *Гигантка*; *Пушок*, *Бархотка*, *Косматка*, *Кудрявка*; *Рагулька*, *Курноска*, *Бублик*, *Лысенка*; особенности поведения: бычок *Буян*; коровы *Вольница*, *Озорница*; кони *Демон*, *Динамит*, *Прыгун*, *Чёрт*; собаки *Волчок*, *Демон*, *Дракула*, *Пират*.

Современные клички нередко выражают ласковое отношение к животному: *Дочка*, *Сынок*, *Милка*, *Дарёнка*, *Душенька*, *Зазноба*, *Подружка*, *Лапулька*, *Ласка*, *Ласточка*. *Любка*, *Любимка*, *Любавка*, *Жданка*, *Найда*, *Найдёнка*, *Находка*.

В русской зоонимии традиционно используются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *Нотка*, *Петличка*, *Полянка*, *Пташка*, *Жемчужинка*, *Журавушка*. Многие из них являются окказионализмами: *Анкетка*, *Ассолька*, *Балладка*,

Брюсселька, Гранатка, Дубравка, Женьшенька, Изумрудка, Лавинка, Метелька, Нивка, Орбитка, Разладка, Субботка, Туманка, Удалочка.

Традиционно зоонимы образуются от личных имен людей, преимущественно в деминутивной форме (24,5% нашего материала): *Дашка, Кузя, Пашаня, Сенька, Дормидонт.* Данный принцип номинации животных распространен на территории всей России и за рубежом.

Сопоставление кличек животных села Покровка с польскими зоонимами, представленными в работе Стефана Вархола [Warchol 1993], позволяет обнаружить у них много общего. Оказывается, например, что для номинации животных используются одни и те же личные имена: *Альбинка – Albina, Берта – Berta, Вероничка – Weronika, Дик – Dik, Дина – Dino, Джек – Dżek, Любавка – Luba, Ксюша – Ksenia, Маруся – Marusia, Мишка – Miśka, Роза – Roza, Сонька – Sońka, Филя – Filemon, Filip, Яшка – Jasek.*

Выявлены лексические параллели среди зоонимов, характеризующих экстерьер животного, а именно: а) масть *Белая – Biała, Белка – Białka, Буренка, Бурешка – Bura, Вишня – Wiśnia, Жучок, Жучка – Żuk, Żuczek, Карий, Карько – Kary, Каштан – Kasztan, Малинка – Malina, Ночка – Nocka, Пеструшка – Pstrucha, Рыжик – Rudas, Рябка – Raba, Сивуха – Siwa, Чайка – Czajka, Черныш – Czarny;* б) рост, особенности телосложения: *Кубик – Kubek, Малыш, Малек – Mały, Малютка – Malutka;* в) другие особенности внешности: *Звездочка – Gwiazda, Пушок – Pusek, Рагулька – Rogula.* Одинаково выражается положительная оценка: *Красотка – Krasa, Красулька – Krasulka, Красуля – Krasula, Цветок – Kwiatek, Ягодка – Jagoda.*

Особенности нрава животного описываются одними и теми же словами: *Барон – Baron, Бой – Boy, Буянка – Buszula, Ласка – Łaska, Умка – Uмка, Царек – Cezar.*

И, конечно же, можно найти массу параллелей среди звукоподражательных зоонимов, например, среди кличек кошек: *Мурзик, Мурзилка – Murek, Мурка – Murka, Мурыська – Murzynka, Кыска – Kizia.*

Интересно также, что для животных определенного вида в русской и польской зоонимии используются одни и те же номинации, например: кони *Орлик – Orlik, Марта – Marta;* коровы *Бурёнка – Bura, Цыганка – Cuganka,* собаки *Бим – Bim, Бобик – Bobik, Букет – Bukiet, Чана – Ciarek, Тарзан – Tarzan;* кошки *Васька – Wasia, Wasil,*

Луза – *Liza*, *Мышка* – *Myszka*; свиньи *Борька* – *Borys*, *Люська* – *Łuśka*, куры *Петя* – *Piotruś*, *Цыпа* – *Cipka* и др.

Выявленные нами польско-русские параллельные клички, несомненно, входят в состав традиционного ядра зоонимического поля, которое, как показывает наше исследование, имеет очень большую территорию распространения. Таким образом, современная самарская зоонимия органично вписывается в общеславянский зоонимический контекст.

Материалы словаря позволяют очертить контуры всеславянского зоонимикона. Значительная его часть представляет собой один из древнейших пластов славянской диалектной лексики, в составе которой выделяется группа наиболее архаичных кличек, являющихся, по сути, зоонимическими терминами. Они традиционно используются для номинации домашних, раньше других получивших хозяйственное значение: коров, волов, овец, коз и собак. При этом реализуют стереотипные мотивы номинации, наиболее частотным среди которых является характеристика внешнего вида животного.

В предисловии к V тому Вархол обращается к структурно-семантическому анализу кличек, восходящих пяти праславянским основам: *beľь, *berza, *lysъ, *gvezda, *griva. Например, многочисленные клички от основы *berza и сегодня повсеместно обозначают пестрый окрас животного: чередование белого, черного и серого цветов. Сравните: польские клички *Brzeza*, *Brzezula* (32), *Brzezina*, *Brzezon*, *Brzeziasta*, *Brzeziata*, *Brzoza* (14); чешские *Březina*, *Březula*, *Březička*, *Břečka*, *Brezok*; словацкие *Breza*, *Brezaja* (3), *Brezula* (8); болгарские *Breza* (5), *Brezana* (2), *Brezička*, *Brjašku* (3), *Brjazuša*, *Brežko*; сербские *Breza* (2), *Brezulja* (3), *Brizonja*; македонские *Breza*, *Brežka*, *Brežko* (2), *Brežok*, белорусские *Bjaroza* (2), русскую *Berězka* (8), украинскую *Berizka* (14) и т.д. [Warchol 2016, V: 67, 68, 124]. В селе Покровка также отмечена кличка коровы *Берѣзка*.

Зоонимы с корнем *lysъ неизменно употребляются для номинации животных с белым пятном на лбу: *Łysa(ja)* – корова (301), конь (143), утка, курица, овца; *Łysy(j)* – конь (187), вол (22), бык (10), кот (2), петух; *Łyska* – корова (61), конь (26), пёс (5), утка, кот; *Łysonia* – корова (18), кот; *Łysula* – корова (128); *Łysulka* – корова, свинья; *Łysak* – конь; *Łysek* – конь (41), пёс (8), бык (3), утка, кот, бык; *Łysava*, *Łysina* (12), *Łyskula*, *Łyso*, *Łysola*, *Łysonja* (18), *Łysol*, *Łyson* – быки (5), волы (5), конь, кот; *Łysko* – пёс (2); *Łysica* – курица; *Łysunia* – кот (1); *Łysman* – бык (1) [Warchol 2016, V: 203-204]. Словарь

включает свыше 1000 имен животных с корнем «*lys-*». В нашем материале также отмечена кличка коровы *Лысенка*.

Структурно-семантическая близость зоонимов, распространенных на территории всего славянского мира, говорит об их безусловной древности и о вероятном возникновении в период общеславянского единства. Стефан Вархол выявил ареал наибольшей концентрации кличек, восходящих к древнейшим зоонимическим терминам и оформленных архаическими формантами. Это позволило ученому на основании изучения зоонимического материала наметить границы прародины славян, на которой совершился процесс их этнического и диалектного определения в составе праиндоиранского сообщества.

Фундаментальное исследование славянской зоонимии, осуществленное под руководством Стефана Вархола, очень ценно для современной науки. Материалы словаря могут послужить основой для дальнейшего изучения славянской лексико-семантической системы, ономазиологических и семасиологических закономерностей, сопоставительного изучения зоонимии разных славянских народов. Новый, не имеющий аналогов словарь – бесценный дар языковедам, этимологам, уникальный вклад в мировую науку и культуру.

Список литературы

Романова Т.П., Салмина О.В. Традиционный пласт русской зоонимии (на материале кличек животных села Покровка Самарской области) // *Proceedings of the Third International Congress of Dialectologists and Geolinguists. Lublin, 24–29 July, 2000. V. II. Lublin: Maria Curie-Skłodowska University Press, 2003. С. 221–231.*

Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен // *Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества. Т. VI. СПб., 1903.*

Warchoł S. *Kwestionariusz do badania zoonimii ludowej w Polsce na tle słowiańskim / Rozprawy slawistyczne 8. Lublin, UMCS, 1993.*

Warchoł S. *Słownik etymologiczno-motywacyjny słowiańskiej zoonimii ludowej. T. I–V. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2007–2016. (T. I. 2007. 303 с.; T. II. 2009. 296 с.; T. III. 2011. 412 с.; T. IV. 2014. 343 с.; T. V. 2016. 288 с.)*

T.P. Romanova

Samara zoonyms in the international project of Stefan Varhol

The article is devoted to the research results of the Slavic zoonyms presented in the five-volume etymological-motivational dictionary of the pan-Slavic folk zoonyms by Stefan Varhol. Comparative analysis of the Polish and Russian nicknames from

the Samara part of the vocabulary shows some lexical similarities and common principles in the animal nomination.

Key words: zoonym, motivation, etymology, Slavic languages, Slavic ethnogenesis, onomastic lexicography.

О.Н. Скляренко
(Одесса, Украина)

Типологический этюд:

народное этимологизирование мифонимов (теонимов)

Народное этимологизирование мифонимов (теонимов) является свидетельством креативного мышления народа, его творческого номинационного потенциала. Иногда одни и те же мифонимы получают различное народно-этимологическое истолкование. Роль семантического переосмысления мифонима, его народная этимология может оказаться важнее исконного «правильного» этимологического значения.

Ключевые слова: народная этимология, мифоним, теоним, ономастика, мифология, теонимия, типология.

Отсутствие необходимости в лексическом значении в проприальных традициях коммуникантов, к примеру, европейской ономастической культуры, приводит к редукции внутренней формы и постепенному её «выветриванию». С другой стороны, когнитивно-познавательные тенденции говорящих направлены на наделение онимов какой-нибудь лексической семантикой, нередко не имеющей ничего общего с настоящим генезисом номинации. Вновь созданная лексическая семантика названия основывается на любых ассоциативных связях, на любом фонетическом или семантическом подобии названия и реально существующего слова. Возникает так называемая «народная ономастическая этимология» – своеобразное «прочтение» лексической семантики собственного имени, возникающее на основе синхронических лексических ассоциаций и не имеющее отношения к действительному проприальному генезису рассматриваемого онима.

Хорошо это или плохо для ономастики, для языка? Официальная лингвистика относится отрицательно к так называемой «народной этимологии», для которой характерна «антиисторичность и произвольность толкований» [Варбот 1990: 596–597]. Ср. дефиницию О.С. Ахмановой: «*Этимология народная* (паронимическая аттракция) англ. *folk (popular) etymology*, фр.

étymologie populaire, нем. *Volksetymologie*, исп. *etimologiapopular*. Стремление искать в словах внутреннюю форму в качестве рационального объяснения значения слов без учета реальных фактов их происхождения» [Ахманова 2010: 529].

С нашей точки зрения это несправедливый подход к креативно-ономастической деятельности людей. Нельзя недооценивать роль переосмысления названий, их «преобразования в сторону сближения» с другими словами, на основе сходства значений или формы. «Нельзя забывать, что имена божеств и демонов постоянно подвержена действию народной этимологии и табуляции (Велес / Волос ассоциируется с волосом, Перун – возможно с оперенной стрелой, Сварог – с рогом и т.д.)» [Мартынов 1989: 62]. Народное этимологизирование собственных имен различно в разных языковых традициях и нередко используется в мифологии для объяснения тех или иных собственных имен в мифах и легендах. Рассмотрим этот вопрос в типологическом ракурсе.

Прием народной этимологии был весьма распространён в древнеиндийской ритуально-мифологической литературе. Нишада – мифологический прародитель *нишадов*, горного племени охотников и рыболовов, которых иногда отождествляют с современными бхилами. Возведение в мифах имени Нишада к глаголу *нишада* ‘садить’ – характерный пример народной этимологии [Темкин / Эрман 1985: 141, 299]. Насатья – эпитет, относящийся в древнеиндийской мифологии к обоим близнецам Ашвинам или к первому из них. Само слово значит, видимо, ‘исцеляющий’, ‘освобождающий’, также Насатья ‘добрые’, ‘полезные’. Народно-этимологическая традиция выделяет здесь элемент *nāsa* ‘нос’, ср. мотив рождения Ашвинов из носа кобылы [Мифы народов 1982, II: 202]. Кроме того, исходя из народной этимологии, имя Насатья трактуется как *на* + *асатъя* ‘не лживый’ = ‘истинный’. В аккадской мифологии имя супруги Мардука, главной богини города Вавилона Царпапниту / Сарпанита переводят как ‘Сверкающая серебром’. Народная этимология толковала имя этой богини как Зерпанитум ‘Создательница семени’, что сближает этот образ с образом богини-матери [Мифы народов 1982, II: 614]. Для полинезийской мифологии очень характерно народное этимологизирование различных географических имен. Название острова Самоа в одном из вариантов народной этимологии интерпретируется как происходящее от полного наименования Сатиа-

и-ле-моа ‘Поражённый болезнью ещё в утробе матери’ [Полинская 1986: 105]. Согласно другой версии, топоним Самоа представляет собой сокращенную форму слова Sa-ia-Moa, что переводится с самоанского языка как ‘священный для Моа’ от личного имени Моа – сына бога Вселенной Тагалоа. Среди местных жителей наиболее популярна иная версия. Самоанцы указывают на то, что слово *toa* означает ‘центр’ или ‘курица’. Название острова Самоа можно перевести с самоанского языка как ‘Священный центр вселенной’ или как ‘Место моа’ (*moa*– местная домашняя птица, напоминающая курицу). Ср. еще одну интерпретацию этого инсулонима: «Одна из возможных этимологий слова Самоа – ‘семейство (люди) океана’ (от *sā-toana*, где *toana*– общеполинезийское слово со значением ‘океан, море’» [Полинская 1986: 11].

Название самого большого острова архипелага Фиджи Вити-леву или Большой Фиджи дало имя всему архипелагу. Само название Фиджи – это искаженное тонганское [fisi], в свою очередь передающее на тонганский лад фиджийское [viti], [fiti]. Полагают, что название происходит от *vei-ti, означающего ‘[множество] из одного корня’, т.е. множество людей происхождения. Возможна и иная этимология – ‘клубни ямса’. Народная этимология толкует имя по-другому, мифологически. Когда на Вити-леву высадился легендарный герой Луту-на-сомбасомба, он с лёгкостью гнул и ломал огромные деревья на своем пути. Отсюда и пошло название Большого Фиджи: *viti* значит ‘гнуть и ломать’ [Полинская 1989: 5].

В армянской мифологии важное значение занимает персонаж по имени Хайк/Гайк. Для армян Хайк – ‘герой, предок’ – эпоним армян. Согласно древним представлениям, Хайк – ‘астральный герой’, ‘лучник-охотник божественного происхождения’, ‘великан’, ‘красавец’. Возникает вопрос: могло ли креативное ономастическое мышление армян предложить в качестве «народной этимологии» сближение этого мифонима с каким-либо словом с отрицательной лексической семантикой? Априорный ответ: никогда!, ни за что! Открываем источник: «Хайк / Гайк, по народной этимологии ‘исполин’» [Мифы народов 1982, II: 576–577]. Народная этимология этого мифонима послужила основанием для бесчисленного количества самых разнообразных мифологем с высокой позитивной направленностью. В йеменской мифологии имя бога Хагар-Кохам ошибочно этимологизировали как ‘Чёрный камень’, что дало

основание связать культ этого бога с культом чёрного камня в мекканском храме (Кааба). Определенное этимологическое прочтение имени бога влечет за собой целую серию теологических выводов, обобщений, заключений. Иное истолкование имени вызывает совершенно иное направление теологической мысли. Правильное понимание лексического значения теонима Хагар-Кохам – ‘Яростный защитник’ [Мифы народов 1982, II: 575].

Таким образом, различное толкование лексического значения слова, лежащего в основе теонима, приводит к совершенно различному пониманию образа божества и его роли в религии и мифологии. В теонимике не единичны случаи, когда та или иная этимологизация мифонима, истолкование значения лексемы, лежащей в основе собственного имени, обуславливает интерпретацию именуемого мифологического персонажа. Один и тот же факт, реальный, языковой, мифологический, мифонимический может быть интерпретирован по-разному, что приводит к различным выводам. Например, исследователей всегда привлекало созвучие теонима Сварог с др.-инд. *svarga* ‘небо, небесный’. Исходя из этого созвучия делался вывод и о лингвистическом родстве этих слов и даже о функциях *Сварога* как славянского божества. «Почти во всех языках земле даются имена женского рода. Небо же у древних славян олицетворялось в мужском образе Сварога. Сварог, как олицетворение неба, <...> признавался отцом солнца и огня <...> и потому Сварог есть божество, дающее жизнь Солнцу = рождающее Дажьбога» [Афанасьев 2013: 52–54]. Ср. также у А.А. Потебни: «Это слово действительно употреблялось и у руси, и у западных славян. <...> Огонь-Сварожичь мог быть = Солнце, потому что огни, зажигаемые в известные поры года, изображали солнце, но это мог быть и земной огонь, отличный от солнца, олицетворяемый в особом мифическом существе, хотя во всяком случае огонь небесного происхождения» [Потебня 1989: 260].

По принятому мнению, Сварожич – языческое божество, почитавшееся балтийскими и восточными славянами. По мнению некоторых исследователей, Сварожич – это отчество, а значит Сварожич – сын Сварога и, таким образом, входит в мифологическое пространство бога Сварога. Н.И. Зубов в своей диссертации рассматривает имя Сварог как квазитеоним, образованный от названия *сварожич* [Зубов 1982: 63]. В другой своей работе Н.И. Зубов также утверждает, что в славянской мифологии не было

божества Сварог. В отличие от олицетворённого огня, Сварожича, имя Сварога упоминается в источниках лишь единожды. В этом единственном упоминании вполне вероятно ошибочная интерпретация имени Сварожич как «сын Сварога», которую сделал переписчик, чтобы адекватно перевести легенду из Хроники. На самом деле нет больших оснований считать имя бога Сварожич патронимом (отчеством). Исходя из всего этого, Н.И. Зубов полагает, что имя Сварог было изобретено переписчиком: «С точки зрения предложенного подхода, становится понятным тот факт, что Сварог упоминается в памятниках единственный раз: в реальном язычестве такого высшего бога, очевидно, не было» [Зубов 1995: 46–48]. Из некоторых текстов следует, что восточные славяне до принятия христианства и некоторое время после этого почитали и обожествляли огонь. Назывался обожествленный огонь *сварожичем* или *сварожцем*. Ср. у Б.А. Рыбакова: «дохристианским именем волшебного кузнеца было, очевидно, Сварог или Сварожич – огонь» [Рыбаков 1987: 297]. Однако другие исследователи не разделяют этого скептицизма, отождествляя Сварога со Сварожичем как огненное божество и проводят параллели между Сварогом и огненным духом Рарогом. Вяч.Вс. Иванов и В.Н. Топоров пишут: «У балтийских славян Сварожич (иначе называвшийся Радгостом, Radegast, Radigast, Redigost, Riedigost) почитался в культовом центре редариев Ретре-Радгосте как один из главных богов, атрибутами которого были конь и копьё, а также огромный вепрь, согласно легенде, выходивший из моря. У чехов, словаков и украинцев со Сварожичем можно связать огненного духа Рарога; ср. также Страха (Раха) в восточнославянских заговорах» [Славянская Мифология 2002: 423]. Ср. также: «После крещения же Руси Сварог, как покровитель кузнечного дела, постепенно вытеснился христианскими святыми Кузьмой и Демьяном <...> на Руси народ связал по звучанию имя Кузьма со словом Кузьнь, и таким образом Кузьма стал Кузьнецом. <...> Демьян, брат Кузьмы тоже оказался кузнецом. <...> Нередко Кузьмодемьяну приписывают и все те подвиги, которые совершил Сварог» [Шапарова 2001: 483]. Ср. мнение А.А. Потебни: «Кузьма и Демьян стали кузнецами, по причине звуковой близости имени Кузьмы со словами *кузня*, *кузло*. Это один из множества примеров сильного стремления народа уподобить чужое, осмысливать звуки непонятных слов, придавая им свое содержание» [Потебня 1865: 10]. Возникает вопрос: имя Сварог –

изобретение переписчика или собственное имя божества, покровителя кузнечного дела, или апеллятивное обозначение ритуального огня?

Роль предполагаемого лексического значения имени, роль народной этимологии мифонимов ещё не оценена по достоинству. Различное толкование лексического значения слова, лежащего в основе теонима, приводит к различному пониманию образа божества и его роли в религии и мифологии.

«Народное лексическое значение имени» может быть источником разнообразнейших мифов и народных легенд. Ономастическое значение остается творчески нейтральным и неплодотворным. Мы считаем, что изучение переосмысленных собственных имен как универсально-мирового ономастического источника – отдельная специфическая отрасль научного познания языка и его ономастики. На наш взгляд, народная этимология теонимов / мифонимов (ономастическое переосмысление апеллятивных и проприальных лексем) требуют нового, нетрадиционного, нестандартного научного анализа и заслуживают специфических исследовательских подходов.

Список литературы

- Афанасьев А.Н. Мифы древних славян. М.: РИПОЛ Классик, 2013. 288 с.
- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 576 с.
- Варбот Ж.Ж. Этимология // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 596–597.
- Зубов Н.И. Древнерусская теонимия (Проблема собственного и нарицательного): Дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1982. 212 с.
- Зубов Н.И. Научные фантомы славянского Олимпа // Живая старина. 1995. № 3 (7). С. 46–48.
- Мартынов В.В. Сакральный мир «Слова о полку Игореве» // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы / отв. ред. Н.И. Толстой. М.: Наука, 1989. С. 61–78.
- Мифы народов мира. В 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская Энциклопедия, 1982. Т. 2. К–Я. 720 с.
- Полинская М.С. Мифы, предания и сказки Западной Полинезии (острова Самоа, Тонга, Ниуэ и Ротума) / Составление, перевод, предисловие и примечания М.С. Полинской. М.: Наука, 1986. 352 с.
- Полинская М.С. Мифы, предания и сказки фиджийцев / Составление, перевод с английского, французского и восточно-фиджийского языков, вступительная статья и примечания М.С. Полинской. М.: Наука, 1989. 427 с.

Потебня А.А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. М.: Типография «Катков и К^о», 1865. 310 с.

Потебня А.А. О происхождении названий некоторых славянских языческих богов // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы / отв. ред. Н.И. Толстой. М.: Наука, 1989. С. 254–267.

Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987. 783 с.

Славянская мифология: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Толстая. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.

Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Мифы древней Индии. 3-е изд. М.: Наука, 1985. 332 с.

Шапарова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. М.: ООО Изд-во АСТ: ООО Изд-во Астрель: ООО Русские словари, 2001. 624 с.

O.N. Sklyarenko

Typological etude: the folk etymologization of the mythonyms (theonyms)

The folk etymologization of the mythonyms (theonyms) is an illustration of the peoples' creative thinking, of their creative nominational potential. Sometimes the same mythonyms get a different folk-etymological interpretation. The role of the semantic reinterpretation of the mythonym, its folk etymology may be much more important than the original "correct" etymological meaning.

Key words: folk etymology, mythonym, theonym, onomastics, mythology, theonymy, typology.

*И.Д. Скорук
(Луцк, Украина)*

Фамилии с корнем *Kul-в антропонимиконе г. Ульяновска

Статья посвящена этимологическому анализу современных русских фамилий *Кулаев*, *Кулак*, *Кулаков* (г. Ульяновск), а также генетически родственных антропонимов инославянских территорий. Они истолкованы как исконные образования, мотивированные апеллятивной лексикой со значением 'что-нибудь круглое, кривое, изогнутое'.

Ключевые слова: фамилия, антропоним, прозвищное наименование, апеллятив.

1. Зафиксированная в антропонимиконе г. Ульяновска фамилия *Кулаев* образована по стандартной патронимичной модели: прозвище *Кулай*+суффикс *-ев*, т. е. *Кулаев* – потомок *Кулая*. Ни прозвищное, ни фамильное наименование *Кулай*, насколько нам известно, в русском ономастиконене сохранилось, зато отразилось в названиях населенных пунктов, ср.: *Кулаева*, *Кулаево*, *Кулаи*, *Кулайкова*, *Кулайское* [Vasmer, IV: 659–660]. Заметим, однако, что производные с

корнем **Kul-* фамилии зафиксированы во многих лексикографических источниках: России – *Кула*, *Кулаев*, *Кулак* [Веселовский 1974: 169], *Кула* [Новгородские писцовые книги VI: 79], *Кулакъ* [Там же: 488]; Беларуси – *Кулай*, *Кулак*, *Кулан* [Бірыла 1969: 229]; Украины – *Кула*, *Кулай* (*Кулаєв*), *Кулак*(*Кулакевич*, *Кулаков*), *Кулач* (*Кулачек*, *Кулаченко*, *Кулачін*, *Кулачко*, *Кулачков*, *Кулачок*), *Кулев*, *Кулев*, *Кулевич*, *Куленко* [Новикова 2007: 448]. В г. Луцке функционируют фамилии *Кула*, *Куля*, *Куль*, *Кулай* (*Кулаєв*, *Кулаєнко*), *Кулан*, *Куляга*, *Куляк*, *Куляша*, *Кулюк*, *Кулак* (*Кулакевич*, *Кулаков*, *Кулацький*, *Кулаченко*), *Скульський*. В г. Ульяновске, помимо фамилии *Кулаев*, – *Кулак* и *Кулаков*.

Кроме этого, корень **Kul-* известен в сфере антропонимии и топонимии других славянских регионов. Например, в Польше основа отмечена в фамилиях *Kula*, *Kulas* [SSNO, III / I, 191] и названии озера *Kula*. У южных славян – в географических названиях *Kula*, *Kuljaje* (более 20; Сербия, Босния, Герцеговина [Imenikmesta 1956: 251]).

2. Прозвищное наименование *Кулай* восходит к апеллятиву *кулай*, который известен только в восточнославянских языках. Ср., например, русск. диал. *кулай* ‘вид ножа’ [Даль 1979, II: 215], *кулай* ‘место ссылки (куда выселяли кулаков)’ [Словарь русских говоров Сибири 2001: 172]; блр. диал. *кулай* ‘нож’ [Дыялектны слоўнік Брэстчыны 1989: 115]; укр. *кулай* ‘кулачище’ (т. е. большой *кулак*) [Словарь української мови 1907–1909, 2: 322], а *кулак*, в свою очередь, – ‘кисть руки с согнутыми пальцами’ [Етимологічний словник 1989, 3: 132; Баханькоў 1966: 156]. Некоторые славянские регионы сохранили с корнем *кул-* / *с-кул-* интересную, генетически родственную, апеллятивную лексику. Например, в говорах русского языка – *куль* ‘большой мешок, узел’ [Ремчуков 2007: 71], польского – *kula* ‘круглый предмет’ [Karłowicz 1900–1911, 2: 516; Górniewicz 1973: 199], *kulac* ‘катать что-то круглое’ [Słownik języka polskiego 1961, 3: 127]; в западноволыньских говорах украинского языка – *скулін* (пренебрежительно) ‘тот, кто съёжился, сгорбился’ (от холода, страха); *скуліте* (о животных, иронически) ‘замёрзнуть’; *скуліниця* – то же, что *скулін* (о животных) [Корзонюк 1987: 221], а также *кулача́* ‘кулачок’, *кулачіна* ‘кулак’, *кула́чний* ‘в котором применяется сила кулака’ и др. [Етимологічний словник 1989, 3: 132]. Приведенный апеллятивный материал позволяет констатировать, что

основа **kul-* (< и.-е. **keu-l-*, **kou-l-*) отражала идею округлости, изогнутости.

Таким образом, в основе псл. **kulajь*— корень **kul-*, тот же, что и в псл. **kuliti* [Этимологический словарь славянских языков, 13: 96], **kulakъ* [Там же: 96] с генетической семантикой ‘что-либо круглое, кривое, изогнутое’. Вполне логично, что такая семантика отразилась и в сфере антропонимии.

3. Первичное значение антропонимослов украинских фамилий *Кулай* < *кулай*) и *Кулак* < *кулак*, на наш взгляд, можно восстанавливать как ‘тот, у кого большие кулаки’. Фамилия *Кулак* (г. Ульяновск), естественно, тоже восходит к апеллятиву *кулак* ‘сжатая кисть руки’ [Словарь русского языка XI–XVII, 8: 113–114], несмотря на разнообразие значений данного слова в русских народных говорах: *кулакъ* ‘кувалда’ [Там же: 113–114], *кулак* ‘дощатая лопасть колес водяной мельницы’ [Словарь русских говоров Сибири 2001, 2, 171], *кулак* (рыб.) ‘конец верёвки в виде петли на ставной сети’ [Большой толковый словарь донского казачества 2003: 249], *кулак* ‘скупой человек’ *пенз.*, ‘торговец или перекупщик, отличающийся нечестностью’ *ярос.* [Словарь русских народных говоров, 16: 52], *кулак* ‘бойкий и ловкий человек’ *нижегор.* [Там же: 52]. Исходя из этого, можно предполагать неоднозначность мотивации анализируемых антропонимов. Предположительно это мог быть мотив, связанный с особенностями внешности человека, его конституцией, т. е. ‘человек, имеющий большие кулаки’ или ‘физически здоровый, сильный человек’.

4. Таким образом, фамилии жителей г. Ульяновска *Кулаев*, *Кулак*, *Кулаков* могут быть истолкованы как собственно славянские образования, ибо они находят надёжную защиту (фонетико-словообразовательную, семантическую, мотивационную) в сфере генетически родственной славянской апеллятивной лексики.

Список литературы

Баханькоў А.Я., Гайдукевіч І.М., Шуба П.П. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы для сярэдняй школы. Мінск: Навука і тэхніка, 1966.

Бірыла М.В. Беларуская антрапанімія. 2. Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі. Мінск: Навука і тэхніка, 1969. 504 с.

Большой толковый словарь донского казачества / В.И. Дегтярев, Р.И. Кудряшова. М.: Рус. словари. Астрель. АСТ, 2003. 608 с.

Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 382 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. яз., 1979. – Т. II. 779 с.

Дыялектны слоўнік Брэстчыны / Рэд. Г.М. Малажай, Ф.Д. Клімчук. Мінск: Навука і тэхніка, 1989. 294 с.

Корзонюк М.М. Матеріали до словника західноволинських говірок // Українська діалектна лексика. К.: Наук. думка, 1987. С. 62–267.

Новгородские писцовые книги, изд. Археографическою комиссиею. СПб, 1859–1910. Т. I–VI.

Новикова Ю.М. Практичний словозмінно-орфографічний словник прізвищ Центральної та Східної Донеччини. Донецьк: Вебер, 2007. 996 с.

Ремчуков В.Н. Толковый казачий словарь. 2-е изд., испр. и доп. Волгоград: Станица-2, 2007. 192 с.

Словарь вологодских говоров: учебное пособие по русской диалектологии. Вологда, 1989. 92 с.

Словарь русских говоров Сибири. Новосибирск: Наука, 2001. Т. 2. 392 с.

Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. М.: Наука, 1966–1991. Вып. 1–26.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–2006. Вып. 1–27.

Словарь української мови / Упоряд., з дод. власн. матеріалу Б. Грінченко. К., 1907–1909. Т. 1–4.

Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1974–2003. Вып. 1–30.

Етимологічний словник української мови / гол. ред. О.С. Мельничук. К.: Наук. думка, 1989. Т. 3. 552 с.

Górniewicz H. Dialekt malborski. Gdańsk, 1973.

Imenik mesta. Pregled svih mesta i opština, narodnih odbora i pošta u Jugoslaviji. Beograd, 1956.

Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. Т. 1–6.

Russisches geographisches Namenbuch / Begr. von M. Vasmer. Wiesbaden, 1962–1980. Bd I–X.

Słownik języka polskiego / Red. W. Doroszewski. Warszawa, 1961. Т. III.

Słownik staropolskich nazw osobowych / Pod. red. W. Taszyckiego. Wrocław etc., 1965–1985. Т. I–VII.

I.D. Skoruk

Surnames with the root *kul- in the Ulyanovsk's antroponimikon

The article is concerned with the etymological analysis of contemporary Russian surnames Kulayev, Kulak, Kulakov (city Ulyanovsk) and genetically related anthroponyms from the other Slavic areas. They are interpreted as ancient formations which were saved in genetically related appellative vocabulary with the meaning 'something round, curved, bent'.

Key words: surname, anthroponym, nickname, appellative.

*О.С. Смирнова
(Екатеринбург, Россия)*

От былинного Добрыни до библейской Евы: опыт изучения именника малого города

Представлен начальный опыт изучения именника городского округа Сухой Лог (Свердловская область). Выявлены самые частые и редкие имена у детей, рожденных в 2015 году, а также некоторые общие и частные особенности мужской и женской подсистем именника.

Ключевые слова: антропонимика, именник, лингвостатистический метод, канонические имена, синхрония

В обширном ономастическом багаже В.А. Никонова видное место занимают исследования по антропонимике, в том числе связанные с изучением состава мужского и женского именников. В статье «Личные имена в современной России» этот выдающийся ономаст первым на грандиозном по объему антропонимическом материале продемонстрировал возможности лингвостатистического метода, представив состав мужского и женского именников 1961 года в семи областных центрах и сельских районах восьми областей европейской России [Никонов 1967: 106–107].

Не менее фундаментальны работы другого лингвиста – В.Д. Бондалетова, рассмотревшего пензенский именник различных синхронных срезов и проследившего его динамику с середины XVII века до 70 годов XX века [Бондалетов 1983: 114–124, 140–162]. Изменения в ленинградском именнике с 1966 по 1988 год фиксировали А.В. Сулова и А.В. Суперанская, проводившие статистический учёт имен новорождённых на основе данных Дворца регистрации рождений «Малютка». Исследовательницы также установили основные женские и мужские имена четырех поколений ленинградцев (на 1988 год) [Сулова, Суперанская 1991: 64–65, 80–92].

На основе полной базы данных жителей Красноярска по состоянию на конец 2000 года автор справочника «Красноярские имена и фамилии» С.А. Месяц представил именник красноярцев с 1901 по 2000 год. В формате таблицы по каждому имени (и мужскому, и женскому) исследователь указал количество его носителей, год максимальной моды на имя, а также место, занимаемое именем по распространенности. Кроме того, для некоторых имен С.А. Месяц построил графики моды, позволяющие

наглядно увидеть, как функционирует имя в диахронии [Месяц 2004: 5–41].

Данное исследование представляет начальный опыт лингвостатистического изучения именника городского округа Сухой Лог за 2015 год.

Сухой Лог – небольшой промышленный город, находящийся в Свердловской области, в 114 км северо-восточнее Екатеринбурга. В состав городского округа с населением 48734 тыс. человек (по данным официального сайта администрации городского округа www.goslog.ru) входят 25 сёл, деревень, посёлков.

Сведения об именнике–2015 извлекались из Алфавитной книги к записям актов о рождении по городскому округу Сухой Лог.

По данным справки-анализа по отделу ЗАГС Сухоложского района Свердловской области, с 1 января по 31 декабря 2015 года было зарегистрировано **652** новорождённых, из них **326** мальчиков и **326** девочек.

Выяснилось, что новорожденным мальчикам было дано **71** имя. Женский именник оказался чуть многочисленнее: в его составе выделено **77** имен.

В пятерку самых частых имен у мальчиков вошли (в скобках указано количество носителей): *Артём* (23), *Михаил* (18), *Иван* (16), *Тимофей* (12), *Арсений* (11).

Пять наиболее популярных имен у девочек – это *Мария* (21), *Дарья* (19), *Полина* (18), *Анна* (14), *Анастасия*, *Виктория* и *Ксения* (12).

Единично встретились в сухоложском именнике – 2015 такие мужские имена, как *Амантур*, *Антон*, *Варгас*, *Вениамин*, *Всеволод*, *Дамир*, *Данила*, *Елисей*, *Ильмир*, *Киёмиддин*, *Левон*, *Марсель*, *Мирон*, *Роберт*, *Родион*, *Севастиан*, *Филипп*, *Хаджи*, *Яков*. Былинное *Добрыня* тоже примкнуло к списку редких. Носитель этого имени, кстати, оказался полным тезкой фольклорного богатыря – *Добрыней Никитичем*.

У девочек разово использовались имена *Альбина*, *Антонина*, *Василина*, *Вера*, *Влада*, *Владислава*, *Всемира*, *Диляра*, *Евангелина*, *Елена*, *Зарина*, *Злата*, *Инесса*, *Ирина*, *Карина*, *Лидия*, *Лия*, *Любовь*, *Малика*, *Мане*, *Марта*, *Марьяна*, *Милена*, *Мирослава*, *Нарине*, *Нина*, *Нозанин*, *Олеся*, *Руслана*, *Снежана*, *Фотима*, *Шамиля*.

Как видно, в списках разовых наряду с традиционными русскими *Антон*, *Всеволод*, *Филипп*, *Яков* и *Антонина*, *Вера*, *Елена*, *Любовь* заметное место занимают нерусские имена, в том числе

тюркские, армянские, арабские, ср. *Ильмир, Левон и Мане, Шамиля*. Такие имена присваиваются преимущественно детям из нерусских семей. Об этом свидетельствуют фамилии и отчества их носителей, ср. *Аввясов Ильмир Илгизович*, где *Ильмир* – татарское имя [Справочник 1987: 149], *Мурадян Левон Артурович* и *Геворгян Мане Нарековна*, где *Левон* и *Мане* – армянские имена [Армянские имена. Электронный ресурс], *Буглуева Шамиля Шамильевна*, где *Шамиля* – производное от мужского *Шамиль*, которое считается арабским по происхождению [Суперанская 1990: 176].

В целом, в обоих именныхниках обращают на себя внимание некоторые особенности. Так, у мужчин входят в оборот канонические христианские имена, до недавнего времени забытые и употреблявшиеся разве что в устойчивых выражениях. Например, *Макар* (куда *Макар* телят не гонял), *Мирон* (один у *Мирона* сын, да и тот *Мироныч*), *Севастиан* (*Севастьян* не узнал своих крестьян). Обращаются родители мальчиков и к другим каноническим именам, ср. *Кирилл, Марк, Матвей, Родион*.

Тяготение к христианским именам просматривается и в женском именнике. На это указывают встретившиеся именованья *Ангелина, Антонина, Арина, Варвара, Вероника, Ева, Евангелина, Таисия*. Интерес родители девочек проявляют и к освоенным в послереволюционное время именам *Аделина, Алиса, Василина, Диана, Илона* и др.

По данным справки-анализа Сухоложского отдела ЗАГС с 1 января по 15 декабря 2016 года, список самых популярных имен выглядит следующим образом: у мальчиков – *Александр, Артём, Илья, Матвей*; у девочек – *Мария, Анастасия, Дарья, Виктория*.

Как видно, состав самых частых именизменяется ежегодно и порой весьма значительно. Так, в мужском именнике – 2016 в группе лидеров осталось только имя *Артём*, остальная её часть обновилась за счет имен, популярность которых в 2016-м увеличилась. Между тем в группе частых женских имен изменения подобного плана не наблюдаются: «новички» в ней не появились, почти все имена, отмеченные в 2015 году, сохранили лидерские позиции и в 2016-м.

Приведенные факты, по всей вероятности, свидетельствуют о разном темпе сменяемости частых мужских и женских имен.

Список литературы

Армянские имена [Электронный ресурс]. URL: <http://names.neolove.ru> (дата обращения 17.05.2017).

Бондалетов В.Д. Русская ономастика: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» М.: Просвещение, 1983. 224 с.

Месяц С.А. Красноярские имена и фамилии. Справочник. Красноярск: Красноярский писатель, 2004. 160 с.

Никонов В.А. Личные имена в современной России // Вопросы языкознания. 1967. № 6. С. 102–111.

Справочник личных имен народов РСФСР / Под ред. А.В. Суперанской (отв. ред.), Ю.М. Гусева. 3-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1987. 656 с.

Суперанская А.В. Имя через века и страны. М.: Наука, 1990. 192 с.

Суслова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. 3-е изд., исп. и доп. Ленинград, 1991. 220 с.

O.S. Smirnova

**From the epic Dobrynya to the Biblical Eve:
an experience of research of anthroponyms of a small town**

The paper deals with the initial research of anthroponyms of Sukhoy Log, a small town in the Urals region and the rural areas around it. The research identifies the most common and the rarest first names given to infants born in 2015, as well as some general and local peculiarities of the male and female subdivisions of the name book.

Keywords: anthroponyms, structure of anthroponyms, statistic-linguistic method, Christian proper names, synchrony.

*E.C. Сысоева
(Донецк, ДНР)*

**Лингвистический статус оценочного антропонима
в английской лингвокультуре**

Статья посвящена изучению существующих теорий о специфике значения антропонима как неотъемлемой единицы языка и культуры. Проанализирована роль оценочного компонента значения английского антропонима. Предложено определение оценочного антропонима, а также сформулированы критерии отбора оценочной антропонимической лексики.

Ключевые слова: оценочный антропоним, категория оценки, коннотация, антропонимическая система, лингвокультура

О том, что между именем человека, его судьбой и характером существует связь, знали ещё наши предки. Считалось, что знать имя человека (своеобразный социолингвистический код) означает иметь власть над ним. По сути латинское слово *fatum* ‘судьба’ происходит от слова *for*, ‘произнести, сказать’, а в Древнем Шумере этимология слова *судьба* была связана с глаголом ‘давать имя’. Семантика апеллятивной основы антропонима может много рассказать об интенциях родителей,

их надеждах и мыслях в процессе имянаречения. В любом языковом сообществе личные имена могут вызывать позитивные или негативные ассоциации, однако в каждой отдельной лингвокультуре набор факторов, влияющих на возникновение дополнительных созначений в семантике антропонимических единиц, будет разным.

Настоящая статья является фрагментом исследования особенностей семантики, структуры и функционирования английских антропонимических единиц со значением, осложненным оценочным компонентом. Оценочный антропоним (далее ОА) рассматривается как имя человека (личное имя, фамилия и прозвище), лексический фон которого содержит оценочный компонент [Сысоева 2016: 10]. Оценка является компонентом коннотации антропонимов, который может быть эксплицирован на основании таких признаков: родное – иностранное; редко – часто употребляемое; активное – пассивное; знакомое – незнакомое; созвучное с позитивно-оценочными – негативно-оценочными единицами вокабуляра; тождественное именам достойных – недостойных известных носителей. Например, позитивная оценка женского имени *Goldie* в современной антропонимической системе (далее АС) определяется на основании созвучия единицы с английским существительным *gold* ‘золото’, именем традиционно называют девушек с красивым золотистым цветом волос. Мужское имя *Adolf* является негативно-оценочным из-за ассоциации с именем известного общественно-политического деятеля Адольфа Гитлера, идеолога нацизма и основателя тоталитарной диктатуры Третьего Рейха. Женское имя *Cordelia* маркировано позитивной оценкой из-за ассоциации с именем героини трагедии «Король Лир» У. Шекспира, самой молодой и самой любимой дочери короля. Позитивную оценку имени также сообщает этимология внутренней формы – лат. *cordis* ‘сердце’. Оценочное значение антропонимов реализуется в процессе имянаречения, участники которого демонстрируют позитивное или негативное отношение к определенному антропониму, который базируется на этимологическом или культурно-историческом компоненте его лексического фона.

Вслед за О.М. Вольф оценка в значении антропонимической лексики рассматривается как единство следующих элементов: субъект оценки (языковая личность, которая дает имя), объект оценки (языковая личность, которой дают имя), характер оценки (абсолютная позитивная или негативная оценка) и основания оценки (признаки, которые влияют на позитивный или негативный знак оценки

антропонима) [Вольф 2009]. В семантике имен собственных (далее ИС) на первый план выходят такие признаки, как: родное – иностранное, редко – часто употребляемое, активное – пассивное, знакомое – незнакомое. Признак «знакомое – незнакомое» позволяет определить этимологию, которая, в свою очередь, тесно связана с культурным компонентом коннотации, и констатировать, что имя имеет ярко выраженную национальную принадлежность, которая реализуется в процессе именованья, т. е. выступает основой для мотивов имянаречения. Признак «часто употребляемое – редко употребляемое» и признак «знакомое – незнакомое» позволяет субъекту номинации реализовать свои предпочтения с точки зрения частотности имени. Указанные признаки раскрывают систему ценностей, а также основные предпочтения общества в процессе именованья на современном этапе.

Появление в значении антропонимов оценочного компонента связывается с явлением коннотации [Отин 2000: 73], которая рассматривается как семантическая сущность, которая выражает эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение говорящего к действительности, на основании чего это значение получает экспрессивную окраску [Телия 1986: 73]. В современных ономастических исследованиях наблюдается значительный интерес к проблемам антропонимики, который является, в частности, результатом развития антропоцентрической парадигмы языковедческой науки. Хотя специфика антропонимов уже в значительной степени осознана, инновационным направлением в антропонимике являются исследования ОА и аспектов, связанных с особенностями их семантических, структурных и функционально-стилистических характеристик.

Проблема образования в семантической структуре антропонимов коннотативных созначений неоднократно была объектом исследования многих ономатологов и лексикологов ([Васильева 2009], [Маслова 2009]; [Никонов 2000]; [Отин 2000]; [Реформатский 2010]). В основном вопрос коннотативных онимов (конотонимы, термин Е.С. Отина) отдельно рассматривался в системе более общих вопросов: проблемы номинации, проблемы номинации в ономастике и вопросов фразеологического состава языка. Отдельно рассматриваются процесс метафоризации в значении антропонимов и проблемы коннотации. В центре внимания исследования также оказываются особенности словообразования антропонимов и пути пополнения

антропонимического состава новыми единицами. Отдельного внимания заслуживает исследование особенностей функционирования окказиональных имен и конотонимов в художественном тексте. Отдельно изучаются мотивы наименования. Хотя специфика антропонимов уже в значительной степени осознана, однако ещё остаются недостаточно изучеными их отдельные группы, в частности оценочные антропонимы и особенности их семантики, структуры и функционирования.

Наряду с другими группами оценочной лексики, изучение которой, всегда привлекало внимание лингвистов, оценочные антропонимы являются выразителями особенной национальной ментальности английского языкового общества.

Большой объём лингвистической литературы по проблемам семантики, структуры и функционированию антропонимов в текстовом пространстве, а также публикации специализированных антропонимических словарей и справочников ([Рыбакин 1989]; [Delahunty 2003]; [Freedman 1997]; [Hanks, Hodges 1996]; [Withycombe 1971]) и др. свидетельствуют о том, что исследования антропонимов в семасиологическом направлении продолжают оставаться актуальными. На современном этапе изучение антропонимической лексики требует взаимодействия с новой лингвокультурологической исследовательской парадигмой. Оценочный антропонимикон обогащает лексическую систему английского языка значительным пластом специфической лексики, в которой отображаются особенности национального мироощущения и система этнокультурных ценностей и доминант английской лингвокультуры.

Привлечение лингвокультурологического подхода к изучению особенностей оценочного антропонимикона даёт возможность проанализировать антропоним как выразитель особого национального мироощущения английского языкового общества в процессе имянаращения.

Актуальность проблематики данного исследования обусловлена лингвокультурологическим подходом к изучению семантико-словообразовательного и функционально-стилистического потенциала оценочных антропонимов, которые формируют значительный пласт английского антропонимикона. Такой ракурс исследования раскрывает роль оценочных антропонимов в реконструировании фрагментов английской ценностной картины

мира, связанных со стереотипами и приоритетами носителей языка в процессе номинации.

Языковой материал исследования (3275 ед.) отобран из английских антропонимических словарей “Oxford Dictionary of First Names” П. Хэнкса и Ф. Ходжес [Hanks, Hodges 1996], “Wordsworth Dictionary of First Names” [Freedman 1997] и Словаря английских имен и фамилий под редакцией А.И. Рыбакина [Рыбакин 1989]. Выбор именно этих источников обусловлен тем, что словарные статьи, которые они содержат, предоставляют более детальное и многоаспектное описание лингвальных и экстралингвальных сведений об имени. Корпус материала исследования формировался с учетом социокультурного компонента значения антропонимов, которые содержатся в предметной части лексикографического описания, поскольку, как указывалось выше, именно предметная часть может содержать указание на наличие дополнительных позитивно-или негативно-оценочных компонентов значения. Корпус исследования сформирован согласно следующим критериям отбора антропонимических единиц.

1. Словарные пометы, указывающие на популярность – непопулярность имени.

Этот критерий реализует аксиологическую оппозицию «популярное–непопулярное» имя, которую можно трансформировать в «+» (популярные) / «-» (непопулярные) оценку. Лексические единицы, отобранные согласно этому критерию, маркированные в словарях антропонимических единиц рядом помет: *bears perennial popularity after...* ‘много лет сохраняет популярность с появлением...’, *the name has enjoyed steady popularity since the appearance of the novel...* ‘имя пользуется популярностью с момента появления романа...’, *name popularized by the central character in the novel...* ‘имя, чья популярность связана с именем центрального персонажа в романе’, *completely out of fashion after X starred in the film...* ‘полностью вышло из моды после появления X в фильме...’. Например: *Scarlett, Rhett, Ashley have enjoyed steady popularity since the appearance of the novel “Gone with the Wind” by M. Mitchell.*

2. Маркеры словарной статьи, указывающие на происхождение антропонимических единиц.

В данном случае актуализируется аксиологическая модель «свое–чужое», т.е. оппозиция имен исконно английских и имен немецкого, французского, норманского, древнееврейского происхождения.

Лексикографическими критериями определения происхождения антропонимической лексики являются словарные пометы *of Germanic, Greek, French, Norman* ‘немецкого, греческого, французского, нормандского происхождения’; *Celtic, from Old English* ‘со староанглийского’. В условиях растущей глобализации имя – часто единственное, что указывает на национальную принадлежность и реализацию национального самосознания. Следовательно, будет логичным маркировать антропонимы древнеанглийского происхождения оценкой «+», имена, чье происхождение связано с историей и культурой других стран, – знаком «-». Например: *Maurice* originates as a French name derived from the Roman Mauritius; *Emma* is derived from the Germanic word *ermen* meaning whole or universal; *Oswald* found chiefly in Northern England and Scotland, is of Anglo-Saxon origin, and derives from the Old English.

3. Словарные указания на этимологию апеллятивной основы имени.

Этимология апеллятивной основы имени не является основным мотивом имянаречения, поскольку требует достаточного объема культурно-исторических знаний. Однако, имея этимологическую справку, можно получить представление о семантике общих основ, аффиксов имени, которые соотносятся в сознании носителей языка с позитивной или негативной оценкой. Например: *Loyal* англ. *loyal* ‘верный, преданный’; *Felicity* англ. *felicity* ‘счастье, блаженство, благословение’; *Dotty* англ. *dotty* ‘чудаковатый, странный, бессмысленный’.

4. Словарные пометы, указывающие на «географию» популярности имени.

Принадлежность антропонима к ирландскому, шотландскому, валлийскому национальному имени влияет на формирование негативной оценки в сознании англичанина, что связано с межнациональной неприязнью. В этом случае основными классификаторами являются пометы словарной статьи *preferred by relatives proudly conscious of their Welsh roots...* ‘преимущественно используется родителями, которые гордятся своими валлийскими корнями’, *name chosen as a token of Scottish national identity...* ‘имя, выбранное как символ национального самосознания’, *a typical Irish name...* ‘типичное ирландское имя’. Тот факт, что имя или дериват собственного имени более популярный в США или употребляется преимущественно там, не сделает его популярным и широко

употребимым в английской антропонимической системе. Например: *Riodan*: is composed of the Gaelic prefix “O”, male descendant of, and “Rioghbhardan”; *Gwendolyn*: a Welsh female first name, derived from Gwendolen; *Africa*: preferred by relatives proudly conscious of their African roots.

5. Словарные указание на тождественность антропонимических единиц с именами известных носителей, литературных персонажей, которые вызывают в сознании англичан позитивные или негативные ассоциации. Например: *Richard* – Richard the Lionheart; *Ebenezer* – Ebenezer Scrooge; *Dwight* – Dwight D. Eisenhower.

Семантическая структура антропонимической лексики рассматривается с учетом разных аспектов языковой деятельности. Обзор литературы по антропонимике дает возможность сделать вывод о том, что на уровне языка антропонимы соотносятся только с понятием «принадлежность к проприальному полю», которое гносеологически тождественно понятию «единичность». На уровне речи антропонимы расширяют семантику, дополнительно обогащаясь рядом других смысловых компонентов, связанных с системой ценностных стереотипов английского языкового общества.

Список литературы

- Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. М.: Либроком, 2009. 224 с.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Либроком, 2009. 280 с.
- Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2010. 208 с.
- Никонов В.М. Коннотативное слово (фразема) в языке и прагматико-коммуникативный акт // Коммуникативно-прагматическая семантика. Вологодград, 2000. С. 82–95.
- Отин Е.С. Типология коннотативных онимов и их производных // Українська пропріальна лексика: матеріали наукового семінару, 13–14 вер. 2000 р. К.: Кий, 2000. С. 122–128.
- Реформатский А.А. Введение в языкознание. М.: Аспект Пресс, 2010. 536 с.
- Рыбакин А.И. Словарь английских личных имен. М.: Русский язык, 1989. 221 с.
- Сысоева Е.С. Оценочные антропонимы в английском языке и культуре. Ростов-на Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 206 с.
- Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 269 с.
- Freedman T. The Wordsworth Dictionary of First Names / T. Freedman, I. Maclead. Herefordshire: Wordsworth Editions LTD, 1997. 254 p.
- Hanks P.A Dictionary of First Names. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1996. 444 p.

Linguistic status of the evaluative anthroponym in the English linguoculture

The article deals with the analysis of the linguistic theories on the specific meaning of anthroponyms. The role of the evaluative meaning component of the lexical units under study has been identified. The author suggests a definition of the evaluative anthroponym and formulates the criteria for selecting the lexical material.

Key words: evaluative anthroponym, category of evaluation, connotation, anthroponymic system, linguoculture.

Е.С. Тарасова, Н.В. Воронина
(Ульяновск, Россия)

Антропонимы как средство характеристики персонажей П. И. Мельникова-Печерского

В статье рассматриваются особенности антропонимов как средства характеристики персонажей диалогии П.И. Мельникова-Печерского «В лесах», «На горах».

Ключевые слова: антропоним, антропонимия, имя персонажа, фамилия, отчество.

Имя дается человеку с самого рождения и до конца жизни ему сопутствует. Каждое имя обладает своей историей и имеет собственное значение. Популярность тех или иных имен со временем меняется: одни уходят, а другие, наоборот, возвращаются.

Собственные имена людей, антропонимы (от греческого *antropos* – «человек», *онума* – «имя»), являются предметом изучения антропонимики. Совокупность антропонимов, включающих в себя фамилии, отчества и личные имена с их производными (*Мария – Маша, Маруся; Александр – Саша, Сашуля*), объединяется термином *антропонимия* [Бондалетов 1983: 3]. Иногда в фамилиях людей закрепляются групповые прозвища (например, в селе Большие Ключищи Ульяновского района людей, живших у реки, называли *Урекины*).

Выбор имени новорождённому сопровождается в большинстве случаев долгим поиском. Проблема выбора имени литературного героя, персонажа, всякий раз возникает и у писателя. Известный лингвист В.А. Никонов считает, что «имя персонажа – одно из средств, создающих художественный образ, оно может характеризовать социальную принадлежность персонажа, передавать национальный и местный колорит, а если действие происходит в прошлом, то воссоздавать историческую правду (или разрушать её,

если имя выбрано вопреки правде)» [Никонов 1974: 234]. Именуя своего героя, автор, несомненно, должен учитывать соответствие его облика имени, его внутреннему миру и характеру. Фамилия в прошлом служила показателем социального и даже материального положения человека в обществе. Таким образом, невозможно изучать лексическое значение антропонима без учёта понятий «личность», «пол», «социальная принадлежность» и т.п.

В данной статье предпринята попытка исследования отдельных антропонимов романов П.И. Мельникова-Печерского «В лесах», «На горах», рассказывающих о жизни старообрядцев Заволжья.

Мельников Павел Иванович (1819–1883) – выдающийся русский писатель, литератор XIX века, известный под псевдонимом Андрей Печерский [Мельников-Печерский 1963: 307]. В 40-х годах он усердно занимался «раскольничьими» делами и собрал большой исторический и этнографический материал по расколу, нашедший отражение в дилогии «В лесах», «На горах», а также в повести «Красильниковы» [Мельников-Печерский 1963: 321]. Дилогия стала знаменитым итогом его творческой деятельности [Кудряшов 2005: 89]. Романы, написанные П.И. Мельниковым в «московском изгнании», до сих пор находятся в золотом фонде русской национальной культуры. Тематика романов с показом раскольничьего Заволжья была своеобразна [Мельников-Печерский 1963:109]. Произведения наполнены самыми лучшими фольклорными образцами, которые Мельников тщательно собирал и хранил всю свою жизнь [Горелов 1982: 109]. Фольклор оказал огромное влияние на содержание романов, с его помощью во всей полноте раскрываются характеры героев и их язык; именно фольклор передает ту атмосферу народности, которая присутствовала в городах и поселениях того времени [Горелов 1982: 110].

Особый интерес с точки зрения изучения имен собственных и, следовательно, характеров старообрядцев представляют первые две части «В лесах». Тут обрисованы почти все главные типы литературных персонажей: богатый заволжский купец *Патап Чапурин*; вся в него дочь – гордая и обаятельная *Настя*; сестра *Чапурина* – раскольничья игуменья *Манефа*; её дочь *Флёнушка* – отчаянная пособница всяких романтических приключений, но жертвующая своим сердцем в угоду матери. В этих частях определились и отрицательные типы: корыстолюбивый красавец *Алексей Лохматый*, проходимец и фальшивомонетчик *Стуколов*, его

пособник игумен *Михаил* и, наконец, сладкоголосый певун, ревнитель веры и великий начетчик *Василий Борисович* и др. Антропонимическое пространство диалогии многомерно. Кроме распространённых имен, здесь имеют место имена собственные, взятые П.И. Мельниковым-Печерским из списков ветхозаветного пантеона святых, что было для старообрядцев Поволжья характерным обычаем именованья. Например, настоятельницы старообрядческих скитов наделены именами *Манефа*, *Платонида*, *Ираида*. Имя *Флёнушка*, древнерусский вариант имени Алёнушка, показывает антропонимическую систему русского языка в диахронии, развитии, в сравнении с её современным состоянием.

Главный персонаж диалогии – *Патап Максимыч Чапурин*. Обратим внимание на его фамилию. Она является прямым творческим переосмыслением П.И. Мельникова-Печерского, художественным средством характеристики персонажа. Это, можно сказать, «говорящая» фамилия. В переводе с древнерусского языка *чапурина* – «посудина, чаша». Дав своему персонажу эту фамилию, автор проводит связь между семейным промыслом героя и его родовой принадлежностью: *«На другой день поутру сидел Патап Максимыч в подклете, с полу до потолка заставленном готовою на продажу посудой. Тут были разных сортов чашки, откромешных, чторукой охватить, до больших, в полведра и даже чуть не в целое ведро; полавкам стояли ставешки, блюда, расписные жбаны и всякая другая деревянная утварь»* [Мельников-Печерский 1976]. Сайт «Ономастикон» предполагает, что эта фамилия, вероятно, происходит из украинского или белорусского языка и свидетельствует о знатном происхождении героя – из тульского купечества. Другими словами, используя приём «говорящей фамилии», автор подчеркивает, что именованье человека в прошлом было неслучайным: часто в нём отражался и промысел предков, и принадлежность всего рода к определённой социальной среде.

Имя главного персонажа *Патап*. Перед нами антропоним до его эволюционного изменения в новую форму – *Потан*. Согласно «Словарю русских личных имен» Н.А. Петровского, имя *Патап* – краткая форма имени *Патапий*. «Словарь личных имен» В.В Сидорова указывает на греческое происхождение имени: *Патапий* – «ногами попирающий труд», «владеющий» [Сидоров. Электронный ресурс]. Как видим, имя персонажа так же, как и его

фамилия, отражает социальное и материальное положение литературного героя в обществе.

В тексте произведения Мельников использует не полную, а сокращенную форму отчества данного персонажа – *Максимыч*. Такая форма, как известно, носит по сравнению с полной более сниженный характер, т.е. имеет разговорный оттенок. Она позволяет Мельникову лишней раз подчеркнуть ту атмосферу народности, о которой было сказано выше.

Патапа Максимыча Чапурина окружающие зовут только по имени-отчеству, тем самым оказывая ему, богатому и состоятельному человеку, известного рода почтение. По имени-отчеству обращается к нему и жена Аксинья Захаровна. Однако в этом случае причина именованья другая: в зажиточных семьях описываемого периода было принято, чтобы жена «величала» мужа, то есть называла его по полному имени и по отчеству: «*Ох, батюшка, Патап Максимыч, повремени хоть маленько, – твердила свое Аксинья Захаровна. – Скорбно мне расставаться с Настёнкой. Повремени, кормилец!*» [Мельников-Печерский 1976].

Не меньший интерес представляет имя жены Патапа Максимыча Чапурина *Аксиньи Захаровны*. Имя *Аксинья* в настоящее время на территории России встречается редко и считается устаревшей народной формой имени *Ксения* [Петровский], [Сидоров]. *Ксения* в переводе с греческого языка означает «гостеприимная» [Сидоров]. Гостеприимство – характерная черта Аксиньи Захаровны, проявляющаяся в постоянном стремлении угодить гостям, чтобы у них остались только лучшие впечатления о семье Чапуриных: «*Все распорядженья насчёт угощенья домовых работников и пришлого народабыли сделаны. Старик Пантелей с Захлыстинского базара навёз и говядины, и свинины, и баранины, пять вёдер вина, ренского шесть бутылок, молодиц потчевать, и большие кульки с деревенскими гостинцами*» [Мельников-Печерский 1976].

Стоит обратить внимание и на отчество Аксиньи Захаровны. Русское имя *Захар* образовано от еврейского *Захария*, что в переводе означает «помнящий Бога» [Петровский]. В самом деле, Аксинья Захаровна соблюдает все законы старообрядчества, верит в Бога и стремится другим доказать, что Бог есть и он способен помочь нуждающимся: «*Много может молитва праведника... Един праведник за тысячу грешников умоляет. Не прогневался ещё до конца на нас, грешных, царь небесный, посылает в мир праведных...*»

[Мельников-Печерский 1976]. Повествователь и все персонажи произведения не называют героиню без отчества: она – жена купца, значит, имеет так же, как и муж, высокий социальный статус. Муж же обращается к ней в основном по имени: «величать» жену по имени и отчеству в определённых кругах было не принято.

Итак, художественные антропонимы романной дилогии П.И. Мельникова-Печерского «В лесах», «На горах» помогают воплотить замысел автора о персонаже через его именование, дают полное представление о носителе имени. Имена собственные являются ценным компонентом в системе художественных приёмов и средств выразительности, используемых П.И. Мельниковым-Печерским.

Список литературы

Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.

Горелов А.А. Русская литература и фольклор. Вторая половина XIX в. Л., 1982. С. 94–131.

Кудряшов И.В. П.И. Мельников-Печерской в русской критике и литературоведении // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Вып. № 3. 2005. С. 89–97.

Мельников-Печерский П.И. В лесах. Книга 1. Собр. соч. в 8 т. М., 1976. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/m/melxnikowpecherskij_p/text_0050.shtml.

Мельников-Печерский П.И. Собрание сочинений: в 6 т. М., Правда, 1963. Т. 1. С. 307–327.

Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974.

Ономастикон. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.onomastikon.ru/proi-shogdenie-familii-chapurin.htm>.

Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М.: Русские словари, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/petr/>.

Сидоров В.В. Словарь личных имен. [Электронный ресурс]. URL: <http://netler.ru>.

E.S. Tarasova, N.V. Voronina

Anthroponyms as a means of characterization of P.I. Melnikov-Pechersky

The article discusses the features of anthroponyms as means for characteristics of the characters of novels P. I. Melnikov-Pechersky "In the woods", "On the mountains".

Key words: anthroponym, anthroponyms, name of the character, surname, patronymic.

П. Томасик
(Быдгощ, Польша)

Зоонимия – (почти) идеальное пространство для обучения студентов ономастике

В статье рассматривается опыт изучения одного из разделов ономастики (зоонимики) в студенческой аудитории. Автор показывает, что зоонимы обладают значительным обучающим потенциалом, позволяют пробудить интерес к наблюдениям за языковым материалом.

Ключевые слова: зоонимия, ономастика, мотивация к обучению.

Занятия должны быть интересными – в этом никто не сомневается. Студенты начала XXI века очень требовательны. Языкознание, называемое в начальной и средней школе (по крайней мере, в Польше) просто грамматикой, иногда просто пугает детей. Многие молодые люди считают эту дисциплину излишней. Ономастика как раздел языкознания не исключение. Как заинтересовать студентов на занятиях, посвящённых ономастике? Кажется, им уже надоело слушать про имена людей, названия рек и гор, они устали от антропонимии и топонимии. Как показывает наш опыт, интересным решением является использование зоонимических примеров. Совсем неплохо получаются занятия, касающиеся сложных ономастических вопросов, построенные на зоонимическом материале.

Такое мнение опирается на опрос студентов, проведённый после цикла 15 лекции, посвящённых современной ономастике. На вопросы, заданные в конце семестра «Какую тему вы запомнили больше всех? Что вам понравилось больше всего?» подавляющее большинство ответило, отметив тему, посвящённую именам животных. Курс читался в Университете Казимира Великого в Быдгоще и предназначен был для студентов пятого курса русистики и прикладной лингвистики (с русским языком). Курс читался на русском языке.

Многие научные работники считают, что центром современных ономастических исследований являются поиски функции *nomina propria* и описание их существования в языковой коммуникации (ср. [Cieślakowa 2009]). Из этого вытекает, что грамматические сведения могут казаться уже второстепенными. Это должны учитывать учителя и готовить занятия в этом духе.

В поисках функции кличек животных, в ходе занятий студенты приходят к выводу, что имена животных не являются необходимыми. Это прекрасный пример с дидактической точки зрения. На примере кличек животных можно обсуждать вопрос, кому служат личные имена, с какой целью люди их создают. Без сомнения, они не служат самим животным. Ведь дикие животные живут без имен (хотя бы в человеческом понимании). Бродячие собаки тоже их лишены (собаки, по мнению учёных, старше людей, и они живут на земле намного дольше, чем люди, около 70 000 лет). Имя питомца может служить лишь людям или коммуникации *человек – животное* (хотя и это сомнительно). Ключевым заданием этой части занятий (позволяющим вскрыть функцию и смысл имен) для студентов может быть наблюдение за следующей ситуацией.

Собственные (личные) имена, как известно, служат для того, чтобы различать похожие объекты. Если в семье (дома) одно животное, так различать нечего (или некого). Вместо фразы *Нужно выйти с Гekom* вполне функционально прозвучит выражение *Нужно выйти с собакой* (вполне понятно, что надо выйти с домашней собакой, а не с любой другой) или фраза *Ты накормил Шарика?* синонимична – *Ты накормил кошку?* Даже на прогулке, когда в парке бегают несколько собак, имя не является обязательным. Вызвать свою собаку можно и без имени используя команду, напр. *Ко мне!* (собака ведь привыкает к нашему голосу, не только к звучанию имени, часто достаточно засвистеть).

Рассуждение должно привести к ответу, что кроме основной функции имени – различать (выделять) похожие объекты, есть и другие функции, которые зачастую становятся главными. После такого рода рассуждений называется другая функция зоонимов – эстетическая.

Как бы попутно выясняется, что имена животных являются данными принудительно: несмотря на то, что они даны живому существу, само существо (собака, кошка, хомяк и др.) не имеет влияния на выбор имени.

Довольно важной особенностью является тот факт, что тема имен животных позволяет обратить внимание студентов на три важных фактора существования собственных названий. Эти факторы можно определить следующим образом: эстетический (уже частично нами затронутый), прагматический и правовой. Каждый из них влияет на формирование названия. Упущение хотя бы одного из них

не даёт гарантии создания «хорошего имени». Такое явление наблюдается во многих категориях онимов, поэтому обязательно надо обращать внимание учащихся на такое сочетание требований. Имена животных позволяют интересно рассказать об ономастической многоуровневости.

В части, посвящённой эстетическим факторам, надо обратить внимание на явление моды. На тот факт, что, выбирая имя для питомца, люди часто руководствуются не только собственными вкусами и усмотрениями, а общей модой. В качестве примеров на занятиях приводятся списки имен собак и кошек, модных в разные времена и в разных странах. Такие данные доступны на многих популярных интернет сайтах напр. *Мир Кошек.РФ*, *dogcatfan.com*. Авторы этих любительских (т. е. неязыковедческих) страниц приводят и публикуют списки и рейтинги кличек.

Правовой аспект является самым неожиданным для студентов. Вообще, даже в некоторых научных исследованиях авторы, кажется, забывают про то, что в большинстве случаев существуют многие юридические ограничения, что выбор будущего имени не безграничен. Примером служат польские имена и клички породистых собак и лошадей. В первом случае имена всех щенков одного помёта должны начинаться с одной буквы. Во втором случае советуется давать жеребёнку имя, начинающиеся с той же буквы, что имя матери.

Третий аспект – прагматический. Тут учитывается мнение знатоков собак (или других животных). Приводятся неязыковедческие рекомендации. Обращается внимание студентов на психологию животных, особенности восприятия ими мира. Цель этой части занятия – показать, что для выбора хорошего имени надо знать многое, учитывается не только фантазия владельца. Самое интересное, что есть ограничение, дозволено не всё. Это противоречит общепринятому подходу: купил я собаку, могу с ней сделать, что хочу (в том числе назвать так, как мне захочется). Как оказывается в ходе занятий, не все названия отвечают всем критериям. Это позволяет задать учащимся вопросы *Какие названия лучше? Какие правильные?* – тем самым провести оценку и критический анализ.

Имена животных позволяют превосходно учить студентов, мотивируют их к получению знаний, доказывают, что во многих случаях номинация не является поверхностной. Кроме того,

выявление истинной мотивации выбора имени может требовать больших усилий и более серьёзных поисков.

Наглядным примером может служить собака преподавателя. Показывается фотография питомца – черной дворняжки с длинной шерстью. Называется кличка собаки – Karmel. Суть этих действий – показать разные способы мотивации личных имен, обучить студентов поиску истины, пробудить пытливость, а также тому, что не всегда то, что кажется очевидным и простым, является таковым. На первый взгляд студентам кличка не нравится, она как бы не совпадает с собакой, с её внешним видом. Кличка не нравится потому, что она не подходит к чёрной собаке. Десерт «Карамель», от названия которого образована кличка, коричневый. Только после рассказа о том, что имя собаке дано ещё заочно, для того чтобы сохранить «сладкий ряд» начатый кличкой предыдущей собаки – Toffi, кличка становится понятной, логичной; и отношение студентов к ней меняется.

Использование примеров, подобных примеру с собакой Karmel, может сокращать дистанцию «студент – преподаватель», а также показывает, что в контексте акта номинации у всех одни права. Так как описываемые нами занятия предназначены для поляков, будущих русистов, в качестве фона можно использовать другие близкие (прежде всего по культуре) польские примеры, а также иллюстрации на русском языке.

Приведенные выше примеры использования зоонимов не исчерпывают всего обучающего потенциала. Зоонимы являются тоже прекрасным полем для работы с довольно непростой темой – с перевод собственных имён. На примере кличек животных можно тоже объяснять студентам различия между официальными и неофициальными, «домашними» вариантами названий. Перечисленные возможности мы приводим пока предварительное, как дидактическую перспективу.

В чём преимущество использования кличек животных в качестве дидактического материала? Во-первых, имена животных близки учащимся. У большинства студентов есть животные, которых они любят. Во-вторых, во многих случаях студенты или самостоятельно давали имена своим любимцам, или хотя бы принимали активное участие в поисках клички. Нередко студенты хорошо помнят ситуацию выбора имени, но не знают, чем (даже подсознательно) руководствовались. Опыт и знания, накопленные во время анализа имен животных, молодые люди должны легко

перенести на другие ономастические разряды. Самое главное, чтобы занятия были познавательными и интересными, чтобы они касались близких студентам ситуаций. Лишь тогда можно думать, что учащиеся сочтут новые знания полезными и достойными внимания.

Как показал наш опыт, интерес к занятиям с использованием зоонимов связан и с тем, что процесс имянаречения был близок студентам: выбирая или создавая имя для своего питомца, они чаще всего даже не подозревали о том, что принимали участие в процессе номинации. Несмотря на сложный, многоуровневый характер зоонимии, это было для них несложно.

В дидактическом плане зоонимы обладают бóльшим обучающим потенциалом, чем, например, топонимы. В случае топонимии процесс номинации молодые люди наблюдать не имеют возможности – географические названия принимаются как таковые, они существовали издавна, поэтому студенты воспринимают их как часть природы. В то же время, антропонимический материал может показаться, с одной стороны, «изношенной темой», уже скучной, а с другой – разряды личных имен ограничены. Имена животных позволяют увидеть многие механизмы языка, его грамматические и лексические правила, стилистические и креативные возможности слова. На примере зоонимии можно показать многие ономастические явления и делать это интересно и успешно.

Список литературы

Cieślíkova A. „Centrum” we współczesnych badaniach onomastycznych // Teoretické a komunikační aspekty proprií. Prof. Rudolfo Šrámkovi k životnímu jubileu / (red) Harvalík M., Minářová E., Tušková J.M. Brno 2009. С. 27–35.

P. Tomasik

Zoonymy is (almost) an ideal space for teaching students onomastics

The article examines the experience of studying one of the sections of onomastics (zoonimics) in a student audience. The author shows that zoonyms have a significant training potential, they allow to awaken interest to observations of linguistic material.

Key words: zoonimia, onomastics, motivation for learning.

А.В. Фальковская
(Набережные Челны, Россия)

Семантико-функциональные особенности инвективной лексики в диалектной среде (на основе «Материалов для объяснительного областного словаря вятского говора» Н.М. Васнецова)

Инвективная лексика, выделяемая в современном русском языке, находит своё отражение и в диалектном языке, в частности в «Материалах» Н.М. Васнецова, в котором инвективы довольно часто сопровождаются пометой *обзывание*. При изучении вопроса особенностей и функционирования прозвищ в диалектном языке это играет важную роль, поскольку теоретически свидетельствует о возможности функционирования инвективов в качестве прозвища или, как минимум, в качестве его мотивирующей, производящей основы.

Ключевые слова: инвектива, инвективная лексика, прозвище, мотивация, диалект.

«Материалы» Н.М. Васнецова явились первым опытом словаря, отразившим вятские говоры, что позволяет в исторически более верной форме выделить особенности диалектизмов, в частности нас интересуют тех из них, которые функционально сближаются с прозвищем. Функционально сближаются потому, что выявленные нами посредством метода сплошной выборки диалектизмы в своём чистом виде не могут быть однозначно прозвищами, но они могут быть их основой и могут выполнять их функцию. Прозвище является неофициальным дополнительным онимом человека, выделяющим в нём те или иные сущностные черты внешнего и внутреннего состояния. Необходимо принять, однако, во внимание тот факт, что не всегда лексикограф и полевой работник могли с точностью определить, будет ли номинация, функционально схожая с прозвищем, самим прозвищем или это лишь обзывание, которое входит в группу инвективной лексики современного русского языка. Инвективная группа включает в себя грубые, ругательные слова, иногда бранные, но не затабуированные. Прозвище согласно своей внутренней форме обладает само по себе негативным значением, редко положительным, и потому способно иметь данные инвективные слова в качестве своей основы. На данный момент важно выяснить их лексико-семантические характеристики.

Поскольку в среде диалектоносителей главной остаётся тема труда и дома, то, отталкиваясь от этого, можно выделить основные

классификационные группы, в рамках которых «живут» такие антонимические пары, как *лень* – *трудолюбие*, *болтливость* – *молчаливость*, *распутство* – *достоинство*, *опрятность* – *неряшливость*, *здравость* – *бестолковость* и т.д. В ходе анализа словника частым явлением было употребление помет *брань*, *ругательное*, *нелестное*, *бранчливое*; пояснения *обзывание*. К примеру, *безпелюха* ‘человек плоховатый, беспечный и, пожалуй, туповатый’ (*У безпелюхи всё в руках не спорится*). Часто употребляется как брань; *дренн'я* ‘обзывание неповоротливого, вялого’; *звяга* ‘человек неуживчивый, сварливый’ (*Кто с ним, со звягой, будет водиться*); *мышь* ‘обзывание вотяков’. Однако отсутствие маркированности не исключает того, что характеризующие человека лексемы не могут функционировать как бранные, выступать в качестве обзывания. Причина неточности может заключаться, например, в неточной дескрипции в словаре. А этому способствуют во многом субъективные помехи. Человек, как воспринимающий слова, языковые сущности, не может объективно и всегда верно усваивать и трактовать языковые формы. «Лексикограф не всегда располагает достаточными и объективными данными для мотивированного разграничения <...> слов» [Балахонова 1982: 106].

Кроме того, полученный материал можно стратифицировать по более частному семантическому критерию. Среди самых распространённых качеств, отражённых в субстантивах, способных выступать мотиваторами прозвища, отмечаются такие, как *жадность*, *завистливость*, *злость*, *глупость*, *болтливость*, *неряшливость*, *уродство*, *несправедливость*, *беспорядочность*, *склонность к пьянству*, *лентяйство* и т.д. К примеру, *балахоня* ‘человек в длиннополой, некрасивой одежде’; *грободёр* ‘жестокосердный, обирающий других’; *ёра* ‘заносчивый, ссорливый, сварливый’; *н'емтырь* ‘вообще немо говорящий; обзывание человека, невнятно говорящего, скрадывающего слова’. *Ничего тебя, немтыря, не поймешь*; *пентюх*, бранчливое слово ‘вялый, неуклюжий, несообразительный’; *придорожник* ‘ругательник, нахал; не дающий никому проходу; всех ругающий’; *фефёла* ‘нерасторопный человек, простофиля’; *шлёпуша* ‘болтун, пустомеля; неосторожный в разговоре, в выражении, несхватчивый’ и т. д.

Таким образом, данные инвективы могут быть прямой мотивирующей основой прозвища. Их классификация автоматически будет способствовать классификации по тому же лексико-

семантическому критерию самих прозвищ. Однако в современном русском языке есть ещё и понятие характеризующих имен существительных, связь которых с прозвищами нами тоже рассматривалась ранее, и в этой связи хочется отметить, что называние иногдодного языкового явления разными именами, отсутствие точного терминологического аппарата в области номинации, включая разные толкования самого прозвища, создают трудности при изучении прозвища как типа номинации.

Список литературы

Балахонова Л.И. К вопросу о статусе просторечной и диалектной лексики // Вопросы языкознания. 1982. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/balakhonova-82.htm> (дата обращения: 16.04.2017).

Васнецов Н.М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, Губернская типография, 1908. 357 с.

Жельвис В.И. «Грубость»: Проблемы классификации лексики // Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д.ф.н., проф. А.М. Мелерович. Москва; Кострома, 2008. С. 71–76.

Мокиенко В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/mokiyenko-94.htm> (дата обращения 16.04.2017).

Рут М.Э. Образная номинация в русской ономастике. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 192 с.

A. V. Falkovskaya

The semantic and functional features of invective vocabulary in the dialect environment (on the basis of “The Materials for the regional dictionary of Vyatka dialects” of N. M. Vasnetsov)

Invective vocabulary allocated in the modern Russian language is reflected in the dialect language, in particular in the “Materials” of N.M. Vasnetsov. In the course of their analysis invective often contained the explanation of the name calling. While examining the features and functioning of nicknames in dialectal language, this plays an important role as it theoretically demonstrates the possibility of functioning of invective as a nickname or at least as motivating, making basis.

Key words: invective, invective vocabulary, nickname, motivation and dialect.

Древнерусские сложные имена младшей серии на праславянском фоне: этимологический аспект

В докладе изложены результаты этимологического анализа др.-русск. сложных имен собственных на фоне общеслав. и праслав. ономастики. Выявлены архаизмы периферии позднепраслав. языкового ареала, иногда не зафиксированные в др.-русск. словесности и книжности. Для части именных основ предложены наиболее вероятные этимологии (*жъл-, кор-, -неда / -нѣдь, -гьбь, жтр-*), уточнена первичная семантика (*-богъ, вит-, остр-, тереб-, -травъ, хут-, щир- / щѣр-*), радикально пересмотрена этимология алломорфов *жир / жьр, мил / мѣл, мир / мѣр*.

Ключевые слова: антропоним, композит, компонент, именная основа, атрибутивная функция, этимология, семантика

Древнерусские сложные имена младшей серии, как правило, имеют две именные основы соединенные посредством *-о-* (*сѹндесмос* в терминологии Аристотеля). Этот соединительный *-о-* позднее легко замещался редуцированным *-ь-* и вообще выпадал (*Богодань – Богъдань – Богдан*). Такая серия сложных имен собственных стала распространяться после 500 г. н. э. и охватила практически весь венето-анто-славянский диалектный ареал, о чем свидетельствуют антропонимы Ἀκάμηρος, Ἀρδαγαστηνός, Ἀρδάγαστος, Ἀρδαμέρι, Δραγόμεστος, Ἰερομέρι, Ἰερομήριον, попавшие на страницы византийской книжности VI–VII вв.

Если первый компонент композита представлен *-i-*основой, то соединительные гласные бывают *-и-, -е-, -ю-*, которые могут редуцироваться до *-ь-* и вовсе исчезать. В.Л. Васильев отмечает в древненовгородской ономастике явление взаимозаменяемости или утраты гласных в исходе первого компонента композита [Васильев 2012: 77]. Это явное свидетельство относительного позднего диалектного словообразования, уже древнерусского периода. С другой стороны, подобное явление наблюдается и в других слав. ареалах, напр., в сербохорв.: *Бѣлоградъ – Бѣльградъ – Бѣлград – Београд*. Следовательно, перед нами ареальная реализация позднепраславянской тенденции. Алломорфемная вариативность соединительного гласного *-о-* ~ *-е-* и редукция соединительного гласного *-ь-* ~ *-ь-* неоднократно отмечаются и составителями ЭССЯ [ЭССЯ 10: 187, 193–194].

Древнерусская и древненовгородская ономастика не только даёт подтверждение целому ряду уже известных именных основ [Железняк 2011: 270–286], первых компонентов композита, но и существенно дополняет праслав. репертуар сложных имен. Чаще всего первые именные основы сложного имени имеют атрибутивную функцию: *Андр-о-* ‘?’; *Бѣл-о-* ‘белый’; *Бог-о-* ‘божий, относящийся к богу’; *Болог-о-* ‘благой, сладостный’; *Бол-ю-* ‘более’; *Брат-о-* ‘братский’; *Буи-(ь)-* ‘буйный’; *Бърз-о-* ‘борзой’; *Бжд-о-* ‘будущий, который будет’; *Вел-е-* ‘многий, многочисленный’; *Вид-о-* ‘видный’; *Вит-о-* ‘приветствующий, приглашающий’; *Вѣд-о-* ‘ведающий’; *Вѣск-о-* ‘?’; *Вои-ь-* ‘воинский, относящийся к воителю’; *Волост-е-* ‘относящийся к власти’; *Вою-* ‘воинский, относящийся к воителю’; *Выш-е-* ‘высокий, выше’; *Върт-о-* ‘вертящий’; *Върх-о-* ‘верхний, верховный’; *Вьс-е-* ‘все(общий)’; *Вьх-о-* ‘вихревой’ (?); *Вач-е-* ‘большой по степени проявления признака, старший по положению, старший по возрасту’; *Год-о-* ‘годный, угодный’; *Город-о-* ‘городской’ (?); *Гост-и-* ‘гостевой, относящийся к гостю’; *Гост-о-* ‘гостевой, относящийся к гостю’; *Гот-е-* ‘находящийся в состоянии готовности’; *Гот-о-* ‘готовый’; *Гржз-о-* ‘?’; *Гърд-о-* ‘гордый’; *Дан-и-* ‘относящийся к дани’; *Див-о-* ‘дивный’; *Добр-о-* ‘добрый’; *Дом-о-* ‘домашний’; *Дорог-о-* ‘дорогой’; *Дьн-о-* ‘денный, дневной’; *Жид-о-* ‘ожидающий, ожидаемый’; *Жир-о-* ‘жреческий, относящийся к жречеству’; *Жит-о-* ‘житьё; живущий, житейский’; *Жьд-о-* ‘ждуший’; *Жьл-о-* ‘желающий’ или ‘жалеющий’ (?): вероятно, перед нами именная основа от иначе не сохранившегося глагола *жьлити, *жьльж ‘жалеть, печалиться, скорбеть’, изв. только в виде олицетворения «*Жля поскочи*» в СПИг, при др.-русск. *жела* ‘печаль, скорбь’ [СДРЯ (XI–XIV вв.) 3: 244] по гл. *желъти*, *желъж* ‘скорбеть, горевать, лишиться кого-л., проститься с чем-л.’ [СДРЯ (XI–XIV вв.) 3: 243–244]; *Жьст-о-* ‘жесткий, жестокий’; *Жьт-о-* ‘живительный’ (?); *Залъ-* ‘?’; *Иже-* ‘чтобы’; *Им-о-* ‘имущий, имеющий’; *Ин-о-* ‘иной’; *Кем-о-* ‘?’; *Кор-о-* ‘уповающий, чарующий’: отвл. от архаичного гл. *керъти, *коръти, *черъти, *-гъж* ‘уповать, надеяться’, ‘чаровать’; древнейшее состояние праслав. производящей глаг. основы доносит лит. гл. *ker*□*ti* ‘околдовывать, завораживать’ и, особенно, лтш. гл. *cerēt*, *cerēju* ‘надеяться’; все восходят к и.-е. гл. **k^wer-* ‘делать’; сюда же относят вед. гл. *kr-*, *kroti* ‘делать, приготавливать, предпринимать’, ‘поклоняться, приносить жертву’ и гл. *car-*, *cāratī* в знач. ‘быть занятым чем-л. (особенно

жертвоприношением)’, ‘делать, предпринимать, осуществлять’, ср. авест. сущ. *čārā* ‘средство’, которое восходит к и.-е. сущ. **k^uēr-* по гл. **k^uer-*; следует особо отметить тесную связь др.-инд. гл. *kr-*, *car-* с ритуальными, магическими действиями жертвоприношениями, заметную и в слав. сущ. **čara*; *Корот-о-* ‘короткий’; *Ком-о-* ‘?’; *Кур-о-* ‘относящийся к курам’; *Лад-о-* ‘ладный’; *Лих-о-* ‘лихой’; *Лѣт-о-* ‘летний’ (?); *Люб-о-* ‘любимый’; *Люд-е-* ‘людской, относящийся к людям’; *Люд-и-* ‘людской, относящийся к людям’; *Люд-о-* ‘людской, относящийся к людям’; *Лют-о-* ‘лютый’; *Лад-и-* ‘?’; *Мил-о-* ‘милый’: ср. именной компонент *-мила*, *-милъ*, также тождественный прилаг. *милъ*, *милыи*, *мила(я)* ‘милый, приятный’ [ЭССЯ 19: 46–48], ср. др.-греч. сущ. ср. р. *μείλια*, *μείλιγματα*, *μειλκτήρια*, прил. *μείλινος*, *μείλιχιος*, глаг. *μειλίσσω*, *μειλίττω*, *μειλίζω*; *Мир-о-* ‘счастливый’: в праслав. алломорфе **mirъ*, соотносительном с глаг. основами ***merjō* и ***měrějō* ‘иметь участь, получать в удел, выпадать на долю’, следует усматривать рефлекс и.-е. глаг. основы **(s)meriomai*, аналогичный др.-греч. гл. *μείρομαι* (др.-греч. сущ. *μέρος*, лат. гл. *merēo*, *merēre*), образовавшемся в результате ретроградной метатезы *-i-* [Frisk 1954: 196–197; Chantrain 1968: 678, 679, 708]; такую же ретроградную метатезу *-i-* подозреваю и в скифском династическом имени Παρεισάδης < **parie-sad-* «председатель» (?); аналогичные явления обильно представлены в языке Старшей Авесты; *Мѣл-о-* ‘милый’: отвлечено от основы уникального др.-новг. диал. гл. **мѣлѣти*, **мѣлѣж* ‘миловать’, непривычной глаг. формы, не отм. в др.-русск. лексиконе, не получившей праслав. этимологии, но соотносительной с *милъ*, *милыи*, *милои*, *миловати*; такая основа могла образоваться в результате перегласовки корня гл. *миловати*, восходящего к и.-е. диал. **mēil-*, т.е., продолжать и.-е. диал. **moil-iē-*; *Мѣр-о-* ‘счастливый’: в праслав. алломорфе **měrъ*, соотносительном с глаг. основами ***merjō* и ***měrějō* ‘иметь участь, получать в удел, выпадать на долю’, следует усматривать рефлекс и.-е. именной основы **(s)moriā*, аналогичной др.-греч. сущ. *μοῖρα* (иначе *μόρος*, *μόρα*), образовавшейся в результате ретроградной метатезы *-i-* [Frisk 1954: 196–197; Chantrain 1968: 678, 679, 708]; Такую же ретроградную метатезу *-i-* подозреваю и в скифском имени Παρεισάδης < **parie-sad-* «?»; аналогичные явления обильно представлены в языке Старшей Авесты; или, что для праславянского также не исключено, алломорф образовался в результате собственно праславянского продления корневого вокализма **mer-* > **mēr-*

(*měrbь); ср. этимологию праслав. омонима *měra [ЭССЯ 18: 178–181]; *Могл-о-* ‘?’; *Мысл-о-* ‘мыслящий’; *Мьст-о-* ‘мстящий’ (?); *Негъл-о-* ‘прежде; нежели’; *Нельг-о-* ‘нелёгкий’ (?); *Ньг-о-* ‘нежный’; *Нов-о-* ‘новый’; *Нуд-о-* ‘нудный’; *Ож-е-* ‘?’; *Он-е-* ‘?’; *Он-о-* ‘оный’; *Остр-о-* ‘острый’(?): непривычное знач. прилаг. *остръ* ‘острый’; *Пак-о-* ‘паки, паче’; *Перек-о-* ‘перечащий, поперёк, наперекор’; *Пин-о-* ‘пьющий, пьяный’ (?); *Пир-о-* ‘пирующий’; *Под-о-* ‘подлежащий’ (?); *Пьрѣ-и-* ‘соперник’; *Пжт-и-* ‘относящийся к пути’; *Рад-о-* ‘рад, радостный’; *Рат-и-* ‘рать, ратный’; *Ред-е-* ‘радеющий’ (?); *Ред-о-* ‘радеющий’ (?); *Рет-е-* ‘ретивый’; *Рог-о-* ‘роговой, относящийся к рогу’; *Род-о-* ‘радеющий’; *Рост-о-* ‘растящий’; *Рус-о-* ‘русый’ (?); *Рьт-и-* ‘ретивый’; *Рьт-о-* ‘ретивый’; *Рад-о-* ‘изрядный, нарядный’; *Сад-о-* ‘насаждающий’; *Сам-о-* ‘самый’; *Свѣт-о-* ‘святой’; *Серед-о-* ‘средний’; *Слав-о-* ‘славный’; *Сол-о-* ‘?’; *Сор-о-* ‘?’; *Стар-о-* ‘старый’; *Сто-и-* ‘стоящий’; *Страх-о-* ‘страшный’; *Сур-о-* ‘суровый’ или болг. *сур-елен* ‘волшебный (олень)’; *Сух-о-* ‘сухой’; *Сжд-о-* ‘относящийся к суду’; *Тат-о-* ‘тайный, потаённый’ (?); *Твьрд-о-* ‘твёрдый, утверждающий’; *Тереб-о-* ‘имеющий отношение к теребе, требе’; *Тьх-о-* ‘утешающий, утешный’; *Тих-о-* ‘тихий’; *Тур-о-* ‘зубровый’; *Тух-о-* ‘потухающий, потухший’ (?); *Тѣг-о-* ‘тягостный’; *Ун-е-* ‘лучший, лучшее’; *Ун-о-* ‘лучший’; *Ун-ѣ-* ‘лучшее’; *Утр-о-* ‘утренний’ (?); *Ух-о-* ‘?’; *Ход-о-* ‘ходовой, переходный’; *Хот-о-* ‘хотящий’; *Худ-о-* ‘худой’; *Хут-о-* ‘похищающий’; *Чѣб-о-* ‘?’; *Чьрн-о-* ‘чёрный’; *Чьст-о-* ‘честный’; *Чад-о-* ‘чадолюбивый’; *Щьр-о-* ‘истинный, подлинный; прямой, откровенный’: основа явл. рефлексом и.-е. диал. **skoir-* ‘очищенный, ясный, явный’; *Щур-о-* ‘истинный, подлинный; прямой, откровенный’: основа явл. рефлексом и.-е. диал. **skeir-* ‘очищенный, ясный, явный’; *Щит-о-* ‘щитовой, щитоносный’: основа явл. рефлексом и.-е. диал. **skeit-о-* ~ **skeit-о-* ‘щит; бёрдо’; *Яр-о-* ‘ярый, яростный’; *Жтр-о-* ‘внутренний’ (?): более вероятно реконструкция первого компонента как праслав. *qtri, *qtrь (в произношении **qtr-*) ‘внутри’, ср. др.-болг. *вънжтрь*, болг. *вътре* ‘внутри’, др.-русс. *утрь* ‘внутри, внутри’; антропоним *Утрогость* можно понимать и как «внутренний гость», т. е., допущенный внутрь дома гостеприимца, а не оставленный ночевать, по древнему обычаю, в преддверии дома.

Как ясно следует из представленного материала, данные именные основы чаще всего являются отглагольными образованиями с первичной семантикой причастий и отглагольных прилагательных, отвлеченной от семантики производящих глагольных основ.

Как и в праслав. сложных именах старшей серии, вторая именная основа означает важное, значимое общественное явление, высшую ценность праслав. общности. При этом такая именная основа нередко совмещает в себе имя действия и имя деятеля, что приводит к двум вариантам толкования имени в целом.

Вторая часть композита в функции определяемого представлена следующими основами разной частотности употребления (надстрочный индекс): *-бог-* ‘участь, доля, удел’², ср. млр. *небогий* и влр. *убогий*; *-бол-* ‘большое; величие’; *-болог-* ‘благо, блага’; *-бор-* ‘борьба; борец’⁴; *-бород-* ‘борода’; *-бжд-* ‘будущее, то, что будет’²³; *-был-* ‘былое, то, что было’²; *-вид-* ‘вид, очевидное, видимость; видящий’¹³; *-вит-* ‘приветствие, приглашение; приглашающий’⁷; *-вѣд-* ‘ведовство; сведущий’⁴; *-вод-* ‘вождение; водящий’; *-вол-* ‘буйвол’; *-волод-* ‘власть, владение; владеющий, владыка, владетель’⁷; *-вор-* ‘врач’; *-вѣрх-* ‘верх’; *-гнѣв-* ‘гнев, гневливость; гневливый, гневающийся’; *-год-* ‘год, годовщина (смерти); угодный, пригодный’⁷; *-голов-* ‘голова’; *-гор-* ‘гора’; *-город-* ‘город’; *-гост-* ‘гость; гости’⁷⁴; *-грьд-* ‘грудь; грудной’; *-даи-* ‘даяние; податель, дающий’; *-дан-* ‘дань; дар’³; *-дѣд-* ‘дед; предок’²; *-дѣи-* ‘деяние; деятель’; *-дорог-* ‘дорогое; дорогой’³; *-дѣб-* ‘дуб’; *-ѣб-* ‘*σποράι*; отпрыск, потомок; род, племя; рождение, размножение’³ в составе ИС *Глѣбъ*, *Дулѣбъ*, *Улѣбъ*; толкование ипокористик *Дулѣбъко*, *Дуленка* [Тупиков 2004] как «бестолковый, глупый, неотесанный, болван, остолоп» наивно. Столь же далека от истинного понимания «научная» этимология: якобы, этникон *Дулѣбъ* реконструируется как **dudlěbъ* из герм. **daup-lēb-* ‘наследники мертвеца’ [ЭССЯ 5: 147–148]; имя родоначальника *Дул-* можно было бы истолковать на основе не вполне ясного гл. **dudliti* ‘пить, сосать из трубки’ [ЭССЯ 5: 148], но позднеантичный этноним-полукалька *Δουλοσπόροι* не подтверждает стечения *-dl-*; скорее всего, перед нами аланское имя *Δουλος* из эпиграфики Боспора; *-ѣд-* ‘еда; едок, едящий’⁷; *-жад-* ‘жадность’; *-жир-* ‘жречество, жреческое сословие; жрец’⁹: сущ. **жирь* ‘жертва, жертвоприношение, священнодействие, жречество’, ‘жрец, исполнитель жреческой функции’ отвлечено от неотмеченного в письменности итеративного гл. **жирати*, **жираю* по гл. *жсрети* (*жсрети*, *жсърти*), *жсъру*, *жсърю* ‘совершать жертвоприношение, приносить в жертву, священнодействовать’ [СДРЯ (XI–XIV вв.) 3: 250]; *-жсър-* ‘жертвоприношение, жреческое служение; жрец’³: отглагольная именная основа **жсѣра* ‘жертвоприношение, жертвование,

священнодействие’, *жърь ‘жрец’, ‘жречество’ отвлечена от гл. *жърти*, *жъроу* ‘приносить жертву, совершать жертвоприношения’ [СДРЯ (XI–XI вв.) 3: 275], сохранилась в др.-русск. производных *жърение*, *жърица*, *жъртва*, *жърьць* [СДРЯ (XI–XIV вв.) 3: 273–276]; -*зор*- ‘зоря; зоркий’; -*зьр*- ‘зрение; тот, кто зрит’; -*крад*- ‘кража; крадец’: ср. *конокрад*; -*кун*- ‘куна (ценный мех или серебряная монета)’; -*лист*- ‘заболевание, болезнь’ (?); -*люб*- ‘любовь; любящий, любитель’¹³; -*лад*- ‘судно, ладья’ (?); -*мил*- ‘милость; милый, милочек’¹¹; -*мир*- ‘участь, удел, предопределение, судьба’³⁸: праслав. именной алломорф *mirь ‘доля, удел, участь, предназначение’ является рефлексом и.-е. основы *(s)*meros*, *(s)*meriomai*, которая дала др.-греч. гл. *μείρομαι* (ср. сущ. *μέρος*, лат. гл. *merēo*, *merēre*), образовавшийся в результате ретроградной метатезы -*i*- [Frisk 1954: 196–197]; [Chantrain 1968: 678, 679, 708]; аналогичные явления обильно представлены в языке Старшей Авесты; такую же ретроградную метатезу -*i*- подозреваю и в скифском имени *Παιρεισάδης* < **parie-sad-* «председатель»; ввиду всего уже сказанного о глагольном компоненте *мъръ-* и именном компоненте -*мъръ* [Шапошников 2017] позволю себе усомниться как в истинности семантической реконструкции В.Н. Топорова, который предполагал первичные значения праслав. сущ. *mirь ‘общественный договор, соглашение; родоплеменной союз; сельская община’, ‘межэтнический союз и мир между народами’, ‘вселенная, белый свет’, так и в истинности предположения о заимствовании в праслав. цельного младо-авестийского теонима *Mihr* [Топоров 1969: 19; Иванов 2011: 15–16]; реконструкция такого первичного значения на основе достаточно поздних контекстов выглядит как анахронизм; а допущение заимствования, фонетической и семантической адаптации в праславянском пехлевийского язата Михр не выдерживает никакой критики [ЭССЯ 19: 57]; судя по совокупным славянским данным, это исконно праславянское слово продолжает совсем иной и.-е. архетип, имеет совершенно иную первоначальную семантику; первичное значение основ *мъръ*, *мирь* ‘доля, удел, участь, предназначение’; нет оснований считать *мирь* однокоренным *миль* [ЭССЯ 19: 47]; см. *Мир-о-*, *Мър-о-* и -*мъръ*; *Мил-о-*, *Мъл-о-* и -*миль*; -*мър*- ‘участь, удел, предопределение, судьба’¹⁵: скорее всего, перед нами не результат простой контаминации исконно праслав. *mirь и гот. *mērs* ‘великий, величественный’, ‘величие’ [Трубачев 1988: 6; ЭССЯ 15: 191–192]; тождественно атрибутивному компоненту *Мър-о-*, рефлекс и.-е. именной основы *(s)*moriā*,

аналогичный др.-греч. сущ. *μοῖρα*, см. выше; *-мысл-* ‘мысль; мыслитель’⁵; *-нед-* / *-нѣд-* ‘гудение, гулкое звучание’²: уникальная архаичная именная основа **неда* / **нѣдь* от не сохранившихся гл. **недати* и **нѣдѣти*, рефлексов и.-е. основы **ned-* ‘гудеть, звучать гулко, (течь) с гулом’, представленной в санскр. *nadī* [Roerich 1993: 81] и др.-инд. *nadā, nadi* [Monier-Williams 1964] ‘река’; ср. травск. родопский гидроним *Nestos* < **Ned-tos*, трансильванские гидронимы *Hornad, Tasnad* и др.-инд. гидронимы *Girinadī, Mahanadi*; *-нѣг-* ‘нега, нежность; нежный’²⁴; *-ног-* ‘нога; ноги’; *-над-* ‘падение; падающий’; *-пол-* ‘пола; полы’; *-нѣлк-* ‘ополчение, толпа вооруженных людей; полковник’²; *-рог-* ‘рог (духовой инструмент), рог (сосуд для питья в форме рога)’; *-слав-* ‘слава, народная молва; прославленный, славный (человек)’⁴⁰; *-сѣд-* ‘сиденье; сидящий’; *-стат-* ‘стать; статный’; *-стел-* ‘настланное; стол, престол’ (?); *-страд-* ‘страдание, страсть; страдающий’; *-тѣх-* ‘утеха, утешение; дарующий утешение’⁴; *-трав-* **(jъz)trava* ‘поминальный обряд’³; *-тур-* ‘тур, зубр’; *-хвал-* ‘хвала; хвалитель’³; *-хвост-* ‘хвост’; *-хот-* ‘хоть, хотение; тот, кто хочет’³; *-чьст-* ‘честь, почесть, почёт; тот, кто оказывает (по)честь’; *-чад-* ‘чадо’³; *-жс-* ‘ус; усы’.

Этот репертуар именных основ при сравнении с репертуаром аналогичных именных основ др.-русск. композитов старшей серии [Шапошников 2017] выявляет нечто новое в системе ценностей др.-русск. общества. Но наиболее частотные основы всё те же: *-бжд-*²³, *-вид-*¹³, *-вит-*⁷, *-волод-*⁷, *-год-*⁷, *-гост-*⁷⁴, *-жир-*⁹, *-люб-*¹³, *-мил-*¹¹, *-мир-*³⁸, *-мѣр-*¹⁵, *-нѣг-*²⁴, *-слав-*⁴⁰, о последней уже написано много [Железняк 2011: 74–76, 81–82]. Для иллюстрации доклада прилагается «Каталог древнерусских имен».

Список литературы

Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 816 с.

Железняк І.М. Слов’янська антропоніміка: вибрані статті. Київ: Кий, 2011. 288 с.

Иванов В.В. Границы митраизма в свете работ В.Н. Топорова // BALTAIIRSLAVAI: DVASINIŪKULTŪRŪSANKIRTOS Tarptautinės mokslo konferencijos akademikui Vladimirui TOPOROVUI atminti pranešimų tezės Vilnius, 2011 m. rugsėjo 14–16 d. LIETUVOS RESPUBLIKOS SEIMO KANCELIARIJA Vilnius, 2011: 15–16.

СДРЯ (XI–XIV вв.) – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р.И. Аванесов, И.С. Улукханов. М.: Рус. яз., 1988 – 2016 – продолж.

Трубачев О.Н. Праславянская ономастика в ЭССЯ, выпуски 1–13 // Этимология. 1985: Сб. статей / Ин-т рус. яз. АН СССР; отв. ред. О.Н. Трубачев. М.: Наука, 1988, С. 3–10.

Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2004.

Шапошников А.К. Исторические и диалектные ономастические свидетельства Новгородской земли как основа реконструкции древнерусского, восточнославянского и праславянского традиционного именника // Материалы Межвузовской научной конференции «Диалектный словарь как лингвистический ресурс (К 25-летию Новгородского областного словаря)». Ученые записки НовГУ. Новгород, 2017 (в печати).

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачёва, А.Ф. Журавлёва, Ж.Ж. Варбот. Вып. 1–40. М.: Наука, 1974–2016 – продолж.

Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots, 1–2. Paris, 1968.

Frisk HJ. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954.

Monier-Williams M.A. Sanskrit-English dictionary etymologically and philologically arranged with special reference to cognate Indo-European languages. New edition greatly enlarged and improved. Oxford, 1964.

Roerich Y.N. Tibetan – Russian – English Dictionary with Sanskrit parallels. Ed. by Y. Parfionovich, V. Dylykova. Issue 11. Index of Sanskrit words and expressions compiled by V. Dylykova. Russian Academy of sciences, Institute of Oriental studies. Moscow: Oriental Literature Publishers, 1993.

A. C. Shaposhnikov

**Old Russian composite names of a younger series
on Common Slavonic background: etymological aspect**

Some results of etymological analysis of Old Russian composite proper names on the Common Slavonic anthroponymic background are stated in this report. Some specific archaisms of the Late Common Slavonic dialectal periphery area, sometimes not fixed otherwise in Old Russian literature, are revealed. Author offers the most probable etymologies for a number of nominal bases (*žьl-*, *kor-*, *-neda / -něďь*, *-ěbь*, *otr-*), specifies initial semantics (*-bogь*, *vit-*, *ostr-*, *tereb-*, *-trav*, *xut-*, *ščir-* / *ščěr-*), radically reconsiders etymology of allomorphs *žir / žьr*, *mil / měl*, *mir / měr*.

Key words: a proper name, a composite, a component, a nominal basis, attributive function, etymology, semantics.

Т.В. Шмелева

(Великий Новгород, Россия)

Антропонимия как ресурс городского ономастикона

Изучение городского ономастикона ставит вопрос о его языковых ресурсах, одним из которых оказывается антропонимия, в том числе разные по

своей природе имена людей – реальные, культурные и искусственные. Становясь урбанонимами, они вносят в городской ономастикон прецедентную информацию и оказываются сигналами языковых вкусов эпохи.

Ключевые слова: городской ономастикон, урбаноним, имена, отчества, фамилии, говорящие имена

Поразивший пространство русского города в 90-е годы онимический взрыв [Шмелева 1991] выдвинул на первый план вопрос о ресурсах городского ономастикона [Шмелева 2014]. Одним из таких ресурсов стала антропонимия, «поставляющая» в городскую среду **реальные** имена из именника современного социума; **культурные**, взятые из литературы, кино и других сфер искусства; и **искусственные**, создаваемые специально для номинации городских объектов. Образованные так урбанонимы приводятся далее, как правило, без указания города, так как они представлены повсюду, и при решении вопроса о ресурсах ономастикона не важен конкретный город.

Из **реальных** русских антропонимов в городском ономастиконе присутствуют главным образом имена и отчества: магазин запчастей У МИШИ, магазин ПИВНОЙ ОТ МАКСА, фирма стройматериалов ПЕТРОВИЧ, отель НАТАЛИ, кондитерские У ПАЛЫЧА. Можно отметить склонность определенных типов городских заведений к использованию реальных имен. Так, парикмахерские и салоны красоты любят женские имена, символизирующие красоту: МАРИЯ, КРИСТИНА, МЕРЛИН... А детские магазины любят домашние имена малышей типа АНТОШКА, ТАНЕЧКА+ВАНЕЧКА; АНЕЧКА И ВАНЕЧКА. Довольно редко (в отличие от дореволюционной практики) в название заведения включается фамилия владельца – ПИВОВАРНЯ ЛОБАНОВА.

Культурные имена берутся из истории, литературы, музыки, кинематографа. Исторические имена обычно связаны с местом: в Великом Новгороде хостел ЯРОСЛАВ, кафе ЯРОСЛАВНА; в Красноярске – гостиница, кафе, магазин кнцтоваров ЕРМАК. На вывесках многих городов встречается культурное имя САДКО (из былины или оперы Н.А. Римского-Корсакова); в Великом Новгороде его носят гостиница, турфирма, магазин инструментов, в Саратове – торговый центр. Литературные имена можно увидеть на вывесках разных магазинов и кафе: ПРОМЕТЕЙ, ЗОЛУШКА, БАРМАЛЕЙ, КАРАБАС-БАРАБАС, РОБИН ГУД, МОЙДОДЫР; ДОКТОР АЙБОЛИТ, СТАРИК ХОТТАБЫЧ, СЫТЫЙ ГОРЫНЫЧ, БРАТЯ ГРИММ. К современной смеховой культуре, поддерживаемой в

интернете, отсылает название сети ресторанов в Екатеринбурге, Тюмени, Перми ЭТО БУРГЕР, КАРЛ! Все эти имена обладают прецедентностью и связывают городскую среду с культурой.

Несомненно, наибольший лингвистический интерес представляют **искусственные** (вымышленные) антропонимы, среди которых преобладают фамилии. Образуюсь от существительных, обозначающих предметы, которыми торгуют или которые производят именуемые институции, такие фамилии оказываются по существу наименованием товара: кафе БЛИНОВ, БУЛКИНЪ, КОЛОБКОВ, ПИРОГОВ, БОРЩЕВ; ресторан КОЛБАСОВ; фирма натяжных потолков ПОТОЛКОВ, салон меха и кожи МЕНОВ, хостел ПОДУШКИН; торгово-производственная фирма MYASODELOV, стоматологические клиники БЕЛОЗУБОВ и ZUBOV.

Показательны в этом отношении названия новых для нас магазинов разливного пива, среди которых масса искусственных фамилий: НАПИТКОВ, ПИВОВ, ПИВОВ, ПИВКОВ, ПИВКОВ, ПИВНЯКОВЪ, ПИВОВАРОВ, ПИВОЛЮБОВ, ПИВОМАНОВЪ, ПивГРАДОВ, ХМЕЛЁВ, ХМЕЛЬНОВЪ, ХМЕЛЬНОВ, ХМЕЛЬНИЦКИЙ, СОЛОДОВЪ, LITROV. Все эти фамилии построены по русским моделям, но встречаются и образования с другими фамильными формантами – МЕБЕЛЬМАН, ВЕЕРМАН.

Реже, но встречаются и искусственные отчества, например, КНОПЫЧ – магазин в Москве; АЛЛА ДИВАНОВНА – в Великом Новгороде. В некоторых урбанонимах можно видеть искусственные имена: ЙОХАН ПИВОХАН и PAN RAZLEVAN (все те же названия магазинов разливного пива).

Искусственные фамилии в составе урбанонима могут сочетаться с этикетными словами ДОН ПИВЧАВСКИЙ, DR. VEERMAN, МИСТЕР БИР, MR. CRABS, ДОКТОР СТОЛЕТОВ, МАДАМ ШТОРКИНА. Используются они и в сочинительной конструкции, например, столовая БОРЩЕВ & ЛОЖКИН.

Приведенные квазиантропонимы прямо указывают на то, за чем можно обратиться в называемые ими заведения. Очевидно их сходство с «говорящими» фамилиями в литературе. Для эффекта говорящей фамилии не всегда необходимо образовать новую фамилию, иногда достаточно графических преобразований вполне реальной: так получено название кофейни ЧАЙКОВСКИЙ: введение двух букв латиницы вводит границу, заставляющую

вычитывать в известной фамилии обозначения чая и кофе. Такая информативность урбанонима может быть не столь конкретной; так, название ресторана русской кухни МАРИ VANNA построено на метонимической связи типично русского имени-отчества и русской кухни. А название магазина лепнины МЕЛ ГИПСОН – на паронимической аттракции слов *мел* и *гипс* с именем знаменитого американского актера Мэла Гибсона.

Очевидно также, и то, что все эти антропонимы – результат креативного подхода имядателей, преодолевающих барьеры – межъязыковые за счет широкого использования латиницы и «фамильного» суффикса *-off* в европейском написании, и временные – за счет использования дореформенной орфографии, в частности – *Ъ*.

Итак, даже приведенные антропонимы и квазиантропонимы из современного городского ономастикона убеждают в том, что антропонимия составляет его значительный ресурс. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что в них проявляются тенденции к информативности и креативности [Тортунова 2012]; [Ремчукова 2015]. А это и есть сигналы о языковом вкусе эпохи с ее прагматизмом и свободой в обращении с языком.

Современная городская среда не исключает присутствия человека, как это было в советском городе. Напротив, она допускает в семантике урбанонимов и обобщенный образ современника, названного по имени (*Макс, Мария, Кристина*), и персонажи своей и иных культур (*Садко, Старик Хоттабыч*), и, наконец, вымышленные персонажи, которые не только информируют о том, ради чего существует городское заведение, но и «заточены» на актуализацию культурных и языковых представлений горожанина и даже на его улыбку.

Список литературы

Ремчукова Е.Н. Актуальные направления современной русистики: сфера городской номинации как объект лингвистики креатива // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. 2015. С. 253–258.

Тортунова И.А. Эргоним как результат речетворчества // Научный диалог. № 3. 2012.

Шмелева Т.В. Онимический взрыв // Всемир. Красноярск, 1991. № 2. С. 28–34.

Шмелева Т.В. Ономастикон российского города. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 137 с.

Anthroponyms as a resource of urban onomasticon

The study of urban onomasticon raises the question of its linguistic resources, one of which is anthroponymy, including different kinds of names of people – real, cultured and artificial. Becoming urbanonyms, they contribute to the city onomasticon of culture information and are signals on the linguistic tastes of the era.

Key words: urban onomasticon, urbanonyme, names, patronymics, surnames, descriptive names.

Юй Исин

(Москва, Россия)

Парадигма личного имени в структурном и функциональном аспектах

Личное имя, выполняющее идентифицирующую и эмоционально-экспрессивную функции, варьируется в зависимости от ряда объективных и субъективных факторов. Из многочисленных вариантов личного имени можно создать парадигму, которая позволяет рассмотреть её составляющие части как со структурной, так и функциональной точки зрения.

Ключевые слова: личное имя, вариативность, парадигма, идентификация, эмоционально-экспрессивная функция, социальное поле, коммуникативная ситуация

Личное имя как разновидность имени собственного является предметом давнего интереса ономастики и лингвистики в целом, поскольку «имя собственное не обладает необходимой для языкового знака двусторонностью – единством означаемого и означающего, присущей именам нарицательным, а чтобы имя понять, необходимо определить его ономастическое поле» [Болотов 1972: 333–334]. Из ряда категорий имен собственных можно выделить социальное поле, которое обязательно для личных имен, что «определяется единством времени, профессии, местожительства денотатов и сообщает именам определенную эмоциональную окрашенность, стилистическую отнесенность и идеологическую насыщенность» [Там же: 334].

Для личного имени характерна, прежде всего, идентифицирующая функция, которая состоит в выделении из поля восприятия и знания того объекта, о котором идет речь. В отличие от имени нарицательного, выполняющего свою номинативную функцию на базе сигнификативной, обобщающей, личное имя сугубо номинативно, а его референтом является индивидуальная и

неповторимая личность. Даже если одно и то же личное имя закреплено за несколькими объектами, в речи оно однозначно, поскольку отсылает к определенному референту (индивидуумы, объединенные личным именем, имеют в русском языке свои названия – *тезка, однофамилец*).

В коммуникативном акте личное имя используется в функции обращения, т. е. в качестве идентификатора лица-адресата (или предмета) наряду с местоимениями. Важно отметить, что личное имя может совмещать две функции обращения – апеллятивную («звательную») и эмоционально-экспрессивную (разновидность «фатической»). Варианты личных имен регулярно выполняют прагматическую функцию и используются как средства выражения эмоционально-оценочного отношения говорящего к объекту именованного. Личное имя «называет, адресует, подзывает, дает добавочную характеристику» [Суперанская 1972: 353]. В обыденной речи обращение по имени-отчеству или по фамилии может указывать на дистанцированное отношение говорящего к адресату. На отсутствие дистанции в отношениях между говорящим и адресатом указывает употребление уменьшительно-ласкательных или увеличительных, а также фамильярных форм личных имен. При этом, как отмечает А.В. Суперанская, «в различных местностях и в различные исторические периоды использовались разные словообразовательные средства для образования имен, выражающих аналогичные отношения», в чём заключается «избирательное отношение к средствам, предоставляемым языком» [Суперанская 1972: 355].

Историческая и территориальная «избирательность» словообразовательных средств характерна не только для антропонимов, именующих отдельную личность, но и для антропонимов, именующих жителей города, образованных от топонимов. Так, например, жители древнего подмосковного города Серпухов в рукописях именовались как *серпуховчане*, в советский период – как *серпуховичи*, а теперь возникло *серпуховцы* (Русский мир. Апрель 2017. С. 68–71). Отношение жителей города к их социальному антропониму-топониму является текстопорождающим фактором: *С некоторых пор серпуховичи очень трепетно относятся к собственному наименованию. Начало этой истории положил новый глава Серпухова – подольчанин Жариков, когда перед губернатором области обозвал жителей «серпуховчанами»*

(URL:<http://serpcity.ru/index.php/news/278-da-chto-zh-nas-vse-serpukhovchanami-nazyvayut> – дата обращения 12.04.2017). Между тем именно это «обидное» для жителей города именование оказывается наиболее ранним.

Во многих случаях для именованного одного и того же лица применяются два или несколько языковых средств, которые выступают как варианты личного имени, что создает возможность выбора личного имени с учётом характера коммуникативной ситуации. Варьирование определяется не только характером социального поля (семьи, учреждения и т. д.), с которым связана официальность / неофициальность ситуации, но и взаимоотношениями типа «высший – равный – низший», «старший – равный – младший», обусловленными как статусом лица-адресата и лица-субъекта в определённом социальном поле, так и их возрастом (иногда эти два параметра связаны), а также предметом разговора, целью обращения, семейными и местными традициями, симпатией и антипатией, вкусом и даже настроением субъекта речи.

Н.А. Петровский предлагает разделить русские личные имена на пять классов: документальное имя – имя по паспорту (*Василий*); разговорная форма имени, образовавшаяся в сфере разговорной речи (*Катерина* от *Екатерина* при сравнительно небольшой фонетической модификации апеллятива); просторечная форма имени, возникшая в просторечии (*Василей* от *Василий*); народная форма имени – производная форма от документального имени, образовавшаяся в сфере живой народной разговорной речи (*Аксинья* от *Ксения* – звуковые изменения по сравнению с исходной формой могут быть довольно значительными); старая форма имени – старая каноническая форма, первоначальная по отношению к современной документальной форме того же имени (*Иоанн* – *Иван*) [Петровский 1966: 15–16].

В коммуникативном пространстве русской культуры для обозначения лица широко представлены личные имена в их общепринятых вариантах: имя, имя-отчество, отчество, фамилия в их сочетаниях, а также уменьшительно-ласкательные разновидности официального (паспортного) имени человека. Вариативность личных имен в функции собственно обращения (апеллятивной) позволяет представить их как лексико-семантическую парадигму, т.е. как класс позиционно (конситуативно) распределенных единиц, объединенных

вокруг «единого центра» (подробнее о парадигме в [Чернейко 2002, 2003, 2017: 19–20]) – в данном случае официального имени лица.

К исследованию и моделированию коммуникативных стратегий А.П. Чехова А.Д. Степанов применяет понятие «парадигма»: «Парадигматический аспект коммуникативных стратегий автора проявляется в общей семантике высказываний определенного речевого жанра» [Степанов 2005: 56]. Проведем анализ характеристик функционирования различных вариантов наименований лиц на примере личных имен двух героев в диалогах персонажей из пьесы А.П. Чехова «Три сестры»: *Андрей Сергеевич Прозоров, Ольга Сергеевна Прозорова*. Согласно данным «Словаря русских личных имен» имя *Андрей* имеет такие производные формы, как *Андрейка, Андря, Андрюха, Андрюша, Андрюня*. А производные формы имени *Ольга* – *Ольгуня, Ольгуся, Ольгуша, Оля, Олюля, Люля, Олюня, Люня, Олюха, Олюша, Оляша, Оляня, Олёна, Лёля, Ляля* и т.д. От мужского имени *Сергей* могут сформироваться отчества *Сергеевич, Сергеевна*, и разговорная форма отчества *Сергеич*. При назывании лица говорящий имеет возможность создавать из исходной формы имени его новые уменьшительно-ласкательные варианты при помощи эмоционально-оценочных суффиксов на основе имеющихся словообразовательных моделей.

Социальное поле в пьесе «Три сестры» может быть разделено на два типа: «внутри семьи» (А) и «вне семьи» (Б). Личные имена первого типа (А): *Андрей – Андрюша, Андрюшка, Андрюшанчик; Ольга – Оля, Олюшка, Олечка*. Контексты: «Ты, *Андрюша*, что делаешь?»; «*Андрюшка* влюблен!»; «*Андрюшанчик*, отчего ты молчишь?»; «*Андрей*, поди сюда!»; «Ах, милая моя *Ольга*, милая моя»; «Помнишь, *Оля*, у нас говорили: "влюбленный майор"»; «Ферапонта позвала бы, *Олюшка*, а то не донесу...»; «Тебя выберут, *Олечка*». Личные имена второго типа (Б): *Прозоров, Андрей Сергеевич (Андрей Сергеич), Андрюша; Ольга Сергеевна*. Контексты: «*Прозоров*» (самопредставление Андрея при знакомстве с Вершининым); «Я, *Андрей Сергеевич*, уже говорил раз десять»; «С Софочкой посидит Протопопов, Михаил Иваныч, а Бобика пусть покатает *Андрей Сергеич*»; «*Андрюша*, давайте выпьем на "ты"»; «Сейчас уходим, *Ольга Сергеевна*».

Надо отметить, что в обоих типах социального поля («внутри семьи» и «вне семьи») варианты личного имени выбираются говорящим с учетом специфики взаимоотношений между

коммуникантами и их отношением к «третьему лицу» – тому, о ком идет речь. При этом выделяются два безусловных параметра – это «поколение и / или статус внутри семьи» и «статус и / или возраст вне семьи». Официальная форма «имя-отчество» (*Андрей Сергеевич, Ольга Сергеевна*) связывается в первую очередь с официальностью коммуникативной обстановки («вне семьи»), определяющей значительную социальную дистанцию коммуникантов по причине их разного социального статуса либо возраста. Кроме того, эта форма применяется как знак особо уважительного отношения говорящего к объекту именованию и в неофициальной ситуации общения, а также в случаях, когда люди мало знакомы друг с другом.

Эмоционально окрашенные варианты официального имени (*Андрюша, Олюшка* и т.д.) могут использоваться и в неофициальной ситуации общения как знаки «короткой» социальной дистанции, а также для выражения умиления, симпатии, любви, но только между близкими, друзьями. В противном случае их употребление приобретает оттенок панибратства, на которое у говорящего нет социального права. Ответственность за выбор эмоционально окрашенных обращений полностью лежит на субъекте речи и не исключает нелिцеприятной ответной реплики адресата. Полные личные имена *Андрей* и *Ольга* в неофициальной ситуации общения считаются наиболее нейтральными. Фамилия (*Прозоров*) является средством официального представления при знакомстве.

Проанализированный материал позволяет сделать следующее обобщение: формы личных имен варьируются в зависимости от ряда объективных факторов, таких, как характер ситуации, тема разговора, возраст, профессия, а также сложившаяся в определенной социальной среде традиция. Выбор конкретной формы обращения в конкретной коммуникативной ситуации зависит и от субъективных моментов, таких, как эмоционально-оценочное отношение субъекта речи к лицу-адресату, а также его воспитание, вкус, симпатия и настроение. Из всех вариантов личных имен складывается парадигма, которая позволяет рассмотреть её составляющие части как со структурной (официальное полное имя, официальное неполное, неофициальные формы и морфемы, их создающие), так и функциональной точки зрения, т.е. в аспекте позиционного распределения по типам коммуникативных ситуаций с учетом «принципа вежливости».

Список литературы

Болотов В.И. К вопросу о значении имен собственных // Восточнославянская ономастика / отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1972. С. 333–345.

Гусева С.С. Номинативная парадигма единиц, обозначающих лица, и ее функционирование в тексте (на примере текстов А.П. Чехова): дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 174 с.

Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М.: Советская Энциклопедия, 1966. 384 с.

Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.

Суперанская А.В. Ономастические универсалии // Восточнославянская ономастика / отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1972. С. 346–356.

Чернейко Л.О. Смысловая структура художественного текста и принципы ее моделирования // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. Сборник в честь Г.А. Золотовой. М.: УРСС, 2002. С. 449–460.

Чернейко Л.О. Перцептивные парадигмы художественного текста // Пушкинские чтения–2002: материалы конференции. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2003. С. 15–28.

Чернейко Л.О. Как рождается смысл. Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования: пособие по спецкурсу для студентов. М.: Гнозис, 2017. 208 с.

Yu Yixing

The paradigm of personal names in structural and functional aspects

The personal name that performs the identifying and emotional-expressive functions varies depending on a number of objective and subjective factors. It is possible to create a paradigm from numerous variants of a personal name that allows us to consider its constituent parts in both the structural and functional aspects.

Key words: the personal name, variability, paradigm, identification, emotional-expressive function, social field, communicative situation.

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ И АПЕЛЛЯТИВНО-ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ

Е.Н. Геккина
(Санкт-Петербург, Россия)

«Тут все очень спорно»,

или Топонимы петербургского метро в оценках горожан

В статье дается обзор суждений рядовых носителей языка о названиях станций Санкт-Петербургского метрополитена. Материал собран из интернет-источников и разграничен с учетом лингвистической и психолингвистической (перцептивной) ориентированности высказываний.

Ключевые слова: метаязыковые высказывания, народная лингвистика, топонимия, названия станций метрополитена.

Топонимическая «карта» Петербургского метрополитена в его современном состоянии и в перспективе ближайших лет – это перечень названий 67 существующих и 13 строящихся станций, объединённых восемью *линиями* с собственными наименованиями. Наименования *линий*, или *веток*, имеют исторически исходную словесную форму, а также «номерное» и «цветовое» обозначения, которые стали использоваться сравнительно недавно; например: *Кировско-Выборгская линия* и *первая линия, красная ветка*. Планируется дальнейшее строительство, и принимаемые городской администрацией программы развития метрополитена сообщают наименования новых линий и станций¹.

Среди «транспортных» номинаций Санкт-Петербурга названия станций и линий метрополитена, или *метротопонимы*, занимают важное место. Они чаще всего доминируют в пассажирских

---

¹ См. документы: Постановление правительства Санкт-Петербурга от 28 июня 2011 года «Об отраслевой схеме развития метрополитена в Санкт-Петербурге на 2011–2015 годы с перспективой до 2025 года» (в редакции постановлений от 12 мая 2012 и 16 октября 2013 года); «Концепция развития транспортной системы до 2038 года с перспективой до 2048 года» Комитета по развитию транспортной инфраструктуры (опубликована 22 марта 2017 года; в последующем планируется общественное обсуждение Концепции и поступивших от горожан предложений). Перспективам развития наземного и подземного общественного транспорта посвящены специальные мероприятия, в частности, конференция «Транспортная инфраструктура Санкт-Петербурга и Ленинградской области».

маршрутах, определяя общее направление и конкретные пункты передвижения жителей и гостей Северной столицы. Именно *метротопонимы* задают ориентиры в масштабах всего мегаполиса, тогда как номера маршрутов и названия остановок наземного транспорта выполняют преимущественно частные локальные задачи. Именам петербургского метрополитена принадлежит и значимая роль в организации топонимического пространства города.

При этом названия станций метро представляют собой особую группу в системе номинаций транспортной инфраструктуры, поскольку обладают рядом отличительных лексико-семантических и грамматических признаков. Едва ли есть какое-либо преувеличение в утверждении, что корпус названий станций метрополитена – это отдельная «глава» в городском топонимическом «тексте».

Метротопонимы и их особенности заслуживают того, чтобы быть предметом лингвистического описания. Но такое описание не может быть полным без метаязыковых сведений, отражающих отношение к наименованиям обычных говорящих, или так называемых наивных носителей языка. Речь идёт о суждениях и оценках пассажиров, не искушенных в науке и не занимающихся топонимической деятельностью, но являющихся активными пользователями информационного контента транспортной отрасли. Наименования станций, хотя составляют небольшую часть информационного контента сферы общественного транспорта, – отнюдь не периферийная лексическая зона языка и речи горожанина.

С одной стороны, эти мнения зависят от уровня и объёма знаний о языке, формируются под влиянием речевого опыта и личных предпочтений говорящих, то есть в значительной степени субъективны, интуитивны. В них обнаруживают себя особенности «индивидуальной речевой системы» (в терминологии Л.В. Щербы [Щерба 1974: 24–39]), которая неполно воплощает систему языка и неполно являет себя в метаязыковом дискурсе. По словам Б.С. Шварцкопфа, «высказываемые говорящим оценки верно, хотя далеко не полно выражают его языковое чутье, точнее – отдельные черты языкового чутья» [Шварцкопф 1970: 280].

Но, с другой стороны, в персональном восприятии получают выражение функциональные достоинства и недостатки имён собственных, соответственно, проверяется их приспособленность, пригодность к выполнению номинативного предназначения, тем более специализированного с точки зрения социальных требований и

материально-технических условий. Перцептивные оценки говорящих эксплицируют сугубо прикладные, утилитарные свойства онимов. Эти свойства также могут быть интерпретированы в свете эстетических критериев.

Именно поэтому «народное языкознание» (или в иной терминологии: *folk linguistics*, «народная лингвистика») необходимо рассматривать как феномен, соединяющий различные по природе и типу представления носителей языка. В одном случае это системно ориентированные представления о языке и его единицах, в другом случае это прагматические оценки, мотивированные перцептивными характеристиками языковых средств. Суждения о языке и языковых фактах в их системной специфике и речевых воплощениях определяют тематику лингвистического разговора; суждения, представляющие собой результат осмысления прикладных качеств номинаций разных типов, проясняют характеристики онимов в аспекте психолингвистики.

Если проявления «индивидуальной речевой системы» объяснимо обращают на себя избирательное внимание исследователей, то перцептивные оценки игнорировать нельзя, поскольку они служат индикаторами функциональной состоятельности имён.

Метаязыковые сведения о том, как жители и гости Северной столицы воспринимают и оценивают метротопонимы, могут быть получены из разных источников. Наш материал собран путём обследования топиков интернет-форумов на портале SubwayTalks.ru, который позиционируется как площадка, объединяющая любителей метро Санкт-Петербурга (год создания портала – 2005; количество зарегистрированных пользователей в апреле 2016 года, на момент формирования выборки, – 6817 человек). Выборка объединяет метаязыковые высказывания 140 участников дискуссий – авторов как многочисленных, так и единичных записей.

Количество авторов комментариев, привлеченных к анализу, является сравнительно невелико, и на этом основании можно сделать вывод, что тематика форумов, связанная с названиями станций метро, интересна отнюдь не многим посетителям портала SubwayTalks.ru (безусловно, такого рода статистические данные, в их числе количество просмотров записей в топиках, нуждаются в более точном измерении).

При этом не все интересующиеся темой считают целесообразным её обсуждать. В качестве объяснения позиции её сторонники выдвигают несколько тезисов. Общий тезис

иллюстрируют высказывания *тут всё очень спорно* (здесь и далее цитаты выделены курсивом, в квадратных скобках приведены контекстные пояснения), *скользкий вопрос*; тема в лучшем случае *тупиковая*, а в худшем – *провоцирует конфликты*. Конкретные аргументы связаны с тем, кто должен заниматься вопросом, а кому этого делать не следует. Выбирать и обсуждать наименования должны те, кто в этом деле компетентен: а) *проектные институты, которые проектируют станции*, б) *специалисты-лингвисты, с привлечением общественности*. Вряд ли приносят пользу рассуждения неспециалистов: они часто говорят *все о разном и ничего умного*, об одном и том же *по двадцатому кругу*, исходя из *личностного восприятия и собственного чувства прекрасного*.

Однако есть авторы, считающие, что возможность обсуждения метротопонимов обычными пассажирами не подлежит сомнению: *здесь мы (профессионалы и пассажиры) на равных, имеем право высказывать свое мнение*, тем более, *если есть обоснованные материалы для размышления*. Далее рассматриваются комментарии именно этой группы участников дискуссий.

Высказанные мнения могут сводиться к общим оценочным противопоставлениям: 1) *отличное, замечательное, хорошее, красивое, прекрасное, яркое, выразительное, оригинальное*; 2) *плохое, некрасивое, безликое, тривиальное, абсолютно никакое, нелепое, дурацкое, убожище, не ахти, сомнительное*. Наиболее определена антитеза *одни топонимы удачны и любимы, а другие – нет*: именно она высвечивает стержневую оппозицию метаязыкового обсуждения.

Какими качествами обладают *удачные* названия? Суждения, воспроизводящие перцептивно мотивированные характеристики, опираются на фонетические особенности топонимов: название может оцениваться как *благозвучное, более звучное* [по сравнению с альтернативным названием той же станции], *краткое, не слишком длинное, удобное в произношении*. Если принимать во внимание словообразовательные и семантические признаки лексемы, то это *понятное* название. Если иметь в виду свойства памяти человека, то это *запоминающееся, узнаваемое* название. Если учитывать информативную задачу названий, то *удачное* название станции *информативное, однозначно сообщает о местонахождении, [помогает] в ориентировании на местности, не дезинформирует, не вызывает путаницу*. К удачному названию люди быстро привыкают.

Напротив, неудачное название может оцениваться как *длинное, громоздкое; неудобное [в произношении]; непонятное; неудобное в речевом употреблении; абсолютно ничего не говорит о местонахождении*. Такие названия дезориентируют, вносят путаницу, добавляют неразберихи.

Обоснованные материалы для размышления, содержащиеся в метаязыковых высказываниях, можно разделить с учётом таких параметров, как содержательный план языковой единицы, её мотивированность, системно-структурные свойства и функциональные качества.

Удачные названия станций метро могут обладать следующими семантическими характеристиками: обозначают только один микрорайон, совпадающий с зоной действия станции, и только одну станцию метро, обслуживающую один микрорайон (*не обозначает ничего другого, кроме названия микрорайона и станции метро*); например, «Автово», «Обухово», «Рыбацкое», «Волковская».

Они мотивированы наземными объектами (*согласуется с реалиями окружающего мира*, может быть привязано к наземному объекту, к ориентире на поверхности; лучшие среди объектов – вокзалы, железнодорожные станции и площади) или названиями других объектов, при этом с учетом *изменения обстоятельств* в будущем. Если прибегать к общим характеристикам, то у них *есть четкая связь с картой*. Среди подобных *точных, логичных, подходящих* названий – «Удельная», «Московские Ворота», «Гостиный Двор», «Электросила».

Удачное название *связано с городской топонимикой, с топонимикой окружающего пространства*, но при этом оно *уникальное, больше в городе нет ни одного объекта с таким же или похожим названием*; ко всему – отражает метроспецифику, представляет топонимику петербургского метро и имеет *положительное топонимическое воздействие на местность* [на локальный район и город в целом]. Среди положительных свойств упоминается и то, что в названии *нет никакой идеологии*.

Правильное название *соответствует языковым нормам*, используется в *повседневной речи*, то есть легко, хорошо встраивается в высказывания, сообщающие о чьём-либо местонахождении, направлении или пунктах следования. От него могут быть образованы приемлемые «народные» (жаргонные) названия (ср. «Техноложка»).

Неудачные метротопонимы обладают такими лексическими характеристиками, как совпадение с названием большого микрорайона или протяженной магистрали. Например, даны *по большому району*, где могут быть расположены несколько станций, названия «Петроградская», «Василеостровская», «Выборгская», «Купчино». Когда название дано *по длинной магистрали*, то конкретность размывается; ср.: «Невский проспект», «Московский проспект», «Гражданский проспект», «Проспект Большевиков», «Проспект Просвещения», «Комендантский проспект», «Обводный канал».

Неудачным считается название, если оно *не соответствует реальности, не привязано к наземной топонимике*, следовательно, *не несет конкретики*. Негативно-критически оценивается название, если оно *неисторическое* (не «Щемиловка», а «Ломоносовская»; не «Тучков мост», а «Спортивная»), *идеологическое, ярко политически окрашенное* («Пролетарская»), *прославляет некое лицо* («Площадь Ленина», «Улица Дыбенко»), *малопонятное* («Международная»), *необоснованное* («Академическая», «Пионерская», «Приморская», «Пролетарская»); *неактуальное* (утрачена мотивирующая связь), *злободневное* (может потерять актуальность в будущем); дано *по сторонам света* (название «Южная» может носить любая станция на юге города).

Негативную оценку получают похожие названия («Московские Ворота» и «Московская», «Большой проспект» и «Проспект Большевиков», «Балтийский завод» и «Балтийская»); названия, совпадающие с названиями других объектов, расположенных в разных районах города, часто на большом расстоянии друг от друга (станция «Приморская» и Приморский проспект, «Ломоносовская» и улица Ломоносова); названия, повторяющиеся многократно, в том числе в других городах (название «Пионерская» носят улица и площадь, есть Пионерский парк, объекты расположены в разных районах города).

Названия, начинающиеся *со слов «проспект» и «площадь»*, характеризуются как *принижающие значение станций до уровня трамвайных остановок*.

Наблюдения обычных пассажиров свидетельствуют о том, что их внимание может быть обращено и к таким сторонам функционального потенциала топонимов, как их использование в речи. С грамматической точки зрения предпочтительны названия, представляющие собой прилагательные в форме женского рода, и менее всего приспособлены к номинации существительные в родительном падеже (ср. планировались: станция Красных комиссаров, имени Ленсовета).

Признаком неудачных названий является то, что они *не используются в повседневной речи*. Деривационный потенциал, проявляющий себя в том, что создаются стилистически сниженные, грубые «народные» названия, получающие распространение, также считается отрицательным свойством метротопонимов.

Таким образом, в метаязыковых высказываниях вырисовывается своеобразный коллективный «портрет» топонимов петербургского метрополитена. Это не только многоплановый по структуре, но и детализированный «портрет» наименований, в котором, как представляется, отсутствуют неясно очерченные места. Собранные в единую опись суждения и оценки способны служить ответом на вопрос, почему участники интернет-дискуссий считают названия станций метрополитена *актуальной*, но одновременно *архисложной и крайне деликатной темой*. Столь же сложным, к тому же сопряженным со значительными материальными затратами, является и вопрос о возможном переименовании станций.

Обсуждение горожанами *спорной* темы, со всеми его ракурсами и высказываемыми точками зрения, имеет бесспорную ценность для лингвистов. Его можно рассматривать традиционно – как «внутренний» полигон для наблюдений и проверки исследовательских предположений. Но не менее важно и то, что у метаязыковой информации есть обширное поле полезного «внешнего» применения – при выборе новых наименований станций и линий метрополитена и в практике присвоения названий другим объектам городской среды.

Список литературы

Шварцкопф Б.С. Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С. 277–304.

Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24–39.

E. N. Gekkina

“Everything is very controversial here” or the toponyms of the St. Petersburg metro in the evaluations of citizens

The article provides an overview of metalinguistic judgments of ordinary native speakers about the specifics of the names of subway stations in Saint Petersburg. The material is collected from Internet sources and delineated taking into account metalinguistically and psycho-linguistic (perceptual) focus statements.

Key words: metalinguistic sentences, folk linguistics, toponymy, names of metro stations.

Номинативные универсалии в сфере рекламных имен: под знаком «Ориона»

Астроним *Орион* легко подвергается трансонимизации и дает целый ряд производных рекламных имен различных разрядов. В силу специфики денотата и непрозрачности внутренней формы исходного онима рекламный *Орион* практически не имеет ограничений по применимости к тому или иному виду номинируемых объектов и, таким образом, может маркировать все стороны жизни современного человека, преломленные через призму коммерческих отношений. Данный пример показывает пути формирования в ономастике системы потенциальных имен с универсальным значением «коммерческое имя вообще».

Ключевые слова: рекламное имя, астроним, эргоним, прагматоним, трансонимизация, потенциальное имя собственное.

1. Теоретические замечания

Под заявленными в заголовке универсалиями мы понимаем следующее. Во-первых, развитие экономических отношений приводит к тому, что они пронизывают, пропитывают или даже замещают все другие виды общественных связей и «скреп» (в рамках данной статьи это положение постулируется). Во-вторых, даже самые традиционные варианты экономических отношений в последние десятилетия «оформляются» с помощью онома, которые с легкой руки И.В. Крюковой получили в отечественной ономастике термин «рекламные имена» [Крюкова 2004]. Для нашей страны это может быть связано с изменением общественного строя, которое привело к лавинообразному увеличению количества рекламных имен², своеобразному «номинативному взрыву», но в более растянутом во времени виде это процесс характерен для всей глобализованной культуры современности. Более того, собственные имена в коммерческой сфере распространяются и на целый ряд невещественных денотатов. П. Томасик справедливо отмечает, что «в начале XXI века стало модно некоторые услуги называть продуктами» [Tomasik 2012: 54] и, добавим от себя, обозначать эти

---

² См. характерное замечание: «если в 1987-1989 гг. в 10 крупнейших городах Российской Федерации, то есть практически во всей стране, использовалось около 500 названий различных магазинов, то в настоящее время их количество только в Самаре составляет несколько тысяч и продолжает интенсивно увеличиваться» [Романова 2009: 174]

продукты собственными именами. Кратко отметим, что понятие *res incorporalis* («бестелесная вещь») было разработано еще римским частным правом, именно потому, что в экономическом и юридическом смысле определенное правовое отношение может быть, наряду с «телесной» вещью предметом купли-продажи, дарения, наследования и и т.п. Новация рубежа XX-XXI веков заключается именно в том, что такая «бестелесная вещь» осмысливается как денотат, достойный обозначения собственным именем. И в-третьих, для развития и совершенствования этой области ономастикона, не имеющей, подобно ядерным онимическим разрядам, стандартных, проверенных веками номинативных решений, большую роль играет трансонимизация. Несмотря на широкое употребление последнего термина (поиск в системе E-library дает 144 статьи на 15 июля 2017 г.), серьезного теоретического осмысления соответствующее понятие в ономастике не получило, в силу кажущейся его самоочевидности, хотя уже было высказано замечание о том, что трансонимизацию следует рассматривать как языковую универсалию [Яковенко, 2009]³.

В настоящей публикации мы хотим развить высказанную И.В. Крюковой идею, характерную для волгоградской Ономастической школы, о том, что трансонимизация «почти всегда следует по направлению от ядра к периферии» [устное замечание]. Ниже мы рассмотрим один пример трансонимизации по линии *астроним – рекламное имя*. Речь идет о названии созвездия *Орион*⁴, то есть об имени, которое в силу возвышенности денотата и непрозрачности внутренней формы может употребляться для номинирования любого объекта коммерческого характера, из тех что окружают человека от самого рождения, причем касаются любого вида его отношения к миру.

2. «Орион» коммерческий

Для доказательства «всеохватности» указанной трансонимизации мы воспользовались, с минимальными

---

³ Трансонимизация обычно рассматривается в ряду способов словообразования, актуальных для имен вообще [Подольская, 1990] и рекламных в частности [Романова, 2007]

⁴ Интересно отметить, что мотивирующая значимость этого созвездия возрастает при переходе от традиционной культуры, при которой «полностью Орион русскими фактически не воспринимается» [Рут, 2010, 14], к современной глобализованной, где Орион «царит» не только в русском но и мировом масштабе, см. например список англоязычных эргонимов Orion в в [https://en.wikipedia.org/wiki/Orion].

упрощениями, идеографической схемой, предложенной Н.Ю. Шведовой [Русский идеографический словарь 2011]⁵ и поиском в сети Интернет для каждого раздела этого словаря некоего «Ориона» в эргонимической или прагмонимической версии. Ниже приводим примеры заполнения идеографических разделов. Выделение и определение разделов соответствуют таковым в указанном словаре; примеры выделены курсивом (название и контекст в единообразной орфографии, которой коммерческие сайты не всегда следуют, к тому же часть рекламных имен оформляется латиницей); в рамках публикации приводим примеры только для подразделов второго уровня без дальнейшего членения.

Раздел 1. Мир, воспринимаемый человеком как всё высшее, непостижимое или непонятное, таинственное, либо, напротив, как то, что дано человеку искони, как извечно предопределённое.

1.1. Божественное. Чудесное. Таинственное: *Центр космоэнергетики нового времени «Орион»;* **1.2. Вечные понятия морали:** *Программа духовно-нравственного развития, воспитания обучающихся МБОУ Пролетарской СОШ №5, 2014-2015, совместно с ДК «Орион»;* **1.3. Предопределённое:** *Центр Орион: гадание Таро на любовь. Набор для гадания Оракул «ОРИОН»*

Раздел 2. Мир как то, в условиях чего всё существует, развивается, взаимодействует и воспринимается человеком не только как от него не зависящее, но как определяющее само его существование на земле. **2.1. Пространство. Время:** *Салон часов «Орион». «Орион» - территория игрушек.* **2.2. Времена года:** *Куртка зимняя «Орион».* **2.3. Стихии:** *ООО «Орион». Установка счетчиков воды. «Орион-сервис», установка охранно-пожарной организации*

Раздел 3. Мир, естественно окружающий человека, им непрерывно познаваемый и активно осваиваемый. **3.1. Небеса. Земная твердь. Поток:** *Надувная лодка серии «Орион» подойдет любителям водного туризма.* **3.2. Зверь. Птица:** *Композиции Зверь, Птица группы «Орион»;* **3.3. Животные, опасные для человека:** *Игрушки Орион «Маша и медведь»;* **3.4. Домашние животные – друзья человека:** *ООО «Орион», корма для животных.*

Раздел 4. Собственно мир человека: он сам. **4.1. Жизнь и смерть. Сон:** *«Орион», бюро ритуальных услуг; «Орион-медик», медицинская техника, Детские кровати серии «Орион».* **4.2. Душа.**

---

⁵ Обзор основных возможных подходов к идеографии см. в [Липина, 2000]

Душевные, эмоциональные, психические свойства, состояния человека: *Благотворительный фонд «Орион»* (в рамках подраздела третьего уровня «Доброта, жалость»). **4.3. Смех. Страх. Хмель:** *Страховой брокер «Орион». Реабилитационный наркологический центр «Орион».* **4.4. Ум. Память:** *Центр психолого-педагогической реабилитации детей «Орион», в частности, предлагает развивать интеллектуальные способности ребенка, его речь, мышление, память, внимание, воображение.*

Раздел 5(а). 5.1. Мир, создаваемый человеком в обязательном взаимодействии с другими людьми и составляющий его собственное — узкое или широкое — и необходимое окружение.
5.1.1. Окружающие люди. *Некоммерческое партнерство приемных семей «Орион». Гостиница «Орион».* **5.1.2. Ирреальное (воображаемое) окружение:** *Физкультурно-оздоровительный комплекс «Орион» ... в течение смены у нас происходили тренинги и различные мероприятия – Мисс и Мистер «Волонтер», Бал нечистой силы, праздник, посвященный Дню независимости России и др.;*
5.1.3. Общение. Контакты: *Клубы по различным интересам «Орион»;* **5.1.4. Жизненно важные продукты труда:** *Хлебопечь «Орион». Печенье «Орион»⁶*

Раздел 5(а). 5.2. Социальное, имущественное состояние.
5.2.1. Воля. Свобода. Неволя. Беда: *Шаг за шагом к свободе движения! Лазерный аппарат «Орион»; Теплица «Воля Орион»* (т. е. модель «Орион» от компании Воля). **5.2.2. Бедность, богатство:** *«Орион кредит»;* **5.2.3. Народ. Власть:** *«Орион-А», юридические услуги (для подраздела «Суд»); композиция «Власть огня» группы «Орион».*

Раздел 6: Мир, создаваемый человеком как высшее обобщение деятельности его ума и духа. **6.1. Мысль. Язык:** *Лингвистический центр «Эй-Би-Си Орион»;* **6.2. Молчание. Тайна:** *Неофициальное имя, переводное, но использующееся в соответственном разделе Рунета, «Заговор Ориона» – гипотетическая программа правительства США по скрытию контактов с инопланетными цивилизациями;* **6.3. Народный опыт** *Народный ансамбль эстрадного танца «Орион».*

---

⁶ На данный пример наше внимание любезно обратила С.В. Рябушкина. Строго говоря, в этом случае, как, возможно и в некоторых других, трансонимизация носит ступенчатый характер: астроним *Орион* – эргоним – *Орион-Пищепром* – прагматоним, печенье *Orion Choko Boy*

3. Заключительные комментарии

Настоящая публикация не является законченным корпусным исследованием, но показывает возможное направление такового. Для некоторых из приведенных выше примеров базовая связь конкретного названия Орион с идеографическим концептом очевидна, для некоторых она, скорее, контекстно мотивирована. Кроме того мы оставили без внимания некоторые специфические вопросы рекламных имен, например вопрос о том, какую часть коммерческого названия считать собственно именем, а какую отнести к терминологической дескрипции; но в зависимости от разности подходов номинации «Орион» и, например «Орион-медик» можно считать либо производными одинакового трансонимизационного хода, либо совершенно различными⁷. Приведенными выше примерами мы хотели проиллюстрировать следующие общие соображения.

Коммерческая деятельность человечества формирует новое состояние человека и его отношения к миру. Пусть с некоторой натяжкой, но идеографический подход в самом общем виде, по отношению ко всем возможным аспектам человеческой жизни, может быть связан с одним названием «Орион», потенциал которого в рекламной номинации не имеет видимых ограничений. Отсутствие ограничений возможно, не в последнюю очередь потому, что это название является результатом трансонимизации – языковая единица, которая уже была освоена как оним приобретает дополнительную семантику – «коммерческое собственное имя вообще». Это позволяет, в свою очередь, говорить о наличии «потенциальных рекламных имен» (по аналогии с потенциальными антропонимами, в понимании С.Н. Смольникова, у которых «нет конкретно-референтной отнесенности» [Смольников 2005: 30]). Таким образом, формирование системы, или хотя бы базового набора русских рекламных имен позволяет говорить о них не только как об одной из периферийных ономастических категорий, но как об универсалии, сопоставимой по масштабу с именами ядерных разрядов.

Список литературы

Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Волгоград, 2004. 288 с.

---

⁷ Напомним о попытке Р. Ратмайр ввести понятие «креативный элемент» [см. Розанова и др., 2014: 301], который и является собственно названием; впрочем предложение понятие не было автором формализовано.

Липина В.В. Региональный диалектный идеографический словарь: принципы построения и семантическая структура (на материале бытовой лексики говоров Среднего Урала): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 384 с.

Подольская Н.В. Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 40–53.

Романова Т.П. Система способов словообразования рекламных собственных имен // Вестник Самарского университета. 2007. № 5/2 (55). С. 204-214.

Романова Т.П. Эволюция типов рекламных имен в истории русской эргонимии (XIX – начало XXI века) // Вестник Самарского университета. 2009. № 3 (69). С. 174-180.

Розанова Н.Н, Китайгородская М.В, Долешаль У., Вайс Д. и др. Еда по-русски в зеркале языка. М, 2013. 597 с.

Русский идеографический словарь (Мир человека и человек в окружающем его мире) / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2011. 1032 с.

Рут М.Э. Словарь астрономов. Звездное небо по-русски. М., 2010. 288 с.

Смольников С.Н. Актуальная и потенциальная русская антропонимия // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 23–35.

Яковенко М.В. Трансонимизация как ономастическая универсалия // Λογος όνομαστικῆς. 2009. № 1 (3). С. 6–8.

S.O. Goryaev

**Name-giving universal in the sphere of advertising names:
under the “Orion” sign**

Astronym *Orion* it is easily capable of transonymisation and produces a number of derivative commercial names of various subcategories. Due to the specificity of denotation and opacity of the inner form of the original onoma, *Orion* has apparently no limitation in the reference to any type of commercial objects and, thus, can mark all sides of modern social life, taking in the aspect of commercial relations. This example shows the way of systematic appearance of the potential proper names with the universal meaning “commercial name”.

Keywords: commercial name, constellation name, company name, trade name, transonymisation, potential proper name.

*В.М. Касьянова
(Москва, Россия)*

**Ономастическое пространство современного города:
основные тенденции в номинации детских магазинов**

В статье рассматриваются основные тенденции в номинации современных детских магазинов, отмечаются традиционные и новые типы

наименований, а также наиболее типичные способы конструирования названий для привлечения внимания потребителей.

Ключевые слова: эмпоронимы, названия детских магазинов, номинативная и рекламная функции наименований, антропонимы, иноязычная лексика, транслитерация, языковая игра.

Современный город, особенно мегаполис, представляет собой особым образом организованное ономастическое пространство, живущее по определенным законам, при этом тенденции его развития не в последнюю очередь определяются появлением огромного количества интернет-магазинов, имеющих самые разные названия. Эмпоронимы (прежде всего наименования торговых предприятий) удивительно многообразны – желание обратить внимание потенциальных потребителей на свой товар вынуждает владельцев магазинов придумывать самые невероятные названия, чтобы не затеряться среди других, причем многие из них выполняют роль своеобразной рекламы, чем принципиально отличаются от наименований эпохи социализма, когда, при отсутствии конкуренции, достаточно было просто указания на основную группу товаров (ср. традиционные советские номинации типа *Детский мир*, *Хозяйственный*, *Мебель*, *Галантерея*, *Одежда*, *Книги* и т. д.).

В этом плане весьма показательны наименования торговых предприятий, занимающихся продажей товаров для детей: в настоящее время в Москве зарегистрировано более 800 интернет-магазинов, специфика названий которых во многом объясняется принципиально изменившимися условиями торговли.

Современный маркетинг как процесс управления рынком предполагает, что владельцы торговых предприятий для победы над конкурентами, поставляющими сходные или аналогичные товары, должны понимать важность названия магазина. «Ономастический бум» (термин Т.В. Шмелевой), характеризующий современную сферу номинации городских объектов, не имеет себе равных: широкую популярность приобрели разнообразные нейминговые агентства, которые за определённую плату придумают и продадут оригинальное наименование для нового магазина с учётом самых важных факторов: оригинальности, звучности, неповторимости; появляются все новые и новые сайты по «изготовлению» названий; миллионы пользователей интернета вовлечены в эту творческую деятельность, что мешает в каждом конкретном случае определить авторство конкретного наименования. Тем не менее весьма интересно проанализировать

сложившуюся ситуацию с лингвистической точки зрения, выявив основные процессы номинации и охарактеризовав существующие тенденции в данной области.

Так, всё еще существуют названия магазинов для детей, в которых продемонстрирована ориентация на возраст потенциальных потребителей, что напоминает традиции 50–80-х гг. XX в. (*Товары для детей; Товары для Малышей; Товары для новорождённых; Все для детей; Детский мир* и др.). Подобные наименования сравнительно немногочисленны и составляют не более 4–5 % от всех рассмотренных. При этом владельцы новых магазинов часто идут по пути конкретизации, используя в номинациях слова *детский, дети, малыши* и т.п. в качестве опорных для более оригинальных сочетаний, например: *Весёлый малыш; Планета малыша; Кораблик детства; Детская галерея; ДЕТСКИЙ БРЕНД; Детский экспресс; Мир Детских Товаров* и др.

Кроме того, отмечены и названия, в которых представлена предметная лексика, позволяющая прямо характеризовать торговую точку с позиции предлагаемого товара, что также перекликается с советским временем (*Детские коляски; Детские игрушки; Игрушки; Магазин Игрушек; Московский Дом Игрушек; Детские кровати; Детская обувь* и др.). Часто магазины, ориентируясь на реализацию конкретных товаров, имеют в своих названиях уточняющие компоненты для привлечения внимания потребителей: *Первая коляска; Топ Коляски; Город игрушек; Лучшие Игрушки; Магазин модных игрушек; Русская игрушка; Растущие парты; Уютные Кроватки* др. Как правило, это: 1) эпитеты, связанные с физическим здоровьем и умственным развитием ребенка, типа *весёлый, добрый, довольный, здоровый, любимый, милый, нежный, счастливый, умный* (*Веселый малыш; Добрая мамочка; Довольный малыш; Здоровый малыш; Любимый карапуз; Милый Карапуз; НЕЖНЫЙ ВОЗРАСТ; Счастливые дети; Умные дети* и др.), создающие положительный психологический настрой и наводящие родителей на мысль о том, что вещи, приобретенные в данном магазине, смогут сделать их малыша именно таким; 2) существительные с ярко выраженной положительной оценочностью: *радость, море, чудо* (*MaminaRadost.com; more-igrushek.ru; Chudo-ostrov.ru; Маленькое чудо* и др.). Разнообразные эпитеты позволяют подчеркнуть уникальность конкретного торгового объекта и его противопоставленность другим, аналогичным по набору товаров.

В то же время встречаются и названия самого общего характера, не дающие никакого представления о том, на какую аудиторию ориентировано торговое предприятие и чем оно торгует: *Аэробус; Весна; КОНФЕТТИ; Куб; Лаванда; Покупки-Тут; Полюс; Солнышко* и др.

Один из распространённых маркетинговых ходов – использование в наименовании детского магазина антропонимов, чаще всего это имена сказочных героев (*Bagira; Kenga.ru; pezznauka.ru; Буратино; Винни Пух; Емеля; Карлсон; Мальвина; Тотоша* и др.), героев мультфильмов (*БОНИФАЦИЙ; ПЯТАЧОК; Симба; Умка* и др.) и литературы (*Аэлита; Нахалёнок*). Как правило, такие номинации состоят из одного слова – имени героя в именительном падеже, хотя возможны варианты: 1) использование падежной формы слова (*У Знайки*) и формы множественного числа (*Буратинок*); 2) сокращение имени (*Винни*); 3) расширение имени путем добавления форманта *Ко* – ‘компания’ (*Аладдин и Ко*) или других существительных, прямо или косвенно указывающих на специфику магазина (*Алиса – Мини Леди; ФИЛИППОК ЦЕНТР*); 4) включение графических символов (*БИБИГОН+*); 5) создание окказионализма на базе имени героя (*Robinzoniya.ru*); 6) использование имени в оригинальном написании в сочетании с англицизмом (*Peppashop*); 7) употребление русского имени (в том числе в транслитерированном виде) в сочетании с английским *shop* или *toys* (*Nikita-shop.ru; Antoshka-toys.ru*). Единичны примеры названий с именами мифологических героев (*ПЕРСЕЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ*) или реальных исторических лиц (*Братья Райт* – интернет-магазин радиоуправляемых моделей).

Весьма популярны и наименования на базе традиционных личных имён. Как правило, это уменьшительные формы русских мужских (*Fedotka.ru; Antonchik.ru; АНТОШКА; Данечка; Данилка; Егорка; Капитоша* – магазин для новорожденных, грудничков и детей ясельного возраста; *Капитошка* – детская одежда производства Турции; *Мишутка; Сашенька*) или женских имён (*Аленка; Алиса; Аришка; Дашенька; Ксюша; Лялечка*). Иноязычные личные имена сравнительно редки (*JANE; Даниэль; АМЕЛЛИ; Софи*), хотя возможны названия, включающие два имени и амперсанд (*Jacob&Emily; Tom & Miki*). Номинации *МОТЯ* (продажа детской обуви) и *Тётя Мотя* (интернет-магазин детских ковров) воспринимаются по-разному представителями молодого поколения, у которого возникает ассоциация с героиней известного мультсериала,

и теми, кому за 50: для них тётя Мотя –немолодая, глуповатая, нелепая в своих поступках женщина.

Наименования с топонимическим компонентом немногочисленны. Тем не менее следует отметить известные сказочные топонимы (*Лимпопо*; *Страна ЛИМПОПО*; *Лукоморье*; *Ylykotoria.ru*; *Chudo-ostrov.ru*; *NEVERLAND* –аллюзия к известному детскому фильму или поместью Майкла Джексона), а также названия, включающие ссылки на топонимию города Москвы: *moscow fashion* –детская одежда, *Дети Бутово* – один из редких примеров привязки к конкретному городскому району, *Магазин Москва* – интернет-магазин детских товаров (включение в название родового понятия *магазин* отмечается нечасто), *Мосигра*, *Якиманка* – детские товары класса люкс и др. Оригинально позиционирует себя магазин *Arctica* – «теплая детская одежда на самую отвратительную погоду». Указание на национальность прослеживается в наименованиях *Русская игрушка*; *Русские игрушки*, а названия стран звучат в номинациях *USA Baby Shop* («детская одежда из Америки от новорожденных и до 5 лет») и *ХОББИ ИЗ ЯПОНИИ* (игрушки).

Достаточно популярны и названия, обыгрывающие хорошо известных детям представителей животного мира, в том числе птиц (*aistshop.ru*; *Колибри*; *Ласточка*; *ОРЛЁНОК*), насекомых (*Стрекоза*; *Светлячок*), млекопитающих (*Антилопа*; *Кенгуру*) и пресмыкающихся (*Черепашка*). В сознании потребителей активизируются даже образы реликтовых животных (*Мамонтенок* – магазин одежды). Представлены и сказочные герои (*ПЯТАЧОК*; *3-porosenka.ru*). Среди наименований данной группы можно отметить диминутивные образования (*БЕГЕМОТик*; *zai4ata.ru*; *Зайка-шоп*; *Медвежонок*, *ЁЖИКИ*, *Совёнок* и др.), в том числе окказиональные (*Pchelenok.com*; *Кенгурушкару*, *Улитёнок*), а также сочетания с прилагательными (*Плюшевый бегемот*; *Оранжевый слон*).

На детскую аудиторию ориентированы и магазины, в названиях которых лежат оригинальные или видоизмененные наименования известных мультфильмов или сказок (*Гуси-лебеди*; *Letuchij-korablik.ru*–исходное *Летучий корабль*) или же ассоциативно связанные с ними: *КриблеКраблеру* – ср. заклинание *Крибле-крабле-бумс*, которое произносит сказочник из пьесы-сказки «Снежная королева» Е.Л. Шварца), *Матушка Гусыня* – от одноименного сборника детских стихов или шведского мультсериала, *Семицветик* (сказка В. Катаева «Цветик-семицветик») и др.

Многие владельцы магазинов в качестве его названия используют лексику, хорошо знакомую детям и имплицитно формирующую положительное отношение к конкретному торговому объекту: *Гном* (детские кровати), *Принц и Принцесса* (детская одежда и обувь) и др.

В современных эмпоронимах активно используется иноязычная лексика, с этой позиции можно выделить несколько групп названий детских магазинов: 1) собственно иноязычная лексика, преимущественно англицизмы: *Baby Avenue*; *Baby-shop.ru*; *Child-toys.ru*; *Forkidz.ru*; *GAME-TOYS.RU*; *Mothercare*; *Toy.ru* и др.; 2) комбинированные наименования, включающие английский и русский компоненты: *HAPPYМАМА*; *LEGO-САЛОН*; 3) английские транслитерированные названия: *BunKids*; *Гудс Клуб*; *Кидмарт*; *Лаки Чайлд*; *Литл Кинг*; *Май Тойс*; *Тойсвилль* и др.; 4) англицизм в транслитерированном виде и русская лексема: *Алёна-шоп*; *КидсПланета*, *Кроватки-маркет*, *КупиБэби*, *Мама Сити*, *Мосбеби*, *Хотбегемот* и др. 5) русская лексема в транслитерированном виде и английское слово: *aistshop.ru*; *DetiVip*; *Кроха-shop.ru*, *Nukitoys.ru*; *Podarki-liveru*; *Agumarket.ru*; *Babydom*; *detkiland.ru*; *HappyPodarkiru*; *ok-karapuz.ru*; и др.; 6) транслитерированные русские лексемы: *gnomik11.ru*; *igrushkin.ru*; *krovatochka.ru*; *КупиKarapuz.ru*; *kyrtka.RU*; *Ladoshka.ru*; *Lulka-lulka.ru*; *Mamadoma*; *Moda-Detkam.ru*; *Moidetki*; *more-igrushek.ru*; *Rebenok.com* и др. Многие из этих названий появились еще в отсутствии домена РФ, но возникает закономерный вопрос, насколько сегодня подобные наименования актуальны и притягательны для покупателей, так как в отличие от периода «первоначально капитала», «лихих 90-х», в настоящее время наблюдается явное стремление к возвращению в стихию родного языка, часто с ориентацией на дореволюционное прошлое. Поэтому, безусловно, радует тот факт, что подавляющее большинство названий, среди которых есть довольно удачные, представлено русскими лексемами: *Баю-Бай*; *Божья Коровка*; *Весёлый малыш*; *Грани Детства*; *Детские покупки*; *Золотая рыбка*; *КупиМишкурф*; *Маленькое чудо*; *Мешок игрушек*; *Перемена*; *Радуга*; *Солнечный зайчик*; *Умная бумага*; *Уютные Кроватки*; *Шалун*; *Я с мамой* и др.

Значительная количество наименований подчеркивает возраст ребенка, на который должны ориентироваться родители. Ключевыми словами при этом выступают: 1) нейтральные существительные

новорождённый (*Товары для новорожденных*); малыш (*Ваш малыш; Здоровый малыш; Малыши; МИР МАЛЫША; Tovarymalisham.ru; Товары для Малышей и др.*); ребенок (*Rebenok.com; Все для ребенка; КупиРебенкуру; Магазин для ребенка*); дети (*deti-21.ru; Все детям; Все для детей; Да-Детям; Дети и Moda; Наши Дети; Для Детей.ру; Любимые дети; Модные Дети; Коляски детям и др.*); детство (*Sezondetstva.ru; Грани Детства; Детство; Кораблик детства; Мир детства; Новое детство; Стиль детства; ТЕРРИТОРИЯ ДЕТСТВА*); юность (*ЮНОСТЬ-2*), а также прилагательное детский (*DetskijMagazin.ru; Детская галерея; Детская Радуга; Детские покупки; Детский №1; ДЕТСКИЙ КВАРТАЛ; Детский мир; Детские игрушки и др.*); 2) эмоционально окрашенные малютка (*Малютка*); младенец (*ustami-mladenca.ru; Mladenec-shop.ru; Младенец.ru*); кроха (*mirkroh.ru; Всё для крохи; Кроха-shop.ru; Кроха; Кроха Moda; Мамина Кроха*); первенец (*pervenez.ru*); карапуз (*KiriKarapuz.ru; MirKarapuz.ru; ok-karapuz.ru; Карапуз; Супер-Карапуз*); детки (*Детки; detkiland.ru; Moidetki; Модные Детки*).

Нетрадиционно наименование *Инфанты* (инфант, инфанта – титул принцев и принцесс королевских домов Испании и Португалии); двусмысленно воспринимаются названия *Маленькие стилиаги; Маленький Стилиага*, так как сущ. *стиляга* не потеряло отрицательной коннотации; несколько вызывающе звучат *Маленькое чудо* и *НЕЖНЫЙ ВОЗРАСТ*; морально устарело наименование *nasha-stena.ru*

В ряде названий отражен внутрисемейный статус, причем ключевые слова *родители* (*Umnieroditeli.ru*) и *папа, папин* (*Papa-Joyru; papina-gordost.ru*) немногочисленны, в противоположность лексемам *мама, мамочка, мать, матушка, мамин*, что имплицитно отражает важность материнского воспитания в нашем менталитете: *MamaBest; Matadoma; МАМА; Мать и Дитя; matushka.ru; Добрая мамочка; Мамуля-Красотуля; MatinaRadost.com; Мамин дом; Мамин сундучок; Мамина Кроха; Мамино Солнышко* и др. Единичны наименования со словами *дочь, сын*: *Дочки-Сыночки; Наша дочка*.

Современные названия детских магазинов сочетают в себе номинативную и рекламную функции, при этом функция информативная уходит на периферию, так как по наименованию почти нет возможности определить, какие именно товары там можно приобрести. Отсюда широкая употребительность пояснительных конструкция типа *интернет-магазин детских товаров, гипермаркет*

детских товаров, салон детских товаров, большой выбор детских товаров и т.п.). Если в советское время подавляющее число названий торговых предприятий носило информативный характер, отражая ассортимент, то для современных наименований главное – яркость, необычность, за которыми стоит желание привлечь клиента. Эта цель достигается разными способами, в частности путем использования: 1) окказионализмов (*Новорожденок; ELEFANTENOK.ru; odevaska.at.ua; АЛЛИГАША; Балунушка; БАШИМАЧКОВО; Играйка; ИГРАРНИЯ; Киндерятки; Кнопки; Ластёнокру; Mamantena.ru; Мамуляндия; Малышандия; Мишарик; НЕПОСЕДИКИ; Одевайка; Ортопедики; Саменок* – от мест. *сам; Скородумки; СМЕХТОРГ; Страна Новорожденки* др.); 2) языковой игры, в том числе графической (*VesnyWKa; Ак@демия; Магазин-Чик; ПОНИ ТОНИ; ПузоКарпуза; Этти-Детти; Malyshok-m.ru; МАМАЗИН; Мамуляндия; Шмотерру* и др.); 3) коннотативно окрашенной лексики (*Любимый карпуз; Маленькое чудо; Мамино Солнышко; Милый Карпуз; МОЯ ЛАПУЛЯ* и др.); 4) разнообразных эпитетов (*Веселая Сова; Добрая мамочка; Довольный малыш; Лучшие Игрушки; Любимый карпуз; Мамуля-Красотуля; Милый Карпуз; Счастливые дети; Умные дети* и др.); 5) диминутивов, в известной степени имитирующих детский язык и тем самым заставляющих воспринимать подобные наименования как что-то очень близкое и понятное ребенку (*aistenok-detyam.ru; BabyDomiki; Fitoliki.ru* – детская брендовая одежда из Италии; *Ladoshka.ru; gnomik11.ru; Angeloches.ru; Ангелок; Алмазик; Пирамидка; Мандаринчику; ЗВЁЗДОЧКА; Кораблик; Кроватки-маркет; ЛУЧИК; Облачко; Солнышко; Курносик.Ру; Ластёнокру; Сандалики.Ру; Antonchik.ru; Антошка; Дашенька; Лялочка; Мишутка; Сашенька* и др.); интересны диминутивные образования от англицизмов: *BABYshopik; Kidiki; Vebiki.ru*).

Таким образом, наименования детских магазинов в основном отвечают общим принципам номинации торговых объектов: большая часть названий состоит из одного слова, словосочетания встречаются редко (как правило, это атрибутивные конструкции с первым оценочным прилагательным); многие из наименований рассчитаны на формирование у потребителей положительного образа магазина, вызывая ассоциации с чем-то хорошим, приятным, с детским миром в самом широком смысле слова. Наконец, в немалой степени выделиться среди конкурентов, привлечь внимание потребителей

помогает использование языковой игры и окказионализмов. Но в то же время следует отметить и тот факт, что в погоне за необычностью достаточно часто утрачивается чувство меры, отсюда появление слишком вычурных, непривлекательных для русского слуха наименований.

Список литературы

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.

Шмелева Т.В. Ономастика: учеб. пособие; Филиал ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани. Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2013. 161 с.

V.M. Kasyanova

The onomastic space of the modern city: the main trends in the nomination of children's shops

The article examines the main trends in the nomination of modern children's shops, notes traditional and new types of names, as well as the most typical ways of constructing names to attract the attention of consumers.

Key words: emporonyms, names of children's shops, nominative and advertising functions of names, anthroponyms, foreign language vocabulary, transliteration, language game.

*Е.Н. Клемёнова, В.К. Лубянский
(Ростов-на-Дону, Россия)*

Ономастика в рекламе или региональный нейминг

В статье рассматриваются примеры эффективных и неэффективных рекламных названий.

Ключевые слова: нейминг, рекламная деятельность, области, виды и способы наименования субъектов и объектов.

Ономастика обычно исследует фонетические, морфологические, словообразовательные, семантические, этимологические и другие аспекты имён собственных. Одно из её направлений, получивших практическое применение в маркетинге и рекламе, называется «нейминг» (от англ. to name – ‘называть’) [Пименов 2012] – это создание рекламного имени у продукции на рынке товаров и услуг. Цель данного исследования заключается в описании эффективных способов создания региональных рекламных имён.

Сегодня уже ни у кого нет проблем в создании названий. Любая фирма может в автоматическом режиме сгенерировать себе наименование. Главное, чтобы потом оно работало на организацию, а не против неё. Как, например, у неудачных «креативщиков»: детское питание Bledina, посуда Pedrini и туалетная бумага Serla (Ошибки нейминга – как их избежать? URL: <http://www.buybrand.ru/articles/5266/>).

Придумать название для компании или продукта – это достаточно долгий и трудоёмкий процесс. Это как выбор имени для своего ребёнка. Ведь не нужно напоминать пословицу: «Как судно назовёшь – так оно и поплывёт». Нейминг требует огромного количества времени и усилий. По мнению психологов, наименование или имя человек декодируется за 7 секунд. Поэтому необходимо придумать такое имя, которое за столь минимальное время сможет расположить к себе потенциальных клиентов и будет отвечать трём основным критериям: просто читаться и легко произноситься [Клемёнова, Прокофьева 2012], запоминаться и воссоздаваться в памяти и не вызывать негативных ассоциаций.

Практики маркетинга выделяют пять основных способов создания имени в нейминге:

Классический. Наименование напрямую зависит от сферы бизнеса. Например: «Янтарный», «Сыр».

Географический. В основном, создание таких имён основывается на привязке к ближайшей достопримечательности, местной легенде или многовековым традициям. Например: «Коровка из Кореновки», «Крымский источник».

Составной. Основывается на создании словосочетаний, которые получилось благодаря объединению или видоизменению слов: «Фрутоняня», «Зацелуйкино».

Описательный. Словообразование, характеризующие деятельность компании. Также может содержать имена, псевдонимы или фамилии своих создателей: «Кафе у Марата», «Мясной градус».

Ассоциативный. Придуманные красочные, чувственные названия компании, которые ассоциируются с услугой или продукцией компании: «АэрофлотДОН», соки «Приазовье».

Удачным примером может послужить мировой бренд «Nike», который хранит в себе имя древнегреческой богини Ники, считающейся символом победы. Результат хорошего и продуктивного нейминга – существующее в различных языках или

заново придуманное слово (словосочетание), которое обычно отвечает всем тем требованиям, которые предъявил заказчик.

Разработка названия – едва ли не главный и начальный шаг в строительстве и популяризации бренда. Правильно придуманное имя бренда – это не просто всегда постоянная эффективная коммуникация, но и бесплатная реклама на долгие годы.

Один из самых запоминающихся примеров нейминга в России – это «*Растушка*», позиционирует себя как детский творожок особо полезный и питательный для молодого организма, помогающий ему быстро расти. Это очень хорошая реклама выстроена на ассоциативном эмоциональном отношении к роли питания в жизни ребёнка, а как следствие, она экономит бренду деньги на рекламе конечного продукта.

Ошибочный нейминг может очень дорого обойтись бренду или компании. Например, сети ресторанов «ЯПОШКА» по решению суда пришлось сменить название на «ЯПОША» из-за того, что прошлое название сети ресторанов дискредитировало японцев. «От «Шика» до «Пшика» – одна лишь буква, – как-то сказал один из влиятельных неймеров топ агентства BrandAIDA. Литвак [Голомидова 1998].

Приведем еще один пример для большей ясности. В магазине, на прилавке потенциальный покупатель видит аромагель для рук – это предмет. Имя предмета: «Питание – Уход». Комплекс таких предметов, то есть аромагель для тела, для рук, для ног, значится под торговой маркой «Эйвон». Образ потребления данных предметов, а также некоторых других марок, формирует бренд – «Avoninc». Обычно производитель ассоциируется со своей фирмой, брендом, но часто бывает так, что индивидуализируется, причем очень плотно. В нашем конкретном примере с компанией «Эйвон» многие современные производители индивидуализируются очень банально и навязчиво, не претендуя на лавры популярности на рынке, которая равняется по популярности самому бренду. В конкретной ситуации производитель не выделяется (хоть и для парфюма «O FeeRuque», к примеру, упоминается его создатель П. Бурдон) [Шмелева 2006]. Так же аналогична и ситуация с дистрибьютером (продавцом), который так или иначе для компании «Фаберлик» индивидуализируется по настоящему деликатно, не особо навязчиво (К. Фантиг, инициатор больших исследований, современных наработок и организатор продаж) [Понятие адресант. Электронный ресурс].

Если рассматриваться региональный нейминг в России, то для него характерно использование ассоциаций с региональной принадлежностью, стремление «составить» бренд с помощью окончания «Ъ» как ресторан «ПушкинЪ» или сделать его «европейским», добавив в конце слова «ff». К примеру, «Донпроff» Банк.

Особой спецификой обладали крупные заводы, которые были образованы в советское время и имели общегосударственное значение: «Росвертол» и «Ростсельмаш», как видно эти названия образуются путем слияние нескольких слов.

Многие фирмы прибегают к заимствованию или привязке по географическому признаку, как пример можно привести название известных малок: «Юг-Руси», «Донской табак», «Донэнерго», «Донавиа» или «Ростовгорстрой».

Главным из сегодняшних тенденций на рынке рекламы является то, что совсем скоро город Ростов-на-Дону и Ростовская область примет Чемпионат мира по футболу 2018 года, на который ожидается огромное число зарубежных гостей. И проблема неэффективной навигации по региональным достопримечательностям становится актуальной. Названия должны быть оригинальными, но понятными для гостей города и очень легко ими запоминаться.

Для региональной туристической привлекательности очень часто используют всякого рода наименования-бренды, наш город не исключение: Левбердон (зона отдыха), Тихий Дон (фирменный поезд Ростов-Москва и супермаркет на набережной), Нахаловка (часть города, отличающаяся криминальным прошлым), Золотой колос (кондитерская) и др. Россияне очень хорошо их запоминают. А как быть с иностранцами?

Региональный нейминг еще не использует свой потенциал на полную мощность. Учитывая специфические особенности экономического рынка, особенности менталитета, правильное название местного бара перед мундиалом может стать очень прибыльным. Например, название бара «У Михалыча» должно подвергнуть хозяина к правильному ребрендингу. Оно может быть переименовано в «Бавариус», что, на наш взгляд, привлечет множество немецких фанатов, которые окажутся в 2018 году в Ростове-на-Дону.

Использование казачьего фольклора в названиях объектов, поможет создать атмосферу гостеприимности, обращенную к гостям города. Однако не всегда такой национальный нейминг оказывается выгодным для региона или отдельного города. Недавно население

Ростова-на-Дону проголосовало за переименование строящегося аэропорта «Южный Хаб» в международный аэропорт «Платов», в честь атамана Матвея Платова [Аэропорт Платов. Электронный ресурс]. В ходе народного голосования, организованного Правительством Ростовской области, победило название «Платов» (40 % голосов). Другие варианты – «Ростов-на-Дону» и «Южный» – набрали 34 % и 27 % голосов соответственно. Предложение поступило, в том числе от патриотов Ростовской области. Такое решение только внешне нацелено на развитие города на международном уровне, так как именем Матвея Ивановича Платова названо множество объектов в других частях нашей Родины и они абсолютно не связаны с Южной столицей. А сам аэропорт, находящийся ближе к Новочеркаску, с трудом будет ассоциироваться с Ростовом-на-Дону. С точки зрения развития региона и маркетинга, такой нейминг не совсем удачен.

Причина таких неудач часто кроется в том, что при выборе названия не обращаются к специалистам. По данным статистики, доля заказов в агентствах по неймингу от ритейлеров и компаний составляет 1 – 2% в год. Но с ростом конкуренции и улучшения качества управления бизнесом их число должно расти.

Таким образом, ономастика как региональный нейминг требует не только знания рынка и регионального колорита, но привлечения специализированных агентств для решения лингвистических и экономических проблем.

Список литературы

- Аэропорт Платов. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.
- Голомидова М.В. Искусственная номинация в ономастике: Дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1998. 215 с.
- Клемёнова Е.Н., Прокофьева Л.П. Цвет и звук в политической рекламе // «Прометей–2012». Галеевские чтения. Материалы международной научно-практической конференции. 2012. С. 269 – 275.
- Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Волгоград: Перемена, 2004. 286 с.
- Межрегиональное бюро экспертиз. URL: <http://www.expertsud.ru/content/view/232/>
- Пименов П.В. Нейминг. Искусство называть. М.: Перемена, 2012. 286 с.
- Понятие адресант. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/>
- Шмелева Т.В. Ономастический ландшафт Великого Новгорода. Новгородик. 2006: материалы Междунар. науч. конф., 20–22 сент. 2006 г. Великий Новгород, 2007. Ч. 1. С. 132–140.

Onomastics in advertising or regional naming

The article discusses examples of effective and ineffective regional naming as examples of professional/unprofessional approach to the application of knowledge of onomastics of the Russian language in advertising practice.

Key words: naming, advertising, region, types and methods names of subjects and objects.

*Н.А. Максимчук
(Смоленск, Россия)*

Политонимы в системе ономастических единиц: статус, функции, значение

В статье обсуждаются роль и место политонимов в современной ономастической системе. Обосновывается правомерность использования термина *политонимы* для обозначения самостоятельного разряда онимов как единиц *политической ономастики*. Рассматриваются функции и значение политонимов, выделяются лингвистические и содержательные критерии их оценки, вводится понятие *синонимия политонимов*.

Ключевые слова: имя собственное, ономастическая периферия, политонимы, значение политонимов, функции политонимов, синонимия политонимов, политическая ономастика.

Одна из актуальных тенденций развития современной ономастики связана с переносом центра внимания с ядерных разрядов имён собственных (*антропонимов, топонимов* и некот. др.) на ономастическую периферию [Супрун 2000, Крюкова 2004 и др.], что может рассматриваться не только как развитие экстенсивного направления ономастических исследований, но и как стремление к углублению в структуру ономастического айсберга, максимальной детализации в подходах к описанию этой структуры (см., например: *порейонимы, геонимы, товаронимы, гемеронимы, геотронимы, фалеронимы, парфюмонимы, мелонимы, эмпоронимы, карабонимы* и т.д.). Указанная тенденция имеет как вполне понятные положительные, так и отрицательные стороны, к последним, на наш взгляд, относится чрезмерное разрастание ономастической терминологии⁸. При этом, место некоторых вводимых терминов

---

⁸ Теоретически собственное имя может иметь любой объект, который тем или иным образом воспринимается человеком, хотя реальную возможность ономастической номинации получают те предметы действительности, которые в большей степени входят в непосредственный или опосредованный контакт с

оказывается не вполне очевидным в общей системе ономастической терминологии, не всегда учитывается полиаспектность объектов ономастической номинации. На этом фоне кажется правомерным предпочтение терминов с ясной внутренней формой, обладающих большой содержательной ёмкостью и систематизирующей мощностью, которые, как правило, находятся на верхних позициях в терминологической иерархии, обозначая наиболее значимые группы объектов или относясь к наиболее актуальным сферам деятельности. Этим критериям соответствует, как представляется, обозначение разряда наименований, являющихся предметами внимания в данной статье.

Термином *политонимы* будем обозначать «названия органов власти, государственных учреждений, партий, движений, объединений, обществ, союзов и др.» [Максимчук 2002: 101]. Этот термин не только отвечает критериям краткости, благозвучности, соответствия регулярной модели образования ономастической терминологии, но и обладает ясной внутренней формой, указывающей на отнесённость данных номинаций к конкретной – общественно-политической – сфере деятельности (*Государственная дума, Аграрно-Промышленная партия России, Союз правых сил, Общероссийский народный фронт, Общественная палата и др.*).

Усиление интереса к этому разряду онимов связано как с внешними, так и с внутренними факторами. Обозначая органы государственного управления, политические партии, общественно-политические организации, общественные объединения, группы и союзы разного рода и т.д., политонимы оказываются неотъемлемым элементом *политического дискурса* – составной части *публицистического дискурса*, который сегодня, как известно, выступает в качестве наиболее влиятельной сферы современного информационно-коммуникативного пространства как в собственно

номинатором, так как любая ономастическая система по природе антропоцентрична. Следовательно, любому типу предметов внеязыковой действительности, имеющих терминологическое / номенклатурное наименование, отражающее их понятийно-предметное содержание, и являющихся объектом ономастической номинации, в принципе, может соответствовать ономастический термин. Вопрос состоит в определении целесообразности введения такого термина. Иными словами, нужно ли стремиться к полной симметрии общеязыкового (общенаучного) тезауруса и тезауруса ономастической терминологии?

языковом, так и в содержательном аспектах, действенного инструмента формирования общественного мнения и т.д.

С точки зрения специфики политического дискурса, *политонимы*, наряду с *политической лексикой* и *терминологией*, являются важнейшими дискурсивными маркерами, чем обуславливается их высокий языковой (коммуникативный) и содержательный статус⁹.

Обоснование важности роли политонимов в политическом дискурсе, их внушительные количественные и качественные характеристики позволяют говорить о правомерности выделения для их изучения и описания самостоятельного направления ономастической науки – *политической ономастики*.

В задачи *политической ономастики* входит: определение понятия *политонимы*¹⁰ и его границ; установление места политонимов в ономастической системе; выявление типов

---

⁹ Следует указать, что предложенное понимание политонимов не отрицает возможности их расширительного толкования, включающего в объём данного понятия как собственные наименования, так и апеллятивы. Возможность такого подхода поддерживается, в частности, прецедентом использования термина зоонимы для обозначения как собственных (Г.А. Архипов, В.М. Мокиенко, О.И. Фонякова, А.В. Суперанская, З.Г. Урасин и др.), так и нарицательных именовании (А.Й. Гудавичюс, Е.А. Гутман, М.И. Черемисина, Ф.А. Литвин, С.-Г.И. Росинене, О.А. Рыжкина и др.) представителей животного мира.

¹⁰ Нужно отметить, что в современной политологии термин *политонимы* используется в значении «название всех граждан, которые проживают в пределах одного государственного или определённого административного региона. Например, под термином "французский народ" имеют в виду всех граждан Франции, независимо от их этнической принадлежности; то же самое "бельгийский народ", хотя он делится на два самостоятельных этноса – валлонов и фламандцев» [Терминологический словарь... 2011]). Как представляется, употребление такого терминологического наименования для обозначения народа, во-первых, характеризуется недостаточной мотивированностью (приведённые названия носят, скорее, административно-территориальный, а не политический характер); во-вторых, в ономастической терминологии для обозначения подобного класса объектов существует близкий по значению термин *этнохоронимы*. Однако поскольку такое терминологическое употребление уже является языковой данностью, закреплённой в словаре, то принятие широкого понимания *политонимов* позволит, во-первых, избежать возникающей терминологической омонимии и, во-вторых, включить данную группу именовании граждан различных стран в состав политонимов-апеллятивов, относящихся к пограничной зоне между системами ономастической и нарицательной лексики.

политонимов, их классификация на основе структурных и содержательных признаков; выявление функций политонимов и их стратификация; разработка критериев оценки политонимов как ядерных единиц политического дискурса с учётом их лингвистических и внелингвистических характеристик; разработка рекомендаций по образованию политонимов в соответствии с их функциями и др. Каждый из этих вопросов требует отдельного рассмотрения. В данной статье обозначим два положения.

В ряду многочисленных и разнообразных функций политонимов особое место занимает *ориентирующая функция*, т. е. способность (предназначение) данных единиц служить ориентирами в общественно-политическом пространстве. Так, *политонимы* – названия политических партий должны, в частности, помогать избирателю в выборе партии, отвечающей его взглядам и запросам, следовательно, политоним должен отражать политическую (идеологическую) направленность партии (ср., например: *Аграрная партия России, Партия малого бизнеса России, Монархическая партия, Объединённая партия людей ограниченной трудоспособности России, Партия пенсионеров России, Спортивная партия России «Здоровые силы», Партия Возрождения России, Партия родителей будущего, Демократическая партия России, Коммунистическая партия Российской Федерации* и т. д. (Здесь и далее примеры из Перечня политических партий РФ на 1 января 2017 года [Перечень... 2017]). Однако в реальной общественно-политической ситуации эта функция политонимами нередко не выполняется. Это связано с тем, что на политическом поле присутствует множество партий, названия которых имеют общую мотивацию (в чём, например, различия партий с такими названиями: *Демократическая партия России, Демократическая правовая Россия, Демократический выбор, Российская объединённая Демократическая партия «Яблоко»* и т.д.; или: *Патриоты России, Великое Отечество, Родина, Партия Возрождения России, Развитие России*; или: *Справедливая Россия, Партия за справедливость, Коммунистическая партия социальной справедливости, Российская партия пенсионеров за справедливость* и т.д.

Данные примеры показывают, как заявленная ориентирующая функция политонимов в реальности трансформируется в свою противоположность – имплицитную функцию *дезориентации*. В общественно-политическом плане это может рассматриваться как

манипулятивный приём использования авторитета известной однонаправленной партии в определённых политических интересах и т. д. (ср., например, ситуацию с политонимами *Коммунистическая партия Российской Федерации* и *Коммунисты России*, *Коммунистическая партия социальной справедливости* и др.).

С лингвистической точки зрения, такое явление можно квалифицировать как *синонимию политонимов*. Рассмотрение данного явления составляет актуальную исследовательскую задачу не только с позиций ономастики, но и точки зрения специфики политического дискурса.

Список литературы

Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Монография. Волгоград: Перемена, 2004. 288 с.

Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. Монография. В 2-х ч. Ч. I. Смоленск: Изд-во Смоленского гос. пед. ун-та, 2002. Ч. I 162 с.

Перечень политических партий по состоянию на 1 января 2017 года // Российская газета. Федеральный выпуск № 7249 (83). [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/gazeta/rg/2017/04/19.html> (дата обращения 27.05.2017).

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.

Терминологический словарь библиотекаря по социально-экономической тематике: Электронная версия // СПб.: Российская национальная библиотека, 2011. URL: <http://www.nlr.ru/cat/edict/EcoDict/index1.htm> (дата обращения 27.05.2017).

N. A. Maksimchuk

Politonyms in the system of onomastic units: Status, functions, value

The article discusses the role and place of politonyms in the modern onomastic system. The legitimacy of the use of the term politonyms to justify the category of onyms as units of political onomastics is substantiated. The functions and significance of politonyms are considered, the linguistic and content criteria for their evaluation are singled out, and the concept of synonymy of politonyms is introduced.

Key words: proper name, onomastic periphery, politonyms, the value of politonyms, functions of politonyms, synonymy of politonyms, political onomastics.

М.Г. Матлин
(Ульяновск, Россия)

Диалектные наименования дикорастущих растений на территории Базарносызганского района Ульяновской области (по материалам экспедиции 2016 г.)

В статье описываются некоторые диалектные наименования дикорастущих растений, которые употреблялись в пищу во время голода во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные года. Народные номинации сопровождаются фрагментами интервью с жителями сёл Базарносызганского района, на территории которого был собран анализируемый материал.

Ключевые слова: диалект, номинация, растения, экспедиция, Ульяновская область, Базарносызганский район

Как известно, «мир флоры в традиционной культуре связан со всеми сторонами действительности. Он вплетён в хозяйственную и трудовую деятельность – земледелие и скотоводство (злаки, огородные и полевые культуры, сенокосы), лесные и речные, озёрные промыслы (древесина, орехи и ягоды, водные растения)» [Калиткина 2007: 129–130]. Поэтому народная номинация растений – один из важных объектов изучения нескольких наук: диалектологии, этнографии, этноботаники, этнолингвистики, фольклористики и др., ведь диалектные названия растений содержит уникальную и богатую информацию об особенностях русского языка, о роли и месте растений в жизни людей, об особенностях народного видения окружающего мира. Как справедливо отмечала И. Калиткина в рецензии на «Словарь фитонимов Среднего Приобья», растения связаны «с народной магией и демонологией», «с праздниками, с их обрядовой стороной», с их помощью регулировали локальные варианты «праздничного и повседневного застолья», а дикорастущих растений использовали «в качестве пищи в голодные военные годы» [Калиткина 2007: 128–130].

Различные аспекты лингвистического изучения народных названий растений отражены в монографиях, статьях, кандидатских диссертациях [Ермакова 2013; Закревская 1969; Иванов 1985; Саввина 2009; Смирнова 2002], хотя в то же время, как считает Н.И. Налетова, данная «группа названий растений до сих пор является одной из недостаточно изученных» [Налетова 2001].

Изучение своеобразия места и роли растительности в русской традиционной культуре, как показала в своем обзоре «Славянская этноботаника: Очерк истории» В.А. Колосова имеет длительную историю, которая началась в середине XIX в. и к настоящему времени охватывает такие направления, как лексикологический (способы образования фитонимов), картографический (анализ географии распространения фитонимов), семантический (принципы номинации фитонимов), фольклористический (анализ растительных образов и мотивов), этнологический (функции растений в традиционных ритуалах, народной медицине и проч.) [Колосова 2010: 7–30].

Важным и значимым представляется то определение особенности материала, выявленного в процессе установления народных фитонимов, данного А.Г. Арьяновой, автором упомянутого выше «Словаря фитонимов Среднего Приобья». Она, в частности, отметила, что значительная часть этого материала «является метатекстами, рассказами информантов о предметах растительного мира в ответ на вопросы собирателей «Что растёт в вашей местности?», «Как выглядит это растение?», «Как называются эти растения?» (при сборе гербария), «Почему так называются?» [Арьянова 2006: 7].

В настоящей работе представлены первичные результаты исследования по теме «Устные рассказы о голоде 20–40-х годов русского сельского населения Ульяновской области», проведенное в 2016 г. в экспедиции по Базарносызганскому району Ульяновской области. В рассказах-воспоминаниях информантов особое внимание обращалось на те дикорастущие растения, которые в определённые периоды становились единственным пищевым продуктом. Конечно, при этом часто возникали трудности с идентификацией растений, ведь, во-первых, описания информантов были образными, а не строго научными, а, во-вторых, как известно, «народное название растения не обладает признаком однозначности, и значение его не может раскрываться в аналогичном определении», и, в-третьих, «обычно одним словом называются разные растения, а иногда целые группы растений» [Меркулова 1967: 7]. Трудность была обусловлена еще и тем, что «одним и тем же словом в разных местностях называют разные растения» [Меркулова 1967: 8].

Приведем в качестве примера отрывки из нескольких стенограмм бесед.

«(Клавдия Ивановна, а вот в войну какие травы использовали, ели?) *Канёвки, барчёвки, щавель, стрибунцы*’, медуница, это...как ух она называлась?.. *пе’стушки*, черёмуха, рябина – всё наша была еда. (А пестушки – это что за трава? Она растёт сейчас?) Она растёт только на полях. Она вот такая маленькая, она коричневого цвета, и сверху небольшая шишечка пушиста, пушиста. Всё ели – до основания. (А канёвки – это конский щавель?) Нее, конский щавель я даже не знаю, что такое» [Васина К.И.].

В данном фрагменте интервью отражается восприятие использования дикорастущих трав в еду женщиной, которая помнит это с детства, это прошлое – часть её собственного жизненного опыта.

Следующее интервью интересно тем, что об употреблении дикорастущих трав в еду во время голода рассказывает женщина, которая родилась через много лет после её окончания. Такие свидетельства, во-первых, показывают, как глубока и прочна память о тяжёлых годах, а, во-вторых, что некоторые из таких трав использовались и потом в качестве своеобразной экзотики детьми.

«(А не слышали рассказы от мамы, как ей в войну приходилось детей вытаскивать? Есть-то ведь нечего было?) Когда война началась у неё была одна только дочка Вера. Мужа взяли на войну, и его там убили. Прямо в первый год убили. И потом она похоронку получила. Но она в это время не бедствовала. Она говорила, у нас была корова, и она (дочь – *ММГ*) была у меня одна. А вот у её брата <...>, у него было пятеро. Они, говорит, все отекали, после войны отекали – все эти ребятишки. (От голода?) От голода. Чё мы только не рвали! И траву, говорит, всю порвали. (Не помните, как она называется?) *Кано’вики*, и щавель, и, знаете, даже вот из этой вот, смотрите, торчит, *би’серь*, что ли? – они лепёшки делали. (Это какой бисерь?) Да вот торчит в картошке. Да, вот это – бисерь. Это по-нашему так-то. (Показываю траву – это бисерь?) Да. Они пекли лепёшки из него. (А как из него пекли лепёшки?) Как-то вот так мяли и пекли. (Т.е. семечки добывали?) Наверное. <...> (А кановик какой он? На что похож?) Кановик...как щавель вот такой. И там с кислинкой такой. (А у него узкие листья или широкие?) Я бы не сказала. У него как у перезревшего щавеля листья, только побольше. (А там у него только листья ели или стебель?) Я не знаю, что у него ели. Но вот они у него всё съедали. <...> Его знаете, как еще называют? – конский щавель! (А вы его в детстве тоже пробовали?) Конечно. (Он кисленький? У него листья кисленькие?) Нет. Берут обычно вот этот, стебелёк,

молодой. Сейчас-то его есть не хочется. (А листья отрывали?) Да. (А еще какие травы в детстве ели?) Белоголовики. <...> Паслин вот этот чёрный ели. *Бзница* по-нашему. *Белоголовики*, кановики, щавель, *столбунцы* от щавеля. (А в столбунцах что ели? Корни?) Нет, столбунцы – это щавель (конский – *ММГ*) цветущий» [Торопыгина Н.К.].

Всего же за время экспедиции удалось выявить следующие диалектные названия дикорастущих трав, которые употреблялись в пищу в голодные военные и первые послевоенные годы.

Барчёвка – борщевик (лат. *Heraclеumsphondylium*).

Белоголовка – (лат. *Achilléamillefólium*) «Так называют тысячелистник» [Листарова А.Ф.].

Белоголовка – (лат. *Pimpinéllaanisum*) «Анис – это белоголовка» [Туваёва А.И.].

Бзница – Бузина́ чёрная (лат. *Sambucusnígra*) «Вот тут вот растет она, её не ели. (А какая она из себя?) Красная, как самородина. Её кто-то один раз наелся и умер. (А это не бузина?) Да, бузина, её называли бзницей и бузиной» [Продиус М.М., Константинова К.Ф.].

Паслён (лат. *Solánum*) «Паслин вот этот чёрный ели. *Бзница* по-нашему» [Торопыгина Н.К.].

Бисерь – Щирица (лат. *Amaranthusretroflexus*) [Торопыгина Н.К.].

Дикарка – Сурёпка обыкновенная (лат. *Barbaréavulgáris*). «Это вот...как вам сказать, тоже стволик (ели – *ММГ*). Она очень пахнет мёдом. Вот тут вот весной на кладбище мы идём тропой, прямо вот мёдом пахнет. Жёлтая, высокая, листья резные, много соцветий. А когда вылезает она, до соцветий, вот тогда она мягкая. Листики тоже резные, как у шкерды. Мы счищаем этот цвет, головки отбрасываем, а эту съедаем. Муж у меня до смерти ел эту дикарку. Пока она молодая. (Это в какой месяц?) В мае. А потом она уже когда цветет, пахнет мёдом, ну просто вот мёд. Вот когда она вылезает, также как папоротник» [Карачкова З.Н.]. «В лесу растут. (Не на болоте?) Нету, нету. Синеньки цветочки. (А там много цветочков или один?) Много цветочков, маленьких. Листочки как зелененьки. (Они какие – широкие, узкие?) Узенькие листочки. (А они прямые или с зазубренками?) С зазубренками. Они голубенькие там, синенькие. Их много (цветочков – *ММГ*) (Она высокая дикарка?) Да не очень, вот такая – полметра, даже меньше» [Листарова А.Ф.].

Заячья капуста – Очиток обыкновенный (лат. *Sédumteléphiu*m). «Это в лесу. Листочки в суп пускали. Листочки. Они толстенькие. А у

них образуются ещё какие-то шарики на конце. Вот эти шарики как картошка, только маленькие. Их ели» [Листарова А.Ф.].

Канёвка, вар. Кано́вка – Конский щавель (лат. *Rúmexconfértus*). «Тоже большие листы. На речке. (А канёвка – это не конский щавель?) Да, да. (А что ели у него?) Листья и суп варили. (А как его варили?) Очень просто: листочков нарежем, вон как от свёклы. Скипятим, пустим, как капусту, молоком забелим, и ели. Я это ела» [Продиус М.М., Константинова К.Ф.].

Нюньки – Ежеголовник, или ежеголовка (лат. *Sparqanium*). «Что? Трава. Вон на речке растёт трава. (А какая она из себя?) Зелёна. (Листья какие?) Как лук. Вот такими листочками зелёными. (А у нее цветочки были какие-нибудь?) Никакие. (А как её готовили?) Тоже сушили. (Что сушили?) Листья. Выберем листья. Толкли и в сито сеяли. Остается там – прутики – выкинем. Как мука получалось. (И что делали дальше?) Чё, опять лепёшки пекли, ели» [Продиус М.М., Константинова К.Ф.]. «Вокруг речки растут, мы вытаскиваем – там белый кончик. И вот мы его съедаем. (Они высокие были?) Нет. Вот, такой вот длины, как осока вот такая. Вытаскиваешь (из земли – ММГ) беленькой, сладкой, и съедаешь» [Карачкова З.Н.]. «Это осока, или осока. Мы называем осотой. Она растёт, где болота» [Листарова А.Ф.].

После предъявления фотографии растения рода *Sparqanium* (ежеголовник) А.Ф. Листарова утвердительно назвала его *нюнькой*.

Пе'стушки – Хвощ полевой (лат. *Equisetumarvense* L.). «Это мать-и-мачеха до листочка. Вот образуется маленький коричневый такой столбик. Вот мы эти палочки счищаем и едим» [Карачкова З.Н., Ульянова А.Г.]. «(Они какие?) Ну, они зелёные, зелёные. (А листочки какие?) Они просто так, кругленьки – во всю, во всю. Никаких листочков. Так прям стебелёк. Ни цветочков. А просто – зелёненьки, зелёненький стебелёк. (А он тоненький стебелёк?) Да, тоненькай. Он потоньше пальца моего» [Листарова А.Ф.].

После предъявления фотографии растения Хвоща полевого (пестушки, пестик) (лат. *Equisetumarvense* L.) К.И. Васина и А.Ф. Листарова уверенно сказали, что это растение и есть *пе'стушки*.

Стрибунцы – «Это щавель. Когда молодой стрибунцы ели». Стрибунцы – это стебель у щавеля. «Листочки ели и стрибунцы ели, когда молодой. Очистишь там, тоненькая корочка – и раз. Они кисленькие» [Листарова А.Ф.].

Шкерда – Свербига (лат. *Búniasorientális*). «А шкерду какую-то с болота, она высокая такая, листья резные, наподобие молочая, что ли.

Мягкая. Вот мама приносит вот целый сноп. Где-то в поле работает. И мы вот их чистим и едим. Очищали от листьев и эту снимали, как полоски. Оставался только стебель мягкий, и пока она молодая. И просто сразу ели. Я вот не знаю до сих пор, где она растёт – вот помню, мама приносила» [Карачкова З.Н.].

«Она как кановка. Только потолще корешок. Он сладко-кислый. (А какие у неё листочки?) Они какие-то полукруглы. Узеньки как у крапивы» [Листарова А.Ф.].

Примечание

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-14-73003.

Список информантов

Васина К.И., 1943 г.р.; с. Папузы Базарносызганского района Ульяновской области; соб. Матлин М.Г., Москаленко О.А., Москаленко Н.М.

Торопыгина Н.К., 1960 г.р., работает библиотекарем; с. Ворновка Базарносызганского района Ульяновской области; соб. Матлин М.Г., Сафронов Е.В.

Туваёва А.И.; с. Папуз-гора Базарносызганского района Ульяновской области; Матлин М.Г., Москаленко О.А., Москаленко Н.М.

Продиус М.М., Константинова К.Ф.; с. Ясачный Сызган Базарносызганского района Ульяновской области; Матлин М.Г., Сафронов Е.В.

Листарова А.Ф., 1928 г.р.; с. Папузы Базарносызганского района Ульяновской области; Матлин М.Г., Сафронов Е.В.

Карачкова З.Н.; с. Ясачный Сызган Базарносызганского района Ульяновской области; Матлин М.Г., Сафронов Е.В.

Список литературы

Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья / Ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006. Т. 1: А-К. 144 с.

Ермакова Т.Г. Номинации травянистых растений в говорах Среднего Прииртышья в лексикографическом аспекте // Вестник ОмГУ. 2013. № 1 (67). С. 82–84.

Закревская Я.В. Лингво-географический аспект в изучении отраслевой лексики (на материале народных названий растений) // Общеславянский диалектологический атлас. Материалы и исследования, 1969. М.: Наука, 1970. С. 149–158.

Иванов В.А. Названия растений средней полосы России (на материале калужских говоров): Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1985. 221 с.

Калиткина Г.В. Рец.: Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2007. № 1. С. 125–132.

Колосова В.А. Славянская этноботаника: Очерк истории // Этноботаника: растения в языке и культуре / Отв. ред. В.Б. Колосова, А.Б. Ипполитова. СПб.: Изд-во «Наука», 2010. С. 7–30 (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA).

Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. VI. Ч. 1.).

Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы. Грибы. Ягоды. М., 1967. 260 с.

Налетова Н.И. Названия растений в псковских говорах: Дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.01. Псков, 2001. 224 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/nazvaniya-rastenii-v-pskovskikh-govorakh> (дата обращения 12.06.2017).

Саввина Ю.Ю. Фитонимическая лексика елецких говоров: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.01. Брянск, 2009. 26 с.

Смирнова О.В. Лексика растительного мира в говорах Воронежской области: Дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.01. Москва, 2002. 470 с.

M.G. Matlin

Dialectal names of wild plants on the territory of the Ulyanovsk region (based on materials from the expedition of 2016)

The article describes some dialectal names of wild plants that were used for food during the famine in the Great Patriotic War and in the first post-war years. People's nominations are accompanied by fragments of interviews with residents of the villages of Bazarnosyzgan district, where the analyzed material was collected.

Key words: dialect, nomination, plants, expedition, Ulyanovsk region, Bazarnosyzgan district

И.Г. Осетров

(Ульяновск, Россия)

Товарный знак: сходство до степени смешения

Рассмотрено содержание термина «сходство до степени смешения», используемое в патентоведении, в аспекте лингвистического анализа товарных знаков как разновидности имён собственных.

Ключевые слова: языковой знак, товарный знак, сходство до степени смешения, тождество и отдельность знака.

В конце прошлого века отечественное языковедение столкнулось с целым рядом специфических задач прикладного характера. К их числу относится потребность в лингвистических экспертизах по запросам как отдельных граждан, так и организаций. В это время количество лингвистических экспертиз растёт едва ли не в геометрической прогрессии. В результате возникает даже необходимость выделить в качестве самостоятельной дисциплины так называемую юрислингвистику. По этой проблематике проводятся конференции, курсы повышения квалификации, появляются

учебники, пособия, появляется потребность даже в издании специального периодического издания.

Но если в конце 90-х основная часть экспертиз была тематически ограничена анализом сниженной лексики в связи с проблемами защиты чести, достоинства и деловой репутации, то с каждым новым годом возникали всё более специфические проблемы. Трендом последних лет стали исследования тождества и сходства товарных знаков и обозначений, то есть актуальной стала проблема сопоставления той части ономастической лексики, которая обозначается термином *эргоним*.

Специалисты Роспатента в своих исследованиях руководствуются «Методическими рекомендациями по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство», утверждёнными приказом Роспатента, так как именно в этом источнике сформулированы критерии, предназначенные для экспертов и специалистов Роспатента и подведомственных ему организаций с целью их применения при определении тождества и сходства до степени смешения товарных знаков и знаков обслуживания.

Обратим внимание на то, что данные рекомендации усматривают нарушение прав обладателя товарного знака не только при использовании тождественного (эквивалентного) языкового знака, но и похожего на него другого знака, причём по самым разным основаниям. При этом иных параметров, кроме тождества и сходства, «Методические рекомендации...» не предусматривают. Тождество словесных наименований в документе практически не комментируется (исключая фразу: «совпадает <...> во всех элементах» [там же: 2], которая, впрочем, даёт основание предполагать, что *отдельность* торговых знаков понимается следующим образом: «различается во всех элементах» [там же], ведь всё остальное должно интерпретироваться как *сходство до степени смешения*, Последнее понимается следующим образом: «Обозначение считается сходным до степени смешения с другим обозначением, если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на их отдельные отличия» [там же]. Однако такое понимание может быть доведено до абсурда, поскольку сходным может быть признано похожее всего лишь в одном элементе – букве, звукосочетании, даже в выборе цветовой гаммы и др. Например, сходными до степени смешения должны быть признаны любые словесные знаки, оформленные в кириллице, глаголице, латинице, китайской, корейской, японской

иероглифике и т.д. – только потому, что это знаки одной графической системы. В этой системе рассуждений сходными до степени смешения окажутся, например, топонимы *Индия* и *Россия*, т.к. в их составе по 6 звуков, причём последние три совпадают – [ија] (фонетическое сходство), кроме того совпадают по две последние буквы в финальной части топонимов (графическое сходство). Кстати, можно вспомнить и о том, что они из одной тематической группы – именованья государств (лексическо-семантическое подобие).

С точки зрения принципов языкового анализа возникает абсурдная ситуация, когда все случаи паронимов, омофонов, омографов должны рассматриваться как обладающие свойствами тождества («сходства до степени смешения»). Перечень таких случаев настолько велик, что возникает вопрос: «А есть ли нечто, что можно назвать непохожим?». Таким образом, если принять дихотомию *тождество – сходство до степени смешения*, используемую «Методическими рекомендациями...» как правомерную, то можно предположить и следующее понимание основной её идеи: товарных знаков (эргонимов), различающихся полностью, для Роспатента не существует в принципе.

Но это приводит к заключению, что когнитивное пространство одного из наиболее востребованных при охране товарных знаков и защите интеллектуальной собственности таксонимов (*сходство до степени смешения*) требует серьёзных комментариев.

Сразу же заметим, что помимо денотативной семантики, данный термин отчётливо обнаруживает некоторые коннотативные семы, более того, в нём вполне проявляется и интерпретационная семантика, т. е. та, которая даёт возможность истолковывать выражение *сходство до степени смешения*, учитывая интересы истца и ответчика.

Рассмотрим подробнее семантическое наполнение неоднословного термина *сходство до степени смешения*. Разумеется, лексема *сходство* должна быть признана соответствующей тем требованиям, которые предъявляются к объективной номинации, в то время как функция выражения *до степени смешения* может быть охарактеризована как коннотативно окрашенная, поскольку обнаруживает свойства интенсификатора. Подобное понимание данного терминологического выражения объясняется тем, что многозначный предлог *до*, помимо значения искомого предела в известном интервале (*в течение дня до вечера*), имеет ещё и значение

крайней степени действия или состояния (*кашлять до изнеможения, растирание до боли* и др.).

Причём отсутствие промежуточных параметров тождества-сходства в рамках терминосистемы «Методических рекомендаций...» Роспатента позволяет экспертам и специалистам в случае необходимости использовать либо «интервальную», либо такую интерпретацию таксона *сходство до степени смешения*, когда учитывается именно его «степенная» характеристика.

Таким образом, анализируемый таксон построен противоречиво: в него встроены как семы с преобладанием денотативной семантики, так и те, где наличествуют оценочные фрагменты, что не позволяет признать данную неоднословную номинацию терминологически оправданной.

С целью объективизации критериев анализа по рассматриваемой проблеме кажется принципиально важным изменить подходы к оценке товарных знаков и торговых обозначений следующим образом. Во-первых, исследование целесообразно вести не с учётом терминологического противопоставления в рамках пары синонимов тождество – сходство, а учитывая антиномию тождество – отдельность (различие), поскольку экспертиза должна решать именно эту сторону проблемы. В таком случае достаточно выстроить, например, следующую пошаговую градацию: тождество – общность – близость – похожесть – аналогия – различие, устанавливая в процентном отношении количество совпадающих элементов к общему количеству сопоставляемых единиц с шагом 15 % – от полного совпадения (100% – тождество) до отсутствия сходства (40% и меньше – различие). Нижний предел в 40%, как нам кажется, вообще лишает смысла разговор о сходстве товарных знаков.

Например, при сравнении зарегистрированного товарного знака *Облакаstudio* и номинации *Облака* обнаруживается, что процент тождественных графем едва превышает показатель 40 процентов, так как помимо латиницей записанного фрагмента сложного слова *studio* к некириллическому письму относится и буква *k*. Таким образом, анализируемые товарные обозначения могут быть квалифицированы как относящиеся к случаям аналогии и не могут считаться сходными до степени смешения.

Список литературы

Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство. Утверждены приказом Роспатента от 31.12.09 № 197. URL: http://www.rupto.ru/docs/norm_doc_RF/metod_rec_tojd.pdf.

I. G. Osetrov

Trademark: confusing similarity

Intension of confusing similarity, term used in patenting, is studied in the aspect of trademark linguistic analysis. Trademark is looked upon as a proper noun type.

Key words: linguistic sign, trademark, confusing similarity, linguistic sign identity and singularity.

*Е.С. Синенко
(Донецк, ДНР)*

Структура отагионимного экклезионима именного типа

Отагионимный экклезионим именного типа имеет сложную структуру. В статье анализируется состав официальных и неофициальных онимов этого разряда на примере наименований православных храмов России, существовавших на территории нынешней Российской Федерации к 1917 году и построенных в постсоветское время.

Ключевые слова: отагионимный экклезионим именного типа, престольный номинатор, агиоидентификатор.

В современной экклезионимике наметились два подхода к анализу структуры экклезионима: морфолого-синтаксический (в этом направлении работает О.А. Лукина (Борисевич), которая анализирует состав номенклатурного термина и проприальной части и способы связи этих компонентов между собой) и структурно-семантический (это направление развивается в исследованиях Е.П. Арининой, Г.П. Лазаренко, которые в большей мере уделяют внимание семантической наполненности экклезионима). Анализируя состав экклезионимов, все исследователи отмечают многословность и многокомпонентность их структуры, наличие обязательных и дополнительных элементов, что приводит к существованию множества вариантов в пределах одной проприальной единицы.

Остановимся на структуре официальных (канонических полных) и неофициальных (общеупотребительных, обиходных кратких) форм отагионимных экклезионимов именного типа. Лексический состав онимов этого типа наиболее разнообразен. Материалом для анализа стали наименования культовых сооружений, представленные на сайте

«Храмы России», ставящем своей целью собрать воедино и систематизировать документальные сведения о храмах и монастырях, существовавших на территории нынешней Российской Федерации к 1917 году и построенных в постсоветское время. Опыт стандартизации названий церквей, предложенный разработчиками, можно считать удачным, поскольку при составлении учтены разные варианты наименований храмов.

Ядерным элементом в структуре как именного, так и адъективного экклезионима является слово или словосочетание, указывающее на посвящение церковного объекта (*престольный номинатор* в терминологии Бугаевой¹¹), например: церковь *Марины Великомученицы* в Битце, *Серафимовская* церковь. Официальная полная формула отагионимного экклезионима, в соответствии со Списком стандартизированных наименований храмов такова: номенклатурный термин + словосочетание *во имя* + лексический элемент¹² *святого, святой, святых* + *престольный номинатор*, в состав которого входят обязательный компонент – имя святого – и дополнительные, идентифицирующие данного святого компоненты, которыми выступают:

I. Лексемы, указывающие на лик¹³ (чин) святости:

1) апостолы; (различают двенадцать апостолов и еще 70 учеников Христа, избранных Им в последний год Его земной жизни для проповеди христианской веры): церковь во имя святых *апостолов*

---

¹¹ Престольным номинатором Бугаева называет лексему, которая обозначает, в честь какого праздника или святого освящен престол храма. В нашем исследовании мы также будем пользоваться данным термином, внося некоторые уточнения. Поскольку храмы и монастыри могут получать имя в честь иконы Богородицы, во имя Святой Троицы или Архангелов, то престольным номинатором также может выступать название образа Божией Матери или Небесных бесплотных Сил. Таким образом, под *престольным номинатором* мы понимаем слово, чаще словосочетание, указывающее во имя какого святого, христианского праздника, иконы Богородицы или верховного христианского Божества освящен престол храма.

¹² Отмечено, что данный элемент не используется, когда в формулу экклезионима включается лексема с корнем -свят- (святитель, священномученик): церковь во имя *святителя* Петра, митрополита Московского и всея Руси, чудотворца, часовня во имя *священномученика* Кронида Радонежского.

¹³ Лик (чин) святости – различные категории, на которые в православии принято разделять святых при их канонизации и в почитании в зависимости от трудов при жизни.

Петра и Павла, церковь во имя святого *апостола* и евангелиста Луки, церковь во имя святого *апостола* Фомы, церковь во имя священномученика Симеона, сродника Господня, епископа Иерусалимского, *апостола от 70-ти*;

2) бессребреники (христиане, прославившиеся своим бескорыстием): церковь во имя святых *бессребреников* Космы и Дамиана Ассийских, часовня во имя святых *бессребреников* и мучеников Кира и Иоанна в Мишутино;

3) благоверные (монархи или князья, прославляемые церковью за праведную жизнь, за дела по укреплению церкви и веры, и не относящиеся к мученикам и страстотерпцам): собор во имя святого *благоверного* князя Александра Невского, церковь во имя святой *благоверной* княгини Анны Кашинской;

4) богоотцы (родители Богородицы): церковь во имя святых праведных *Богоотец* Иоакима и Анны;

5) исповедники (лица, открыто исповедовавшие свою веру во время гонений на христиан. В отличие от мучеников, исповедники после перенесенных мучений оставались в живых): церковь во имя святителя Мартина *Исповедника*, папы Римского, церковь во имя святого преподобного Василия Декаполита, *исповедника* у Рогожской заставы, церковь во имя святого преподобного Максима *Исповедника* в Нахабине;

б) равноапостольные (лица, прославившиеся проповедью Евангелия и обращением народов в христианство): церковь во имя святого *равноапостольного* князя Владимира, церковь во имя *равноапостольных* царя Константина и матери его царицы Елены, церковь во имя святых *равноапостольных* Кирилла и Мефодия, учителей словенских;

7) святители (архиереи, или епископы, прославившиеся праведной жизнью и пастырской деятельностью): церковь во имя *святителя* Афанасия, епископа Ковровского, придел во имя *святителя* Ливерия, папы Римского, церковь во имя *святителя* Петра, митрополита Московского и всея Руси, чудотворца;

8) мученики (люди, принявшие смерть за свою веру): церковь во имя святых *мучеников* Гурия, Самона и Авива, церковь во имя святой *мученицы* Надежды. Среди мучеников выделяются такие группы святых, как: а) великомученики (мученики за веру, перенесшие особо тяжкие и продолжительные мучения, проявившие чрезвычайную твердость в вере): собор во имя святого *великомученика* Никиты,

собор святой *великомученицы* Екатерины; б) священномученики (мученики за веру из числа священников): церковь во имя *священномученика* Ермолая Никомидийского, церковь во имя *священномученика* Николая Подольского на Красной горке; в) преподобномученики (мученики за веру из числа монахов): церковь во имя святого *преподобномученика* Серафима Клинского (Вавилова), церковь во имя святой *преподобномученицы* Елисаветы Феодоровны Алапаевской; г) страстотерпцы (лица, принявшие от единоверцев мученическую кончину не за веру, а в силу злобы, коварства или заговора. Их подвиг характеризуется как беззлобие и непротивление врагам): часовня Николая II Царя-*страстотерпца*, церковь во имя святой *великомученицы* и *страстотерпицы* Александры, царицы Римской;

9) праведные (миряне и священнослужители из белого духовенства, почитаемые за праведную семейную или общественную жизнь): церковь во имя святых *праведных* Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, церковь во имя святого *праведного* Иоанна Кронштадского, чудотворца;

10) преподобные (монашествующие, почитаемые за подвижническую жизнь, проявляющуюся в аскетическом образе жизни): церковь во имя святых *преподобных* Зосимы и Савватия Соловецких, церковь во имя святой *преподобной* Марии Египетской, церковь во имя святой *преподобной* Ефросинии Полоцкой;

11) пророки (лица, упомянутые в Библии, возвещавшие народу волю Бога и проповедовавшие на территории древних Израиля и Иудеи. Почитают 18 ветхозаветных пророков и одного новозаветного – Иоанна Крестителя): церковь во имя святого *пророка* Илии, церковь во имя святого *пророка* Осии, церковь во имя святого *пророка* Моисея Боговидца;

12) столпники (лица, как правило, преподобные, принявшие на себя подвиг столпничества – непрестанную молитву на столбе, башне и т. п.): церковь во имя святого преподобного Симеона *Столпника* за Яузой, храм во имя святого преподобного Даниила *Столпника*, церковь во имя святого преподобного Никиты *Столпника*, Переславского чудотворца;

13) юродивые, или блаженные, (подвижники, добровольно принявшие на себя образ безумных): церковь во имя святого *блаженного* Прокопия, *Христа ради юродивого*, устюжского чудотворца, церковь во имя святой *блаженной* Ксении

Петербургской, *Христа ради юродивой*, церковь во имя святого *блаженного* Максима, *Христа ради юродивого*, московского чудотворца, на Варварке.

II. Агиоидентификаторы – «добавленные к христианским личным именам «прозвищные» имена святых, под которыми они «зафиксированы» в истории и памяти людей» [Арина 2008: 11]. Принимая во внимание классификацию агиоидентификаторов, предложенную Ариной, предлагаем свой вариант.

По отнесенности к одному или нескольким святым агиоидентификаторы можно разделить на две группы:

1) агиоидентификаторы, которые являются общими для нескольких святых, тем самым сближаясь с разрядами святости. Как правило, они характеризуют сакральную деятельность святого. Так, известны собор во имя святого апостола и евангелиста Иоанна *Богослова*, церковь во имя святителя Григория *Богослова*, архиепископа Константинопольского. Агиоидентификаторы *чудотворец* и *евангелист* тоже могут входить в состав нескольких престольных номинаторов, например: церковь во имя святого преподобного Варлаама Хутынского, новгородского *чудотворца*, церковь во имя святителя Варсонофия, епископа Тверского, Казанского *чудотворца*, церковь во имя святых благоверных князя Петра и княгини Февронии, Муромских *чудотворцев*; церковь во имя святого апостола и *евангелиста* Луки, церковь во имя святого апостола и *евангелиста* Матфея в Писковичах, собор во имя святого апостола и *евангелиста* Иоанна Богослова;

2) единичные агиоидентификаторы принадлежат только одному святому. Среди них обозначим несколько подгрупп:

а) агиоидентификаторы-прозвища, характеризующие личность святого, его умения или деяния, отличающие его от других, и имеющие прозрачную мотивировку, например: церковь во имя святого преподобного Романа *Сладкопевца*, церковь во имя святого праведного Симеона *Богоприимца*, церковь во имя святой великомученицы Анастасии римляныни, *узорешишельницы*, церковь во имя святого преподобного Иосифа *Писнописца* при доме призрения в Елабуге;

б) оттопонимные агиоидентификаторы – прозвища, образованные от наименования местности, где прославился святой: церковь во имя святого преподобного Серафима *Саровского*, собор во

имя святого преподобного Сергия *Радонежского*, во имя святого преподобного Александра *Ошевенского*;

в) патронимные агноидентификаторы – имена по отцу: церковь во имя святого апостола Иакова *Зеведеева* (сын Зеведеев), церковь во имя апостола Иакова *Алфеева* (сын Алфея, т. е. Алфеев);

г) фамильные агноидентификаторы. Агноидентификатором выступает мирская фамилия святого: церковь святого преподобного Андрея *Рублева*, церковь во имя святого праведного воина Феодора *Ушакова*, адмирала флота Российского.

В некоторых случаях в полных формах фамилия указывается вместе с оттопонимным агноидентификатором. Сравните краткую и полную формы: церковь Александра и Иоанна *Шатурских* (*Шатурские* – оттопонимное прозвище святых, чья деятельность проходила в с. Петровском Шатурского района) – церковь во имя священномучеников Александра (*Сахарова*) и Иоанна (*Тихомирова*) *Шатурских*; часовня Василия *Сыпановского* на нерехтском кладбище (*Сыпановский* – от названия поселения Сыпаново) – часовня во имя священномученика Василия *Сыпановского* (*Разумова*).

III. Лексемы, называющие род деятельности, профессию: церковь во имя святого преподобного Агапита Печерского, *врача безмездного при Дорожной больнице*, церковь во имя святого мученика Виктора Дамаскина, *воина*.

IV. Словосочетание, в состав которого входят лексема, указывающая на церковную должность либо государственный титул + оттопонимный дифференциатор (лексема, называющая территорию, на которую распространяется власть или влияние данного лица): церковь во имя святителя Тихона, *патриарха Всероссийского*, собор во имя святителя Петра *митрополита Московского и всея Руси*, чудотворца, церковь во имя Василия, *епископа Рязанского*, в Новоселках, церковь во имя святой мученицы Людмилы, *княгини Чешской*, в Нови.

V. Лексемы, называющие государственный титул: церковь во имя святой равноапостольной *княгини* Ольги, церковь во имя святого благоверного *князя* Михаила Тверского, церковь во имя святого благоверного *царевича* Димитрия Угличского (Московского), придел во имя святой страстотерпицы Александры Феодоровны (Романовой), *императрицы*.

VI. Лексемы со значением семейного родства: церковь во имя святого праведного Иосифа, обрученного *мужа* Пресвятой Девы

Марии, церковь во имя святых преподобных Кирилла и Марии Радонежских, *родителей* преподобного Сергия Радонежского, церковь во имя святых мучениц Веры, Надежды, Любви и *матери* их Софии.

VII. Лексемы, указывающие на возраст: церковь во имя святой блаженной *старицы* Матроны Московской, церковь во имя святых Максимилиана, Иамвлиха, Мартиниана, Иоанна, Дионисия, Ексакустодиана (Константина) и Антонина, семи *отроков* Эфесских.

Факультативными в структуре экклезионима именного типа являются элементы *во имя* и *святого, святой, святых*. Состав кратких форм именных отагионимных экклезионимов варьируется в зависимости от того, какие дополнительные, идентифицирующие конкретного святого компоненты получают позицию в структуре онима. Приведем ряд наиболее частотных сочетаний элементов в структуре кратких форм.

1) номенклатурный термин + имя святого + лексема, указывающая на лик святости: *церковь Даниила Пророка, церковь Евгении Преподобномученицы, церковь Максима Блаженного, церковь Татианы Мученицы;*

2) номенклатурный термин + имя святого + агиоидентификатор: *церковь Игнатия Богоносца, церковь Иосифа Обручника, церковь Илии Муромца, церковь Евфимия Суздальского, церковь Григория Неокесарийского;*

3) номенклатурный термин + имя святого + словосочетание ‘церковная должность + оттопонимный дифференциатор’: *часовня Иакова, епископа Ростовского, церковь Климента, папы Римского, церковь Льва, епископа Катанского, церковь Митрофания, патриарха Константинопольского;*

4) номенклатурный термин + имя святого: *церковь Захарии и Елисаветы, церковь Варвары, часовня Кирика и Иулитты в Курьяновской, церковь Космы и Дамиана.*

Список литературы

Арина Е.П. Содержательное и структурное своеобразие русских экклезионимов в типологическом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара: Самарский гос. ун-т, 2008. 19 с.

Борисевич О.А. Экклезионимия Беларуси: структурный, номинативный, лингвогеографический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск: Витебский гос. ун-т им. Машерова, 2012. 24 с.

Бугаева И.В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: Автореф. дис. ... д. филол. наук. Москва: Российский гос. аграрный ун-т, 2010. 48 с.

Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М.: «Гнозис», 1994. 112 с.

Лазаренко Г.І. Структурно-семантичні особливості відіконімічних еклезионімів XVIII–XX ст. // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. 2011. Вып. 1. С. 191–195.

Лукина О.А. Экклезионимное пространство Беларуси: монография. Витебск: ВГУ имени П.М Машерова, 2014. 110 с.

Лукина О.А. Агионим – экклезионим: проблемы взаимодействия (на материале названий культовых сооружений Беларуси) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. 2015. № 10. С. 100–104.

E.S Sinenko

The structure of an agionym-derived ecclesionym of nominal type

Consisting of many components ecclesionyms derived from agionyms have a complex structure. In this article the structure of formal and informal onyms of this category is analyzed. In our research we have used names of Russian orthodox churches that existed on the territory of the Russian Federation by 1917 and the ones that were built in the post-Soviet period.

Key words: agionym-derived ecclesionym of nominal type, altar nominator, item indentified a saint.

E.V. Тихоненко

(Минск, Беларусь)

Лингвистический статус эргоурбанонима

В статье рассматривается лингвистический статус названий городских объектов. Автор делает попытку определить терминологию и место в ономастическом пространстве имён объектов города.

Ключевые слова: ономастическое пространство, эргоним, эргоурбаноним, фирмоним, критерии для номинации.

В ономастическом пространстве, которое представляет собой «комплекс имён собственных всех классов, употребляемых в языке данного народа в данный период для именованя реальных, гипотетических и фантастических объектов» [Способы номинации... 1982.: 12] внутригородские названия образуют уникальную подсистему со своими особенностями формирования, развития и функционирования. Название внутригородского объекта в научной литературе обозначается

термином **урбаноним**, совокупность названий внутригородских объектов – **урбанонимия**, а раздел топонимики, изучающий данные объекты, – **урбанонимика**. В ономастических исследованиях также встречаются термины **урбонимия** и **урбоним**, которые признаются менее удачными. Латинские элементы *urb-* и *opita*, включенные в термин, могут относиться как к названиям внутригородских объектов, так и к названиям городов.

Большая роль в развитии урбанонимной терминологии принадлежит Н.В. Подольской, автору первого словаря русской ономастической терминологии [Подольская 1988]. Согласно этому словарю весь комплекс собственных имён, которые служат для номинации внутригородских объектов, ныне существующих или существовавших ранее, составляет **урбанонимное пространство**, которое включает в себя различные городские объекты.

Существуют различные подходы к выделению единиц урбанонимного пространства. Н.А. Прокуровская, понимая под городским ономастическим пространством «совокупность и систему микротопонимов, именующих городские объекты с учетом их пространственных характеристик, устройства и статуса» [Прокуровская 1996: 14], выделяет три типа объектов:

1) плоскостные, или планарные, к которым относятся названия территориально-административных районов, микрорайоны, отдельные участки городской территории;

2) линейные – это названия объектов города, имеющих линейную протяженность, т. е. названия улиц, переулков, проездов, скверов, проспектов, тупиков, трактов, линий, шоссе, набережных и т.п.;

3) точечные – наименования построек различного функционального профиля, которые являются объектом данного исследования.

В свою очередь Н.В. Подольская предлагает для обозначения онимных единиц, входящих в урбанонимное пространство, использовать следующие термины: **агороним** – название городской площади, рынка; **годоним** – название линейного объекта в городе; **хороним** – название района, области; **ойкодомоним** – название строения, здания; **эклезионим** – название места проведения обрядов (церкви, монастыри); **урбаногидроним** – название рек, озёр на территории города. Для обозначения названий предприятий, учреждений, фирм и т. п. Н.В. Подольская использует термин **эргоним** как название делового объединения людей, в том числе

союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка [Подольская 1988: 151]. Данный термин используют в своих исследованиях А.В. Суперанская [2007], И.В. Крюкова [2004], Г.А. Донскова [2004].

Вопрос о том, какие именно они относятся к эргонимии, до сих пор является предметом научных споров. Существует два подхода к определению места эргонимов в системе онимной лексики. Ряд учёных (А.М. Мезенко, М.В. Горбаневский) рассматривают эргонимы как часть урбанонимной системы, другие (Н.В. Шимкевич, Н.В. Подольская), правомерно выделяют эргонимы в отдельный класс онимной лексики, так как на современном этапе денотатом для эргонима выступает топографический объект (кафе, магазин, завод, аптека и т.п.) и юридическое лицо (общество, союз, кооператив, фонд и др.). Благодаря своей привязанности к месту эргоним сближается с топонимом, а благодаря связи с профессиональным объединением людей – с обозначением коллективов – соционимами. Данная группа наименований входит в состав корпуса урбанонимов, но не может быть однозначно отнесена к городской топонимии.

Традиционно классификация внутригородских объектов проводится по следующим критериям: субъект хозяйствования, цель деятельности, отраслевая принадлежность.

I. В зависимости от субъекта хозяйствования все внутригородские объекты делятся на: 1) государственные, где государство является важнейшим субъектом хозяйственной деятельности; 2) негосударственные, субъектом хозяйствования которых является юридическое лицо или индивидуальный предприниматель.

II. В зависимости от цели деятельности все внутригородские объекты подразделяются на: 1) коммерческие—это предприятия или индивидуальные предприниматели, деятельность которых направлена на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Целью деятельности данных предприятий является исключительно извлечение прибыли из своей деятельности; 2) некоммерческие—это организации, деятельность которых направлена не на получение прибыли, а на реализацию специфических, общественно значимых функций.

III. По отраслевой принадлежности выделяются следующие типы объектов: 1) предприятия сферы обслуживания, включающие в

себя предприятия торговли (магазины, рынки, павильоны, торговые центры и т.п.); предприятия общественного питания (рестораны, кафе, бары, пиццерии, столовые, кафетерии и т.п.); предприятия службы быта (прачечные, химчистки, ремонтные мастерские, ателье, парикмахерские, салоны красоты и т.п.); предприятия гостиничного бизнеса (отели, мотели, гостиницы и т.п.); 2) учреждения культуры и досуга (театры, музеи, цирки, кинотеатры, клубы, развлекательные центры и т.п.); 3) учреждения образования (детские ясли, детские сады, школы, техникумы, колледжи, институты, университеты и т.п.); 4) спортивно-оздоровительные учреждения (дворцы различных видов спорта, стадионы, тренажерные залы, фитнес-клубы и т.п.); 5) медицинские учреждения (поликлиники, больницы, аптеки, санатории, центры косметологических услуг и т.п.); 6) социальные учреждения (приюты, интернаты, пункты социальной помощи, реабилитационные центры и т.п.); 7) религиозные организации (церкви, костелы, мечети, общины, секты и т.п.).

Основу эргонимного поля составляют фирменные и городские имена. Фирменное имя – это официальное наименование, под которым предприятие осуществляет свою коммерческую деятельность, совершает кредитно-финансовые операции, выступает в суде. Право на именование является исключительным правом юридических лиц. Для обозначения данного разряда эргонимного поля используются следующие термины: **ктематонимы** (А.Л. Василевский), **темонимы** (Н.В. Шимкевич), **эрготемонимы** (Т.В. Ларина), **фирмонимы** (Т.Н. Николаева), **рекреационно-деловые названия** (В.А. Скрозникова).

Второй базовый разряд эргонимного поля представляют собой городские наименования объектов торговли, общественного питания и услуг, которые функционируют на городских вывесках и баннерах, которые Л.А. Канападзе и Е.В. Красильникова образно называют «словами на вывесках». Для обозначения данной группы названий термин пока не установлен. В научной литературе для обозначения наименований внутригородских объектов используются следующие термины: **рекламное имя** (И.В. Крюкова); **ойкодомоним** (от греческих терминов со значением ‘здание, строение’ и ‘имя’), предлагаемый Н.В. Подольской и А.М. Мезенко, **коммерсоним** (Т.А. Новожилова) – названия коммерческих предприятий; **НКП** (Д.А. Яловец-Коновалова) – названия коммерческих предприятий; **собственные имена комплексных**

объектов (А.В. Суперанская); **точечные урбонимы** (А.Г. Кривоzubова)

Данные термины нужно признать неудачными по ряду причин. Термин **рекламное имя** является излишне широким и охватывает все наименования, имеющие принадлежность к рекламе. Рекламная функция является одной из ведущих (но не единственной) среди наименований внутригородских объектов. В наименовании магазина «Продукты» основной функцией является информативная, а следовательно обозначить данный оним термином **рекламное имя** представляется необоснованным. Кроме того, термином **рекламное имя** предполагается обозначать такие разные разряды онимической лексики, как товарный знак, название предприятия, наименования средств массовой информации и т.д.

Мы не считаем возможным обозначать все наименования внутригородских объектов термином **ойкодомоним**. Рассмотрим основные причины, по которым данный термин исключается.

1. Данный термин может использоваться в случае, если объект занимает целое здание или строение. Например, для таких наименований, как *ЦУМ, ГУМ, «Торговый дом на Немиге», универмаг «Беларусь», Дворец Спорта, СК «Олимпийский», «Мир фитнеса», Дворец водного спорта*, названий всех гипермаркетов, гостиниц, театров, музеев справедливо терминологическое обозначение **ойкодомоним**. Однако часто предприятие занимает лишь часть здания и размещается в одной или нескольких комнатах, на одном этаже или в одном подъезде. В таком случае название объекта не может стать именем строения, в котором он размещен.

2. Ойкодомоним представляет собой собственное имя любого здания, в том числе и жилого, и памятника архитектуры. Следовательно, в одном разряде эргонимного поля оказываются Национальный академический большой театр оперы и балета Республики Беларусь, Минская городская ратуша, монумент Победы и жилой дом № N.

3. Ойкодомоним может совпадать с наименованием объекта (магазина, кафе, ателье и т.п.) только в случае, если объект располагается в данном здании. При перемещении объекта в другое здание ойкодомоним исчезает или заменяется другим, тогда как наименование объекта сохраняется.

4. При существовании сети объектов с одним наименованием, возникает эргонимная омонимия. Так, в Минске существует четыре

торговых объекта под названием «*Оранжевый верблюд*». В случае классифицирования названия «*Оранжевый верблюд*» термином **ойкодомоним**, можно говорить о четырёх зданиях, имеющих названия-двойники. Отрицая явление омонимии среди ойкодомонимов, следует признать название «*Оранжевый верблюд*» единым эргоурбонимом.

Термины **коммерсоним** и **НКП** требуют разъяснения значения лексемы «коммерческий». Согласно определению понятия С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой *коммерческий* – ‘торговый, относящийся к торговле’. Т.А. Новожилова отмечает, что «коммерсонимы являются названиями только тех коммерческих предприятий, деятельность которых заключается в торговле товарами или услугами с целью получения непосредственной прибыли. К таким предприятиям относятся магазины, предприятия общественного питания, спортклубы, парикмахерские» [Новожилова 2005: 5].

Р.И. Козлов, указывающий, что названия «локализованных коммерческих предприятий» являются «не только *эрго-*, но и *топообъектами*», предлагает термин *эргоурбоним* [Козлов 2000]. Соглашаясь с исследователем, что термин должен фиксировать комплексный характер объекта номинации, представляющий, с одной стороны, деловое предприятие, а с другой – объект городского пространства, считаем, что термин, предложенный Р. И. Козловым, содержит некоторые неточности. Латинские элементы *urb-* и *opita*, включенные в термин, могут относиться как к названиям внутригородских объектов, так и к названиям городов. Элемент *урбан-* (от лат. *urbanus* ‘городской’) более точно соотносится со значением ‘название городского объекта’. Поэтому для номинации объектов, через который предприятие реализует товары, услуги, в данной работе используется термин **эроурбаноним**.

Таким образом, эргонимия представляет собой сложное неоднородное пространство наименований, которые входят в состав корпуса урбанонимов, но не могут быть однозначно отнесены к городской топонимии. Среди эргонимов выделяются фирмонимы и эргоурбанонимы. Фирмоним – это юридически закрепленное название фирмы, организации. Эргоурбаноним – название, фигурирующее на вывесках городского объекта, через который фирма реализует свои товары и услуги.

Между фирмонимами и эргоурбанонимами складываются иерархические отношения: объекты реализации товаров и услуг

находятся в непосредственном подчинении организации, фирмы. Анализ эргонимного поля показал, что

1) один фирмоним может иметь несколько эргоурбанонимов (как, например, названные выше *ОАО «Восход»* и *АО «Ажына»*);

2) эргоурбаноним может не иметь фирмонима в том случае, если форма бизнеса – индивидуальное предпринимательство или субъектом хозяйствования является государство (*магазин «Блеск» – ИП Язевич А.В., ГУМ, ЦУМ* и др.);

3) фирмоним может не иметь эргоурбанонима, если организация (фирма) не имеет конкретной локализации в городе и фигурирует только в официальных документах;

4) фирмоним и эргоурбаноним могут совпадать (*ООО «Лодэ» – медицинский центр «Лодэ», ОДО «BeautyTime» – салон красоты «BeautyTime»* и др.). Но чаще всего для эргоурбанонима выбирается другое название, не совпадающее с фирмонимом (например, *ООО «Студенческий дом» – салон красоты «Селин», ОАО «Рыбокомплекс» – магазин «Дары моря»* и т. д.). Для эргоурбанонимов выбираются более эмоциональные, стилистически окрашенные слова, фирмонимам свойственна нейтральная лексика.

Список литературы

Донскова Г.Л. Сравнительно-сопоставительная характеристика динамики эргонимической номинации Нижнего Поволжья и Западного Казахстана: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2004. 16 с.

Козлов Р.И. Эргоурбанонимы как новый разряд городской ономастики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 22 с.

Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: Дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2004.

Новожилова Т.А. Номинация современных коммерческих предприятий: на материале русского, английского и немецкого языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ростов-на-Дону, 2005. 16 с.

Подольская Н.В. Словарь ономастической терминологии. изд 2-е, перераб. и доп. М: Наука, 1988. 187 с.

Прокуровская Н.А. Город в зеркале своего языка (на языковом материале г. Ижевска). Ижевск, 1996.

Способы номинации в современном русском языке. М.: Наука, 1982. 96 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. Москва: URSS: ЛКИ, 2007. 365 с.

Тихоненко Е.В. Наименования торговых объектов города Минска: лексико-семантический и структурно-грамматический анализ // Молодежь в науке – 2009: прил. к журн. «Вес. Нац. акад. навук Беларусі»: в 5 ч. / Нац. акад.

наук Беларуси, совет молодых ученых. Минск, 2010. Ч. 2 : Сер. гуманитар. наук / редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. С. 317–322.

Тихоненко Е.В. Эргоурбанонимия белорусской столицы: лингвистический и правовой аспект стандартизации // Вес. Беларус. дзярж. пед. ун-та. Сер. 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. 2014. № 2. С. 91–95.

Ціханенка А.В. Структурна-семантычныя асаблівасці назваў аб'ектаў грамадскага харчавання г. Мінска // Беларуская лінгвістыка / НАН Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Філ. «Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы». Мінск, 2010. Вып. 64. С. 124–130.

E.V. Tikhonenko

Linguistic status of ergourbanonym

The article defines the linguistic status of names of city objects. The author makes an attempt to define terminology and place of city objects' names in onomastic space.

Key words: onomastic space, ergonym, ergourbanonym, firmonym, criteria for nomination, ergourbanonymal standardization.

S. Томасик

(Быдгощ, Польша)

Названия ветеринарных клиник Нижнего Новгорода

В статье рассматриваются мотивационные модели названий ветеринарных клиник Нижнего Новгорода.

Ключевые слова: мотивационная модель, ономастика, ономастическое пространство города.

Названия разного типа предприятий уже несколько лет являются полем интереса ономастов. Такое явление связано с новой языковой ситуацией. В Польше моментом для серьезных изменений стали перемены 1989 года, а в России – распад СССР. В связи с новой обстановкой началось меняться также ономастическое пространство города. Интерес к названиям торговых точек вытекает из увеличивающегося значения торговли в повседневной жизни людей. Второй повод быстрого роста количества названий ветеринарных клиник связан с культурой. Профессия ветеринарного врача существовала уже давно, но подход к этой профессии начал меняться, когда люди, живущие в городе, начали менять свое отношение к животным. Раньше ветеринарный врач ассоциировался, прежде всего, со скотом, с деревенскими животными. Городской ветеринар, со временем стал ассоциироваться с домашними любимцами, с

маленькими животными, напр.: кошками, собаками, черепахами, попугаями. Изменившаяся рыночная и культурная ситуация привела к быстрому росту количества ветлечебниц. Эти предприятия стали бороться за клиента. Одним из способов такой борьбы является подбор названия.

Причиной, по которой я решила заняться этой темой, стало приобретение собаки и обращение внимания на ономастикон ветеринарных клиник. Многие явления мы замечаем только, находясь в подходящей ситуации. Итак, настоящий ономастический анализ будет проводиться с точки зрения приехавшего в город клиента, владельца домашнего питомца.

Как замечает А. Сивец, главным поводом изучения собственных названий разного типа торговых точек являются разнообразные изменения в окружающем нас пространстве, которые находят свое отражение в языке. Конечно, имеются в виду всякого рода способы восприятия и описания повседневных явлений с целью передать торговую информацию. Такое замечается также в ситуации, когда адресант онимического коммуниката стремится передать информацию, касающуюся значения определённых культурных, экономических и общественных явлений [Siwies 2012: 204].

По словам Я.А. Карпенко, названия разного типа торговых точек являются по сей день ономастической группой, которая быстрее всех подвергается сильным изменениям [Капренко 1988: 7]

Настоящая статья является лишь вступлением в довольно специфическую тему, соединяющую любовь к животным и медицину. Это лишь введение в обширные сопоставительные ономастические исследования.

Цель настоящей работы – показать, как владельцы ветеринарных клиник, посредством имён собственных, влияют на своих потенциальных клиентов, т. е. владельцев животных.

Приступая к работе, мы ожидали, что в названиях обнаружим, прежде всего, два мотивационных направления. Первое – названия, содержащие элемент, связанный со здоровьем, ветеринарией, а также второе – названия с элементом, подчеркивающим любовь к животным и домашним питомцам или указывающее на самих питомцев. Проанализировав собранный материал, мы пришли к выводу, что мотивационных моделей больше.

Ономастический материал, представленный в данной статье извлечён в 2017 году из *Желтых страниц Нижнего Новгорода*. Нами было зафиксировано почти 80 онимов.

Собранный материал мы старались проанализировать, учитывая мотивацию и дополнительно уровень информативности. Учитывая эти факторы, собранный материал был разделён нами на три группы:

1. Первый уровень информативности – это названия, содержащие полную информацию о типе учреждения. Это первый, самый высокий уровень (полная информативность). Например, *Нижегородский ветеринарный госпиталь, Ветцентр на Волжской набережной, Центр ветеринарной диагностики, Городская ветеринарная клиника, Государственное ветеринарное управление г. Нижнего Новгорода, Ветеринарная клиническая больница святых Флора и Лаврия*.

Второй частью выше указанной группы являются названия, содержащие косвенное указание на тип заведения, напр.: *Зоотест, Зоовита, Доктор Зоо, Доктор Зоо Нижний Новгород, Зоомед, Зоозащита, Зоомир*.

Интересно отметить, что в названия этой группы вошел компонент греческого происхождения *зоо-*, являющийся первым элементом сложносоставных слов, относящихся к животным.

2. Второй, средний уровень информативности – это названия, дающие неполную информацию о типе предприятия.

Здесь можем заметить неполный уровень информативности. Такой подход выполняется двумя способами: указанием на животные (непосредственным либо метафорическим способом), напр.: *Pets, Кот и пес, Белая медведица, Чеширский кот, Рыжий кот, Кот матроскин* (герой вымышленный Эдуардом Успенским), *Пеликан, Багира, Муми-троль* (персонаж произведений Туве Янссон), *Ваш любимец, Фауна, Кошкин дом, Лапландия, Звере мое, Царство кошек, Верный друг, 4 с хвостиком, Киска стар, От носа до хвоста, Друг, Живая планета, Тетя кошка, Лапка, Котенок Гав* или на медицину, напр.: *Гален*.

3. Третий, самый низкий уровень – это названия, у которых нулевой уровень информативности. Они могли бы послужить как названия других предприятий, напр.: *Бетховен* (название фильма и кличка собаки-сенбернара, его главного героя; режиссер: Brian Levant. Учитывая кинематографические знания можно прийти к выводу, что данный оним является названием ветеринарной

клиники), *Лео, Артемида, Леопольд, Феникс, Фортуна, 101 далматинец, Сантана, Катрин, Доброе сердце, Амулет, Сладкий сон, Перспектива, Лу Лу, Бонифаций, Белый парус, Милорд, Гламур, Из звездного легиона, Бося.*

Как показывают настоящие исследования, в большинстве названий находим хотя бы частичную информацию, касающуюся типа и характеристики предприятия.

Возникновение и функционирование в повседневной коммуникации торгового названия детерминируют не только лингвистические аспекты, но также и другие, внеязыковые явления как психологические, прагматические, коммерционные аспекты. Одной из главных черт этого типа названий является своего рода посредничество между владельцем торгового предприятия и его потенциальным клиентом. Однако иногда, увидев собственное название, не легко однозначно определить тип описываемого предприятия.

Наши анализы показывают, что в плане информативности, названия нижегородских ветеринарных клиник во многом похожие на проанализированные А. Сивецом названия польских предприятий. Учёный замечает, что «семантическая система названий этого типа является идентичной основному значению имени нарицательного, которое подсказывает коммерческое направление называемого предприятия. Однако, иногда, авторы торгового названия влияют на клиентов благодаря названиям, которые вызывают у адресатов положительные ассоциации и чувства, связанные с данным объектом. Главная цель автора названия – показать, что мы имеем дело с онимическим объектом. Здесь нет дополнительной коммерческой информации. Автору названия не нужно информировать о типе деятельности или характеристикам описываемого объекта» [Siwiec 2012: 203].

Выделенные нами модели, скорее всего, окажутся устойчивыми, продуктивными. Ещё раз обратим внимание на работу А. Сивеца, который констатирует, что очень быстрые культурные и торговые изменения, которые замечаем прежде всего в городах, способствуют динамичному возникновению новых названий. Нередко новые онимы возникают благодаря мультипликации известных уже онимических моделей, которые используются для номинации данного типа объектов [Siwiec 2012: 204].

Параллельное существование разных, выделенных нами типов названий свидетельствует о том, что уровень информативности не так уж тесно связан с «качеством» названия, его функциональностью и удачностью.

Список литературы

Карпенко Я.А. Современное развитие русской ономастической системы // Актуальные вопросы русской ономастики. Киев. 1988. С. 5–14.

Gałkowski A. Chrematonimy w funkcji kulturowo-użytkowej. Onomastyczne studium porównawcze na materiale polskim, włoskim, francuskim. Łódź. 2011.

Siwiec A. Nazwy własne obiektów handlowo-usługowych w przestrzeni miasta. Lublin. 2012.

S. Tomasik

The names of veterinary clinics in Nizhny Novgorod

This article is devoted to the analysis of the names of veterinary clinics in Nizhny Novgorod.

The purpose of this article is to find the types of motivational names for veterinary clinics and their impression on clients.

Key words: onomastics, names of veterinary clinics, chrematonyms.

Н.А. Фатеева

(Тюмень, Россия)

Место милитарионимов в системе современной ономастики

В статье рассматриваются вопросы определения милитарионимов как класса в системе современной ономастики. Обосновывается необходимость выделения этого класса из разряда хрононимов. Милитарионимы – специфический класс ономастической лексики, который представляет интерес для разностороннего изучения.

Ключевые слова: имя собственное, ономастика, эвентоним, хрононим, милитарионим, фразеоним, ономастические реалии

Сегодня ономастическая наука отличается поисками новых исследовательских аспектов, освоением белых пятен ономастического пространства, углублённым изучением старых классических её областей [Сталтмане 1989: 7].

Как справедливо отмечает К.С. Мочалкина, «чем глубже разрабатывается ономастическая проблематика, тем в более детализированном подходе она нуждается: в настоящее время стало необходимым выявление и всестороннее исследование отдельных

проблем, а также отдельных областей ономастики» [Мочалкина 2004: 4].

Ономастическая лексика ещё в большей степени, чем апеллятивная, реагирует на общественно-политические, социальные и культурные изменения. В имени всегда отражается культура и социальная жизнь общества.

Другое удивительное свойство ономастических систем – хранить историческую память, содержать языковую информацию о прошлом, которая затем может быть интерпретирована с точки зрения лингвистики, истории и географии [Матвеев 2004: 12].

Основными, наиболее разработанными разделами ономастики являются антропонимика и топонимика. Антропонимы и топонимы заполняют ядерную и окооядерную зоны ономастического пространства. Периферийные разряды имён собственных (онимов) долгое время оставались вне поля зрения исследователей, хотя «имена собственные, относимые к периферийной зоне, выполняют существенную, социально значимую роль и соотносимы с культурным развитием народа. Они обладают лексическим фоном, информативны, включают в себе социокультурные возможности» [Мадиева 2014: 266].

К периферийным относятся, в частности, собственные имена, называющие события разного характера. Для обозначения имён исторических, общественных, политических, экономических, культурных, спортивных и военных событий используются различные термины. Для обозначения событийных имён П.Н. Донец вводит термин эвентоним (от лат. *eventus* ‘событие’, ‘случай’ и греч. *ονομα*, *ονομα* ‘имя’), считая его дискуссионным и направленным на феноменологию событий [Цитируется по: Хоффман 2005: 93].

Наряду с приведёнными П.Н. Донцом эвентонимами по отношению к событийным именам в ономастических системах разных языков используются такие термины, как-то: в английском – хрононимы, документонимы, махонимы, политонимы; в словацком (чешском) – акционимы, документонимы, идеонимы; в польском – геортонимы, акционимы, актонимы и документонимы [Цитируется по: Хоффман 2005: 93].

Стоит отметить, что при наличии в ономастике немалого количества различных классификаций имён собственных единой, строгой, чёткой классификации на данный момент нет. Учёными не раз отмечались «достаточно размытые иерархические отношения

между разрядами ономастической лексики, не поддающиеся жёсткому структурированию» [Супрун 2000: 3]. В этой связи необходим детализированный подход к изучению имён собственных, особенно периферийной зоны.

В русской ономастической науке для именованя разного рода событий используется термин хрононим.

Хрононимы – имена собственные «определенного отрезка времени, важного для человеческого общества тем, что в них локализовано какое-либо событие или события, характеризующиеся определёнными тенденциями. Пр.: *Русско-японская война, Ялтинская конференция, Петровская эпоха, Средние века, День Победы, Новый год, Рождество*» [Подольская 1978: 162].

Как видно из примеров, к хрононимам относятся имена собственные, называющие праздники и войны, политические события и религиозные даты, важные исторические эпохи. На наш взгляд, такие события, как, например, *Русско-японская война* и *Рождество* не могут относиться к одной категории онимов, так как они, с одной стороны, называют разноплановые исторические события, с другой – характеризуются, очевидно, разными тенденциями.

Исследуемый нами материал «Военного энциклопедического словаря» (ВЭС) позволяет считать, что онимы, называющие военные события, заслуживают особого внимания и требуют детального изучения.

Война является неизменной спутницей человеческой истории. По подсчётам учёных, за последние пятьдесят шесть веков произошло около 14 500 войн [Энциклопедия Кругосвет. Эл. рес.].

По данным интернет-портала «Военная история России», с IX до начала XXI века наша страна приняла участие в более чем семидесяти войнах и других локальных вооружённых конфликтах [Военная история России. Эл. рес.]. Другие источники свидетельствуют о том, что военных событий в истории России было гораздо больше. Так, философ И.А Ильин в своём труде «О России. Три речи» отмечает: «Россия провела две трети своей жизни. Ни один народ в мире не имел такого бремени...» [Ильин 1995].

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что военные события являются неотъемлемой составляющей общественной жизни русского народа, этим событиям отведено значительное место в российской истории.

Поскольку военные события занимают значительное место в истории, их названия, следовательно, занимают значительное место в языке, в частности, в ономастике.

В статье «Русские милитарионимы как особый класс в системе фразеологической ономастики» отмечалось, что хрононимы, называющие военные события, заслуживают особого внимания, должны быть выделены в отдельный класс и могут быть названы термином «милитарионимы» (от лат. *militaris* – ‘военный’ и греч. *опута*, *опота* – ‘имя’) [Соколова, Фатеева 2015: 96].

Термин «милитарионим» соответствует критериям, предъявляемым к ономастической терминологии:

во-первых, он однословный. Такому термину отдаётся предпочтение, т.к. он лаконичен и лучше входит в свой ряд;

во-вторых, основу слова составляет латинизм. Этим достигается интернациональное понимание термина (даже при национальном его оформлении), а также этим путём мы избегаем ненужных в терминологии посторонних ассоциаций;

в-третьих, термин построен по определённой модели с учётом системности структуры ономастических терминов [Подольская 1978: 9].

Военные события невозможны без военных действий и, наоборот, военные действия есть события в военной истории.

Например, событие *Великая Отечественная война* состоит из множества военных действий, которые являются значимыми в истории: *Московская битва*, *Сталинградская битва*, *операция «Багратион»* и др., поэтому они тоже должны быть отнесены к классу милитарионимов.

Таким образом, милитарионим – класс хрононимов. Имя собственное военного события или действия.

Рамки термина «милитарионим» не до конца определены. Проблема состоит в том, что нет ни одного специального комплексного исследования, посвящённого детальному изучению ономастических единиц, называющих военные события: не составлен индекс этих единиц, нет классификаций, не выделены характерные свойства, не выявлены семантические, прагматические, когнитивные и другие особенности этого класса.

Конечно, невозможно составить индекс всех милитарионимов, так как ономастическая система военных событий – открытая система. К сожалению, в новейшей истории войны и локальные

вооружённые конфликты, в том числе с участием Российского государства, продолжаются, число названий новых военных событий неизменно растёт. Так, например, вооружённый конфликт на востоке Украины, начавшийся в апреле 2014 года, привёл к актуализации в современном русском языке процесса образования фразеологических милитарионимов с компонентом «котёл»: *Дебальцевский котёл, Иловайский котёл, Горловский котёл, Марьинский котёл* и др. (ср.: *Дюнкеркский котёл, Хайлигенбайльский котёл, Сталинградский котёл, Барвенковский котёл* и др. – фразеологические милитарионимы периода Второй мировой войны).

Думается, что для исследования необходимо выбирать закрытый событийный ряд, ограниченный определённым периодом. Например, милитарионимы периода Великой Отечественной войны или, допустим, милитарионимы Петровской эпохи, Смутного времени и т. д. И уже внутри такой, условно назовём, «закрытой системы» составлять индексы, выстраивать классификации, выявлять характерные свойства и различные особенности этого класса.

Разумеется, необходимо изучать и актуальные ономастические процессы текущего времени в классе милитарионимов.

В ходе нашего исследования замечено, что милитарионимы не одинаковы по своей структуре и могут быть поделены на лексические (лексонимы) и фразовые (фразонимы).

Стоит отметить, что это свойство присуще не только милитарионимам, но и всем ономастическим единицам.

Под лексонимом нами понимается однословный оним либо оним, состоящий из нескольких ономастических слов, не имеющих между собой синтаксических связей, например: *Пушкин и Александр Сергеевич Пушкин; «Евгений Онегин», «Крыжовник», Новосибирск, Ростов-на-Дону, ТУ-134, Порт-Артур* и проч. [Соколова, Фатеева 2015: 96].

Фразоним (фразовый оним) – это воспроизводимый неоднословный, раздельно оформленный оним, компоненты которого имеют смысловые и синтаксические связи. Фразонимы служат для расчленённого обозначения единого ономастического понятия.

Например: *Курильские острова, кратер Курчатова, «В бой идут одни старики», Московское Александровское военное училище* [Соколова, Фатеева 2015: 96–97].

Исследование показало, что лексические милитарионимы являются кодовыми наименованиями военных операций или кодовыми наименованиями планов военных операций.

Например:

«*Багратион*» – кодовое наименование плана Белорусской операции 1944;

«*Дон*» – кодовое наименование Северо-Кавказской операции 1943 года;

«*Уран*» – кодовое наименование Сталинградской наступательной операции 1942–43. [ВЭС 2007: 80, 321, 936].

Здесь налицо факт трансонимизации. Становясь кодовыми наименованиями планов и операций, лексонимы *Багратион*, *Дон*, *Уран* переходят из одного разряда (антропоним, топоним – потамоним, астроним) в другой (хрононим – милитарионим).

«*Концерт*» – кодовое наименование операции, проведённой советскими партизанами с 19 сентября по конец октября 1943 в целях массового вывода из строя больших участков железной дороги в тылу немецких войск от Карелии до Крыма [ВЭС 2007: 456];

«*Звезда*» – кодовое наименование плана Харьковской наступательной операции 1943 [ВЭС 2007: 364];

«*Искра*» – кодовое наименование плана операции советских войск по прорыву блокады Ленинграда 1943 в Великой Отечественной войне [ВЭС 2007: 391].

В данном случае наблюдается процесс онимизации, переход апеллятивов в онимы. Значения апеллятивов *концерт*, *звезда*, *искра* не отсылают нас к военным действиям, но, становясь милитарионимами, приобретают вторичное (ономастическое) значение.

Фразовые милитарионимы являются наименованиями следующих военных событий и действий: акция, атака, битва, блокада, война, вторжение, интервенция, конфликт, кампания, наступление, оборона, операция, план военных действий, рейд, сражение, экспедиция и проч. Например:

Куликовская битва 1380; *Московская наступательная операция* 1941–42 [ВЭС 2007: 488, 579].

В классе фразовых милитарионимов наблюдается процесс фразеологизации. В процессе фразеологизации свободного словосочетания происходит трансформация лексических значений компонентов, и это приводит к тому, что они «исчезают как факт автономной номинации, превращаясь в один или несколько

семантических элементов сложного по своей семантической структуре фразеологического значения» [Лебединская 1987: 12].

В результате процесса фразеологизации фразовые милитарионимы – свободные словосочетания становятся новыми единицами языка – фразеологическими милитарионимами [Соколова, Фатеева 2015: 99].

Например:

Ледовое побоище 1242; *Холодная война* [ВЭС 2007: 502, 960].

Таким образом, фразеологический милитарионим – это фразеологизм-имя, который номинирует военные события или действия.

Для обозначения фразеологизма-имени нами был введён термин «фразеоним», который совмещает в себе понятие фразеологизма и онима.

Под фразеонимом (фразеологическим онимом) мы понимаем воспроизводимый неоднословный, отдельно оформленный оним, компоненты которого имеют синтаксические связи и формируют целостное значение. [Соколова, Фатеева 2015: 100].

Например:

Брусиловский прорыв – наступление Юго-Западного фронта 1916. [ВЭС 2007: 141; 1004].

Ледяной поход – 1-й Кубанский поход Добровольческой армии 1918. [ВЭС 2007: 503; 485].

Высокая употребляемость фразеологических милитарионимов в художественной литературе и периодике говорит о том, что рассматриваемые единицы языка представляют собой отдельный класс во фразеологической ономастике. Явление фразеологизации милитарионимов не изучено и не описано [Соколова, Фатеева 2015: 102].

Ещё одним из направлений в изучении милитарионимов может являться исследование их как ономастических реалий – «онимов, передающих фоновую (от лат. *fundus* – ‘дно’, ‘основание’) информацию [Ражина 2007], т.е. информацию национально-культурного характера, которая нуждается в лингвострановедческом комментарии. Милитарионимы как ономастические реалии являются наиболее сложной, требующей особого внимания категорией в лингвострановедении, лингводидактике и межкультурной коммуникации.

Так, например, милитарионим *Сталинградская битва* происходит от топонима-реалии *Сталинград*, который, в свою

очередь, образован от антропонима-реалии *Сталин*. Инофону для детального понимания приведённого милитарииона не только комментарий, но и глубокий лингвострановедческий анализ, поскольку каждый из сопутствующих онимов содержит свою фоновую информацию и требует своего комментария.

Особое место среди ономастических реалий занимают фразеологические милитариионы, так как фразеоним, как и фразеологизм, обладает признаками метафоричности и экспрессивности: фразеонимы «служат не только для номинации, но и для характеристики явлений, в них может быть заложена оценка» [Жуков 1986: 45].

К примеру, у фразеологических милитариионов *Ледовое побоище*, *Брусиловский прорыв*, *Бобруйский котёл* так же наблюдается связь с реалией-антропонимом (*Брусилов*) и с реалиями-топонимами (*Бобруйск*, *Чудское озеро*), содержащими фоновую информацию, кроме того, значения апеллятивов *побоище*, *прорыв* и *котёл* для носителя иной картины мира не имеют экспрессивной окраски, и наверняка он (носитель) не сможет распознать метафору в указанных фразеономастических единицах.

Таким образом, всё вышесказанное даёт возможность считать, что периферийному классу милитариионов должно быть отведено место в ономастической науке. К сожалению, рамки данной статьи не позволяют рассмотреть весь спектр научных вопросов, связанных с милитариионами. Но ясно одно: этот класс представляет интерес и требует тщательного, детального изучения. Хочется верить, что выводы, полученные в результате всестороннего исследования данных ономастических единиц, явятся, как писал профессор А.К. Матвеев [Матвеев 2004: 13], «ключом ко многим проблемам истории человечества» и позволят избежать в дальнейшем вооружённых столкновений разного масштаба.

Список литературы

Военная история России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.history-of-wars.ru/war_hrono.html.

Военный энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2007. 1024 с.

Ильин И.А. О России. Три речи: «Российский Архив». – г. Чехов Московской области, 1995. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.golden-ship.ru>.

Лебединская В.А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка. Челябинск: ЧГПИ, 1987. 80 с.

Мадиева Г.Б, Мадиева Д.Б. К вопросу изучения эвентонимов: постановка проблемы // Вестник Казахского национального университета им. аль-Фараби. Серия филологическая (Алматы). 2014. № 3 (149). С. 265–269.

Матвеев А.К. Апология имени // Вопросы ономастики (Екатеринбург). 2004. № 1. С. 7–13.

Мочалкина К.С. Псевдонимы в системе современной русской антропонимии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 2004. 16 с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. 199 с.

Ражина В.А. Ономастические реалии: лингвокультурологический и прагматический аспекты. Автореф. дис. ... кандидата фил. наук. Ростов-на-Дону, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/onomasticheskie-realii-lingvokulturologicheskii-i-pragmaticeskii-aspekty>.

Соколова А.А., Фатеева Н.А. Русские милитариинымы как особый класс в системе фразеологической ономастики // Фразеологические единицы как элемент языковой картины мира: сборник материалов Всероссийской научной конференции / отв. ред. Н.Б. Усачева. Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2015. С. 96–102.

Сталтмане В.Э. Ономастическая лексикография / отв. ред. А.В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1989. 112 с.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Дисс. в виде научного доклада ... докт. филол. наук. Волгоград, 2000. 76 с.

Универсальная электронная энциклопедия «Кругосвет». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krugosvet.ru>

Хоффманн Э. Имена политических событий и их онимизация в средствах массовой информации // Вопросы ономастики (Екатеринбург). 2008. № 5. С. 90–105.

N. A. Fateeva

Place of militarionyms in the system of current onomastics

The article deals with the definition of militarionim as a class in the system of modern onomastics. The necessity of distinguishing this class from the category of chrononyms is substantiated. Militarionics are a specific class of onomastic vocabulary, which is of interest for a comprehensive study.

Key words: proper name, onomastics, eventonym, chrononym, militarionym, phraseonym, onomastic realities

**Артионим как объект перевода:
лингвокультурологический аспект**

В статье на примере названий картин французских импрессионистов (артионимов) освещаются вопросы, связанные с их адекватным переводом на русский язык и включением в национальный музейный дискурс. Можно отметить, что артионим при переводе требует особого подхода, поскольку при его транслировании учитываются два вида текстов: визуальный и вербальный.

Ключевые слова: имя собственное, ономастика, артионим, семантика, французский язык, русский язык, перевод, импрессионизм

Тема настоящей статьи представляется интересной и актуальной, поскольку название произведения изобразительного искусства (артионим) [Подольская 1988: 18] – это то, что зачастую привлекает внимание публики не меньше, чем сам экспонат, поскольку именно название зачастую оказывает притягательную силу на воображение зрителя. Знаменитые артионимы нередко обрастают всевозможными легендами и ассоциациями (в том числе, вызывая в памяти «образ картины»). Достаточно вспомнить, к примеру, названия «Мона Лиза» (Леонардо да Винчи) или «*Девочка с персиками*» (В. Серов).

Согласно мнению ведущих исследователей, артионим является ономастической единицей, которая расположена на периферии ономастического пространства языка и подчиняется общелингвистическим закономерностям [Супрун 2000]. Кроме того, артионим обладает уникальным лингвокультурным содержанием, соотносящимся с устоявшимся в национальной картине мира музейным дискурсом [Мухаметгареева, Яковлева 2013].

На наш взгляд, одним из самых интересных философов, который смог пролить свет на проблему языкового воплощения некоего смысла и который обращался к темам «творчество» и «искусство», расширив данную парадигму за счет включения понятий «истина», «бытие», «понимание», «язык», был Мартин Хайдеггер, который отмечал, что «бытие» «всегда с нами», «всегда здесь». «Бытие», по Хайдеггеру, может быть отражено в художественном произведении как продукте «непосредственно-практической действительности» «окрестного мира». В рассуждении Хайдеггера важно постигнуть цепочку «вещь» – «смысл» – «понятность» – слово (язык). В такой трактовке «мир крестьянки» Ван Гога имеет свое значение и в исторической

горизонтали, и в социальной вертикали. Следовательно, в данном случае можно говорить об определенной иерархии, в которой истина истолковывается как творение, творение как произведение искусства, оно, в свою очередь, как поэзия, дальше, в качестве производных, следуют язык, диалог и, наконец, диалог истолковывается как умолчание соответствующей [Цит. по: Михайлов 2006: 394–397, 400, 413, 414]. Именно в такой философской парадигме реализуется знаменитая формула Хайдеггера «язык – дом бытия» и постулируется мысль о том, что название художественного произведения обладает высокой социально-культурной значимостью, являясь не только вербальным «заместителем» произведения искусства, но и базовой единицей музейного дискурса. Отсюда необходимость специального изучения артионимов – закономерный факт, поскольку они составляют один из самых обширных периферийных пластов имён собственных.

Характеризуя имена собственные как объект перевода, обычно отмечают, что они, как правило, переводу не подлежат. Однако в нашем случае адаптация названия картины другим языком крайне необходима, поскольку искусство принадлежит всему миру. Такие имена собственные («заголовки» картин, рисунков, названия художественных произведений и пр.) имеют важное общекультурное значение и подвергаются интерпретации, а не только транскрипции, транслитерации и калькированию.

В статье мы остановились на весьма активно функционирующих в музейных дискурсах разных государств названиях картин великих французских импрессионистов в плане их перевода на иной и, в частности, русский язык и проведения сопоставительного анализа. Такой подход позволяет пролить свет на перерождение визуального «образа картины» в слово и проследить траекторию интеграции контекстов постижения смысла в новое для другого языка имя собственное. Мы говорим здесь об определённой возможности словесной коммуникации между разными языковыми (и неязыковыми) кодами. И чтобы установить связь между двумя или тремя языками, переводчику приходится пройти сложный «круг понимания» сущности вещей, когда само название получает статус «*alterego*» произведения искусства.

Исследуя искусство импрессионистов, отмечаем, что сопоставительное изучение переводимых артионимов (названий картин зарубежных мастеров) и собственно русских наименований, которые должны чётко соответствовать замыслу художника и вписываться в

культурное пространство другой страны, став частью его эстетического потенциала, может натолкнуть исследователя на интересные открытия. Ведь название произведения искусства выражает эмоциональную реакцию художника на воздействие со стороны реальной действительности на его «артистическую душу». Артионим становится частью культурно-исторического процесса, и каждое подобное имя в живой речи окружено ореолом субъективных представлений.

Изучение материала показало, что артионим при переводе требует особого подхода. В этом плане интересны идеи С.А. Семко [Семко 1988], который выделяет и противопоставляет разные переводческие стратегии: интерлинейарную и трансформационную. Под первой понимается перевод, осуществляемый по формально-структурным соответствиям и, следовательно, противопоставляемый трансформационной, где на первый план выдвигаются переводческие трансформации, к которым относятся: сужение (конкретизация) смысла, расширение (генерализация) исходного значения, нейтрализация или усиление эмфазы, функциональная замена, описание (комментарий), синтаксическое уподобление, или дословный перевод, членение предложений, объединение предложений, грамматические замены и пр. Например, сужение: «*Réunion dans le jardin de roses*» (*réunion* досл. – объединение, соединение) – «*Встреча в саду*», «*Champ de roses*» (*champ de roses* досл. – поле роз) – «*Розарий*»; генерализация: «*Chemin sous les arbres*» (*chemin* досл. – дорога) – «*Путь между деревьями*», «*Coquelicots*» (*coquelicots* досл. – маки) – «*Маковое поле*», «*Répétition d'un ballet sur la scène*» (*répétition* досл. – репетиция) – «*Генеральная репетиция на сцене*»; нейтрализация: «*Avenue à Chantilly*» – «*Дорога в Шантильи*», «*Chaussée à Louveciennes*» – «*Дорога в Лувесьене*»; эмфатизация: «*Cabaret de la mère Anthony*» – «*Трактир матушки Антонии*», «*Petite fille à la gerbe*» (*gerbe* досл. – сноп, пучок, венки) – «*Маленькая девочка с колосьями*»; функциональная замена: «*Les fiancés*» (досл. – обрученные) – «*Обрученная пара*», «*Gabrielle aux bijoux*» (досл. – Габриэль с украшениями) – «*Габриэль со шкатулкой*», «*Vaigneuse blonde*» (досл. – купальщица-блондинка) – «*Белокурая купальщица*».

Наиболее многочисленный тип переводческих трансформаций связан с лексическим уровнем языка. Эти различия естественны, так как связаны с определенными традициями данной страны, на них накладывается специфика конкретного языка, причем один из переводных вариантов обычно представляет собой буквальный

перевод. Например, автопортрет Ван Гога изображает художника с перевязанным ухом. Во французском искусствоведческом дискурсе эта картина так и называется «*Autoportrait à l'oreille bandée*», тогда как русский дискурс предлагает три варианта: «*Автопортрет с перевязанным ухом*» (буквальный перевод), «*Автопортрет с отрезанным ухом*», «*Автопортрет с забинтованным ухом*».

Таким образом, мы считаем, что в рамках перевода артионимов следует выделить особый подвид перевода, включающий в себя разные перечисленные стратегии. При этом переводчик должен учитывать базовые принципы своей профессии; во-первых, объектом перевода становятся два вида текста: визуальный и вербальный, то есть само полотно и его французское название; во-вторых, следует принять решение в пользу либо буквального, либо смыслового перевода, учитывая национальные лингвокультурологические особенности; в-третьих, артионим должен закрепиться в определенной сфере (ячейке) ассоциативно-вербальной сети сознания отечественного зрителя; и, наконец, новое название должно соответствовать традиции наименований, уже сложившейся в национальном музейном дискурсе.

Проанализировав 3000 названий картин художников-импрессионистов (и частично постимпрессионистов), мы составили собственную классификацию, разделив все артионимы на три тематические группы: «Человек», «Человек в пространстве», «Природа». 1. «Человек»: 1.1. «Портреты» (портреты и автопортреты); 1.2. «Обнаженные» (человек-ню). 2. «Человек в пространстве»: 2.1. «Человек в городе»; 2.1.1. «Человек в кафе» (кафе, кафешантаны, кабаре и другие подобные заведения); 2.1.2. «Человек в театре»; 2.1.3. «Человек на скачках»; 2.1.4. «Человек и другие развлечения» (чтение, игра на музыкальном инструменте); 2.1.5. «Человек и труд»; 2.2. «Человек вне города». 3. «Природа»: 3.1. «Пейзажи»; 3.1.2. «Дорога»; 3.2. «Натюрморты».

Самая большая группа артионимов в нашей картотеке объединяет картины и рисунки импрессионистов (и частично постимпрессионистов), посвященные изображению человека в пространстве. Здесь были выделены две подгруппы: «Человек в городе» и «Человек вне города».

В первую тематическую подгруппу вошли артионимы, изображающие повседневную жизнь горожан. Методом сплошной выборки было отобрано 780 работ, на 440 из которых человек

представлен в значимых для любого француза XIX века местах: в кафе, кабаре, театрах, на прогулках, скачках: «*Bal masqué à l'opéra*» – «Бал-маскарад в опере», «*Un bar aux Folies-Bergère*» – «Бар в Фоли-Бержер», «*Coin du café-concert*» – «За столиком в варьете» (Э. Мане); «*Allée cavalière au bois de Boulogne*» – «Всадники в Булонском лесу», «*La première sortie*» – «В театре. (Первый выход в свет)» и «Премьера», «*Au jardin du Luxembourg*» – «В Люксембургском саду», «*Cabaret de la mère Anthony*» – «Трактир матушки Антонины» (О. Ренуар); «*Au café à Arles*» – «Ночное кафе в Арле» (П. Гоген); «*L'absinthe*» – «Абсент», «*Au café-concert des Ambassadeurs*» – «Кафе-концерт в Амбассадоре» (Э. Дега) и пр.

Рассмотрев художественную и научную литературу, воспоминания, дневники современников, искусствоведческие материалы и музейные каталоги, мы обнаружили, что для французов огромное значение имели комфортные условия работы и творчества, динамика городской жизни, доступность общественных заведений, феномен кафе и театра в жизни Парижа, о чём свидетельствуют сами картины и их названия. Например, кафе являлось и до сих пор остается одним из основных мест времяпрепровождения французского общества, поэтому не случайно эта тема стала одной из центральных в творчестве художников. Кафе – это второй дом для француза, что не соответствует русским бытовым традициям, так как наши соотечественники предпочитают домашние посиделки, в частности, за чаем, что нашло отражение в названиях русских картин: «*Пасхальный стол*», «*Варят варенье*» (В.Е. Маковский); «*Новые хозяева. Чаепитие*», «*Чаепитие в цветущем яблонево́м саду*» (Н.П. Богданов-Бельский); «*Юбилейный обед*» (И.Е. Репин); «*За чайным столом*» (А.Я. Волосков); «*Купец, пьющий чай*» (И.И. Кудрин); «*Купчиха за чаем*» (Б.М. Кустодиев) и др.

Подробнее остановимся на сопоставительном анализе французских и русских артионимов данной минигруппы. Обращает на себя внимание артионим «*La prune*» (Э. Мане). В русском музейном дискурсе мы нашли несколько переводов: «*Сливи́ца*», «*Слива*» и «*Подвыпившая*». В Национальной галерее искусств в Вашингтоне, где и находится указанная работа, ее английское название звучит как «*Plum brandy*», что в переводе означает ‘сливовое бренди, наливка’ [URL: <http://www.multitrans.ru>]. На картине изображена слегка подвыпившая девушка с рюмкой сливовой наливки. В переводах с французского на русский язык мы встречаем варианты: ‘слива,

сливовая водка, сливовая настойка' [URL: <http://www.multitran.ru>]. Таким образом, каждый переводчик использовал традиционное для данной страны название напитка: бренди, сливовица, водка, наливка. Со студентами 1–4 курсов Института права БашГУ был проведен психолингвистический эксперимент, в котором испытуемым было предложено дать свое название данной картине. Результаты показали, что 85% студентов подчеркнули нетрезвое состояние дамы: «Подвыпившая», «Пьяная девушка», «Опьяневшая» и даже «Бухая». Таким образом, русское название картины «Подвыпившая» вполне укладывается в рамки национального менталитета.

Наше внимание привлекли также русские варианты названия картины Э. Дега «*L'absinthe*» – «Любители абсента» и «Абсент». Существительное женского рода *l'absinthe* переводится на русский язык как 'абсент, полынная водка' [URL: <http://www.multitran.ru>]. Русская же номинация представлена двумя вариантами: «Абсент», когда автор перевел данное название буквально, и «Любители абсента». Для нас интерес представляет второй перевод. Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова дает определение слову *любитель* как 'имеющий склонность или пристрастие к чему-нибудь' (в нашем случае – имеющий пристрастие к абсенту) [Толковый словарь Д.Н. Ушакова // Словопедия: сайт]. И действительно, на картине изображены подвыпившие люди, сидящие в кафе. Глядя на картину, складывается впечатление, что эти люди пришли в кафе не для того, чтобы поговорить, как это принято у русских («нация разговорников», по Александру Зиновьеву), так как они даже не смотрят друг на друга, и не для того, чтобы поесть, так как перед ними нет ничего, кроме рюмок с абсентом. Осознавая, что стол без «закусок» не характерен для русской национальной традиции, автор названия как бы «погасил» факт присутствия в кафе и выделил само действие – питье.

Еще одним местом массового притяжения парижского общества являлся театр. В театрах, которых в Париже было больше, чем в любой другой столице мира, люди встречались, общались, знакомились. Из картин, отнесенных в минигруппу «Человек в театре», особый интерес представляет работа О. Ренуара «*Lapremière sortie*». В русском музейном дискурсе зафиксировали два названия: «В театре. (Первый выход)» и «Премьера». При дословном переводе с французского языка картина имела бы название «Первый выход» (в значении *в свет*) или «Первый выезд». Однако автор русской номинации, видимо, хотел, чтобы название отражало содержание

визуального текста, в связи с этим было предложено название «*В театре. (Первый выход в свет)*». И это правильно, так как О. Ренуар изобразил совсем юную девушку с широко раскрытыми глазами, так называемую дебютантку, которая не только впервые отправилась в театр, но и появилась на публике. Второй вариант названия картины был найден на интернет-сайте. Артионим «*Премьера*», на наш взгляд, тоже весьма удачен, поскольку, с одной стороны, премьера (фр. *première*, досл. – первая) – это театральное слово, означающее ‘первое представление театральной пьесы’ [URL: <http://www.multitran.ru>]. С другой стороны, его можно употребить в значении *дебют*, что отражает содержание полотна.

Аналогичные замечания следует сделать при сопоставлении артионимов мини групп «Человек на скачках», «Человек и другие развлечения», «Человек и труд», когда мы говорим о включении лингвокультурологической составляющей названия и его «вписываемости» в соответствующий дискурс. К примеру, «*Le défilé*» – «*Рысаки у трибуны*» и «*Парад*» (Э. Дега); «*Pierrot et Harlequin*» – «*Пьеро и Арлекин*» и «*Карнавал*» (П. Сезанн); «*Le retour des canotiers*» и «*Retour d'une partie de bateau*» – «*Возвращение гребцов*», «*La lecture du rôle*» – «*Читка*» (О. Ренуар); «*La charcutière au marché*» – «*Продавица мяса*», «*Laveuse dans le jardin d'Eragny*» – «*Прачка в саду*» (К. Писсарро) и пр.

Изучая переводы названий картин «крестьянского художника» Ван Гога, мы, в частности, отметили, что в своем творчестве он неоднократно повторял тему жнецов, словно не мог выговориться до конца. Как пишут исследователи, художник сумел добиться такого уровня обобщения, что его жнецы как бытовые образы не воспринимаются. Это чистая метафора, причем, несмотря на сочные и яркие цвета, несмотря на то, что картины залиты солнцем, ощущение от сельского труда самое мрачное и драматичное. Так, французское название известной картины Ван Гога представлено несколькими словами – «*Champ de blé au faucheur*». Русский вариант гораздо короче – «*Жнец*», то есть ‘тот, кто жнет’. *Жать* – ‘срезать под корень серпом’ (Толковый словарь Д.Н. Ушакова // Словopedia: сайт). У этой картины есть еще один французский вариант – «*Le moissonneur*», то есть опять же *жнец*. На полотне изображен человек, который работает на пшеничном поле. Первый артионим переводится на русский язык следующим образом: *le champ* – ‘поле, полевые угодья, сельская местность’; *le blé* – ‘зерновой хлеб, зерно, зерновые’; *le champ*

de blé – ‘пшеничное поле’; *le faucheur* – ‘косец, косарь’ [URL: <http://www.multitrans.ru>]. Дословно этот артионим можно перевести как «Пшеничное поле с косарем» или «Косарь на пшеничном поле». Однако именно слово *жнец*, максимально точно отражающее понятие ‘труд крестьянина по уборке урожая’, используется в переводе. В русском языковом сознании слова *жнец* и *косарь* чаще всего различаются объектами труда и сельскохозяйственным орудием: если *жнец*, то, как правило, имеют в виду серп и хлеб, зерновые, рожь, пшеницу. Если же *косарь*, то подразумевают косу и работу с травой – сенокос (покос), косьбу травы на сено, заготовку сена. Это доказывает и русское ассоциативное поле к слову *жнец*: ‘серп, поле, урожай, жница, пахота, коса, сноп, рожь, сенокос, посевная, урожай’ [Словарь ассоциаций: сайт. URL: <http://www.reright.ru/analysis/205485~A25B0.html>]. Таким образом, названия картин часто отражают суть, «образ» полотна, то есть визуального текста, который обуславливает использование метаязыковой функции языка – трансформацию видимого текста в словесный. Достаточно большое число картин художников разных времен и стран (начиная с картины Босха «Жнецы») посвящено теме летней страды (кстати, в русском языке это слово перекликается с глаголом *страдать*). Среди русских артионимов можно вспомнить названия картин Венецианова «Жница» (1823-26), Васнецова «Жница» (1867), Малевича (1879-1935) - «Жница» (1912), «Жнецы» (1912), «Жнец» (1930), «Сенокос» (1930), «Жатва», К. Васильева «Жница» (1966).

Итак, подводя итоги, отметим, что при переводе артионимов с французского языка на русский следует учитывать не только лексико-семантические, грамматические и стилистические особенности языковых единиц, но и их лингвокультурологические характеристики, ассоциативные связи, соотносимые со сложившимся в русской культурной сфере национальным искусствоведческим дискурсом.

При анализе артионима также необходимо оценивать его лингвокультурологическую «вписываемость» в ономастическое пространство собраний картин российских музеев.

Список литературы

Михайлов А.В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. 560 с.

Семко С.А. Проблемы общей теории перевода. Таллинн: Валгус, 1988. 197 с.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская; Ин-т языкознания АН СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

Картины импрессионистов. URL: <http://www.impressionist-paintings.com/russian/collection> (дата обращения 27.02.13).

Мультитран: словарь. URL: www.multitrans.ru (дата обращения 20.06.16).

Мухаметгареева Н.М., Яковлева Е.А. Специфика трансляции названий картин импрессионистов на французском, английском и русском языках // Вопросы филологии: науч. журнал. 2013. № 3–4. С. 106–111.

Словари – Словopedia. URL: <http://www.slovoedia.com> (дата обращения 20.06.16).

Словарь ассоциаций. URL: <http://www.reright.ru/analysis/205485~A25B0.html> (дата обращения 20.06.16).

Талейник С. Все ботинки Ван Гога. // Семь искусств. № 11 (36) ноябрь 2012. URL: <http://7iskusstv.com/2012/Nomer11/Talejsnik1.php> (дата обращения 20.03.14).

Les Grand Peintres. Le site de referance sur les grands Mainrtes de la peinture: URL: <http://www.grandspeintres.com/mouvements/impressionnisme.php> (дата обращения 20.03.14).

E.A. Yakovleva, N.M. Muhametgareeva

Artionym as the translation object: linguocultural aspect

In the article, examples of the names of paintings of French impressionists (artionyms) cover issues related to their adequate translation into Russian and their inclusion in the national museum discourse. It can be noted that the artionyms in the translation requires a special approach, because when translating it two types of texts are taken into account: visual and verbal.

Key words: proper name, nomination, artionym, semantics, French, Russian, translation, impressionism.

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ФОЛЬКЛОРНАЯ ОНОМАСТИКА

С.Н. Абдуллаев, Ч.А. Ногоева
(Каракол, Кыргызстан)

Литературный псевдоним как вид антропонима и синтез концепта «свобода»

В статье рассматривается лингвистическая и лингвокультурологическая природа литературного псевдонима известного поэта Л. Муталлипа. Показывается синтезирующая способность псевдонима в плане репрезентации концепта «Свобода» в контексте всего свободолобивого творчества автора.

Ключевые слова: псевдоним, тахаллус, крылатое выражение, концепт «Свобода».

Псевдоним в качестве ономастической единицы представляет очень интересное явление. Псевдоним как термин пришел из греческого языка. Он осмысливается в значении ложного имени.

В тюркологической терминологической традиции этому распространенному понятию в качестве эквивалента соответствует термин «тахаллус», заимствованный из арабского языка [Наджиб 1968: 248]. Данный термин прижился на тюркской почве и является очень активным. Он стал органической частью системы тюркских терминов. На наш взгляд, в семантике данного тюркского термина отмечается один нюанс, отличающий его от термина «псевдоним» и в определенной степени проливающий свет на проблему, которая ставится в нашей статье. Терминированная лексическая единица «тахаллус» восходит к слову «халис» ‘нейтральный, искренний’. Следовательно, настоящий тахаллус как дополнительное наряду с автонимом имя улавливает, а подчас и настраивает-программирует подлинные свойства и особенности человека. В этом смысле тахаллус – это не ложное имя, а скорее лакмусовая бумажка, раскрывающая суть человека в антропонимическом плане. Этот наш вывод вытекает из словообразовательной модели, по которой образована терминированная лексема тахаллус. Для сравнения можно провести параллель со словом танаффус, которое восходит к слову нафс ‘дыхание’ и означает ‘передышка, перерыв’.

А теперь перейдем непосредственно к объекту нашей статьи – литературному псевдониму легендарного представителя

тюркоязычной поэзии двадцатого столетия Лутфуллы Муталлипа «Қайнам Өркиши» (Qaynam Orkishi). Целью нашего исследования является лингвокультурологическое осмысление моделирующей функции данного литературного псевдонима-тахаллуса как разновидности тюркских антропонимов. Предмет нашего рассмотрения заключается в соотношении автонима и псевдонима в качестве ономастических единиц в аспекте их лингвистических и лингвокультурологических особенностей. Мы намерены остановиться на решении таких задач, как обращение к литературному псевдониму как единице антропонимики и имманентно присущему элементу творческой лаборатории автора, сопоставление псевдонима и автонима, проецирование результатов такого сопоставления на ролевою миссия-конструкцию «поэт-трибун или общественный деятель» в плане верификации приоритетов или судьбоносного призвания.

Қайнам Өркиши является псевдонимом-биномом, лингвистически представляющем из себя словосочетание, которое построено по типу свойственной тюркским языкам синтаксической связи, называемой изафетом [Майзель 1957]. Это не фразеологизм, а свободное словосочетание. Первый компонент Қайнама означает ‘кипение, бурление’, а второй компонент – Өркәш ‘горб, возвышение’ в форме с лично-притяжательным аффиксом 3 лица единственного числа – Өркиши (основа өркәш трансформируется в өркиши согласно фонетическому закону уйгурского умлаута или регрессивного влияния узких гласных [Садвакасов 1988: 62]) передаёт значение, соответствующее ‘гребень, подъем, взлет’. Став псевдонимом самого известного уйгурского поэта Л. Муталлипа, словосочетание «Қайнам Өркиши» с течением времени превратилось в своеобразное крылатое выражение, обозначающее образосмыслы ‘Ни минуты покоя; NodaysOFF’. Это выражение указывает на подъем в сознании и кипучей деятельности.

Буквально переводимое с уйгурско-тюркского языка как ‘пик водоворота’ идиотническое сочетание мы сочли возможным в лаконичной форме перевести как ‘торнадо’. Более того, мы обнаружили, что псевдоним скрывает в себе синтезированное выражение лингвокультурного концепта «Свобода» как ключевого концепта уйгурской этнолингвокультуры.

Кипучесть, водоворот, бурление, подъем, гребень, пик – этот ряд можно продолжить, но он ёмко выражается литературным

псевдонимом, которое рассматривается в нашей статье. Тема свободы – ключевая тема в творчестве Л. Муталлипа, а его художественным и жизненным кредо являлось учиться, расти и гореть на пути к Свободе во всем: в мышлении, в образе жизни и в борьбе с несправедливостью. Поэт в возрасте 22 лет трагически пал в этой борьбе, а его судьба была как бы смоделирована его псевдонимом, точно отразившем неумную натуру певца Свободы.

Список литературы

Садвакасов Г. О некоторых особенностях корневой морфемы в уйгурском языке // Уйғур тили бойичә тәкшүрүшләр. Алматы. 1988. С. 61–68.

Строй уйгурского языка. Алма-Ата: Наука, 1989.

Майзель С.С. Изафет в турецком языке. М.– Л., 1957.

Наджиб Э. Уйгурско-русский словарь. М. 1968.

S. N. Abdullaev, Ch. A. Nogueva

Literary pseudonym as a type of anthroponyms and the synthesis of the concept of "Freedom"

The article considers the literary pseudonym of the famous poet L. Mutallip. The synthesizing ability of a pseudonym is shown. The pseudonym expresses the concept of "Freedom" in the context of all the freedom-loving creativity of the author.

Key words: pseudonym, tahallus, winged expression, concept "Freedom".

*А.Р. Абитова, Е.И. Туйгильдина
(Ульяновск, Россия)*

Антропонимы в повестях Ч. Айтматова

В статье рассматриваются особенности функционирования имён собственных в повестях Ч. Айтматова, анализируются значение и происхождение антропонимов, выявляется их связь с характерами героев, их внутренним миром. Взаимосвязь имени и судьбы персонажа подчеркивают особое отношение писателя к выбору антропонимов.

Ключевые слова: имя собственное, функции имён собственных, художественный текст.

Имя собственное в художественном тексте функционирует в качестве системообразующего единства, которое неразрывно связано с сюжетом повествования, а также с личными предпосылками автора (А.В. Суперанская, Д.И. Ермолович и др.) Задачи, которые выполняют онимы в художественной литературе, важны и разнообразны. Функции имён собственных таковы:

1) коммуникативная (сообщающая);

- 2) апеллятивная (призывная);
- 3) экскурсивная (выразительная);
- 4) дейктическая (указательная) [Чевпецова 1989].

Именно такая разносторонность имён собственных и позволяет им одновременно образовывать собственную систему и становиться неотъемлемой частью других систем отдельного произведения или целой серии произведений. В данном случае мы говорим, в первую очередь, о создании образов именами и наименованиями. В подавляющем большинстве случаев эту функцию выполняют антропонимы.

Создаваемый образ, как правило, переплетается с основной структурой художественного текста, становясь одной из его равноправных частей. Имена собственные личные выбираются автором для того, чтобы подчеркнуть те или иные особенности характера персонажей, историческую эпоху, социокультурную обстановку, семейные обстоятельства персонажей, и др. Прочие имена собственные служат для меньшего спектра целей, однако также влияют на общее восприятие текста, поскольку с их помощью создаётся неповторимый колорит данного произведения или данной художественной вселенной.

Предметом рассмотрения данной статьи послужили имена собственные в некоторых повестях Чингиза Айтматова. С первых же произведений Ч. Айтматов заявил себя писателем, поднимающим «сложные проблемы бытия, изображающим непростые, драматические ситуации, в которых оказываются люди сильные, чистые и честные, но сталкивающиеся с не менее сильными противниками: блюстителями старых нравов и обычаев (законов адата), властолюбивыми деспотами, бюрократами, самодурами» [Акматалиев 1988].

Большой читательский интерес вызывает повесть Ч. Айтматова «Джамиля» (1958). Здесь рассказывается о молодой киргизской женщине, которая наперекор отжившим патриархальным обычаям и вековым традициям смело идет навстречу любви, утверждает своё право на счастье. Трудолюбие, прямота, решительность, душевность – основные качества Джамили [Исенов 1985: 115]. У Джамили сильный и независимый характер. Она всегда прямо говорила то, что думала, и не боялась высказывать свои суждения. Имя Джамили имеет арабское происхождение (форма женского арабского имени Джамала, которое происходит от мужского Джамал) означает *прекрасная* или *красивая*

[Севортян 1984-2003]. Находим в тексте иллюстрацию: *«Джамия была хороша собой. Стройная, статная, с прямыми жесткими волосами, заплетенными в две тугие, тяжелые косы, она ловко повязывала свою белую косынку, чуть наискосок спуская ее на лоб, и это очень шло ей и красиво оттеняло смуглую кожу гладкого лица. Когда Джамия смеялась, её иссиня-черные миндалевидные глаза вспыхивали молодым задором»*. Таким образом, имя главной героини подчеркивает как внутреннюю, так и внешнюю её красоту.

В скромном работающем Данияре, вернувшемся с фронта по инвалидности, Джамия нашла друга, способного её понять, человека, достойного большой любви. Существует несколько версий об истоках этого редкого имени. По одной из них происхождение имени Данияр (Даниар) имеет тюркские корни, по другим – арабские, персидские. Отсюда и разные толкования о том, что означает имя Данияр: «бог – мой судья», «дар солнца», «владеющий знаниями», «ученый», «умный», «прославленный», «близкий» [Севортян 1984-2003]. Герой в повести Айтматова сначала был очень скованным, малообщительным. Но когда характер Данияра раскрывается, мы видим, что этот человек очень много знает о жизни и истории казахского и киргизского народов, а его мудрость вызывает уважение у жителей аула.

В повести «Первый учитель» (1962) Ч. Айтматов показал стройность, чистоту и красоту человеческих душ и помыслов. Своей искренностью и прямоотой найденные писателем герои как бы сами подсказали ему манеру повествования – взволнованную, чуть приподнятую, напряженно-доверительную и, часто, исповедальную – от первого лица, от «я».

В «Первом учителе» писателю удалось схватить и запечатлеть яркие куски жизни, светящиеся радостью и красотой, несмотря на пронизывающий их внутренний драматизм. Главная героиня – справедливая, чистая душой, добрая и отзывчивая девушка Алтынай, сирота, живет в семье двоюродного брата отца. Её родные не одобряли, что она полдня проводит в школе, а не помогает в хозяйстве. Спустя некоторое время они продали Алтынай в жены, человеку из соседнего аула, который похитил её из школы, избив учителя. Спустя несколько дней Дюйшен (учитель) с нарядом милиции прибыли в аул, арестовали этого человека, героиня смогла продолжить учёбу. Рассмотрим подробнее имена главных героев. В переводе с казахского языка слово «алтын» означает 'золото', «ай» означает 'луна', что символизирует красоту и чистоту [Севортян 1984–2003]. Стремление героини к

знаниям, её кроткий характер соотносятся с именем, выбранным писателем. Дюйшен (в переводе «думающий о будущем» [Севортян 1984–2003]) – главный герой, яркий представитель нового поколения, прогрессивного, имеющего широкий кругозор и готового пожертвовать многим ради восстановления справедливости. Сатымкул (в переводе «продажный», «неверный», «гордый» [Севортян 1984–2003]) – человек, который насмехался над учителем, не верил в необходимость образования.

Мы наблюдаем, как имена собственные при первом знакомстве уже характеризуют человека с положительной или отрицательной стороны.

В повести Ч. Айтматова «Белый пароход» (1970) картины современной жизни переплетены со сказаниями и преданиями киргизского народа. К тому же оживление, очеловечение (антропоморфизм) природы настолько органично, что человек воспринимается как неотторжимая её часть, в свою очередь, природа неотделима от человека [Укубаева 1984: 87]. Фольклорные элементы всегда несут многозначный смысл, воспринимаются то как символы, то как аллегории, то как психологические параллели, придают произведениям многоплановость и углубленность, содержанию — многозначность, а изображению стереоскопичность. Имена собственные главных героев повести также отражают их характер, внутренний мир. Бекей (Бикей) – имя, которое, вероятно, является упрощенной формой татарского имени Биккай. Как и многие другие мусульманские имена, оно является составным: основой для него послужили Бик, уменьшительная форма от «бек» («господин») и Кай («крепкий»). Часто это имя используется в татарской, башкирской литературе, для именованья бедных и жалких женщин, психически нездоровых и обделенных женщин [Севортян 1984–2003]. В повести героиня бездетна, несчастна, холодно относится к своему племяннику. Орозкул (в переводе «тяжёлая рука» [Севортян 1984–2003]), муж Бекей, был суровым человеком, жестоко избивал жену за то, что у них не было детей.

Таким образом, выбор автором того или иного антропонима для номинации персонажа всегда служит продолжением характеристики героя, дополнением к его внутреннему миру, ключом к объяснению его действий. Функции, которые выполняют разные классы антропонимов в художественных текстах тюркских и русских авторов, потенциально заложены в самом имени. Их репрезентация зависит от контекстуальных условий, а также социальных,

исторических и национальных особенностей употребления антропонима. Обращаясь к личным именам, как к самому распространённому классу антропонимов, надо отметить, что, в повестях Ч. Айтматова они задействованы в передаче местного колорита, неповторимого художественного мира писателя.

Список литературы

Айтматов Ч.Т. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. Повести. Роман. М., Молодая гвардия, 1983.

Акматалиев А. Творческий путь Ч. Айтматова. Фрунзе, 1988.

Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р.Валент, 2001.

Исенов А.А. Психологизм современной прозы: На материале творчества Чингиза Айтматова. Алма-Ата, 1985.

Сводный словарь личных имён народов Северного Кавказа / отв. ред. Р.Ю. Намитокова. М.: Флинта; Наука, 2012.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1974 – Восточная литература РАН, 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://altaica.ru/LIBRARY/edtl.php> (дата обращения: 03.03.2017)

Словарь тюркских имён. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://ufagen.ru/node/8032> (дата обращения: 03.03.2017)

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.

Укубаева Л. художественный мир героев Ч. Айтматова. Фрунзе, 1984.

Чевпецов С.В. Функции личных имен собственных в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.

A.R. Abitova, E.I. Tuygildina

Anthroponymic in the stories of Ch. Aitmatov

The article deals with the features of the functioning of proper names in the stories of Ch. Aitmatov, analyzes the meaning and origin of anthroponyms, and reveals their connection with the characters of the heroes, their inner world. The relationship between the name and fate of the character emphasizes the writer's special attitude towards the choice of anthroponyms.

Key words: proper name, functions of proper names, artistic text.

А.И. Антонова

(Воронеж, Россия)

Антропонимикон комедии А.А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» как отражение литературной борьбы

Статья посвящена анализу антропонимических единиц комедии А.А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды». Выявляются

особенности восприятия А.А. Шаховским сентиментализма и позиция автора в идеолого-литературной борьбе начала XIX века.

Ключевые слова: А.А. Шаховской, антропоним, фамилия, шишковисты, карамзинисты.

Имена собственные в каждом литературном произведении имеют свою специфику, что делает их значимым элементом для понимания и интерпретации текста. Языковое и функциональное своеобразие имён собственных привело к тому, что их стали изучать в особой отрасли языкознания – ономастике. Ономастика художественного текста имеет большое значение для осмысления произведения и изучения всего творческого наследия автора.

Каждый писатель, формируя ономастическое пространство текста, использует различные стилистические приёмы и текстовые функции имён, основанные на многоплановости значения имён собственных. Выбор имени определяется замыслом автора, который стремится вовлечь читателя в круг ассоциаций и через употребление соответствующего онима дополнительно охарактеризовать героя, ситуацию или создать соответствующий эффект.

В данной работе мы придерживаемся концепции воронежской ономастической школы под руководством Г.Ф. Ковалева, в которой помимо исследования ономастики, использованной писателем, прослеживают еще и его отношение к имени: к своему, к именам братьев по перу, к именам персонажей как своих, так и чужих произведений [Ковалев 2014].

Важно с этих позиций исследовать литературное творчество А.А. Шаховского, который уделял большое внимание именам в своем творчестве. В его комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды» онимы даже являются хронотопом идеолого-литературной борьбы между шишковистами, к которым относился сам автор, и карамзинистами. Некоторые антропонимы здесь подчеркивают прототипность героев, создают аллюзивную отсылку на зарубежные произведения, дают дополнительную характеристику героям, более полно раскрывающую их характер. А.А. Шаховской создал злободневную сатиру, предполагающую применение к личностям.

Барон *Вольмар*. В комедии этот герой получил немало конкретных черт: он крайне стар, «сжѣг в два года миллион / На разных фейверках», «Он важен в Липецке и при дворе служил, / Отборно говорит, и даже был в Париже». Фамилия барона образована

от скандинавского имени Вольдемар, которое употреблялось в дворянских кругах во французской речи вместо имени Владимир.

Как полагал исследователь А.А. Гозенпуд, имя Вольмара пародийно отсылало к роману Ж.-Ж. Руссо «Новая Элоиза», где добродетельный герой проявляет чудеса такта. Знание приличий – главная черта этого персонажа комедии. Все факты биографии, сконструированной для барона А.А. Шаховским, указывают на его принадлежность к придворной культуре XVIII в.: за невзятый Кистрин барон был сделан «камер-пажем»; быв в Италии «в посольстве Кавалером», он давал сюрпризы «для тамошних Маркиз» – с фейерверками, плошками, серенадами и вензелями. По предположению М.Л. Майофис, прототипом Вольмара послужил Ю.А. Нелединский-Мелецкий (1752–1829). Его преклонный возраст, придворная, военная и дипломатическая карьера, недавняя история ухаживания за московской красавицей Е.С. Обресковой и главное – роль устроителя придворных торжеств в Павловске дали исследователю достаточно оснований, чтобы увидеть под личиной комического старика-ухажера «портрет» реального знакомого А.А. Шаховского [Иванов 2009: 64].

В силу произношения фамилия бывшего отставного поручика «хвата» *Угарова* созвучна фамилии почётного члена Императорской Академии Наук, будущего министра просвещения графа С.С. Уварова. И действительно, граф был задет в этой комедии. Но современники соотносили его с фигурой графа Ольгина, при том, что образ щеголя и либертина был более чем типизированным [Иванов 2009: 63]. Исследователь А.А. Гозенпуд утверждал, что фамилия «Угаров» созвучна фамилии прототипа, но передана другому персонажу [Гозенпуд 1961: 35–36].

Нанятая Угаровым цыганка *Стешка*, вероятно, тоже имеет прототип – реальную московскую цыганку и любимицу В.Л. Пушкина, имевшую такое же имя. Весьма значимым является здесь топоним *Москва*, так как в комедии подчеркивается тот факт, что Стешка привезена из Москвы. Таким образом, через имя второстепенного персонажа косвенно говорится и о самом В.Л. Пушкине. К тому же он как-то писал из Москвы 8 июня 1818 г. П.А. Вяземскому: «В прошедший понедельник Американец Толстой давал нам ужин. Стешка с своими подругами отличилась и восхитила нас» [Пушкин: 228].

Особого внимания в комедии заслуживает герой *Фиалкин*, под которым подразумевается В.А. Жуковский. Главным содержанием образа Фиалкина является литературная пародия с личностной адресацией на В.А. Жуковского. Во втором явлении пятого действия реплики Фиалкина заключают прямую пародию на его стиль, когда перепуганный вздыхатель жалуется служителю Семену:

Фиалкин

*Насилу я дышу: ах, вы мне показались
Тем мертвецом, что в гроб невесту...*

Семён

*Вся беда
От старых мамушек.*

Фиалкин

Я мамушек не знаю.

Семен

Так мертвецами где ж напуганы?

Фиалкин

*В стихах,
В балладах ими я свой нежный вкус питаю;
И полночь, и петух, и звон костей в гробах,
И чу!.. все страшно в них; но милым все приятно,
Все восхитительно! хотя невероятно.*

Сама по себе фамилия *Фиалкин*– искусственная, в русской народной ономастике фамилии от названий цветков очень редки. А.А. Шаховской не признавал сентиментализм и романтизм, считая эти литературные направления искусственными, поэтому и наделил персонажа, подразумевающего В.А. Жуковского, откровенно искусственной фамилией.

В комедии есть графиня *Лелева*, своими манерами олицетворяющая Европу. Этой графине характерна легкость отношений, внешняя красота без внутреннего содержания. Лелева – кокетка, а кокетство – свойство далеко не русское. Устами князя Холмского автор выражает свое отношение к нему: «Всё это удалство чужой науки плод. / Кокетства в старину святая Русь не знала, / И слова этого по-русски перевесть / Не можно, я и рад...» [Шаховской 1961: 261–262]. Этимология фамилии героини восходит

к французскому слову *levant*, переводящемуся как «восходящий», так как оно обозначает регион, со стороны которого для Европы восходит солнце. Таким образом, посредством данного онима и реплики князя Холмского прослеживается мысль автора, что кокетство – явление европейское, отрицательное, развращающее духовность. Скорее можно предположить, что фамилия *Лелева* связана с мнимым языческим божеством любви и брака – Лелем [Фасмер 1986: 479]. Немаловажным здесь будет и упоминание графиней Лелевой фамилии своей подруги по сердцу *Лабари*, которая жила у нее в доме семь лет и ускакала с аббатом.

Вероятно, фамилия *Лабари* предстает как французский вариант фамилии *Лабор*, принадлежащей к древнему типу славянских семейных именовании, образованных от личных прозвищ. Словарь русских народных говоров даёт значение слову *лаборь*: «крестьянин, занимающийся сбором милостыни на церковные нужды; по договору он получает определенную часть собранного» [СРНГ–166: 217]. Она была образована в качестве отчества от личного именовании дальнего предка по мужской линии *Лабор*. В западных говорах лабором называли крестьянина, занимающегося сбором милостыни на церковные нужды. Символично, что ускакала подруга графини с аббатом. Это наглядный пример развращения в Европе духовности, церковных догм.

Вместе с шишковистами (последователями А.С. Шишкова) А.А. Шаховской отстаивал самобытность русского языка, культуры, защищал каноны классицизма, поэтому позволял себе карикатурные отсылки на В.А. Жуковского, В.Л. Пушкина, С.С. Уварова и других приверженцев позиции Н.М. Карамзина, являвшимися сторонниками сентиментализма и романтизма и считавших необходимым пополнение русского языка иностранными словами. В связи с этим возник громкий скандал в литературных кругах. Сразу же после премьеры комедии карамзинисты объединились в литературное общество «Арзамас». «Арзамасцы» начали атаку на А.А. Шаховского, они издевались над ним и его «Липецкими водами» рядом язвительных эпиграмм и статей. Так, против «Липецких вод» выступил П.А. Вяземский: «Ты спрашиваешь у меня, любезный друг, как показались мне "Липецкие воды". Что сказать тебе о них? Воды как воды! И если главным достоинством воды, как и всеми признано, есть совершенное отсутствие вкуса, то «Липецкие воды» могут спорить о преимуществе со всеми водами в свете» [Арзамас 1994–

1: 248]. П.А. Вяземский даже написал целый цикл эпиграмм – «Поэтический венок Шутовского». Вслед за ним в атаках на автора «Липецких вод» приняли участие молодой А.С. Пушкин, А.Е. Измайлов и др. Д.В. Дашков написал сатирическое «Венчание Шутовского». Молодой А.С. Пушкин еще в Лицее задел А.А. Шаховского в эпиграмме «Угрюмых тройка есть певцов – Шихматов, Шаховской, Шишков...» [Пушкин 1937: 150].

Вместе с тем, полемика вокруг «Липецких вод», заслужившая от современников название «липецкого потопа», была поворотным пунктом в истории русской комедии. Театральные споры, продолжавшиеся до 1820 г., поставили во всей остроте проблему комедии нового типа, удовлетворяющей прогрессивным требованиям современности. Комедия А.А. Шаховского имела важное значение. Это была первая стихотворная комедия с широкими сатирическими и общественными задачами, затрагивавшая живые вопросы современности.

Список литературы

«Арзамас»: Сб. в 2 кн. / под общ. ред. В.Э. Вацура. М., 1994. Из литературного наследия «Арзамаса» Кн. 1. Спб., 1994. Кн. 2. Спб., 1994.

Гозенпуд А.А. А.А. Шаховской // Шаховской А.А. Комедии. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1961. С. 5–72.

Иванов Д. Творчество А.А. Шаховского-комедиографа: Теория и практика нац. театра. Tartu: Tartu Ulikoolikirjastus, 2009. 224 с., ил. (Diss. Philologiae Slavicae Univ. Tartuensis; 24).

Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Научная книга, 2014. 447 с.

Пушкин А.С. «Угрюмых тройка есть певцов...» // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 1. Лицейские стихотворения. 1937. С. 150.

Пушкин В.Л. Стихи. Проза. Письма. М.: Советская Россия, 1989. 368 с.

СРНГ–16 – Словарь русских народных говоров. Вып. 16. Л.: Наука, 1980. 376 с.

Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. Л.: Лениздат, 1991. Изд. 3-е, испр. и доп. 220 с., ил.

Шаховской А.А. Комедии. Стихотворения, Л.: Советский писатель, 1961. 830 с.

Фасмер М.Р. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 (Е – Муж) / Пер. с нем. идоп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 672 с.

A. I. Antonova

Antroponimikon of Shakhovsky's comedy «Lesson to coquette, or Lipetsk waters » as the reflection of the literary struggle between shishkovisty and karamzinisty

The article is devoted to the analysis of the anthroponymic units of comedy A.A. Shakhovsky "Lesson to coquette, or Lipetsk waters". The article reveals Shakhovsky's perception of sentimentalism and author's position in the ideological-literary struggle of the early 19th century.

Key words: A. A. Shahovskoj, antroponim, familyname, shishkovisty, karamzinisty.

*В.Г. Бартенева
(Донецк, ДНР)*

**Ассоциативные связи поэтонимов
в романе Дж. Джойса «Улисс»**

На примере анализа функций поэтонимов рассмотрен принцип ассоциативности в романе Дж. Джойса «Улисс». Показано, что поэтонимы реализуя художественные идеи, ориентируя читателя в смысловой структуре произведения и «развёртывая» ассоциативный фон, на котором воспринимаются, вносят существенный вклад в аксиологию поименованных образов и всего текста.

Ключевые слова: ассоциативные связи, поэтоним, заглавие, аллюзия, поток сознания.

Система изобразительности романа «Улисс» зачастую выстраивалась Джойсом по принципу ассоциативности. Ассоциативное восприятие читателем образов произведения, как правило, обусловлено возникновением специфических связей на лингвистическом уровне их структуры. Поэтоним, будучи важным элементом этой структуры, может активно включаться в продуцирование эстетически важных ассоциаций. Являясь текстовой единицей, именующей художественный образ, поэтоним, в силу способности конденсировать в своей семантической структуре разнообразные смыслы, тем самым определяет развёртывание ассоциативного фона, на котором воспринимается образ. При этом ассоциации, определяемые поэтонимами, в романе часто носят аксиологический характер. Иными словами, собственное имя не только номинирует объект, но и участвует в формировании общей оценки образа.

Цель статьи – показать, каким образом могут выявляться и анализироваться ассоциативные связи поэтонимов в романе Дж. Джойса «Улисс».

Первая ассоциативная связь появляется при прочтении названия романа, которое, с одной стороны, является аллюзией на имя главного героя Леопольда Блума и является традиционным приёмом именования произведения, с другой, указывает на связь произведения с «Одиссеей» Гомера. Вынесение поэтонима в самую сильную позицию текста – его заглавие – свидетельствует об особой значимости поэтонима в содержательной структуре произведения. Поставив имя главного героя в название произведения, автор демонстрирует восхищение и образом Одиссея, в латинской традиции – Улисса, и самой поэмой Гомера как мастерским образцом нарратива. Однако переключка с произведением Гомера приблизительная и общая. По словам В. Набокова «было бы напрасной тратой времени искать прямые параллели в каждом персонаже и в каждой сцене "Улисса"» [Набоков 1998: 370–371]. После того как роман вышел частями, Джойс убрал гомеровские названия глав.

На первой странице «Улисса» появляется краткий образ логического потока сознания. *He peered sideways up and gave a long slow whistle of call, then paused awhile in rapt attention, his even white teeth glistening here and there with gold points. Chrysostomos. Two strong shrill whistles answered through the calm* [Joyce 1992: 6]. Хρυσόστομος в переводе с греческого значит Златоуст. Св. Иоанн Златоуст – константинопольский патриарх IV века, прославившийся своей необычайной мудростью и ораторским талантом. Св. Иоанн был назван Златоустом за свое красноречие. В романе обычное повествование ненадолго перебивается внутренним монологом Стивена. Он видит и слышит, как Бык Маллиган свистит, чтобы разбудить Хейнса, затем замирает, напряженно прислушиваясь, и Стивен видит золотые пломбы в зубах Быка, блестящие на солнце, – золото, златоуст, красноречивый оратор, оракул Маллиган – на мгновение ассоциативный образ отца Церкви св. Иоанна Златоуста проносится в голове Стивена, после чего повествование немедленно возобновляется ответным свистом Хейнса [Набоков 1998: 377].

Вскоре в этом же эпизоде встречается более загадочный поток сознания Стивена. Указывая на расколотое зеркальце для бритвы, украденное Маллиганом из комнаты служанки, Стивен с горечью

произносит: *It is a symbol of Irish art. The cracked lookingglass of a servant* [Joyce 1992: 11]. Подхватив Стивена под руку, Маллиган предлагает ему продать этот афоризм за гинею Хейнсу и добавляет, что он, Маллиган, и Стивен, должны сообща эллинизировать Ирландию. Откликом на эти слова и доверительное сжатие руки служит мысль Стивена: *Cranly's arm. His arm* [Joyce 1992: 11]. Почему появляется это имя и рука Крэнли ассоциируется с рукой Маллигана пока не понятно. Но во втором эпизоде имя Крэнли упомянуто снова как имя неверного друга юности Стивена, обычно бравшего его на скачки. *Where Cranly led me to get rich quick, hunting his winners, amid the bawls of bookies on their pitches* [Joyce 1992: 49]. Так же и сейчас Маллиган предлагает ему разбогатеть, продав афоризмы. Из биографии Джойса известно, что его ближайшим другом в студенческие годы был Джон Берн, а после размолвки, место Берна занял Гогарти (прототип Маллигана). Отношения с ними отразились в прозе Джойса. В произведениях «Герой Стивен» и «Портрет художника в юности» Берн является прототипом Крэнли. В конце «Портрета художника в юности» Крэнли как и Маллиган прижимает к себе руку Стивена.

Во 2 части книги появляется тема скачек и проходит через всю книгу. Из комментариев к роману известно, что 16 июня 1904 года, в Аскот-Хите в Англии происходили скачки на Золотой кубок Аскота. Реальные скачки нашли своё отражение в романе, где многие дублинцы ставят на четырех участников: это Максим Второй, французская лошадь, победитель прошлого года; Мускат, фаворит после своего выступления на Кубке Коронации в Эпсоме, Корона – избранница спортивного редактора Ленехана, и аутсайдер Реклама.

Почти в 11 утра Блум встретил возле аптеки Бэнтама Лайонса, попросившего у него свежую газету.

– *You can keep it, Mr Bloom said.*

– *Ascot. Gold cup. Wait, Bantam Lyons muttered. Half a mo. Maximum the second.*

– *I was just going to **throw it away**, Mr Bloom said.*

Bantam Lyons raised his eyes suddenly and leered weakly.

– *What's that? his sharp voice said.*

– *I say you can keep it, Mr Bloom answered. I was going to **throw it away** that moment.*

Bantam Lyons doubted an instant, leering: then thrust the outspread sheets back on Mr Bloom's arms.

– *I'll risk it, he said. Here, thanks* [Joyce 1992: 127–128].

Блум безразличен к скачкам Золотого кубка, и не подозревает, что его фраза была истолкована как подсказка. Выражение *to throw it away* ассоциируется у Лайонса с именем собственным, с кличкой беговой лошади – *Throwaway* (Реклама). Она не является фаворитом скачек, поэтому Лайонс минуту колеблется, а затем решает рискнуть.

Теперь посмотрим на развитие этой темы. Спортивный редактор Ленехан ставит на Корону. Чтобы выяснить её шансы, Ленехан заглядывает в букмекерскую контору, встречается там Лайонса и отговаривает его ставить на Рекламу. В ресторане «Ормонд» около четырех часов дня, Ленехан уверяет Буяна Бойлана, что Корона выигрывает, и Бойлан, признается, что и он немного поставил за свою приятельницу (Молли). Телеграмма с результатами появится с минуты на минуту. В следующей главе Ленехан входит в кабачок Кирнана и мрачно сообщает, что выиграла Реклама *Throwaway, at twenty to one. A rank outsider. ... Frailty, thy name is Sceptre* [Joyce 1992: 488].

При анализе поэтонимов романа «Улисс» важное место занимает внимательное прочтение, помогающее установить ассоциативные связи. Когда Маллиган и Стивен после завтрака пришли купаться, знакомый юноша сообщил Маллигану, что получил открытку от Бэннона из Уэстмита: *Says he found a sweet young thing down there. Photo girl he calls her* [Joyce 1992: 33]. Через три эпизода Блум читает открытку, полученную от дочери Милли: *I am getting on swimming in the photo business now <...> There is to be a concert in the Greville Arms on Saturday. There is a young student comes here some evenings named Bannon his cousins or something are big swells and he sings Boylan's song about those seaside girls* [Joyce 1992: 98]. Сопоставив два отрывка, становится ясно, что настоящее имя Фотодевочки – Milly Bloom.

Для одного из главных героев романа – Стивена – Дж. Джойс выбрал греческое имя, указывая на связь с «Одиссеей» Гомера. Stephen соотносится с апеллятивным субстантивом στέφανος со значением ‘венок’, ‘награда’, ‘слава’. Это имя носил новозаветный первомученик Стефан (греч. Στέφανος). В книге апостольских деяний Стефан описан как муж, исполненный веры и силы, который совершал великие чудеса и знамения в народе. Что касается фамилии героя – Dedalus (греч. Δαίδαλος), то она соотносится с адъективом δαίδαλος со значением ‘искусный’, ‘умелый’. Фамилия Стивена

ассоциируется с древним мастером-искусником из Афин Дедалом, который также творил чудеса. Дедал – строитель непроходимого критского лабиринта для царя Миноса, создатель возносящих крыльев, кроме того, творящий на чужбине, в изгнании. Дедал – это отец Икара, с которым сравнивает себя Стивен. Итак, имя Stephen Dedalus идейно символизирует славу, искусство, чудеса, страдание, изгнание. Это подтверждает и одно из школьных прозвищ героя – *Bous Stephanoumenos*, в греческой классике значащее ‘бык венценосный’, жертвенное животное, украшенное венком и предназначенное для заклятия [Хоружий 2006: 869].

Бык Маллиган смеётся над именем Стивена, называя его нелепым, как у древнего грека, и даёт ему другое – *Kinch, the knifeblade* [Joyce 1992: 7]. Это прозвище означает “лезвие ножа”. Не случайно Маллиган называет Стивена и *poor dogsbody* [Joyce 1992: 9]. В кельтской мифологии пёс – хранитель тайны. Образ одинокого пса будет связан со Стивеном на протяжении всей книги точно так же, как образ вкрадливой, мягко ступающей кошки будет сопутствовать Блуму [Набоков 1998: 380].

В своём имени, состоящим из двух дактилей, Мэйлахи Маллиган также находит что-то эллинское: *My name is absurd too: Malachi Mulligan, two dactyls. But it has a Hellenic ring, hasn't it? Tripping and sunny like the buck himself* [Joyce 1992: 6]. Дактиль – стихотворный метр, образуемый трёхсложными стопами с сильным местом на первом слоге стопы. Таким способом автор намекает на связь с эллинской «Одиссеей», написанной гекзаметром, который передаётся на русском языке шестистопным дактилем. В переводе с древнееврейского *Malākhī* обозначает ‘мой посланец’. В Библии Малахий – древнееврейский пророк, записавший пророческое слово Бога к Израилю. Маллиган также считает себя посланником и сверхчеловеком. Он был хорошим знатоком греческого языка и поэзии, а ещё лучшим – непристойных и богохульных стишков, которые также и сочинял. В начале романа Маллиган разыгрывает пародию на католическую мессу и её главную часть – таинство преосуществления хлеба и вина в тело и кровь Христовы.

Полное имя Маллигана – *Malachi Roland St John Mulligan*. *Roland* имеет парное имя – *Oliver*, это имена неразлучных друзей в «Песне о Роланде». Комментаторы, излагая автобиографию Дж.Джойса, описывают прототипа *Malachi Roland St John Mulligan* –

дублинца, бывшего друга Джойса Oliver St John Gogarty. Во времена дружбы Джойс называл Оливера именем Malachi.

В тексте романа есть много имён, уже использовавшихся в каком-нибудь произведении писателя и вновь появившихся в «Улиссе». Эти поэтонимы-аллюзии характеризуются множеством связей с другими текстами Дж. Джойса. Своего рода “реальным планом” для «Улисса» служит, в первую очередь, сборник рассказов «Дублинцы», а имена Стивена Дедала и некоторых других персонажей взяты из произведения «Портрет художника в юности». Имя Маллигана даже стоит в одном ряду с именами персонажей названной книги: *Temple, Buck Mulligan, Foxy Campbell, Lanternjaws* [Joyce 1992: 60]. Темпл – знакомый Стивена, его прототипом является студент медик Джон Элвуд, приятель Гогарти. Кемпбелл-Лис, Остроскулый (Foxy Campbell, Lanternjaws) – прозвища о. Ричарда Кемпбелла, одного из преподавателей колледжа Бельведер.

Имя Маллиган упоминается при ассоциации с нашествием викингов: *Galleys of the Lochlanns ran here to beach, in quest of prey, their bloodbeaked prows riding low on a molten pewter surf. Dane vikings, torcs of tomahawks aglitter on their breasts when Malachi wore the collar of gold* [Joyce 1992: 68]. Выделенная фраза является аллюзией на легенду о том, что ирландский король Мэйлахи снял с побеждённого датского вождя и надел на себя золотой шейный обруч. Что касается прозвища Маллигана, то в переводе с английского Buck значит 1) олень, 2) щёголь. В тексте романа, кроме прямых ассоциаций, Бык Маллиган скрыто ассоциируется с геральдическим оленем и щёголем, например, *On a field tenney a buck, trippant, proper, unattired* [Joyce 1992: 70].

В романе упомянуто много имён реальных исторических лиц, но для того, чтоб историческая аллюзия сработала, нужны определённые фоновые знания. Например, фраза *On the sideboard the tray of Stuart coins, base treasure of a bog* [Joyce 1992: 44] создаёт ассоциативную связь с Яковом II Стюартом (1633–1701), последним королем католической династии Стюартов, который во время своего правления начал впервые чеканить медную монету. Яков II был свергнут с трона, и потерпел поражение в Ирландских болотах.

Итак, поэтонимы не являются безразличными к концептуальному плану текста знаками. Они, реализуя художественные идеи, ориентируя читателя в смысловой структуре произведения и “развертывая” ассоциативный фон, на котором

воспринимаются, вносят существенный вклад в аксиологию поименованных образов и всего текста.

Список литературы

Набоков В.В. Лекции по зарубежной литературе / пер. с англ. под ред. В.А. Харитонова; предисл. к русскому изданию А.Г. Битов. М.: Издательство Независимая Газета, 1998. 512 с.

Хоружий С. Комментарий // Джойс Дж. Улисс: Роман / пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 779–984.

Joyce J. Ulysses. London: David Campbell Publishers Ltd, 1992. 1084 p.

V.G. Barteneva

Associative links of poetonyms in the novel “Ulysses” by James Joyce

The principle of associativity in the James Joyce novel "Ulysses" is considered. It is shown that poetonyms realize the important artistic ideas, deploy a certain associative background on which its must be perceived. Poetonyms contribute to the formation of axiology of nominating images and the whole text.

Key words: associative links, a poetonim, a title, an allusion, a stream of consciousness.

Г.Б. Буянова

(Тамбов, Россия)

Символика имен героев в романе М.Ю. Лермонтова «Вадим»

В статье рассматривается незавершенный роман М.Ю. Лермонтова «Вадим» с точки зрения символики антропонимов, их семантического ореола, функционирования в тексте произведения. Автор анализирует имена персонажей романа, обращаясь к философии имени, глубине авторского замысла, особенностям романтического стиля писателя.

Ключевые слова: историзм и поэтика романа «Вадим», семантика антропонимов, язык произведения, художественная значимость имени собственного.

Известно, что антропонимы имеют особое значение в художественном произведении, потому что автор осознанно или интуитивно останавливает свой выбор на определенном имени. Уже в XVIII столетии в отечественной словесности сформировалась традиция использования имен, фамилий, прозвищ в качестве важнейших средств литературной типизации. Еще в 1764 году, задолго до образцовой классицистской комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» с говорящими фамилиями главных и второстепенных

героев, в пьесе «Мот, любовью исправленный» драматический писатель и переводчик В.И. Лукин вывел на сцену своих персонажей с говорящими именами: Добросердов, Правдолюбов, Докукин, Злорадов, Безотвязный, Пролазин. Традиция использования «говорящих» имен и фамилий, сформировавшаяся в литературе XVIII века в творчестве А.П. Сумарокова, Г.Р. Державина, Д.И. Фонвизина, была продолжена писателями и драматургами XIX столетия – А.С. Грибоедовым, А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, М.Е. Салтыковым-Щедриным, А.Н. Островским, А.П. Чеховым и другими русскими классиками.

Смысловая значимость имени исследовалась отечественными философами XIX-XX вв. – С.Н. Булгаковым, П.А. Флоренским, А.Ф. Лосевым. «Всякое имя в своем возникновении есть слово, т.е. смысл, идея, содержание», – писал С.Н. Булгаков в «Философии имени» [Булгаков 1999: 128]. А.Ф. Лосев, вступив в диалог с С.Н. Булгаковым, продолжал: «Если сущность – имя, слово, то, значит, и весь мир, вселенная есть имя и слово, или имена и слова. <...> Человек – слово, животное – слово, неодушевленный предмет – слово. Ибо все это – смысл и его выражение» [Лосев 1993: 627]. Имя – одна из сфер, в которой Творец соприкасается с созданным им миром – эта мысль высказывалась обоими философами и по-своему толковалась П.А. Флоренским: «По библейским понятиям имя само благословляет или проклинает, а мы являемся лишь орудием для его действия и той благоприятной средой, в которой оно действует» [Флоренский 1990: 267]. «Имя – тончайшая плоть, посредством которой объясняется духовная сущность», – писал философ [Флоренский 1990: 62], осмысливая глубинную связь между Божьим Провидением и каждым человеком, символику имени, «соотнесение» имени с конкретным лицом. Очень интересно суждение Флоренского о том, что у всякого имени есть как бы два полюса: верхний и нижний, между которыми расположена особая область, сфера. Соответственно, человек, носящий то или иное имя, может быть выразителем и высших, и низших качеств – ведь «каждое имя есть целый спектр нравственных самоопределений и пучок различных жизненных путей» [Флоренский 1990: 176]. Человек наделен свободой выбора, и от этого выбора зависит и житие святого, и судьба бунтаря, и жизнь обывателя, и темный путь негодяя.

Любопытно, что своим героям М.Ю. Лермонтов нередко давал одинаковые имена или фамилии. Главного героя ранней драмы «Станный человек» он называет Владимиром Арбениным, а в драме

«Маскарад» в качестве главного героя выступает Евгений Арбенин. В начале 30-х г. Лермонтова особенно интересовала историческая тема – он пишет романтическую поэму «Последний сын вольности» с главным героем по имени Вадим. Имя собственное «Вадим» возводится М.Р. Фасмером к древнерусскому имени «Вадимъ». Знаменитый этимолог-славист, ссылаясь на авторитетное мнение выдающегося лингвиста и палеографа А.И. Соболевского, отмечает: «Вадим – уменьш. от собственного Вадимиръ; ср. вадить «спорить; приручать», словен. vaditi «приручать»» [Фасмер 2003: 265]. Глагол «вадить» толкуется В.И. Далем как «важивать», «манить», «привлекать», а иногда и «наговоривать», «клеветать» [Даль 2003: 160]. К этому же глаголу обращается А.В. Суперанская в «Словаре русских личных имен»: «Вадим – др.-рус. – возможно, из *вадить*, манить, привлекать; клеветать, сеять смуту» [Суперанская 1998: 139]. Толкования подчеркивают двойственность, сложность имени, что подтверждается и историческими фактами, и авторскими предположениями, и художественными трактовками.

В основе поэмы М.Ю. Лермонтова «Последний сын вольности» лежит предание из Никоновской летописи [Милованова 2014: 395]. Летопись сообщает о том, как Вадим Храбрый и его сподвижники подняли восстание против Рюрика и погибли: «Того же лета (863) оскорбишася новгородци глаголюще: «Яко быти нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его». Того же лета уби Рюрик Вадима храброго и иных многих изби новгородцев, советников его» [Лермонтов 2000: 362]. Имя «Вадим» Лермонтов выбирает и для главного героя своего юношеского романа «Вадим», начатого приблизительно в то же время – в 1831 году. Между тем герои его похожи не только именами.

Вадим Храбрый – легендарный герой, традиция изображения его в русской литературе двойственна. Историк В.Н. Татищев, анализируя текст летописных источников, пришел к выводу, что Рюрик, Синеус и Трувор были внуками славянского рода Гостомысла, а «сей Вадим, видимо, по сказанию Иоакимову, был сын большой дочери Гостомысловы Князь Изборский и по старшинству матери его наследник престола» [Лермонтов 2000: 362]. Поиски и сопоставления В.Н. Татищева позволяют сделать вывод о том, что Вадим Новгородский приходился двоюродным братом своему сопернику Рюрику и погиб в борьбе за власть – это расходится с трактовкой Никоновской летописи. Обращаясь к образу Вадима

Храброго, Екатерина II («Историческое представление из жизни Рюрика», «Записки касательно русской истории»), Я.Б. Княжнин (трагедия «Вадим Новгородский»), В.А. Жуковский (повесть «Вадим Новгородский»), А.С. Пушкин (драматический отрывок «Вадим»), К.Ф. Рылеев (дума «Вадим») создавали характеры разные. Лермонтовская трактовка личности Вадима Новгородского близка декабристской: он независим и свободолюбив, патриотичен, готов погибнуть за свои убеждения, он – борец против тирании. В то же время Вадим у Лермонтова отличается специфическими чертами, отличающими «лермонтовских людей»: не только любовь к свободе, но и отчаяние, сила страстей, душевная опустошенность, чувство мести определяют его действия:

*О! если бы одна любовь
В душе у витязя жила,
То он бы не очнулся вновь;
Но месть любовь превозмогла...*

[Лермонтов 2000: 147]

*Кто это воин молодой?
Кто Рурика зовет на бой?
Кто для погибели рожден?
В своем заржавом шишаке
Предстал Вадим – булат в руке,
Как змеи – кудри на плечах,
Отчаянье и месть в очах.*

[Лермонтов 2000: 149-150]

И этим он близок герою романа «Вадим». Главный герой романа одержим мыслью отомстить помещику Палицыну, который виновен в безвременной кончине его отца, пропаже сестры, разорении и утрате отчего дома. «В центре романа о пугачевщине оказался не Пугачев, а гордый мститель Вадим, характер которого не наделен ни историческими, ни национальными, ни ясными классовыми чертами, – отмечает И.Л. Андроников. – Вадим – одиночка, абстрактный романтический образ... <...> Участие Вадима в пугачевском восстании объясняется одной лишь жаждой мести. Восстание – самый удобный повод для свершения им казни над своим оскорбителем. Поэтому для того, чтобы оправдать участие Вадима в крестьянском восстании, Лермонтов превратил его в раба, добровольно вступающего в число крепостных слуг Палицына» [Андроников 1951: 78].

Лермонтовский Вадим действительно обладает какой-то удивительной силой, «манкостью», привлекая к себе окружающих: «Его товарищи не знали, кто он таков; но сила души обнаруживается везде: они боялись его голоса взгляда; они уважали в нем какой-то величайший порок, а не безграничное несчастье, демона – но не человека: – он был безобразен, отвратителен, но не это пугало их; в его глазах было только огня и ума, столько неземного, что они, не смея верить их выражению, уважали в незнакомце чудесного обманщика...» [Лермонтов 1990: 276]. Он умен, хитер, ловко меняет маски, то притворяясь покорным холопом, то становясь отчаянной Красной шапкой, то напоминая одинокого и презирающего всех демона. Лермонтов подчеркивает, что Вадим сеет смуту, становится «враждебным Гением» палицынского дома, настраивая хозяина против слуг, слуг – против хозяина: «Если Борис Петрович хотел наказать кого-нибудь из слуг, то Вадим намекал ему всегда, что есть наказания, которые жесточе, и что вина гораздо больше, нежели Палицын воображал; – а когда недосказанный совет его был исполнен, то хитрый советник старался возбудить неудовольствие дворни, взглядом, движеньями помогал им осуждать господина; но никогда ничего не говорил такого, что бы могло быть пересказано ко вреду его – к неудовольствию рабов или помещика» [Лермонтов 1990: 287].

Интересна и многозначительна следующая подробность: имя «Вадим» на Руси часто давали людям, которые имели какой-либо физический недостаток, врожденный порок. Лермонтовский герой «горбат и кривоног», хотя привык к своему «позорному состоянию»; его называют «горбачом» и «уродом», а имя его – «прелестным для такого уroda». Физическое безобразие влечет за собой ожесточение и озлобленность. Желание отомстить своим обидчикам делает его человеконенавистником, делает Вадима Красной шапкой и приводит в ряды восставших пугачевцев. Прозвище Вадима – «Красная шапка» – в контексте романа приобретает зловещее, трагическое значение. Примкнув к бунтовщикам из соображений личной мести, он навсегда теряет сестру и становится убийцей крестьянина Федосея, который «верой и правдой» служил своим господам и готов, исполняя «дело холопское», «в воду и в огонь кинуться». «Много нынче злодеев, дурной стал народ, да я не из них, Юрий Борисович» [Лермонтов 1990: 344-345], – говорит Федосей своему барину, младшему Палицыну. Имя «Федосей», восходящее к греческому

«Теодосис», толкуется А.В. Суперанской как «теос бог + досис данный» [Суперанская 1998: 318]. В одной из глав романа Федосей действительно становится Богом данным защитником Юрия Палицына – ведь Вадим готовил смерть не ему, а сыну своего заклятого врага...

Сестра Вадима, Ольга, в соответствии с романтической традицией литературы XIX столетия сравнивается Лермонтовым с ангелом: «Это был ангел, изгнанный из рая за то, что слишком сожалел о человечестве» [Лермонтов 1990: 279]. «Это лицо было одно из тех, какие мы видим во сне редко, а наяву почти никогда», «создание прекрасное, нежное, женщина с огненной душой, с душой чистой и светлой как алмаз» [Лермонтов 1990: 360]. Обилие эпитетов и яркость сравнений подтверждает семантику имени «Ольга»: «Этимологически Ольга, или в первоначальном изводе Хельга, или Эльга, значит великая» [Флоренский 1993: 73]; Ольга – из сканд. Хейльга: хейла святая [Суперанская 1998: 413]. Душа Ольги сродни душе Вадима – гордая, свободолюбивая, независимая. Перед иконой Богоматери она обращается к Создателю с исповедальными словами о вольной душе своей, клянется Вадиму в том, что никогда уже больше не будет «игрушкой» в руках сластолюбивого старика Палицына, в том, что она – помощница и единомышленница своего брата. Но пожертвовать своей любовью к Юрию, смириться с тем, что брат готовит ему гибель, Ольга не может и разделяет участь возлюбленного, понимая, что оба они находятся в смертельной опасности. Она поистине велика в своей любви к Юрию – это чувство для Ольги важнее, больше, нежели все остальное.

Почему Ольгой избран Юрий? Почему любовь к нему сильнее, чем чувство долга, «семейственная гордость», обещание брату? Его образ очень привлекателен: «Юрий был так хорош!.. – именно таковые лица нравятся женщинам: что-то доброе и вместе буйное, пылкость без упрямства, веселость без насмешки; <...> длинные русые волосы вились вокруг шеи; и голубые глаза не отражали свет, но, казалось, изливали его на всё, что им встречалось» [Лермонтов 1990: 303], – таков его портрет, созданный Лермонтовым.

Ольгу и Юрия соединяет именно свет. Юрий для Ольги – символ чести и благородства, Ольга для него – «неприкосновенная святыня». «Я видал смерть близко на ратном поле и не боялся... и теперь не испугаюсь: я мужчина, я тверд душой и телом, и до конца не потеряю надежды спастись вместе с тобою... но если надобно

умереть, я умру, не вздрогнув, не простонав... клянусь, никто под небесами не скажет, что твой друг склонил колена перед низкими палачами!» [Лермонтов 1990: 357], – обещает Юрий Ольге. Он и в самом деле держит свое слово – и, верно, поэтому солдатка прячет его в собственной хате, терпит пытки и жертвует собственным сыном, который не выдал их тайны «душегубцам». «Рыжий Петруха, избитый, полуживой», бедная крестьянка в своем благородстве, мужестве и человеколюбию не уступают представителям дворянского сословия. Имя «Петр», восходящее к греческому «камень», оказывается символичным, ассоциируясь с твердостью веры и крепостью души.

Проанализировав некоторые антропонимы романа М.Ю. Лермонтова «Вадим», отметим несомненное влияние имени на внутренний и внешний облик персонажей, их нравственную характеристику, присутствие «низких» и «высоких» полюсов имен в лермонтовском романе. Имена в «Вадиме» имеют стилистическую окраску, выражают авторское отношение к создаваемым героям, органически связаны с содержанием произведения, его идеями, мироощущением юного писателя Михаила Лермонтова.

Список литературы

- Андроников И.Л. Лермонтов. М.: Сов. писатель, 1951.
- Булгаков С.Н. Философия имени. СПб.: Наука, 1999.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык Медиа, 2003. Т. 1. А-З.
- Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 3. Поэмы 1828–1834. М.: Воскресенье, 2000.
- Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во «Правда», 1990.
- Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие имя космос / сост. и ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993.
- Милованова Т.С. «Последний сын вольности» // М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь / гл. ред. и сост. И.А. Киселева. М.: «Индрик», 2014.
- Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 4-е изд., стереотип. В 4 т. Т. 1: А-Д. М.: Астрель; Аст., 2003.
- Флоренский П.А. Имена // Имя-судьба. Книга для родителей и крестных / сост. А. Бобров. М.: Современный писатель, 1993.
- Флоренский П.А. У водоразделов мысли. М.: Правда, 1990.

G.B. Buyanova

Proper names and their symbolics in the novel “Vadim” by M.Y. Lermontov

The article deals with the unfinished novel by M.Y. Lermontov “Vadim”. In our research work we analyse antroponyms, used by Lermontov, their semantics, symbolics and functions that they perform in his literary work. The author of the article gives the detailed analysis of personages' names. Taking into consideration key points of “the philosophy of the name” and peculiarities of Lermontov's romantic style the researcher discloses depths of ideologic and artistic conception of the novel.

Key words: historical method and poetics of the novel “Vadim” by M.Y. Lermontov; antroponyms and their semantics; the language of the novel; the artistic value of the proper name

*О.Н. Верецагина
(Ярославль, Россия)*

Роль имени собственного в драмах М.Ю. Лермонтова (на материале драмы «Menschen und Leidenschaften»)

В статье рассматривается ономастическое пространство драмы М.Ю. Лермонтова «Menschen und Leidenschaften», дается анализ особенностей функционирования имён собственных в драме. Особое внимание уделяется антропонимам, выполняющим не только номинативную, но и характерологическую функции, а также способствующим отражению отношений между действующими лицами пьесы.

Ключевые слова: ономастическое пространство, антропонимы, топонимы, библионимы, прецедентные имена.

Драма «Menschen und Leidenschaften» – одно из ранних произведений М.Ю. Лермонтова, во многом автобиографичное. Анализ ономастического пространства драмы позволил выделить следующие виды онимов: антропонимы, топонимы, библионимы, мифонимы, а также прецедентные имена. Рассмотрим каждую из перечисленных выше групп последовательно.

Среди антропонимов выделяются сюжетные и внесюжетные. К первым относятся имена главных и второстепенных действующих лиц (*Марфа Ивановна Громова, Николай Михайлович Волин, Юрий Николаич* – сын его, *Василий Михалыч Волин* – брат *Николая Михалыча, Любовь, Элиза* – дочери, *Заруцкий* – молодой офицер, *Дарья* – горничная Громовой), а также эпизодических персонажей (*Иван* – слуга Юрия, *Василиса* – служанка 2-х барышень, *Васька-поваренок*). При этом для последних характерно именование с помощью только имени либо посредством сочетания указания на

социальный статус и фамилии помещика (*слуга Волиных*). Интересно, что некоторые участники драмы не указаны в афишной ремарке, что может быть связано с тем, что они не оказывают влияния на развитие действия, однако в тексте автор дает им имя (*Васька-поваренок*). Антропонимы, используемые автором для именованя главных и второстепенных персонажей, по структуре можно разделить на несколько групп: 1) состоящие только из имени (*Любовь, Элиза, Дарья*), 2) только фамилии (*Заруцкий, Волин*), 3) имени и отчества (*Юрий Николаич*), 4) имени, фамилии и отчества (*Марфа Ивановна Громова, Николай Михайлович Волин, Василий Михалыч Волин*). Антропонимы четвертой группы называют персонажей, являющихся старше, чем остальные, и одновременно находящихся выше по социальному положению.

Стремясь приблизить изображаемые события к действительности, автор использует реально существующие имена, фамилии, отчества. При этом фамилия и имя способны указывать на наиболее яркие черты характера персонажа (например, фамилия *Громова* отражает жесткость, жестокость *Марфы Ивановны*). Фамилия героя пьесы (*Волин*) с одной стороны связана со стремлением Юрия освободиться от чувства благодарности, опеки, от возникшей из-за него семейной ссоры, с другой – с решительностью, настойчивостью, непреклонностью при движении к избранной цели. В свою очередь имя героини (*Любовь*) не только передает её чистоту, порядочность, привязанность к отцу, но и чувства, возникшие в душе девушки, чувства, которые она вызывает у Юрия Волина, и одновременно указывает на то, чего ей так не хватает в семье. Интересно, что номинация, указанная в афишной ремарке, в тексте пьесы может использоваться непоследовательно, изменяться. Перед репликами бабушки, отца и дяди героя указываются только имя и отчество без фамилии (*Марфа Ивановна, Николай Михайлович, Василий Михалыч*). Изменяется способ именованя главного действующего лица (наряду с *Юрий Николаич* употребляются лексемы *Юрий, Юрьюшка*), а также его двоюродных сестер (*Любовь* – на *Любенька, Любанька, Элиза* – на *Лизушка*). Иначе обозначена и горничная Громова: в афишной ремарке указано имя *Дарья*, в пьесе встречаются – *Дарья Григорьевна, Дашка*. На эту особенность указывал еще П.А. Висковатов: «Впрочемъ, Лермонтовъ довольно безцеремонно обходился с именами действующих лиц, часто ставил одно за другое, или вводилъ имя новое, не означенное въ числѣ

действующих лиц» [Лермонтов 1889: 431] (таким «новым именем» в рассматриваемом произведении стал «Васька-поваренок»). Представляется, что подобная непоследовательность в употреблении антропонимов показывает, что для автора в большинстве случаев важно не только и не столько само по себе имя, сколько его форма, так как помимо собственно номинативной функции имя способно служить средством передачи отношений между действующими лицами. Так, например, использование уменьшительной формы имени отражает жалость, любовь (*Мар<фа> Ив<ановна>. В ссылку сошлю, засеку... я тебе сказала, чтоб поссорить их... теперь что с ним будет, с Юрьюшкой... погубит он свою душу...* [Лермонтов 2000: 220]; *Да, батюшка – мне что-то не спалось – я всё думала об моем Юрьюшке... как это он поедет путешествовать, я боюсь за него... а мне так грустно с ним расставаться...* [Лермонтов 2000: 173]). Наличие или отсутствие в имени уменьшительно-ласкательного суффикса подчеркивает разницу в отношении отца (Василия Михайловича) к дочерям (Любови и Элизе): уменьшительная форма для любимой дочери и полная для другой (*Васи<лий> Мих<алыч>. ...(в задумчивости опускает голову)... Как... к Любви – к моей дочери любовное письмо – свидание... Юрий... нет, этого я не стерплю... Ну, говори, что я несправедливо делал, любя дочерей моих неодинаково... Я наперед как предчувствовал это... вот Лизушка такой штуки не сделает...* [Лермонтов 2000: 211]). Близость ко второй дочери усиливается и тем, что и отец, и дочь включают в свою речь французские слова и выражения (*Васи<лий> Мих<алыч>. ...(в задумчивости опускает голову)... Ба! – что это за записка: **Ma chere**... это любопытно...* [Лермонтов 2000: 211]; *Элиза. Как жарко нынче, так и жжет лицо и шею. Если б не этот благодетельный зонтик, я б сделалась черней арапки, и это бы было плохо для меня, потому что **je dois etre aujourd'hui plus belle que jamais**, для предложенного свидания...* [Лермонтов 2000: 181]). Употребление имени возлюбленной Юрия Волина с уменьшительно-ласкательным суффиксом в ремарке предположительно отражает симпатию автора по отношению к изображаемому персонажу: *Комната барышень. Любенька сидит и читает. Горнишная шьет платье, а Элиза перед трюмо. Всё тихо.* [Лермонтов 2000: 164].

Антропонимы могут передавать социальные отношения между действующими лицами. Так, уменьшительные формы *Дашка, Васька*

используются теми, кто выше по социальному статусу по отношению к тем, кто ниже, в контексте пьесы звучат грубо, пренебрежительно (*Марф<a> Ив<ановна>. Ну может ли какая-нибудь холопка более быть привязана к своей госпоже, как моя верная Дашка...* [Лермонтов 2000: 191] *Марфа Ив<ановна>. Дай капель гофманских, Дашка.* [Лермонтов 2000: 194]). Обращение по имени и отчеству демонстрирует желание персонажей выразить уважение по отношению к лицу, к которому обращаются, стремление подчеркнуть свое более низкое социальное положение (слуги Иван и Василиса называют горничную *Дарья Григорьевна*, Дарья в разговоре с Марфой Ивановной обращается к помещице *Марфа Ивановна*). Своего рода характеристикой персонажа в драме оказывается и отнесенность его имени к русскому ономастикону. Так, например, противопоставленность «русского» (Любовь) и нерусского (Элиза) имён усиливает противоположность сестер: простоту одной и стремление второй быть частью светского общества, подчеркивать принадлежность к нему в разговоре как с другими, так и с самой собой.

Используемые в драме внесюжетные антропонимы называют лиц, имевших отношение к герою в прошлом или оказавших определенное влияние на его судьбу: *Марья Дмитриевна* (мать Юрия Волина), *Павел Иванович* (брат Марфы Ивановны). Ещё одно внесюжетное обозначение *Соседка Зарубова* называет персонажа из окружения Марфы Ивановны. Думается, подобная детализация служит для воссоздания реальной действительности, где каждого человека можно идентифицировать.

Используемые в драме топонимы обозначают реально существующие географические объекты: страны (*Франция, Германия (Неметчина), Русь*), города (*Москва, Киев*), монастырь (*Троицкая лавра*), регион страны (*Сибирь*), что также позволяет автору приблизить изображаемые события к действительности. Каждый из перечисленных выше топонимов выполняет определенную функцию. Например, лексемы *Русь* и *Неметчина* в речи горничной Дарьи, подчёркивают её принадлежность к простым людям, деревенским жителям (остальные персонажи используют топоним *Германия*). Топонимы *Германия* и *Франция* обозначают места, куда направляется герой драмы и куда хочет, чтобы он поехал, Марфа Ивановна. Оба слова оказываются ассоциативно связаны с особенностями поведения, менталитета народов, при этом страны противопоставляются по наиболее характерным чертам: этикет и

наука (*Ник<олай> М<ихалыч>*). *Позвольте перервать речь вашу, матушка, немцы хотя в просвещении общественном и отстали от французов, то есть имеют некоторые странности, им приличные в обхождении, не так ловки и развязны, но зато глубокомысленнее французов, и многие науки у них более усовершенствованы...* [Лермонтов 2000: 174]). Упоминание именно этих стран не случайно и служит характеристикой современной М.Ю. Лермонтову эпохи («...Сделанное в трагедии «Люди и страсти» сопоставление французского «общественного просвещения» с немецкой философией и предпочтение, отданное ей, — характерная черта времени» [Эйхенбаум 1961: 167]).

Лексема *Москва* вызывает ассоциации со светской жизнью, Киев и Троицкая лавра — со святыми местами, с молитвой, с искуплением грехов (*Марф<а> Ив<ановна>*). *Я буду без него молиться, всякое воскресенье ставить толстую свечу перед Богоматерью, поеду в Киев, а он ко мне будет писать...* [Лермонтов 2000: 191]; *Любовь. Я смутно помню, что когда-то я была у Троицкой Лавры — и мне схимник предсказал много горестей* [Лермонтов 2000: 165]). Топоним *Сибирь* становится символом пространственной удаленности, обозначаемое данной лексемой пространство воспринимается негативно, а пребывание в нем — как наказание, что подчеркивается соположением топонима с лексемами с отрицательной эмоциональной оценкой, например, *ссылка, прочь, долой, ад* и др. (*Марф<а> Ив<ановна>*). *В ссылку сошлю, засеку... я тебе сказала, чтоб **поссорить** их... но разве не ты мне это присоветовала... теперь что с ним будет, с Юрьюшкой... **погубит он свою душу... прочь, адский дух, прочь... с глаз моих долой... в Сибирь... в ад... ах, я несчастная... окаянная... что это мы наделали...*** [Лермонтов 2000: 220]). Интересно, что наряду с точным указанием мест, только упоминаемых по ходу пьесы, точное указание места действия драмы отсутствует. В афишной ремарке оно обозначается как *деревня Громовой*. Представляется, что подобное обозначение может указывать как на то, что в данном случае точное указание не важно для автора (события, описанные в пьесе, могли бы происходить в любом подобном месте), так и на то, что деревня принадлежит Марфе Ивановне (подчеркивается социальный характер произведения).

Среди включенных в драму прецедентных имен могут быть выделены имена писателей и философов (Кант — родоначальник

немецкой классической философии, труды которого изучали многие из современников М.Ю. Лермонтова, Вальтер Скотт – шотландский писатель, чье творчество было широко известно в России XIX века) и названия их произведений (роман В. Скотта «Вудсток»), имена персонажей произведений (героиня романа «Вудсток» Алина), имена исторических фигур (доктор Фауст). Имена собственные используются для обозначения реальных лиц, связанных с современной автору эпохой (Кант, Вальтер Скотт), передают ассоциации с определенными образами, возникшие под влиянием произведенного впечатления (при первой встрече Заруцкий говорит Юрию: *Из удалца - сделался таким мрачным, - как доктор Фауст!* 160), обозначают образ, олицетворяющий собой романтический идеал (Алина для Любви Волиной). Ещё одно упоминаемое в драме произведение – Евангелие. Исследователи отмечают интертекстуальность пьесы, влияние на творчество М.Ю. Лермонтова немецкой романтической драмы. Предполагают, что сцена, где горничная читает Марфе Ивановне Евангелие, связана с похожей сценой в «Разбойниках» Ф. Шиллера, однако у М.Ю. Лермонтова данный эпизод служит дополнительной негативной характеристикой Громовой [Лермонтов 2014: 543].

Как и в случае с антропонимами, различно именуется в драме Бог. При обращении, как правило, используются лексемы *Бог, Боже, Отче, ты, Создатель, сочетания Бог всеведущий, (Боже) Всемогущий, царь небесный*. В пьесе встречаются также такие варианты именования, как *творец, Господь, Отец*. Интересно, что в большинстве случаев лексемы *Бог* (и форма *Боже*), *Божий* встречаются в устойчивых сочетаниях (*Бог знает что, сохрани Бог, не дай Бог, слава Богу, ради Бога, во всем воля Божия*). Чаще других обращается к Богу Юрий Волин: не только с просьбой о помощи, но и находясь в сильном эмоциональном потрясении, спрашивая, почему Бог позволил случиться тому, что ранило героя (*Бог всеведущий! зачем ты не отнял у меня прежде этого зренья... зачем попустил видеть, что я тебе сделал, Бог!* [Лермонтов 2000: 206]). Проявляющиеся в драме богоборческие мотивы связывают ее с лирикой М.Ю. Лермонтова. Библионимы *Богоматерь, мать Богородица* включены в реплики Марфы Ивановны, где речь идет об искуплении грехов. Это позволяет сделать вывод о том, что Громова воспринимает Богоматерь как спасительницу, которая простит и защитит её. Библионимы *Июда, жена Лотова* используются в

качестве сравнения: в одном случае ситуации, сходной с библейской (Юрий предлагает Ивану тридцать червонцев, чтобы слуга ушёл), в другом для указания на сходство двух образов (Юрий говорит о Любви: *...посмотрите, деревья, с какой адской улыбкой, притворной невинностью она стоит между вами, недвижна, как жена Лотова...*) [Лермонтов 2000: 206]. Имя *Марк* встречается в сцене чтения Евангелия для обозначения автора книги. Библионим (*Иисус*) *Христос* используется в драме в сцене чтения Евангелия, а также в сцене, когда герой предлагает своему слуге взять деньги и оставить его. Помимо этого указанное имя собственное встречается в репликах персонажей, когда они хотят подтвердить правдивость своих слов или клянутся в чем-либо (*Юрий. ...Но говорите... говорите!.. Только чур, говорить правду... Вас<илий> Мих<алыч>. Вот тебе Христос (крестится)...*) [Лермонтов 2000: 187]; *Дарья. ...Для того-то и Николай Михалыч со всей семьей привалил сюда – да знаешь ли, вот тебе Христос – с тех пор, как они приехали сюда, с тех самых пор – (я это так твер<до> знаю, как то, что у меня пять пальцев на руке) – я двух серебряных ложек не досчиталась. Ты не веришь?* [Лермонтов 2000: 155].

Мифоним (теоним) *Купидон* используется в перифразе как символ любви: *Заруцкий. Умоляю вас. Сделайте меня счастливым. Вы не знаете, как горячо мое сердце пылает, если вы никогда не любили – но если когда-нибудь Купидон заглядывал в ваше сердце... то судите по себе...* [Лермонтов 2000: 200].

Проведенный анализ онимов драмы М.Ю. Лермонтова «*Menschen und Leidenschaften*» показал, что используемые в пьесе имена собственные служат для воссоздания реальной действительности, выполняют характеризующую функцию, способствуют отражению отношений между персонажами, могут приобретать символическое значение.

Список литературы

Исаева Е.Ф. Функции антропонимов в художественном тексте (на материале произведений испанских и русских авторов конца XX – начала XXI века): автореф. дис.... канд. филол. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2012. 19 с.

Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 5. М.: Воскресенье, 2000. 728 с.

Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. Драммы / отв. ред. тома О.В. Миллер. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2014. 600 с.

Лермонтов М.Ю. Сочинения в 6 томах / под ред. П.А. Висковатова. Т. 4: драматические произведения 1889. 431 с.

Маслова Э.Ф. Структурно-семантические и функциональные особенности антропонимов в романах Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» и «Искренне Ваш Шурик»: автореф. дис.... канд. филол. наук. Елабуга: ФГБОУ ВПО «Удмуртский университет», 2012. 20 с.

Эйхенбаум Б.Э. Статьи о Лермонтове. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1961. 371 с.

O. N. Vereshchagina

**The role of a proper name in the drama of M. Y. Lermontov
(on the material of the drama «Menschen und Leidenschaften»)**

The article discusses the onomastic space of the drama «Menschen und Leidenschaften» by M. Lermontov, analyses the peculiarities of functioning of proper names in the drama. Special attention is paid to anthroponyms, performing not only nominative but also characterological features, and contributing to the reflection of the relations between the the characters of the play.

Key words: onomastic space, anthroponyms, toponyms, biblioline, precedent names.

*O.V. Врублевская
(Волгоград, Россия)*

Имена собственные в контексте постмодернизма

Рассматриваются тенденции использования ономастической игры, обусловленные влиянием эстетики постмодернизма. Ономастическая игра строится на деконструкции имени собственного или его контекстуального окружения, а также оживлении внутренней формы имени и вовлечении онимов в разного рода каламбуры.

Ключевые слова: имя собственное, постмодернизм, ономастическая игра

В наше время термин постмодернизм, несмотря на частоту употребления, остается неопределённым. И дело не только в его обширности, многогранности и эклектичности, – ведь постмодернизм связывается с широким кругом явлений в различных областях культуры конца XX века: искусстве, философии, науке, политике, – что уже само по себе создает трудности при его интерпретации. Но, несмотря на различия в интерпретациях, можно выделить общие черты, которые характерны для постмодернистского мировоззрения. Это свобода, стихийность, игровое начало, отрицание норм, отказ от авторитетов, массовость культуры, карнавализация и др.

Для постмодернистских текстов характерны такие явления, как языковая реконструкция, интертекстуальность (термин Ю. Кристевой), аллюзии <...>, игра с историческими фактами и мифами, ирония и пастиш (создание новых текстов из текстов уже существующих) [Рыткина, Борисова 2015: 218]. Другими словами, к чертам постмодернистского текста относятся: сочетание разных жанров в одном произведении, возникновение нового сюжета на основе уже существующих, игровой подход к толкованию действительности посредством иронии, разного рода языковой игры, которая, являясь одним из средств выражения постмодернистского начала, в конце XX – начале XXI вв. выходит на новый уровень.

Поворот к игровой деятельности в СМИ произошёл в 1990-е гг., когда вышел закон РФ «О средствах массовой информации» (от 27 декабря 1991 г. № 2124-1), который отменял цензуру и закреплял право на издание средств массовой информации не только общественными, партийными, коммерческими организациям, но и отдельными гражданами. Наступило, время свободы выбора и реализации своего творческого потенциала. Языковая игра, которая всегда была средством выразительности речи, становится также средством выражения определенного содержания при сохранении или изменении старой формы.

В языковую игру вовлекаются и имена собственные. На активное использование ономастических игр в современных средствах массовой коммуникации обращает внимание ряд исследователей (Т.А. Гридина, Е.А. Нахимова, Б.Я. Шарифуллин, Н.И. Клушина, Л. Цонева и др.), что свидетельствует о нарастании тенденции к обыгрыванию имен собственных.

Под ономастической игрой понимается «особая разновидность языковой игры, основанная на актуализации ассоциативного потенциала имени собственного, что достигается при помощи различных приемов его (имени) трансформации и контекстуальной / референтной актуализации» [Гридина 2011: 219].

Иначе говоря, в терминах постмодернизма, ономастическая игра строится на деконструкции как самого имени, так и его контекстного окружения. Понятие деконструкции ввел Ж. Деррида, понимая деконструкцию как разложение на части, расслоение структуры (всякого рода структуры: лингвистической, логоцентрической, фоноцентрической <...>). Но, как отмечает Ж. Деррида, разобрать, разложить, расслоить структуры – это не была какая-то негативная

операция. Скорее, чем разрушить, надлежало так же и понять, как некий ансамбль был сконструирован, реконструировать его для этого [Деррида: 1992]. Деконструкция, по его словам, это «скорее деривация, чем разрушение» [Там же].

И.В. Крюкова, рассматривая юмористическую деконструкцию имён собственных в художественных и публицистических текстах, выделяет два вида данной деконструкции, существенно отличающихся друг от друга: формальную деконструкцию множественных и единичных имён собственных, деконструкцию связи «имя и контекст» [Крюкова 2007: 95]. Деконструированные множественные имена многозначны, многослойны, они коннотируют за счёт формы и за счёт содержания. Юмористический эффект при деконструкции единичных имён достигается за счёт аллюзий и намеков. <...> Реальные имена (как единичные, так и множественные) при деконструкции связи «имя-контекст» создают комический эффект за счёт расхождении имени и ситуации, за счёт нарушения смысловой сочетаемости и соединения несоединимого [Там же].

Анализ контекстов ономастической игры в СМИ показал, что способность имён собственных к деконструкции активно используется в языке современных средств массовой информации и не только в юмористических целях.

Ономастическая игра, построенная на деконструкции формы имени, является, как правило, результатом отонимного словообразования, например, *Избранные места из занимательного трамповедения* (г. Труд, 11.11.2016); *Парк каюрского периода* (г. Труд, 18.12.2015). Отонимное словообразование часто поддерживается графически, например, *Успешная ТРАМПлантация* (АиФ, 01.02.2017); *КРЫМинальная история* (г. Труд, 23.12.2015); *Такое вот послеСочие* (г. Труд, 01.04.2014), *Страсбургские ПАСЕделки* (г. Новые известия, 04.02.2015).

Поиск нового смысла в старой форме – основа постмодернизма. Культурная ситуация постмодерна провоцирует цитатность, деконструкцию стилей прошлого [Демшина 2009].

Как отмечает Е.А. Нахимова, в современной массовой коммуникации текст часто оказывается «многослойным», то есть насыщенным элементами интертекстуальности: в нём обнаруживается множество прецедентных феноменов, цитат и квазичитат, реминисценций и аллюзий, явной и скрытой полемики.

Интертекстуальность становится ведущим композиционным принципом, а не единичным приемом, что характерно для постмодернистской парадигмы [Нахимова 2007: 154].

В постмодернистском пространстве, таким образом, каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат [Барт 1989], а интертекстуальность понимается как «языковая форма присутствия текста в тексте» [Там же: 418]. Интертекстуальность – это не просто средство выразительности, не просто индивидуально-авторский прием, а следствие реконструкции языка, неотъемлемый атрибут философии постмодернизма, наблюдаемый во всех произведениях этой эпохи [Рыткина, Борисова 2015: 215-216].

В соответствии с отмеченными выше признаками постмодернистского текста ономастическая игра строится на межтекстовой каламбурной многозначности. Межтекстовая многозначность – это вид каламбурной многозначности, которая возникает при переделке широко известных выражений [Санников 2002: 508]. Многозначность возникает не в самом перелицованном тексте, а из сопоставления этого текста с текстом исходным, разительно отличающимся по смыслу [Там же].

В случае ономастической игры сюжетообразующим мотивом создаваемого контекста становится переключка текста известного произведения и реального контекста, стоящего за именем собственным. В основе подобных межтекстовых каламбуров могут быть прецедентные тексты из литературы (включая название).

Трансформация прецедентного высказывания происходит за счёт замены одного из его элементов известным именем собственным, как правило, именем героя публикации. Например, *Вот приедет Путин, Путин нас рассудит* (Собеседник.ru, 01.03.2011); *Квят... как много в этом звуке!* (г. Труд, 01.04.2014).

Ономастические игры, построенные на переключке текстов, становятся частью модного речевого поведения журналиста, вовлекающего имена собственные в разные контексты, к которым помимо литературных текстов, относятся фразеологизмы, пословицы, поговорки с разной степенью сохранения исходного выражения. Например, *Вот где Кармен зарыта* (г. Труд, 27.02.2015); *Язык до Бишкека доведет* (г. Труд, 04.12.2015); *Пенсии до Рима доведут* (Рос. газета, 18.01.2017); *Украина с гранатой* (г. Труд, 27.02.2015); *Да будет Зепп!* (Зепп Блаттер – президент ФИФА) (г. Труд, 27.02.2015). В игру активно вовлекаются названия аббревиатурного типа,

например, *Исчадие ВАДА* (АиФ, 14.12.2016); *МАКу подстелили соломки* (г. Труд, 04.12.2015).

Деконструкция прочитывается как «переизобретение», а точнее изобретение заново того, что уже утратило статус новизны. «Изобретательная деконструкция» как интеллектуальный плюрализм, интертекстуальность оказалась востребованной у современных художников [Демшина 2009].

В ономастических играх также активно используются обыгрывание на основе текстов массовой культуры (названий или цитат из фильмов, рекламы и т.п.). Например, *Непросто Мария* (о Марии Захаровой) (г. Труд, 01.04.2014); *Необычные тоже плачут* (г. Труд, 18.11.2016); *Унесенные тайной* (о малазийском Boeing 777) (г. Труд, 18.01.2017).

Встречается трансформация рекламных слоганов, построенная на трансформации контекста: *Toyota перестанет управлять мечтой. Отныне слоган Toyota в России больше не будет звучать как «Управляй мечтой!»*. Теперь владельцы «японцев» будут «Стремиться к лучшему!» (Автомобили и дороги, 16.07.2013). Или названия за счет его апеллятивации: *Нехорошо иметь домик в деревне* (о повышении налога на недвижимость в связи с переходом на кадастровую стоимость при его начислении) (г. Труд, 11.11.2016); или и названия и слогана: «Единая Россия» – *щедрая душа* (о спонсорах партии «Единая Россия», которые получают многомиллионные госконтракты) (Радио Свобода, 05.08.2016).

Еще одной разновидностью межтекстовой каламбурной многозначности является создание ономастических каламбуров на основе омонимии имён собственных и нарицательных, т.е. на основе двуплановости семантики онимов. Например, *Временно летучая* (Летучая – фамилия телеведущей) (г. Труд, 02.12.2016); *Узнаем мы их по «Голосам»* (г. Труд, 11.09.2015); *Кому это iNADO?* (iNADO – институт национальных антидопинговых организаций) (ж. Огонек, 16.01.2017); *Пир на весь «МИР»* («МИР» – телеканал) (г. Труд, 09.12.2016). *Все дороги ведут в «Рай»* («Рай» – название фильма) (г. Труд, 13.01.2017).

Следует заметить, что такие стилистические фигуры с использованием онимов актуальны только в определенный период, пока актуален контекст, стоящий за именем собственным, и реципиенты способны понимать и правильно интерпретировать ономастическую аллюзию.

Встречаются примеры ономастической игры, построенной на оживлении внутренней формы имени собственного: «Милый Ханс» против «Батальона» (г. Труд, 01.04.2016); «Викинг», «Дуэлянт» и «Матильда» в одном «Экипаже» (г. Труд, 15.01.2016); «Зимняя вишня» снова в цвету (г. Труд, 01.04.2016); «Друзья» собираются вновь (г. Труд, 15.01.2016); Вот «Пассажирка» и добралась до Нью-Йорка (г. Труд, 18.07.2014). Каламбурное оживление внутренней формы имени усиливает обыгрывание сходства в звучании онима и апеллятива, что с достаточной степенью условности, вслед за В.З. Санниковым, можно назвать параномазией, например: *Уткин или утка* (г. Труд, 18.11.2016); *Образец для Образцовой* (г. Труд, 20.02.2015); *Пас от ПАСЕ* (г. Труд, 11.01.2017). Обыгрыванию подвергаются также иностранные фамилии на основе их случайного звукового сходства с русскими апеллятивами: *Меркель совсем померкла* (АиФ, 28.12.2016); *Хилари совсем хилая?* (АиФ, 08.09.2016); *Трамплин для Трампа* (АиФ, 28.07.2016).

Возможно обыгрывание имён собственных при создании благозвучных фраз на основе повторяемости звуков (эвфонии): *Туристы, Турция и туры* (г. Труд, 18.12.2015); *Женева и жизнь* (г. Труд, 22.04.2014).

Таким образом, игровой подход к толкованию действительности, характерный для эпохи постмодернизма, обусловил нарастание тенденции к использованию ономастической игры, которая строится на деконструкции формы имени собственного и связи имени и контекста, а также оживлении внутренней формы имени, использовании онимов в фонетических каламбурах.

Список литературы

- Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
- Гридина Т.А. Этносоциокультурный контекст ономастической игры// Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 219–223.
- Демшина А.Ю. Мода в контексте визуальной культуры: вторая половина XX – начало XXI вв. СПб.: Астерион, 2009. 106 с.
- Деррида Ж. Письмо к японскому другу// Вопросы философии. 1992. № 4. С. 53–57.
- Крюкова И.В. Юмористическая деконструкция имени собственного// Динамика и функционирование русского языка: факторы и векторы. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2007. С. 94–97.
- Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: Изд-во УГПУ, 2007. 207 с.

Рыткина С.Ш., Борисова Е.П. Постмодернистская техника создания текста // Вопросы филологии и теории перевода: социокультурный аспект. Чебоксары: Изд-во ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2015. С. 213–218.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.

O.V. Vrublevskaia

Proper names in the context of postmodernism

The article deals with tendencies of using an onomastic play on words, caused by impact of the aesthetics of postmodernism. An onomastic play on words is derived from deconstruction of a proper name or its contextual background, also from revitalization of the inner part of a name and from involving onyms in various puns.

Key words: proper name, postmodernism, onomastic play on words

И.С. Выдрина

(Уральск, Казахстан)

Названия городов и улиц в художественном мире

Б. Окуджавы и В. Высоцкого

Б. Окуджава и В. Высоцкий в своих стихотворениях и песнях упоминают Москву, Ленинград, а также названия московских и ленинградских улиц. Встречается в их произведениях и большое количество названий других городов (особенно у В. Высоцкого). При этом для Б. Окуджавы характерно поэтическое восприятие города; В. Высоцкий же, обращаясь к конкретным топонимам, стремится охватить жизнь в её многообразии и динамике.

Ключевые слова: конкретность, узнаваемость, поэтизация, музыкальность, достоверность, динамика, символизация.

Обращение к конкретным топонимам никогда не было самоцелью для литературы, особенно реалистической, в которой всегда имела место символизация художественного пространства. Исследователи авторской песни (Л. Левина, И. Соколова и др.) отмечают её тесную связь с литературной традицией в отличие от песни эстрадной, массовой. «Итак, в соответствии с принципами не песенной, но книжной поэзии, – отмечает Л. Левина, – адреса в авторской песне обычно конкретны и узнаваемы» [Левина 2002: 77]. Такие «узнаваемые» адреса мы видим и у Б. Окуджавы, и у В. Высоцкого.

В поэзии Б. Окуджавы особенно много встречается названий улиц старого центра Москвы. Своего рода «парад» старинных названий любимых мест Москвы представлен поэтом-певцом в

стихотворении «Гомон площади Петровской»: это Знаменка, Коровий вал, Пречистенка, Божедомка, Варварка, Якиманка, Мясницкая, Тверская.

Улицы Москвы упоминаются и в ряде других поэтических произведений Б. Окуджавы: Барабанный переулочок («В Барабанном переулочке»), Смоленская, Петровка, площадь Никитские ворота, Волхонка, Неглинная, Арбат («Часовые любви на Смоленской стоят»), Сивцев Вражек («Когда затихают оркестры Земли»), Ордынка («Я маленький, горло в ангине...»), Грузинский вал («По Грузинскому валу воинственно ставя носок...»), Пироговка («В больничное гляжу окно, а там за окном Пироговка...»), Пятницкая («Отчего ты печален, художник...», «Как мне нравится по Пятницкой в машине проезжать!»), Масловка («Погас на Масловке фонарь...»), Сретенка («Воспоминание о Дне Победы», «Отчего ты печален, художник...», «Арбата больше нет: растаял, словно свеченька»), Усачевка, Охотный ряд («Речитатив»). Однако из всех мест Москвы для Б. Окуджавы самое любимое – Арбат. Арбат для Б. Окуджавы не просто реально существующая улица, а «средоточие нравственных ценностей»[Левина 2002: 90].

В своих поздних стихах Б. Окуджава с горечью пишет о разрушителях Арбата; о том, что от него остались лишь «осколки»(стихотворение «Дома ножек не замочит...»), но даже там, где «те же тротуары, деревья и дворы», исчезла душа Арбата. Сам поэт на этих улицах чувствует себя неуютно. Если древние названия улиц у него «не выходят из сознания», то название «Безбожный переулочок» подчеркивает отказ от нравственных ценностей, выработанных веками, у людей, сформированных новым временем:

*Я выселен с Арбата, арбатский эмигрант.
В Безбожном переулочке хиреет мой талант.
Вокруг чужие лица, враждебные места.
Хоть сауна напротив, да фауна не та.*

[Окуджава 1997: 361]

Но душа Арбата, по мнению поэта, не могла пропасть. Эта мысль выражена в стихотворении «Надпись на камне»:

*Арбатство, растворенное в крови,
неистребимо, как сама природа.*

[Окуджава 1997: 359]

В стихах Б. Окуджавы часто упоминается и название его любимого города – Москва. Москва в ранних стихах Б. Окуджавы

изображается в романтически приподнятой поэтической манере. Поэт соотносит её жизнь с явлениями природы («Москва, как река, затихает»), с помощью олицетворений выявляет живое начало в ней: московский трамвай не может сойти «с горячей ладони Москвы», родной город то «грустен», то «весел», но он всегда «высок.» Москва у Окуджавы предстаёт хранительницей вековых культурных ценностей («не тридцать лет, а триста лет иду, представьте вы, по этим древним площадям, по голубым торцам»). Москву невозможно представить без её жителей с их поэтическим восприятием города («Московский муравей») и с их безграничным чувством любви, буквально «пропитавшем» все улицы Москвы («Часовые любви на Смоленской стоят...»). «Душа Москвы», ее «дворики детства», по мнению Б. Окуджавы, являются истоком патриотического порыва отправляющихся на фронт юных москвичей в годы Великой Отечественной войны («Король», «Песенка о московских ополченцах», «Вот король уехал на войну»):

*Гляжу на двор арбатский, надежды не тая,
вся жизнь моя встает перед глазами.*

*Прощай, Москва, душа твоя
всегда, всегда пребудет с нами!*

[Окуджава 1997: 98]

Для мощной стихии любви, которую выплескивает в своих песнях Б.Окуджава, уже было недостаточно ресурсов только словесного творчества. С целью непосредственной передачи эмоций он обращается к музыке. Одно из стихотворений поэта даже своим названием подчеркивает музыкальное начало в его творчестве – «Ленинградская музыка». Звучат изумительные создания великих мастеров, составляющих улицу Росси:

*О, вовсе не ради парада, не ради награды,
а просто для нас, выходящих с зарей из ворот,
гремят барабаны гранита, кларнеты ограды
свистят менуэты... И улица Росси поет!*

[Окуджава 1997: 133]

А в «Песне о ночной Москве» зрительных примет ночной Москвы и вовсе нет. Ощущения, навеянные ею, поэт передает через воссозданную им мелодию, которая высвечивает «музыкально-гармонизирующее начало жизни как города, так и мира в целом [Ничипоров 2002: 75].

Москва занимает большое место и в песнях В.Высоцкого, его поэзия «пропитана московскими адресами» [Левина 2002: 81]. Упоминание московских улиц (Ордынки, Пресни, Марьиной роши и др.) в стихах поэта-певца связано с конкретными житейскими ситуациями, пересказанными и оцененными в разговорной манере:

*Если это Колька или даже Славка, –
Супротив товарищей не стану возражать,
Но если это Витька с Первой Перьяславки, –
Я те ноги обломаю, в богу душу мать!*

[Высоцкий 1993: 35]

В стихотворении «Зарисовка о Ленинграде» (1967) Ленинград, как и Москва, у Высоцкого показан отнюдь не с парадной стороны: действие в нём разворачивается у «Пяти Углов» – это район города, которому уже с 19 века был присущ ярко выраженный демократический колорит.

В ранней лирике В. Высоцкого ощутим «мотив утраченной юности», перешедший из городского дворового фольклора [Кулагин 1997: 18] и связанный с конкретными московскими адресами («На Большом Каретном», «Второй Большой Каретный»).

Достоверность, интерес к реальной судьбе обыкновенного человека и искренность интонаций, почерпнутые В. Высоцким из дворовых песен, подведут его к особому освещению темы войны. На полях сражений перед лицом страшных испытаний им показаны люди, имевшие конкретные и узнаваемые адреса и далеко не благостное поведение в мирной жизни. Герой стихотворения «В госпитале» до войны жил на Арбате «с матерью и батей». Герой стихотворения «Песня про Сережку Фомина», оказавшийся на фронте, – москвич и «рос, как вся дворовая шпана».

Москва у В. Высоцкого густо «населена» Здесь и жилец московской коммуналки, по мнению которого его сосед возмутительно богат («Песня завистника»); и колхозник, привезший в Москву на сельскохозяйственную выставку бугая и дающий свою оценку увиденному в столице: балету, ГУМУ, парку культуры («Два письма»); и москвичи, перебравшие спиртного («Милицейский протокол»).

Б. Окуджава и В. Высоцкий обращались к изображению ряда городов: Тбилиси, Варшавы, Парижа, Иерусалима и др. (Б. Окуджава), Магадана, Парижа, Одессы, Рима и др. (В. Высоцкий). Б. Окуджава создаёт «поэтические портреты» городов, нередко сочетающиеся

(особенно в поздней лирике) с размышлениями о вечном (в стихотворениях «Путешествие по ночной Варшаве в дрожках...», «Детство», «Вроцлав. Лиловые сумерки...», «Романс» и др.).

Количество упоминаемых В. Высоцким названий городов значительно больше, чем у Б. Окуджавы. По свидетельству С.И. Кормилова, в его поэтических произведениях упоминается 67 городов СССР и 56 зарубежных [Кормилов 2002: 263]. Часто те или иные города предстают у Высоцкого как отправные, промежуточные и конечные пункты определенного маршрута («Москва – Одесса», «Через десять лет...» и др). «Многообразие топонимов в творчестве В.С. Высоцкого», по мнению О.В. Сахаровой, «свидетельствует о внутреннем поиске, желании раздвинуть границы «своего» пространства» [Сахарова 2003: 138]. Поэт-Протей В.С. Высоцкий стремится охватить жизнь в изменении, в динамике, в разнообразии ее оценок, эмоциональной окраски (здесь и юмор, и проникновенный лиризм, и трагические ноты).

Список литературы

Высоцкий В.С. Собр. соч. в пяти томах. Т. 1 Стихи и песни 1960–1967 г.г. / Сост. С. Жильцов. Тула: Тулица, 1993. 402 с.

Кормилов С.И. Города в поэзии В.С. Высоцкого // Мир Высоцкого: Исслед. и материалы. Вып. VI. / сост. А.Е. Крылов, В.Ф. Щербакова; ГКЦМ В.С. Высоцкого. М., 2002. С. 234–272

Кулагин А.В. Поэзия А.В. Высоцкого. Творческая эволюция. М., 1997. 107 с.

Кузнецова Е.Р. Мелодичность как тематическая и структурная доминанта поэтики Б.Ш. Окуджавы // Окуджава. Проблемы поэтики и текстологии / Сост. А.Е. Крылов; ГКЦМ В.С. Высоцкого. М., 2002. С. 98–111.

Левина Л.А. Грани звучащего слова (эстетика и поэтика авторской песни). М., 2002. 352 с.

Ничипоров И.Б. Поэтические портреты городов в лирике Булата Окуджавы // Окуджава. Проблемы поэтики и текстологии / сост. А.Е. Крылов; ГКЦМ В.С. Высоцкого. М., 2002. С. 68–80.

Окуджава Б.Ш. Чаепитие на Арбате: Стихи разных лет / сост. Ольга Окуджава. М.: ТОО «Корона Принт», 1997. 576 с.

Сахарова О.В. Хронотоп бардов (темпоральная и локативная семантика в индивидуальных языковых картинах мира В. Высоцкого, Б. Окуджавы, А. Галича // Владимир Высоцкий: взгляд из XXI века: материалы третьей междунар. науч. конф. Москва. 17–20 марта 2003 года / сост. Е.Г. Язвикова. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 2003. С. 131–139.

**Names of cities and streets in the artistic world
of Bulat Okudzhava and Vladimir Vysotsky**

In their poems and songs Bulat Okudzhava and Vladimir Vysotsky mention the cities of Moscow and Leningrad along with the names of Moscow and Leningrad streets. A great number of names of other cities are also found in their poetry (especially in Vladimir Vysotsky's creation). At the same time poetic vision of a city is typical of Bulat Okudzhava; as regards Vladimir Vysotsky, he tends to comprehend the life in its variety and dynamics resorting to specific toponyms.

Key words: specificity, recognition, poetization, melodiousness, reliability, dynamics, symbolization.

*Н.А. Глинкина
(Ульяновск, Россия)*

**Функция имени в авторском мифе об абсолютной личности
в романе Ф. Сологуба «Творимая легенда»**

Статья посвящена исследованию семантики имени в символистском романе. Мифопоэтическое наполнение и полифункциональность имени главного героя романа представляет основной научный интерес автора данной статьи.

Ключевые слова: символистский роман, имя, главный герой, образ.

Функция имени в символистском романе – вопрос открытый, требующий глубокого погружения в детали поэтики этого противоречивого жанра. Цель данной статьи – определить «механизм работы» имени в авторском мифотворчестве, проследить, как с помощью взаимодействия имен расширяется семантическое поле как отдельного образа, так и целого авторского мифа.

Одним из главных авторских мифов в романе «Творимая легенда» является миф абсолютного творческого Я. Авторское переживание земной реальности предполагает не отказ от Я, а расширение сферы его влияния, вплоть до стремления поставить его в центр мирового процесса и придать ему статус демиурга. Мир абсолютной личности представлен в романе в образе Георгия Триродова. Множественность мифопоэтических ассоциаций рождает имя и фамилия главного героя. Современные исследователи романа предлагают собственные варианты семантики фамилии и имени сологубовского героя, ее связи с поэтикой произведения.

И.Ю. Симачева замечает, что «трехчастное деление романного текста связано с числовой символикой фамилии. Фамилия соответствует трем талантам, которыми обладал Триродов, трем поприщам, на которых он себя проявил: ученый, педагог, поэт. Первоначальное четырехчастное деление тоже символично – четвертое призвание Триродова – политика» [Симачева 1994: 121].

О.О. Козарезова отмечает, что «образ Триродова символизирует собой совершенного человека – Второго Адама, который проходит три ступени посвящения или это три этапа рождения человека: Голема, Адама как ветхозаветного человека и Нового Адама-мессию» [Козарезова 1997: 102].

Выявляя роль имени в авторском мифе Ф.К. Сологуба, Н.В. Виноградова отмечает: «Есть основание предполагать, что выбор фамилии Триродов обусловлен близостью звучания со словом «природа» (замена начальной буквы в слове-основе является у Сологуба излюбленным приемом создания фамилий персонажей). Близость к природе – основной принцип педагогики Триродова, поэтому свою школу он расположил в лесу, чтобы «уйти от зверя, от одичания в городах». Он властвует над силами природы и ее основными законами, создает новую природу, заключенную в стеклянной оранжерее». [Виноградова 2000: 155]

Имя Георгий в сочетании с известным сологубовским солнцелюбством и обычным именем солнца у Сологуба – Дракон или Змий, вызывает ассоциации с христианским святым – Георгием-Победоносцем, Змееборцем. Легенда приписала ему подвиг богов-демиургов и героев - умерщвление хтонического чудовища. В легенде Георгий выступает одновременно «как богатырь, проповедник истинной веры и как рыцарственный заступник обреченной невинности» [Иванов 1974: 207].

В романе герой, наделенный этим именем, защищает детей от жестокости земной жизни, отвоевывает героиню у Солнца-Змия, в обобщенно-символическом и концептуально-философском смысле пытается освободить жизнь от драконовых пут обыденности.

Фамилия Триродов несет в себе отголосок внимания Сологуба к магической силе отдельных чисел, но полностью смысл этой фамилии проясняется в сопоставлении со статьей Ф.К. Сологуба «Я. Книга совершенного самоутверждения»: триединство главного героя подчеркивается его фамилией. По мнению Л.Н. Соболева, «формула Сологуба, пародирующая слова Христа, позволяет указать один из

аспектов многогранного образа героя «Творимой легенды» – роль художественной иллюстрации к философской концепции автора» [Соболев 1991: 273]. Догмат о троичности божества, воплощенный в фамилии героя, не просто калькированный вариант слов Христа, а скорее сигнал автора к рождению мифопоэтических ассоциаций. Зная об увлеченности Ф.К. Сологуба буддизмом, можно провести параллель между героем и понятием «тримурти» (др.-инд. trimurti «тройственный образ» или «обладающий тремя обликами»). «Три облика обозначают три ипостаси единого бога, объединяя в одном лице три функции: творения, хранения и разрушения» [Тюляев 1969: 51].

Подобными функциями наделен и герой Сологуба в романе. *Функции творения и разрушения* открывают в герое свойства демиурга, соперничающего в своих созданиях с традиционным Создателем. Все виды деятельности Триродова разрушают идеологию обыденности: его помощь революционерам расшатывает политическое устройство, создание необычной школы-колонии с моралью поощрения естественных проявлений личности разрушает традиционную образовательную систему с акцентом на насилии над личностью. Герой *творит* свой усадебный космос по законам совмещения противостоящих сил; увлекаясь разного рода экспериментами, *расширяет* границы бытия, *изменяет* традиционные представления о возможностях человека (управляет жизненными процессами, преодолевает границы земного пространства и времени, использует солнечную энергию в необычных целях, создает свой мир – мир тихого детства, свою мини-планету).

Функция хранения тайны бытия, кроющейся в «неизбежной противоречивости всякого мира, в роковом тождестве совершенных противоположностей, в необходимости чуда и в невозможности его», тоже свойственна Триродову. Хранит он и тайну смерти, «от тьмы небытия отведшую в тишину инобытия его тихих детей» [Сологуб 1991: 455], и тайну обретения душой нового лица. Но главная его тайна – в ощущении своего несовершенства, которое проявляется в двойственности природы героя, в отсутствии последнего знания: «Он многими силами владел, расторгаящими узы пространств и времен. Знал многое. Если же не знал он того, что наиболее надо знать человеку, то не в этом ли роковом незнании лежит проклятие для всякой человеческой мудрости!» [Сологуб 1991: 453] Эти черты

открывают в Триродове гностического демиурга, соперничающего с Богом, сокрывшим от него истинное знание.

Символика имени главного героя усиливает систему возникающих мифологических ассоциаций при взаимодействии с именами двух женских образов романа: Елисаветы Рамеевой и Лилит. Земная российская Елисавета Рамеева – дневная спутница Триродова, имя героини, переводимое с древнееврейского как «почитающая бога», под стать особой природе героя: «Елисавета, церковн. Елисавета, Елисавета - почитающая бога, др.-евр. И-щеба – «Бог мой» – клятва» [Суперанская 1998: 376]. Чувство героя к Елисавете отождествляется Триродовым с любовью к жизни: неслучайно второе имя Елисаветы – Ева, в нем этимологически прослеживается связь корня «хай» с жизнью [Лосев 1998: 419].

Мистический образ первой жены Триродова – лунной Лилит – символ любви, приводящей с собой печаль и легкий призрак смерти. «Лилит (евр. Lilith, народная этимология связывает с евр. Lyl, «ночь») – злой дух, обычно женского пола в иудейской демонологии. Имя восходит к именам трех шумерских демонов. Представление о прекрасной, магически соблазнительной Лилит противопоставляется образу земной, обыденной Евы. Согласно преданию, Лилит была первой женой Адама: Бог, сотворив Адама, сделал ему из глины жену и назвал ее Лилит. У Адама с Лилит сразу возник спор. Лилит утверждала, что они равны, так как сделаны из глины; не сумев убедить Адама, она улетела» [Папазян 1998: 55]. Подобная мифологическая параллель прослеживается в романе в судьбе Триродова, потерявшего первую жену в пространстве смерти.

Таким образом, имя, являясь частью многоярусной природы символистского образа, становится основой авторского мифа, помогает понять сологубовский солипсизм и природу авторского метода совмещения фантастики с бытом.

Список литературы

Виноградова Н.В. Роль имени в авторском мифе Ф. Сологуба. Роман-трилогия «Творимая легенда» // Парадигмы: Сб. работ молодых ученых. Тверь: Твер. Гос. Ун-т, 2000. С.143–158.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. 342 с.

Козарезова О.О. Концепция мира и человека в творчестве Ф.К. Сологуба: Дис. ...канд. филол. наук: 10. 01.01. М., 1997. С. 102.

Лосев А.Ф. Ева // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: Большая Российская энциклопедия, ОЛИМП, 1998. С.419.

Папазян А.А. Лилит// Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, ОЛИМП, 1998. С. 55.

Симачева И.Ю. Явь и мечта в романе Ф. Сологуба «Творимая легенда» // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5–6. С. 120–133.

Соболев Л.Н. О Федоре Сологубе и его романе // Сологуб Ф. Творимая легенда: Роман: В 2 кн. Кн. 2. М., 1991. С. 260-279.

Сологуб Ф.К. Творимая легенда. М.: Современник, 1991. 572 с.

Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М.: Назрань, 1998. 376 с..

Тюляев С.И. Развитие образа Шивы от древней к средневековой эпохе// Искусство Индии: Сб. статей. М., 1969. С. 47–64.

N. A. Glinkina

**The function of the name in the authors myth of the absolute personality
(after the materials of the novel by Fyodor Sologub «Tvorimaya legenda»)**

The article is devoted to the analysis of the personal names of the symbolism of the novel by Fyodor Sologub «Tvorimaya legenda». The mythoepic meaning and polyfunctionality of the name of the main character are of primary scientific interest for the author of the article.

Keywords: symbolism of the novel, personal name, the main character, image.

Т.Э. Демидова

(Ульяновск, Россия)

**Особенности именованя персонажей в романах Дж. Барнса
«Как это было» и «Любовь и так далее»**

Данная статья посвящена особенностям именованя персонажей в дилогии современного английского писателя Джулиана Барнса «Как все было» и «Любовь и так далее». Культовое отношение к слову, отмечаемое исследователями в книгах Дж. Барнса, проявляется и в отношении выбора имен. В работе исследуются традиции и новаторство употребления характеризующих имен в современном литературном произведении, в частности в жанре современного романа. Подробно анализируются приемы постмодернистской игры с именами героев (подмена, перестановка, усечение имени собственного, отсутствие или наличие среднего имени, национальные варианты имен, прозвища). Сделана попытка установить этимологию и символическое значение имен и фамилий главных действующих лиц. Рассмотрены аллюзии и литературные реминисценции, связанные с именами персонажей. Автор, используя яркие и неоднозначные имена, но и раскрывает характеры через нюансы трактовки имен и выносит вердикт в оценке героев через игру имен и фамилий.

Ключевые слова: имянаречение персонажей, постмодернистская игра, символическое значение, аллюзии, реминисценции, этимология имён и фамилий, двуименная антропонимическая система, первое имя, второе имя, однокомпонентные и двукомпонентные имена, прозвища, усеченное имя, анонимность, псевдоним

У современного английского писателя Дж. Барнса внимание к имени присутствует с самого начала диалогии. Исследователи отмечают у него культовое отношение к слову. Автор играет словами, грамматическими формами, именами.

Но прежде чем обратиться к творчеству Дж. Барнса, отметим некоторые особенности английского антропонимикона.

Согласно словарю английских личных имен А.И. Рыбакина, у англичан «двуименная антропонимическая система», как у народов Европы и Америки: личное имя и фамилия [Рыбакин 2000: 5]. Но они получают два имени — личное (first name) и среднее (middle). Случаи присвоения двух или трёх средних имён более часты, чем полное отсутствие среднего имени. Хотя закона, ограничивающего количество средних имён, нет; больше четырёх средних имён не присваивается: Чарльз Филипп Артур Джордж, Анна Элизабет Алиса Луиза. Среднее имя играет роль дополнительного отличительного признака, особенно для носящих распространённые имена и фамилии. В качестве средних имён используются личные имена, географические названия, нарицательные существительные, фамилии тех, в честь кого имена присваиваются, чаще крестного (матери или бабушки – женщинам; отца и деда – мужчинам). Это почти русское отчество, но не тождественно ему.

Единого термина (эквивалента русского термина «личное имя») у англичан нет. Близко по значению «baptismal name», «christian name», «first name», «given name», «personal name». Синонимы «forename» и «prename» (калька от латинского «Praenomen») имеют значение «имя, предшествующее фамилии».

У англосаксов было одно имя, ему придавали особое значение, поэтому в составе имен встречались такие слова, как богатство, здоровье. Женские имена производились от прилагательных, самая распространённая форма – Leof (дорогой, любимый).

Норманны добавили к имени фамилию, что приближало к современной системе имен. Религия упраздняла старые имена, крестимых новорожденных регистрировали, изменяя имена: из Марии – в Мэри и Molly, из Жанны – в Иоанну.

Источником имен были святцы. Существовали народные вариации церковных имен: имя Joannes, произошедшее от др.-евр. Йоханан (‘Яхве милостив’) дало в средневековой Англии формы Jan, John и John (Джон), а также уменьшительные Jankin, Jackin и Jack (Джек). Женская форма Ioanna, взятая из французского Jeanne (Жанна), превратилась сразу в три имени: Jane (Джейн), Jean (Джин) и Joan (Джоан). Католики давали детям несколько имен, ибо каждое имя добавляло носителю покровителя на небесах; через набор имен проявлялась индивидуальность человека; вспоминались предки (особенно у дворян), но за каждое имя надо было платить. В XVI протестанты порвали с католическим прошлым: они перестали давать детям имена из святцев и нашли другие источники – Ветхий и Новый Заветы. Оттуда Сэмюэл (Самуил), Эбрахам (Авраам), Сара, Бенджамин (Вениамин), Дебора (Девора), Дилайла (Dalilah). Имятворчество тоже развивали, например: Черити (благотворительность), Честити (непорочность), Верити (истина), Мерси (милосердие). Кальвинисты своеобразно реформировали имена детей: Everlasting-Mercy (Бесконечное-Милосердие), Faith-Mu-Joy (Вера-Моя-Радость). Кальвинист Робинсон настолько впечатлился библейской историей об убийстве Самуилом царя Агага, что дал своему сыну имя Руби-Агага-На-Куски-Перед-Лицом-Господа (New-Agag-in-pieces-before-the-Lord). Другой подписывался Овадия-Закуй-Их-Царей-В-Цепи-И-Их-Вельмож-В-Кандалы Нидхем (Obadiah-bind-their-kings-in-chain-and-their-nobles-in-arons Needham).

Когда мода на благочестивые имена прошла, англичане вернулись к традиционному именованию, обогащая его заимствованиями и изобретениями. Новое коснулось женских имен: с XIX века девочек называют Эмбер (янтарь), Эйприл (апрель), Берил (берилл), Руби (рубин), Джесмин (жасмин), Дэйзи (ромашка). Популярными становятся французские, испанские и итальянские имена: Jacqueline (Жаклин или, на английский лад, Джеклин), Michelle (Мишель), Anita (Анита), Angela и Angelina (Анджела, Анджелина). Заимствуются иностранные формы существующих в английском имен: Marie вместо Mary, Katrina вместо Catherine, Julie вместо Julia (произносится не на французский лад – Жюли, а на английский – Джули). Придавая оригинальность, родители меняют написание имени: Alivia вместо Olivia, Alysha вместо Alicia, Abigayle вместо Abigail. Именем может быть любое слово, порой экстравагантность родителей не имеет границ: например, президент

Microsoft Бил Симсер назвал дочь Виста Авалон в честь Windows Vista и названия Windows Presentation Foundation – Avalon. Выбор личных имен у англичан зависит от: влияния моды (Jason); стремления избежать трудных, неблагозвучных сочетаний (например, Tracey Thomas, Jason Jackson); поиска оригинальности (заставляет некоторых родителей давать своим детям редкие, необычные имена Charisma, Damask, Vina); связи имени с определенной социальной группой (Rupert, Benjamin); влияния религии; влияния ассоциаций с историческими или культурными деятелями (ср. почти полное исчезновение имени Adolf из современного английского именника); связи с местом рождения (Jennifer связывалось с Корнуоллом, Yorick – с западной Англией). Вставное -t- говорит о северном происхождении носителя фамилии: Johnston – уроженец севера Англии, Johnson – живет на юге страны. Отмечается сокращение этого форманта до -s, и наряду с Matthewson встречаем Matthews. Большую роль играют национальные (ирландские, шотландские, валлийские и собственно английские) традиции именования. Многие английские отантропонимические фамилии содержат формант -son (Thompson), означающий «сын такого-то». Наличие -s в фамилиях могло означать не только родственные отношения: Abbotson – Abbot's son «сын Эббота», но и того, «кто работал на него или принадлежал к домовладению». Л.М. Бахаева разделяет английские имена на зоонимы; этнонимы; имена, указывающие качества человека и положение; цветные имена; флориним; имена, образованные от драгоценных камней; имена, связанные с религией; мифонимы; топонимы; имена, характеризующие по виду деятельности.

Итак, обратимся к диалогии Дж. Барнса. Первая глава начинается разговором об именах, представляет первого персонажа: «Меня зовут Стюарт, и я все прекрасно помню. *Стюарт* – это мое имя. А фамилия *Хьюз*, если полностью. Второго имени нет. Хьюз – фамилия моих родителей. Под этой фамилией они прожили 25 лет. А меня называли Стюарт. Мне сначала это имя не особенно нравилось – в школе дразнили Тютя или Тюря, или еще как-то, – но теперь я к нему привык. Научился им пользоваться. Пользоваться собственным именем, ха-ха» [Барнс 2004: 7]. Целая новелла об имени первого вводимого автором героя Стюарта, и далее вновь пассаж об имени: «В общем, Стюарт Хьюз – по мне, годится. Я не хотел бы называться Сент-Джон де Вир какой-нибудь там Пембрук» [Барнс 2004: 7]. Последнее названное имя – умелая авторская компиляция из

нескольких английских известных имен. История Британии насчитывает нескольких де Виров, Пембруков и Сент-Джонсов. Стюарт не хочет иметь такое имя, он не аристократ и подчеркивает это, он предельно простой, без изысков, без особого образования, человек из средней крепкой семьи. Но роль имени проакцентирована автором еще раз: «Давайте начнем по новой. Привет, я Стюарт Хьюз, рад познакомиться...Я просто хочу сказать, что все остальные здесь поменяли имя. Интересное наблюдение. Даже жутковатое» [Барнс 2004: 8]. Оливер тоже высказывается о Стюарте: «Сам-то он Стюарт Хьюз, такое гладкое, скучное имя, гарантированная успешная карьера в торговле мягкой мебелью, где не требуется никакой квалификации, только безупречное имя и фамилия, сэр, – он готов на их откликаться до гробовой доски...» [Барнс 2004: 18].

Первоначально имя было гэльским: *Stiùbhairt*, постепенно превратилось в фамилию, затем стало английским: *Steward(t)*. С XVI века принято офранцузенное написание: *Stuart*. Имя носили короли Шотландии (1371–1651, 1660–1707) и Англии (1603–1649, 1660–1694, 1702), и оно исторический этноним, но и имя, указывающее на качества человека. История королевского рода Стюартов полна драматических поворотов и трагических страниц и прекратила существование в начале XVIII века. Некие аллюзии к истории звучат в упоминании Стюарта о смерти: «Фамилия моих родителей была Хьюз. Теперь они умерли, но их фамилию ношу я. И когда я умру, меня все равно будут звать Стюарт Хьюз» [Барнс 2004:7]. История Стюарта и Джилиан дана как драматически-комическая.

Имя 'стюарт' (*stig* – 'дом' и *weard* – 'опекун') считается ныне популярным [Бахаева] и переводится как 'охраняющий дом', 'домовладелец', 'смотритель собственности' [Рыбакин 2000:181], что соответствует характеру героя-носителя. Семантика имени проецируется на характер персонажа. Герой Барнса собственник, у него финансово прочное положение в мире, в отличие от гуманитария Оливера, сеть магазинов, бизнес. Он последователен, даже занудлив, имеет недвижимост и предоставляет дом фактически бездомным Оливеру и Джилиан. Так она возвращается в дом, где когда-то жила со Стюартом, в его дом, будучи женой Оливера. Со стороны Стюарта это хорошо продуманный ход собственника. Не случайно в романе упоминание о птичке шалашнике, который украшает гнездо цветами, ракушками, пухом, но не живет там, а встречается с партнершами. «Им нужен дом нормальных размеров в районе, где есть нормальные

школы. И вот что забавно: у меня есть такой дом...», - говорит он [Барнс 2004: 350]. За словом «собственность» стоит и дом, и, как потом получается, бывшая жена. Оливер же дополняет картину возврата в этот дом словами: «Иуда под каждой подушкой» [Барнс 2004: 450].

Литературных героев с именем Стюарт нет, и, что особенно важно, у Стюарта нет второго имени, что означает, что он выпадает из привычной парадигмы: его или не крестили или он не имеет какого-то дополнительного отличительного признака. Автор обыгрывает это: согласно тексту романа, Стюарт действительно не имеет ярко выраженной индивидуальности. Его называют «тихоня-яппи, навязывающий свое мнение обо всем случившемся» [Тарасова 2002: 268]. Это усредненный человек, не получивший большого образования («Я в университет не пошел») в отличие от Оливера. «Я не такой сообразительный, как Оливер. В школе я иногда получал более высокие отметки, чем он, но это – когда он не старался. Я лучше учился по математике, по физике и химии и где надо было что-то делать руками...», – [Барнс 2004: 23] автор подчеркивает его практический ум, что и развито в содержании романа.

Фамилия Хьюз (Hughes) – одна из самых распространённых валлийских и ирландских фамилий. По одной версии, слово древнеанглийское, и переводится как ‘дом, жилище’, что соответствует характеру героя и дополняет значение имени. По другой версии, фамилия образована от англо-нормандского мужского имени Hugh, происходящего от старонемецкого элемента hug – ‘сердце’, ‘разум’, ‘ум’, ‘душа’ и восходит к немецкому имени, которое переводилось как ‘яркая, светлая, чистая душа’. С помощью этого корня образованы популярные в Англии имена: Ховард, Хуберт, Хаббл. В переводе с ирландского слово обозначает ‘огонь’, ‘пожар’ [Рыбакин 2000: 188]. Среди известных однофамильцев – американский промышленник-предприниматель, инженер-авиатор, режиссёр, кинопродюсер, один из богатейших людей Говард Робард Хьюз младший. Все версии близки содержанию образа Стюарта Хьюза, так как огонь любви к Джиллиан в его сердце «горит» на протяжении всего романа, он долгое время живет в Америке и занимается предпринимательством.

Когда Хьюз приезжает во Францию, он тоже изменяет фамилию, тоже идет по пути Оливера, делает ее усеченной, использует как псевдоним, отчего она становится еще более заурядной и

распространенной (как указывают энциклопедии): «Говорит, что он канадец, но паспорт у него английский, и фамилия в нем не та, какой он назвался по приезду. Когда я услышала, сразу поняла. Сразу.... У него записано Юз или что-то в этом роде» [Барнс 2004: 244]. Как мы видим, и в этом Стюарт Хьюз не изобретателен, и он меняет имя, идет по проторенному пути, чтобы подсмотреть за жизнью Оливера и Джилиан. Игра с именами продолжается автором.

Таким образом, автор нарочито выбирает для Стюарта Хьюза распространенные имя и фамилию, характеризующие персонажа как усредненного человека. Герой дается через нелестное прозвище Тютя или Тюря, возможное имя, отсутствие второго традиционного имени, что трактуется англичанами как отсутствие ангела-хранителя и стирает индивидуальность. Позиционируя себя в начале романа как человека постоянного, в конце персонаж дается через усеченную, измененную фамилию.

Обратимся к имени второго героя. Это *Найджел Оливер Рассел*. Если о Стюарте автор говорит определенно, обозначая профессию, дело, место жительства, то Оливера невозможно охарактеризовать по роду деятельности. Это скорее, человек больших потенциальных возможностей. Он окончил университет, говорит как «энциклопедический словарь», много знает, владеет несколькими языками, знает живопись, склонен к творчеству, путешествовал по миру, но в романе это явно не проявляется, совершенно не способен зарабатывать деньги, однако любит детей, обаятелен, способен очаровывать. Он творческий человек, гуманитарно образован, талантлив, с искрометным юмором, близкий по своей позиции автору, но немного неудачник в практической жизни, деньгах, карьере, говорлив, несколько авантюрен. Герой имеет второе имя, и более того, сделал его первым, поэтому обратимся к имени Оливер.

Это редкое имя в жизни (сейчас считается модным) и литературе (Оливье – французский граф, друг Роланда в «Песне о Роланде», Оливер у Шеридана, Оливер Твист – светлый мальчик в романе Диккенса, Оливер Меллорс – герой-любовник в романе Лоуренса). Герой в тексте иногда называет себя сокращенно Олли в третьем лице. Хьюз говорит о нем: «От одного взгляда на сверлильный станок в мастерской сразу притворился, будто падает в обморок, – но уж если он в чем-то захочет меня переплюнуть, то переплюнет обязательно. Да и не меня одного, всякого. Он отлично ориентируется в обстановке. Когда на занятиях по военному делу

была игра, Оливер всегда оказывался освобожденным. Вообще он здорово соображает, когда ему надо. И он мой лучший друг» [Барнс 2004: 15].

Есть две версии происхождения имени [Рыбакин 2000: 155]. Согласно первой, имя немецкое, преобразованное из древнегерманского *Albheri*. Состоит двух смысловых частей 'alb', 'alf' – 'альв' ('эльф') и 'heri' – 'войско', 'воин', поэтому переводится как 'войско эльфов', 'волшебное войско'. Как известно, эльфы – духи леса, существа, умеющие творить волшебства. Эльфам приписывают эпитеты: 'сияющий', 'белый', 'светлый', поэтому имя можно перевести: 'белое войско', 'сияющее войско'; 'хранитель', 'защитник', 'доброжелательный', 'благосклонный', что близко к сущности эльфов. Эта версия многое объясняет в герое: в нем заложено много светлого. Но невозможно согласиться, что эльф лишь доброжелателен. В британских сказках встреча героев с таким существом не всегда сулит хорошее, правда для творческих людей эльфы становились благодетелями, но лучше было не пересекаться с миром эльфов. В Оливере есть и нечто чудаческое, неземное, творческое, темное начало. Это двучленное имя, мифоним, и трактовка соответствует характеру, занятиям, темпераменту, творческой предрасположенности Оливера. Филологические игры, фантазии, умение забалтывать человека – все это свойство почти волшебного существа, целого войска эльфов.

По второй версии, имя латинского происхождения, образовано от 'olivarius' – 'оливковый', 'масляный', произошло от 'oliva' – 'оливковое дерево', и перевод слова 'оливер' – 'собиратель олив, плодов'. Эта версия объяснения имени тоже недалеко от героя Барнса. Не исключается возможность уподобления героя оливковому дереву: он действительно 'прекрасное дерево', производитель чудных плодов, среди которых двое детей или один, он действительно любит собирать и плоды чужого труда, он отобрал у друга разбуженную им Джулиан.

Персонаж, имя которого переводится как «войско эльфов» или «собиратель плодов» не представляется до конца положительным, но все же это имя светлое по своей семантике. Оливеру свойственны: чувствительность, ласковость, фантазерство, способности к учебе, неуравновешенность, склонность к депрессиям, литературный талант, болтливость, способность ценить прекрасное. Это примерно три четверти из приписываемых Оливерам свойств – совпадение

неполное. «...Оливер подходит мне...Неплохо сочетается с моими жгуче-черными волосами, обаятельными желтыми зубами и тонкой талией, с своей неизменной заносчивостью и полотноным костюмом, на котором осталось невыводимое пятно от красного вина. Согласуется с тем, что у меня на счете не осталось ни гроша, и с тем, что я разбираюсь в живописи» [Барнс 2004: 19]. Здесь уже имя перетекает в характеристику образа: «...невозможно же на протяжении целой жизни оставаться Найджелом, правда? Даже на протяжении целой книги невозможно. Некоторые имена очень скоро теряют пригодность. Например, вас назвали Робин. Вполне подходящее имя лет эдак до девяти. Но потом возникает необходимость что-то с ним делать, вы согласны? Сменить его с соблюдением всех формальностей на Самсона, или там Голиафа, или еще на что-нибудь» [Барнс 2004: 19]. Персонаж Барнса сложен. Перестановку своих имен сам он мотивирует не религиозными соображениями, а скукой, рассматривает как инициацию и связывает ее с переходом из состояния школьника в состояние студента. Все равно, что отрастить усы. Герой неоднозначен, поэтому появляется второе имя, как маска, более мрачное – Найджел, которое было первым, но герой сделал его вторым. Стюарт пишет: «Все вокруг поменяли имя. Действительно, так оно и есть. И заставляет задуматься. Оливер. Его не так звали, когда мы познакомились. Мы с ним вместе учились в школе. Там он носил имя Найджел, или иногда Н.О., а бывало, что Расс, потому что вообще-то он Найджел Оливер Рассел» [Барнс 2004: 15]. Черта двойственная, проецирующаяся на внутренний мир, не характеризующая его как человека постоянного.

Обратимся и к трактовке имени Найджел, чтобы понять еще одну составляющую характера героя. Найджел (Nigel) – английское мужское имя, известное ещё в средневековье, однако популярность ему принесли литературные произведения В. Скотта и А. Конан-Дойла. Семантика слова ‘найджел’ тоже неоднозначна. Известно, по крайней мере, три перевода слова [Рыбакин 2000: 145]. Один из них – ‘темный, неясный’; другой – ‘чемпион’ и третий – ‘ничто’. Герой, стало быть, человек темный, неясный. Учитывая то, что в ухаживаниях за Джилиан Оливер обогнал и перегнал Стюарта, то он, безусловно, чемпион. Но он же ничто, никем не стал, талантливый неудачник. Это имя из разряда имен, указывающих на качества человека.

Многие из черт, прописываемых людям с именем Найджел, также присущи герою, примерно три четверти качеств Найджелов при дотошном подсчете находим у Оливера. Подвижность внешняя и внутренняя, сосредоточенность на собственной личности, незащитность, интеллект, разборчивость в связях, способность отдаться чувству безоглядно, неблагодарность, привычка критиковать, стремление претендовать на то, что не принадлежит.

Фамилия Оливера Рэсселл (Russell) распространена в артистической среде (автор берет достаточно распространенные фамилии, типизируя изображаемое). Широко распространено в качестве фамилии и мужского (первого) имени в англоговорящих странах, нормано-французского происхождения, образовано от «roux» – красный (в значении «рыжеволосый», «смуглокожий», «загорелый», «красномордый») [Рыбакин 2000: 180]. Восприниматься и как шотландское, поскольку в Шотландии оно одно из 50 наиболее распространённых имён и одна из старейших фамилий шотландского клана, имеющего герб и свой цвет пледа. Одна из грамот 12 века в Пэйслейском аббатстве зафиксировала имя Уолтера Рассела. Расселлы были землевладельцы, военные и вольнодумцы. Фамилия 'Russel' пишется с одной «l», имя – с двумя. Стоит отметить, у этого имени три формы: Roussell, Russ and Russel. Более ранние варианты воспринимаются сейчас как самостоятельные имена: Rousseau, Rufus, Rusty. Есть вторая версия образования фамилии: от немецкого 'Rüssel' – части личных имён, образованных от устаревшей формы верхне-германского 'hrod' – 'известность, популярность, слава'. На новонемецком 'Rüssel' – 'рыжий, ржавый, красномордый, вспыльчивый, хитрый, наглый'; 'хобот'.

Таким образом, фамилия героя распространенная, образована от английского, шотландского или нормано-французского собственного имени, переводится как «смуглокожий или загорелый», что соответствует и значению имени Найджел – «темный», и дает в итоге дважды темное начало в имени и персонажа и проецируется на образ. Если считать происхождение слова немецким, то очевидно значение «ржавая слава», что тоже присуще персонажу, ведь его слава пустая. Игра с именами при подаче второго главного героя объясняет то, почему Оливер взял второе имя как первое. Неприятное ему темное начало могло вызывать негативное отношение со стороны и невольное желание побелеть. Имена и фамилия Оливера амбивалентны, и персонаж, притягивая к себе в начале, все же

проигрывает сражение с жизнью на пространстве диалогии. Следовательно, литературный образ Оливера создан на пересечении черт, присущих носителям имени Оливер и имени Найджел. Герой получается необыкновенно интересным. Не протагонист, но и не отрицательный, современный высокоинтеллектуальный человек, не особенно порядочный, немного авантюрист, не приспособленный к жизни, но не переступающий, не пошлый. Этими двумя именами, попеременно живущими в нем, он и выделен из всех. Обаятелен («покрутил у него перед носом моим прославленным обаянием»). Он близок автору, и в этом вновь авторская игра, отчасти изображение автором самого себя. Конечно, Оливер более многогранен, чем Стюарт. Но при всей своей многогранности и различных талантах не может удержать счастье в руках и добиться чего-то определенного.

Наконец, третья «вершина» любовного «треугольника» *Джиллиан (Gillian) Уайетт (Wyatt)* или просто Джил, третий персонаж, жена Стюарта, а потом Оливера... Имя близко по произнесению имени самого автора, следовательно в персонажа вложено много личного. Не случайно тоже близкий автору филологический гурман Оливер говорит о нем: «Вот Джиллиан – хорошее имя. Подходит ей. И менять не надо» [Барнс 2004: 19]. Она одна, по сути, не меняет имя, как выясняется в финале. Имя по происхождению древнеиндийское. Считается итальянской формой английского имени «Джулия», что сразу рождает аллюзию к трагической истории любви – «Ромео и Джульетте» У. Шекспира. Переводится как ‘полная юности, свежая, ювенильная’ [Рыбакин 2000: 116]. Из черт, приписываемых обладателям таких имен, героине свойственно хладнокровие. Но у нее, как и у Стюарта, не указано второе имя, что ее роднит с ее первым мужем и свидетельствует об отсутствии ярко выраженной индивидуальности. Джиллиан наполовину француженка, что важно для автора, ибо он любитель французской культуры, и в этом тоже сказывается присутствие автора в книге. Интересно, что имя Джиллиан при обратном прочтении звучит почти как Найджел (наи + Джил), что, вероятно, не случайно, так как она является вторым «я» Найджела-Оливера, очень созвучна ему. И она, и Оливер не любят своих отцов по разным причинам, что подчеркивает автор; у каждого из них были не очень счастливые семьи, что их и сближает, и разъединяет; оба разбираются в живописи. В небольшой степени она тоже творческий человек. Джиллиан – художник-реставратор средней руки, а

реставратор ближе творцу, чем обычный человек: «...в прислугах у изящных искусств, обновляет потускневшие краски минувшего...» [Барнс 2004: 36].

Фамилия Уайетт тоже довольно распространенная, согласно всем словарям. Это патронимическая фамилия, происходящая от средневекового имени Wyot. В романе это действительно фамилия отца персонажа, который когда-то оставил семью, но Джилиан вопреки мнениям всех, фамилию не меняет, что является аргументом в защиту ее индивидуальности. «Я раньше была мадам Стюарт Юз, то есть Хьюз, но только я не брала его фамилию. Он думал, что я поменяла фамилию, но я оставила свою фамилию. И фамилию Оливера я тоже не взяла» [Барнс 2004: 366]. Получается, что одна Джилиан действительно никогда не меняла имя, независима, современна, верна себе, символ любви и материнства в романе, и Стюарт ошибся в своих безапелляционных заявлениях о том, что все изменили имена. С французского и английского фамилия переводится как 'наставник', что в романе тоже обыгрывается: она наставник в семейно-любвных делах для обоих мужей.

Так, женщина, обладающая таким именем и фамилией, по роману склонна быть с наиболее сильным в этот момент мужчиной, чем можно объяснить ее уход от Стюарта к Оливеру, а затем от Оливера к Стюарту. Она творит жизнь, у нее дети от Оливера, впрочем, есть намек, что, может быть, один от Стюарта, но фамилия у них Рассел. Им досталась фамилия того, кто более всех других любит слов и имена и играть с ними. И героиня, оставшись Джулиан Уайетт, надела маску и мадам Стюарт Хьюз, и мадам Оливер Рассел. Имя, избранное для нее автором, тоже созвучно литературному образу современной женщины, не очень принципиальной, глубокой, но притягательной и любимой.

Итак, имя и фамилия – показатель принадлежности семьи, роду, но и особенностей носителя и в жизни, и в литературе. Дж. Барнс использует характеризующие имена, отдавая дань литературной традиции, проецирует значения имен на образы героев. Как писатель современный Барнс идет дальше: заинтриговывает читателя обилием имен, рассматривает их как элемент словесной игры, раскрывает характеры персонажей изнутри через нюансы трактовки имен и выносит вердикт в оценке героев, сказав с самого начала основное о персонажах через имена и составив таким образом первое впечатление, он все время дополняет это впечатление через введение

разного рода комментариев об именах, аллюзий к истории и реминисценций из литературы и сюжетно: поступками, мыслями, образом жизни.

Список литературы

Англо-русский словарь / сост. В.К. Мюллер. М., 1990. 1023 с.

Барнс Дж. Как это было. Любовь и так далее / пер. И.М. Бернштейн и Т.Ю. Покидаевой. М., 2004. 699 с.

Бахаева Л. М. Семантика английского собственного имени // Известия ВГПУ. Филология. 2013. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/81/50-53.pdf>. (дата обращения 17.03.2017).

Васильева А.В. Функциональная дискурсивность сюжетосложения в романе Дж. Барнса. «Как все было» // Иностранная литература. 2002. № 7.

Имя Оливер [Электронный ресурс]: URL: <http://kakzovut.ru/names/oliver.html> (дата обращения 17.03.2017).

Имя Найджел [Электронный ресурс]. URL: <http://znachenie-tajna-imeni.ru/znachenie-imeni-Najdzhel> (дата обращения 17.03.2017).

Имя Стюарт. [Электронный ресурс]. URL: <http://znachenie-tajna-imeni.ru/znachenie-imeni-Stuart> (дата обращения 17.03.2017).

Рыбакин А.И. Словарь английских фамилий. 2-е изд. М., АСТ, 2000. 200 с.

Рыбакин А.И. Словарь английских личных имен. Этимология популярных английских имен. М.: АСТ., 2001. 224 с.

Табак М. Франция – моя вторая родина // Иностранная литература. 2002. № 7. С. 269–272.

Тарасова Е. Хамелеон британской литературы // Иностранная литература. 2002. № 7.

T.E. Demidova

The features of character naming in J. Barnes novels “Talking it over” and “Love etc”

This article tells us about (dedicats) the features of naming of the characters in the dilogy of Julian Barnes «Talking It Over» and «Love, etc.». In the article researches the traditions and innovations of using the «characteristic names» in the modern literature, particularly, in the novels. This article analyses, in detail, the method of postmodernist game of the names of the heroes (substitution, transposition, truncate of the proper nouns, national variants of names, cognomens, an assumed name, having or absence middle name, fiction (created) names, multiply-name). This article examines the allusions to precede history and literature reminiscens, according to names of personages. The attitude marked by researchers in J. Barnes novels manifested in choosing of names.

Keywords: features of naming, traditions and innovations of using the «characteristic names», postmodernist game, substitution, transposition, truncate of the proper nouns, an assumed name, middle name, fiction names, etymology and symbolic meaning, allusions, reminiscens.

А.А. Дырдин
(Ульяновск, Россия)

Этимология имён и фамилий в «Ювенильном море» Андрея Платонова

В статье рассматривается этимология личных имён и фамилий в повести Андрея Платонова «Ювенильное море. Море юности». Автор высказывает гипотезу о том, что имятворчество писателя имеет своим источником не только народную именную типологию, но и реальную действительность. В работе выделено несколько способов именования героев, предложена новая этимологическая характеристика собственных имён в повести «Ювенильное море».

Ключевые слова: ономастика А. Платонова, «Ювенильное море», личные и родовые имена, категория целостности.

*Достоинно внимания: Пушкин
<...> называл действующих лиц своих
произведений очень проникновенно, и
имена у него никогда не произвольны
(П. Флоренский. Имена)*

Андрей Платонов – один из преемников пушкинской традиции в использовании имени литературного героя в качестве смыслового центра произведения, раскрывающего горизонты познающе-порождающей мысли писателя. В платоновских произведениях имя становится одним из главных средств создания образа-персонажа, высвечивает его «духовное и душевное строение» [Флоренский 1993: 70]. Задача собственного имени, выполняющего в тексте сравнительно-описательную, пространственно-временную, символическую функции, – реализация художественной стратегии автора, установление связи между замыслом произведения и реальностью. Персонаж вводится в повествование с помощью первичных и последующих номинаций, которые не только знакомят с ним читателя, указывают на пол, возраст и профессию, но и выражают творческие принципы художника. Существенным для нас является суждение самого Платонова, высказанное по поводу пушкинских поэм «Медный всадник» и «Тазит», непосредственно относящееся к его пониманию художественного целого: Пушкин разворачивает свои темы «не логическим, сюжетным способом, а способом "второго смысла", где решение достигается не действием персонажей поэм, а всей музыкой, организацией произведения – добавочной силой,

создающей в читателе ещё и образ автора, как главного героя сочинений» [Платонов 2011: 78]. Такой «добавочной силой» – символической энергией – и обладают имена в номинативных парадигмах Платонова. Определяя их происхождение, мы, опираясь на собственный опыт, корректируем значения родовых и личных имён при первичной или повторной номинациях, служащих целям «многофокусной характеристики персонажа» [Гусева 2015: 78].

Цель предлагаемых заметок – уточнить отдельные этимологии личных имён и фамилий персонажей, а также их место и роль в повести Платонова «Ювенильное море. Море юности» (1931–1932). В её тексте есть множество «говорящих» имен и фамилий, которые, предопределяя существенные свойства характера и внутренней жизни героя, служат для читателей смысловым ориентиром. В этом отношении справедливо замечание исследователей о том, что «<...> имена выступают в качестве деталей, участвующих в конструировании, "задании координат" возможного мира художественного текста, а также образов его персонажей» [Джандар, Лоова 2012].

Исследуемая повесть, в которой Платонов с помощью семантики антропонимов управляет восприятием читателя, формируя у него эмоционально-оценочное отношение к изображаемому, находится к ряду текстов, созданных на материале поездок писателя на Среднюю Волгу [см.: Дырдин 2016]. Одна из записей Платонова в памятной книжке 1930 года («Когда у кого рождаются дети <...> » [Платонов 2000: 48]) перенесена в монолог героя «Ювенильного моря» Адриана Филипповича Умрищева: «У грабарей дети рождаются весной, у вальщиков – среди лета. У гуртоправов – к осени, у шоферов зимой, монтажницы отделяются к марту месяцу, а доярки в марте только починают <...>» [Платонов 2009: 367]. В 7-ой записной книжке непосредственно указано на одно из тех географических мест Средней Волги, которые могли послужить писателю в качестве прототипа места совершения событий: «Ставропольский мясосовхоз» [Платонов 2000: 82]. В письме от 27.08.1931 г., отправленном из Самары, Платонов сообщает М.А. Платоновой: «Ставрополь – пристань на Волге, и сам совхоз всего 7 кило<етров> от реки» [Платонов 2013: 314].

Отвлекаясь в сторону от ономастической темы, надо сказать, что связь творчества Платонова со Средним Поволжьем до сих пор остаётся малоизученной. Обращения к этой проблеме в

платоноведении пока единичны, но они подтверждают завязавшийся еще в 1920-е годы интерес писателя к Симбирско-Ульяновской земле, к поволжскому ареалу, к его топонимике (см., например, недавнюю републикацию статьи Платонова «Симбирская катастрофа» [Антонова 2016: 630]). В начале 1930-х годов Платонов дважды приезжает в Средне-Волжский край. В его записной книжке и письмах зафиксированы топонимы: Выры, Ульяновск, Чердаклы, Мулловка, Мелекесс, Сабакаево, Лебяжье, Ст. Балыклы, Нов. Майна, Ст. Бесовка, Якушка, Погрузная, Самара, Кузнецк, Ставропольск (Ставрополь-на-Волге, ныне –Тольятти).

Платоновский онамастикон в «Ювенильном море» содержит несколько ключевых зон или знаковых сфер, формирующих семантику именованных: это пространственно-временные связи (*ближайший товарищ, далекий товарищ, ближний секретарь, ближние соседи, попутная подруга*), антропоцентрическая (*человек, негодный, убогая, индивидуалист*), социально-политическая и профессиональная сферы (*классовый враг, кулак, единоличник, бедняки-колхозники, буржуй, бригадир, профуполномоченная, директор, секретарь ячейки, зоотехник, старший гуртоправ, секретарь партии, культурный служащий, пиццевик, паровозный машинист, погонщик, водонос, колодезник, студент-ветеринар, кухарка, доярка, электрик, кузнец, чертежница, возчик*), юридические (*судья, ответчица*) и возрастные атрибуты (*небольшая старая женщина, пожилой человек, молодой человек, девушка, старушка, старик, бабушка*), национальность (*девушка-киргизка*), номинативные неологизмы, связанные с типом научного сознания или приверженностью к философскому течению (*идеалист, схематик, механист, богдановец, теоретик, практик*). Все эти именные группы находятся в препозиции, как правило, предшествуя имени собственному. Указания на профессию или должность служат у Платонова средствами социальной типизации. Вместе с именами собственными они образуют парадигматический ряд. Если воспользоваться понятиями теории лексической номинации [см.: Гак 1998: 310–364], то можно установить следующий порядок в номинативном процессе у Платонова: абстрактная номинация (гипероним: указание на профессию, пол, возраст, социальные характеристики) – прямая конкретная (гипоним: собственное имя).

Подходы к символическому истолкованию антропонимов «Ювенильного моря» были обозначены М. Геллером в монографии

«Андрей Платонов в поисках счастья» (1982). Имя здесь – одна из доминирующих характеристик платоновских героев. «Возможность осуществления утопии, возможность перебросить мост из быта пятилетки, из эпохи коллективизации и индустриализации в фантастику счастливого будущего писатель связывает с Надеждой. Надежду в повести символизирует Надежда Босталоева. Директор совхоза – наиболее сложный из женских образов Платонова» [Геллер 1982: 307] – утверждал критик. Для него главным в номинации персонажа является личное имя. Надежда, в которую влюбляются все мужские персонажи повести, олицетворяет женское, материнское начало. Она – «"предводительница" совхоза, даёт – как мать – нежность, радость и – буквально – своим телом кормит строительство, добывая необходимый материал» [Геллер 1982: 309].

Поэтика имени во всем богатстве ассоциаций и контекстов – одно из быстро развивающихся направлений платоноведения. Исследователями подчеркивается парадоксальность, противоречивость образов-характеров Платонова, объединяющих в себе «активное (творец-кудесник, практик-преобразователь) и пассивно-созерцательное ("усомнившийся", "сокровенный человек") начала». Как отмечает И.А. Голованов, платоновские персонажи, совмещая обе эти «идеи жизнестроения в равной степени», «становятся по-настоящему понятны тогда, когда мы видим в них русский "извод" общечеловеческих стихий, пороков и страданий» [Голованов 2012: 216].

Анализ собственных имён у Платонова позволяет соотнести их семантику с движением событий, онтологией художественного текста. Задача изучения принципов именологии Платонова, частотности имён и релевантности номинативных оппозиций несколько упрощается, поскольку в последнее время появилось несколько значимых работ, посвященных этой проблеме.

Сохранившийся в архиве писателя фрагменты автографа повести, листы машинописи, публикующиеся здесь же черновые наброски к ненаписанной пьесе с авторской правкой [см.: Дужина: 2009: 256–268], позволяют реконструировать этапы работы писателя над ономастической лексикой и характер связи имен героев с эпохой, сопоставить многослойную семантику именованных персонажей с идейно-философским пространством «Ювенильного моря».

Личность героя раскрывается у Платонова исподволь. Обычно первую позицию при появлении персонажа в тексте занимают

обобщенные именованья. Собственно, таким приемом открывается «Ювенильное море»: «День за днем шел человек (выд. мной. – А.Д.) в глубину юго-восточной степи Советского Союза» (351). При повторной номинации используется местоимение 3-его лица *он*. Герой воображает себя то паровозным машинистом, то летчиком, то геологом, «исследующим впервые неизвестную землю» (351), что характеризует его как человека с большим запасом жизненной энергии (в одном из очерков, послуживших прелюдией к повести, герой носил фамилию Оганов [см: Дужина 2009: 263–268]: от *арм.* Оган – «огненный»). При следующем упоминании на той же странице он назван *пешеходом*, далее представлен *инженером-электриком сильных токов*, и только затем – *товарищем Николаем Вермо* (352). Полная форма родового имени – *Николай Эдвардович Вермо* (423) – появляется только лишь в завершающей части повести. Надежда Босталоева, направленная в гурт «Родительские Дворики», «чтобы разбить и довести до гробовой доски действующего классового врага» (362), в первый раз названа *молодой женщиной*, т.е. представлена общим наименованием, а не собственным именем.

Наиболее полную информацию о номинациях лиц повести мы находим в «Опыте словаря платоновских персонажей» [см.: Яблоков, Богомолова 2013: 178–213]. Словарь состоит из двух частей: сводной таблицы персонажей и их фабульного описания. Герои повести распределены по социальной страте, гендерным признакам, возрасту, национальности, даны их портретные характеристики и контакты. Персонажи подразделяются на «Действующих» («актанты») и «Упоминаемых» («релеванты») Антропонимы Платонова даны в последовательности «фамилия–имя–отчество–прозвище» с указанием трудовых реалий и функций.

Отличительная грань повествования в «Ювенильном море» – многогеройность. Из шести десятков действующих или упомянутых в повести лиц поименно названо чуть больше третьей части. В этой небольшой повести прослеживается черта, присущая антропонимике писателя в целом: «ко всему, связанному с именем, Платонов подходил очень внимательно. Случайности в подборе имён и времени их произнесения были исключены» [Булыгин 2009: 158]. Ономастическая картина в повести многокрасочна. В ней наличествуют имена, различные по степени экспрессивности, символическим, нравственно-психологическим и иным модальными значениям. Здесь и Мавра (*греч.* – «чёрная», «тёмная») Кузьминична,

«переменившая себе имя из любви к республике» [Геллер 1982: 305] в *Федератовну*, и доярка *Айна* (тюрк. – «зеркало», «чистая», «непорочная», имя героини немого фильма, снятого в 1930 г. по мотивам рассказа Платонова «Песчаная учительница»), «смуглая девушка, наверно киргизка» (366), её малолетний брат *Мемед* (сокращенная форма имени Мухаммад, араб. – «хвалимый»), кузнец *Кемаль* (вариант арабского имени Камал – «совершенство»), зоотехник *Високовский*, старший гуртоправ *Афанасий Божев*... Среди участников событий – старший пастух Климент, который изображается как «жертва» женских «нежностей»: «пастушьи бабы, защекотали Климента в степи» (418). Выбор индивидуального имени, имеющего греко-латинские истоки (греч. – «виноградная лоза», лат. – «милосердный»), для этого второстепенного персонажа не был случайным. От этого имени образована настоящая фамилия писателя – Климентов (Появление имени *Климент* в славяно-русском именовании связано со св. Климентом (30-е гг. – 92 или 101 г. по Р.Х.), одним из первых проповедников христианства на Руси, сосланным из Рима в Инкерманские каменоломни (вблизи от современного Севастополя) и погибшем мученической смертью). Вводя это имя в повесть, Платонов ставит фамильный знак, косвенно выражает присутствие в повести авторской индивидуальности.

Безымянные герои важны для реального плана повествования. Вторичные и альтернативные номинации по профессии, социальному положению или возрасту выполняет дополнительные функции. Одна из них – кодирование информации о социально-политических, нравственных и психологических качествах персонажа. Р. Ходель, говоря о сатирическом начале повести и чертах пародии на производственный роман, её главный пафос видит в том, что «положительные, близкие автору герои "Ювенильного моря" искренне стремятся к пусть фантастическому, но по-настоящему новому миру, <...> до изнеможения борются за всеобщее светлое будущее» [Ходель 2013: 18].

Все личные и родовые имена представляют собой смысловые структуры, в которых имя есть «арена встречи воспринимающего и воспринимаемого» [Лосев 1993: 642]. Антропонимы идентифицируют главные, вступающие друг в друга, мотивы «Ювенильного моря». Каждое собственное имя связано с специфичным для него миром значений и требует последовательного продумывания, этимологического комментария.

Е. Яблоков связывает этимологию родового имени главной героини с традиционным для Платонова женским типом, олицетворяющим Вечную женственность [Яблоков 2013: 163]. Аргументом в пользу такого утверждения служит географический фактор. Действие повести разворачивается на просторах арало-каспийской низменности. Поэтому потенциальным в плане ономастического анализа можно считать национально-эмблематичное значение корня «Боста», предложенное платоноведом: «Платонов осознавал семантику фамилии, которую дал героине-"основоположнице": *казах.* "басталуы", "басталу" – *начало*» [Яблоков 2013: 163]. Возможен и другой, более глубокий слой значения семемы, близкий к тюркскому мужскому имени Бостон – «цветник», уходящему корнями в персидский (фарси) язык (ср. с именем героя «Плахи» Ч. Айтматова – Бостон Уркунчиев).

Фамилия *Умрищев*, по мнению М. Богомоловой, двойственна, амбивалентна: «Помимо включенности в общее словообразовательное гнездо с лексемой "смерть", прослеживается родственность с именами арабского происхождения Умр, Умар, Омар – от *араба.* "жить долго", "процветать"» [Богомолова 2013: 75]. В цитируемой работе такая номинация рассматривается как проявление присущего антропонимам Платонова контрастного сочетания идеального и материального, живого и мертвого, центростремительного и центробежного. М. Богомолова, отмечает связь фамилии Вермо с мотивом «рытья, углубления, бурения земли (ср. *лат.* *vermis* – червь)», а образ Умрищева с «ветхостью» [Там же: 77].

Анализ имен персонажей «Ювенильного моря» показывает, что ономастический ряд повести строится на реальных связях с социально-политическим развитием страны в 1920-е годы, с событиями, разворачивающимися в гурте «Родительские Дворики», который «составлял из себя уже мощный мясосовхоз и являлся надежным источником мясной пищи для пролетариата» (363). Первичными здесь стали не индивидуализирующие, а квалификативные (информирующие читателя о месте героя в действительной жизни и в сюжете) номинации. Они преобладают в тексте, поскольку для Платонова человек – часть целого, единого народного мира, «вещества существования», вселенского бытия. Платоновские герои, по словам М. Михеева, действуют «исходя из какой-то вселенской целесообразности», берегая, удерживая «на своем месте все сущее, чтобы буквально каждая вещь <...> нашла

себе должное применение и *уцелела бы полностью* (курсив автора. – А. Д.) в этом мире» [Михеев 2015: 153]. Важно еще одно наблюдение: собственные имена у Платонова – «это обычно что-то вроде кличек или значащих имен» [Там же: 284]. Добавим к этому, что в повести имеет место интродукция имён: в компонентном составе антропонима совмещаются разные по этимологическим источникам, этническим признакам и исторической идентичности имена. Данный прием обнаруживается в выборе полного именованья главной героини – Надежда Михайловна Босталоева. Троичная формула имени представляет собой своеобразный «микротекст», строящийся из неоднородных структурных компонентов. Если учесть русские имя и отчество героини, то восточное ядро этого образа начинает размываться. В этой сложной ономастической структуре необходимо учитывать и онимы, аккумулирующие гендерные, возрастные, социальные признаки (*молодая женщина, секретарь гуртовой партячейки, директор мясосовхоза*).

Фамилия инженера-электрика Николая Вермо, «который окончил, кроме того, музтехникум по классу народных инструментов, дотоле же он был ряд лет слесарем, часовым механиком, шофером и еще кое-чем» (352), к чьей точке зрения близка позиция повествователя, относится, не к типу зоонимных, как считают некоторые литературоведы (см. выше), а, скорее, к классу гибридных. Платонов-инженер трепетно, «душевно», относился к технике, к различным машинам, двигателям, механизмам, считал их умными, живыми. Связи человека и машины в его текстах сакральны: «человек вдыхает жизнь <...> в техническое устройство, в любую вещь, вкладывая в них свою энергию» [Баршт 2004: 135–136]. «Для сознания платоновских героев – пишет Н.В. Пенкина – не существует абстрактных, обобщающих понятий, а вместо этого абстракции переживаются буквально, воспринимаются как нечто телесное: отвлеченное понятие и предмет, абстрактное и конкретное, сущность и явление отождествляются, воспринимаются как единое целое» [Пенкина 2012: 15–16]. Этот же принцип лежит и в основе «изобретения имён» в «Море юности». В номинации *Вермо* – как элементе идейно-эстетического целого повести – отобразилось увлечение писателя техникой. По нашему предположению, фамилия героя образована от названия марки автомашины. Платонов использовал корневую основу фамилии основателя французской автомобильной компании Виктора Вермореля. «Верморель»

(VERMOREL) – небольшое предприятие близ г. Лиона, с 1843 года производившее сельскохозяйственную технику, а с начала XX в. – легковые и грузовые автомобили, в т.ч. –военные [см.: 1. **World's largest automobile encyclopedia.** 2. Кочнев]. Какие-то модели этой марки могли находиться в потоке транспортных средств, поставленных в годы Гражданской войны Добровольческой армии, а потом ставших трофеями. Платонов любил автомашины, хорошо разбирался в их конструкции. Ему приходилось разъезжать на автомобилях разных марок. Первым был выдавший виды «Форд»: он «ездил сначала в пролетке на жеребце, а потом получил в награду за труды старенький «форд», который сам водил» [Варламов 2011: 66]. Автомобили, упомянутые на страницах платоновских произведений, выступают в роли смысловой детали, выделяются на фоне других образов-предметов. В очерковом наброске «Умственный хутор», включенном в повесть «Впрок» (1931), мы встречаем такое описание: «Мы ехали на старой машине, заслуженной итальянской <...> марки «Лянчия (т. е. «Lancia». – А.Д.); дорога <...> разрыхлилась от бывшего дождя, ее брала только вторая и третья скорость, и у нас часто кипел радиатор, который мы пробовали охладить <...> переводом <...> мотора на прямое сцепление с карданом, но нам не удавалось. <...> Вдруг в моторе <...> что-то резко и часто забилося, словно <...> в камеры цилиндров попало металлическое трепещущее существо» [Творчество 1995: 227]. Впечатление полной реальности производит «Алгонда–09» из фантастической повести Платонова «Эфирный тракт» (1926–1927), работающая бесшумно и оснащенная кристаллическим электродвигателем: «Запас энергии "алгонда" имела на десять тысяч километров пути, при весе в десять килограммов» [Платонов 2009: 34]. Инженер Петер Крейцкопф, испытывая в рассказе «Лунные изыскания» (1926) машину, «похожую на тип девяностосильных Испано-Суиза» [Платонов 2009а: 118] («Hispano-Suiza» – лучший легковой автомобиль в 1920-е–1930-е гг.), сбивает на шоссе ребенка. Его возлюбленная – Эрна – в результате уличной катастрофы останется без ног. Здесь едва ли не впервые у Платонова возникает антитеза технического прогресса и человеческой жизни. Однако в главных платоновских произведениях оппозиция техники и человека снята.

Генезис фамилии главного героя, свидетельствует о том, что Платонов погружен в техническую стихию, которую в своем метафизическом дискурсе он не отделял от художественного

творчества. Неслучайно *Вермо* станет псевдонимом Платонова в машинописных вариантах пьесы «Высокое напряжение» [Корниенко 2006: 434], над которой он работал с 1929 по 1940 год.

Антропонимы Платонова содержат коннотации, порождающие ассоциации с текущими событиями, реалиями времени. Имена в повести – «орудия познания героев» [Комаров 2000], указания на их принадлежность к определенной культурной среде, национально-выраженному типу личности. В них можно найти важнейшие значения конструируемого писателем образа, смыслы, которые раскрывают авторскую картину мира. Собственные имена в «Ювенильном море» строятся телеологически. Выражая «*типы бытия личностного*» [Флоренский, 1993: 71], они воплощают одну из центральных идей повести – мечту о совершенном мироустройстве, единстве человечества. Платоновым изображены герои со страдающим сердцем, идущие от переживания своей чуждости миру к чувству связанности всего со всем. В повести «Ювенильное море» он показал людей, «вырывающихся из мертвого мучения долготы истории» и готовых считать, как это сказано о Николае Вермо, «злобу и ущербы <...> самым счастливым состоянием жизни» (387).

Список литературы

Антонова Е.В. Воронежский период жизни и творчества А.П. Платонова: биография, текстология, поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 784 с.

Баршт К.А. Семантика профессии в прозе Платонова (К вопросу о типологии платоновских персонажей) // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Кн. 3. СПб.: Наука, 2004. С. 121–143.

Богомолова М. Зачем Николай Вермо разрушил совхоз (Система персонажей повести Ювенильное море) // Поэтика Андрея Платонова. Сб. 1. На пути к «Ювенильному морю». Белград: Филологический факультет, 2013. С. 59–79.

Булыгин А.С. «Котлован» Андрея Платонова. Проблематика и поэтика (жанрово-композиционное своеобразие и мифопоэтический аспект). Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 237 с.

Варламов А.Н. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. 546 [14] с., ил. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1294).

Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с., 1 ил.

Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. Paris: YMCA-PRESS, 1982, 404 с.

Гусева С.С. Средства первичной и повторной номинации персонажа (На материале текстов А.П. Чехова) // Мир русского слова. 2015, № 3. С. 71–78.

Джандар Б.М., Лоова А.Д. К проблеме функционирования личных имен в художественном тексте. [Электронный ресурс]. URL:<http://cyberleninka.ru>

/article/n/k-probleme-funktsionirovaniya-lichnyh-imen-v-hudozhestvennom-tekste (дата обращения 25.05.2017).

Дужина Н. Новые материалы к истории текста произведений Платонова 1930–1931 гг.: «Котлован», «Шарманка», «Ювенильное море» // АРХИВ А.П. ПЛАТОНОВА. Кн. I. Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 237–269.

Дырдин А.А. Спрятанная Атлантида. Средняя Волга в творчестве Андрея Платонова. Монография. Ульяновск: АО «Областная типография "Печатный двор"», 2016. 106 с.

Комаров В.Г. О «говорящности» и «соответствии» имен в «Повестях Белкина» А.С. Пушкина [Электронный ресурс]. URL:http://www.russofile.ru/articles/article_39.php (дата обращения 25.05.2017).

Корниенко Н. Примечания // Платонов А.П. Ноев ковчег: Пьесы. М.: ВАГРИУС, 2006, 464 с.

Кочнев Е.Д. Энциклопедия военных автомобилей [Электронный ресурс]. URL: <http://itexts.net/avtor-evgeniy-kochnev/147299-enciklopediya-voennyh-avtomobiley-17692006-gg-a-i-evgeniy-kochnev.html> (дата обращения 22.05.2017).

Лосев А.Ф. Бытие–имя–космос / сост. и ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. 958 с.

Михеев М.Ю. Андрей Платонов и другие. Языки русской литературы XX века. М.: Языки славянской культуры, 2015. 824 с. (Studia Philologica).

Пенкина Н.В. Философские идеи прозы Андрея Платонова: проблема человека. Монография. Нижневартовск: Издательство Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2012, 104 с.

Платонов А.П. Ювенильное море. Море юности // Платонов А.П. Эфирный тракт. Повести 1920-х – 1930-х годов/ под редакцией Н.М. Малыгиной. М.: Время, 2009. С. 351–432. Далее ссылки на повесть приводятся в тексте с указанием страниц в круглых скобках.

Платонов А.П. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика / Сост., комментарии Н.В. Корниенко. Подготовка текста Н.В. Корниенко, Е. В. Антоновой. М.: Время, 2011. 720 с.

Платонов А.П. ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ. Материалы к биографии. М.: «Наследие», 2000. 424 с.

Платонов Андрей. «... я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. М.: Астрель. 2013. 685, [3] с.

Платонов А. Симбирская катастрофа // Антонова Е.В. Воронежский период жизни и творчества А.П. Платонова: биография, текстология, поэтика. Приложение 3. Статьи 1920 г., предположительно написанные А. Платоновым, опубликованные в газ. «Красная деревня» и «Воронежская коммуна». М.: ИМЛИ РАН, 2016, С. 673–735.

Платонов А.П. Лунные изыскания // А.П. Платонов. Усомнившийся Макар. Рассказы 1920-х годов; Стихотворения Вступ. Статья А. Битова. Под ред. Н.М. Малыгиной. М.: Время 2009, 656 с.

Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Библиография. СПб.: «Наука», 1995. 360 с.

Флоренский П. Имена. М.: Архив свящ. Павла Флоренского. М.: ТОО «Купина». 1993 (Малое собр. соч. Вып. I).

Ходель Р. Система точек зрения в повести «Ювенильное море» // ПОЭТИКА Андрея Платонова. Сб. 1. На пути к «Ювенильному морю». Белград: Филологический факультет. 2013. С. 7–24.

Яблоков Е., Богомолова М. Опыт словаря платоновских персонажей (на материале повести «Ювенильное море») // ПОЭТИКА Андрея Платонова.

Яблоков Е. Контрапункт (Проблема авторской позиции в повести «Ювенильное море») // ПОЭТИКА Андрея Платонова. С. 134–171.

World's largest automobile encyclopedia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.allcarindex.com/main-index/car-make-details/France-Vermorel/> (дата обращения: 12.05.2017).

A.A. Dyrdin

Etymology of names and surnames in «The Juvenile Sea» of Andrey Platonov

In article the etymology of personal names and surnames in Andrey Platonov's story «The Juvenile Sea. Sea of youth» is considered. The author states a hypothesis of that creation of proper names by Platonov has the source not only in national nominal typology, but also in reality. In this work some ways naming heroes are allocated. The new etymological characteristic of proper names in the story «Juvenile Sea» is offered.

Key words: Andrey Platonov's onomastics, «Juvenile Sea», personal and generic names, the category of integrity.

И.Н. Исакова

(Москва, Россия)

Антропонимы как ключ к пониманию сюжета произведения («За чем пойдёшь, то и найдёшь» А.Н. Островского)

Семантика антропонимов рассматривается в связи с народным календарем, где на день памяти того или иного святого приходились определенные обряды. Эти обряды могут намекать на те или иные черты характера героя, на его поведение, что в итоге позволяет обозначить основные вехи сюжета. Антропонимы в пьесе группируются в пары, что в сюжете выражается во взаимном влечении персонажей.

Ключевые слова: антропоним, А.Н. Островский, месяцеслов, обряд, сюжет, персонаж.

Антропонимы в творчестве А.Н. Островского давно привлекают внимание исследователей. Во многих работах отмечается связь семантики имени с характером персонажа, однако исследователи ориентируются в первую очередь на этимологию имени или

фамилии. Влияние народной культуры на творчество Островского было отмечено еще современниками драматурга [Филиппов 2008], и продолжает исследоваться и в современных работах [Савушкина 1993]. Однако не предпринимались попытки связать семантику антропонимов с народной культурой. Но именно этот аспект, как показывают наши наблюдения, позволяет не только раскрыть наиболее важные черты характеров персонажей, но и выявить существенные элементы сюжета той или иной пьесы [Исакова 2015].

Пьеса «За чем пойдёшь, то и найдёшь» является заключительной частью трилогии о Бальзаминове. В двух других пьесах «Праздничный сон до обеда» и «Свои собаки грызутся, чужая не приставай!» антропонимы, рассмотренные в контексте месяцеслова, позволяют зрителю предугадать развитие сюжета [Исакова 2014]. В этом, видимо, проявилось стремление драматурга сделать пьесу более понятной для простого зрителя. Похожая картина наблюдается и в данной комедии, при этом этимология антропонимов фактически не учитывается Островским. Например, если Раису, действительно, можно считать беспечной (от греч. ‘легкая’ [Петровский 2005: 237]), то Анфису цветущей (от греч. ‘цветущая’ [Петровский 2005: 57]) назвать уже сложнее, ведь ей уже около тридцати лет, а объяснить, почему Лукьян Чебаков светлый (от лат. *lux*, род. *Plucis* ‘свет’ [Петровский 2005: 180]) невозможно, как и выявить связь образа главного героя с фразой ‘равный богу Яхве’ [Петровский 2005: 200]. Символическое значение имени приобретают только в контексте народной культуры.

Антропоним *Михайло Дмитрич Бальзаминов* можно рассматривать как символическое отражение желания главного героя жениться на богатой невесте. Имя его отсылает к Михайлову дню (21 ноября), последнему дню свадебного сезона. К этому времени крестьяне успевали продать урожай, работники – получить заработанные деньги. С Михайлова дня начинались зимние пиры и гуляния. Поэтому Михайлов день связывался в народе с понятием довольства, сытости. Отчество персонажа *Дмитрич* отсылает к Дмитриеву дню (родительскому дню), когда было принято поминать предков. В этот день существовал такой обычай: вся семья собиралась за столом, на котором стояли блины. Первый блин, смазанный маслом и медом, делили между всей семьей. Хотя на Дмитрия (8 ноября) свадебный сезон ещё не заканчивался, считалось,

что после этого дня вряд ли удастся склонить девушку к браку. Имя и отчество героя указывают на его желание как можно скорее вступить в брак. В то же время можно заметить, что в жизни героя немалую роль играет мать, которой он поверяет свои мечты.

Фамилия же в большей степени намекает на то, как представляет себе герой семейную жизнь. Бальзамины на окнах – характерный признак мещанского жилья по всей России, наполненного «материальными символами, которые должны были выражать финансовую стабильность и устойчивое общественное положение» [Зеткин 2011: 140]. Итак, антропоним *Михайло Дмитрич Бальзаминов* указывает на желание героя жениться на богатой невесте, что всячески подчёркивается в пьесе и трилогии в целом.

Домна Евстигнеевна Белотелова, видимо, идеальная для Бальзаминова невеста (неслучайно именно её хочет посватать Красавина). Имя её отсылает к празднику Домны Доброродной (16 сентября), в этот день было принято прибираться в доме, амбарах и всех хозяйственных постройках, особенно перебрать всякую рухлядь. Все это выносилось на улицу, а вечером сжигалось вместе с картофельной ботвой, оставшейся после уборки урожая. То, что нельзя было сжечь, все равно бросали в костер (а затем выбрасывали), поскольку огонь символизировал очищение от всего дурного. Считалось, что этот обряд поможет благополучно пережить осень и зиму: никто не заболеет, всем хватит еды и тепла (дров). Но было и одно исключение: сношенные лапти не уничтожались, а наоборот выставлялись. Это была непрочная, но очень дешевая и потому чрезвычайно распространенная обувь, и за год обычно накапливалось в доме немало лаптей. Их надо было развесить вокруг дома, под крышей, на кольях забора и т.д. Наши предки верили, что чем больше развешано лаптей, тем больше шансов уберечь хозяев, дом, двор и всю скотину от сглаза и порчи: злой человек начнет пересчитывать лапти, обязательно собьется со счёта, и не сможет сделать гадкое дело. Обувь, которую еще можно было носить, мыли в проточной воде. Таким образом, имя героини указывает на её богатство, о чем говорит Красавина: *Одних только денег и билетов мы две считали-считали, счесть не могли, так и бросили*. Вряд ли случайно, что Островский обыгрывает в пьесе мотив счёта.

Семантика имени усиливается отчеством, которое намекает на день Евстигнея Житника (18 августа), когда было принято заклинять посеы от нечистой силы. Днем во время жатвы крестьяне старались

найти на поле растение с несколькими колосьями. Если кому-то попадалось растение с 12 колосьями («житной маткой»), то его берегли до весны. Когда начинался сев, первыми бросали зерна с житной матки, чтобы собрать с поля богатый урожай.

Название праздника Житник указывает, что в этот день славили ячмень (жито) – самый северный злак. В этот день надо было испечь хлеб из первого ячменного намолота, что должна была сделать самая старшая женщина в доме (большуха). Когда она месила тесто, то прижимала к себе квашню, тем самым доверяя ей жизнь домочадцев. Вместе с хлебом в этот день ели сырой лук с солью и квасом, считалось, что это придает телу силу и здоровье, а лицу свежий вид.

Таким образом, имя-отчество *Домна Евстигнеевна* символизирует благополучие, достаток, здоровье. Это прослеживается и на других уровнях создания образа. Героиня живет богато, у неё большой дом, много денег. Материальное благополучие символически выражается в её полноте, составляющей контраст Бальзаминову. В то же время на Домну и на Евстигнею принято было заниматься домашними делами, поэтому неудивительно, что героиня всё время сидит дома. Также важно, что врач советует героине идти замуж, ведь на Евстигнею семья должна была собраться за большим столом. Героиня одинока, поэтому скучает: праздник перестает быть для неё праздником. И только появление Бальзаминова развеселило героиню. Семантика имени-отчества усиливается фамилией *Белотелова*, отсылающей к одному из самых распространенных в фольклоре клише – *тело белое*, которое может рассматриваться как символ плодородия [Раденкович 1989], а также как указание на различные формы инициации и магических ритуалов [Гультяева 2000]. Таким образом, антропонимы *Домна Евстигнеевна Белотелова* и *Михайло Дмитрич Бальзаминов* свидетельствуют, что герои дополняют друг друга. Белотелова может обеспечить Бальзаминову материальное благополучие, а Бальзаминов Белотеловой – веселую, насыщенную событиями жизнь. Герои и сами, вероятно, чувствуют это, что выражается в сцене знакомства. Хотя оно происходит при явно неблагоприятных обстоятельствах (Бальзаминов, спасаясь от братьев Пеженовых, перелезает через забор и оказывается в саду Белотеловой), герой сразу же понравился невесте. Возникает ощущение, что героиня интуитивно чувствует, что Бальзаминов явно составляет с ней пару.

В то же время Бальзамина привлекает и Раиса Пеженова: она моложе, не такая полная. Но отношения с ней складываются совершенно иначе – она явно не пара Бальзаминову. Имена *Анфиса* и *Раиса* не только созвучны, у них есть немало общих компонентов значения. Анфису в народе называли рукодельницей, день её памяти приходился на 21 декабря (самый короткий день в году). За несколько дней до солнцеворота наступали самые тёмные дни в году, по народным поверьям, наступал разгул нечистой силы. Считалось, что в это время лучше поберечь себя и не выходить лишний раз на улицу. В этот день принято было, чтобы девушки занимались рукоделием, готовили себе приданое: пряли, шили, вышивали. А чтобы избежать сглаза, надо было привязать на запястье нитку.

В православном календаре имени Раиса соответствует имя Ираида, возможно, раньше имя *Раиса* осмыслялось как одна из форм имени *Ираида* (хотя это и не так: имена *Ираида* и *Раиса* разные). В русском народном календаре есть праздник Ираиды, отмечающийся 6 октября. С этого времени приходили холода, а значит, надо было проверить состояние печей и при необходимости пригласить печника, чтобы он сделал ремонт. В этот день делали пробную серьёзную, на несколько часов, протопку и внимательно следили за тем, чтобы печь нигде не дымила, при закрытой вьюшке не шёл в избу угарный газ, а также чтобы печь хорошо держала тепло. Особенное внимание уделялось новым печам, которые были сложены летом. В этот день первый раз мылись в печи (в некоторых областях не строили бань, а мылись прямо в печке: сначала дети, потом взрослые). Печка на Руси имела не только практическое, но и глубокое сакральное значение: она отвечала за жизнь телесную (красный угол – за духовную). При сопоставлении праздников Анфисы и Ираиды (Раисы) выделяется несколько существенных компонентов: эти дни связаны с домашними делами. Кроме того, после Ираиды в основном заканчивались осенние полевые работы, и девушки принимались за рукоделие – зимнее занятие, которому был полностью посвящен праздник Анфисы. Вряд ли случайно, что Бальзаминову Чебаков «оставляет» Раису, имя которой отсылает к телесному (земному) благополучию, что важно для Бальзамина. Однако если Чебаков женится на Анфисе (подготовка приданого, принятая на Анфису Рукодельницу, намекает на предстоящее замужество героини), то Раиса отвергает Бальзамина: она уверена, что ей нужен другой жених. В этом можно увидеть намек на обряд, проводившийся на Ираиду. Человек,

попавший в трудную ситуацию, мог узнать, как скоро она разрешится. Для этого надо было пойти на реку и набрать в два кувшина / кружки одинаковое количество воды, поставить их и наблюдать, где быстрее испарится вода. Если из того кувшина / кружки, где вода была взята из более полноводной реки, то неприятности закончатся скоро, а если из другой – то еще долго ждать конца тяжелого периода. Это вполне соответствует ситуации, в которой оказывается Раиса: она все еще остается у братьев, ожидая, что старшая сестра вызволит её из дома и найдет ей хорошего жениха.

Отчество героинь можно связать с Панфилом, именины которого отмечаются 1 марта и 25 августа, но в народном календаре дня Панфила нет: на 25 августа попадает Фотий Поветный, а на 1 марта Ярилин день, поскольку раньше с этого дня начинался новый год. В пьесе Островского в первую очередь актуализируются мотивы, характерные для Ярилиного дня, который считался одним из переломных моментов в жизни наших предков. Фактически обе героини живут в ожидании перелома, но у одной он наступает, а у другой только появляется надежда на перемены. В этом отношении важно соотношение имён и отчеств героинь. Анфиса связывается с подготовкой приданого, т.е. подготовкой к переломному моменту (что обыгрывается и в сюжете – подготовка к побегу из дома и его осуществление). Раиса же только ждет перемен, но когда они произойдут, неизвестно.

Фамилия *Пеженова* раскрывает в характерах героинь совершенно иную сторону. Она образована от слова *пежить* – ‘делать пегим’, ‘совокупляться’. Оба значения слова обыгрываются в сказке «Мужик, медведь, лиса и слепень» [Афанасьев 1994]. В этом контексте слова Матрёны о том, что братья держат сестёр под замком, потому что, «страм», «очень на мужчин бесстыжи. Такие, говорят, завистливые, что беда» становятся вполне понятны. Да и Анфиса легко соглашается уехать с Чебаковым. Показательно, что про брак фактически речь не идёт: ни разу слова *жениться*, *идти замуж* не используются в контексте отношений Чебакова и Анфисы. Ни он, ни она не оперируют этими понятиями. Вряд ли случайно, что про замужество Анфисы рассуждает Раиса – и то не в связи с Чебаковым, о замысле которого сестры в тот момент ещё ничего не знали. Зато постоянно обсуждается, как Чебаков увезёт Анфису. Таким образом, целью Анфисы является именно бегство на свободу, а не замужество как таковое. Бальзамину же нужно именно

жениться, он постоянно об этом говорит, желание увезти Раису было фактически навязано ему Чебаковым.

Итак, антропонимы *Анфиса Панфиловна Пеженова* и *Раиса Панфиловна Пеженова* указывают на то, что героини вынуждены сидеть дома, хотя в действительности они хотели бы свободно флиртовать с мужчинами, что они и делали до того, как братья заперли их дома. Брак вряд ли является их целью, это скорее средство вырваться из-под опеки братьев. Очевидно, что Раиса не пара Бальзамину: герои по-разному мыслят, у них разные конечные цели. Неудивительно, что возможность бежать с Бальзаминным не привлекает героиню: она предпочитает ещё какое-то время потерпеть тиранию братьев, но не связывать себя с тем, кто ей не нравится. При этом она вполне может флиртовать с Бальзаминным – от скуки и это хорошо.

Если Раисе не повезло, то Анфиса, видимо, уверена, что встретила подходящего человека. И действительно в семантике антропонимов *Анфиса Панфиловна Пеженова* и *Лукьян Лукьяныч Чебаков* есть общие компоненты. В народном календаре есть Лукьян Ветреник (16 июня), считалось, что это самый ветренный день в году, а сам Лукьян – повелитель над ветрами. В народе говорили *На Лукьяна не ложись спать рано, а приглядывайся, откуда ветер дует*. По направлению ветра судили о погоде, урожае, болезнях и т. д. Помимо этого, наши предки произносили заклинание, имевшее непреодолимую силу над ветрами, заставлявшее их служить человеку. В то же время образ Лукьяна представлялся амбивалентным: он мог ассоциативно связываться с вихровыми духами и даже самим дедушкой Вихровым – нечистой силой, живущей в вихрях, которые приносят людям несчастья, болезни и нервные расстройства. Считалось, что в крутящемся вихре празднуют свадьбу ведьма с чёртом. В пьесе Островского Лукьян Лукьяныч несет главную сюжетную функцию: тщательно продумывает побег и затем организовывает его. Однако делает он это не потому, что любит Анфису – Чебакова интересуется исключительно её приданое. Насколько будет удачным этот брак, сложно сказать: на Анфису принято было сидеть дома, особенно девушкам, чтобы не подвергнуться сглазу, не попасть в руки нечистой силы. Да и на Лукьяна женщины занимались домашними делами, о чём, в частности, свидетельствует пословица *На Лукьяна от хозяина пахнет ветром, а от хозяйки дымом*. Побег Анфисы с Лукьяном явно противоречит семантике их имён, возможно, таким образом, Островский хочет

подчеркнуть своеволие героев, которое в народной культуре оценивалось резко негативно. Своеволье Чебакова проявляется также и в том, что он воспринимает окружающих, в частности Бальзамина, как средство достижения своей цели. И как только Чебаков получает желаемое, он бросает Бальзамина. При этом по его вине Бальзамина едва не попался в руки братьям Пеженовым.

Фамилия героя *Чебаков* имеет несколько трактовок. С одной стороны, она намекает на рыбу «из породы карпий, сазанов» [Даль 1994: Стб. 1295], т.е. герою легко ускользнуть. Неслучайно Чебаков отправляет к Пеженовым Бальзамина, самому ему неприлично явиться в чужой дом под видом башмачника. Чебаком также называли «скребок на горных заводах» [Даль 1994: Стб. 1295], это подчеркивает, как долго и тщательно герой готовился увезти Анфису: «...Я здесь другой год живу, нарочно поблизости квартиру нанял. Только, чёрт их возьми, живут очень крепко! Не то что видеться, а и письмо-то передать больших трудов и издержек стоит».

Таким образом, имена персонажей в пьесе Островского «За чем пойдешь, то и найдешь» фактически являются свернутыми мотивами. Они не только раскрывают характеры персонажей, намекают на их главные черты, но и могут указывать на те или иные их поступки. В пьесе явно выделяются антропонимические пары: *Михайло Дмитрич Бальзамино* и *Домна Евстигениевна Белотелова*, *Лукьян Лукьяныч Чебаков* и *Анфиса Панфловна Пеженова*. Именно эти герои в итоге женятся, что в полной мере соответствует заглавию пьесы «За чем пойдешь, то и найдешь», так как в конечном счете эти герои получают желаемое.

Список литературы

Афанасьев А.Н. Русские заветные сказки. СПб.: ТОО «Бланка», АО «Бояныч», 1994.

Гультяева Н.В. Язык русского заговора: лексика: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т 1–4. Т. 4: С–V. М.: А/О Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.

Зеткин С.Н. Традиционное жилище мещан Поволжья: антропологическая соразмерность // Антропологическая соразмерность 3-я всероссийская научная конференция. Доклады. Казань: КГТУ, 2011. С. 136–142.

Исакова И.Н. Имена персонажей в контексте народной культуры («Праздничный сон до обеда» А.Н. Островского). // Антропологические сдвиги переломных эпох и их отражение в литературе: сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. 1. / Гродно: Гргу им. Я. Купалы, 2014. С. 366–375.

Исакова И.Н. Ономастическое пространство пьесы А.Н. Островского «Гроза» как символическое отражение сюжета и его трагической развязки. // Сюжетология и сюжетология № 1. 2015. С. 73–82.

Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М.: АСТ, Астрель, Русские словари, 2005.

Раденкович Л. Символика цвета в славянских заговорах // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы / отв. ред. Н.И. Толстой. М.: Наука, 1989. С. 122–148.

Савушкина Н.И. Традиции фольклорной драмы в творчестве А.Н. Островского // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1993. № 6. С. 3–11.

Филиппов Т.И. Не так живи, как хочется. Народная драма в трех действиях. Сочинение А.Н. Островского. Москва. 1855 год // Филиппов Т.И. Русское воспитание. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 81–115.

I.N. Isakova

Anthroponyms as a way to understanding the plot of the comedy

“The Marriage of Balzaminov” by A. N. Ostrovsky

The semantics of anthroponyms is analyzed in connection with the folk calendar, where on the feast day of each saint there were rituals, determined by tradition. These rituals can indicate certain character traits, elements of his behavior. Thus you can find the main stages of the story. Anthroponyms of the play are combined in pairs, and there is mutual sympathy between these characters.

Key words: anthroponym, A.N. Ostrovsky, folk calendar, customs, plot, character.

*Э.Х. Кадирова
(Казань, Россия)*

Ономастические реалии в рассказе А. Халима «Казыктагы тальян (Тальянка на плетне)» и особенности их перевода

Целью данной работы является анализ передачи на русский язык наиболее интересных ономастических реалий из рассказа А. Халима «Казыктагы тальян (Тальянка на плетне)».

Ключевые слова: татарская литература, Айдар Халим, ономастические реалии, антропоним, перевод.

Для современной татарской прозы важно воспроизведение культурно-исторического и, что особенно важно, национально-исторического колорита. Айдар Халим (Халимов Борис Назметдинович) – известный татарский поэт, драматург и публицист. Автор нескольких десятков книг стихов и прозы, ряда драматических произведений. Его произведения насыщены именами известных

личностей, литературных персонажей, включёнными в художественный текст. Например, только в рассказе «Подсолнух» («Көнбагыш чэчэг») можно встретить несколько десятков таких обращений. Упоминая имена известных русских, зарубежных писателей А. П. Чехова, М. Горького, Э. Хемингуэя, Т. Шевченко, также татарских классиков Г. Тукая, Х. Такташа, Г. Ибрагимова, известных артистов К. Лаврова, С. Краморова, литературных образов, как старик Хоттабыч, автор делает отсылки не только на произведения мировой художественной литературы, но и поднимает важные общественно-политические и социальные проблемы современности [Гайфиева 2010: 12]. В рассказе «Казыктагы тальян (Тальянка на плетне)» автор также употребляет немало реальных и вымышленных ономастических реалий. Данное произведение переведено на русский язык Ф. Фаизовым [Современная татарская проза 2007: 415–463].

В *Таблице 1* представлены некоторые примеры ономастических реалий, отобранные из рассказа «Казыктагы тальян (Тальянка на плетне)» и их переводы.

Рассматриваемые реалии согласно классификации, предложенной Г. Д. Томахиным [Томахин 2008: 8], к первой группе относятся ономастические реалии:

1. Топонимы: *Ашкадар* ‘Ашказар’, *Стәрлебаиш* ‘Старлибаш’, *Мулла-Гөлем* ‘Мулла-Гулюм’, *Колтамак* ‘Култамак’, *Мәскәү* ‘Москва’, *Казан* ‘Казань’, *Яңа Ишле* ‘Яна Ишле’, *Италия* ‘Италия’, *Өязебаиш* ‘Уязибаш’;

2. Антропонимы: *Бәгърем* ‘Багрим’, *Разия* ‘Разия’, *Гыймакай бабай (Гыйльметдин)* ‘Гимакай, Гильмутдин’, *Айсин* ‘Айсин’, *Ихсан* ‘Ихсан’, *Сабиржан* ‘Сабирзян’, *Зиннәтулла* ‘Зинатулла’, *Гамир* ‘Гамир’, *Раһиба* ‘Рагиба’, *Мәсгутъ* ‘Масгут’, *Өммегөлсем* ‘Уммугульсум’, *Мәхмүт* ‘Махмут’, *Карамысла* ‘Карамысл’, *Рәис* ‘Раис’, *Минәхмәт* ‘Минахмет’, *Мөстәкыйль* ‘Мустакиль’, *Сабир* ‘Сабир’, *Әгъләм* ‘Аглям’, *Мөхлис* ‘Мухлис’, *Мәстүрә* ‘Мастура’, *Суфиян* ‘Суфиян’, *Дәйнәп*, *Зәйнәп* ‘Зайнаб’, *Госман* ‘Госман’, *Рәкья* ‘Ракья’, *Дарига* ‘Дарига’, *Һәдия* ‘Хадия’, *Ева Браун* ‘Ева Браун’, *Гитлер* ‘Гитлер’, *Тукай* ‘Тукай’, *Сталин* ‘Сталин’, *Тәнзилә* ‘Танзиля’, *Шаләпин* ‘Шаләпин’, *Сәйдәшев* ‘Сайдашев’, *Сәгыйть* ‘Сагит’ и др.;

Таблица 1

«Әтиенне жирлэргә нигә кайтмадың?» – дип сораганнар, имеш, <i>Донбасста</i> яшәгән бер зимагур шахтердан. 201с.	Одного татарина, работавшего шахтером в <i>Донбассе</i> , спросили: “Ты почему домой не поехал на похороны отца” 416 с.
<i>Гыймакай</i> бабасы – <i>Гыйльметдин</i> бабаларын авыл халкы шулай гына атый – һәм <i>Ихсан</i> белән өчәүләп өч көн дигәндә казыдылар да куйдылар. 203с.	Тогда они выкопали колодец втроем – он с приятелем <i>Ихсаном</i> да дед <i>Гимакай</i> , которого вообще зовут <i>Гильметдин</i> , но деревенские давно уже кличут его попроще – Гимакаем. 417 с.
Кайдадыр <i>Ашкадар</i> , <i>Ишембай</i> якларында яткан авылдан килгән кода-кодачалар кунактан соң мырлап йоклыйлар, күрәсең. 204 с.	Гости, сваты и сватья, приехавшие со стороны сел <i>Ашказар</i> , <i>Ишембай</i> , еще, видимо, не проснулись, уморенные чрезмерным гостеприимством. 419 с.
<i>Бәгърем</i> нәрнең коесына суга елга аша <i>Разия</i> дә килә башлады. 204 с.	Одно время к колодцу <i>Багрима</i> стала приходиться через речку и соседка <i>Разия</i> . 419 с.
Разияне кияү егете <i>Агыйделнең</i> арьягындагы авылга алып китә. 205с.	Какой-то хмырь должен увезти Разию куда-то за реку <i>Белая</i> . 419 с.
Каршыда, <i>Өязе</i> елгасы аша гына аларның өйләре. 204 с.	Дом их стоит напротив, через речушку с названием <i>Уязи</i> . 419 с.
Бәлки, авылларына нигез салган <i>Әкри-качкын</i> га да катнашы бардыр әле аның. 207 с.	Может он имел какое-то отношение к <i>беглому Акри</i> , который по преданию, основал их село. 422 с.
Ә менә беренче көйләрне аңа шахтадан алып кайткан тальянында <i>Карамысла Рәис</i> абыйсы өйрәтте. Кушаматы шундый аның. 212 с.	Первым мелодиям его обучил вернувшийся из донбасских шахт дядя <i>Раис Карамысла</i> . Это прозвище у него такое – <i>Карамысла</i> . 429 с.
<i>Әчтәт Минәхмәтенә</i> рәхмәт. 212 с.	Спасибо дяде <i>Минахмету</i> . 429 с.
Бар тирә якка сызылып таң ата, ә ул <i>Карлау Башы</i> яланы түбәсендә, аннан <i>Кыңгырау Чиммә</i> буйларында, кыскасы, кайда тели, шунда туктап, гармунында сыздыра. 216 с.	Уже заря занимается, а он никак до дома не дойдет – то у поляны <i>Карлау Башы</i> остановится, то у родника <i>Кыңгырау Чимма</i> – чтобы сыграть пару-другую мелодий на возрожденной гармонии. 433 с.

3. Названия произведений литературы и искусства, исторические факты из жизни страны, названия государственных и общественных учреждений и др.: «*Зәңгәр капка*» «Голубые ворота», «*Шомыртым*» «Черемуха», «*Донбасс*» «Донбасс», «*Идел*» «Идель», «*Корт чакты*» «Пчела укусила», «*Их, алмагачлары*» «Ох, мои яблони», «*Ком бураны*» «Песчаная буря», «*Жанкай-жанаиш*» «Миленький», «*Кара урман*» «Темный лес», «*Васби-камиләкәем*» «Васби-Камиля», «*Ай, былбылым*» «Ох, соловей мой», «*Көймә килә*» «Плывет лодка», «*Кызыл таң*» «Кызыл тан», *Ворошилов исемендәге колхоз* «колхоз имени Ворошилова», *Буденный исемендәге колхоз* «колхоз имени Буденного», *Имәнлек үре* «Дубовый холм», *Питырпаул* «Петропавловское, Питырпаул», *Хлеборов* «Хлеборов», *Будяновка* «Будяновка».

Эти данные позволили определить, какие ономастические реалии доминируют в рассказе А. Халима. В результате, большинство составляют антропонимы, несколько реже встречаются названия, а топонимам отводится незначительная роль.

Таблица 2

Ономастические реалии	Перевод	Принцип перевода
<i>Карлау Башы</i>	<i>Карлау Башы</i>	транслитерация
<i>Кыңгырау Чишмә</i>	<i>Кыңгырау Чишма</i>	транслитерация
Бәгърем	Багрим	транслитерация
<i>Әкри-качкын</i>	Беглый Акри	полукалька
Зимагур Зиннәтулла	Зинатулле Зимагур	транслитерация
<i>Кылтайган</i> Сабир	Сабир <i>Кылтайган</i>	транслитерация
<i>Көнчел</i> Әгъләм	Аглям <i>Кунчель</i>	транслитерация
Сабиржан	Сабирзян	транслитерация
Мөстәкыйль	Мустакиль	транслитерация
Минәхмәт	Минахмет	транслитерация
«Ком бураны»	«Песчаная буря»	калька
«Кара урман»	«Темный лес»	калька
«Ай, былбылым»	«Ох, соловей мой»	калька
«Көймә килә»	«Плывет лодка»	калька
Ворошилов исемендәге колхоз	«колхоз имени Ворошилова»	полукалька
Имәнлек үре	«Дубовый холм»	калька
Мәхмүт	Махмут	транслитерация
Казан	Казань	транслитерация
Әгъләм	Аглям	транслитерация
Өммегөлсем	Уммугульсум	транслитерация

При переводе ономастических реалий существует четыре основных принципа перевода: транслитерация, транскрипция, калькирование, адекватная замена. В *Таблице 2* представлен перевод некоторых отобранных ономастических реалий.

Выбор того или иного приема перевода полностью зависит от лингвистических взглядов и предпочтения переводчика. В произведении А. Халима встречаются «говорящие» имена собственные, где сохранение подсмсла, характеризующего персонажа, является главной задачей переводчика. Например, *Бәгърем*–Багрим ‘душечка, ненаглядный мой’(424 с.). Характерной особенностью жителей большинства татарских деревень является тот факт, что многие из них наряду с личным именем имеют и прозвища. Они выполняют функцию называния и выделения данного человека из числа других. Кроме того прозвища не только называют, но и характеризуют. Айдар Халим в своем рассказе, давая прозвище своим героям, старается выявить в человеке какую-либо черту его характера, внешность, поведение. Переводчик во многих случаях не даёт им объяснения: *Аннан ул Зимагур Зиннәтуллага юнәлә* (218 с.) ‘Потом Айсин пошел к Зинатулле Зимагуру’(436 с.). В нескольких случаях переводчик смысл прозвища раскрывает в тексте: *Беренче итеп, ул авыл башы Кылтайган Сабирга керә* (218 с.) ‘Сначала Айсин решил навестить дом Сабира *Кылтайгана*, что на самом краю села. *Прозвище Кылтайган означало «высокомерный»*’(436 с.); *Айсин, медальләрен ялтыратып, Көнчел Әгъләм ихатасына үтә*(218 с.)‘Айсин звякая медалями, шел к дому Аглыма *Кунчель*, то есть *Ревнивого*’. Иногда прозвище не поддается расшифровке: *Ниһаять, Мәңге Тәширифун Мөхлискә барып керә бу* (219 с.)‘Наконец Айсин направился к дому Мэнге, то есть Вечного *Таширифун Мухлиса*’ (437 с.).

В работе установлено, при передаче реалий на русский язык Ф. Фаизов отдаёт предпочтение транслитерации. Зафиксирован ряд реалий, которые имеют дополнительные пояснения или комментарии, что позволяет сохранить семантическое значение передаваемой реалии.

Список литературы

Федоров А.В. Введение в теорию перевода. М.: Изд-во лит-ры на ин. языках, 1953.–238 с.

Гайфиева Г.Р. Поэтика жанра рассказа в татарской прозе конца XX–начала XXI веков: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2010. 171 с.

Хәлим А. Кыйбла: хикәяләр, новеллалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2005.302 б.

Современная татарская проза. Казань, Татар. кн. изд-в, 2007. 670 с.

Томахин Г.Д. Реалии через американизмы. М.: Высшая школа, 1988. 256 с.

E.Kh. Kadirova

Onomastic realities in the story of A. Halim "Kazyktagy talyan (Talyanka on a wicker)" and features of their translation

The purpose of this work is to analyze the transmission to Russian of the most interesting onomastic realities from the story of A. Halim "Kazyktagy Talian (Talyankana Pletna)".

Key words: Tatar literature, Aidar Halim, onomastic realities, anthroponym, translation.

*Н.В. Казакова, Н.А. Кузьмина
(Ульяновск, Россия)*

Кто же он на самом деле, «человек в капюшоне»? (Система номинаций, представляющих Афрания в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»)

В данной статье к рассмотрению предложена система номинаций (прямых и не прямых), представляющих Афрания в тексте романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Также авторы работы проводят сопоставительный анализ образов Афрания и Воланда на основании сходных способов наименования.

Ключевые слова: номинация, прямая номинация, не прямая номинация.

Он личность незаурядная и таинственная на все сто, – так Иван Бездомный интерпретирует сущность Воланда. Подобное определение мы можем совершенно справедливо «примерить» и на начальника тайной службы при прокураторе Иудеи – Афрания. Возникшая ассоциативная связь между этими персонажами неслучайна, разительную «схожесть» героев отмечали такие исследователи, как Б. Гаспаров [Гаспаров 1994], И. Белобровцева [Белобровцева 2006], С. Кульюс [Белобровцева, Кульюс 2007].

Б. Гаспаров, в частности, говорит, что «ни чертами лица, ни взглядом, ни голосом Афраний непосредственно не напоминает Воланда» [Гаспаров 1994: 61]. Однако при отсутствии явного внешнего сходства обнаруживаются «некоторые тонко замаскированные изоморфные черты» [Гаспаров 1994: 61]: склонность к внезапной и стремительной перемене взгляда, резко

характерный тембр голоса – высокий у Афрания и низкий у Воланда, довольно частое перевоплощение и «схожесть» костюмов (военная хламида и меч у Афрания, черная хламида и шпага у Воланда); невозможность почти наверняка определить национальность героев (Воланд соглашается с атрибуцией «немец», у Афрания национальность не установлена).

И. Белобровцева, С. Кульюс [Белобровцева, Кульюс 2007], ссылаясь на наблюдения Б. Гаспарова [Гаспаров 1994] о сходстве Афрания и Воланда, отмечают, в числе прочего, «тотальную» осведомлённость начальника тайной службы, пространственную схему его появления в главе 25 («он поднимается откуда-то снизу, как будто из бездны, и удаляется туда же» [Белобровцева, Кульюс 2007: 393]). В свою очередь мы хотели бы отметить приблизительное возрастное соответствие: Воланд предстаёт в романе человеком лет сорока, Афраний описан как человек среднего возраста.

Вопрос об «автономности» данных персонажей составляет одну из сложнейших загадок романного текста для булгаковедов. Собственно, в настоящем исследовании мы не ставим перед собой цель однозначно решить эту задачу. Для нас приоритетной целью является анализ системы номинаций, представляющих персонажа под именем Афраний, и выявление тех элементов текста, которые создают эффект присутствия «двойника» в романе.

Отметим, что Афраний не фигурирует вне ершалаимских глав. Под **ершалаимскими главами** следует понимать сегмент текста романа Булгакова «Мастер и Маргарита», повествующий о событиях древнего Ершалаима во времена правления Понтия Пилата и состоящий (в конечной редакции) из четырех глав: глава 2 «Понтий Пилат», глава 16 «Казнь», глава 25 «Как прокуратор пытался спасти Иуду», глава 26 «Погребение». Четыре главы вставного текста поразному называют в булгаковедении. Хронологически первым является название – древние главы. Так они названы в дневниковых записях Е.С. Булгаковой: «Особенно хвалили древние главы, поражались, как М.А. уводит властно в ту эпоху» [Дневник Елены Булгаковой: 192]. Затем в работах исследователей появились названия: исторические, иудейские, «евангельские», «пилатовы», ершалаимские. В самом романе М. Булгакова вставной текст (четыре главы), обладая всеми признаками завершённого авторского текста (титульный лист, начало и конец, делился на главы, перепечатан в

пяти экземплярах), не имеет конкретного названия. Известно лишь со слов мастера, что это роман о Пилате.

Ершалаимские главы не столь густо населены по сравнению с московскими, поэтому каждый персонаж в них заслуживает пристального внимания. Так кто же такой Афраний?

Исследователи приводят различные прототипы образа Афрания. Б. Соколов адресует нас к книге Э. Ренана «Антихрист», в которой Булгаков мог отыскать сведения о «благородном Афрании Бурре, который занимал пост префекта претория Рима и умер в 62 году» [Соколов 1991: 56]. Г.А. Лесскис указывает на «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, где упомянут легат Помпея в Испании, бывший консулом в 60 году до н.э. [Лесскис 1999: 374]. Из других версий следует отметить предположение И. Бэлзы, что имя Афрания попало в роман из «Записок о гражданской войне» Юлия Цезаря, где упоминается Луций Афраний, один из легатов Помпея, избранный на 60-й год до н.э. консулом Рима [Бэлза 1979: 166]. В ранних редакциях романа Афраний носил имя Толмай. Впоследствии имя Толмай приобретает один из помощников Афрания.

Переходя непосредственно к рассмотрению системы наименований, представляющих Афрания в тексте романа «Мастер и Маргарита», обратимся к ключевым понятиям теории номинации. В.Н. Телия понимает под номинацией как процесс наименования, так и результат данного процесса, т.е. значимую языковую единицу, служащую для «называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, словосочетаний, фразеологизмов и предложений» [Телия 1990]. Л.А. Телегин, разрабатывая типологию номинаций, выделяет прямую и непрямую номинации, различающиеся степенью контекстной обусловленности: прямая номинация способна называть объект прямо, непосредственно, независимо от контекста; употребление непрямой номинации вне контекста и вне своего основного значения невозможно [Телегин 2009: 425]. В отношении образа Афрания нами будут рассмотрены прямые и не прямые наименования (в том числе и метонимические замены как частный случай непрямого именования), извлеченные из глав 2, 16, 25, 26. Номинации и фрагменты текста романа даны курсивом.

Номинация *Афраний* является прямой по отношению к данному персонажу и встречается в тексте романа 45 раз, из них в главе 25 – 4 раза, главе 26 – 41 раз. Установить этимологию имени *Афраний* на

основании имеющихся источников не представляется возможным, что также, в свою очередь, способствует упрочению ореола таинственности, окружающего персонажа.

Впервые имя *Афраний* звучит в главе 25 «Как прокуратор пытался спасти Иуду из Кириафа», хотя знакомство читателя с *начальником тайной службы* происходит в главе 2, открывающей «ершалаимский» роман. Подобное построение системы наименований встречаем ранее у Воланда, который является читательскому взору с первых страниц романа: имя *Воланд* возникает лишь в главе седьмой «Нехорошая квартира», но при этом inferнальный герой в человеческом облике принимает активное участие в развитии «московского» сюжета и, соответственно, именуется автором иносказательно.

У Афрания в главе 2 эпизодическая роль, о нём упоминается «вскользь», о чём свидетельствует ряд не прямых номинаций с оттенком неопределённости: *какой-то человек, лицо которого было наполовину прикрыто капюшоном, человек, тот*. Интересно отметить, что повествователем в данной главе выступает именно Воланд, отчего у читателя может возникнуть подозрение, будто он нехотя говорит о самом себе. Далее предположение косвенно подкрепляется репликой Воланда в главе 3 «Седьмое доказательство»: *...я лично присутствовал при всем этом. И на балконе был у Понтия Пилата, и в саду, когда он с Каифой разговаривал, и на помосте, но только тайно, инкогнито...* [Булгаков 2014: 44].

Первая номинация, вводящая Афрания в текст романа – *начальник тайной службы*, – не обнаруживает «генетической» связи с *человеком в капюшоне* в рамках главы 2. Повествователь не вдаётся в объяснения, что перед нами – один и тот же человек. Такой же уклончивой тактики Воланд придерживается и в беседе с Берлиозом и Бездомным, искушая литераторов вопросом существования дьявола и намеренно скрывая свою истинную сущность и перед героями, и перед читателем. Вновь возникает образ таинственного незнакомца, сотканный из аллюзий и намёков.

Тайная служба при римском прокураторе – орган, осуществляющий правоохранительные и, при необходимости, карательные функции. Номинация *начальник тайной службы* применительно к Афранию сообщает читателю о том, что именно он возглавляет данную властную структуру, именно под его

руководством незримо осуществляется слежка за неблагонадёжными гражданами Ершалаима. Прямую параллель нетрудно обнаружить и с московскими главами, где также существует некая организация, всеведущая и вездесущая. Как отмечают исследователи, в частности, И. Белобровцева, С. Кульюс, мотив «ГПУ-НКВД» непрерывно проходит через роман Булгакова [Белобровцева, Кульюс 2007: 124]. При этом в ранних редакциях ГПУ фигурирует под своим названием, в позднем варианте тайная канцелярия становится обезличенной и безымянной. В то же время Афраний не принимает непосредственного участия в осуществлении физической расправы над Иудой. Он отдает приказы своим помощникам, среди которых женщина по имени Низа. Аналогичным образом ведет себя и Воланд, который перепоручает подобные дела своей свите.

Пилат высоко ценит профессиональные и личностные качества Афрания, называя его одним из выдающихся знатоков своего дела и человеком, который никогда не делает ошибок. Афраний настолько прозорлив и осведомлён, что даже прокуратор несколько теряется в его присутствии. Столь же безошибочно Воланд, к примеру, угадывает имена литераторов, чем приводит их в некоторое замешательство.

Значительная группа не прямых наименований сконцентрирована вокруг номинации *человек в капюшоне: какой-то человек, лицо которого было наполовину прикрыто капюшоном; тот самый человек в капюшоне, с которым Пилат имел мимолетное совещание в затемнённой комнате во дворце; третий человек в капюшоне; человек, никогда не расстававшийся со своим капюшоном* и под. Антропоморфный облик персонажа неотделим от такой характерной детали, как капюшон: герой, по словам автора, никогда не расстаётся с ним. Известно, что Булгаков уделял большое внимание деталям внешности, выбор которых всегда непременно мотивирован личностными чертами героя (ср. берёт для Воланда как косвенный признак дьявольской сущности; шапочка для мастера как «вещественное» подтверждение его безымянности и как символ его привязанности к Маргарите). Капюшон для Афрания является средством сокрытия собственного лица от посторонних взглядов; с его помощью персонаж намеренно «обезличивает» себя, что позволяет ему оставаться незамеченным при исполнении должностных обязанностей.

В главе 25, в сцене беседы Пилата и Афрания, автор «обнажает» лицо начальника тайной службы, характеризуя Афрания как *человека*

средних лет, с очень приятным округлым и опрятным лицом [Булгаков 2014: 314], с выражением добродушия на лице и незлобно-лукавым взглядом.

Следующая группа не прямых номинаций объединена наименованиями *гость/пришелец; гость прокуратора; теперешний гость прокуратора; этот самый гость; гость прокуратора, переодевшийся в темный поношенный хитон; хорошо знавший город гость*. Ранее нами были рассмотрены номинации данного круга в отношении образов Воланда и мастера [Казакова, Кузьмина 2016], что позволяет нам ставить Афрания в один ряд с данными персонажами. При этом Афрания не воспринимается резко негативно другими персонажами как чужак, не вызывает отторжения у взаимодействующих с ним – он остается таинственным незнакомцем, не лишённым приятности во внешнем облике.

Что касается национальной принадлежности персонажа, то автор отмечает, что *национальность пришельца было бы трудно установить* [Булгаков 2014: 314]. Это наводит читателя на мысль, что Афрания всё же является иностранцем. Однако автор не берётся выдвинуть предположение на этот счет, в отличие от ситуации с появлением Воланда в главе 1.

Упрочению ореола таинственности вокруг Афрания способствует и мотив перевоплощения, сопровождающий персонажа, что также находит отражение в системе наименований: *человек в капюшоне* → *гость прокуратора, переодевшийся в тёмный поношенный хитон* → *человек в военной хламиде и с коротким мечом на бедре* → *человек, никогда не расстававшийся со своим капюшом*. Воланд также имеет свойство менять облик: является он взору читателя и персонажей в дорогом сером заграничном костюме, с тростью под мышкой; на балу он предстает в грязной заплатанной сорочке, меняя её к концу бала на чёрную хламиду, но не расставаясь со шпагой; на крыше московского здания он изображен в чёрной сутане; на Воробьёвых горах, верхом на коне, Воланд предстает уже в чёрном плаще.

К ситуативным номинациям, представляющим Афрания, принадлежат наименования *тот, кто сидел на трёхногом табурете; сидящий; тот самый человек, что перед приговором шептался с прокуратором в затемнённой комнате дворца и который во время казни сидел на трёхногом табурете, играя прутиком; пришедший; пришедший к прокуратору; явившийся к Пилату человек; всадник;*

въезжающий военный. Читатель обнаруживает Афрания сидящим на трёхногом табурете в сцене казни ершалаимских разбойников. С данным эпизодом перекликается сцена, открывающая главу 29 «Судьба мастера и Маргариты определена», в которой Воланд восседает на складном табурете на крыше одного из красивейших зданий в Москве и наблюдает за тем, как вершится казнь над московским миром и его обитателями, погрязшими в пороках.

К числу метонимических замен, рассматриваемых нами в данной статье как частный случай непрямой номинации, принадлежат не прямые наименования *голова в капюшоне*, *третья фигура* (в сцене расправы над Иудой). Метонимическая замена «выхватывает» из образа какую-либо характерную для персонажа деталь и сосредотачивается на ней, становится подсказкой для читателя, посредством которой он «угадывает» героя в определённом контексте. Номинация *голова в капюшоне* вновь вводит в повествование образ-мотив головы. Голова оказывается наиболее «уязвимым» местом для многих персонажей (Берлиоз, барон Майгель, Иван Бездомный, Пилат и т.д.). Однако голова Афрания предусмотрительно «защищена» от негативных воздействий извне, будь то палящие солнечные лучи, ненужные взгляды и проч. Наименование *третья фигура* (наряду с номинациями *третий*, *третий человек в капюшоне*), которое встречается в сцене убийства Иуды, отсылает читателя к событиям главы 1, когда Воланд, в сопровождении Фагота-Коровьева и Бегемота, покидает Патриаршие пруды в момент гибели Берлиоза под колёсами трамвая, то есть аналогично в составе тройки.

Нами рассмотрена система наименований Афрания в тексте романа «Мастер и Маргарита». Сопоставив образы Афрания и Воланда, мы пришли к выводу, что дословно совпадающих номинаций для данных персонажей сравнительно немного: *человек*, *гость*, *всадник*. Так ли много общего у этих персонажей, как могло показаться на первый взгляд? Мы склонны ответить, скорее, утвердительно на поставленный вопрос, потому как почти за каждой номинацией (или группой номинаций, объединённых тематическим признаком) Афрания кроется отсылка к образу Воланда. На основании всего вышесказанного, мы делаем вывод о том, что даже частичное совпадение номинаций разных персонажей может быть основанием для их сопоставительного анализа. Такую возможность

«ассоциирования» персонажей, в большей степени, предоставляет непрямой тип номинации.

Список литературы

Белобровцева И. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: о проблемах его издания и изучения // Литература. 2006. № 8. 16-30 апр. С. 15–22.

Белобровцева И., Кульюс С. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий. М.: Книжный клуб 36.6., 2007. 496 с.

Бэлза И.Ф. Генеалогия «Мастера и Маргариты» // Контекст-1978.М.: Наука, 1978. С. 156–249.

Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 416 с. (Прим.: Текст печатается по изданию: Булгаков М.А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1990. Т. 5).

Булгаков М.А. «Мой бедный, бедный мастер»: Полное собрание редакций и вариантов романа «Мастер и Маргарита» / издание подготовил В.И. Лосев; научн. ред. Б.В. Соколов. М.: Вагриус, 2006. 1008 с.

Гаспаров Б.М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» // Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука, 1994. С. 28–82.

Дневник Елены Булгаковой. М.: Изд-во «Кн. палата», 1990. 400 с.

Казакова Н.В., Кузьмина Н.А. «Незнакомец в берете» и «гость в черной шапочке» (номинация персонажей в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Современное научное знание: теория, методология, практика. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 декабря 2015 г. В 3-х частях. Часть 1. Смоленск: ООО «НОВАЛЕНСО», 2016. С. 91–95.

Лесскис Г.А. Триптих М.А. Булгакова о русской революции: «Белая гвардия», «Записки покойника», «Мастер и Маргарита»: Комментарии / Г.А. Лесскис. М.: ОГИ, 1999. 427 с.

Соколов Б.В. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: очерки творческой истории. М.: Наука, 1991. 176 с.

Соколов Б.В. Энциклопедия булгаковская. М.: ЛОКИД-МИФ, 1996. 586 с.

Телегин Л.А. Мотивирующий признак и его воплощение в единицах номинации // Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 423–432.

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

N.V. Kazakova, N.A. Kuzmina

Who is the "man in the hood"? (The system of nominations which represents Afranius in the novel "Master and Margarita" by M.A. Bulgakov)

The authors of this article propose to consider the system of nominations (direct and indirect nomination) which represents Afranius in the novel "Master and

Margarita" by M.A. Bulgakov. Also, researchers carry out a comparative analysis of the images of Afranius and Woland on the basis of similar ways of naming.

Key words: nomination, direct nomination, indirect nomination.

Е.В. Карюкова, Е.Ф. Галушко
(Ульяновск, Россия)

Имена персонажей в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история»

Имена персонажей в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история» важны для понимания философского замысла автора, их анализ необходим для выявления значений, принципиальных для интерпретации текста, установления связей между образами, обнаружения присущих И.А. Гончарову универсальных приёмов организации художественного произведения.

Ключевые слова: имя собственное, антропоним, И.А. Гончаров, художественный текст, персонаж, интерпретация, этимология.

2017 год – год 205-летия И.А. Гончарова и 170-летия выхода в свет его первого романа. В апреле 1847 года в журнале «Современник» была опубликована «Обыкновенная история» И.А. Гончарова, которая сразу поставила писателя в ряд первых русских литераторов. Интерес к «Обыкновенной истории» не ослабевает и сегодня. История, описанная в романе, не случайно названа «обыкновенной». Делают близким и понятным роман сюжетные линии, цикличность ситуаций, переживания героев и, в частности, мастерски подобранные имена персонажей, отражающие характер героев романа.

По утверждению Ю. Тынянова, «в художественном произведении нет неговорящих имен» [Тынянов 1977: 52]. Исследованию функционирования и свойств имён собственных в художественном тексте посвящены работы А.В. Суперанской. Она полагала, что «имена в художественном произведении занимают промежуточное положение между именами реальных и вымышленных предметов» [Суперанская 2012: 52]. М.В. Горбаневский считал, что «имена и названия являются неотъемлемым элементом формы художественного произведения, слагаемым стиля писателя, одним из средств, создающих художественный образ. Они могут нести ярко выраженную смысловую нагрузку» [Горбаневский 1987: 93]. Похожую точку зрения имел В.А. Никонов, добавляя при этом, что имя собственное

«может характеризовать социальную принадлежность персонажа, передавать национальный и местный колорит. В художественном произведении имена личные – неотъемлемый элемент стиля, без соотнесения с которым нельзя ими пользоваться» [Никонов 1974: 93].

Специфика анализируемого материала и необходимость выполнения поставленных задач обусловили использование следующих методов: интерпретационного, количественного, обобщения и сопоставления, а также приемов стилистического анализа текста.

Антропонимикон романа И.А. Гончарова «Обыкновенная история» характеризуется схожестью с реальными именами собственными. На первый взгляд имена героев не дают им характеристики. Но анализ этимологии имён и фамилий помогает глубже понять характер персонажа.

События в романе разворачиваются вокруг семьи Адуевых: Александр Федорыч – дворянин, главный герой произведения, Анна Михайловна – его мать и Петр Иванович – его дядя. Фамилия Адуев восходит к диалектному прозвищу: «Адуями насмешливо называли жителей Одоевского уезда, Тульской губернии» [Федосюк 2009: 5]. Место рождения предков рода Адуевых, как подчёркивает автор романа выбором фамилии Адуев для ключевых персонажей своего произведения, – провинция. Атмосфера отдаленной деревушки чувствуется уже с первых страниц произведения. Размеренность, гармония, открытость, простота наполняют дом Адуевых. Хозяйкой всего этого комфорта является Анна Михайловна. Имя Анна древнееврейского происхождения, означает: «грация, милость» [Петровский 1966: 51]. Хозяйка награждает своим благодатным отношением всех вокруг: прислугу, частых гостей, а в особенности единственного сына – Александра. Мать оберегает его от всего дурного, желая ему лучшего. Когда Саша спит, она просит прислугу ходить на цыпочках, когда он собирается в столицу, она тщательно упаковывает его чемоданы, складывая самые лучшие ткани. Но, Александр, выбирая другую судьбу, желая узнать жизнь, уезжает из родного дома, лишаясь материнской опеки. В Петербурге Александр Федорыч сталкивается с иным складом жизни. Он слышит множество упрёков, пренебрежительных и насмешливых замечаний по поводу своего открытого, чистого и идеализированного взгляда на жизнь. Но несмотря на замечания Александр до последних глав романа пытается отстоять свою позицию и доказать, что жизнь

невозможна без фундаментальных духовных ценностей, таких как любовь, дружба, доверие, взаимопонимание. И.А. Гончаров назвал главного героя романа именно так неслучайно. Имя Александр в переводе с греческого языка означает «защищать + муж, мужчина» [Петровский 1966: 44]. Александр защищает свою позицию о главенстве искренних чувств в жизни каждого, о ценности любви и дружбы. И защищает он свою точку зрения в первую очередь от своего дяди. Петр Иванович не верит в искренние чувства, в его мировоззрении все подчиняется рационализму. Как выясняется в конце романа, такое отношение к жизни идет с юности. До переезда в столицу он был влюблен в Марию Горбатову из деревни Грачи, но жизнь в Петербурге сделала его более чёрствым человеком. Имя Пётр в переводе с греческого означает «скала», «утёс», «каменная глыба» [Петровский 1966: 178]. Эти черты отражаются в характере Петра Ивановича. Он имеет свою твердую точку зрения, которую не способны изменить ни родственные связи, ни сентиментальные разговоры, ни уговоры жены, Лизаветы Александровны. Жена Петра Ивановича имеет противоположный характер. Её имя, Лизавета (*разгов.*), имеет древнееврейское происхождение и переводится как «моя клятва, богом я клянусь» [Петровский 1966: 109]. Эти черты отразились в характере тетки Александра. Несмотря на твёрдый характер супруга, скупость чувств, отсутствие духовной близости, она сохраняет ему верность. Особенно ярко это прослеживается в эпилоге романа. Пётр Иванович понимает, что своим отношением превратил Лизавету Александровну в равнодушную и безвольную женщину. И сам пожалел об этом. Он пытается исправить ситуацию и зовет её переехать в Италию. На что Лиза отвечает, что на все воля Петра Ивановича. Патроним «Александровна» указывает на бывалую прежде способность защищать и отстаивать свое мнение. В этом неоспоримое сходство с главным героем. Именно она становится единственным близким другом Александра, поддерживая его в трудную минуту. В романе «Обыкновенная история» И.А. Гончаров впервые употребил «закольцованность» имён персонажей. Подобная аналогия наблюдается также в более позднем романе «Обломов». Главный герой Илья Ильич неслучайно влюбляется в Ольгу Ильинскую. Их внутренняя связь подчеркивается повтором имени героя в фамилии женщины [Николина 2007: 203–204].

Антропонимы, которыми названы жители провинции, деревни Грачи, откуда родом Александр, отличаются от прочих. Чаще всего

употребляются разговорные имена, если речь идет о прислуге – Гришка, Прошка. Однако и у прислуги есть своя иерархия. В тексте читатель встречает имя Аграфена Ивановна, она является прислугой, но обладает более высоким статусом, чем прочие «дворовые» – она первый «министр» в хозяйстве Анны Павловны: ключница. Поэтому при её описании используется форма обращения «имя + отчество». То же самое можно заметить, когда речь идет о камердинере Александра, Евсее. Чтобы подчеркнуть его значимость в барских делах, автор добавляет патроним «Иваныч». Полная форма «имя+ фамилия + отчество» при обращении встречается редко. В деревне Грачи употребление фамилий сведено к минимуму. Лишь об одном из купцов Анна Павловна Адуева говорит, называя его по фамилии, когда укладывает платки в чемодан Саши, собирая его в Петербург: «У Михеева брала по две с четвертью» [Гончаров 1985: 14].

Суффикс *-ев-*, находящийся в составе фамилии, является великорусской патронимической частицей, что позволяет предположить, что Михеев – купец, занимающейся торговлей уже не в первом поколении.

При знакомстве читателя с жизнью Петербурга, И.А. Гончаров вводит иную систему имен. Жители столицы имеют имена более звучные, отличающиеся от прочих – Надежда Любецкая, Платон Новинский, Юлия Тафаева. Даже имена прислуги отличаются от провинциальных. «Василий! ... когда придет мой племянник, то не отказывай...» [Гончаров 1985: 33]. Пётр Иваныч обращается к прислуге полным именем, чтобы указать на принятые формы общения в столице. Фамилии Зарайские и Скачины И.А. Гончаров даёт знакомым Петра Иваныча Адуева. Автор упоминает о них, когда Александр Федорыч рассказывает дяде о своей любви к Наденьке. Петр Иваныч говорит: «А Зарайские и Скачины пристают ко мне: где да где Александр Федорыч? Он вон где – на седьмом небе» [Гончаров 1985: 66–67]. Автор не указывает социального положения этих людей, но можно догадаться, что они имеют высокий чин – иначе Пётр Иваныч не стал бы с ними общаться. Также о знатном происхождении говорит суффикс «-ск-». Фамилии на *-ский / -цкий* преимущественно принадлежали в XIX веке основному знати и дворянству.

Рассмотрение семантики антропонимов помогает лучше понять любовную линию романа «Обыкновенная история».

Первой любовью Александра Федорыча была Софья Михайловна, молодая девушка из деревни Грачи. Имя Софья в переводе с греческого означает «мудрость» [Петровский 1966: 203–204]. Девушка, действительно, обладает бытовой мудростью. Она была бы хорошей покладистой женой, наделенной покорностью. Об этом говорит эпизод прощания Софьи и Александра: «Глаза и все выражение лица Софьи явно говорили: "Я буду любить просто, без затей, буду ходить за мужем, как нянька, слушаться его во всем и никогда не казаться умнее его; да и как можно быть умнее мужа? это грех!» [Гончаров 1985: 20]. Александр любил девушку, но «пока маленькою любовью, в ожидании большой» [Гончаров 1985: 13]– так говорит об их отношениях автор.

Александр Федорыч в Петербурге встречается другую любовь, более серьезную. Это Надежда Александровна Любецкая. Вероятно, фамилия «Любецкая» происходит от слова «любить». В ней воплощаются все романтические надежды Александра, вера в искренние и вечные чувства. Также один из вариантов происхождения фамилии – от производного имени Люба (полное славянское женское имя Любовь, являющееся калькой с греческого [Петровский 1966: 145]), то есть фамилия матронимическая. Такие фамилии встречаются не часто. Традиционно за основу фамилии бралось имя отца, как главы семьи. Но в семье Любецких, за все время повествования, не говорится об отце. Также можно заметить, что главной в данной семье является Наденька. Мать потакает ее капризам.

Также необходимо отметить, насколько незначительной является героиня в глазах расчётливого Петра Иваныча. При разговорах о ней он всякий раз забывает её имя. Марья, Софья, Анюта, Катенька, Юлия, Варенька, Верочка, Сашенька, Наташа, Пашенька, Дашенька, Груня – такое множество имён подобрал для Наденьки дядя Александра, но все имена обезличены. Для Петра Иваныча девушка не является харизматичной личностью, также с его точки зрения банальна история любви к ней, рассказанная племянником.

Нежные чувства Александра и Надежды разрушает появление графа Новинского. Его фамилия оказывается говорящей. Наденьку привлекает все новое и она быстро забывает Александра, увлекшись графом.

Александр долго переживает по поводу предательства и расставания с Надеждой. Но судьба сталкивает его с Юлией Павловной Тафаевой – молодой вдовой. Фамилия «Тафаевы» связана со словом «тафа – фата невесты... Ср. Прииртышье» [Словарь русских народных говоров 2010: 313]. Это подчёркивает статус героини. Юлия ещё недавно была молодой невестой состоятельного генерала, который вскоре скончался. Но в душе она мечтает об уюте, семейном покое и домашнем очаге. В разговорах с Александром они обсуждают перестановку в их дома после женитьбы, какую комнату выделить для кабинета Адуева. Что касается римского женского имени «Юлия», то его вариант мужского родового имени Юлий [Петровский 1966: 234]. Девушка обладает покладистым, меланхоличным характером (на что намекают фоностилистические особенности слова: гармония гласных и сонорных). Она полностью отдается чувству безграничной любви к Александру. Что главному герою вскоре наскучивает.

Александр, считавший главным составляющим семейных отношений – любовь, в конце романа становится черствым и расчетливым, как его дядя. Когда он сообщает о намерении жениться, то даже не называет имени невесты, указывая лишь на то, что она дочь Александра Степаныча, который даёт в приданное «пятьсот душ и триста тысяч денег» [Гончаров 1985: 288].

Отличительной особенностью антропонимикона романа «Обыкновенная история» является разговорное употребление мужских отчеств – Иваныч, Федорыч, Архипыч. Женские же отчества употребляются в литературной форме – Павловна, Михайловна, Ивановна. Данным различием, возможно, автор подчеркнул недопустимость фамильярности по отношению к моральным, духовно чистым женщинам, верным себе и своим чувствам, независимо от статуса и социального окружения.

Таким образом, все имена героев подобраны И.А. Гончаровым с исключительной точностью. Автором используются все возможные варианты комбинаторики назывных знаков в рамках известной антропонимической формулы. Выбор формы зависит от отношения к герою автора или другого персонажа, коммуникативной ситуации, возрастных и социальных критериев именования. Показательно обращение главного героя к женским персонажам романа: он испытывал нежную юношескую влюбленность к Сонюшке, сгорал от перовой любви к Наденьке, был охвачен романтическими чувствами

к Юлии, а в завершении романа женится на девушке, имя которой даже не названо. Происходит изменение характера героя, выраженное в его именных обращениях. Только мать Александра не меняет своего обращения к сыну, ласково называя его Сашенькой.

Итак, имена персонажей и даже отсутствие имени (невеста с большим приданым) в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история» раскрывают философский замысел автора через актуализацию принципиальных для интерпретации текста значений (защитник, камень, мудрость, любовь, надежда, «вещь» и т.д.), установление связей между образами (Александр Адуев – Лизавета Александровна Адуева – Александр Степанович).

Список литературы

- Гончаров И.А. Обыкновенная история. М.: Современник, 1985. 288 с., ил.
- Горбаневский М.В. Иван да Марья. Рассказы об истории русских имен, отчеств и фамилий. М.: Русский язык, 1987. 93 с.
- Николина Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 272 с.
- Никонов В.А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. 234 с.
- Петровский Н.А. Словарь русских личных имён. М.: Изд-во «Сов. Энциклопедия», 1966. 384 с.
- Словарь русских народных говоров. Вып. 43. СПб.: Наука, 2010. 313 с.
- Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Либроком, 2012. 336 с.
- Тынянов Ю.Н. История литературы. Поэтика. Избранные труды. М.: Юрайт, 2017. 353 с. Серия: Антология мысли.
- Фамилии на А // Федосюк Ю.А. Русские фамилии. Популярный этимологический словарь-справочник. М.: Флинта. 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1010455/7/Fedosyuk_-Russkie_familii._Populyarnyy_etimologicheskiy_slovar.htm (дата обращения: 05.06.2015).

E.F. Galushko, E.V. Karyukova

Characters' names in I.A. Goncharov's novel 'A Common Story'

The characters' names in I.A. Goncharov's novel 'A Common Story' are of value to the author's philosophic conception, revealing the meanings essential for the interpretation of the text, forming connections among personages, finding I.A. Goncharov's style techniques of arranging fiction.

Key words: a proper name, ananthroponym, I.A. Goncharov, fiction, personage, interpretation, etymology.

Н.В. Комлева
(Вологда, Россия)

Личные имена и прозвища в повестях и рассказах В.И. Белова

Проза В.И. Белова – богатейший источник для изучения народных форм личных имён и прозвищ. Имена собственные как средство номинации и отображения действительности являются также функциональными единицами основных текстовых категорий, участвующих в формировании смыслового аспекта текста. Личные имена и прозвища принимают непосредственное участие в создании образов персонажей, давая возрастную, социальную, психологическую характеристику каждому из них.

Ключевые слова: личное имя, прозвище, уличная фамилия, неофициальная антропонимия, номинативная цепочка.

Творчество В.И. Белова берёт начало в «деревенской прозе» 60–70-х годов XX века и основывается на народной традиции, связанной с обращением к традиционным ценностям в изображении современной деревенской жизни. Произведения В.И. Белова уже давно привлекают внимание лингвистов обилием диалектной лексики, употребляемой как в речи персонажей, так и в речи повествователя. Кроме того, проза Белова – богатейший источник для изучения народных форм личных имён и прозвищ.

К раннему периоду творчества В.И. Белова относятся повести «Деревня Бердяйка» (1961), «Знойное лето» (1963) и ряд рассказов 60-х годов. В ономастическом пространстве повестей и рассказов функционируют все виды антропонимов: личные имена, отчества, фамилии и прозвища. Целью данной статьи является рассмотрение моделей именования односельчан воссозданного писателем сельского микросоциума, а также факторов, обуславливающих выбор той или иной формы имени в конкретной речевой ситуации. Изучение имени собственного в художественном тексте не должно игнорировать и такой аспект, как роль имени в формировании смыслового аспекта текста.

Первым произведением Белова, обратившим на себя внимание критики, стала повесть «Деревня Бердяйка» (1961 г.). В повести описывается жизнь одной деревни, население которой представлено тремя возрастными категориями жителей: молодёжь, взрослые и старики. Разница в их моделях именования очевидна. Молодых именуют 1) деминутивом личного имени, 2) деминутивом и

фамилией; 3) деминутивом и прозвищем: **Венька** – «...парень без мала шестнадцати лет – один-единственный в деревне Бердяйке «славутник» (т.е. жених), не уступающий коростелям и могущий до утра ворошить тишину деревенской улицы пиликаньем своей гармонии»; **Генка Илюхин** – молодой парень, уехавший работать в город; плотники **Саша Петряев** и **Никиша Сметана**; молодые девушки-доярки **Анютка**, **Валя Новожилова**. Женщины после сорока лет и старше именуется полной формой личного имени и фамилией: **Татьяна Брагина**, **Марья Савушкина**, **Настасья Новожилова**. Для пожилых людей типична однословная модель именования по отчеству: **Андреевна**; **Кузьмич**; а также полная форма личного имени: бабка **Наталья**, дед **Николай**.

Привычными и нейтральными в деревенской среде являются такие формы имён, как: **Венька**, **Генка**, **Анютка**. Эти деминутивы встречаются чаще всего в речи повествователя, а он один из них, т.е. называет персонажей привычными для него самого именами. Именной формант –К(А) не содержит никакой эмоционально-экспрессивной окраски.

Остальные деминутивы употребляются, как правило, при определённых условиях общения. Так, обращение **Веня** несёт в себе более интимный характер: «–**Веня!** – позвала Валя возчика. – Траву завези в тамбур, свали у стенки, в холодке». **Венька** и **Валя** почти одноклассники и работают вместе, между ними дружба. **Нюрой** **Анютка** сама называет себя в письме к подруге, «*Твоя подруга **Нюра***», значит, эта форма имени для более узкого круга людей.

Модели именования персонажей бабка **Наталья** и дед **Николай** употребляются в речи повествователя: «*Упрятав руки под милостивый, цветочками, передник, стояла бабка **Наталья**...*»; «*Дед **Николай** лежал на деревянной кровати, что стояла за печкой, и, ни о чем не думая, тоскливо глядел в сосновый потрескавшийся потолок*». Обращение к этим людям по одному отчеству является принятым в деревенском речевом этикете. Так обращается к бабке **Наталье** председатель: «– Здравствуй, **Андреевна**, что, ко мне никто не приходил?»).

Интересно, что дед **Николай** сам к себе обращается **Кузьмич**: «*Отжил **Кузьмич**, – подумал он, – каюк приходит...*», тем самым обнаруживая, насколько привычно ему это именование в кругу своих односельчан. Из словрассказчика мы узнаем, как звали деда **Николая** в детстве и юности: «*Позднее, когда отец научил владеть топором,*

тосковал *Миколаха* по этим лугам и трескучим крикам коростелей...».

Наблюдение над функционированием в тексте отдельных звеньев номинативной цепочки персонажа **Геннадий Лукинов** <**Геннадий Ильич** <**Генка** <**Генко Илюхин** позволяет обнаружить зависимость модели именованного персонажа от изменения его социального статуса и места жительства: *«На побывку домой ехал мастер стройконторы одного из подмосковных заводов Геннадий Лукинов, по-деревенски Генко Илюхин. <...> И вот теперь зовут Генку уже не Генкой, а Геннадием Ильичом, и под началом у него шестьдесят с лишним человек плотников, каменщиков, разнорабочих...»*, – сообщает нам автор; *«Что-то вроде личность знакомая. Не Илюхи Лукина сынок? – Здравствуй! дядя Никандр! – сказал Геннадий, радостно улыбаясь»*.

В Бердьяке есть следующие социальные категории населения: рядовые работники-односельчане (доярки, трактористы); люди, занимающие руководящие должности (бригадир, председатель колхоза); а также представители сельской интеллигенции (агроном, зоотехник).

Люди, занимающие определённую должность, как правило, не являются коренными жителями деревни, они приехали из города и работают на селе. Именуют их по-другому – официально и не так, как принято в сельском этикете: **Сергей Иванович** – председатель колхоза, квартирующий у бабки Натальи; **Полина Григорьевна** – *«Работала она агрономом, исполняла и обязанности зоотехника»*; **Капитонов** – *«С Капитоновым – заведующим сельхозинспекцией Сергей Иванович схлестнулся еще на прошлой партконференции из-за того, что инспекция неправильно распределила по колхозам концентраты»*.

Оппозиция «свои» (коренные жители села) – «чужие» (приезжие) благодаря использованию различных моделей именованного персонажей обнаруживается в субъектной организации и других повестей и рассказов В.И. Белова. Так, например, в повести «Знойное лето» местные молодые парни именуются **Колька**, **Афришка** (от полного имени *Африкан*), **Анатошка** (от полного имени *Анатолей*), **Ленька по прозвищу Варза**; старик **Петрович** вспоминает своих сверстников и называет их имена – **Миша Балябинец** и **Ондрюха Варза** (видимо, отец или дед Леньки по прозвищу Варза).

«Чужие» отмечены иными моделями именования: **Дина** (дочь председателя колхоза, приехавшая из Москвы) имеет личное имя, явно вступающее в контраст с именами деревенских девушек; председатель сельсовета **Алексей Парменович** имеет прозвище «**Нет необходимости**», которое также не включает его в состав жителей села, где прозвища – обычное явление, а отделяет его от них; председатель колхоза **Андрей Семенович Горбенко** и секретарь райкома комсомола **Женя Суховинов**, (**Евгений Васильевич** – в речи главного персонажа повести Анатошки).

В рассказе «Тиша да Гриша» В.И. Белов в роли рассказчика сам подчёркивает наличие противопоставления моделей именования односельчан моделям именования горожан: *«Прозвище как прозвище, вроде второй фамилии. У всех колхозников есть прозвища, никто за глаза не называет друг дружку по фамилиям или именам. Лишь сельская приезжая интеллигенция называется всегда по имени и отчеству: учителя, фельдшер, агроном и зоотехник очень редко удостоиваются прозвища...»*

Следует особо подчеркнуть лингвистическую ценность повестей и рассказов В.И. Белова в качестве источника изучения прозвищ, бытующих в диалектной языковой среде. В основном эти прозвища представляют собой разновидность неязыковой мотивированной номинации и кроме идентифицирующей функции выполняют функцию характеристики лица, т. к. имеют коннотативную окраску на лексическом или словообразовательном уровне.

Можно выделить прозвища, которые даются человеку по его внешним данным: **Тиша-Каланча** – имеется ввиду высокий рост мужчины: *«Причем была тут особенная хитрая причина, связанная с другим стариком – Пешиным Тихоном, или просто Тишей-Каланчой. В доме Тиши-Каланчи тоже давно ярко горел свет»* [Тиша да Гриша, 315].

Следующие прозвища характеризуют индивидуальные качества именуемых лиц, поведение: **Тилигрим** (от Пилигрим – «странник»): *«–Тилигрим да Тилигрим. А знаете, за что его эдак прозвали? Все по гостям любил ездить. Знакомых на заводил по всему уезду, ко всем, к кому надо и не надо бродил. Любил, чтобы его слушали, как он бывальщинки свои рассказывает»* [Тиша да Гриша, 321]; **Краснопевка** – красиво поющая женщина: *«Он жил у реки в бане вдвоем с матерью, по прозвищу Краснопевка. Её прозвали так за могучий скорбный голос, даже в старости она певала на свадьбах»* [Тиша да Гриша, 312]; **Ленька** по прозвищу **Варза** [Знойное

лето, 222, 245] – в основу данного прозвища положен диалектный глагол *варзать*, который в Словаре вологодских говоров зафиксирован в значении ‘*проказничать*’ как раз на территории родного В.И. Белову Харовского района Вологодской области. Следовательно, *Варза* – это проказник; плохо ведущий себя человек.

В основу других прозвищ легло какое-либо событие, произошедшее в жизни человека: недавно женился, поэтому **Новоженя**: *«Пока ехали по ровному месту, толстуха завязала разговор с беловолосым. Она выедала у него тотчас, что он едет в деревню, что женился недавно и едет за женой, чтобы увезти ее в Липецк. <...> – Что ж, по-вашему, спутники – это ерунда? – отозвался новоженя, как окрестила толстуха белобрысого»* [За тремя волоками, 340]; Колька **Браковка** – парень был признан негодным для военной службы: *«Он важничал и заносился. А мы издалека кричали ему: "Ковка Браковка! Ковка Браковка!" Вблизи мы не осмеливались его так величать: он хоть и был забракован военной комиссией, а все же мог напинать под зад»* [Вор, 362].

Информативность ономастического материала повестей и рассказов В.И. Белова увеличивается за счёт того, что автор зачастую комментирует происхождение прозвища и те обстоятельства, в которых персонаж получает прозвище. Так, например, в повести «Деревня Бердяйка» содержится изложение сразу двух возможных версий происхождения прозвища одного из персонажей: *«**Никиша** – мужчина годов сорока <...> **Никишу**, к примеру, называют **Никандром Ивановичем** только в гостях и во время договора на новый плотничий подряд. Во всех остальных случаях **Никишу** зовут попросту **Сметаной**. Трудно докопаться, с какого колена появилось в роду Смирновых это прозвище. Говорят, что прадед **Никиши**, еще будучи мальчишкой, упер у соседней хозяйки бадью сметаны. С той поры будто бы и приклеилась к нему такая кличка, а от него и пошло. Сам же **Никиша** утверждает другое. По его словам выходило так, что прадед с малолетства не ел сметану, соскабливал ее даже с пирога, и что, мол, за это и получил прозвище. Однако **Никандр Иванович** никогда не обижается, если кто-нибудь в шутку или во зло называет его по прозвищу»*.

Другой герой этой повести Саша Петряев, по прозвищу **Приемыш**: *«Получил он эту кличку из-за неудачливой и давно уже всеми забытой женитьбы. Сразу же после действительной объявлено было, что Саша "выходит в примы", то есть будет жить*

в доме невесты...». С родственниками своей жены Саша Петряев не прожил и года, но прозвище так и закрепилось за ним, что, скорее всего, и определяет поведение и характер данного персонажа. Он внутренне протестует против такого статуса (приёмш) и не спешит снова связывать себя узами брака, хотя и привлекает к себе внимание девушек и женщин Бердяйки.

Неофициальная антропонимия, отмеченная на страницах произведений В.И. Белова, служит наглядной иллюстрацией функционирования имён собственных в диалектной языковой среде, о чем позволяет говорить сопоставление системы именованных персонажей В.И. Белова с данными картотеки Словаря Режского говора. Прозвища жителей Режского сельского поселения Сямженского района Вологодской области (граничащего с Харовским районом – родиной В.И. Белова) образованы по таким же словообразовательным и семантическим моделям: чрезмерно высокий человек – **Колыш**, **Долбило** или, наоборот, человек очень низкого роста – **Воробьёнок**; **Брила** – человек с толстой и отвислой нижней губой; **Кляпоносый** – с приплюснутым носом; **Литавка** – беспокойная женщина, непоседа; **Маслуха** – хитрая женщина; **Матюга** – часто использующий нецензурную брань мужчина и многие другие [КСРГ].

Таким образом, изучение неофициальной антропонимии ранних повестей В.И. Белова позволяет выявить мировоззренческие составляющие воссозданного им в художественном тексте сельского микросоциума. Личные имена и прозвища принимают непосредственное участие в создании образов персонажей, давая определенную характеристику каждому из них.

Примечание

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-04-00205а «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома», а также при финансовой поддержке Департамента экономического развития Вологодской области.

Список литературы

Белов В.И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы. Повести. Рассказы. М.: РИЦ «Классика», 2011. 171 с.

КСРГ – Картотека словаря режского говора, хранится на кафедре русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета.

Personal names and nicknames in the narratives and short stories by V.I. Belov

Prose by V.I. Belov is the richest source for studying folk forms of personal names and nicknames. Being a mean of nomination and reflection of reality, personal names are also functional units of the main text categories involved in the semantic aspect of text formation. Personal names and nicknames directly participate in the creation of characters' images and give a certain characteristic to each of them according to people's age, social status, and psychological features.

Key words: personal name, nickname, street (unofficial) surname, unofficial anthroponymy, nominative chain.

Б.Р. Косанович
(Нови Сад, Сербия)

**Ономастика пушкинских «Песен западных славян»
и её сербские эквиваленты**

Анализ ономастического корпуса, прежде всего антропонимов из «Песен западных славян» (1834) мы проводим с точки зрения этимологии и стилистической фабульно-сюжетной функции, сравнивая их с первоисточником – французским оригиналом П. Мериме («Гузла», 1827), с одной стороны, а с другой – с их сербским переводом (М. Павловича), так же как и переводами пушкинского цикла на сербский язык, осуществленного в Собрании сочинений Пушкина (под ред. М. Павича). Имея в виду предписанные условия печатания, данная статья излагается в сокращенном, предельно сжатом изложении. Вывод: ПЗС являются плодотворным подтверждением пристального интереса Пушкина к сербам, их истории и культуре.

Ключевые слова: Пушкин, Песни западных славян, Мериме, мистификация, сербские и русские имена.

Отправной точкой нашего исследования служит следующее схоластическое высказывание А.Ф. Лосева из его «Философии имени»: *«В имени – средоточие всяких физиологических, психических, феноменологических, логических, диалектических, антологических сфер. Здесь сгущена и нагнетена квинтэссенция как человеческого-разумного, так и всякого иного человеческого и нечеловеческого, разумного и неразумного бытия и жизни»* [Лосев 1927: 43].

В песне 1. пушкинского сборника – «Видение короля» – в самом заглавии выдвинута его жанровая балладная таксономия. В этой же песне намечена и основная характеристика подхода Пушкина к именословию сборника Мериме: редукция исторического дискурса основного текста, равно как и числа личных имён персонажей. У

Мериме боснийский король носит имя *Степан-Фома I*, а палач султана назван *Махмудом*, *Степан-Фома I* был убит своими сыновьями *Степаном II* и *Радивоем*. У Пушкина упоминается только имя изменника-предателя – *Радивоя*, на которого турки надевает кафтан из кожи, содранной с его родного брата. Тот в свою очередь в своих предсмертных муках раскаивается, подразумевается, за отцеубийство, переживая кенозис.

Имя *Радивой* (у Мериме: *Radivoi*) принадлежит к сербским, отсюда вполне естественного в переводе пушкинского текста осталось в этом виде [Puškin: 250]. Этимология имени указывает на его древнесл. и церковносл. происхождение от имени прилагательного / категории состояния: *радъ* – ‘радостный, довольный, приятный, согласный’, им. сущ. *вой* – ‘войско, солдат’; следовательно: *Радован* – ‘рад воевать’ [Šimundić: 281]. Это имя принадлежит к славянским именам древнего происхождения, указывающим на характерные черты его носителя.

Во **второй песне** пушкинского цикла, под заглавием «**Янко Марнавич**», роковые события происходят в *церкви Святого Спаса*. ‘*Съпас*’ – старосл. церковносл. сокращенная форма от *Спаситель*, т.е. Иисус Христос. В переводе на сербский (переводчик М. Живанчевич) по причинам *licentia poetica* задержана краткая форма теонима *Спас*, хотя в повседневном употреблении чаще выступает длинная – *Спаситель*. Интересно, что в то время как в подлиннике песни ударение на топонимике галлюцинантного видения сияния синеватого огонька, витающего над могилой непреднамеренно убитого побратима (у Мериме заглавие «Пламя Перусича» – *La flamme de Perussith*, церковь безымянная), у Пушкина акцент перенесен на горькое раскаивание и катарсис бея Янко Марнавича, который в поисках спасения души весь день молится Богу троекратной Иисусовой «тихонькой молитвой» и умирает.

Янко является уменьшительной формой имени собственного *Ян* < новогреч. *Iánnēs* < евр. *Yōhanan* (причем *Yō* сжато от *Yahveh* – Бог и *hānān* – милостив). Форма *Ян* больше распространена в чешском, польском, белорусском и украинском именословии. Вместо неё в русском и южнославянских языках находим производное имя *Иван*. Форма фамилии *Марнавич* пока не подтверждена нами в практиках личных имён и фамилий. По всей вероятности, она узко областного происхождения. Словари отмечают областн. *мърно* – наречие в значении «прилежно» и глагол *мърнути* = ‘ударить, стукнуть’.

Заблудившаяся пуля Янко попала в «избранного брата» бея *Кирила*. (У Мериме фигурирует его фамилия – Перван, которую Пушкин пропускает). Здесь любопытно, что Пушкин употребляет именно разговорный вариант с одним -л и окончанием -а, вместо канонического *Кирилл*. В переводе на сербский (М. Живанчевич) имя гласит *Кирилло*, что в «Словаре личных имён у сербов» обозначено как вариант от *Кирилл*. [Грковић: 111]. В широком обиходе у сербов находится ещё один адаптированный вариант этого имени – *Ђурило*. Во французском языке (значит и у Мериме) этот антропоним представлен в виде *Cyrille* и является производным от лат. *Cyricus* – ‘господин’. В сербском и русском языках адаптация шла через греческий язык: *Kirios*– ‘господин, владыка’; *Kyrillos* – ‘господний, владыческий’. Таким образом объясняем происхождение великого славянского святителя и просветителя Кирилла, именем которого названа одна из славянских азбук.

Песня 5. – Влах в Венеции – одно из ярких свидетельств пёстрой картины имён / названий этникумов и общественных групп, которые в пушкинском тексте функционируют как ономастиконы, в роли «общего имени»: сербы, турки, евреи (жиды), бошняки, иллирийцы, далматы, власы / морлаки, венецианцы, богумилы (секта)... В песне, о которой сейчас идет речь, вместо довольно мифического народа морлаков (у Мериме его излюбленное *la Morlaque*; этот кайконим перехватил у него и А. Мицкевич). Пушкин говорит о *влах*. Этногенез владх не совсем ясен. Известно, что их название происходит от *vels* – слова германо-славянского происхождения и в архаические времена обозначало *иностранца*, говорящего на латинском и романском языках. В разное время термин *влах* употреблялся для обозначения разных народов /этнических групп: средневековье для жителей Дубровника и итальянского побережья, потом, применительно к сербам в Боснии и Далмации и других кочевых жителей Балкан. Позже турецкие властители стали называть влахами уничижительно своих христианских поданных. Итак, сербский переводчик (Ж. Петрович) пушкинское заглавие перевел как «Влах у Млечима». Названием *Млечи*, обозначающим город и республику Венецию так же, как и их жителей, в XVIII и XIX веке пользовались им славянские народы. (Принято считать, что этот ономастик произошел от странных звуковых чередований – от *Венеци* > *Мнеци* > *Млечи*).

Сказитель *Дмитрий* жалуется, что после разлуки со своей *Парасковьей*, его уговорил «далмат лукавый» отправиться на службу в Венецию, где он и так не нашел счастья. *Дмитрий* по происхождению от греч. *Dēmētrios*. Само имя создано от притяжательного прилагательного *Dēmēter* > *Dēmētrā*. *Деметра* особо почитаемое божество – богиня земледелия и плодородия. В переводе на сербский (Ж. Петрович) герой назван *Дмитар* (сокращ. от Димитрий) *Алексич*. Здесь переводчик ошибся, так как пушкинское *Алексич* является отчеством, образованным от мужского имени *Алексей* (греч. *Alexo* – ‘защищать’).

Парасковья – разговорный вариант женского имени *Прасковья*, от греч. *parasquē* – ‘пятница’. Сербская адаптация *Параскева* (так перевел Ж. Петрович). Существует и сербских разговорный вариант этого имени – *Петка*. Это имя носила известная христианская мученица, особо почитаемая у сербов, тем более, что ее мощи покоятся в Белграде.

Мериме сочинил стихотворение в прозе под заглавием «Монтенегрины» (*Les Monténégrins*). Пушкин перевел его в мелодичное восьмисложное рифмованное стихотворение, под заглавием **9. «Бонапарт и черногорцы»**. Оно не случайно стало культовым для жителей Черногории.

Здесь комментария требует фамилия *Бонапарт*. Это офранцуженная форма семьи уроженцев Корсики, происшедшая от итал. *buona* – ‘добрый, хороший’, и *parte* – ‘часть’. А. Суперанская причисляет её к категориям этимологический смысл которых не имеет ни малейшего значения и которые «переходят из языка в язык без перевода» [Суперанская 1978: 1].

11. «Песня о Георгии Черном», оригинально пушкинская. В ней речь идет об историческом лице, получившем широкую известность как *Карагеоргий Петрович*. На основании рукописи стихотворения «Дочери Карагеоргия» (1820; см. Пушкинский дом, фонд 244, оп. 1, № 830 и № 217-218) видно, что сам Пушкин колебался в наименовании вождя Первого сербского восстания. У него были и варианты: *Георга Черного / Кара Георга*. Четырнадцать лет спустя он уже определился, поставив в заглавие своей песни русифицированный переводный вариант, рядом с именем поставив метафорическое прозвище, и закончив стихом: «С той поры *Георгий Петрович / У людей называется Черный*». Прозвищная кличка, по Пушкину, дана матерью, проклявшей его за убийство отца, что

противоречит версии, по которой кличка мотивирована телесным признаком: так называли его враги-турки из-за смуглого лица (*Kara* по турецк. значит ‘черный’). Его отца Пушкин назвал *Петро*, что является русским диалектным и украинским вариантом христианизованно-византийского имени *Петр*, серб. *Петар*, от греч. *Petros*, лат. *Petrus* – ‘камень, скала, утёс’. Кстати, П. Флоренский это имя приводит в качестве наглядного примера «что всякое личное имя по своей лингвистической материи есть то же имя нарицательное, хотя и приуроченное к определенному лицу» [Флоренский 1988: 50]. Ещё раз обратим внимание на факт, что, заканчивая свою песню, Пушкин называет сербского вождя по имени и отчеству. Здесь было бы уместно вспомнить вывод английского теоретика Дж. Андерсона: «... патронимы сызнова возвращают нас к семейным реляциям» [Anderson 2007: 301]. У сербов не принято называть по имени и отчеству, но все-таки переводчик М. Павич употребил инверсивную фольклорную синтагму *Петровићу Ђорђе*. И не ошибся, а правильно сделал, так как в сербской и черногорской традиции в старые времена фамилии строились от имени отца, что было мотивацией в случае не только сербской, но и черногорской династии *Петрович*. С другой стороны, с точки зрения генологии любопытно, что за сербским вождём прикрепилось двухкомпонентное *Карагеоргий*, мотивированное прозвищем (сoгnоmеn ‘Kara’) + личным именем (pгаеnоmеn) *Георгий*. Оно стало не только его родовым, но и фамильным именем Караджорджевичей, (серб. Карађорђевић), одной из двух сербских королевских династий.

И вождю Второго сербского восстания против турецкого рабства, основателю второй династии, Милошу Обреновичу Пушкин от своего имени посвятил оригинальную песню. **12. «Воевода Милош»** («Над Сербией смилуйся Ты, Боже!»). *Милош* – типично южнославянское образование от имени прилагательного *мил(ый)*. Оно встречается, хотя реже, и среди западных славян.

В свете всего нами изложенного делаем вывод, что циклу «Песни западных славян» принадлежит особое место в поэтическом универсуме Пушкина. Общим местом его оценки стало высказывание Достоевского: «*Шедевр из шедевров Пушкина, между шедеврами его шедевр, не говоря уже о пророческом и политическом значении этих стихов*» [Достоевский 1978: 247]. Выбор песен (переводы / переложения, адаптации с французского и свои оригинальные стихотворения), продиктовали своеобразный эклектизм выбора

антропонимов, ономастического фонда в целом. И в этой области Пушкин засвидетельствовал о своей «всемирной отзывчивости», способности перевоплощения.

Имена и фамилии были «заданы» подлинниками Мериме и Вука Караджича, а в авторских стихотворениях «балканской моделью мира», которой он подражал. Совокупный ономастических корпус, антропонимических в частности, показывает, что Пушкин в своих переложениях свои тексты разгружает от многочисленных имен оригинала, а делая выбор, модифицирует их по правилам русской морфологии, фонетики и орфографии.

Ономастика «Песен западных славян» рефлектирует особую социолингвистическую знаковость, отражает различные исторические, социальные, географические, культурные, этнические и конфессиональные сферы Балкан первой половины XIX века. «Песни» отражают пушкинское религиозное настроение в период, когда они были созданы. Он уже крепко занял мировоззренческие позиции христианского православия. В этом смысле характерно перемещение акцента с католической части Адриатики («иллиризма» Мериме) на православных сербов, черногорцев и бошняков, что зеркально отражает ономастика. Переложения / адаптации Пушкина отражают в большей степени дух сербского фольклора и ментальность сербского народа как такового, чем мнимые «источники» Мериме. Это тем более характерно для переводов из *Собрания* Вука Караджича и «подражания сербскому» в авторских песнях самого Пушкина. Благодаря своей гениальности Пушкин сумел хорошо передать колорит и специфику «национальной субстанции» (термин Гегеля) сербского народа. А если переложения из «Гузли» в принципе предполагают возвращение к подлиннику, то и перечень имен из текста Мериме, между прочим, свидетельствует о его подделке.

Крупнейшие авторитету в области стиховедения отмечают значение «Песен западных славян» для продолжения и совершенствования экспериментаторства А. Востокова в развитии русского народного стиха: отказ от чистой силлабической системы, с оглядкой на десятисложный стих сербской народной поэзии [См. Якобсон 1978: 208-209; Гаспаров 1978: 128–129]. Можно сделать окончательный вывод, что гуманистическая, социально-историческая и этическая вертикаль сербских народных песнетворцев нашла свой соответствующий отклик в творческих переложениях, переводах и

авторских песнях Пушкина. В целом сербский эпос в преломлении пушкинского гения, его философии жизни и искусства не только подтвердил, свои художественные качества, но и получил новые измерения.

Примечание

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, в рамках проекта «Своеобразие и мировое значение русской классической литературы (XIX – первая половина XX столетия). Идеалы, культурно-философский синтез, рецепция», № 15-34-11045.

Список литературы

- Гаспаров М. Очерк истории русского стиха. М.: Наука, 1984. 319 с.
- Грковић М. Речник личних имена код Срба. Београд: Вук Караџић, 1977. 324 с.
- Достоевский Ф. О русской литературе. Состав. Ю. Селезнева. М.: Современник, 1987. 399 с.
- Лосев А. Философия имени. М.: Издание автора, 1927. 197 с.
- Мериме П. Гусле или избор илирских песама сакупљених у Далмацији, Босни, Хрватској и Херцеговини / предг., превод и коментари М. Павловић. Београд: СКЗ, 1996. 198 с.
- Пушкин А. Сочинения в трех томах, т. I. М.: ГОСУДИЗДХУДЛИТ, 1955. [Песни западных славян. С. 332-365].
- Пушкинская энциклопедия 1799–1999. Ред. Е. Варшавская, М. Панфилова. М.: АСТ, 1999. 808 с.
- Словарь языка Пушкина, т. 1-4. М.: Госудизд. иностр. и национ. Словарей, 1956–1961. [Т. 1] – ред. Илинская, И. 806 с.; т. 2 – Сидоров В. 896 с.; т. 3 – Сидоров, В. 1070 с.; т. 4 – Григорьев, А. 1045 с.].
- Суперанская А. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1978. 366 с.
- Флоренский П. Магичность слова. Именславие как философская предпосылка. Об Имени Божиим // *Studia Slavica Hungarica*, Budapest, 1988. 34/1-4, S. 25-80.
- Якобсон Р. Пушкин и народная поэзия // Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 206-209.
- Anderson J. *The grammar of names*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 388 p.
- Mérimée, P. *La Guzla ou choix de poésies illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégowine*. Paris: chez F. Ct. Leolault, 1827. XII, 257 p.
- Puškin, A. *Sabrana dela u osam knjiga / Red. i predg. dr M. Pavić, knj. I*. Beograd: Rad, 1979. [Pesme zapadnih Slovena, s. 245-285].
- Smailović, I. *Muslimanska imena orijentalnog porijekla u Bosni i Hercegovini*. Sarajevo: Institut za jezik i književnost, 1977. 580 s.
- Šimundić, M. *Rječnik osobnih imena*: Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske, 1988. 571 s.
- Škaljić, A. *Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku*. Sarajevo: Svjetlost, 1965. 662 s.

Onomastics of the Pushkin's collection

“The Poems of Western Slavs” and its serbian equivalent

The study has discussed the problem of onimization, first of all anthroponyms, from the biggest Pushkin's cycle “The Poems of Western Slavs” (1834). We're doing an analysis from the etymology point of view and stylistic function of fabula and form, comparing them with French original (“Guzla” P. Merimee), and their translations to Serbian language. Conclusion: Onomastics of “The Poems of Western Slavs” is a result of Pushkin's big interest for Serbs and Serbian history and culture.

Keywords: Pushkin, The Poems of Western Slavs, Merimee, mystification, Serb and Russian names.

К.В. Костина

(Арзамас, Россия)

Ключевое слово как библионим или его часть в творчестве В.П. Крапивина

В статье анализируются библионимы нескольких рассказов В.П. Крапивина, связанные с ключевыми словами, через призму ряда основных категорий художественного текста; делается вывод о их семантической емкости, функциональной нагруженности, повышенной силе воздействия, особенно при совмещении сильных позиций.

Ключевые слова: библионим, заглавие, ключевое слово, текст, оним, рассказ, сильная позиция.

В любом художественном тексте есть центральные слова, наиболее тесно связанные с идейно-художественным смыслом, то есть ключевые. Выражая понятия, наиболее значимые для сюжетно-тематического хода произведения [Кухаренко 1988: 49], они при этом представляют основное содержание текста [ср.: Азимов 2009: 95].

Ключевые слова обладают рядом существенных признаков, в соответствии с которыми предлагаются разные принципы их выделения в тексте. Наиболее приемлемым мы считаем мнение Н.А. Николиной, которая перечисляет следующие признаки, позволяющие распознать ключевые слова на фоне других лексических единиц: частотность употребления данных слов в произведении, взаимосвязь двух содержательных уровней текста (собственно фактологического и концептуального), способность к компрессии информации, выраженной целым текстом [Николина 2003: 186–187]. Последний признак особенно ярко проявляется у ключевых слов в позиции библионима.

Библионим – имя собственное, оним, то есть «слово (эквивалент слова), которое называет объект (реалию), выделяя его из ряда ему подобных, индивидуализируя и идентифицируя его и тем самым отграничивая его от других объектов того же ряда, иначе говоря, – это индивидуальное наименование элемента действительности» [Климкова 2007: 59; ср.: Подольская 1988: 91]. Номинанта *библионим* более терминологична, чем *заглавие*, *заголовок*, и потому предпочтительнее в научной статье, что, однако, не исключает, во избежание тавтологии, использование и названных обозначений. Библионим – один из важнейших элементов текста, являясь одной из сильных позиций художественного текста, он призван «особо актуализировать важнейшие смыслы, доминанту произведения» [Костина, Климкова 2015: 187].

Особенности функционирования имеют ключевые слова в роли библионима или его части в творчестве советского и российского писателя В.П. Крапивина.

Так, в рассказе «Победители» повествуется о военной игре в пионерском лагере. Победителями объявлена команда братьев Метелкиных, но Вова Локтев из команды «Лесные стрелки» так не считает, ведь в правилах сказано: «Игра заканчивается, когда в одной из армий все бойцы взяты в плен или считаются убитыми» [Крапивин. Электронный ресурс]. Несмотря на наступившую ночь и поиски мальчика вожатыми лагеря, Володя считает, что если он выйдет из леса, то игра будет окончена по-настоящему, победителем будет объявлена вражеская команда, чего допускать никак нельзя, ведь Вова – трубач, он не может сдаться: «...если сдаются командиры, если погибают бойцы, это еще не все. Не все, если живы трубачи» [Крапивин. Электронный ресурс]. Локтев только выкрикивал из темноты вопрос: «Кто победил?» Позже мальчика всё же нашли и чуть не отчислили из лагеря за нарушение распорядка и срыв общелагерного костра, но вдруг на утренней линейке, во время награждения, Метелкины отдали свои медали Локтеву. «Победители» – ключевое слово: имеет высокую степень повторяемости в тексте – 6 раз (достаточно часто для текста малого объёма), сопрягает два содержательных уровня текста (фактологический и концептуальный, т. е. раскрывающий авторские намерения) и, самое важное, конденсирует информацию всего текста. И ключевые слова, и заглавия художественного произведения обладают этим признаком, а у ключевых слов в роли библионима он проявляется особенно ярко.

Библионим направляет внимание читателя, «предугадывает» потенциальное развитие темы. До прочтения текста заглавие уже содержит в себе смыслы 'успех', 'сражение', 'соревнование'. При возвращении к заглавию после прочтения рассказа, оно наполняется новым смыслом: победитель – тот, кто может проявить свои лучшие качества в непростой ситуации, то есть победителями оказываются обе команды.

Герой рассказа «Гвозди» – второклассник Костик, живший в годы Великой Отечественной войны и мечтавший стать пионером. Однажды зимой мама вместо занятий оставила заболевшего мальчика дома. Оставшись дома один, Костя решает доделать игрушечный автомат, но, чтобы прибить к нему консервную банку, нужны гвозди, которых так не хватает в военное время. Дарит ему гвозди очень худой, недавно поселившийся в соседнем доме мальчик Володя, на первый взгляд показавшийся Косте странным. Ребята сдружились, но после долгой болезни Вова умирает. На похоронах сосед Кости, Боря, рассказывает, что Володю «...в Ленинграде сбросило с крыши взрывной волной, когда он зажигалки тушил» [Крапивин. Электронный ресурс], за что был награждён орденом Красного Знамени. Боря работает в цехе по изготовлению фанерных корпусов для мин и предлагает Косте стать пионером, выполнив какое-либо задание, например, сделав корпус для мины. Однако в цехе не хватает гвоздей. В это же время живший неподалеку Иван Сергеевич Протасов, уклонившийся от фронта, спокойно фанерой закрывает свои дрова, используя при этом новенькие гвозди! Костя добывает драгоценные гвозди, которые пойдут на изготовление корпусов для мин, и этим делает свой вклад в Великую Победу. Словоформа «гвозди» употребляется в тексте рассказа 19 раз, при этом в ней сопряжены два содержательных уровня текста: фактологический (ключевое слово выделяет основные положения текста, главные события текста связаны с этой реалией) и концептуальный. Заглавие содержит в себе информацию, выраженную всем текстом: Родина бросила все свои силы на Победу. Эта предметная деталь рассказа, гвозди, становится средством проверки человека, своеобразной лакмусовой бумажкой, проявляющей сущность человека в тяжелое для страны время: одни жертвуют здоровьем для общего дела (Вова), хотят внести посильный вклад в Победу (Костя), другие же заботятся только о собственном благополучии (Протасов). Гвозди становятся и

символом взросления героя – сначала он использует гвозди для игр, а после добывает гвозди для цеха по производству корпусов для мин.

Библионим тесно связан с текстовыми категориями проспекции и ретроспекции. При виде заглавия не знающий текста читатель может предположить, что речь в рассказе пойдет о крепёжных изделиях. После прочтения текста библионим вбирает в себя содержание всего произведения и наполняется новыми значениями: можно сказать, что гвозди – это не только крепежные изделия, которые добывает герой, но и символ крепости духа, характера, решительности людей, внесших свой вклад в Великую Победу.

В повести «Звёзды под дождём» рассказывается о мальчике Славке, очень любящем астрономию. Во время прыжков с зонтом с крыши сарая он сделал «открытие»: можно сделать планетарий прямо из старого черного зонта! Для этого нужно всего-то сделать ножом в зонте «звёзды», сквозь которые будет видно солнце. Гостившая родственница заметила, что мальчик портит зонт. Стараний героя не оценили, отругали, и он, затаив обиду, пошел гулять под дождём. В трамвае Слава встречает девочку, которая ему нравилась, и рассказывает о своей идее, она даёт ему мел и предлагает карту звёздного неба на зонте нарисовать, но их планам мешает мама девочки. Позже мальчик предлагает прохожим нарисовать на зонтах созвездия и сталкивается с разнообразными реакциями. Строгий капитан сказал, что в этом нет пользы и вообще рисовать на зонтах нельзя. Пара мужчин в трамвае соглашались, но потом вдруг замечают, что нечаянно взяли чужой зонт. Малыш, едущий в магазин, сначала пугается, но потом сам просит нарисовать звёзды и безумно радуется им. На остановке Слава встречает девушку Лену с отцом. Они пытаются подарить промокшему мальчику один из своих зонтов, на что он им предлагает нарисовать звёзды. Они сразу поддерживают идею и даже настаивают сделать проколы шилом, ведь мел сотрётся. Оказалось, что мужчина уплывает в Антарктиду, где нет дождя и этих звёзд. Новые друзья договорились встретиться через полгода. «Дождь» и «звёзды» – ключевые слова. Данные словоформы частотны: «дождь» повторяется в тексте 40 раз, «звёзды» – 98 раз. Эти слова конденсируют в себе информацию, выраженную всем текстом, и соотносят два содержательных уровня текста: ключевые слова отсылают к процессам, происходившим в мире художественного произведения, и через ключевые слова определяется авторское понимание отношений между описанными явлениями. Пейзаж

отражает внутреннее состояние героя: по крышам бьют капли дождя, мальчик едва сдерживает слёзы. Настроение героя дождь мог бы испортить, но на протяжении всего действия он успокаивает мальчика. Звёзды отражаются в лужах, свет фонарей отражается в нарисованных звёздах через лужи. Звёзды – самое главное увлечение героя и источник радости, они олицетворяют мечту героя о космосе. Слава становится счастливым только тогда, когда ему всё-таки удастся создать свои звёзды. Сильнейшую радость мальчик испытывает, когда узнает, что делится своим счастьем с человеком, который долгое время не сможет насладиться красотой звездного неба. При этом стоит заметить, что нарисовать звёзды герою не удалось бы, если бы дождя не было, так как у прохожих не было бы зонтов. Большая употребляемость слова «звёзды» в сравнении со словом «дождь» обусловлена тем, что светлые моменты жизни перекрывают негатив от неудач, разочарований и непонимания.

Антон – герой рассказа «Минута солнца» – в один чудесный летний день задумывается: «...минута – это много или мало?» [Крапивин. Электронный ресурс], вспоминает события из жизни – радостные и печальные: «Край тени уже переполз через бумажный клочок, и минута, конечно, прошла. Она, оказывается, большая, эта минута. Тоник вон сколько успел за неё! Спас от гибели великого путешественника [жука – К.К.]. Вспомнил про самый хороший день. Сочинил не то считалку, не то песенку про облака. И с Петькой решил помириться...» [Крапивин. Электронный ресурс] Слово «минута» используется в тексте 9 раз, что для рассказа небольшого объема является высокой степенью повторяемости, содержит в себе информацию, выраженную целым текстом, и соотносит два содержательных уровня текста: сообщающий сведения о происходивших событиях и раскрывающий авторские интенции. С одной стороны, минута – время, которое даёт мама Тонику, чтобы вернуться домой на обед. Но, с другой стороны, за этот крошечный промежуток времени у героя, увидевшего блеск в траве, успевают промелькнуть множество воспоминаний, минута солнца – символ озарения мальчика. При возвращении к заглавию после прочтения текста минута для читателя уже не просто небольшой отрезок времени, а толчок к действиям – пересмотреть свои поступки, помириться с тем, кто дорог.

Особую нагрузку получают библионимы, которые совмещают три сильные позиции текста: в заглавие, которое само по себе

является онимом и самой сильной позицией текста, включены имя собственное и ключевые слова. Например, заглавие рассказа «Генка и первый "А"». Четвероклассник Генка Казаков не любил учиться. Это дело казалось ему ужасно скучным. Гораздо веселее делать во время урока чёртиков из бумаги и надувать их. Вот только учительница этого не понимала и всячески препятствовала этому занятию. Однажды его, чтобы научился вести себя на уроке, по решению актива класса отправили на перевоспитание в 1 «А» класс. Гену стало не узнать. Имя Геннадий в переводе с греческого языка означает «благородный» [Суперанская 2007: 157], что в полной мере отражает характер героя. Неслучайно библионимом В.П. Крапивин выбрал не просто имя персонажа, а именно сочетание слов «Генка и первый "А"», ведь именно в отношениях с первоклассниками раскрываются лучшие черты главного героя, это становится ясно при возвращении к заглавию после прочтения текста произведения. Для библионима автор выбрал трансформированный антропоним на -к(а) – гипокористику. Это связано с тем, что героями произведений являются дети, книги ориентированы на детскую аудиторию, а в речи детей гипокористики частотны и не имеют отрицательной коннотации. Кроме того, трансформированные имена позволяют точнее и ярче отразить реальную картину общения детей.

Герой повести «Лерка» – мальчик Валерий Сакурин, который приехал отдыхать в пионерский лагерь. Новая вожатая Лена легко находит общий язык с детьми, так как уверена, что в каждом мальчике живёт рыцарь, со всеми ребятами из отряда у неё замечательные отношения. Но Лена не знает, как подойти к Лерке (именно так называют Валерия дети), как заслужить его доверие. Внутренняя форма имени Валерий – «сильный, здоровый» [Суперанская 2007: 155]. Все эти качества присущи главному герою: Лерка постоянно ходит босиком, занимается рыболовством, лепит статуэтки для детей из младших отрядов, участвует в драках из-за термитника, в который хотел поселить муравьёв, гребет тяжёлыми вёслами, стараясь не показывать усталости. Повзрослев, мальчик полностью проявит силу и здоровье, а пока эти качества лишь развиваются, сверстники используют имя-гипокористику Лерка. Через этого героя раскрываются характеры других персонажей: вожатой Лены, ябеды Ларисы Рыбиной, Лодьки и других. Лерка очень выделяется своей «нестандартностью». Недаром отрядные

ребята на удивление взрослых постоянно отвечали с абсолютным спокойствием: «Это же Лерка».

Таким образом, довольно часто в качестве библионима или его части В.П. Крапивин выбирает ключевые слова. Такие заглавия являются особо нагруженными – семантически и функционально, в том числе и потому, что сочетают в себе две сильные позиции текста. Данные библионимы конденсируют информацию, выраженную целым текстом, при этом получают семантическую емкость, реализуя текстовые категории проспекции и ретроспекции, имеют повышенную силу воздействия. Особенно ярко названные признаки проявляются у библионимов, в которых содержатся и имена собственные, и ключевые слова, так как такие заглавия совмещают в себе три сильные позиции текста.

Список литературы

Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.

Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: монография. Арзамас: АГПИ, 2007. 394 с.

Костина К.В., Климкова Л.А. Библионимы в творчестве В.П. Крапивина: семантика, типология // Молодой ученый. 2015. № 22.1. С. 187–191.

Крапивин В.П. Гвозди [Электронный ресурс].
URL: <http://www.rusf.ru/vk/book/pobediteli/gvozdi.htm>

Крапивин В.П. Генка и первый «А» [Электронный ресурс].
URL: <https://fantlab.ru/work34420>

Крапивин В.П. Звезды под дождем [Электронный ресурс].
URL: http://www.rusf.ru/vk/book/pobediteli/zviozdy_pod_dojdem.htm

Крапивин В.П. Лерка [Электронный ресурс].
URL: <http://www.rusf.ru/vk/book/lerka/lerka.htm>

Крапивин В.П. Минута солнца [Электронный ресурс].
URL: http://www.rusf.ru/vk/book/pochemy_takoje_imja/minuta_solnca.htm

Крапивин В.П. Победители [Электронный ресурс].
URL: <http://www.rusf.ru/vk/book/pobediteli/pobediteli.htm>

Кухаренко В.А. Интерпретация текста: учеб. пособие. 2-ое изд., перераб. М.: Просвещение, 1988. 192 с.

Николина Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-ое изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

Суперанская А.В. Имя – через века и страны / Отв. ред. Э.М. Мурзаев. Изд. 2-е, испр. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 192 с.

K.V. Kostina

The keyword as biblionym or his part in V.P. Krapivin's creativity

In article the biblionyms of several stories of V. P. Krapivin connected with keywords through a prism of a number of the main categories of the art text are analyzed; the conclusion about their semantic capacity, functional loading, the increased influence force is drawn, especially at combination of strong positions.

Keywords: biblionym, title, keyword, text, onym, story, strong position.

К.Ю. Курс

(Смоленск, Россия)

Способы номинации города Смоленска в творчестве М.В. Исаковского

В статье проанализирована одна из особенностей идиостиля М.В. Исаковского – номинация географических объектов – на примере анализа именованного города Смоленск. Приведен пример контекстного окружения ойконима Смоленск. Рассмотрен термин перифраза, выделены особенности употребления перифразы в поэтическом тексте. Проанализированы перифразы в тексте М.В. Исаковского, выявлены их коннотативный смысл и связь с биографией поэта.

Ключевые слова: номинация, идиостиль, перифраза, затекстовая информация, М.В. Исаковский, Смоленск.

Литературный критик А. Македонов написал в статье «Красота простоты» следующие строки: «Есть поэты-спутники, участники нашей жизни. Можно сказать – члены нашей семьи. Они всё время живут вместе с нами, они стали неотъемлемой частью нашего сознания – даже тогда, когда мы с ними не разговариваем, и даже тогда, когда мы о них как будто не думаем» [Македонов 1960: 34]. Он говорил о М.В. Исаковском, смоленском поэте, чьи песни до сих пор живут в сердцах русских людей.

В его стихотворениях созданы образы простых русских людей: Катюши, берегущей любовь, солдата, потерявшего жену Прасковью, девушки, которая не гасит огонёк на окошке, и многих других. Также произведениям Исаковского свойственна «географическая конкретность», пафос точной местности, где разворачивается «география жизни» героев поэта и его самого. [Македонов 1960: 16–17].

Одним из главных «географических» образов в творчестве поэта является город Смоленск (данный ойконим употребляется 9 раз).

С особой любовью поэт говорит о Смоленске в произведениях времён Великой Отечественной войны. В трудные годы испытаний он обращается к близким, родным местам, связанным с его детством и юностью:

*Я видел все, что видеть мне пришлось,
Что враг терзал без всяких сожалений...
Но не на миг ему не удалось
Тебя, Смоленск, поставить на колени*
[Исаковский 1981, II: 99].

Упоминая Смоленск в произведениях, М.В. Исаковский использует эпитеты *мой, родной, светлый, гордый, родимый* и др. Не менее интересным нам представляется именование города с помощью перифраз.

Понятие перифраза в филологической науке неоднозначно. Это и «стилистический прием, заключающийся в замене какого-либо слова или словосочетания описательным оборотом речи» [Калтовский 1988: 214], и «один из тропов, в котором название предмета, человека, явления заменяется указанием на его признаки, как правило, наиболее характерные, усиливающие изобразительность речи» [Словарь литературоведческих терминов 1974: 267]. Мы, вслед за Т.В. Лысковой, считаем, что перифраза – «неоднословная вторичная номинация описательного, преимущественно эмоционально-экспрессивного, оценочного характера, представляющая собой семантически неделимое выражение, косвенно указывающее на существенные, отличительные, либо субъективно выделенные носителем языка признаки (признак) обозначаемого объекта или явления действительности» [Лыскова 2007: 113].

В поэтическом тексте перифраза играет важную роль для понимания идиостиля автора, особенно если речь идет о замене онима описательным выражением.

В.М. Калинин ввел понятие «ономастической перифразы», свойствами которой являются отсутствие прямой номинации внутри высказывания, замена её тропом или иносказательной конструкцией (подробнее см. [Калинкин 1991: 224]). Он выделил синонимичные замены типа «собственное имя – словосочетание с онимом», «слово – словосочетание с онимом»; указал, что тип «оним – словосочетание», хотя и является перифразой, но «не рассматривается как достижение поэтического творчества отдельного автора» [Калинкин 2014: 95].

Позволим себе не согласиться с последним утверждением, так как уместное использование известной перифразы в тексте также может характеризовать идиостиль автора и создавать определенный эмоционально-экспрессивный фон произведения.

На наш взгляд, интересной представляется топонимическая перифраза, которая «конструируется из имен нарицательных, но имплицитно отсылает к проприативу, который замещается ею в тексте» [Ильин 2010: 141], «именуют географический объект посредством выделения какого-либо его отличительного признака – той или иной когнитивной составляющей референта» [Ильин 2010: 142].

К.С. Федотова выделяет такой признак перифразы как «многослойность семантики», вследствие чего «перифраза может быть одновременно компонентом поэтической метафоры, раскрывающейся на текстовом уровне» [Федотова 2016: 162].

Обратимся к анализу перифраз в стихотворении М.В. Исаковского «Здравствуй, Смоленск». В их составе есть общий компонент “город”, они являются заменой ойконима **Смоленск**. Выбор той или иной перифразы не случаен, он подчеркивает восприятие города поэтом, его к нему отношение. Доказательством этого являются приведенные цитаты из биографической литературы и использование другой затекстовой информации.

*Здравствуй, город древней русской славы,
Здравствуй, город юности моей!*

[Исаковский 1981, II: 73].

В 1921 году 20-летний М.В. Исаковский переехал в Смоленск, прожил там 10 лет, за которые «много понял, многому научился, многое пережил» [Исаковский 1981, III: 553]. Этим объясняется использование перифразы «город юности моей».

«Город русской славы» – общеупотребительное выражение по отношению к городам, участвовавшим в сражениях с противниками государства, которое до сих пор актуально и понятно носителю языка. Однако поэт дополняет перифразу эпитетом древний, указывая на более чем тысячелетнюю историю города.

*Ты лежал под вражеской пятою,
Залит весь горючею слезой
Что они наделали с тобою,
Город песен, город ясных зорь!*

[Исаковский 1981, II: 73].

Смоленск, как вспоминают друзья поэта, М.В. Исаковский всегда помнил и любил. Он в автобиографической книге «На Ельнинской земле» отметил: «В Смоленске, который стал мне не только близким, но и родным городом, я научился по-настоящему понимать и ценить поэтическое слово. И не только ценить и понимать: я и сам попытался сказать в Смоленске свое первое поэтическое слово» [Исаковский 1981, III: 553].

*Все ты вынес, выдержал, не сдался,
Город-пленник, город всех скорбей*

[Исаковский 1981, II: 73].

В течение двух лет Смоленск был оккупирован фашистскими войсками, частично разрушен. М.В. Исаковский приехал после его освобождения, ходил по улице с «грустным выражением», но радовался начавшемуся массовому движению за восстановление города: «Узнаю смолян! Иначе они не могут!» [Новиков 1986: 108]. Действительно, ни одна война не прошла мимо Смоленска. Поэт сказал: «Все-таки не случайно Смоленск прозвали ключ-городом. Достается ему, бедному, но держится!» [Новиков 1986: 109].

Таким образом, на примере анализа именовании города Смоленска в поэзии М.В. Исаковского, мы доказали, что нести смысловую нагрузку и иметь коннотативную окрашенность могут не только имена собственные, но и перифразы. В художественной речи перифразы служат не только созданию образности текста, но и характеризуют объект по какому-либо признаку, который может быть как общеизвестным, так и окказиональным, авторским [Федотова 2016: 161]. Для понимания перифразы и ее коннотативного смысла необходимо обращаться к затекстовой информации, которая «часто помогает выявить признак, положенный поэтом в основу сопоставления» [Федотова 2016: 162].

Список литературы

Ильин Д.Ю. Ономастические вторичные наименования в языке региональной прессы // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3–2. С. 140-145.

Исаковский М.В. Собрание сочинений в 5 т. М.: Художественная литература, 1981. Т. 2. 590 с.

Исаковский М.В. Собрание сочинений в 5 т. М.: Художественная литература, 1981. Т. 3. 567 с.

Калинкин В.М. Поэтика онима. Донецк: Юго-Восток, 1991. 480 с.

Калинкин В.М. Функции собственных имён как выразительного средства поэтики К.Ф. Рылеева // Восточноукраинский лингвистический сборник.

Сборник научных трудов. Вып. 15 // Редколлегия: Е.С. Отин (отв.ред) и др. – К.: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2014. 360 с. С. 83–110.

Калтовский А.Л. Поэтический словарь М.: Советская энциклопедия 1988, 377 с.

Лыскова Т.В. К вопросу о понятийно-терминологическом аспекте перифразы // Семантика. Функционирование. Текст: международный межвузовский сборник научных трудов. Киров: Изд-во ВятГУ, 2007. С. 105–113

Македонов А.В. Очерки советской поэзии. Смоленск. Книжное издательство, 1960. 243 с.

Новиков Н. Наш добрый друг // Воспоминания о М. Исаковском: сборник. М.: Советский писатель, 1986. С. 109–116.

Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев М.: «Просвещение», 1974, 510 с.

Федотова К.С. Зависимые онимные перифразы в лирике Н.Гумилева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 1. С. 160–162.

K.Y Kurs

Ways of a nomination of city of Smolensk in M.V.Isakovsky's work

In article one of features of M.V.Isakovsky's idiostyle is analysed

M.V.Isakovsky – a nomination of geographical objects – on an example of the analysis naming of the Smolensk. The example of a contextual environment of oikonym Smolensk is resulted. The term periphrasis is considered, features of the use of periphrasis in the poetic text are allocated. Are analysed periphrasis in M.V.Isakovsky's text, are revealed them connotations sense and communication with the biography of the poet.

Keywords: nomination, idiostyle, periphrasis, transtextual information, M.V. Isakovsky, Smolensk.

Н.В. Летаева

(Одинцово, Россия)

Ономастическое пространство прозы М. Агеева

В статье анализируется ономастикон художественных произведений прозаика русского зарубежья М. Агеева. Отмечается роль онимов в выявлении авторской позиции осмысления сложных исторических, религиозно-нравственных и философских вопросов, формировании культуроцентризма как стратегии повествования.

Ключевые слова: русское зарубежье, «незамеченное поколение», проза, поэтика, М. Агеев, оним.

Исследование ономастического пространства художественного произведения является одним из актуальных и перспективных

направлений современного литературоведения, ориентированным на целостное осмысление поэтики и выявление текстопорождающих механизмов художественного дискурса. Ономастикон литературного произведения способствует прояснению интенции автора, формирующей систему образов и деталей, концептуальную основу текста. В данной работе исследовательское внимание обращено на прозу М. Агеева (Марка Леви), представленную двумя произведениями: «Романом с кокаином» и рассказом «Паршивый народ». Эпатажность заглавий и табуированная тематика, скорее, отталкивают, нежели привлекают исследователей русской литературы к прозе М. Агеева, как, впрочем, большинство произведений прозаиков так называемого «незамеченного поколения», которых обвиняли в упадочничестве, разрушении «мировоззрений», отсутствии «морального знания» [Газданов 1936]. М. Агеев, однако, в своих произведениях касается сложных исторических, религиозно-нравственных и философских вопросов, и важную роль в прояснении авторской позиции в решении этих вопросов играют онимы.

В центре произведений М. Агеева оказывается образ дореволюционной и большевистской Москвы, своеобразный, нетипичный для московского текста русской литературы, поскольку на уровне цветописи, городского пространства коррелирует с образом Петербурга [Летаева 2016]. Вероятно, поэтому Москва представлена ограниченным кругом урбанонимов и годонимов, имеющих тем не менее важное значение для поэтики прозы автора. Вербализуя пространство Москвы, М. Агеев повествует о реалиях, не только существующих в 30-е годы XX века («Роман с кокаином» и «Паршивый народ» написаны в 1934 году), но и ушедших в историю в связи с социокультурными изменениями, обусловленными революцией 1917 года: Косом переулке, Тверском бульваре, Страстном бульваре (возможно, о Страстном монастыре, снесённом в 1937 году, и его знаменитых колоколах идёт речь в «Романе с кокаином» [Агеев 1990: 63, 93]), Петровском парке, большая часть которого была отведена под строительство стадиона «Динамо», Тверской и Тверской-Ямской, ставших частью улицы Горького, Ильинке, переименованной в улицу Куйбышева, известных ресторанах «Яр», «Орёл», знаменитых магазинах Абрикосова, Мюра, национализированных после революции, отделении Промбанка.

Определяя Москву центром художественного пространства

своей прозы, М. Агеев формирует топонимическую периферию, имплицитно представленную в произведениях, во-первых, Германией в связи с Первой мировой войной, во-вторых, Ясной Поляной в связи с аллюзией на имя Толстого, в-третьих, Казанью в связи с одним из образов «Романа с кокаином», сыном казанского лесопромышленника Егорова, наконец, Киевской губернией (Киевщиной) и Белой Церковью в связи с первыми пореволюционными годами и разгулом бандитизма на юге. Каждый топоним представляет сложную культурно-историческую мифологему, необходимую автору для осмысления происходящего в России в начале XX века. Топонимический корпус раскрывает причины и истоки падения Российской империи и исторические параллели освободительных движений, важных для русского зарубежья, веровавшего в скорое избавление России от большевизма и возвращение на родную землю. Как писал Д. Лихачёв, «исторические названия – это культуuroобразующие скрепы между прошлым, настоящим и будущим» [Лихачёв 1991: 2]. В то же время в соединении немногочисленных, но важных топонимов читается известное религиозно-философское восприятие России как центра соединения Востока и Запада.

Акцент на восточно-западном окружении Москвы (шире – России) поддерживается этнонимами и антропонимами, составляющими образную систему прозы М. Агеева и формирующими оппозицию «свой – чужой». В соединении в художественном пространстве текстов сына богатого еврей-меховщика Штейна, еврея Айзенберга, армянина Такаджиева, преподавателя немецкого языка фон Фолькмана, директора гимназии Рихарда Себастьяновича Кеймана / Клеймана, «стройного блондинчика» Еселевича, официанток / кельнерш Нелли / Нельки / Настюхи и Китти / Катюхи, полумифических персонажей-кокаинистов со сложными онимами Зандер, Хирге, Мик, условных спортсменов Ивана Цыбулькина и Ганса Мюллера очевидно влияние, как это ни парадоксально, еврейско-немецкого «союза» на российское общество. В прозе М. Агеева явственно внимание к еврейскому вопросу, объясняемое прежде всего национальной принадлежностью автора. Однако М. Агееву важно актуализировать сложный исторический путь этноса, сформировавший устойчивое отношение общества к евреям как к «паршивому народу», что и вынесено в заглавие рассказа М. Агеева

как сильную позицию текста. Отметим, что этноним в рассказе «Паршивый народ» появляется в финале произведения, в целом посвящённого делу Руденко, не имеющему к евреям прямого отношения. Таким образом формируется рамка художественного текста, подчёркивающая особое положение евреев в мире. Полагаем, что подобный акцент обусловлен зарождением фашизма в Германии в 30-е годы XX века, которого не мог не замечать еврей-эмигрант М. Агеев. Вопрос антисемитизма поднимается автором и в «Романе с кокаином» [Агеев 1990: 40–41].

Этнонимы формируют круг московского населения («Велика Москва, и много в ней народу» [Агеев 1990: 21]), в центре которого оказываются немногочисленные персонажи со славянскими онимами: Вадим Масленников, один из немногих, имеющих онимическую вариативность (Вадичка, Вадя, Вадимушка), Зиночка, преподаватель словесности Семёнов, нянька Масленникова Степанида, швейцар Матвей и некий условный Иванов, занимающий центральное место в рассуждениях Масленникова о душе человеческой. Именно «русифицированный» антропоним аргументированно доказывает раздвоенность человеческого сознания, страшную природу человеческой души, присутствие в человеческом обществе того неуловимого принципа зла, который пыталась раскрыть русская литература.

Особое место в системе образов занимают три персонажа. Во-первых, Василий Буркевиц (Васька, Вася), представляющий русскую силу, «которой нет ни препон, ни застав, ни заград», силу одинокую, угрюмую и стальную [Агеев 1990: 37], коррелирующий с образом условного Иванова. Во-вторых, Соня (Софья Петровна) Минц, вовлекающая Масленникова, героя «Романа с кокаином», в сложные межличностные взаимоотношения. Наконец, Егоров, не названный ни разу по имени, утративший по ходу повествования фамилию и именуемый сначала прозвищем Егорушка, затем мифонимом Яг. Именно эти герои в конечном итоге подводят Масленникова к акту суицида. В семантически сложных онимах этих персонажей очевидно соединение «нерусских» коннотаций со славянскими элементами, что, вероятно, отражает позицию автора о губительном влиянии Запада на Россию.

С другой стороны, онимы Вадим и Соня создают своеобразную парадигму интертекстуальности, аллюзивно отсылающую к лермонтовскому Вадиму и Сонечке Мармеладовой Достоевского.

Литературная игра поддерживается вовлечением в образную систему имён русских классиков. Пушкин и Лермонтов появляются в эпизоде «Романа с кокаином», когда священник порицает гимназистов за сквернословие и обращается к русским классикам как образцам «музыки» русской речи. Гоголь формирует экфрасис («Гигантские канделябры по бокам гранитного Гоголя тихо жужжали. <...> А когда мы проходили мимо, – с острога, с каменного носа отпала дождевая капля, в падении зацепила фонарный свет, сине зажглась и тут же потухла» [Агеев 1990: 82]) и метафору корреляции душевного состояния Масленникова с душевным состоянием Гоголя во время работы над вторым томом «Мёртвых душ» [Агеев 1990: 184]. Толстой включён в портретную характеристику служителя зала суда в рассказе «Паршивый народ» («Руки его, как у Толстого, были втиснуты под ремень» [Агеев 1990: 194]), присутствует в рассуждениях о предмете гордости нации («<...> нация гордится своим Бетховенами, Вольтерами, Толстыми <...>» [Агеев 1990: 146]); как аллюзия к аустерлицкому небу «Войны и мира» воспринимается «жидкое московское небо» [Агеев 1990: 63]. В ряду литературных онимов оказывается идеоним Фауст, о котором «трубы пели» на одном из московских бульваров [Агеев 1990: 63], а вместе с ним имплицитно и Гёте с Шарлем Гуно. Таким образом, группу этнонимов расширяют французы и отражают в художественном пространстве прозы М. Агеева смешанный кельтско-романско-германский этногенез. Сложная семантика литературных антропонимов, связанная с этнической и топонимической принадлежностью, особой ролью в мировом сообществе, расширяя художественное пространство прозы М. Агеева, образует новые дискурсы, насыщенные культурологическим подтекстом. В рассказе «Паршивый народ» М. Агеев, используя хремотонимы «Ира», «Ява», «Червонец» (названия папирос), отражает не только приметы советской действительности, но, возможно, отсылает к известным в 20-е годы рекламным работам А. Родченко и В. Маяковского.

Примечательно, что в рассказе «Паршивый народ» используется как исторический антропоним имя Ленина («Он (*Руденко – Н.Л.*) сидел к залу спиной, напряжённо и очень прямо, как сидят куклы, лицом к портрету Ленина над судейским столом» [Агеев 1990: 194]). Этот оним помещён в один контекст с именем Толстого и соотносится, на наш взгляд, с позицией Е. Бакуниной в монологе главной героини романа «Тело»: «И я уроженка неблагополучной

страны, где и глад и мор, мятеж и гнёт сменяли друг друга и где неожиданно, ни с того, ни с сего, рождались и смутьянили души Достоевский и Толстой, Бакунин и Ленин» [Бакунина 2003: 136]. Е. Бакунина, как и М. Агеев, представляет так называемое «незамеченное поколение». Сходство позиций, выраженных в художественных произведениях, вероятно, указывает на тенденцию негативного отношения, в частности, к Толстому.

Художественную картину мира в прозе М. Агеева завершают теонимы. К имени Христа («Но где же были вы, служитель Христа <...>», «И как осмелились вы, прикрываясь именем Христа, нарочито презреть заповеди Того, Чьим светлым именем вы желаете оправдать вашу жалкую жизнь <...>» [Агеев 1990: 49]) обращается Василий Буркевиц в развёрнутом обличительном монологе в традициях героев Достоевского, изобилующем риторическими вопросами и восклицаниями, в адрес священника. Используя тональность и конструкции [Агеев 1990: 48–50], близкие синтаксической организации и тональности той части евангельского текста, где обличаются книжники и фарисеи (Мф. 23: 13-33, Лк. 11: 42-44), автор вводит в пространство своих текстов Священное Писание. Теонимы присутствуют в речи священника («<...> ваш друг, как вы думаете, губит себя за правду Христову <...>», «А ему... пусть будет Бог судья, что старика обидел <...>» [Агеев 1990: 59, 60]) и в разговорной речи других персонажей (*ни Боже мой, прости Господи, ради Бога, вот истинный Господь, возьми ради Христа*), однако, несмотря на междометный характер разговорных речевых конструкций, теонимы неизменно пишутся с прописной буквы. Очевидно, что в архитектонике прозы М. Агеева образ Творца, как это должно быть, незримо присутствует, что подчёркивает метафора, в которой Москва «гигантской лампадой» свисает с неба [Агеев 1990: 123]. Именно в религиозном контексте воспринимаются квазионимы Пророки, Человечность, Справедливость, Благородство Души (Духа), Ярость Скота, Зверство, Проклятие, являющиеся ключевыми в рассуждениях о душе человеческой.

Таким образом, ономастическое пространство прозы М. Агеева, представляющей сложный, многогранный художественный дискурс, насыщенный аллюзиями, культурологическим подтекстом, интертекстуальной игрой, как подсистема образной системы художественного текста соотносит произведения автора с эпохой изображения и временем создания, раскрывает авторский замысел,

формирует культурно-историческое пространство художественных произведений. В выборе онимов, безусловно, отражена авторская модальность, характеризующаяся очевидной установкой на сознание, способное к сохранению культурной памяти. Вписывая свою прозу в культурный контекст, М. Агеев придаёт своим текстам культуроцентристский характер. Сложное наложение литературных и культурологических аллюзий трансформирует «каноническую семантику “готового” сюжета», становится «средством эстетизации прозы, способом литературного самоопределения» [Хатямова 2008: 19], опирающимся на диалогический язык искусства как средство продуцирования новых смыслов, создания инвариантов саморефлексии литературы, в частности, русского зарубежья.

Список литературы

Агеев М. Роман с кокаином: Роман; Паршивый народ: Рассказ / Статья Никиты Струве. М.: Худож. Лит., 1990. 222 с.

Бакунина Е.В. Тело // Мы. Женская проза русской эмиграции / Сост., вступ. статья и комментарии О.Р. Демидовой. СПб.: РХГИ, 2003. С. 135–151.

Газданов Г.И. О молодой эмигрантской литературе // Современные записки. Париж, 1936. Т. 60. С. 404–408.

Летаева Н.В. Московский текст в творчестве М. Агеева // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения»): сборник статей по итогам II Международной научной конференции (г. Москва, МГОУ, 22–23 января 2016 г.) / сост., под общ. ред. Л.Ф. Алексеевой, В.Н. Климчуковой, С.В. Крыловой. М.: НИУ МГОУ, 2016. С. 156–160.

Лихачёв Д.С. Достоинство имени // Сборник материалов Второй Всесоюзной научно-практической конференции «Исторические названия – памятники культуры». М., 1991.

Хатямова М.А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века / Науч. ред. В.А. Суханов. М.: Языки славянской культуры, 2008. 326 с.

N. V. Letaeva

Onomasticon of M. Ageyev's prose

The article analyzes onomasticon in M. Ageyev's prosaic texts, a writer of the Russian Diaspora. The role of onyms in revealing of the author's position in understanding of complex historical, religious, moral and philosophical issues, formation of cultural-centrism as a strategy of narration is noted.

Keywords: Russian Diaspora, “unnoticed generation”, M. Ageyev, prose, poetics, onym.

М.Е. Ляпидовская
(Санкт-Петербург, Россия)

Личное имя и прозвище-апеллятив в рассказе Н.С. Лескова «Дурачок»

В статье прослеживается постепенная смысловая трансформация прозвища-апеллятива, вынесенного в заглавие рассказа Н.С. Лескова «Дурачок». Установлено, что вариантность христианского имени героя соотнесена с большим количеством производящих имён. Личное имя героя и прозвище рассматриваются как способ создания образа персонажа.

Ключевые слова: Лесков, прозвище-апеллятив, личное имя, христианское имя.

Один из литературных критиков Н.С. Лескова, С.А. Венгеров, следующим образом охарактеризовал язык писателя: «немного знает Лесков соперников в русской литературе по колоритности и оригинальности своего языка» [Сементковский 1902: 6]. Действительно, Лесков большое внимание уделял вопросам орнаментирования произведения, в том числе выбору личных имён и прозвищ. В одном из поздних рассказов писателя «Дурачок», написанных на тему праведничества, в качестве заглавия выступает прозвище главного героя. Первоначально рассказ назывался «Прохвост». Слово-заглавие «Прохвост» указывало читателю на то, что речь пойдет о духоборце и раскольнике, который подобно «святым мученикам» в Севастии, «признавал войну делом непримиримым с христианскою верою» [Лесков 1958: 335], а потому «провел всю войну в "профосах"» [Лесков 1988: 413]. Однако цензура не пропустила этого названия, и рассказ был переименован.

Несмотря на то, что в самом тексте слово *дурачок* сохраняет формальные признаки апеллятива (написание со строчной буквы), сам писатель квалифицирует данную номинацию как кличку, прозвище, то есть один из типов онимов в ряду неофициальных именовании человека: *«По академическому словарю, где каждое слово растолковано в его значении, изъяснено так, что "дурак – слабоумный человек, глупый, лишенный рассудка, безумный, шут..." В подкрепление такого толкования приведен словесный пример: "Он был и будет дурак дураком", "дурачок – смягчение слова дурак". Ученее этого объяснения и искать нечего, а между тем в жизни случается встречать таких дураков или дурачков, которым эта кличка дана, но они, между тем, не безумны, не глупы и ничего*

шутовского из себя не представляют. Это люди любопытные...» [Лесков 1988: 408]. Лесков обращается к толкованию слова *дурак*, указывая на «общенародное» (обиходное) значение, то есть на понятийное ядро слова, *закрепленное в толковых словарях*. Значение в данном случае «описано как совокупность признаков» [Стернин 1979: 26] и «представляет собой отражение действительности независимо от индивидуального отношения к ней» [Стернин 1979: 45]. Автор ставит под сомнение точность «ученого» толкования и доказывает это на примере жизни одного праведника. Такой тип «праведника» воплощает «великий закон деятельной любви к ближнему», эти люди «не выступают героями; они как бы совершенно забывают о себе и помнят только о ближнем» [Сементковский 1902: 44].

С точки зрения обыденного ментального сознания поведение главного героя можно объяснить только его глупостью, поэтому за ним закрепляется кличка, которая в действительности не соответствует его внутренним качествам. Подобно антропонимам в семантике прозвища-апеллятива присутствует обязательный для прозвища оценочный компонент, но не отражается характеристика личностных свойств персонажа. Эта оценочность содержится уже в самом толковании лексемы *дурак* – ‘глупый, тупой человек’; *дурачок* – 1) уменьш.-ласк. к *дурак* (в 1 и 4 знач.), 2) устар. и прост. ‘помешанный, юродивый’ [МАС: 453].

В речи персонажей неоднократно встречаются данные номинации героя, но они никогда не звучат бранно, а скорее порицательно, без снисхождения: «*И его, бывало, никто и не жалеет, а все говорят: – Ему ведь ничего, – он дурачок*» [Лесков 1988: 412]. Слово *дурак* также является средством эмоционального выражения отношения персонажей к главному герою: «*И не просит у них, и не жалуется. Дурак!*» [Лесков 1988: 409]. *Дурак* звучит как осуждение поведения и поступков героя. В данном контексте актуализируются основные признаки, входящие в состав денотативного компонента значения – ‘глупый, тупой человек’. Это ближайшее, или формальное, значение слова, по высказыванию А.А. Потебни, «народно». Однако в рассказе Н.С. Лескова слово *дурак* получает дополнительные семантические компоненты: «*кто беспрестанно работает*», «*одет всегда очень плохо и скаредно*», безобиден («*коровница все огурцы и картошки своим детям отдает, а он, хоть бы что ему <...> и не просит у них,*

и на них не жалуется» [Лесков 1988: 409].

Итак, прозвище-апеллятив является одной из основных номинаций главного героя: оно выполняет одновременно функцию номинации и характеристики (выражает общественную оценку персонажа) и имеет референтную отнесенность с христианским личным именем героя (*Паня, Панька, Панюшка*). В рассказе невозможно установить документальное имя героя, так как автор никогда не называет его полным именем, а использует только уменьшительные образования с разнообразными производными основами и суффиксами. Следует отметить, что суффиксы оценки в формах личного имени героя, как и в прозвище-апеллятиве, служат для выражения субъективных этических и эмоциональных оценок персонажа со стороны автора или других действующих лиц рассказа. «Уменьшительность имени, по самому смыслу своему, имеет задачей выразить исключительный характер некоторых личных отношений, некоторый порыв чувства, некоторый особый оттенок обращения, некоторую субъективность» [Флоренский 1993: 96].

В «Словаре русских личных имён» Н.А. Петровского представлен ряд документальных имён, от которых могли быть образованы уменьшительные имена *Паня, Панька, Панюшка*, то есть вариантность имени героя соотнесена с большим количеством производящих имен. При этом большая часть производящих (они выделены) общая для всех вариантов имени:

Панюшка – *Павел, Памфил, Панкрат, Панкратий, Парфен, Парфений*.

Паня – *Олимпан, Олимпиан, Павел, Памфил, Панкрат, Панкратий, Пантелеймон, Парфен, Парфений*.

Панька – *Олимпан, Олимпиан, Павел, Памфил, Панкрат, Панкратий, Пантелеймон, Парфен, Парфений, Пафнутий* [Петровский 1966: 338].

Обратимся теперь к этимологии производящих имён персонажа, которые находят подтверждение в текстовых предикатах. Производные имена героя *Паня, Панюшка, Панька* могли быть образованы от личного имени *Павел* (лат. *paulus* – маленький). В рассказе неоднократно подчеркивается детскость героя: маленький (в значении малолетний). Имя *Панюшка* могло быть образовано и от личного имени *Парфен* (греч. *parthenos* – девственный, чистый). Еще одно производящее имя общее для производных имён *Паня, Панюшка, Панька* – *Памфил* (от греч. *panphilos* – всеми любимый,

милый, приятный). Герой рассказа – Божий человек: «я ведь любимый у господ» [Лесков 1988: 412]. Ср.: Панька ← Олимпан, Олимпиан (от греч. *Olympos*) – местопребывание богов. Отметим, что при характеристике героя постоянно используются однокоренные слова *ласка, ласковый*: «Мы дети <...> глупостей от Паньки не слышали, и даже видели от него ласку, потому что он делал нам игрушечные мельницы... Однако и мы говорили, что Панька дурачок» [Лесков 1988: 410]. Один из главных компонентов значения слова *дурак*, наличие глупости, заменяется на другой (ласковый). Таким образом, христианское имя персонажа (наряду с прозвищем) представляет собой средоточие ядра образа. Развертывание этого «свитого в себя духовного центра имени осуществляется целым произведением, каковое есть пространство силового поля собственных имен» [Флоренский 1993: 25].

Итак, первоначально повествователь знакомит читателя с обиходным (общенародным) значением слов *дурак, дурачок*, которое является результатом обобщения огромного коллективного опыта. Всё то, что выходит за рамки установленных обществом норм поведения, считается дурачеством: «Так Панька и пошёл служить со своим **дурачеством** и провел всю войну в "профосах" – за всеми позади рвы копал да пакость закапывал» [Лесков 1988: 413]. *Дурачество* содержит в самом толковании отрицательную оценку: ‘глупый, нелепый поступок; озорство, шалость’ [МАС: 453]. Однако значение слова в словаре противоречит употреблению слова в контексте произведения: *дурачество* – нежелание убивать ближних.

Преобразование значения и смысловой структуры прозвища-апеллятива завершается появлением новой предикации героя: *праведный*. Слово *праведный* имеет два значения: ‘строго соблюдающий правила религиозной морали; благочестивый’; высок., устар. ‘справедливый, правильный’ [МАС: 352]. Первое значение указывает на связь слова с библейско-евангельскими источниками. Во втором значении слово *праведный* соответствует народному представлению о праведничестве: *праведный* – ‘правдивый на деле, безгрешный’ [Словарь Даля].

В финале рассказа «Дурачок» герой совершает акт милосердия: отпускает на волю лихого вора по имени Хабибула. Это поступок праведного человека, руководимого состраданием к ближнему. Ср.: одно из возможных документальных имён персонажа *Пантелеймон* – милостливый, жалостливый. Хотя слово *праведный* и опирается на

общенародное значение, в контексте рассказа оно утрачивает колорит религиозного правоверия и наполняется иным смыслом. Слово-термин *праведный* выполняет в рассказе особую эстетическую функцию. Этому термину Лесков посвятил специальную статью «О героях и праведниках». Писатель выводит в статье понятие «праведник» в вольную сферу обыденной жизни, не ограниченную рамками церковно-канонизированной святости. «Праведничество» становится синонимом положительности изображаемого человеческого характера. Это слово превращается в своеобразную морально-философскую оценку человека и в финале рассказа становится наряду с личным именем основной номинативной единицей при обозначении главного персонажа.

Обратимся теперь ко второму значению слова *дурачок* – *устар.* и *прост.* ‘помешанный, юродивый’ [МАС: 453]. Юродивый – ‘психически ненормальный’; ‘блаженный, аскет-безумец или принявший вид безумца, обладающий, по мнению религиозных людей, даром прорицания’ [МАС: 775]. Указанные в словаре значения слов не актуализируются в контексте рассказа о «праведнике». Однако слова *юродивый* и *дурак* сближаются по своей семантике. Юродивый – тот, кто приблизился к правде жизни. «Юродивый – это тоже "дурак". Как и всякий дурак, он действует и говорит "невпопад", но как христианин, не терпящий компромиссов, он говорит и ведёт себя как раз так, как должно по нормам христианского поведения» [Лихачев, Панченко, Поньрко 1984: 3]. Ср.: «Христа ради юродивый – человек, избравший особенный путь спасения, по совету ап. Павла (I кор., 318), – представляющийся безумным по наружным поступкам, а на самом деле исполненный истинной мудрости» [Дьяченко 1988: 845]. В «Полном церковно-славянском словаре» при толковании слова *юродивый* упоминается имя апостола Павла (одно из производящих имен героя). П. Флоренский дал подробное описание характера человека, носителя имени Павел: «Павел есть юродивый <...> Павел знает полноту даров, предоставленных миру, и с болью видит, как человек обделяет себя самого <...> И потому Павел борется с человеком ради него самого, но остается всегда непонятым...» [Флоренский 1993: 241]. Такое описание именно типа личности схоже с образом главного героя. Праведник Лескова тоже приближается к истинной мудрости, но его поступки оцениваются окружающими как глупые и нелепые.

Художественный тип значения прозвища-апеллятива *дурачок*

при его прямом употреблении в тексте проявляется в качественном изменении семантических признаков, формирующих реальное значение. Выделение одних сем, неактуальность других, появление новых – все это участвует в формировании текстового значения слов *дурак*, *дурачок*. *Дурачок* лишается основных семантических компонентов: безумный, глупый, шутовской. В рассказе Лескова *дурачок* – тот, кто ласков со всеми, безобиден, незлобив справедлив.

Контекстуально признаковое наполнение апеллятива-прозвища *дурак (дурачок)* смыкается с совокупностью признаков персонажа, заложенных в различных вариантах его имени (маленький, девственный, чистый, милостивый, жалостливый, всеми любимый, милый, приятный, ласковый, Божий человек). Все это позволяет говорить о соотнесенности кореферентного имени собственного и прозвища-апеллятива не только по денотативной, но и по сигнификативной концептуально значимой семантике.

Список литературы

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=32276> (дата обращения 18.04.2017)

Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. / под общ. ред. В.Г. Базанова. Т. 11. Москва: Гослитиздат, 1958. 862 с.

Лесков Н.С. Сочинения: В 3-х т. Т. 3. М.: Худож. лит. 1988. 655 с.

Лихачев Д.С., Панченко А.М. Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука. 1984. 295 с.

Петровский Н.А. Словарь русских личных имен: Около 2600 имен. 3-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1966. 384 с.

Полный церковно-славянский словарь / сост. прот. Г. Дьяченко. М.: Terra: Terra – Кн. клуб. 1998. Т. 2: 568–1120 с.

Сементковский Р.И. Николай Семенович Лесков // Полное собрание сочинений Н.С. Лескова с критико-биографическим очерком Р.И. Сементковского. Т. 1 – СПб.: Издание А.Ф. Маркса. 1902. С.5–66.

Словарь русского языка: В 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд. М.: Русский язык, 1981–1984 (МАС).

Стернин И.А. Проблема анализа структуры значения слова. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1979. 122 с.

Флоренский П. Малое собрание сочинений. Вып. 1: Имена. М.: Купина, 1993. 319 с.

M.E. Liapidovskaia

**Personal name and nickname-appellative in the story
of N.S. Leskov's «Little fool» («Durachok»)**

The article shows the gradual sense transformation of the nickname-appellative used in the title of Leskov's story «Little fool». It is stated, that the variance of the Christian main character's name is corresponding to an amount of deriving names. Personal name and nickname are seen as means of character image creation.

Keywords: Leskov, nickname-appellative, personal name, Christian name.

Е. Малеева

(Вена, Австрия),

Э. Шарфави

(Братислава, Словакия)

**Функционирование антропонимов в произведениях
С. Хоршева-Ольховского**

В статье рассматривается система личных имён, функционирующих в романе С. Хоршева-Ольховского «Четыре бездны». Персонимы в художественном тексте выступают важным фрагментом языковой картины мира писателя. Специфика употребления личных имён характеризует отношения между персонажами, свидетельствует о речевом этикете, отражает самобытность языка донских хуторов и станиц.

Ключевые слова: Хоршев-Ольховский, антропоним, официальные личные имена, неофициальные личные имена

Статья продолжает серию публикаций, посвящённых изучению творчества Сергея Хоршева-Ольховского [см. об этом: Рудыкина 2009; Малеева 2010; Малеева 2015], писателя, редактора, вице-президента и председателя правления Международного союза литераторов и журналистов «АРИА», автора многих произведений различных жанров, опубликованных в журналах, альманахах и сборниках в разных странах. В результате плодотворной работы мастера художественного слова вышли книги «Четыре бездны», «Клетчатый пиджак», «Любовь и грех», «Запах родины». Сергей Хоршев-Ольховский является лауреатом многих премий, среди которых диплом и золотая медаль имени Франца Кафки в номинации проза 2011. Он награждён атаманом Всевеликого Войска Донского и атаманом Верхне-Донского округа казачьей шашкой и медалью. Писатель – уроженец Ростовской области, с 2001 года постоянно проживает в Лондоне.

Материалом для данного исследования являются главы из фольклорно-исторического романа «Четыре бездны», опубликованные в сборнике «Запах Родины» [Хоршев-Ольховский 2015: 95–156], которые по сути являются зачином к казачьей саге. В полной книге, состоящей из 5 частей и 60 глав, повествуется о жизни казаков родом из хуторов, расположенных в верховьях рек Чира и Ольховой, Ростовской области. В основе сюжета лежит рассказанная автором история нескольких поколений главных героев: Николая Сетракова, которого уже давно похоронили в родном хуторе, а судьба забросила его далеко от родины в Литву, и его товарищей по игрищам Степана и Петра Некрасовых. Революция, коллективизация, голодные годы, репрессии, войны – всё то, что пережили казаки, описывается С. Хоршевым-Ольховским на фоне картин хуторской жизни. Автор находится в постоянном поиске и в настоящий момент готовит роман к переизданию.

Особый интерес представляет ономастическое пространство или ономастикон текста романа, который «является воплощением национального в языке, составной частью национальной культуры» [Луговой 2003: 4], его состав, определяемый законами жанра и художественного метода автора, многими индивидуально-неповторимыми творческими особенностями стиля писателя в целом. Как известно, важное место в ономастиконе занимают антропонимы, так как «имя персонажа – одно из средств, создающих художественный образ; оно может характеризовать социальную принадлежность персонажа, передавать национальный и местный колорит» [Никонов 1974: 234]. Исследование специфики функционирования имён собственных (в том числе антропонимов) в текстах художественной прозы освещают работы В.Д. Бондалетова, А.Г. Горнфельда, Ю.А. Карпенко, Ю.И. Левина, В.Н. Михайлова, В.А. Никонова, А.М. Селищева, Г.А. Силаевой, А.В. Суперанской, В.И. Супруна, В.Н. Топорова и др. Эта проблематика затрагивается в кандидатских диссертациях Л.М. Ахметзяновой, Е.А. Белозёровой, Н.В. Виноградовой, И.Б. Вороновой, Е.Ф. Исаевой, А.А. Сивцовой и др. Эти вопросы находят отражение и в словацкой русистике [см. об этом: Múglová 2009; Малеева 2010; Малеева 2015]. Однако, к сожалению, крайне редко учёными анализируются произведения современных писателей русского зарубежья.

Как показал анализ материала, антропонимы в тексте представляют собой как самостоятельные наименования лиц, так и в

сочетании с прозвищем, отчеством, фамилией, а также в качестве компонента официальной трёхчленной структуры именования русского человека: имя + отчество + фамилия. Таким образом, целью данной статьи является анализ инвентаря ономастических средств, обеспечивающих передачу смысловых целеустановок и авторских интенций, связанных со стремлением писателя показать особый мир казаков, уклад их жизни, раскрыть их материальные и духовные ценности.

Трёхчленная структура наименования в тексте встречается крайне редко и используется автором при первом представлении как не-казаков, так и при описании особо важных событий в жизни казаков: *Молодой, тридцати пяти лет от роду, только что получивший завидное наследство купец Игнатий Михайлович Бушуев жутко поссорился в первый год нового, весьма оптимистически начинавшегося для него и для всей России в целом, двадцатого века, впоследствии ставшего самым смутным и кровавым в истории человечества, и даже слегка подрался на осенней ярмарке с настырным, вездесущим лавочником Ванькой Барбашовым* [Хоршев-Ольховский 2015: 102]. *Богатая казачка Серафима Ермолаевна Барбашова на самом деле казачкой по рождению не была – она была дочерью удачливого купца и владельца одного из постоянных дворов на Питерско-Московском тракте Ермолая Агафоновича Похлебаева* [там же: 104]. *Несмотря на позор, учинённый снохой, отставной урядник Донского Атаманского полка Степан Кондратьевич Некрасов позвал на встречу сына много народу и по старинному обычаю поставил на стол две цебарки водки* [там же: 141].

Широко в тексте представлены антропонимы, включающие имя и отчество. Такой тип номинации является уважительным и используется для именования пожилых людей, а также старших родственников. Например: *Сына Романа Иван Фёдорович обучал в столичной гимназии... На первых порах с ней занималась, ради интереса, весьма образованная бабушка Серафима Ермолаевна. Тогда поубавивший спесь Игнатий Михайлович, ставший к пятидесяти годам обширным в теле и слегка раздобревшим, решил прекратить давнюю тяжбу* [Хоршев-Ольховский 2015: 102].

При первом представлении молодёжи автор называет молодых людей по фамилии и имени: *Завидев вновь прибывших, от одной из девичьих стоек отделилась Наталья Лукьянова ... Её близкая подруга, Рая Архипова, такая же озорная и голосистая, тоже*

выскочила, притопывая чириками... [Хоршев-Ольховский 2015: 111]; *Передовую тройку сзади прикрывали Николай Сетраков, Авдей Поляков, Николка Некрасов и Алёшка Цыпкин* [там же: 114].

В ряде случаев автор называет своих персонажей только по фамилии, это обусловлено тем, что речь идёт о второстепенных персонажах в сюжетном повествовании: *Происшествие рассматривал лично хуторской атаман Колычев* [Хоршев-Ольховский 2015: 152]; *Вчерасть Кубанов говорит мне* [Хоршев-Ольховский 2015: 146]. В ряде контекстов фамилия даётся в форме множественного числа и используется для обобщённого наименования членов семьи, например: *Поехали, значит, прошлой осенью соседи наши, Качкины, на паре лошадей в лес за тёрном и калиной* [там же: 106]; – *Бушуевы!.. – обречённо простонал Стёпка, принимая упругое тело любимой в объятия. – Что, Бушуевы? – обмякла Дуняшка. – Сосватали тебя нынче* [там же: 133].

В некоторых случаях автор называет своих героев только по отчеству, при этом антропонимы используются в функции обращения: – *Фёдорович, ты бы нам для начала показал свой красный товар* (во время сватовства) [Хоршев-Ольховский 2015: 132]; *„Пристраивайся, Куприяновна, к нам, – говорят ей Качкины* [там же: 125]. В диалектной и просторечной русской речевой среде, как отмечает профессор В.И. Супрун, «обращение по изолированному отчеству ... является национально окрашенным вокативом» [Супрун 2001: 95].

В тексте представлены имена в полных формах: *Алексей, Ефрем, Иван, Наталья, Никита, Поликарп, Роман, Серафима, Степан, Фёдор* и др. Среди онимов интерес представляет женское имя *Махора*: – *Петя, давай я помогу, – подбежала к ведру Махора Бочарова и зачерпнула пригорошню воды* [Хоршев-Ольховский: 20015: 116]. Автор в примечаниях поясняет: *Махора* – так называли в народе (в описываемые в романе времена и в описываемой местности) всех девушек и женщин, носивших имя Марина [Хоршев-Ольховский 2015: 229]. Примечательно то, что часто героинями рассказов жителя Волгоградской области, калачёвца Бориса Екимова о хуторской жизни являются казачки с именем *Махора*: это Махора Алифанова из рассказа «Привет издалека», согнутая коромыслом Махора из рассказа «Под высоким крестом», сладкая Махора из рассказа «На хуторе». Таким образом, можно сделать вывод о популярности этого женского имени среди казаков и в настоящее время.

Состав личных имён отражает региональную отмеченность,

которая проявляется в том, что в говоре полная форма имени подвергается фонетическим изменениям: *Стяпан* (офиц. Степан), *Гордеич* (офиц. Гордеевич), *Григорич* (офиц. Григорьевич), *Макаревна* (офиц. Макаровна), *Фёдорыч* (офиц. Фёдорович).

Созданные на базе полных форм, часто многосложных и неудобных для произношения, сокращённые имена используются героями в бытовом повседневном общении: *Ваня, Дуня, Маруся, Нюра, Петро, Поля, Рая, Яша* и др. Они употребляются по отношению к взрослым людям, равным по положению, находящимся в дружеских отношениях, а также при обращении старших к младшим в кругу семьи: *Стяпан, ты Митю не трожь! Яму и так тошно!* [Хоршев-Ольховский 2015: 142]; *Нюра, глянь – удивленно всплеснула руками Маруся* [там же: 119].

Среди неофициальных личных имён наряду с сокращёнными в произведениях С. Хоршева-Ольховского широко распространены ласкательные формы, выражающие обычно подчёркнуто доброжелательное отношение к именуемому. Данные формы используются как при обращении к собеседнику, так и в повествовании о нём. Так, главных героев автор с любовью называет *Дуняшка* и *Стёпка*. Вот как он описывает, почему так называли родители казачку: *С рождения, а точнее с крестин, несколько предвзято относился Иван Фёдорович к Дуняшке за её простоватое, как ему казалось, имя. – В нашем положении впору громкие носить! Дворянские! – любил он говаривать, подвыпив в праздники – а какие они, дворянские, сам толком не знал. Дуняшка, как раз, меньше всех была виновата, что батюшка повелел так окрестить её. «Раз появилась на божий свет на Явдошку, – громогласно пропел он тоном, не терпящим возражений, – стало быть имя должна носить соответствующее!».* Именно отец сробел тогда перед Божим посланником на земле, будучи не столь решительным и уважаемым, как теперь [Хоршев-Ольховский 2015: 104]. Казаки были люди верующие, поэтому так как девочка родилась 14 марта в большой праздник – день святой Евдокии, Авдотьи Плющихи – то по церковным канонам её и называли в честь этой святой. Как видим, автор даёт и имя святой (*Явдошку*) тоже в уменьшительно-ласкательной форме.

В тексте встречаются имена собственные с уменьшительно-ласкательными суффиксами *-еньк-, -ушк-, -юшк-, -яшк-*; они употребляются, как правило, людьми старшего поколения по

отношению к младшим родственникам или в неформальном общении: *Ванюшка, Дуняшка, Митенька, Петюшка, Ромушка, Серафимушка* и др. Например: *А дочь, узнав о милости батеньки, тотчас вознамерилась оставить маленького сына Ванюшку на попечение мужа и поселиться в Петербурге* [Хоршев-Ольховский 2015: 107]; *Но в день рождения Серафимушки (дочери) вдруг почувствовал в сердце страшную пустоту и какую-то особую гнетущую тоску и решил во что бы то ни стало вернуть её домой* [там же: 106].

Персонимы с суффиксом *-к-*, образованные от имён, используемые в приятельском обращении героев произведения, лишены какой-либо отрицательной окраски: *Авдейка, Алёшка, Гераська, Дениска, Максимка, Николка, Ромка, Стёпка*. Однако в некоторых случаях отмечены имена с суффиксом *-к-* с отрицательной окраской: *Люди гутарят, сынок его, Филька, дюже непутёвый. Блудливый...* [Хоршев-Ольховский 2015: 104]. Они несут в себе элемент фамильярности и даже пренебрежения к человеку: *Гераську-то, небось, насмерть зашиб?* [Хоршев-Ольховский 2015: 143]. – *Чего тово?! – Схватил Иван Фёдорович, в сердцах, Микишку за шиворот* [там же: 146].

У казаков не принято спрашивать фамилию. Как свидетельствует известный историк и краевед Е. Савельев, «всегда спрашивают: чей ты, чей он или как он прозывается. Подобные вопросы являются следствием того, что в древности у казаков фамилий не было, а были лишь прозвища, т. е. отец носил одно прозвище или кличку, сын другое, внук третье и т. д. Как в древнеславянском языке, так и в малороссийском название детей производилось от имени родителей...» [Савельев: <http://passion-don.org/types.html>]. Подтверждением этому служат и записанные нами материалы в казачьих хуторах и станицах Волгоградской области. Например, жительница станицы Голубинской Калачевского района Волгоградской области, 1930 года рождения, Рукосуева Анна Павловна рассказывала: – *Ну, эта, как абраш'аца... эта, знач'ит, на возраст вл'ијаит. Јес'л'и эта, дапуст'им, маладој, то... уавар'ат: “Сынок, ты ч'еј же эта буд'иш-та?”, “Сынушка, расскажы, ты ч'еј же эта буд'иш-та?”. Ну, он уавар'ит: “Да, вот я, бабушка, пр'ијехал, вот, с'уда в уос'т'и”. Ну, а јес'л'и, дапуст'им, такој вот старыј, как ја, то патход'иш к н'иму, ад'инакавыј: “Ну, ты ч'о, палч'ан'ин, расскажы; расскажы, ч'о ты, куда ты пр'ијехал, ч'еј ты буд'иш?”. Фс'о равно... [Рудыкина, Дмитриева 2005: 119].*

Как далее повествует Е. Савельев: «Прозвища или уличные

клички и теперь довольно употребительны среди казаков. Если вы не знаете уличной клички казака, то вам трудно его отыскать в хуторе или станице. Вам нужно отыскать Ивана Петрова, и всякий встречный ответит – "не знаю". Назовите его кличкой, и каждый укажет» [Савельев: <http://passion-don.org/types.html>]. В тексте романа для именованя лиц используются прозвища. Они могут быть нейтральными, например: – *А чья же ты, бабонька, будешь? – Михея Сетракова. – Кота, что ли? Его самого* [Хоршев-Ольховский 2015: 107]. Из широкого контекста можно выявить отрицательную коннотацию: – *Да, что там говорить, как зверь он дрался сегодня, – вступился за Максимку Роман. – Зря его прозвали Лапшой* [там же: 116]. Иногда для понимания контекста необходим лингвистический комментарий, так как в качестве прозвища выступает не литературное, а диалектное слово, например, в повествовании о судьбе Алексея Алексеевича Никитина, который уехал жить из своего родного хутора Брѣхова к вдовой казачке Дарье Тимофеевне, встречаем: *По душам поговорил с Дарьей, и она согласилась принять Алексея насовсем. С тех пор его иначе как Примак, никто в хуторе не называл. Сначала, с подковыркой, как поддразнивание. Потом, когда Алексей Никитин прилюдно сказал Кондратию: Ладно, примак так примак! Из-за такой бабёночки на чѣ хош согласный», обыденно – как имя* [там же: 142–143]. Обращение к Большому толковому словарю Донского казачества позволяет толковать имя существительное *примак* как 'муж, живущий в доме жены' [СДК: 422].

Произведения С. Хоршева-Ольховского, повествующие о непростых судьбах казаков, дают возможность читателю познакомиться с материальной и духовной культурой донского казачества. Анализ функционирования антропонимов позволяет сформировать представление о составляющих ономастического пространства произведения, преобладании коннотативно окрашенных форм, функциях имён собственных, которые, наряду с другими антропонимами, создают исторический колорит, свидетельствуют о речевом этикете, отражают самобытность языка донских хуторов и станиц.

Список литературы

Большой толковый словарь донского казачества (СДК). М., 2003.

Луговой Д.Б. Русский ономастикон Ставропольского края (на материале антропо, топо и зоонимии северо-западного региона): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2003.

Малеева Е.С. Родом из детства // С. Хоршев-Ольховский. Сборник рассказов "Клетчатый пиджак". Издательский дом "Альбион", Лондон, 2010. С. 191–194.

Малеева Е.С. Произведения Сергея Хоршева-Ольховского как источник для изучения языка донского казачества // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. Сочи, 2015. № 20. С. 104–108.

Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974.

Рудыкина Е.С., Дмитриева Е.Г. Речь жителей казачьего края: учеб.-метод. пособие к спецкурсу. Волгоград, 2005. 144 с.

Рудыкина Е.С. Рассказы современных писателей русского зарубежья как источник для изучения языка донского казачества // Диалектная лексика-2009. СПб.: Наука, 2009. С. 320–325.

Савельев Е. Типы донских казаков и особенности их говора [Электронный ресурс]. URL:// <http://passion-don.org/types.html> (дата обращения 12.05.2017).

Супрун В.И. Антропонимы в вокативном употреблении // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20. С. 92–96.

Хоршев-Ольховский С. Запах Родины. Повести, рассказы, очерки, главы из романа, интервью, стихи друзей. Лондон, 2015. 233 с.

Шарфави-Хубцейова Э. Творчество М.А. Шолохова в Словакии. Материал к спецкурсу для студентов филологического и исторического факультетов. Самара, 2003.

Müglová D. Komunikácia, tlmočenie, preklad alebo Prečo spadla Babylonská veža? Nitra: Enigma Publishing, s.r.o., 2009. 323 s.

Opalkova J. Preklad toponým so spojovníkom // Preklad a tlmočenie 5. Banská Bystrica: FF UMB v Banskej Bystrici, 2003a. S. 264–269.

Opalkova J. Ономастический аспект перевода в русско-украинско-словацком плане // Slovensko-ukrajinské vzťahy v oblasti jazyka, literatúry, histórie a kultúry. Prešov: AFUP, 2003b. S. 47–56.

Opalkova J. Перевод топонимов и антропонимов в русско-украинско-словацком плане OPERA SLAVICA. Slavistické rozhledy roč. XIII, rok 2003a, č. 4, s. 18–23.

Opalková J. Anthroponyme in der Amtkommunikation aus dem Blickwinkel der nationalen Bedürfnisse – unter Berücksichtigung interkultureller Besonderheiten // Journal of Onomastics – Namenkundliche Informationen, 107/108, 2017. S. 171.

E. Maleeva, E. Charfaoui

Functioning of anthroponyms in S. Horshev-Olhovskiy's works

The frame of personal names used in the novel of S. Horshev-Olhovskiy "Four deeps" is discussed in the article. Personyms in a literary text are a very important fragment of the writer's language worldview. Specificity of personal names use characterizes the relations between the characters, testifies the etiquette and reflects the distinctive character of Don's farms and Cossack villages.

Keywords: S. Horshev-Olhovskiy, anthroponyms, formal and informal personal names.

М.С. Малышева
(Белгород, Россия)

Прецедентное имя «Петр-плотник» в балладном творчестве И.А. Чернухина

В статье рассматривается функционирование прецедентного имени «Петр-плотник» в балладах белгородского поэта И.А. Чернухина на пересечении поэтического и исторического дискурсов.

Ключевые слова: прецедентное имя, поэтический дискурс, поэтический идиолект, идиостиль, языковая личность, исторический дискурс.

В рамках исследований изменений в системе языка с позиций исторических, социальных и культурных событий, характерных для определённой исторической эпохи, изображаемой автором поэтического текста, особое место занимают исследования использования онимов в поэтическом идиолекте, поскольку именно поэтические онимы позволяют увидеть «такие социальные, исторические, культурные факторы, которые не оставили следа в обычной лексике» [Юркенас 1979: 3]. Поле прецедентного имени в поэтическом тексте участвует в создании многомерных содержательных универсалий «пространство – время – человек», что свидетельствует об органической взаимосвязи изучения прецедентного имени и феномена языковой личности поэта. Несомненно, это позволяет сделать вывод об обусловленности использования прецедентного имени текстовым кодированием культурно-исторической информации.

Современная интерпретация понятия «прецедентное имя» неоднозначна и объединяет различные взгляды учёных-лингвистов. С точки зрения А.В. Суперанской, прецедентное имя «складывается на основе образа, который абстрагируется от человека, реального, живущего среди нас, жившего ранее, или придуманного автором какого-либо произведения» [Суперанская 2007: 367]. Д.Б. Гудков считает, что «статусом прецедентных обладают те индивидуальные имена, которые входят в когнитивную базу: то есть инвариантное представление обозначаемого, или «культурного предмета» является общим для всех членов лингвокультурного общества» [Гудков 1999: 71]. По мнению Е.А. Нахимовой, «прецедентные имена – это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода

культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб» [Нахимова 2007. Электронный ресурс]. В художественном произведении прецедентные имена выступают своеобразными сигналами соответствующих прецедентных текстов, литературных образов, исторических ситуаций, лежащих в основе сюжета, и представляют своеобразный феноменологический прецедент. Прецедентное имя – «имя собственное, служащее не только обозначением художественного образа, но актуализирующее у адресата и все коннотации, связанные с соответствующим прецедентным текстом» [Караулов 2003: 55)]

В исследовании прецедентных имен нельзя оставить без внимания вопрос о том, что именно делает данные феномены прецедентными. Важной задачей здесь является определить феномен прецедентности и его особенности. По определению М.Я. Дымарского «под прецедентностью следует понимать <...> отсылку к прецеденту, каковым может быть другое произведение, его персонаж, мотив, ситуация как элемент сюжета, сюжет в целом, фраза персонажа или автора и т. п.» [Дымарский 2004: 54]. Необходимо также отметить, что помимо общего определения прецедентных имён, выделяются дополнительные критерии прецедентности, такие как высокая воспроизводимость феноменов, общеизвестность среди членов лингвокультурного сообщества, значимость в познавательном плане, взаимосвязь прецедентных имён друг с другом и т.д. [Караулов 1987, Гудков 1999, Нахимова 2011 и др.].

Примечательным является тот факт, что используемые в разных источниках имена собственные могут нести абсолютно разную, порой полностью противоположенную семантическую нагрузку. И.И. Чумак-Жунь отмечает, что в качестве прецедентного имени может быть выступать как вымышленный (литературный) персонаж, так и историческая личность [Чумак-Жунь 2009: 247]. Денотатом «вымышленного» прецедентного имени является квазиличность. Квазиличность в психологии определяется как личность, не связанная с конкретным, реально существующим индивидом, но тем не менее представленная в сознании других людей подобно реальной личности. Квазиличность может быть определенным образом включенной в социум и оказывать влияние на других личностей не меньшее, а иногда и большее, чем реально существующие люди: им подражают, с ними связывают свои идеалы, о них создают произведения искусства, на их примерах могут воспитываться целые

поколения. Квазиличностями, например, являются религиозные образы, в которых верят, поклоняются и т. п.

Главным отличием имён, носителями которых являются реальные исторические личности, а не вымышленные персонажи, очевидно, заключается в источнике формирования инварианта восприятия. В отличие от литературных имён, имена социально-исторических личностей обладают дифференциальными признаками, формируемыми за счёт совокупности экстенциональных контекстов (тексты энциклопедических словарей и учебников, статьи научных и популярных журналов, массмедиа и художественная литература и т.д.). Так же, как и конкретные тексты-источники, такой способ формирования инварианта восприятия может привести к формированию различных типов дифференциальных признаков.

По мнению И.И. Чумак-Жунь, различается и употребительность данных феноменов в поэзии [Чумак-Жунь 2006: 319]. Некоторые из них, являясь знаковыми для русской культуры в целом и для поэзии в частности, встречаются в творчестве практически каждого русского поэта-классика (например, прецедентные имена *Христос*, *сатана*, *Иуда* и т. д.). Употребительность в поэтических идиолектах других «образов-сверхтипов» (*Каин*, *Антоний*, *Магдалина* и т.д.) зависит от многих факторов, как частного, так и общего характера: от творческого замысла автора произведения, его индивидуально-авторских мировоззренческих установок, особенностей художественного мышления, от художественных пристрастий, времени написания, от поэтической моды, наконец. Прецедентные имена создают своеобразный узор из «сквозных образов», пересекающих пространство и время, связывая текст-реципиент не только с текстом-источником, но и с другими реципиентами.

Интересным для исследования представляется и частотность употребления онимов в художественных текстах. Мы обращаемся к прецедентному имени *Петр-плотник* в творчестве регионального поэта И.А. Чернухина. Несмотря на тот факт, что данный оним встречается лишь в одном произведении поэта – «Балладе о Петре-плотнике» (1976), он является одним из центральных в ономастиконе регионального поэта, поскольку являет собой пример неоднозначности функционирования имени собственного в исторических, документальных и художественных текстах. Именем Петра-плотника И.А. Чернухин номинирует первого российского

императора Петра I, личность которого получила неоднозначные оценки в истории.

В «Большой советской энциклопедии» историческая личность императора Петра I характеризуется следующим образом: *«российский император (с 22 октября 1721), государственный деятель, полководец и дипломат. Единственный сын царя Алексея Михайловича от второго брака с Н. К. Нарышкиной; был дважды женат: в 1689–98 на Евдокии Федоровне Лопухиной и в 1705–25 на Марте Скавронской (позднее императрица Екатерина I); имел от первого брака сына Алексея Петровича и от второго – дочерей Анну и Елизавету Петровну (кроме них 8 детей умерли в раннем детстве). В апреле 1682 был возведён на престол после смерти бездетного царя Федора Алексеевича в обход своего сводного старшего брата Ивана»* [БСЭ 1972. Электронный ресурс].

В отличие от исторических и основанных на них литературных источников, в художественных текстах регионального поэта И.А. Чернухина имя Петра I приобретает новое звучание. Важно, что собственно сам прецедентный инвариант – имя *Петр Первый* (или *Петр Великий*) И. Чернухин не использует. Поэт позиционирует первого русского императора как «человека из народа», акцентируя внимание на его личном участии в строительстве первого русского флота, отсюда и несколько необычная структура варианта прецедентного имени, включающая непосредственно имя императора (*Петр*) и приложение (*плотник*).

Использование многочисленных вариантов прецедентного имени и синонимических лексических единиц в балладе И.А. Чернухина позволяет говорить о прецедентном имени, которое выступает в функции *идиостилевой концептуальной доминанты*. Варианты указанного прецедентного имени обеспечивают грамматическую связность баллады, выступая в роли смысловых вех информационного поля текста.

С первых строк «Баллады о Петре-плотнике» (1976) исследуемый оним номинируется как с помощью его вариантов, так и с помощью синонимических лексических единиц.

*Шапки сбросила артель:
– Отдыхай, ребята!
Не рубили мы досель
Этаких хрегатов.
– Петька, удержку руби.*

*Плавает пусть милай!
– Ты, кораблик, полюби
Плотничка за силу*

[Чернухин 2003: 385].

И.А. Чернухин акцентирует внимание на важных для реализации художественной задачи смыслах прецедентного имени. В данном случае – близость императора Петра I к народу, которая в историческом дискурсе оказывается недостаточно выраженной. Используя в тексте стилистические (диалогизация, использование прямой речи, диалектные и просторечные формы слов), синтаксические (обращения), лексические средства (уменьшительно-ласкательные формы – *кораблик, плотничка*; метафоры – *шапки сбросила артель*), поэт делает акцент на народности, преобладающей в характеристике лирического героя стихотворения. Используя синонимические лексемы, И.А. Чернухин не употребляет оним *Петр*, называя лиро-эпического героя *монарх*:

*Трепетал в заливе флаг.
Первый флаг империи.
Опустил топор монарх.
Руки вытер серые.
На семи стоял ветрах
Он с кабацкой голью.
Луком пах...
и водкой пах,
Стружкой да смолью*

[Чернухин 2003: 385].

Такая номинация не случайно занимает сильную текстовую позицию. В коммуникативном сознании представление о титуле монарха связано с властью, благородством, избранностью, и использование этого слова как синонима к разговорному варианту имени *Петр* – *Петька* сдвигает в ядро прецедентного имени представление о благородстве и избранности русского народа. Употребляя своеобразную «прецедентную оппозицию» *Петька* – *монарх*, автор подчеркивает народный характер героя баллады.

Используемые в стихотворении контекстные синонимические ряды: «*Петька*» – «*Петр*» – «*монарх*» – «*царь*», как и «народно маркированные» лексические средства (*а когда артель в кабак завалилась важная, паря от косы, не признали, экие тетери*) – направлены на создание образа монарха, единого со своим народом:

*Пот струился по щекам
И стекал в морщины,
И топорщился армяк
На спине аршинной.
А когда артель в кабак
Завалилась важная.
Длинный плотник пил –
да так –
Рты раскрыли бражники:
– Видно, паря от косы.
Наш, крестьянский, вольный...
Улыбался **Пётр** в усы,
А глаза –
уголья!
Видел он во всех морях
Корабли империи.
Не признали в нём **царя**
Экие тетери!*

[Чернухин 2003: 385–386].

Таким образом, активно используя синонимы и варианты прецедентного имени *Петр-плотник* в «Балладе о Петре-плотнике», И.А. Чернухин актуализирует такие его смыслы, как ‘народность’, ‘патриот’, ‘строитель’, ‘отец русского флота’. Образные средства, используемые автором баллады, направлены на то, чтобы высветить индивидуально-личностные характеристики лиро-эпического героя, создать образ «народного монарха».

Прецедентное имя *Петр-плотник* в «Балладе о Петре-плотнике» раскрывается с психологических позиций: И.А. Чернухин смещает акцент на народность героя, при этом предлагает авторскую интерпретацию исторических событий начала XVIII века.

Анализируемое прецедентное имя *Петр-плотник* и его контекстные синонимы в балладном творчестве регионального поэта одновременно выполняют две взаимодополняющие функции: текстообразующую (создают связность и цельность баллады) и стилистическую (усиливают прагматический потенциал). Специфика прецедентного имени проявляется и на уровне употребления в тексте: в «Балладе о Петре-плотнике» прецедентное имя является смысловой вехой, поскольку характеризует не только историческую личность –

императора Петра I, но и целую историческую эпоху – создание первого русского флота.

Итак, прецедентное имя *Петр-плотник* в творчестве регионального поэта И.А. Чернухина, несмотря на единичное употребление, является частью системы вербальных средств, объединенных единой коммуникативной целью автора поэтических текстов. В «Балладе о Петре-плотнике» данный оним выступает в качестве центрообразующего фактора формирования семантического пространства текста, является связующим звеном между текстом И.А. Чернухина, историческими и энциклопедическими источниками.

Список литературы

Большая советская энциклопедия: в 30-ти т.т. / гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 10. 592 с. 1972. [Электронный ресурс]. URL: <http://sci-lib.com/history> (дата обращения 02.11.2016).

Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во МГУ, 1999. 152 с.

Дымарский М.Я. Прецедентность и художественность // Феномен прецедентности и преемственности культур / под. общ. ред.: Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, В.Т. Титова. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. С. 51–63.

Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru> (дата обращения 02.11.2016).

Суперанская А.В. Прецедентные фразы, ситуации, имена // Науковий вісник Чернівецького університету, 2007. Випуск 356–359. С. 366–374.

Чернухин И.А. Стихотворения. Баллады. Поэмы. Белгород: Отчий край, 2003. 444 с.

Юркенас Ю.К. Онимизация апеллятивов и развитие индоевропейских антропонимических систем: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1979. 37 с.

Чумак-Жунь И.И. Художественные концепты как способ отражения индивидуально-авторской поэтической картины мира // Картина мира: язык, литература, культура: Сборник научных статей. Вып. 2. / Отв. ред. М.Г. Шкуропацкая. Бийск: РИО БПГУ им. В.М. Шукшина, 2006. С. 318–323.

Чумак-Жунь И.И. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII – начала XXI веков: дис. ... докт. фил. наук. Белгород: БелГУ, 2009. 385 с.

M.S. Malysheva

Case name "Pyotr the carpenter" in the ballad creativity of I. A. Chernukhin

The article discusses the functioning of the case names "Pyotr the carpenter" in ballads of the Belgorod poet I. A. Chernukhin on crossing of poetic and historical discourses.

Keywords: case name, poetic discourse, poetic idiolect, idiostyle, language personality, historical discourse.

А.М. Матлина
(Ульяновск)

Поэтика имени собственного в повести В.М. Шукшина «Калина красная»

В статье рассматриваются особенности имён собственных главных и второстепенных героев повести В.М. Шукшина, их роль в раскрытии авторского замысла.

Ключевые слова: имя собственное, повесть, Василий Макарович Шукшин, «Калина красная».

«Что есть у всего?» – хитрая детская загадка, на которую не сразу находится ответ. Всё в нашем мире настолько разное по своим количественным и качественным характеристикам, по своей сути, что кажется не вполне ясным, что же может быть общего у совершенно разных предметов? Однако все предметы, которые человек, выделяет их из окружающего мира обладают общим понятием имени.

Без имени невозможно существование в нашем сознании картины мира, потому что каждый её элемент, каждое звено мы так или иначе обозначаем. Даже то, что мы не можем или не хотим обозначать, мы поневоле обозначаем как «безымянный». А что значит «безымянный»? Предмет или существо, не имеющий имени, то есть неизвестный или непризнанный. Получается, что дифференциация объектов окружающего мира происходят путем номинации.

Действительно, имя для человека издавна имело особое значение. Каждое человеческое имя скрывает за собой свою уникальную историю, возможно, предопределяет дальнейшую жизнь и особенности характера. В различных культурах нередко давались двойные и даже многочисленные имена одному человеку. Одно имя считалось мирским, общеизвестным, другое – сакральным, истинным. Считалось, что таким образом человек находится под защитой мирского имени, которое принимает на себя все тяготы жизни. И сейчас, при крещении, если основное имя не совпадает с церковным, то берётся второе сакральное, которое нигде не прописывается.

Любопытно, но принято считать, что прозвище, близкое к имени, не так сильно влияет на судьбу человека: зачастую имя и

прозвище «уживаются» у человека в мире и согласии, дополняя друг друга, ведь прозвище не меняет характер личности, частенько возникая как раз от его особенностей, либо указывая на принадлежность лица к той или иной социальной сфере.

Также стоит упомянуть и об обратных именах, когда человека называли нелюбезно или давали обратное его достоинствам имя, из таких имён-прозвищ впоследствии происходили фамилии. Это делалось с целью защиты человека от неприятностей и болезней. К тому же, иной раз брали новое имя, в надежде излечиться от недуга и оставить неудачи со старым именем. Вероятно, нет такого имени, которое бы не повторялось за всю историю человечества хотя бы ещё раз: люди называют своих детей в честь кого-либо. Имя для человека есть его кодовое слово в людском социуме и в мире вообще. Таким образом, имя есть средство идентификации личности, свой особенный уникальный шифр.

Итак, в реальном мире изначально мы все распределены по именам, независимо от нашего желания. Но творческие личности – поэты, писатели, сценаристы, музыканты создают, помимо реального обыденного, свой мир и мир своих персонажей. И в большинстве случаев дают своим героям имена. Таким образом, имена собственные в художественном тексте начинают выполнять особые функции. Помимо номинативной и дифференцирующей функций, имя может выступать как подтекст («говорящие имена»), как контраст между социальными слоями персонажей, как предопределение всей судьбы героя / героев, как связующее звено между героями (параллели, кольцевая композиция, в центре которой имя персонажа или персонажей) и др.

Рассмотрим особенности номинации героев повести В.М. Шукшина «Калина красная».

Имя пограничья

Первый персонаж повести – неиграющий практически никакой роли в сюжете – «широкоплечий мужчина с обветренным лицом...» обычно таким «вводным» лицам автор не дает имени, что показывает нам мимолетность их действия, они нужны для того, чтобы подвести повествование к главным героям. Собственно, так по сюжету и происходит. «В группе «Бом-бом» мы видим и нашего героя – Егора Прокудина, сорокалетнего, стриженного». Если исходить из первичной трактовки номинации персонажа, все, что мы можем сказать – это то, что перед нами, скорее всего, человек русской национальности,

следуя за значением имени, которое в переводе с греческого означает «земледелец», можно предположить, что это человек умеющий работать, вести дела, серьёзный и целеустремлённый.

Однако воплести столь прекрасные качества в контекст сюжета пока не получается, так как перед нами человек, находящийся «в исправительно-трудовом лагере, севернее города Н., в местах прекрасных и строгих». Но, наделяя таким именем главного героя, автор наделил и его и, если можно так сказать, в прямом смысле слова именем-перевертышем: «Привет, Горе. (Такова была кличка Егора – Горе).» А вот тут уже становится понятно, почему Егор был явлен нам в исправительно-трудовом лагере, в месте, куда счастливые люди навряд ли бы хотели попасть. Егор и Горе – это одно имя, лишь изменен порядок букв, а смысл сразу становится иным. Егор – это истинное, сакральное имя, Горе – общедоступное в той среде, где герой находится.

Если исходить из того, что от имени зависит судьба человека, то у персонажа две возможные судьбы, построенные по дуальному принципу, принципу противоречия. И действительно, на протяжении всей сюжетной линии, то перед нами Егор (любовь к женщине с не менее интересным именем Любовь, дружба с братом героини, эпизод с матерью, духовное преображение героя в кругу обычных людей и др.). И есть совсем другой Егор-Горе (таким он становится, соприкасаясь с темным преступным прошлым).

Две стороны, борющиеся в главном герое и тянущие его к разным полюсам. Егор, Егорушка (ласковое и особое родное имя), Георгий (ассоциативный ряд – Георгий Победоносец) – светлая, праведная жизнь, Горе – на то оно и горе, темная, беспутная доля. У изголовья Егора праведный свет, но на ногах кандалы тёмного прошлого. Персонаж находится в центре сюжета, на грани двух этих полюсов, по сути, полностью не переходя ни в один, ни в другой. Если Егор Прокудин, насколько это в его положении возможно, балансирует на грани темного и светлого полюсов, и сам по сути является этой гранью, то ряд других персонажей можно четко классифицировать по этим полюсам, поэтому символика имен у них будет соответствующая.

Имена тёмного полюса

Прежде всего, это убийца Егора – Губошлеп. Понятное дело, что в преступном мире редко когда обращаются друг к другу по имени, но стоит отметить, что для лиц такой сферы зачастую прозвище

заменяет имя, становится вместо него. Именно так происходит и с персонажами «темного полюса» в «Калине красной». Губошлеп – производное от словосочетания «шлепать губами», то есть по словарю Т.Ф. Ефремовой: «1) человек с большими отвислыми губами (обычно вследствие этого невнятно, нечетко произносящий слова); 2) (перен.) ротозей, растяпа» [Ефремова 2000]. В общем, человек, чьим словам доверять особо не стоит, человек несерьезный и ненадежный. В любом случае, прозвище персонажа имеет негативную окраску. Именно это мы и видим по сюжетной линии этого героя: с первой встречи с ним в «блат хате» после освобождения Егора и до последнего эпизода с убийством главного героя, Губошлеп вызывает отвратительное, отталкивающее чувство.

В повести есть еще ряд третьестепенных персонажей с не менее отталкивающими прозвищами (например, само за себя говорящее прозвище Бульдя и др.)

Одна из самых интересных и противоречивых героинь произведения – молодая женщина по имени Люсьен. Она тоже относится к «темному полюсу», но соответствует ли она ему? И да, и нет. С одной стороны, героиня, подобно своему имени, утонченная, артистичная, не озлобленная на жизнь и не видящая в ней только радость наживы, но с другой стороны, она опустила руки и, в отличие от Егора, не стремится вырваться в светлый полюс. Она статична, в ней нет динамики как в хорошем смысле, так и в плохом.

Примечательно, что она – единственный персонаж с нерусским (здесь – французским) именем, конечно, можно предположить, что в данном контексте Люсьен – это приукрашенная вариация славянского имени Людмила (значение дословно – «милая людям»), но автор сознательно выделяет героиню на фоне других персонажей ее круга. И что же получается: женщина по имени Люсьен – «это имя является производным от римского когномена Lucianus, в основе которого лежит латинское слово «lux», означающее «свет» [Как зовут.ру. Электронный ресурс], находится в «темном полюсе» преступной жизни. Получается, она единственный лучик света в этой тьме. Но лучик настолько слабый, что уже не способен разогнать тьму или из нее вырваться. Она называет главного героя ласково – «Егорушка», что показывает нам духовное родство героев и близкую связь, впоследствии

Егор Прокудин вдруг неожиданно видит знакомый потерянный свет Люсьен в лице другой героини уже «светлого полюса» – Любы

Байкаловой: «Эх, Егорушка. – Егор даже вздрогнул и испуганно глянул на Любу: так похоже она это сказала – так говорила далекая Люсьен» [Шукшин. Электронный ресурс].

Имена светлого полюса

Если перед нами выстраивается такая переходящая линия света из «темного полюса» – через пограничного героя – к «светлому полюсу», то самое время рассмотреть персонажей этого самого «светлого полюса», главной из которых является женщина с символическим именем Любовь. Не случайно жизненный путь главного героя трагически прервался на руках у женщины с таким именем. Если вспомнить троицу святых христианских мучениц Веру, Надежду и Любовь, то последняя – как бы итог, к которому приходят через первых двух. Этот лейтмотив можно проследить и в повести «Калина красная». Душа Егора плакала и просила света, герой его искал, а значит верил в него и надеялся обрести. В конечном счете так и произошло, он нашел свою Любовь и в лице земной женщины с таким именем, и внутри самого себя.

Еще один персонаж «светлого полюса» – брат Любви Байкаловой Пётр, или, как его называют Петро. Имя Пётр имеет древнегреческое происхождение, в переводе означает ‘камень’, ‘скала’, также определяется как ‘твердый’, ‘надежный’, ‘непоколебимый’ [Как зовут.ру. Электронный ресурс]. И действительно, персонаж полностью соответствует значению своего имени: немногословный, наблюдательный, серьезный, человек дела, а не слова. Он умеет видеть людей насквозь и чувствовать, как зверь, где добрый человек, а где злой. Сначала Петр присматривался к Егору, именно он увидел в герое тот внутренний свет и в то же время ареол темной опасности. Не случайно в трагическом финале именно Пётр творит возмездие над «темным полюсом».

Подводя итоги, можно отметить, что в повести В.М. Шукшина «Калина красная» можно проследить довольно интересную систему персонажей, построенную на именной и пространственной характеристиках. В.М. Шукшин благодаря только имени мастерски создает сложный подтекст на фоне реального повествования о жизни героев.

Список литературы

Шукшин В.М. [Электронный ресурс]: Библиотека Александра Снежинского. URL: http://www.lib.ru/SHUKSHIN/kalina_krasnaya.txt (дата обращения 18.11.2016).

Как зовут.ру. URL: <http://www.kakzovut.ru/names/lucienne.html> (дата обращения 18.11.2016)

Ефремова Г.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
URL: <http://www.efremova.info/search/?cx=partner-pub>

A.M. Matlina

Poetics of the proper name in the novel "Red viburnum" by Shukshin

The article deals with the peculiarities of the names of the main and secondary heroes of the novel by V.M. Shukshin, and their role in the disclosure of the author's intention.

Key words: proper name, novel, Vasily Makarovich Shukshin, "Kalina red".

*E.C. Медведкова
(Тольятти, Россия)*

Именования русских воевод в романе В.И. Костылева «Кузьма Минин»

Автор исторического романа создаёт достоверную картину событий, в том числе благодаря использованию антропонимических моделей характерных для описываемой эпохи. В основе повествования лежат именования исторических лиц, при этом их вариативность зависит от авторского намерения оживить историческую картину, найти наиболее естественную модель именования, соответствующую замыслу писателя и отражающую данный период истории.

Ключевые слова: исторический роман, персонаж, воевода, одно-, двух-, трехкомпонентное именование.

Цель исторического романа – оживить летописное сказание, подобранные факты, «осветить лучом поэтического разума исторически темную эпоху» [Роспонт 1962: 92].

События романа В.И. Костылева «Кузьма Минин» происходят в начале XVII века в период борьбы с польско-литовской интервенцией, периоды Междувластия и Смуты. «Важнейшим условием успешной борьбы с интервенцией было объединение земских сил, координация действий местных ополчений и отрядов, централизованное снабжение их необходимым довольствием и припасами <...>. Уже тогда это сознавали многие воеводы и атамань, служилые люди и казаки» [Волков 2012: 139].

Воеводы были представителями власти, ключевой частью общества, в то же время, они были тесно связаны с народом. См.: воевода «от воин, войско и водить» [Фасмер 1996: т. 1., 332].

В романе автор для создания полной картины военных действий вводит именованные 25 воевод, которые являются историческими лицами. Среди них однокомпонентные именованные, включающие фамилию: *Бегичев, Бутурлин, Гонсевский, Елагин, Измайлов, Кондырев, Наумов, Лысгорь-Соловцев, Свиньин*, которые употребляются по одному разу, за исключением *Гонсевского* (43 раза); двухкомпонентные именованные, включающие личное каноническое имя + фамилию: *Степан Голенищев, Серапион Воейков, Григорий Образцов, Матвей Плещеев, Николай Струсь, Исаак (Исайка) Сунбулов*; трехкомпонентные именованные, включающие личное каноническое имя + отчество + фамилию: *Андрей Семеныч Алябьев, Иван Иванович Биркин, Михайла Самсонович Дмитриев, Проконий Петрович Ляпунов, Василий Петрович Морозов, Дмитрий Михайлович Пожарский, Александр Андреевич Репнин, Михаил Глебович Салтыков, Федор Иванович Шереметев, Дмитрий Савин Жедринский* [См.: Медведкова 2016: 21 –215].

Два наиболее значимых исторических персонажа в романе – воеводы *Ляпунов* и *Салтыков*, которые находились в 1610–11 годах по разные стороны военных действий. Возможно, именно в борьбе за власть в Московском государстве *Салтыков* приказал убить *Ляпунова*: «В этот вечер у Михайлы *Салтыкова* в кремлевской хоромине было сказано негромко: – *Ляпунов* должен умереть» [Костылев 2012: 149].

Рязанский воевода *Проконий Петрович Ляпунов* во время Смуты встал на сторону ополчения: «– Слушай меня. Вот грамоты. Скинься вниз, беги в посольский табор, отнеси к князю *Василию Голицыну*, а другую – воеводе *Ляпунову* в Рязань. Да скажи: будем стоять до смерти. Берегись, не попадайся ляхам!» [Костылев 2012: 18]. Его трагическая гибель описана в романе: «*Мосеев* и *Пахомов* собственными глазами видели прикрытые рогожами куски тела *Ляпунова*, изрубленного казаками» [Костылев 2012: 153]. По количественной представленности именованное *Ляпунов* выходит на одну из главных позиций в романе – 68 раз, вместе с вариантами именованного: *Проконий Ляпунов* (3), *Проконий Петрович* (4), *Проконий* (9).

В статье о *Ляпунове Захарие Петровиче*, брате *Прокония Петровича* читаем: «о происхождении рода *Ляпуновых*. <...> *Ляпуновы* происходили от Галицкого князя *Константина Ярославича*, младшего брата *Александра Невского*. Потомки князя *Константина Ярославича* княжили в Галиче *Костромском* до тех пор, пока великий

князь Дмитрий Донской не присоединил Галицкое княжество к своим владениям <...>. Правнуки сына его Василия Дмитриевича <...>: Дмитрий, по прозванию *Береза*, Семен *Осина* и Иван *Ива* – являются родоначальниками дворянских фамилий Березиных, Осининых и Ивиных. Внук Семена Осины, *Ляпун* Осинин <...> оставил своим потомкам прозвище *Ляпуновых*» [Русский ... 1914: 830].

Личное имя *Ляпун* восходит к глаголу *ляпать* – «шлепать <...> делать грубо, аляповато, как ни попало; говорить что глупо, грубо, некстати, «маральщик, пачкун, плохой живописец или плохой мастер» [Даль 1995: т. 2, 287]. Ср.: *Ляпун* – «одна из 4 тонких жердей, которые связываются наверху и образуют остов копны, стога сена» [Фасмер 1996: т. 2, 552].

Личное имя *Проконий* воевода *Ляпунов* получил при крещении. Оно является церковным вариантом личного имени *Прокофий* и означает 'успех, преуспевание' из греч. *Прокониос* [Суперанская 2005: 279].

Михаил Глебович Салтыков во времена Смуты стал «королевским советником» [Костылев 2012: 63] польского коменданта в Москве *Гонсевского*. В 1590 году Салтыков получил чин окольникового: «Окольничьева Михайлу Салтыкова» [Летопись 1771: 82], ср.: «Он подозвал к себе Салтыкова, Андронова и других окольников и бояр, стал их бранить» [Костылев 2012: 93], а также активно участвовал в военных действиях, будучи воеводой: «Въ Орѣшкѣ жъ бывъ въ тѣ поры воевода Михайло Салтыковъ присла къ нему съ вѣстію. Михайло жъ имъ великую пакость дѣяше, и во градъ ихъ не хотя пусшити» [Летопись ... 1771: 150]. В описываемый период он становится защитником польских нововведений: «Возьми Салтыкова. Знают все, что он сговорился с поляками и немцами еще при царе Борисе. Он и дьяк Власьев... когда их посылали в Польшу договор утверждать. Там и с Сапегой он сдружился, и с королевичем Владиславом виделся. И в Неметции он бывал... Там нашел себе друзей» [Костылев 2012: 207–208].

В.И. Костылев употребляет однокомпонентное именование *Салтыков* 52 раза. Двухкомпонентные именования *Михаил Салтыков*, *Мишка Салтыков*, *Михайла Салтыков* соответствуют именованию этого исторического лица в Летописи 1771 года. Писатель употребляет двухкомпонентное именование личное имя + патроним с формантом *-ыч*: *Михаил Глебыч* и с формантом *-ич*: *Михаил Глебович*, *Михайла Глебович*. При этом автор не употребляет

трехкомпонентное именование *Михайла Глебович Салтыков*. Это можно объяснить тем фактом, что М.Г. Салтыков занимал предательскую позицию сотрудничества с польскими захватчиками. Ср.: «Михайла Глѣбова сына Салтыкова» [Летопись ... 1771: 68]. Также писатель не употребляет прозвище *Салтыкова – Кривой*: «Михаил Глебович Салтыков по прозвищу Кривой» [Русский ... 1904: 81]; «Михайло Кривой-Салтыков» [Забелин 1883: 63].

Н.А. Баскаков так объясняет происхождение фамилии *Салтыков*: «Фамилия Салтыков имеет своей основой русское прозвище Салтык, восходящее к слову тюркского происхождения, заимствованному из тюркских языков кыпчакской группы (половецкого, казахского, ногайского, татарского и т. п.): а) либо к *saltaq – soltaq – sylyq* 'прихрамывающий, немного хромой, прихрамывающий на одну ногу, некрепкий на ноги'; б) либо от *saltyq – salt* 'обычай, порядок', мода'+ аффикс *-tyq – saltyq* 'соблюдающий порядок, обычай, моду' >'нравственный; в этом значении слово *салтык* заимствовано и в русском языке, ср. 'лад, склад, образец' <...>; в) либо к *salt* 'верхом на лошади, верховой', ср. *salt atty* 'всадник' [Баскаков 1979: 87]. Ср.: салтык – 'лад, склад или образец' [Даль 1995: т. 1, 131]; Салтыков, возможно, из *saltyq, saltuq* 'проданный' [Унбегаун 1989: 293].

Таким образом, употреблённые В.И. Костылевым в романе «Кузьма Минин» именованные воевод, которые встречаются в исторических летописях, хрониках, служат для воссоздания достоверной картины борьбы с литовско-польскими захватчиками и отражают русскую антропонимическую картину мира описываемого периода.

Список литературы

Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 279 с.

Волков В.А., Кузьмин Г.А. Смутное время. М.: Алгоритм, 2012. 352 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ТЕРРА, 1995.

Забелин И.Е. Минин и Пожарский: прямые и кривые в Смутное время [Текст] / И.Е. Забелин. М.: Типография В.О. Рихтер, 1883. 336 с.

Костылев В.И. Кузьма Минин: роман. М.: Вече, 2012. 400 с.

Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев, по преставлении царя Ивана Васильевича; а паче о межгосударствовании по кончине царя Феодора Иоанновича, и о учиненном

исправлении книг в царствовании благоверного государя царя Алексея Михайловича в 7163 / 1655 году: Собрано из древних тех времен описаний. СПб.: [Тип. Сухопут. кадет. корпуса], 1771. 386 с.

Медведкова Е.С. Именования нижегородских воевод XVII века в романе В.И. Костылева «Кузьма Минин» // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: материалы XIV Международной научной конференции. Тольятти: Изд-во ВУиТ, 2017. С. 211–215.

Роспонт С. Перспективы развития славянской ономастики // Вопросы языкознания. 1962. № 4. С. 9–19.

Русский биографический словарь: Лабзина-Ляшенко. СПб: тип. Гл. упр. уделов, 1914 [2]. Т. 10. 846 с.

Русский биографический словарь: Сабанеев-Смыслов. СПб: тип. В. Демакова, 1904. Т. 18. 673 с.

Суперанская А.В. Словарь русских личных имён. М.: Эксмо, 2005. 544 с.

Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. 443 с.

Фасмер М.Р. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. СПб.: Азбука, 1996.

E. S. Medvedkova

The Naming of Russian Governors in the Novel "Kuzma Minin" by V. I. Kostylev

The author of a historical novel creates an authentic picture of the events, including the usage of anthroponym models of a depicted epoch. The naming of historical persons are in the center of a historical novel, and their variations depend on author's intention to revive the historic situation, to find the most natural model of naming that corresponds to the intention of the writer and reflects a certain period of history.

Key words: a historical novel, a character, a Governor, one-, two-, three-part naming.

Н.В. Меркулова

(Воронеж, Россия)

Синергический эффект эстетических онимов в характеристике персонажей (на примере ключевых имён романа Г. Флобера «Воспитание чувств»)

В статье рассматривается роль эстетических онимов в характеристике ключевых персонажей романа Г. Флобера «Воспитание чувств» с учётом присущего именам собственным в пространстве художественного текста эффекта синергии, что предполагает раскрытие их значения на различных уровнях интерпретации. В результате анализа выявлен «веерный подтекст» эстетических онимов (социальный, философский, религиозный и пр.), служащий усилению и углублению характеристики именуемых образов.

Ключевые слова: эстетический оним, синергический эффект, характеристика персонажей, Флобер, «Воспитание чувств»

«Воспитание чувств» традиционно рассматривается как второй по значимости (после «Госпожи Бовари») социальный роман Г. Флобера. Однако, с точки зрения художественных достоинств, данное произведение по праву считается одним из наиболее ярких творений французской литературы XIX века, предвосхитивших многие черты искусства современности. Действительно, данный роман не вписывается в рамки художественных стереотипов [Моруа 1992]: в нём нет ни увлекательной интриги, ни драматических эффектов. Наряду с этим, в «Воспитании чувств» не наблюдается ни одного крупного или, по крайней мере, неординарного образа, что, в первую очередь, выражено особого типа эстетическими онимами, коими автор именуется свои персонажи.

По утверждению М.М. Бахтина, автор по отношению к читателю выступает как «принцип, которому нужно следовать» [Бахтин 1986: 179]. Согласно авторской интенции, онимы романа, неизменно являясь одним из ключевых смысло- и символаобразующих элементов, при первом прочтении лишены коннотаций (выявление значений возможно в ходе более глубокой филологической интерпретации). Однако, как подчеркивал Р. Барт, «имя собственное всегда должно быть для критики объектом пристальнейшего внимания, поскольку имя собственное – это, можно сказать, король означающих, его социальные и символические коннотации очень богаты» [Барт 1989: 432]. Так, эстетические онимы в художественном дискурсе, благодаря взаимодействию культурологического, лингвостилистического, лингвоэстетического и семантико-стилистического аспектов, предполагаемых в методике исследования художественного текста на основе анализа эстетической ономастики [Меркулова 2015: 122], демонстрируют эффект синергии, выступая некоего рода отсылкой к тем или иным идейно-тематическим составляющим в тексте и за его пределами с усилением заложенных сем и коннотаций на всех уровнях описательного процесса [Меркулова 2017: 94].

Иллюстрацией реализации эффекта синергии эстетических онимов в характеристике персонажей с точки зрения выражения в них философско-эстетических, историко-культурных, религиозных, мировоззренческих, индивидуально-психологических интенций автора

с последующим раскрытием «веерного» подтекста в ходе развития романтического повествования могут служить примеры ключевых ономиоупотреблений в романе Г. Флобера «Воспитание чувств».

Стержневой фигурой романа «Воспитание чувств» (очередной «Истории молодого человека», коих немало представлено во французской литературе) является Фредерик Моро, молодой человек, которого трудно выделить из толпы: *Un jeune homme de dix-huit ans, à longs cheveux et qui tenait un album sous son bras...* [Flaubert 1997: 19]. Даже благодаря «официальному» представлению автором своего героя читатель не видит в нем никаких примечательных характеристик выдающейся личности: *M. Frédéric Moreau, nouvellement reçu bachelier, s'en retournait à Nogent-sur-Seine, où il devait languir pendant deux mois, avant d'aller faire son droit* [Flaubert 1997: 19].

Презентуя данный персонаж, автору удается дать более чем исчерпывающую характеристику посредством имён собственных: *M. Frédéric Moreau* – имя, указывающее на буржуазный статус персонажа; *Nogent-sur-Seine* – топоним подчеркивает провинциальное происхождение: студент из провинции, обучающийся в Париже (с нюансом типичного противопоставления столицы и периферии по образу жизни и системе ценностей). Отметим, однако, что Париж «Воспитания чувств» вовсе не выглядит так, как в «Человеческой комедии» О. де Бальзака: столице присущи те же пошлость и скука, что были ранее обрисованы Г. Флобером в «Провинциальных нравах» («Госпожа Бовари»). Следует особо отметить выбор имени главного героя романа – *Frédéric Moreau* – имя, словно списанное с натуры, настолько оно реалистично. Более того – имя реально, ибо, как окажется впоследствии, в тот период в городке Ножан действительно проживала семья, носящая такую фамилию [Меркулова 2013: 127]. Сам писатель очень дорожил фамильным именем *Moreau* как весьма удачной художественной находкой: в своих набросках к роману Г. Флобер первоначально предназначал эту фамилию супругам *M. et Mme Arnoux* [Gothot-Mersh 1980: 477]. Недаром жизнь данных персонажей столь тесно переплетается, словно Фредерик испытывает «родственные» чувства к семье Арну, даже необъяснимую тягу к ним: *Frédéric alla de l'estaminet chez Arnoux, comme soulevé par un vent tiède et avec l'aisance extraordinaire que l'on éprouve dans les songes* [Flaubert 1997: 128].

Фигура г-на Арну, живого и деятельного, на первый взгляд, выступает антиподом вялого и мечтательного Фредерика, однако, по сути, оба мужских образа сливаются в одно целое: Фредерик дружит с г-ном Арну, домогаясь любви его жены, и даже делит со своим соперником любовницу. Так, авторская ирония, вероятно, заложена в том, что писатель, столь скрупулезно выбирающий имена своим героям, предполагал одно и то же фамильное имя равно подходящим для обеих персонажей.

Тем не менее, Фредерик Моро нарочито позиционируется как носитель романтического начала. «Великая страсть» к г-же Арну вспыхивает в нём мгновенно, потому что она кажется ему похожей на романтических героинь, и в душе он хранит это чувство, скорее, не к женщине, а к некой музе, Мадонне (что далее укрепляется особым именем героини): *Elle l'appelait "Frédéric", il l'appelait "Marie", adorant ce nom-là, fait exprès, disait-il, pour être soupiré dans l'extase, et qui semblait contenir des nuages d'encens, des jonchées de roses* [Flaubert 1997: 298-299]. Столь эстетически продуманному образу Мари Арну особое звучание «небесной чистоты и прелести непорочности» (*des nuages d'encens, des jonchées de roses*) придаёт бесспорно сакральное в христианской культуре имя Мадонны. Очевидно, автор (словно в противовес «демонической» сущности мадам Бовари) стремился к созданию женского образа, в коем преобладало бы чистое материнское начало, возобладание долга над греховными желаниями.

В сцене возможного «грехопадения» Мари Арну, когда лишь внезапная болезнь ребёнка, воспринятая как наказание и предостережение свыше, удержала женщину от необдуманного шага, очевидна и роль особого «религиозно трепетного» отношения к ней Фредерика, что подтверждает реализацию подспудных коннотаций имени героини: *Il était empêché, d'ailleurs, par une sorte de crainte religieuse. Cette robe, se confondant avec les ténèbres, lui paraissait démesuré, infini, insoulevable; et précisément à cause de cela son désir redoublait. Mais la peur de faire trop et de ne pas faire assez lui ôtait tout discernement* [Flaubert 1997: 223].

Ироничное отношение автора к своему персонажу, который столь же далек от романтического идеала, как реальная жизнь от возвышенных жизнеописаний в романах, в самом начале было заявлено выбором для него ничем не примечательного, ординарного имени, которое, подобно «бирке», словно заранее предупреждает о

заурядности, обыденности характера. Действительно, Фредерику Моро вовсе не чужды низменные склонности. Так, каким бы «высоким» ни казалось чувство Фредерика к г-же Арну, в глубине души он вполне готов уравнивать свою «великую любовь» (*son grand amour*) и свою легкодоступную любовницу (*une chance moins lointaine*): *La fréquentation de ces deux femmes faisait dans sa vie comme deux musiques: l'une folâtre, emportée, divertissante, l'autre grave et presque religieuse; et, vibrant à la fois, elles augmentaient toujours, et peu à peu se mêlaient; – car, si Mme Arnoux venait à l'effleurer du doigt seulement, l'image de l'autre, tout de suite, se présentait à son désir, parce qu'il avait, de ce côté-là, une chance moins lointaine; – et dans la compagnie de Rosanette, quand il lui arrivait d'avoir le coeur ému, il se rappelait immédiatement son grand amour* [Flaubert 1997: 166].

Очевидна двойственная природа образа Фредерика Моро в романе. Оставаясь в душе классическим книжным «романтическим возлюбленным», Фредерик пронесит через всю жизнь идеальную, по сути, ненастоящую («сочиненную») любовь к г-же Арну, в то время как в житейских вопросах он как истинный представитель своего класса находит удобные для себя компромиссы.

Впечатление «стертости», отсутствия энергии образа Моро усиливается за счет присутствия в романе (и в судьбе героя) яркого женского персонажа с колоритным прозвищным именованием: – *Voulez-vous m'obéir, saprelotte! Regardez donc mes épaulettes! Je suis votre **maréchale**! Ils s'exécutèrent et applaudirent en criant: – Vive la **Maréchale**! Vive la **Maréchale**!* [Flaubert 1997: 146]. Примечательно возникновение прозвища героини в романе: на первый взгляд, оно дано по внешнему сходству (*mes épaulettes*) и «командирскому» поведению (*Je suis votre **maréchale**!*). Однако, казалось бы, «по случайности» произнесенное именование становится основополагающим в судьбе главного героя: Фредерик словно подчинен воле своей любовницы как природы сильной, способной бороться и преодолевать трудности, а также фактически одерживать верх в соперничестве. Так, в восприятии Фредерика его любовница – *la **Maréchale***, та, что заставляет себе повиноваться (*m'obéir*): *A la hauteur de Frascati, il aperçut les fenêtres de la **Maréchale**...* [Flaubert 1997: 310]; *Ensuite, il s'en alla chez la **Maréchale*** [Flaubert 1997: 346].

Авторская ирония состоит в том, что главный герой не способен реализовать высокое чувство чистой любви, но подчинен

«Маршальше» (*la Maréchale*) – падшей женщине, то есть и сам погряз в низменности существования.

Впрочем, автор не даёт прямой и однозначной характеристики своим образам, что в целом не уместно в рамках стилистического направления реализма. Тем не менее, глубокая и всесторонняя интерпретация художественного текста романа на основе анализа эстетических онимов с учетом эффекта синергии в характеристике персонажей позволяет выявить целый спектр взаимосвязанных и взаимообусловленных коннотаций имён собственных от историко-культурного и философско-религиозного плана до аспекта индивидуально-авторской оценки созданных в произведении образов.

С точки зрения авторского замысла, «Воспитание чувств» отражает пессимистическую философию Г. Флобера, что выразилось как в манере повествования (картины безнадежности жизни, серости существования героев), так и в системе онимов романа. Отсутствие сколько-нибудь примечательных имён символизирует отсутствие неординарных, исключительных образов (Моро, Арну являют собой типичные фамильные именованья). Пожалуй, даже самый яркий женский персонаж госпожи Арну в романе не избежал налета обыденности, тщетности мечтаний и стремлений. И, в значительной степени, лишь благодаря эстетическому ониму с религиозно-философской и культурной подоплекой образ Мари Арну находит особое достойное место среди типажей романтических возлюблённых в литературе.

Специфической чертой эстетических онимов в характеристике ключевых персонажей романа Г. Флобера «Воспитание чувств» с учётом присущего именам собственным в художественном тексте эффекта синергии является взаимосвязанность и взаимообусловленность коннотаций, раскрывающихся на различных уровнях интерпретации и способствующих усилению характеристики именуемых образов.

Список литературы

Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.

Меркулова Н.В. Методика исследования художественного текста на основе анализа эстетической ономастики (на материале романа Г. Флобера «Госпожа Бовари») // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2015. вып. 4 (28). С. 112-127.

Меркулова Н.В. Синергический эффект эстетической ономастики в ономатургии французского романа // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2017. вып. 1 (33). С. 82 – 101.

Меркулова Н.В., Моташкова С.В. Эстетическая ономастика в художественном тексте и интертексте: основные функции и проблема перевода (на материале знаковых произведений французской литературы): монография. Воронежский ГАСУ. Воронеж, 2013. 177 с.

Моруа А. Олимпио, или жизнь Виктора Гюго. М., Россия – Кириллица, 1992. 528 с.

Flaubert G. L'Education sentimentale. Préf. d'A. Thibaudet. P.: Gallimard, 1997. 502 p.

Gothot-Mersch Cl. La genèse de Madame Bovary. P.: Corti, 1966, Reprint Slatkine, 1980.

N.V. Merkulova

**Synergic Effect of Aesthetic Onyms in the Characterization of Characters
(based on the key onyms of the novel «Sentimental Education» by G. Flaubert)**

The article examines the role of aesthetic onyms in the characterization of the key characters in the novel «Sentimental Education» by G. Flaubert taking into account the synergic effect inherent in the proper names within fiction, which implies the disclosure of their meaning at various levels of interpretation. As a result of the analysis, the «fan subtext» of aesthetic onyms (social, philosophical, religious, etc.) was revealed, which serves to strengthen and deepen the characteristics of the named art images.

Keywords: aesthetic onym, synergic effect, characterization of characters, Flaubert, «Sentimental Education»

*E.B. Минина
(Горловка, ДНР)*

**Топопозтоним «Белый дом» в романе Кена Фоллетта
«Гибель Гигантов»**

Статья посвящается исследованию топовозтонима «Белый дом» в романе Кена Фоллетта «Гибель Гигантов». В статье рассматривается понятие 'топовозтоним' и его отличие от реального топонима. В ходе исследования установлено, что топовозтонимы в целом и топовозтоним «Белый дом» в частности выполняют характерную хронотопическую функцию, а также характеризующую и эмоционально-стилистическую функции.

Ключевые слова: топоним, литературная ономастика, топовозтоним, хронотопическая функция, эмоционально-стилистическая функция.

Изучением реальной топонимии учёные занимаются очень давно, ведь эта сфера ономастики является невероятно интересной для исследования. В частности, один из основателей советской ономастической науки В.А. Никонов считает, что географические названия занимают важное место среди исторических памятников, представляя собой красноречивого свидетеля прошлого [Никонов 2011: 13]. По его мнению каждое географическое название – это история, выраженная языковыми средствами [Никонов 2011: 26]. Что касается семантики топонимов, именно В.А. Никонов является автором идеи о 3 планах или функциях значения. Он выделяет дотопонимическое значение топонимов (этимологическое значение слов, которые составляют основу наименования), собственно топонимическое (обозначение объекта) и посттопонимическое или оттопонимическое (ассоциации и коннотации, которые возникают при использовании наименований в речи и служат материалом для создания других классов объектов) [Никонов 2011: 57–61].

Топонимия художественного произведения, наоборот, не так давно стала объектом научного интереса, как и литературная ономастика вообще. Но отметим, что на данном этапе развития литературной ономастики всё больше внимания уделяется исследованию топонимикона художественного текста. Литературные топонимы были объектом исследования таких учёных как О.И. Фонякова, В.М. Калинин, Т.В. Немировская, Н.В. Васильева, В.В. Бардакова и многих других. Автор фундаментальной работы «Поэтика онима» В.М. Калинин, который ввёл базовым понятием литературной ономастики термин ‘поэтоним’, предложил идею переименования ономастических терминов, определяющих разряды имён по типу объекта именования, в антропоэтонимы, топоэтонимы, зооэтонимы и т.д. [Калинкин 2002: 5]. По словам Т.В. Немировской, «топонимикон никогда не существует сам по себе» [Немировская 1988: 118]. Топоэтонимы неразрывно связаны с другими классами поэтонимов: антропоэтонимами, хроноэтонимами, идеоэтонимами и другими, и все они составляют поэтонимосферу художественного произведения, в которой названия географических объектов выполняют важные функции и «занимают особое место в ткани художественного произведения, подчиняются общим законам художественности контекста, являются очень экспрессивным, стилистически

нагруженным видом онимов и выступают пространственной доминантой художественного произведения» [Немировская 1988: 114]. По мнению исследовательницы, «топонимикон не только называет, – он находится в сложной взаимосвязи с литературным произведением. Он привлечен к контексту, мобилизован автором из многочисленного количества названий для определенного произведения. И чем более распространенным является название, тем интереснее он вписывается в контекст, создавая иллюзию реальности, привязанности к определенному месту, создавая свой топонимический фон» [Немировская 1988: 118], следовательно топонимы принимают активное участие в локализации событий, создании сюжета и художественного хронотопа, в то же время воспроизводят историзм художественного произведения. Однако роль топопоэтонимов не сводится только к указанию места действия, они, как правило, служат в качестве средства достижения стилистического эффекта. Таким образом, топопоэтонимы описывают физико-географические признаки объекта и характеризуют его.

Ярким примером многофункциональности топопоэтонимов является роман Кена Фоллетта «Гибель Гигантов». Действие романа относится к началу XX века и охватывает события, происходящие в канун I мировой войны, а также военное и послевоенное время (1911–1924 гг.). На фоне исторических событий повествуется об историях пяти взаимосвязанных между собой семей. Главные герои – заводские рабочие и интеллектуалы, шахтёры, политики и аристократы России, Германии, Англии и США, на чьих глазах рушится старый мир и гибнут целые империи. Поскольку действия романа разворачиваются параллельно в нескольких странах, а именно России, Германии, США и Англии, то автор использует системы топопоэтонимов, характерные для той или иной страны.

На сегодняшний день, вероятно, не существует ни единого человека, которому был бы неизвестен топоним «Белый дом». В произведении «Гибель Гигантов» Кен Фоллетт использует валлийский вариант данного топонима – урбанопоэтоним *Tŷ Gwyn*, название загородного дома семьи графа Фицгерберта. С одной стороны, данный топопоэтоним ассоциируется с реальным топонимом, обозначающим название резиденции президента США, поскольку является величественным трехэтажным зданием, насчитывающим двести комнат и более пятисот окон, а с другой

стороны, *Tŷ Gwyn* приобретает несколько ироничный оттенок, так как некогда построенный дом из белых камней был покрыт толстым слоем угольной пыли и приобрел темно-серый цвет: *Tŷ Gwyn was Welsh for White House, but the name had become ironic ...* [Follett 2010: 31]. Как и подобает подобной резиденции, каждая комната, каждый зал и каждый клочок многочисленных садов и лужаек имеют свою собственную номинацию. Каждый топопоэтоним, как составляющая *Tŷ Gwyn*, не просто указывает на место действия, но и имеет эмоционально-стилистическую окраску, описывая внутреннее убранство и окружающую обстановку. Так, например, топопоэтоним *the Egyptian Apartment* (в переводе «Египетские покои») является самыми большими покоями в особняке, под стать королевской чете, и были названы так, поскольку для оформления стен использовались египетские мотивы: *Obviously Their Majesties will be in the Egyptian Apartment ... Its wallpaper had decorative motifs from Egyptian temples* [Follett 2010: 35]. Еще одни покои *the Gardenia Suite* (Гардениевая комната), получили свое название благодаря великолепному виду, открывающемуся из комнаты на сад, а также стенам, украшенным замысловатыми цветочными узорами, а комната *the Gray Room* (Серая комната) была названа таким образом в связи с оттенками интерьера. В особняке *Tŷ Gwyn* перед обеденным залом располагался *the Sculpture Hall* (Зал скульптуры), обязанный своим названием великолепному собранию скульптур, а также *the Great Hall* (Большой зал), выполненный в викторианско-готическом стиле, где обычно устраивались приемы и балы.

Как мы успели отметить, в таких величественных поместьях как *Tŷ Gwyn* названия есть не только у комнат, но даже у садов и аллей. Примером этому могут служить топопоэтонимы *the West Walk* и *the East Lawn*, которые не просто указывают на местоположение по отношению к самому зданию (запад и восток соответственно), но и вызывают определенные эмоции у читателя. Так *the West Walk* (Западная аллея) является самым чудесным уголком сада, идущая вдоль клумб к беседке: *... the most charming part of Fitz's garden, the West Walk, a long straight path through flower beds to a summerhouse* [Follett 2010: 51], а *the East Lawn* (Восточная лужайка), на которой устанавливались шатры и устраивались приемы на свежем воздухе.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что резиденция *Tŷ Gwyn* уникальна и по своей архитектуре, и по своему

внутреннему убранству, а главное, что данный топопоэтоним полностью выполнил свою не только хронотопическую функцию, но и характеризующую и эмоционально-стилистическую функции, и замысел автора достигнут. Перспективным направлением работы является изучение данного топопоэтонима в тесной связи с другими периферийными разрядами поэтонимов.

Список литературы

Калинкин В.М. Литературная ономастика или поэтика онама. Методические указания к спецкурсу. Донецк, 2002. 39 с.

Немировская Т.В. Некоторые проблемы литературной ономастики // Актуальные вопросы русской ономастики: Сб. науч. трудов. К.: УМК ВО, 1988. С. 112–122.

Никонов В.А. Введение в топонимику. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. 184 с.

Follett K. *Fall of Giants*. New York: New American Library, 2010. 925 p.

Ye. V. Minina

Топопоэтоним «White House» in Ken Follett's «Fall of Giants»

The article is devoted to the study of the topoetonym «the White House» in Ken Follett's «Fall of Giants». The article focuses on the term 'topoetonym' and its difference from toponym. The research identifies that topoetonyms in general and the topoetonym «the White House» in particular perform their typical chronotopical function as well as characterizing emotional and stylistic functions.

Keywords: toponym, literary onomastics, topoetonym, chronotopical function, emotional and stylistic function.

*С.Г. Павлов, К.Э. Вдовина
(Нижний Новгород, Россия)*

Символика имен главного героя романа Е. Водолазкина «Лавр»

В статье описывается символика имён главного героя романа Е. Водолазкина «Лавр». Четыре имени героя своей этимологией и ассоциативными связями отражают четыре этапа его жизненного пути. Своеобразный художественный прием именного и событийного параллелизма является продолжением литературной традиции говорящих имен.

Ключевые слова: собственное имя, символизм, параллелизм, этимология.

В романе Е. Водолазкина «Лавр» концептуально значимую роль играют последовательно сменяющие друг друга имена главного героя. В соответствии со средневековым представлением об иконическом отражении небесного в земном имена становятся символическими

вехами жизненного пути героя. Они демонстрируют параллелизм сущностного и явленного, присутствие надмирного в бытийном.

В самом начале повествования Е. Водолазкин указывает на связь имени человека с его судьбой: *В разное время у него было четыре имени. В этом можно усматривать преимущество, поскольку жизнь человека неоднородна* [Водолазкин 2015]. Главный герой романа последовательно сменяет имена *Арсений – Устин – Амвросий – Лавр*. Не чувствуя цельности своей жизни и личности, он говорит: *...Жизнь моя прожита четырьмя непохожими друг на друга людьми, имеющими разные тела и разные имена... Жизнь напоминает мозаику и рассыпается на части*. На что старец Иннокентий замечает: *Быть мозаикой – еще не значит рассыпаться на части... Но и в мозаике жизни твоей есть то, что объединяет все отдельные её части, – это устремленность к Нему*. Рассмотрим символический смысл каждого имени в контексте художественного мира романа, основным мотивом которого и является стремление человека к Богу.

1) Арсений – имя, данное герою в крещении: *ἀρρην* (перен.) ‘мужественный, сильный’ [Вейсман 1899: 199]. Мужество – фундаментальная христианская добродетель, со всей определенностью подчеркнутая Христом: *«В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир»* (Ин. 16:33); *Арсений* – некий инвариант, развивающийся и детализирующийся во всех остальных именах героя.

Этимология имени *Арсений* отражается как на внешнем уровне жизни героя (*в хозяйстве Христофора и Арсения вообще не было ничего женского*), так и на внутреннем. Множество скорбей постигло Арсения, и самая страшная из них – смерть близких: сначала родителей, потом заменившего их деда Христофора, наконец – смерть его невенчанной возлюбленной Устины, причиной которой стал сам Арсений, допустивший преступное малодушие. После этого вся его жизнь становится восстановлением достоинства, явленного в имени *Арсений*. Устина умирает у него на руках при родах мёртвого младенца – сына Арсения. В стремлении спасти её и сына от вечной гибели Арсений пытается прожить за Устину. До конца жизни он сомневался, благодатен ли его подвиг: *я все жду какого-то знака...но все эти годы не видел ни одного*. На что друг Арсения Амброджо отвечает, невольно отсылая к этимологии имени Арсений: *идти по знакам легко, и для этого не нужно мужество*.

2) **Устин.** Вечная жизнь Устины, не получившей перед смертью разрешения грехов, в опасности. По православному вероучению, загробное покаяние невозможно. Арсений отчаялся, но старец Никандр указал ему выход – прожить за Устину. На вопрос Арсения *Разве у меня есть возможность жить вместо неё?* старец отвечает: *В серьёзно понятом смысле – да. Любовь сделала вас с Устиной единым целым, а значит, часть Устины всё еще здесь. Это – ты.* Внешним знаком двух параллельных жизней стала перемена имени.

Юродствуя в Пскове под именем Устин, Арсений живёт за Устину. Он верит в онтологическую представленность человека в его имени. По этой вере люди, обращаясь к отказавшемуся от своей личности Арсению, общаются с Устиной, которой словно бы сообщаются все дела и душевные состояния Арсения-Устина. Он пытается заменить собой личность Устины, и его самоотверженность прибавляет ему сил: *Я попытался, как мог, заменить Устину и творить от ее имени добрые дела, которые никогда бы не сумел сотворить от своего.*

Символика имени *Устина* (лат. *Justina* < *justus* ‘справедливый, законный’) наполняется в романе и другим смыслом. В этом имени совмещены восходящие к одному корню слова – древнерусское *усть* ‘исток реки’ [Срезневский 1989: 1292] и современное *устье* ‘место впадения реки (в море, озеро или другую реку)’. Имя *Устина* символизирует, с одной стороны, источник греха и покаяния Арсения, с другой, итог этого покаяния. В конце романа Устину символически замещает Анастасия, которую Арсений (к тому времени – Лавр) спасает от смерти, приняв ответственность за её беременность на себя.

Устина отождествляется с Анастасией, а безымянный мёртворожденный сын Арсения с появившимся на свет, благодаря мужеству и акушерскому искусству Лавра, младенцем последней: *Анастасии (Анастасии?) не хочется лежать в темной пещере. <...> Не отходи от меня, просит она Лавра. – Я здесь, любовь моя... И мы вместе.*

Любовь моя – обычное обращение к Устине. Теперь оно адресуется (*Анастасии?*), знак вопроса после имени которой недвусмысленно отсылает к Устине. Имя *Анастасия* (греч. *ἀνάστασις* ‘воскресение’) указывает на итог жизни Арсения. Бог принимает его покаянный подвиг. Справедливое воздаяние смертью (*Устина*) сменяется милостью воскрешения (*Анастасия*).

Спасение Анастасии – венец предшествующих трудов ради Устины. Анастасия становится знаком личного воскресения души Арсения.

3) Амвросий. Значение имени *ἀμβρόσιος* ‘присущий (принадлежащий) бессмертным или ниспосланный бессмертными, т. е. божественный’ [Дворецкий 1958: 93]. Под этим именем Арсений умирает для мира, принимая монашество. Отныне душой он принадлежит только Богу. В имени *Амвросий* отчётливо звучат языческие нотки, которые в тексте романа обретают христианский смысл. В древнегреческой мифологии амброзией называется нектар, служащий пищей богов. Монах Амвросий становится источником божественной пищи для многих страждущих, со всех сторон стекающихся к нему как к великому врачу. Среди них ходят слухи, что у него есть эликсир бессмертия. Амвросий действительно показывает его им. Приведя людей в монастырский храм во время причастия, Амвросий, показывая на причастную чашу, говорит: *в ней эликсир бессмертия, и его хватит на всех.*

4) Лавр. Имя *Лавр*, занимая семантически сильную позицию названия, выражает основную мысль романа. Лавровый венок венчает победителей. Имя *Лавр* в романе является знаком успешного конца покаяния и вечнозеленым символом победителя смерти. При схимническом постриге старец Иннокентий заметил Амвросию: *растение, тебе отныне тезоименитое, целебно.* Арсений (Устин, Амвросий) всю жизнь лечил людей, но именно под именем *Лавр* он победил болезнь и смерть в себе – исцелился от боли за Устину и мирно почил смертью праведника.

Таким образом, Е. Водолазкин своеобразно продолжает литературную традицию говорящих имен. Основные этапы жизни главного героя символически отражены в каждом из его имен, выражающих основные идеи романа: 1) *Арсений* – мужество; 2) *Устин* – покаяние, преложившее грозную божественную справедливость на милость; 3) *Амвросий* – причастность Богу через святость; 4) *Лавр* – окончательная победа над смертью.

Список литературы

Все цитаты из романа приводятся по изданию: Водолазкин Е.Г. Лавр: роман. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 440 с.

Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Изд. 5-е. СПб., 1899. 1370 ст.

Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. В 2 т. М., 1958. Т. 1. 1043 с.

Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: В 3 т. Репринт. изд. М.: Книга. 1989. Т. 3. Ч. 2. 1884 ст.

The symbolism of the names of the main character E. Vodolazkin novel «Lavr»

The article describes the symbolism of the main character's names in the E. Vodolazkin novel «Lavr». The four names of the main character reflect the four stages of his life by their etymology and associative connections. The original method of the name and place parallel consideration demonstrates the ongoing literature tradition of speaking names.

Keywords: own name, symbolism, parallelism, etymology.

Л.И. Петриева, О.М. Артемьева

(Ульяновск, Россия)

**Специфика женского антропонимикона
романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»**

Антропонимическое пространство, создаваемое М. Шолоховым, позволяет более глубоко соприкоснуться с художественным миром романа, понять его глубинный смысл, понять сущность женских образов, созданных художником.

Ключевые слова: антропонимика, авторская позиция, художественный образ, функция персонажа.

М. Шолохов в романе «Тихий Дон» продолжил лучшие традиции русской классики (Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова) и в то же время выступил новатором в создании женских образов.

Для создания художественных образов женских персонажей в романе-эпопее М. Шолохов использует различные художественные приемы и средства. Особую роль в романе играет детализация, проявляющаяся на различных уровнях, в самых разных контекстах, помогающая осознать авторскую позицию. Это и портретная детализация, и «фитоморфная» (растительная) деталь как «знак» персонажа, и детали визуальные, звуковые, одоративные. осязательные, вкусовые, мимические и т.д.

На наш взгляд, важную роль в романе играет и антропонимическая деталь (имя героини), поскольку антропонимикон (антропонимическое пространство) выражает особую смысловую нагрузку образа, обладает «скрытым ассоциативным фоном» [Горбаневский 1988: 4]. Созданный писателем антропонимический мир является частью внутреннего мира художественного произведения, позволяет выстроить его образную структуру [Фонякова 1990: 38-39].

Каждую героиню своего романа М. Шолохов наделил особым характером и функцией, нарекая особым именем, подчеркивающим ее индивидуальность, создающим оценочное представление о героине, словно загадывал читателю загадку.

Интересна мысль Н.И. Кунниковой об особом обаянии, который наделил автор романа *Аксинью*. Имя Аксинья (Аксиния) происходит от греческого имени, означающего «чужестранка», реже – «гостья». Иногда переводят как «гостеприимство» или «чужая». Вариант этого имени – русская Ксения или украинка Оксана.

Для характеристики Аксиньи скорее подходит значение «чужая», этим она и близка Григорию, который тоже родом из чужаков, в нем течет и турецкая кровь. Мятежная и непокорная, с гордо поднятой головой, шла она против предрассудков, лицемерия и фальши, отвоевывая свое счастье с любимым человеком, вызывая злые толки и пересуды [Кунникова 2015:100]. Неоднократно повторенное определение «гордая» служит для выделения одной из самых существенных черт характера Аксиньи, построенных на развитии мотива огня и пожара, на мотиве особой жизнестойкости героини [Дрягин 1960:45]. Мотив огня и жара получает своё завершение в сцене смерти героини: дневной свет теряет силу, потому что исчезновение символа «Аксинья – огонь, жар», влияет на солнце: оно становится чёрным, а исчезновение параллели последних эпизодов «Аксинья – свет», делает чёрным не только солнце, но и небо. Жизнь Григория без Аксиньи уподобляется чёрной, выжженной палами степи [Тамахин 1979: 50]. Аксинью можно отнести к типу демонических женщин, так в ней проявляются противоположные качества: она страстная, необузданная, разрушительница семьи и нежная, заботливая, любящая, проявляется в ней и чувство материнской любви. Она своенравная, всегда поступает наперекор нормальной логики. Героиня играет роковую роль в жизни Григория Мелехова. Не зря имя героини означает «чужая», «чужестранка», «гостья», она и в правду является чужой для семейства Мелеховых.

Наталья – это другая сторона жизни Григория Мелехова, спокойная, тихая, обозначающая его семейную жизнь. М.Н. Яворская указывает, что имя Натальи очень древнее, оно было образовано в первые века христианства от латинского «*Natalis Domini*», означающее «рождение», «Рождество». Современный вариант перевода имени – «рождённая в Рождество, рождественская». У имени Наталья возможны различные варианты перевода, но все они

приближены к понятию «рождение». Очень часто имени Наталья дают значение «родная», в значении «родимый, отчий, отечественный», а также более обширное понятие – «день рождения; место рождения, родина; бог, покровительствующий рождению; род, происхождение» [Яворская 2013: 87].

Наталья предстаёт перед читателем как нежная и хрупкая женщина, принявшая на себя всю меру страдания, отпущенного жизнью. Она желала сделать все для сохранения семьи. В дом Мелеховых Наталья вошла, покорив свекровь своим трудолюбием. Её отношения с мужем в первый год после свадьбы писатель сравнивает со снегом – так холодна и медлительна её любовь, так глубоко скрыты её чувства. И лишь с рождением детей она стала увереннее, «расцвела и похорошела диковинно», лицо «радостно зарумянилось», и любовь её стала согревающей.

Л. Киселёва видит образ Натальи в качестве «берегини» и продолжательницы духовных и родовых устоев казачьего дома. Главная черта таких женщин – бескорыстное, по велению сердца подчинение личных интересов общесемейным или общественным. В силу возвышенности своей натуры они способны взять на себя даже тяжкий крест вины за несовершенство других, готовы на любовь и сострадание к самым разным людям, даже к тем, кто причинил им боль [Киселева 1965: 83]. Финальное возвращение Григория Мелехова в родной дом – это возвращение к тому, что «выстроила» своей самоотверженной любовью Наталья.

Оплотом семьи Мелиховых является мать Григория, Петра и Дуняшки – *Ильинична*. Это пожилая казачка, у которой взрослые сыновья, а младшая дочь Дуняшка – подросток. Полное имя ее – Василиса Ильинична.

А.Г. Макаров и С.А. Макарова проанализировали имя героини, полное имя которой является Василиса Ильинична Мелехова («...с матерью твоей Василисой Ильинишной...»). Имя Василиса в переводе с греческого означает «царственная», «властительница». Однако в романе героиню постоянно называют только по отчеству – Ильинична. Имя Илья – это русский вариант древнееврейского имени Элияху, означающего «Мой Бог – Господь», также можно перевести как «верующий». Иначе переводчики говорят, что имя Илья происходит от имени Илия, имеющего значение «крепость Господня» и «сила Божья». Таким образом, имя героини можно рассматривать в двух значениях: с одной стороны, властительница, с другой –

носительница божественного начала. В итоге перед нами предстаёт женщина-властительница семьи, хозяйка дома, дарящая членам своей семьи внутренний свет, любовь и поддержку [Макаров 2000: 56].

В произведении перед читателем предстаёт старая женщина, неугомонная и хлопотливая, вечно занятая бесконечными домашними заботами, кажется вначале незаметной, и в происходящих событиях мало принимает участия. Даже ее портретной характеристики нет в первых главах книги, а только некоторые детали, по которым можно судить, что эта женщина многое пережила: «сплошь опутанная паутиной морщин, дородная женщина», «узловатые и тяжелые руки», «шаркает старчески дряблыми босыми ногами». И только в последних частях «Тихого Дона» раскрывается богатый внутренний мир Ильиничны.

Одна из основных черт характера этой женщины – спокойная мудрость. Иначе бы она просто не смогла ужиться со своим эмоциональным и вспыльчивым мужем. Без какой-либо суеты Ильинична ведет хозяйство, заботиться о детях и внуках, не забывая и об их душевных переживаниях. Она поддерживает в доме не только внешний порядок, но и следит за моральной атмосферой в семье. Она осуждает связь Григория с Аксиньей, и, понимая, как тяжело законной жене Григория Наталье жить с мужем, относиться к ней словно к родной дочери, всячески стараясь облегчить ее труд, жалеет ее, порой даже дает лишний час поспать [Ермолаев 2000: 243–248]. В последних главах М. Шолохов раскрывает трагедию матери, потерявшей мужа, сына, многих родных и близких: если раньше Ильинична была сдержанна в своих чувствах, то в конце романа все меняется, она словно вся состоит из материнской любви: «Удивительно, как коротка и бедна оказалась жизнь и как много в ней было тяжелого и горестного, в мыслях обращалась она к Григорию... И на смертном одре жила она Григорием, думала только о нем...». Интересную мысль высказала М.Н. Яворская: образ Ильиничны в романе – это чистый образ материнства, образ «донской мадонны» [Яворская 2013: 96].

Если борьба идей жертвенности и своеволия создает в образах Аксиньи и Натальи постоянное напряжение борьбы за счастье, то в образе *Дарьи Мелеховой*, погрязшей в блуде, М. Шолохов выделяет мотив нечистоты как главной черты ее характера. В. Чалмаев, анализируя образ Дарьи, обращается к истории происхождения её имени, которое имеет несколько вариантов происхождения. По

первой версии, имя Дарья – это женский вариант мужского древнеперсидского имени Дарий, которое произошло от греческого Дарейос. В греческом языке это имя стало транскрипцией двусоставного персидского мужского имени Dārayava(h)uš, где «дара» означает «владеющий; тот, кто обладает», а «вау(ш)» – «благо», «добро» (в значении – ценность, имущество, достаток). Поэтому имя Дарья трактуют как «владетельница блага», «богатая», иногда переводят как «победительница». Вероятно, что вторая часть имени также указывала на моральные качества обладателя, в таком случае имя Дарья может трактоваться как «добрая», «положительная», «хорошая». По второй версии, имя Дарья имеет славянские корни, является современной формой славянских имен Дарёна и Дарина, а также родственным именем для имён Даролюба и Даромила, поэтому значение имени Дарья близко к понятию «дар» – «подарок, дарованная» [Чалмаев 1990: 234]. Дарья и позиционирует себя как подарок. Дарья – щеголиха, поэтому огромную роль играют здесь детали одежды. Мы видели разбитную Дарью «принаряженной», «нарядной», «одетой богато и видно», «разнаряженной, словно на праздник». «От работы хоронится, как собака от мух», «совсем отбилась от семьи» [54: 68], – говорит о ней Пантелей Прокофьевич. Героиня долгое время не замечала красоты Дона, степи. Чувство природы не играло роли в ее переживаниях. Но в финале своей жизни она обращает на нее внимание: «Гляжу на Дон, а по нем зыбь, и от солнца он чисто серебряный, так и переливается весь, аж глазам глядеть на него больно. Повернусь кругом, гляну – господи, красота-то какая! А я ее и не примечала». В этом монологе – драма, бесплодность всей ее жизни. Сама Дарья говорит о себе, что она живет «как цвет придорожная белена». Образ ядовитого цветка метафоричен: общение с женщиной-блудницей так же смертоносно для души, как отравы для тела. Да и конец Дарьи символичен: ее плоть становится ядом для окружающих. Тем не менее образ Дарьи еще не последняя ступень на пути превращения женщины существо, неумоимо сеющее вокруг себя зло и разрушение. Дарья перед смертью все же соприкоснулась с иным миром – гармонии, красоты, божественного величия и порядка [Кирпотин 1963: 148].

В романе есть женский образ, который в плане следования по стезе зла может быть напрямую соотнесен с гоголевскими ведьмами. Это образ *Елизаветы Моховой*, которая росла, «как в лесу куст дикой волчьей ягоды». Имя Елизавета имеет древнееврейское

происхождение и в переводе буквально означает «Бог мой – клятва», «почитающая Бога», «заклинающая Богом».

Есть и наследница «прогрессисток» Ф. Достоевского – пламенная революционерка *Анна Погудко*. Имя Анна с иврита переводится как «храбрость», «сила», «благодать». В христианстве Анна – мать Богородицы, бабушка Иисуса Христа (богопраматерь), жена святого Иоакима, родившая дочь чудесным образом после долгих лет бездетного брака. Поэтому имя Анна также переводят как «милость божья», «благодать».

После смерти Натальи и Ильиничны хозяйкой мелеховского куреня становится *Дуняшка*, ей предстоит примирить в одном доме героев-антагонистов: Мелихова и Кошевого. Имя Евдокия греческого происхождения. Образовано от имени Эудокиа, означающего «благоволение». В европейских языках часто смешивается с родственным женским именем Евдоксия, означающее «благодать».

С младшей из Мелеховых – Дуняшей – автор знакомит нас, когда она была еще длиннорукой, большеглазым подростком с тонкими косичками. Подрастая, Дуняша превращается в чернобровую, стройную и гордую казачку со строптивым и настойчивым мелеховским характером.

Рассматривая антропонимическую характеристику героинь романа М. Шолохова «Тихий Дон», можно сказать, что автор очень точно, с конкретной целью подобрал имена своим героиням, опираясь в то же время на традиционное народное понимание имени, в итоге мы наблюдаем полное соответствие имени и характера.

Список литературы

Горбаневский М.В. Ономастика в художественной литературе: Филологические этюды. М.: Изд. Ун-та Дружбы народов. 1988.

Дрягин Е.П. Шолохов и советский роман. Ростов: Изд-во Ростовского ун-та, 1960.

Ермолаев Г.С. Михаил Шолохов и его творчество. СПб.: Академический проект, 2000.

Киселева Л. Об особенностях психологического анализа в романе «Тихий Дон» // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. Т. 24. Вып. 2. 1965. С. 118–128.

Кирпотин В.Я. «Тихий Дон». Тема природы // Кирпотин В.Я. Пафос будущего. М.: Советский писатель, 1963.

Кунникова Н.С. Тема любви и женские образы в романе М. Шолохова «Тихий Дон». Ясногорск, 2015.

Макаров А.Г., Макарова С. А. Вокруг «Тихого Дона»: от мифотворчества к поиску истины. М.: Пробел, 2000.

Тамахин В. Поэтика картин природы в «Тихом Доне» // Русская литература. 1979. № 3. С. 210–216.

Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. Л., 1990.

Чалмаев В. Открытый мир Шолохова: «Тихий Дон» – не востребуемые идеи и образы. М., 1990.

Яворская М.Н. Женские образы в романе Михаила Шолохова «Тихий Дон». Гулькевич, 2013.

L.I. Petrieva, O.M. Artemyeva

**Specificity of the anthroponomy of female images
of the novel by MA. Sholokhov "Quiet Flows the Don"**

The anthroponymic space created by M. Sholokhov allows for a more intimate contact with the art world of the novel, to understand its deep meaning, to understand the essence of female images created by the artist.

Keywords: anthroponymic, author's position, artistic image, character function

Е.Н. Прусова

(Ярославль, Россия)

**Топонимы Урала как ключевые номинации локусов
в структуре художественного пространства
романа «Доктор Живаго»**

В статье представлен анализ топонимов Урала в качестве структурного элемента художественного пространства романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». Рассмотрены различные классификации топонимов. Сделан вывод о функции топонимов в романе.

Ключевые слова: топонимы, художественное пространство, внутренняя функция топонимов, структурообразующая роль топонимов, символический смысл.

Топонимы как локусы конкретной номинации являются важным элементом языка художественного пространства романа «Доктор Живаго». Широко представлены топонимы на страницах романа, от микротопонимов-обозначений мелких географических локусов до номинаций городов, стран, рек. Они имеют разную семантику. Выделяются следующие группы топонимов, в зависимости от характера географических объектов, которые они обозначают: 1) ойконимы (Звонарская слобода, Кутейный посад, Кежемская заимка, Пажинск, Тысяцкое); 2) урбанонимы (Купеческая, Крестовоздвиженская больница, Ново-Свалочная); 3) гидронимы (Кежма, Пажинка, Пелга, Рыньва, Чилимка); 4) оронимы (Урал,

Шутьма); 5) микротопонимы (Вытско-Кежемский водораздел, селение Дворы, лес Лисий оток, Чилимская росчисть); 6) названия, возникшие от антропонимов (Малый Ермолай, Юрятин).

Особенность мифопоэтического пространства за Уральскими горами заключается в том, что здесь традиционно располагается Эдем, Беловодье, земля обетованная. Все уральские топонимы – вымышленные, носят символический характер, что подчёркивает «сотворённость» художественного пространства романа. Уральские топонимы в романе «Доктор Живаго» условно можно разделить на следующие тематические группы: 1) Юрятин и окрестности, 2) Варыкино и окрестности, 3) Крестовоздвиженск, Воздвиженский монастырь (христианские мотивы), 4) топонимы дороги, 5) топонимы плена.

Главный город мифопоэтического пространства Урала – **Юрятин**. Это то обетованное место, тот Эдем, куда стремятся главные герои романа. Образ Юрятина, являющийся перекрёстком всех путей и дорог на Урале, наделён чертами сказочности, легендарности. Гора Афон возникает при описании города, увиденного Живаго впервые. Афон – это святое место для верующего человека, сюда приходят в поисках истины и Божественного откровения. *«Там, верстах в трёх от Развилья, на горе, более высокой, чем предместье, выступил большой город, окружной или губернский... Он ярусами лепился на возвышенности, как гора Афон или скит пустынножителей на дешёвой лубочной картинке, дом на доме и улица над улицей, с большим собором посередине на макушке»* [Пастернак 1998: 238]. Название города образовано от имени главного героя при помощи суффикса -ин- и интерфикса -ят- по модели притяжательных прилагательных (город Юры). Это одна из широко используемых в русском языке моделей образования топонимов, напр., деревня Юрятино в Ярославле; ср.: Юрьев-Польский: Владимир. обл., Юрино: Марий Эл, Юрья: Киров, Юрьево: Ивановск. обл. [Поспелов 2001: 488].

Варыкино – место с ещё более сильной аурой сказочности. Здесь рядом дремучий лес с волками, символический овраг Шутьма, отсюда родом легендарный Ливерий – предводитель партизан и сын Микулицына (ещё одной загадочной личности). Именно в Варыкино происходят переломные события в жизни Живаго. Это место притягивает к себе злые силы: *«Через Варыкино какие-то шайки проходили, неизвестно чьи»* [Пастернак 1998: 374]. Этимологию

топонима Варыкино можно установить предположительно, это «локус с оврагом»: современное слово *овраг* произошло от древнерусского *вьрагъ* – от глагола *вьръти* – «бить ключом, бурлить» [Шанский 1971: 303]. Таким образом, в корневом сочетании -вар-этого топонима можно увидеть значение «овраг, ключ». (Ср., улица в Москве, где живут Громеко, а потом и Юрий Живаго называется *Сивцев Вражек*). Варыкино, говоря фигурально, – место, где «бурлит» жизнь, кипят ключом человеческие страсти. Более позднее значение слова «овраг» — «рытвина от талых вод» [Шанский: там же] Слово *рытвина* имплицитно присутствует в корневой части -рык-Варыкино, а также в названии гидронима Рыньва (рытвина, от глагола *рыть*). Ещё одно существительное, возможно, объединяет топонимы *Варыкино*, *Рыньва* и существительное *овраг* – это лексема *ручей* (от глагола *рыкать*, *рычать*, первоначальное значение – «шумящий поток») [Шанский 1971: 396]. Этимологическое значение гидронима – «река, распахнутая настежь», где часть «-ва» – река, вода [Смирнов 1996]. Наконец, третье существительное, имя собственное, объединяющее два топонима, – наименование реально существующего на Урале населённого пункта *Всеволодо-Вильва*, связано с биографией Б. Пастернака. *Варыкино*, появившееся перед «путниками из Сивцева», становится неким мифологическим сказочным поселением. В сознании возникает ещё одна образная параллель: гора Олимп и греко-римская мифология. Подобное сравнение усиливает и характеристика персонажей, обитающих в Варыкине: Вакх (бог виноделия, вакханалии), Елена Прокловна (Елена Прекрасная), Ливерий Микулицын (Юпитер, как называет его Юрий Андреевич). Все эти параллели с мифологией вызваны авторской иронией: нагромождение богов и переделка мира не вызывают сочувствия автора. В описании Варыкино также преобладает фольклорно-поэтическая лексика: «*Наверху кручи обозначился белый, удлинённой формы одноэтажный дом. // – Видишь вышку на шихане? – спросил Вакх. – Микулич твой и Микулишна. А под ними распадок, лог, прозвание ему Шутьма*» [Пастернак 1998: 260].

С оврагом *Шутьма* связана легенда о Егории храбром, победившем Змея (Егорий – русский вариант имени Юрий). В тексте романа легенда отражена в эпизоде с волками: Юрий Живаго прогоняет волков от дома. Егорий храбрый – хранитель Москвы. Его функции выполняет в романе Юрий Живаго. Легенда о Егории

храбром дублируется в поэтической части романа, в стихотворении «Сказка». Внутренняя функция топонима: «шутьма (м.р. – шутем) покинутая из-под пашни земля, залежь, заросли, заброс, пустошь, дикое поле» [Даль 2002, 4: 439]. Овраг – сквозной образ в романе, он связывает стихотворную и прозаическую части романа.

Крестовоздвиженск с Воздвиженским монастырем возникает в тексте как оппозиция злу, нечистой силе, обитающей в Варыкино, связан с мотивом «хождения по мукам» главного героя, не случайно повторяется образ Страстной недели: крестные муки. В Москве доктор Живаго служил в Крестовоздвиженской больнице и видел страдания других, здесь мотив крестных мук перенесен в другой город, соседний с Юрятым. Путь в Крестовоздвиженск начинается с восхождения, это снова напоминает гору Афон, а оппозиция «верх / низ», заданная при описании города, напоминает о Москве.

Таким образом, топонимы выполняют в романе «Доктор Живаго» следующие функции: 1) участвуют в композиционном построении романа; 2) создают в тексте пространственные оппозиции, определяющие направленность движения персонажей (Урал противопоставлен Москве и Иерусалиму); 3) связывают прозаическую и поэтическую части романа; 4) выражают определённые символические смыслы, принимая амбивалентные значения.

Список литературы

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2002.
Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. Спб., 1998. 544 с.
Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь. М., 2001. 512 с.
Смирнов И.П. Роман тайн «Доктор Живаго». 1996. 208 с.
Шанский Н.М. Иванов В.В. Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.

Y.N. Prusova

Ural toponyms as a structural element of Boris Pasternak`s novel “Doctor Zhivago” artistic space

The article deals with the analysis of the Ural toponyms as a structural element of Boris Pasternak`s novel “Doctor Zhivago” artistic space. Different classifications of toponyms are represented and the conclusion on the function of toponyms in the novel is made.

Keywords: toponyms, artistic space, toponym semantics, structure-making role of toponyms, symbolic sense.

*Ю.В. Садов, Т.С. Садова
(Санкт-Петербург, Россия)*

12 Героев Свири: символический подтекст и реальность

Героическая переправа реки Свирь, осуществлённая 16-ю добровольцами в июне 1944 г., становится темой ряда публицистических очерков фронтовых корреспондентов и стихотворения «Переправа» В.А. Рождественского. Сообщение о 12 героях, возникшее как ошибка в первой газетной информации о подвиге десантников, находит отражение в поэтической судьбе этого реального события. О мотивах возможно сознательного сохранения В. Рождественским числа 12 рассуждают авторы статьи.

Ключевые слова: 12 Героев Свири, В.А. Рождественский, символическая нумерология, сакральное число, поэтический образ, Карельский фронт.

Военная операция, известная под названием «ложная переправа» или «атака манекенов» [Шумаков. Электронный ресурс], которая знаменовала советское контрнаступление в июне 1944 г. на Карельском фронте, имеет интересную литературно-публицистическую историю, вступившую в известное противоречие с реальными фактами и оставившую в неприкосновенности символическое число 12 в устойчивом сочетании «12 Героев Свири» (и прежде всего, в урбанонимике Ульяновска и Пензы).

Опишем хронологическую последовательность реальных событий в связи с их появлением на страницах тогдашних газет и литературных произведений.

Согласно историческим данным, Свирско-Петрозаводская операция началась 21 июня 1944 г. и продолжалась до 9 августа 1944 г. [Карельский фронт... 1984]. Линия фронта, проходившая по реке Свирь, имела мощный оборонительный рубеж, выстроенный на вражеском берегу. Форсировать полноводную реку в дни белых ночей, когда она отчетливо просматривается с высокого оборонительного вала, вызываются 12 воинов-комсомольцев 300-го гвардейского стрелкового полка и 4 воина 296-го гвардейского стрелкового полка 7-й Армии под командованием генерал-майора А.Н. Крутикова [Карельский фронт... 1984]. Они – участники отвлекающего маневра, который так описан в воспоминаниях командующего Карельским фронтом К.А. Мерецкова: «Первыми вступили в воды Свири шестнадцать воинов 296-го и 300-го гвардейских стрелковых полков – комсомольцы-добровольцы

Немчиков, Юносов, Тихонов, Павлов, Мытарев, Зажигин, Попов, Паньков, Маркелов, Барышев, Бекбосунов, Малышев, Алиев, Елютин, Морозов, Чухреев. Опясавшись поплавками, они плыли к вражескому берегу, толкая впереди себя лодки и плоты с чучелами в форме солдат. Приняв чучела за десант, противник открыл по ним огонь. Наша артиллерия тут же ударила по огненным точкам врага. Достигнув противоположного берега, комсомольцы захватили небольшой плацдарм и завязали бой. Вслед за комсомольцами, которым позднее всем было присвоено звание Героя Советского Союза, ринулись в воду автомобили-амфибии с десантом автоматчиков» [Мерецков 1968: 382].

Итак, по воспоминаниям маршала, героев «атаки манекенов» было 16, причем отметим, что К. Мерецков перечисляет их пофамильно, чему также существует объяснение. В более ранних воспоминаниях, изданных в 1965 г., Командующий Карельским фронтом упоминает о 12-ти десантниках, однако уже в 1968 г. «исправляется», уточняя не только количественный, но и персональный состав участников ложной переправы на реке Свирь [Мерецков 1965: 122]. Послевоенные исследования окончательно восстанавливают историческую справедливость – Свирь форсировали 16 комсомольцев-добровольцев, получивших за свой подвиг звание Героя Советского Союза [Карельский фронт... 1984: 203].

Первая публичная информация о десантниках, участвовавших в отвлекающей операции, появляется на страницах газеты «Во славу Родины», печатного органа 7-й Армии уже 22 июня 1944 г., т. е. на следующий же день после переправы. Автор статьи, военный корреспондент Георгий Холопов, 22 июня находился в штабе армии в селе Алеховщина (там же располагалась редакция газеты), т. е. в 30-ти км от описываемых им событий. В это время герои его очерка самоотверженно сражались на противоположном берегу Свири, удерживая занятый плацдарм. Г. Холопов пишет о подвиге двенадцати героев-десантников, скорее всего, опираясь на данные наградных листов, присланных из 300-го гвардейского полка, 12 бойцов которого были представлены к высокому званию [Холопов 1944: 2].

Сведения из 296-го полка о 4-х участниках героической переправы запаздывали, поэтому и корреспонденты всесоюзной газеты «Известия» Н. Коновалов и Г. Фиш в своей статье «Победа на Свири» (от 25 июня 1944 г.) пишут о 12-ти комсомольцах-

добровольцах, героях ложной переправы. Таким образом, уже на третий день после форсирования Свири вся страна узнала о подвиге 12-ти десантников [Коновалов, Фиш 1944: 3]. Очевидно, что Н. Коновалов и Г. Фиш во многом опирались на данные, изложенные в статье Г. Холопова. Свидетельством тому может служить допущенная Холоповым опечатка в написании фамилии одного из бойцов (*Мамашев* вм. *Малышев*), перекочевавшая без исправления в материал «Известий».

Итак, наградные листы на четырех бойцов 296-го полка датируются лишь 28 июня [Подвиг народа. Электронный ресурс].

Для участников Свирской операции точное число участников ложной переправы не было тайной – все 16 десантников получили золотые звёзды Героев Советского Союза за подвиг на реке Свирь. Однако вопреки документальным сведениям и реальным фактам именно «12 Героев Свири» занимают свою историко-символическую нишу в летописи военных событий 1944 г., развернувшихся на Карельском фронте.

Вполне возможно, не последнюю роль в сохранении этой версии о количестве героев-десантников сыграла и творческая работа известного советского поэта В.А. Рождественского, служившего в те годы военным корреспондентом на том же Карельском фронте. Из наградного листа о представлении поэта к ордену Красной Звезды, подписанного 31 июля 1944 г., становится известно, что «<...> Рождественский В.А., военный корреспондент газеты “Во славу Родины”, <...> прославляет героев Свирской переправы <...> встречаясь с ними лично» [Архив В.А. Рождественского]. Иными словами, Всеволод Александрович, в отличие от Г. Холопова, Н. Коновалова и Г. Фиша, имеет возможность встретиться с участниками ложной переправы, узнать подробности этой операции, получить информацию из первых рук. Совершенно очевидно, что ему открывается ошибка, допущенная в предыдущих публикациях о количестве героев ложной переправы, однако в написанном по следам этих встреч стихотворении «Переправа» он также оставляет прежнее число – 12.

*Их сердце Родина ведет
Сквозь темных вод разбег,
Они плывут, плывут вперед –
Двенадцать человек. <...>*
[Ладога, 31].

Возможно, причины этого «авторского своеволия», наперекор реальным фактам, кроются в реальности иного рода – поэтической, имеющей свою традицию и свои законы в пространстве русской литературы, в пространстве эстетических и творческих взглядов самого В.А. Рождественского.

Поэт большого лирического дарования, В.А. Рождественский в ранние годы относил себя к акмеистам, находясь под серьезным влиянием творчества И. Анненского и Н. Гумилева. Однако в 1920 г. он близко знакомится с А. Блоком, когда становится секретарем Петроградского Союза Поэтов, председателем которого в 20-ые годы был автор «Двенадцати». Значение А. Блока в жизни В. Рождественского трудно переоценить: совершеннейшее почтение к большому поэту читается во многих стихах, посвященных Александру Блоку, одно из которых – на смерть поэта, «Памяти Ал. Блока» (7 августа, 1921 г.). Заметим, что ни одному другому поэту В. Рождественский своих стихов не посвящал:

*Ты глазами, словно осень, ясными
Пьешь Россию в первый раз такой –
С тройкой, с колокольцами напрасными,
С безысходной девичьей тоской.*

*В пламенное наше воскресение,
В снежный вихрь – за голенищем нож –
На высокое самосожжение
Ты за ней, красавицей, пойдешь ...*

[Серебряный век, 312]

Поэтические аллюзии – *вихрь, снег, нож* – отсылают к поэме «Двенадцать», которую В. Рождественский очень любил в отличие от многих современников Блока, не принимавших революционного творения вчерашнего символиста. В воспоминаниях Рождественского находим характерное замечание о поэтическом вечере в зале Тенишевского училища 13 мая 1918 года: «Любовь Дмитриевна читала поэму "Двенадцать". В маленькой комнатке за кулисами между участниками завязывались страстные споры. И вдруг все замолчали. В комнату вошел Блок. Он почувствовал это неожиданное и тягостное молчание. Перед ним расступились молча и недоброжелательно. Кто-то демонстративно повернулся спиной» [Рождественский 1945: 110].

А. Блок присутствует в жизни Рождественского неотлучно. Может показаться удивительным тот факт, что именно в 1944 г., в период своей корреспондентской службы на Карельском фронте, он начинает писать известные воспоминания о Блоке, которые издаёт сразу после войны, в 1945 г. [Рождественский 1945: 107–115].

«Переправа» В. Рождественского по стилю («строевая ритмика») кажется близкой «Двенадцати» А. Блока. Нарочито упрощенная лексика обоих произведений, стилизация под живую речь своего времени и своего предполагаемого адресата – сближают поэтический строй (не размер!) этих стихотворений. Безусловной связью представляется и образ 12 героев, бросивших вызов судьбе и стихии:

*Вода бурлит как кипяток,
Вода бела, как снег,
Но держат путь наискосок
Двенадцать человек.*

*Плывут. Относит их река,
Бороться тяжело.
Но воля каждого крепка,
И на душе светло
[Ладога, 31].*

*И опять идут двенадцать,
За плечами — ружьеца.
Лишь у бедного убийцы
Не видать совсем лица...
Все быстрее и быстрее
Уторапливает шаг.
Замотал платок на шею —
Не оправиться никак...
[Двенадцать, 287]*

Общехристианское значение числа 12 хорошо известно, не следует забывать и того, что В. Рождественский родился в семье священника, протоиерея, *настоятеля* церкви Царскосельской Николаевской мужской гимназии. Возможно, поэт считал, что для стихотворения о подвиге молодых бойцов, вызвавшихся на верную гибель во имя высокой цели, важен не столько реальный факт, сколько символический образ подвига, его сакральный смысл.

Косвенным доказательством поэтической связи «Двенадцати» А. Блока и «Переправы» В. Рождественского может служить первоначальное название стихотворения, опубликованного в газете «Во славу Родины» 26 июня 1944 года – «Баллада о Двенадцати» [Рождественский 1944: 2]. Баллада – жанр романтической поэзии, не предполагающий строгого отражения реальной жизни; этим названием Рождественский словно оправдывает образ *Двенадцати* как самодостаточного общекультурного числового символа в контексте русской (и не только) литературной традиции.

Прямых указаний самого поэта и его родных на возможную связь поэмы А. Блока «Двенадцать» и «Переправы» В. Рождественского мы не имеем, однако приведенные данные приводят к мысли о неслучайности использования поэтом числа 12 в стихотворении о героях-десантниках, несмотря на его полную осведомленность о реальном положении дел.

Так или иначе, но однажды допущенная ошибка военных корреспондентов, а более всего – поэтическая закреплённость образа 12 участников героической переправы через Свирь 21 июня 1944 г. оставили в истории Великой Отечественной войны абсолютный культурно-исторический символ – 12 Героев Свири.

Источники

Архив В.А. Рождественского [Хранитель – Т.В. Рождественская].

Блок А.А. Двенадцать // Собрание соч.: В 6 т. Л.: Художественная литература, 1982. Т. III. 407 с.

Коновалов Н., Фиш Г. Победа на Свири // Известия. 25 июня 1944. С. 3

Рождественский В.А. Баллада о двенадцати // Во славу Родины. № 153. 28.06.1944. С. 2.

Рождественский В.А. Александр Блок // Звезда. 1945. № 3. С. 107–115.

Рождественский В.А. Ладога: Стихи. Л.: Художественная литература, 1945. 83 с.

Серебряный век. Петербургская поэзия конца XIX–начала XX в. Л.: Лениздат, 1991. 526 с.

Холопов Г. Переправа // Во славу Родины. 22 июня 1944, № 148. С. 2.

Список литературы

Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Наука, 1984. 412 с.

Мерецков К.А. Неколебимо, как Россия. М.: Политиздат, 1965. 128 с.

Мерецков К.А. На службе народу. М.: Политиздат, 1968. 405 с.

Подвиг народа [Электронный ресурс] // URL: <http://podvignaroda.mil.ru> (дата обращения – 01 марта 2017 г.).

Шумаков С. Атака манекенов [Электронный ресурс]. URL: <http://voennoe-delo.com> (дата обращения – 01 марта 2017 г.).

Y.V. Sadov, T.S. Sadova

12 heroes of Svir: symbolic subtext and reality

The heroic crossing of the Svir River, carried out by 16 soldiers in June 1944, becomes the theme of a number of journalistic essays by front-line correspondents and the poem "The Pereprava" by V.A. Rozhdestvensky. The message about the 12 heroes, which arose as an error in the first newspaper information about the feat of the paratroopers, is reflected in the poetic fate of this real event. The authors of the article argue about the motives for the possible conscious preservation of the number 12 by V. Rozhdestvensky.

Keywords: 12 Heroes, V.A. Rozhdestvensky, symbolic numerology, sacral number, poetic image, Karelian front

*М.Н. Сербул
(Шуя, Россия)*

Библейские коннотации антропонимов комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»

В статье с позиции герменевтического подхода исследуются библейские коннотации антропонимического пространства «Горя от ума», позволяющие реконструировать скрытый сюжет комедии, тяготеющей к трагедии.

Данное исследование концептуально связано с рядом статей, опубликованных исследователем в журнале «В мире научных открытий» в 2012-2013 гг., позволяющих по-новому интерпретировать проблематику грибоедовской комедии и объяснить характер её катастрофического финала

Ключевые слова: антропонимика, Библия, имя, комедия, травестия.

На фоне говорящих фамилий и редко упоминаемых имён персонажей русской сатирической комедии XVIII века (Добролюбов, Милон, Прямик, Правдин, Стародум, Кривосудов и т.п.) имена грибоедовских героев кажутся «жизнеподобными», «случайными», психологически немаркированными. Пожалуй, только имя главного героя – Чацкого – наводит на мысль о некоей автобиографичности образа (Александр Чацкий – Александр Грибоедов «в молодости»). Подсказки дают фамилии, но они накладывают только определенную «краску», не исчерпывая героя в его характеристике.

И всё же, имена персонажей грибоедовской комедии не случайны, они «говорящи», но начинают они «говорить» в библейском контексте. На наличие двух пластов сюжета – бытийного,

скрытого, но явленного в метафизическом катастрофизме финала, и бытового, очевидного, завершающегося расстройством всех возможных свадеб – указывает уже двойное имя главной героини: всегда София и только София – в побочном тексте пьесы (список действующих лиц, маркировка героини в её репликах, ремарки) и только Софья (чаще всего Софья Павловна) – в основном тексте. София (надмирность, мудрость) – это должное, но так и не явленное в сюжете пьесы, Софья – явленное, но так и не возвысившееся до должного (даже при разоблачении Молчалина, для неё, как язвительно отмечает И.А. Гончаров, очень важно то, что при этом нет свидетелей и, следовательно, «все шито да крыто» [Гончаров 1981: 75]).

В двуполюсном мире грибоедовской комедии имя Фамусова Павел также пронизано бытовыми и бытийными смыслами. Устойчивый комплекс смыслов, связанных с этим именем, обнаруживает себя в евангельском контексте. Биография Павла Афанасьевича Фамусова, а также его имя в системе имен комедии удивительным образом пересекаются с деяниями и посланиями святого апостола Павла. Апостол Павел: «Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я»; «Остался ли без жены? Не ищи жены» [2-е посл. Кор. 7: 8; 27]. Фамусов: «Свободен, вдов, себе я господин...» [Грибоедов 1988: 40]. Апостол Павел: «...выдающий замуж свою девицу поступает хорошо, а не выдающий поступает лучше» [2-е посл. Кор. 7: 38]. Фамусов, мечтающий выдать замуж дочь за полковника Скалозуба, вместе с тем, заявляет Чацкому: «Да надобности сам не вижу я большой / Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня; / Ведь Софья молода, / А впрочем, власть Господня» [Грибоедов 1988: 60]. Апостол Павел: «Подражайте, братия, мне и смотрите на тех, которые поступают по образу, какой имеет в нас» [Фил. 3: 17]. Фамусов Софье: «Не надобно другого образца, / Когда в глазах пример отца. / Смотри ты на меня: не хвастаю сложеньем, / Однако бодр и свеж, и дожил до седин, / Свободен, вдов, себе я господин... / Монашеским известен поведением!» [Грибоедов 1988: 40].

Антропонимическое пространство комедии обнаруживает связь с деяниями апостола Павла и в соотнесенности имени Павел с системой персонажей. Наиболее очевидно это обнаруживается по отношению к Алексею Степановичу Молчалину. Известно, что Павел, будучи еще Савлом, принимал участие в мучениях святого

Стефана: «И, выведши его за город, стали побивать его камнями. Свидетели же положили свои одежды у ног юноши, именем Савла»; «Савл же одобрял убиение его» [Деян. Ап. 7: 58; 8: 1]. Молчалин же, вынужденный идти на очередное ночное свидание с Софьей, не без основания страшится страшного гнева Фамусова: «...меня так разбирает дрожь, / И при одной я мысли трушу, / Что Павел Афанасьич раз / Когда-нибудь поймает нас, / Разгонит, проклянет!..» [Грибоедов 1988: 123]. И эта страшная реальная угроза благополучию «маленького человека» Молчалина подсвечивается апокалипсическим «смутным сном» Софьи, наполненным бесовством, мучительством её избранника, где главная роль в мучениях отведена Павлу Петровичу Фамусову.

Наряду с отчеством Молчалина в контексте деяний и посланий апостола Павла маркировано имя Чацкого – Александр. Апостол Павел во Втором послании к Тимофею пишет: «Александр медник много сделал мне зла. Да воздаст ему Господь по делам его! Берегись его и ты, ибо он сильно противился нашим словам» [2 Тим. 4: 14, 15]. Текстовый маркер здесь не столь очевидно эксплицитен – в комедии он осуществляется в большей степени контекстуально. Сопротивление Чацкого словам Фамусова (и как следствие – обнаружение и развитие конфликта) усиливается на фоне и в пику монологов-проповедей последнего «Вот то-то, все вы гордецы!» [Грибоедов 1988: 55], «Вкус, батюшка, отменная манера...» [Грибоедов 1988: 63].

И апостол Павел и Павел Фамусов – ревностные проповедники. Но если первый проповедует и поступает «по духу», то второй – «по плоти», «Ибо живущие по плоти о плотском помышляют, а живущие по духу – о духовном» [Рим.: 8: 5]. Павел Фамусов – это своего рода Анти-Павел, а потому «биографические пересечения» двух Павлов у Фамусова травестируются, принимают пародийные очертания. Так призыв Апостола Павла к Тимофею «Вдовиц почитай, истинных вдовиц» [1 Тим.: 5: 3], приобретает в устах Фамусова, не чуждающегося велению плоти, весьма двусмысленное значение. Диктуя Петрушке в календарь визиты на «будущую неделю», Фамусов требует записать на вторую половину недели визит к вдове: «Я должен у вдовы, в докторши крестить. Она не родила, но по расчету По моему должна родить» [Грибоедов 1988: 54]. Возникает вопрос: почему Фамусов так уверен, что вдова родит «в четверг..., в пятницу, а может и в субботу»?

Травестируются в устах Фамусова и неоднократные призывы апостола Павла быть покорными «высшим» властям: «Всякая душа будет покорна высшим властям... <...> Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро» [Рим.: 13: 1, 4]; «Достоин начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь...» [1 Тим.: 5: 17]; «Напоминай им повиноваться и покоряться начальству и властям...» [Тит.: 3: 1]. Покорность для Фамусова есть синоним пресмыкательства перед сильными мира сего, достигшими жизненных вершин через то же пресмыкательство. И здесь контекстуально любопытны имена двух наиболее значимых в глазах Фамусова людей, являющихся примером для подражания. Это Кузьма Петрович и Максим Петрович. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что у этих «тузов» одинаковые отчества, отсылающие непосредственно к святому Петру-ключнику. «И Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, врата ада не одолеют ее; И дам тебе ключи Царства небесного...» [Мтф.: 16: 18–19].

С Кузьмой Петровичем этот отсыл наиболее очевиден, не случайно Грибоедов дважды в связи с ним акцентирует слово «ключ»: «Покойник был почтенный камергер, С ключом, и сыну ключ умел доставить...» [Грибоедов 1988: 54]. Ключ как атрибут высокого придворного чина в контексте монолога Фамусова превращается в ключи вполне земного, материального счастья. В этом же контексте имя «Кузьма» разворачивает целый спектр пародийно мерцающих смыслов: Кузьма в переводе с греческого – космос, украшение, здесь – устроитель мира (Кузьма Петрович – устроитель, конечно, своего собственного мира). Для русского человека это имя, в первую очередь, созвучно со словом «кузнец», который кует «счастия ключи». А еще, на Кузьминки, на праздник святых Кузьмы и Демьяна, на Руси справляли свадьбы, то есть Кузьма еще и покровитель свадеб. И жизнь Кузьмы Петровича полна многочисленных успешных свадеб: «Богат, и на богатой был женат; пережил детей, внучат...» [Грибоедов 1988: 54].

Имя Максима Петровича, дядюшки Фамусова, безусловно, корреспондирует также и с именем «Павел»: Максим в переводе с латинского означает «большой», а Павел – «маленький». И каким бы важным барином Павел Афанасьевич Фамусов ни был, он, как «управляющий в казенном месте», в сравнении с высоко

поднявшимся Максимом Петровичем, «вельможей в случае», выводящим «в чины» и дающим «пенсии», – величина малая.

Если согласиться с тезисом П.А. Флоренского, что имя есть «главное слово» о герое, то имя Павел, безусловно, «главное слово» как о нем самом, так и о его дочери Софье. Софья Павловна в прямом переводе-толковании – маленькая мудрость. Она дочь своего отца не только по отчеству, но и по той обуженной (синоним – маленькой) житейской мудрости, которую она проявляет, избрав в качестве друга сердца маленького человека Молчалина. И для Грибоедова очень важно подчеркнуть, что его героиня – именно Софья Павловна. Неслучайно по ходу комедии Софьей её называют 8 раз, Сонюшкой – 1, Софьюшкой – 1, а Софьей Павловной – 12 раз.

В зоне контакта с именем Софья в именах Чацкого и Молчалина актуализируются новые пучки смыслов, демонстрирующие функциональное значение этих персонажей в любовном треугольнике. Обращает на себя внимание тот факт, что у героев – одинаковые имена, в переводе с греческого означающие «защитник», – Александр и Алексей. При всей принципиальной противоположности этих героев, одинаковые имена делают их своего рода двойниками. Но это особый тип двойничества, реализующегося в контексте выбора Софьи, которая ищет в семейной жизни защитника. Отчества Чацкого и Молчалина расставляют приоритеты этого выбора. В отчестве Чацкого актуализируется евангельский смысл имени апостола Андрея Первозванного – Чацкий был первой любовью Софьи, он был ею первым «призван». Имя Степан, образующее отчество Молчалина, переводится с греческого как «венок», «венец», «кольцо». В этом имени сюжетно спроецировано желание Софьи связать свою семейную жизнь с Молчалиным (брачный венец, обручальное кольцо), а также подчеркнута перспективность этого персонажа как будущего мужа Софьи Павловны (об этом говорит Чацкий в своем заключительном монологе).

Вместе с тем, Александр и Алексей в традиции закреплены как разные имена и имеют разные культурные реминисценции. Разница имён в комедии характерологична. Характеристики, данные ослепленной любовью Софьей, Молчалину «безмолвию... обезоружит, от доброты души простит», «уступчив, скромн, тих, в лице ни тени беспокойства, и на душе проступков никаких» [Грибоедов 1988: 79], содержат устойчивый комплекс смыслов,

отсылающих читателя к знаменитому «Житию Алексея, человека Божия». Текстовым маркером здесь служит не только общность характеристик (в случае с Молчалиным характеристика, конечно, travestирована), но и акцент на месте героев в иерархическом пространстве дома, куда чужой (неродной) и убогий принят из милости, и место этого чужого у порога. Алексею хозяин дома, благочестивый Евфимиан дал место в сенях; «чуланчик» Молчалина располагается под парадной лестницей рядом с выходом.

Имя **Андрей** в переводе с греческого означает мужественный. Это имя в случае с Чацким удвоено – **Александр Андреевич**. И даже утроено, так как имя Александр вызывает безусловную ассоциацию с именем прославленного полководца древности Александром Македонским. Имя Александр, таким образом, оказывается внеположенным имени Алексей уже в системе культурных реминисценций, и эта внеположенность имен наращивается новыми смыслами в текстовом пространстве комедии. Пылкость, благородство, готовность открыто сразиться за высокие идеалы – эти черты закреплены за Александром Чацкого, а лицемерие, подлость, трусость – за Алексеем Молчалиным.

Итак, учет библейских коннотаций антропонимического пространства «Горя от ума» дает возможность выявить его бытийный потенциал (скрытый сюжет) как важную составляющую формально-содержательной структуры этой пьесы.

Список литературы

Библия: Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. М., Изд-во Русской православной церкви, 1989. 1221 с.

Грибоедов А.С. Сочинения. М.: Художественная литература, 1988. 751 с.

И.А. Гончаров-критик / вст. статья и коммент. Е. Краснощековой. М.: Советская Россия, 1981. 240 с.

Флоренский П. Имена. М., Харьков: Эксмо-пресс, Фолио, 1998. 912 с.

M.N. Serbul

The author from the perspective of the hermeneutic approach investigates the biblical connotations of the anthroponymical space "Woe from wit" which allows reconstructing the hidden plot of the comedy gravitating to the tragedy.

The given research refers conceptually to the collection of articles written by the researcher/author for «In the world of scientific discoveries» magazine during 2012-2013 allowing to interpret the Griboedov's comedy problem in a new way and explain its catastrophic ending.

Keywords: anthroponymy, Bible, name, Comedy, travestie

Е.С. Смирнова
(Кострома, Россия)

Топонимы в романе В.Г. Корнилова «Семигорье»

Статья посвящена функционально-семантическому анализу топонимов романа В.Г. Корнилова «Семигорье», выявлению их роли в формировании художественного пространства произведения. В статье на основе анализа научной литературы дано определение ономастического пространства, объяснена необходимость изучения топонимов произведения, раскрыта актуальность изучения ономастики. Анализу подвергаются некоторые топонимы произведения В.Г. Корнилова, репрезентирующие пространство художественного текста.

Ключевые слова: текст, ономастическое пространство, топоним, функции топонимов.

Термин «ономастическое (топономастическое) пространство» был впервые употреблён В.Н. Топоровым для обозначения всей совокупности ономастических названий [Ухов. Электронный ресурс]. Под ономастическим пространством понимается сумма собственных имён, которые употребляются в языке данного народа для наименования реальных, гипотетических и фантастических объектов [Суперанская 1973: 138]. Соответственно под ономастическим пространством художественного текста следует понимать совокупность всех поэтонимов, которые встречаются в художественном произведении. Н.В. Подольская – автор «Словаря русской ономастической терминологии» – даёт следующее определение: «Ономастика поэтическая – раздел ономастики, изучающий любые имена собственные (поэтонимы) в художественных произведениях; принципы их создания, стиль, функционирование в тексте, восприятие читателем, а также мировоззрение и эстетические установки автора» [Подольская 1988: 96].

По отношению к художественному произведению понятие «ономастическое пространство» представляет собой объединение всех онимов, которые используются автором для решения самых разных художественно-изобразительных и стилистических задач. Важно не только выявление отдельных онимов произведения, раскрытие их характеристик, но и определение их взаимосвязи в контексте художественного произведения. Ономастическое пространство отчётливо проявляется при анализе эпических художественных произведений, в том числе нескольких

произведений одного автора. Изучение антропонимов, топонимов, а также других ономастических единиц – важный источник, дополняющий понимание своеобразия лексики художественного произведения, помогающий постижению его содержания.

Современное изучение литературной ономастики актуально, поскольку собственное имя в контексте художественного произведения является результатом глубоко продуманного писательского отбора языковых средств, служит одним из способов раскрытия идейного содержания произведения и авторской оценки персонажа.

Из многообразия онимов в художественном тексте преимущественно встречаются антропонимы и топонимы, которые и определяют весь ономастический фон повествования.

В данной статье речь пойдёт о топонимах, представленных В.Г. Корниловым в первом романе его трилогии – «Семигорье».

Во-первых, название романа представляет собой топоним. Семигорье – деревня в Вологодской области, в доказательство чего читаем на первых страницах: *Словом, с этого раннего часа в большом селе Семигорье, век назад вставшем на торговом пути от Волги к Вологде, начался обычный день* [Корнилов 1990, I: 18]. Данный топоним имеет пространственную семантику. Заглавие текста, сильная позиция, в этом случае указывает на место действия и тем самым участвует в создании художественного пространства произведения. «Называя литературное произведение, мы имеем в виду не то, как выглядит книга, а ее содержание», – делает вывод А.В. Суперанская [Суперанская 1973: 201]. Находясь в заголовке, топоним *Семигорье* выполняет тематизирующую функцию.

Ещё одну сильную позицию текста занимает топоним *Волга*, являясь названием четвёртой главы романа. Данный топоним встречается множество раз в произведении, что связано с художественным пространством романа и масштабами реки. Обратим внимание на четвёртую главу, где этот гидроним упоминается 25 раз. В этой главе топоним *Волга* взаимодействует с антропонимами. Ключевыми персонажами здесь являются Витька, его сестра Зойка и главный герой Алёша Полянин. Говоря об отношении мачехи Капки к Витьке, Зоя «нащупала-таки больное место» брата. Разговор брата и сестры сменяется описанием *Волги*, какой её видит герой: *Он видел её сейчас всю, от песчаных островов и кос, тёмных среди сверкающей солнцем воды там, где Нёмда вливалась в Волгу, до лугового берега, где ходило стадо.* <...> *Вся речная ширь от Разбойного бора за*

*Нёмдой до низкого берега, где ходило стадо, млела в жарком полдне. На стрежне вода морщилась от течения и слабого ветра, рябь полосой тянулась снизу, от далёких отмелей. За **Волгой**, в густом, как пыль, мареве, прорисовывались багрово-белые края облаков [Корнилов 1990, I: 54].* Изобразительно-выразительные средства при описании *Волги* во многом содействуют достижению эмоционально-стилистического эффекта повествования. Они не только одушевляют гидроним *Волга* (вода *морщилась*), но и ярко выражают величие этой русской реки. Слова, окружающие гидроним, являются лексикой художественного стиля (*речная ширь, млела, марево*), в том числе причастие в составе причастного оборота (*сверкающей солнцем*), что обусловлено, в первую очередь, характером произведения, а также целевыми установками автора. Далее обратим внимание на связь гидронима *Волга* с антропонимом *Витька*. Внутреннее состояние персонажа, с одной стороны, перекликается с состоянием природы, а с другой, *Волга напирала на Витьку; он переступал под водой, чтобы устоять на ногах..., он плыл быстрыми саженками, стараясь забраться как можно дальше против течения [Корнилов 1990, I: 55].* Кажется, динамика описания в отрывке этой главы напоминает проносящуюся перед глазами жизнь, но только достигается это не воспоминанием жизненных событий персонажа, а изображением природы. Динамику и стремительность отражают не только сменяющиеся картины, но и языковые средства: глаголы в форме совершенного вида, в том числе со значением однократности действия (*понесла река, закрутит, в лицо плеснула вода, чайка метнулась к нему и др.*), наречия образа действия в сравнительной степени (*всё быстрее и быстрее уплывал*), а также ряды однородных членов (*...ослепительно белая чайка метнулась к нему, тут же, косо вскинув крылья, с криком **взмыла** вверх; Витька, задыхаясь, **барахтался, отворачивал** от волн лицо, яростно **отбивался** от влекущей его глубины [Корнилов 1990, I: 55]).* Витьку спасают мимо проплывающие на барже матросы, которые направляются в Кострому. Этот топоним (Кострома) употребляется в романе дважды в диалогической речи двух персонажей:

– Дяденька, а мне домой надо! – сказал он жалобно.

– Эва что! – сказал усатый дядька, не переставая работать вёслами, и пригрозил: – Вот сдадим, тебя в **Костроме** куда следует, будешь знать, как в бурю на Волгу выходить...

– *В Костроме-е?* – удивился Витька. – *Как же я оттуда назад-то?* [Корнилов 1990, I: 58]

Топонимы *Волга* и *Кострома* в данном контексте вступают в смысловое взаимодействие, участвуя в организации художественного пространства произведения. Употребляясь в репликах диалогической речи обоих персонажей, урбаноним *Кострома* является средством межфразовой связи. При этом обе лексемы представляют собой предложно-падежную форму имени собственного (*в Костроме*), а ответная реплика как бы подхватывает первую и таким образом служит повтором-подхватом. Кроме того, топоним *Кострома* взаимодействует по смыслу с наречиями места *оттуда*, *назад*. Следует обратить внимание на то, что данные наречия имеют семантику направления, и, следовательно, указывают на динамическое перемещение объекта в сторону от ориентира. Всё вышеназванное позволяет «собрать» пространство, образующееся с помощью данных лексем, в единое целое и определить границы этого пространства.

После короткого разговора с «усатым дядькой» Витька *легко поднялся и прыгнул в волны*. Далее, что символично, состояние природы меняется и происходит следующее событие – знакомство Витьки и Алёши. И в финале главы читаем: *Небо свалило тучу, от мокрого леса доносило запах берёз. У Волги было свежо и светло, как всегда после хорошей грозы* [Корнилов 1990, I: 61].

Таким образом, на фоне *Волги* развёртываются события романа, а название четвёртой главы выполняет тематизирующую функцию в тексте: обозначается основное место действия.

С волжскими событиями неразрывно связаны события, происходящие на реке Нёмде (Нёмда – река в Костромской и Ивановской области России; левый приток Волги; длина реки – 146 км; начинается неподалёку от села Палкино Антроповского района – *примеч. автора*). Этот гидроним связан, конечно, со многими событиями в романе. Достаточно отметить, что в произведении он встречается 25 раз. Но обратим внимание на двадцать вторую главу романа «Елена Васильевна», в центре которой образ этой героини. Выходя из села после разговора с Васёнкой у неё дома, женщина *шла краем открытой полевой дороги <...>, ветер с Волги свежил, думать никто не мешал* [Корнилов 1990, I: 287]. Фоном рассуждений Елены Васильевны выступают две реки – *Волга и Нёмда*. Беседа с Васёнкой заставляет её посмотреть на себя по-

другому, героиня рассуждает: *Васёнка старается о добре, потому что она добра от природы. <...>. Я стараюсь для себя. <...>. И, наверное, я вовсе не добра. <...>. Люди благодарят меня несправедливо* [Корнилов 1990, I: 287]. Елена Васильевна, терзая себя этой мыслью, продолжает рассуждать, но замечает появившегося рядом семигорского пастуха Клокова, с которым с удовольствием беседует. Так, героиня по-другому начинает смотреть на природу, словно Аким Герасимович открывает ей глаза на окружающую красоту, говоря, что хороша она *вольным лугом, водой вот этой чистой. Леском, что в жару спасает, в дождь укрывает да ещё для тебя угощенье сберегает* [Корнилов 1990, I: 288]. Отчаливающий на Волге пароход в финале главы может символизировать и новый этап в сознании героини: *Елена Васильевна <...> поднялась осторожно, как будто боялась расплескать что-то важное, ещё не устоявшееся в душе* [Корнилов 1990, I: 293]. В приведённом фрагменте важно обратить внимание на глагол *расплескать*, который, хотя и употреблён в переносном значении, в своей семантике сохраняет сему «вода, жидкость»; этим усиливается контекстное взаимодействие гидронима *Волга* и названного глагола. Семантико-стилистическая функция наименования *Нёмда* определяется и его этимологией, позволяющей увидеть подтекстовую связь гидронима с происходящими на его фоне событиями: в балтийских языках *Nem-d-* имеет корень **nem*, обозначающий ‘изгибать’ [Ухов. Электронный ресурс]. И так же, как отмечалось выше, в сознании Елены Васильевны происходит своеобразный «изгиб». Таким образом, *Нёмда* и *Волга* в анализируемом фрагменте являются гидронимами, выполняющими сюжетобразующую, описательно-изобразительную функции, помогающими читателю понять образ героини.

Таким образом, можно говорить о том, что топонимические повторы проанализированных гидронимов способствуют объединению сюжетных линий в общее повествование романа. Их неоднократное упоминание в романе позволяет увидеть их связь с персонажами произведения, даёт возможность проследить их судьбы и жизненные пути.

Итак, проанализированные топонимы являются названиями реальных географических объектов, что помогает очертить границы художественного пространства произведения. Топонимы определяют местность, на которой происходит действие, при этом выполняют несколько функций: тематизирующую (географические названия

вынесены в заголовки), сюжетообразующую, номинативную, фоновую (топонимы функционируют в качестве фона изображаемых событий), описательно-изобразительную функции, а также функцию раскрытия идейного содержания произведения. Благодаря топонимическим повторам, происходит объединение лексем в единое структурно-смысловое целое, что придаёт композиции и художественному повествованию романа сложность. Любой оним находится в неразрывной связи с другими составляющими текста, образующими художественную целостность произведения, и только при их совместном анализе представляется возможным более близко подойти к постижению авторского замысла при создании текста.

Список литературы

- Бунеева Е.В. Ономастическое пространство поэм С.А. Есенина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2011. 19 с.
- Корнилов В.Г. Избранное. Т. 1. Семигорье: Роман. Лесной хозяин: Повесть. Рассказы / Вступ. статья Ю.В. Лебедева. М.: Современник, 1990.
- Николина Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
- Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.
- Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 324 с.
- Топоров В.Н. О палийской топономастике // Ономастика Востока: Исследования и материалы. М., 1969.
- Ухов С.В. История Вятки как часть этнической истории Европы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.glybrary.ru/rukopisi/history-vyatka/nemda.html>. (дата обращения: 06.02.2015).

Evgueniya S. Smirnova

Toponyms in Kornilov's novel «Semigorye»

This article is dedicated to a functionally-semantic analysis of toponyms in the Kornilov's novel «Semigorye» and to an identification of their role in a formation of the writing's artistic space. In the article a definition of the onomastic space is given on the basis of analysis of scientific literature, a necessity of the writing's toponym's research is explained and an urgency of learning toponyms is described. Several toponyms of the Kornilov's novel represent the space of the artistic text.

Keywords: text, onomastic space, toponym, function toponym.

**К вопросу о выборе заголовочного слова
при работе над словарём поэтонимов:
собственное имя и поэтическая номинация**

Рассмотрен вопрос, касающийся отбора заголовочных слов при создании словаря поэтонимов. Исходя из дихотомий «реальное – вымышленное» и «язык – речь» описаны сущностные отличия поэтонимов от онимов. Показано, что поэтоним не всегда отсылает к действительному субъекту повествования или действия, а может участвовать в косвенной номинации для именованного другого лица. Высказаны соображения о том, какие единицы могут выступать в роли заголовочных слов в словаре поэтонимов.

Ключевые слова: имя собственное, поэтоним, поэтическая номинация, косвенная номинация, художественный текст, именное словосочетание, субъект повествования.

Термин «поэтоним» образован от существительного «оним» (имя собственное) и прилагательного «поэтический» (не от «поэзия», а от «поэтика»). Термин был предложен В.М. Калининским во второй половине прошлого века и был принят такими авторитетными ономастами, как Ю.А. Карпенко, С.И. Зинин, Н.В. Подольская, был включён во второе издание словаря русской ономастической терминологии (1988 г.) и достаточно быстро «прижился» в научной среде, хотя наравне с ним использовались (и по сей день используются) другие синонимичные понятия: фиктоним (А.В. Суперанская), литературный оним / анропоним / топоним (М.В. Карпенко, А.А. Фомин, О.И. Фонякова).

В итоговой монографии «Поэтика онимов» В.М. Калинин определил поэтоним как «имя в литературном произведении (в художественной речи, а не в языке), которое выполняет, кроме номинативной, характеризующую, идеологическую и стилистическую функции, вторичное по отношению к реальной онимии, со свойственной ему подвижной семантикой» [Калинин 1999: 62–63]¹⁴.

В настоящее время в исследованиях по литературной ономастике термин «поэтоним» используется намного чаще других смежных по смыслу понятий. Так, на сайте eLibrary.ru [eLibrary.ru] в поиске по ключевым словам (на 11.02.2017) термин «поэтоним»

---

¹⁴ Аналогичная трактовка этого понятия дана и во втором издании «Словаря русской ономастической терминологии» [Подольская 1989: 108].

встречается в пятидесяти семи научных работах, термин «литературный оним» – только в восьми, термин «фиктоним» – в одной статье. Но содержание понятия «поэтоним» разными исследователями понимается по-разному. В определенной степени это закономерно и объяснимо тем, что не в каждом СИ (собственном имени) в художественном тексте можно с легкостью выделить то исключительно поэтическое ядро, которое отличает поэтоним от любого другого СИ – онима, найти то «стилистическое», «эстетическое», «характеризующее», что делает оним «поэтическим», переносит его в особый разряд СИ. Предложенное В.М. Калининским словосочетания «аниконический поэтоним» (поэтоним без образа) не решает эту проблему, поскольку понятие «аниконический» условно и относится только к первому употреблению СИ в художественном произведении, когда оно ещё не реализовалось в контексте, семантически не раскрылось.

В чем же специфика поэтонима? Что позволяет нам оперировать этим понятием для обозначения СИ в художественном тексте? В.М. Калинин ответил на этот вопрос, опираясь на дихотомию «реальное – вымышленное»: «Основное отличие поэтонима от собственного имени состоит в том, что поэтонимами, как правило, обозначаются не реальные, а существующие в творящем сознании автора и (через текст произведения) в воспринимающем сознании читателей идеальные образы вымышленных или реальных объектов, названных именем собственным» [Калинкин 2008: 97]. То есть поэтоним, по мнению ученого, отличается от СИ в языке (онима) содержательно, потому что обозначаемые им объекты относятся к области вымышленного, а не реального, именуют не сами предметы, а индивидуальные авторские представления о них. Поэтоним «оживает» и раскрывается только в мире литературного текста и не может быть рассмотрен и понят в отрыве от своего контекстуального окружения, от живого мира художественной действительности. Потому лексикография поэтонимов (в терминологии В.М. Калинин – поэтонимография) сталкивается со специфическими вопросами, не актуальными для ономастической лексикографии, теория которой разработана В.Э. Сталтмане и А.В. Суперанской [см. Ономастическая лексикография 1989]. Эти вопросы касаются отбора достаточных для словаря поэтонимов контекстов, способов представления вариантов, омонимов, заглавий, имен из эпиграфов и других встречающихся в тексте онимных единиц, а также выбора заголовочных слов. Ниже

представлены некоторые рассуждения о том, какие единицы и в каком объеме могут выступать в роли заголовочных слов в словаре поэтонимов.

Художественное произведение построено на особых отношениях автора-творца, созданного им мира с его внутренними законами, и воспринимающего этот мир и личность автора читателя. М.М. Бахтин писал, что «творческое сознание автора не есть языковое сознание в самом широком смысле этого слова, оно лишь пассивный момент творчества – имманентно преодолеваемый материал» [Бахтин 2000: 213]. Литературный текст является формой выражения художественного содержания, построенного на принципе диалогичности, встречи разных «голосов» – голоса автора, повествователя (рассказчика) и героев. Потому, вероятно, художественное произведение следует рассматривать не в языковом аспекте, а в аспекте индивидуальной речи, то есть параллель оним / поэтоним проходит в плоскости двух дихотомий: описанной выше дихотомии «реальное – вымышленное» и дихотомии «язык – речь».

Кроме поэтонимов как СИ, в художественном произведении встречаются поэтические номинации (цельные по смыслу референтные выражения), состоящие из нескольких лексических единиц, но имеющие в своем составе СИ (поэтонимы). Мы имеем в виду перифрастические конструкции и словосочетания, где СИ выступают в роли определителей или выражают принадлежность (генетивные конструкции). Мы можем предположить, исходя из опыта работы (еще не оконченной) над словарём поэтонимов в творчестве Н. Гумилева, что такие цельные по смыслу выражения могут претендовать на статус заголовочных слов, хоть и не являются СИ (а только имеют в своём составе СИ – поэтоним).

СИ в литературном тексте не всегда именуется субъект, объект или явление художественной действительности, иногда оно употребляется для номинации другого субъекта, объекта или явления, выполняя в этой номинации определенные функции: сущностную характеристику, указание на происхождение, статус и пр. В каждом разряде собственных имён есть такие проприальные единицы, которые состоят из нескольких слов, но воспринимаются как одно СИ благодаря тому, что обозначают один референт. Например, антропонимы Петр Великий, Людовик XIV, идеонимы «Завтрак у Тиффани», «Побег из Шоушенка», «Алиса в стране чудес», «Мастер и Маргарита», топонимы Новгород Северский, Новгород Великий, Северский Донец. В художественных

текстах тоже встречаются такие многокомпонентные онимные единицы, но построены они по законам авторского слова. Поэтоним всегда реализует определенные грани своей семантики в литературном тексте независимо от того, в прямой или косвенной номинации он участвует, но поэтоним не всегда является *действительным* субъектом художественного мира произведения. Проиллюстрируем эти рассуждения некоторыми примерами.

В авторитетном и еще не имеющем аналога словаре «Собственное имя в поэзии XX в.» [Григорьев и др.] статья *Мазена* проиллюстрирована одним примером из стихотворения А. Ахматовой «Широко распахнуты ворота»: «Гулом полны алтари и склепы / И за Днепр широкий звон летит. / Так тяжелый колокол *Мазены* / Над Софийской площадью гудит» [Григорьев и др.]. Вероятней всего, стихотворение Ахматовой, написанное в 1921 году, навеяно событиями, происходящими в современном ей Киеве – восстанием под предводительством С. Петлюры, образованием Украинской народной республики, провозглашением суверенитета и свободы от России. Выражение *колокол Мазены* символизирует «дух времени», бунты и восстания, направленные на отделение и разрыв культурных связей украинского народа с Россией. Значение референта СИ *Мазена* – «гетман Левобережной Украины», здесь проявлено косвенно как указание на преемственность времен: идеи, возвращенные еще Мазепой, реализованы в России начала XX в. Фактически поэтоним в стихотворении А. Ахматовой отсылает не к личности Мазепы, а к провозглашенным им идеям, к результатам его деятельности – предательству, переходу на сторону врага ради мнимых благ и личных амбиций. Мы предполагаем, что субъектом поэтической действительности в рассматриваемом стихотворении является символическое поэтическое выражение *колокол Мазены*, которое, вероятно, и может выступать в роли заголовочного слова в словаре поэтонимов.

СИ *Юстиниан* в творчестве Н. Гумилева встречается в двух произведениях: стихотворении «Болонья» и драме «Отравленная туника». Протонимом этого имени является имя императора Византии Юстиниана I Великого. Но кроме непосредственного именованного монарха-реформатора, одного из главных действующих лиц драмы «Отравленная туника», собственное имя *Юстиниан* один раз употреблено в реплике Зои, которая назвала себя *дочерью Юстиниана* («Не знаешь ты, кто я» <...> «Я – Зоя, дочь

Юстиниана» [Гумилев, т. 5: 168–169]), а второй раз – в созданном благодаря метонимическому переносу выражении *золотая рука Юстиниана*, обозначающем Византию как могущественное христианское государство: «Ты Имр из Кинда, кажется? Случалось / И мне слышать о племени твоём. / Оно живет не в кесарских владеньях, / Не в золотой руке Юстиниана, / Но все-таки достаточно известно, / Чтоб я решился выслушать тебя» [Гумилев, т. 5: 161–162]. В косвенной номинации *дочь Юстиниана*, как и в других поэтических номинациях *Зои* (*дочь Кесаря, Кесарева дочь, наследница державной Византии*) подчеркнуто знатное происхождение и высокий общественный статус героини. А перифраза *золотая рука Юстиниана* подчеркивает единовластие правителя Византии, монархическое и неделимое устройство державы, судьба которой находится в руке одного человека – *Юстиниана*, – в противовес той местности, откуда прибыл *Имр* и где идет междоусобная война. Сам император *Юстиниан*, поясняя, почему он хочет убить жениха своей дочери, говорит следующее: «Что девичьи слезы / Пред пользой государства! *Трапезонд* – / Приморский город и весьма торговый. / Он должен быть моим, он ключ к Кавказу» [Гумилев, т. 5: 178]. Через поэтическую номинацию *ключ к Кавказу* выявлен характер христианского монарха – ради власти и расширения могущества Византии он не побрезгует и убийством. Противопоставление языческой «варварской» страны, откуда прибыл *Имр*, и христианской «благонравной» Византии, мнимо. В финале трагедии оба воина – и язычник *Имр*, и христианин *Трапезондский царь*, – стали жертвами дворцовых интриг, личных амбиций властного монарха *Юстиниана* и предательства его *дочери*.

Нам кажется, что в качестве заголовочных слов в словаре поэтонимов могут выступать как СИ – поэтонимы, так и цельные по смыслу референтные выражения, имеющие в своем составе СИ. Если СИ участвует в косвенной номинации другого субъекта, то и словарная статья в словаре поэтонимов должна описывать этот другой субъект, а роль поэтонима в номинации может быть обозначена в литературоведческом (или поэтонимологическом) комментарии. При этом к цельным по смыслу (референтным) поэтическим номинациям не относятся именные словосочетания, в которых:

1) главное слово обозначает часть тела или качество субъекта, к которому отсылает имя собственное: «лик *Мадонн* вдохновенный» [Гумилев, т. 2: 115]; «лик благосклонной *Изиды*»

[Гумилев, т. 4: 16]; «Слышен зов. Это *голос Помпея*» [Гумилев, т. 1: 144]; «Кичилась *головой Иоканаана*» [Гумилев, т. 3: 40], «*рукой Немврода* иль *Ахилла*» [Гумилев, т. 2: 132]. В приведенных примерах семантические отношения между компонентами словосочетания обратно пропорциональны грамматическому значению принадлежности, выраженному родительным падежом имени;

2) СИ в словосочетании является *смысловым* субъектом действия, хоть и занимает позицию зависимого компонента: «Я не *юноша Ганимед*» [Гумилев, т. 2: 130], – в этом примере негация осуществлена за счет противопоставления «*лирический герой – Ганимед*», а не «*лирический герой – юноша*». Потому несмотря на то, что формально СИ *Ганимед* выступает в роли определителя к нарицательному имени *юноша*, заголовочным словом будет только поэтоним (только СИ);

3) главное слово служит для характеристики референта, обозначенного СИ: «*ненасытная страсть Содомы* и *голодный вопль Уголино*» [Гумилев, т. 2: 117], – в первом случае через метонимический перенос представлена авторская характеристика творчества итальянского художника эпохи Возрождения, во втором содержится намек на тяжелую судьбу свергнутого правителя Пизы, упомянутого в «Божественной комедии» Данте.

Итак, мы предполагаем, что в роли заголовочных слов в словаре поэтонимов могут выступать:

1. Поэтонимы – СИ, обозначающие субъект, объект или явление художественной действительности.

2. Именные словосочетания, в которых поэтоним занимает позицию зависимого компонента и употреблен в функции определения (исключения представлены в тексте статьи).

3. Перифрастические выражения (по терминологии В.М. Калинкина – онимные перифразы).

Список литературы

Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.

Григорьев В.П., Колодяжная Л.И., Шестакова Л.Л. Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имён. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philol.msu.ru/~humlang/slovar.si.2003/index.html> (дата обращения 11.02.2017).

Гумилев Н.С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Воскресенье, 1998–2007. 5 т.

Калинкин В.М. Поэтика онима. Донецк: Юго-Восток, 1999. 408 с.

Калинкин В.М. Поэтонимология: из заметок о метаязыке науки // Λογος όνομαστική, 2008. № 2. С. 96–101.

Научная электронная библиотека eLibrary.ru. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения 11.02.2017).

Ономастическая лексикография / В.Э. Сталтмане; отв. ред. А.В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. М. : Наука, 1989. 112,[3] с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

K.S. Fedotova

Revisiting the title to the article for poetonyms dictionary: proper name and poetical nomination

The paper highlights an issue of choosing a title for the poetonyms dictionary. Essential differences of onyms and poetonyms have been described due to dichotomies “reality – imaginary” and “language – speech”. Poetonym not only can nominate a subject of artistic reality, but also takes a part in the indirect nomination. Units which can be recognized as a title for dictionary of poetonyms have been noticed.

Key words: proper name, poetonym, poetical nomination, indirect nomination, literary work of art, noun phrase, subject of narration.

Е.А. Фролова

(Москва, Россия)

Функционирование антропонимов в повести-сказке

В.М. Шукшина «До третьих петухов»

Автор рассматривает специфику литературного антропонима, его отличие от личных имён в литературном языке. В статье выделены группы имён собственных в повести-сказке В. Шукшина «До третьих петухов», показана их связь с именованьями-апеллятивами, проанализированы функции антропонимов в тексте художественного произведения.

Ключевые слова: антропоним, апеллятив, художественный образ, номинационный ряд, полифункциональность

Имена собственные выполняют идентифицирующую функцию в языке, т. е. являются средством номинации предметов действительного или воображаемого мира. Например, содержание общего понятия имени *Иван* включает в себя:

- 1) понятие имени человека (в отличие от топонимов, зоонимов и т.п.);
- 2) понятие личного имени (в отличие от фамилий, отчеств, прозвищ);

- 3) понятие имени данного (т.е. называемого), а не иного субъекта (в отличие от имен Павел, Мария и т.п.);
- 4) понятие имени мужчины (в отличие от женских имён);
- 5) понятие русского имени (в отличие от франц. *Жан*, польск. *Ян* и др.).

Своеобразие литературного антропонима обусловлено тем, что его денотатами в художественном произведении могут быть как реальные, так и вымышленные лица. Автор подбирает имя вполне определенному герою в соответствии с его возрастом, характером, социальным положением и т.д. Таким образом, литературный антропоним отличается от языкового большей конкретностью, ему свойственна индивидуализированно-направленная номинативность.

Создавая систему антропонимов, автор опирается на общенародный язык. В.А. Никонов в статье «Личное имя – социальный знак» писал: «Невозможно представить себе в начале нашего века графиню Матрёну или Феклу, как и крестьянку Тамару...» [Никонов 1967: 38]. В то же время выбор именования персонажей обусловлен особенностями художественного текста: стилем повествования, ситуацией общения, структурой и коммуникативной функцией предложения, в которое входит имя, фондом общих знаний собеседников и т. д.

Система образов в повести-сказке В.М. Шукшина «До третьих петухов» неоднородна по своему составу, что неизбежно отражается на номинации персонажей. Центральным героем произведения выступает Иван-дурак, чьё именование вынесено в подзаголовок текста (*Сказка про Ивана-дурака, как он ходил за тридевять земель набираться ума-разума*) и, таким образом, занимает ключевую позицию в повести. Фольклорный персонаж определяет жанровую принадлежность произведения и объединяет вокруг себя другие сказочные образы. Среди них баба Яга, Змей Горыныч, царевна Несмеяна, Мудрец, черти. Тесно связан со сказочными персонажами былинный богатырь Илья Муромец. Примыкает к ним исторический герой – *какой-то гулевой атаман*, явно напоминающий Степана Разина.

Важное место в системе номинаций художественных образов повести занимают литературные антропонимы. При этом знакомые по русской классической литературе собственные имена размываются за счёт включения в представление персонажей дополнительных определений-характеристик, выражающих авторское отношение к ним, например: *Ничего не понимаю, – тихо*

сказал некто в цилиндре – не то Онегин, не то Чацкий – своему соседу, тяжелоуму помещику, похоже Обломову. Составное именование-апеллятив *некто в цилиндре* является обобщающим для последующих имен собственных, связанных разделительным союзом *не то – не то*. Возникает мнимое структурно-семантическое противоречие, которое снимается благодаря значению неопределенного местоимения. Интересно, что чуть позже в произведении появляется новое лицо – *какой-то, явно лишний*, – которое воспринимается как аналогичный литературный персонаж – типичный представитель лишних людей. Косвенное сравнение-именование *похоже Обломову* переходит в тексте повести в разряд индивидуализированных имён собственных: *Обломов улыбнулся; с неодобрением сказал Обломов* и т.п.

Иногда, представляя героев, носящих имена персонажей русской классической литературы, автор прибегает к языковой игре, например: – *Я сама тоже из крестьян, – начала Бедная Лиза, – вы все знаете, какая я бедная...* Эпитет в составе имени собственного реализует в контексте произведения свою многозначность: 1) неимущий; 2) несчастный – и выступает как характерологическая часть антропонима.

Особую группу имён собственных составляют субстантивированные номинации. При этом автор нередко стирает грань между именем собственным и апеллятивом. Представление ряда персонажей дано в тексте в форме составных нарицательных именовании-характеристик, выделяющих ту или иную черту внешности, социальный статус героя произведения и т.п., а затем писатель сокращает их до однословной номинации – субстантивированного имени собственного, например: *покрикивал некто канцелярского облика лысый – строго сказал лысый конторский – Лысый, который вел собрание, сердито стукнул ладонью по столу.* «Субстантивированные прилагательные – весьма заметное явление в ономастиконе сказки В.М. Шукшина. Как и другие синкретичные части речи, они "оживляют" повествование, поскольку отличаются "семантической емкостью", экспрессивностью. Подчеркнём, однако, что семантическая ёмкость создается за счёт грамматических, а не лексических средств. В категориальном значении этих слов совмещаются адъективный и субстантивный компоненты: сочетаются представления о признаке и о предмете (лице – носителе этого признака). Генерализация признака помогает

избежать четкой конкретизации, сохранить некие обобщенные черты классического "образа" и вместе с тем – индивидуализировать героя...» [Высоцкая 2004: 75].

«Классическим» персонажам в повести-сказке противостоят «современные» реальные герои – библиотекарша Галка, секретарша Милка, уборщица тётя Маша и их окружение. Однако это противостояние можно считать условным, поскольку в процессе повествования происходит сближение «литературных» и «реальных» образов: в устах Ивана-дурака Илья Муромец превращается в дядю *Илью*, Мудрец – в *батю*, в авторском повествовании он становится сначала *стариком Мудрецом* (*Старик Мудрец стремительно вскинул руку, нацелился пальцем в черта*), а затем и просто *стариком*, дочь бабы Яги – *женщиной*, царевна Несмеяна оказывается Алкой (*– Алка – это и есть Несмеяна*).

Писатель активно использует прием разрушения традиционных антропонимов, тем самым изменяя привычное восприятие художественных образов. Так, составная номинация с оценочным приложением *Иван-дурак* сначала усекается до одиночного имени собственного *Иван*, а затем трансформируется в разговорно-панибратскую форму *Ванька* в речи Ильи Муромца; ср.: *Кто еще хочет сказать об Иване-дураке? – Не груби, Иван, – сказал конторский. – Не ходи, Ванька*. При этом совокупность антропонимических номинаций персонажа является как средством называния и характеристики самого объекта наименования, так и оценки именуемого, указания на взаимоотношения героев повести. Систему именованний главного героя произведения можно представить как своеобразный номинационный ряд, в котором смена антропонимов в рамках одного художественного образа обусловлена не только развитием сюжетной линии, но и переменами в характере персонажа. Так, в ситуации опасности Иван-дурак принимает именование, данное ему бабой Ягой (*племянник мой, Иванушка*), и сам называет себя племянником тети Ежки; в сценах унижения разными персонажами именуется себя унижительными номинациями *шут гороховый, Ванек в лапоточках, Петрушка*. Однако подчиняясь чужой воле, герой не хочет признавать своё «падение». Не случайно поэтому «шутовские» номинации включены в синтаксические конструкции косвенных или прямых вопросов (*–А-а, – догадался Иван, – ты решила, что я – шут гороховый. Что я – так себе, Ванек в лапоточках...; – Пошел к чертовой матери! – рассердился Иван. –*

Что я тебе – Петрушка?..). Это своеобразная попытка героя отстаивать свое право на человеческое достоинство.

Важное значение в функционировании антропонимов в тексте произведения имеют именованная-апеллятивы, которые нередко мотивируют выбор соответствующего имени собственного. Так, автор обыгрывает оценочное приложение в личном имени главного героя повести-сказки. Баба-Яга пытается выяснить, дурак Иван или нет: *...а ты как дурак-то – совсем, что ли, дурак?*

– *Как это? – не понял Иван.*

– *Ну, полный дурак или это тебя сгоряча так окрестили? ...привыкли люди: дурак и дурак, а ты вовсе не дурак, а только... бесхитростный...*

– *Да я же по глазам вижу: никакой ты не дурак, ты просто бесхитростный. Я, как только тебя увидела, сразу подумала: «Ох, и талантливый парень!»*

Сомнение в отсутствии ума сменяется утверждением о наличии способностей у героя, что соответствует традиционному развитию сказочного сюжета. Однако подобные «превращения», в отличие от произведений устного народного творчества, происходят исключительно на вербальном уровне. Причем если для литературных персонажей наличие ума у Ивана определяется предоставлением справки, то для сказочных героев талант связан с его практическими умениями. Именованная-апеллятивы в номинационном ряду главного героя повести-сказки коннотативно окрашены и содержат, как правило, негативную оценку, ср.: *симулянт, проходимец, тип, этот дурак, паразит, лангет, филе* и т. п. Бессмысленным оказывается поход Ивана за справкой, поскольку добыть её он так и не сумел. Зато добыл *целую печать*, правда, никто из героев не знает, что с ней делать.

Однако не бесполезным было путешествие героя. Не случайно по возвращении Ивана-дурака Илья Муромец называет его *человеком* (– *И зачем было посылать человека в такую даль?..*). Главное – это постижение героем собственных ошибок: – *...Такой и пришел – кругом виноватый...*

Таким образом, система именованных героев повести-сказки меняется в процессе развития действия художественного произведения. Фольклорный антропоним *Иван-дурак* оказывается своеобразной скрепой авторского текста. Сознательная трансформация знакомых литературных номинаций обусловлена сменой характеров персонажей и включением их в современную

писателю действительность, в которой главный герой не может найти своего места. Номинационный ряд персонажа вводит Ивана-дурака в круг шукшинских «чудиков», вместивших в себя «и болезненное восприятие несправедливости окружающего мира, и бесшабашное ухарство, и истинную человечность» [Фролова 2004: 73].

Список литературы

Высоцкая И.В. Окказиональные субстантивированные прилагательные в сказке В.М. Шукшина «До третьих петухов» // РЯШ. 2004. № 5. С. 73–75.

Никонов В.А. Личное имя – социальный знак // Наука и жизнь. 1967. № 12. С. 37–39.

Фролова Е.А. Одинокие чудики В.М. Шукшина (Лингвостилистический анализ рассказов писателя) // РЯШ. 2004. № 5. С. 69–73.

Шукшин В. Я пришел дать вам волю: [Роман, повести, рассказы]. Кишинев: Лит. Артистикэ, 1982. С. 360–400.

Е.А. Frolova

The functioning of anthroponyms in the tale-story by V.M. Shukshin "Do tret'ih petuhov"

The author considers the specifics of literary anthroponyms, unlike the personal names in literary language. The article highlights the group of proper names in the tale-story by Shukshin "Do tret'ih petuhov", shows their relationship with naming-appellative, and analyzes the functions of anthroponyms in literary text.

Key words: anthroponym, appellative, literary image, nominating a range, multifunctionality

И.В. Чугунова

(Ульяновск, Россия)

Речевое воплощение персонажа и имя собственное (на материале романа И.А. Гончарова «Обыкновенная история»)

В статье анализируются семантические доминанты некоторых антропонимов – имён персонажей – в «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова.

Ключевые слова: антропоним, речевое воплощение персонажа, семантическая доминанта.

Одним из способов создания художественного образа, характера персонажа может быть антропоним.

В «Обыкновенной истории» два центральных персонажа: Александр и Пётр Адуевы. Исследователи творчества И.А. Гончарова уже обращали внимание на то, что их характеры и мировоззрение в

течение романа коренным образом меняются, однако полярность в отношении друг друга сохраняется на протяжении всего романа.

Как известно, имя Александр этимологически связано со значением *‘защитник людей’* [Этимологический онлайн-словарь 2007]. Однако эту общепринятую версию вряд ли можно считать доподлинно верной, поскольку она, например, не объясняет, как это имя связано с неофициальной формой *Саша*. Если же связывать антропоним *Александр* с *Аль-Шандер* (‘тот, кто светит, светило’), которое в санскрите соотносится с *Candra (Чандра)* (‘луна’, ‘сверкающий’ – так называли бога Луны, символом которого считался заяц), то вопрос о связи имён кажется вполне объяснимым. Кстати, в том же языке *śaśa* переводится как ‘заяц, кролик, антилопа’, деривационно с ним связан глагол и *śaśat* (‘прыгать’).

И младший Адуев тоже своего рода заяц, на протяжении всего повествования «прыгающий» в поисках себя и смысла своего существования. На наш взгляд, именно это заставляет Гончарова тщательно подбирать слова, описывающие действия этого героя.

Эволюция младшего Адуева в каждом из трёх этапов обнаруживает собственную семантическую доминанту.

Так, в начале романа это импульсивный, эмоциональный и наивный романтик. В этой части романа И.А. Гончаров использует девербативы и глаголы с общим значением интенсивного движения, подчёркивая суетливость Александра. Вот несколько примеров: *«бросился на шею к дяде»*, *«вбежал утром к дяде как сумасшедший. В его походке и движениях видна была радостная суетливость»*, *«Он бросился к ресторатору»* и подобные; сочетания слов, обозначающие непредсказуемость, резкость действия *«Александр вскочил с места»*, *«вскричал вне себя»*, *«бешено закричал»*, *«крикнул Александр, швырнув тетрадь в печь»* и под.

Постоянное движение, неутомность Александра – это не только манера его поведения, но и состояние души. Он отказывается ждать и сдерживать себя, потому что не умеет этого делать. И Гончаров неоднократно отмечает его нетерпеливость: *«слушал с некоторым нетерпением»*, *«сделал нетерпеливое движение»*, *«не дожидаясь четвертого блюда и побежал на набережную Невы»* и под.

Автор особо подчёркивает такие черты своего героя, как застенчивость и стыдливость. Практически в каждом разговоре Александра, с любым собеседником, Гончаров останавливает взгляд читателя на присущих главному герою смущению, неловкости, будь

тому причиной внезапно выясненная правда, благоговение перед авторитетом дяди или переполняющие эмоции. То и дело краска приливает к его лицу, он теряет уверенность в себе, и автор мастерски это показывает: *«смутился, молча отошел к окну», «сказал робко», «прибавил Александр, весь покраснев», «сказал смутившийся Александр», «начал было Александр, но смешался и замолчал», «воскликнул Александр и закрыл руками лицо»* и т. п.

Таким образом, используя авторскую характеристику персонажа, писатель обозначает доминирующие черты характера младшего Адуева на первом этапе развития: неисчерпаемую энергию, импульсивность на фоне эмоциональной закрепощённости.

Второй этап в развитии персонажа можно условно обозначить как переходный, он не имеет четких границ и сливается с предыдущим и последующим. Здесь Александру присуще сомнение. Он всё чаще находится в безмолвных раздумьях, пытаясь найти новые принципы «выживания» в обществе, поскольку прежние не оправдали себя. В это состояние он приходит ещё на первом этапе, когда дядя подвергает критике всё, что племянник считал ценным и сокровенным: *«Александр отвечал вздохом и задумался»*.

На последнем этапе это усиливается, герой может погрузиться в мысли уже по любому поводу и причине (*«сказал Александр задумчиво», «говорил в раздумье», «все был задумчив, худ», «стал опять задумываться»* и подобное).

С потерей жизненных ориентиров не о чем стало говорить, и Александр предпочитает молчание тому, что ещё вчера имело для него смысл, ограничивается жестами, хотя раньше мог произнести воодушевлённую и эмоциональную тираду: *«пожимая плечами», «покачал головой, вздохнул и молча положил книгу», «Александр молчал», «молча подал ему руку»* и др.

Его эмоции и чувства сводятся в конечном итоге только к досаде, которая зародилась ещё с первой встречи с дядюшкой (*«с досадой перебил», «с досадой, почти вслух отвечал», «спросил он с досадой»*). Нельзя пройти мимо разбуженного Наденькой презрения (*«говорил Александр с презрением», «презрительно пожал плечами», «он еще долго сохранял презрительную мину»* и так далее). А постоянное движение, суетливость сменяются холодным спокойствием и отсутствием интереса к жизни (*«перешел от мрачного отчаянья к холодному унынию», «холодно поклонился», «предался какому-то истуканному равнодушию», «опять стал покоен»* и проч.).

Любопытно, что этот облик мы встречаем ещё в начале романа в лице его дяди Петра Адуева. Те же холод и спокойствие, только более ярко выраженные и составляющие не просто стиль его жизни, а его самого *«выслушал это известие покойно», «слова сопровождалось ледяным взглядом», «Лицо его по обыкновению выражало совершенное спокойствие», «Петр Иваныч остановил на племяннике свой холодный и покойный взор».* Холодный, твёрдый, непоколебимый, иными словами, кремень, камень. Собственно, Гончаров так и нарекает своего героя – Пётр, что соответствует греческому 'камень' [Якимова 1995].

Поскольку с камнем не может произойти ничего непредсказуемого и существование его однообразно, Гончаров создаёт соответствующий образ жизни старшего Адуева, в котором властвуют размеренность, расчёт *«медленно разорвал письмо», «медленно положил письмо на стол, ещё медленнее достал сигару», «у него рассчитаны были и жесты и взгляды»* и так далее.

Пётр не только делает каждый день одно и то же, он и живёт в обществе, которое делает одно и то же, изо дня в день, из года в год. Он уже видел всё, на что оно способно и впитал это, поэтому ему чрезвычайно сложно угодить, особенно романтично настроенному Александру. Гончаров разнообразен в выборе слов для воплощения адуевского недовольства: *«сморщился и покачал головой», «сделал кислую мину», «немного нахмурился», «проворчал Петр Иваныч»* и под.

Важными особенностями жестикуляции, которыми автор наделяет его, являются качания головой, олицетворяющие несогласие с действиями, точкой зрения собеседника: *«недоверчиво покачал головой», «говорил он, качая головою»* и так далее; а также пожимание плечами, говорящее об отрицании героем содержания сказанного кем-либо: *«увидя бесполезность своих представлений, тоже пожал плечами», «сказал Петр Иваныч, пожимая плечами»* и проч.

Нельзя не отметить сопровождающей старшего Адуева досады, которой он впоследствии «заразил» племянника *«сказал с досадой», «- А! - с досадой перебил».* Можно предположить, что причина её возникновения кроется в разрушенных представлениях о мире. Ведь и Пётр, и Александр до приезда в Петербург были романтиками, столица убила идеал, в котором так тепло и уютно чувствовали себя герои, а послекусие этого «убийства» воплотилось в досаду.

Пётр Адуев на протяжении всей «Обыкновенной истории» видится воплощением невозмутимости и рационализма, антиподом

чувственному Александру. Однако нельзя утверждать, что в Петре Иваныче полностью господствует разум. Внимательный читатель замечает: «*вскричал, вскочив с места*», «*с сокрушением смотрел*», «*с живостью спросил*», «*и лицо его потемнело, то есть он покраснел*», «*Дядя испугался*».

Болезнь Лизаветы Александровны вызвала в Адуеве настоящий «взрыв» эмоций, сдерживаемых до этого петербургской действительностью, страх её потерять возродил в Петре Ивановиче то человеческое, что было глубоко запрятано долгие годы: «*скорыми шагами пошел в кабинет жены*», «*спросил Петр Иваныч с некоторым нетерпением*», «*бросил под стол*», «*смотрел <...> а с тревогой, с беспокойством и с боязнью*», «*с жаром поцеловал*», «*закричал он торопливо*», «*отчаянно возопил*», «*вскочил с кресел с несвойственной ему живостью*».

Эволюция Петра Иваныча также трёхэтапна.

Итак, образы главных героев показываются в динамике. Автор мастерски подводит их к внутренним трансформациям, плавно переводя из этапа в этап. По сути, их эволюция и есть когнитивный фундамент всего романа. Можно сказать, что речевое воплощение персонажей является тем текстообразующим фактором [Чернухина 1977: 87], который опирается в том числе на этимологическое содержание антропонимов.

Список литературы

Чернухина И.Я. Очерк стилистики художественного прозаического текста. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977.

Электронный ресурс удалённого доступа: Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера.2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://vasmer.info/>.

Якимова Е.В. Пётр Адуев: имя, характер (По роману «Обыкновенная история») // Гончаровские чтения. Ульяновск: УлГТУ, 1995. С. 43–49.

I.V. Chugunova

Linguistic manifestation of characters and proper names

Semantic dominants of certain anthroponyms – proper names of characters – in *A Common Story* by Ivan Goncharov are studied in the article.

Key words: anthroponym, linguistic manifestation of character, semantic dominant.

Топонимы Поволжья в русском поэтическом фольклоре (на материале региональных записей XIX в.) – Часть 1

Для выявления фольклорной топонимики Поволжья исследуется пять архивных коллекций народных песен, записанных в поволжском регионе в XIX в. Анализируются все виды речевых единиц, относящихся к этнотопонимике – лексика, фразеология, поговорки, пословицы. Обращается внимание на устойчивые фольклорные формулы, построенные на этнотопонимической лексике.

Ключевые слова: поэтический фольклор, Поволжье, этнотопонимическая лексика и фразеология, маршрутные песни

Данное исследование является этапом в создании фольклорного топонимикона Поволжья.

В статье терминами ‘топоним’, или ‘топонимическая единица’, или ‘единица ЭТЛ’ мы называем любой оним, относящийся к корпусу ‘этнотопонимической лексики’ (ЭТЛ). Территорией нашего внимания определяется район бассейна реки Волги. Анализу подвергаются только поэтические жанры русского фольклора. Для рассмотрения было взято пять коллекций (собраний) фольклорных песен, записанных в регионе Поволжья в XIX веке. В каждой из коллекций есть тексты эпических и лирических жанров.

1) Собрания 1830-х годов, составляющие часть огромной коллекции П.В. Киреевского: Д.А. Валуева «Сто песен, записанных в г. Симбирске» и семейства Языковых (записи в селах Симбирской и Оренбургской губерний). Основная часть коллекции хранится в Рукописном отделе Российской государственной библиотеки (РО РГБ). Опубликовано: [Киреевский 1977]. – Всего 388 текстов.

2) Песенная часть собрания 1845–48 г., записанная в Симбирской губ. местными корреспондентами для императорского Русского географического общества (ИРГО). Рукопись является частично сохранившимся при пожаре обгоревшим конволютом, сшитым из разрозненных донесений волостных чиновников, содержащих образцы народной словесности. Материал отложился в фонде Симбирской губернской ученой архивной комиссии (СГУАК) и хранится в Государственном архиве Ульяновской области (ГАУО). Подготовлено к публикации. – Всего 14 текстов.

3) Собрание песен 1845–51 г., записанных в Нижегородской губ. Петром Ивановичем Пискаревым, было передано П.И. Мельникову-

Печерскому, затем отложилось в фонде А.А. Титова и хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (РО РНБ). Опубликовано: [Пискарев, 2014]. – Всего 73 текста.

4) Собрание песен 1875 г., записанных в Арзамасском у. Нижегородской губ. Андреем Васильевичем Карповым, отложилось в фонде собирателя и хранится в Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО). Опубликовано: [Карпов 2010]. – Всего 496 текстов.

5) Собрание песен 1885 г., записанных в Курмышском у. Симбирской губ. Павлом Сергеевичем Таушевым, отложилось в фонде Симбирской губ., хранится в научном архиве Русского географического общества (штаб-квартира в Санкт-Петербурге) Подготовлено к публикации. – Всего 52 текста.

Всего в пяти рассмотренных коллекциях 163 разнообразных региональных топонима (онима ЭТЛ). В данных песенных собраниях мы выявили всю ономастическую лексику (и антропонимы, и топонимы).

Об антропонимах здесь, естественно, не упоминаем, а нерегionalную ЭТЛ учитываем, хотя списка ее не приводим. Соотношение общей и региональной ЭТЛ, соответственно: в собрании для РГО – 13/55 (из них 49 только в одном тексте); в собрании Пискарева – 58/28; в собрании Тимашева – 32/9. Разница в соотношении связана не столько с размерами коллекций, сколько с соотношением в них текстов эпических и лирических жанров. В обрядовой лирике, как правило, могут присутствовать неперсонифицированные антропонимы, а топонимы – в гораздо меньшем количестве и в неконкретизированном виде. В эпической поэзии (исторических песнях и былинах) мы чаще видим (или угадываем) за антропонимом историческую персону, а за топонимом – конкретный географический объект. Даже в том случае, если морфология онима деформирована или заменена.

Нам повезло, и в одной из коллекций есть уникальная песня – «Бурлацкая... кашовары кашу варят...», содержащая (правильней, состоящая из) почти полсотни поволжских топонимических единиц. В фольклористике такие тексты иногда называют 'географическими песнями' (по терминологии Д. Зеленина). Правильнее, с нашей точки зрения, данный фольклорный жанр именовать 'маршрутными песнями', так как их сюжет выстроен по определенному маршруту методом кумуляции самостоятельных речевых «кирпичиков»-

характеристик (описательных или оценочных). Соответственно, в подобных текстах количество составных частей может быть разнообразным, т.к. «кирпичики» с легкостью – по воле памяти и профессионализма исполнителя – могут встраиваться и выпадать из структуры произведения, не нарушая зримо его «целостности». А характеристики встречаются и отрицательные (шутливые, иронические, сатирические), и положительные (хвалебные).

В свою очередь, в роли строительного материала данного текста выступают уже не единицы ЭТЛ, а единицы фольклорной идиоматики и малых фольклорных жанров (поговорок и пословиц). Мы называем их ‘этнотопонимическая идиоматика (идиома)’ (ЭТИ) и ‘этнотопонимические поговорки и пословицы’ (ЭТП).

Сделаем выписки единиц ЭТИ и ЭТП из нашей бурлацкой песни, «где вниз по матушке по Волге идут бурлацкие суда».

А тутъ рыбная есть ловля и тут Митина Коса.

И тут Митина Коса, братцы, Черная Гряда.

Вшивые тулупы в Ынатовской крепости.

С соминкой пирошки во Чорным Яру.

*Чорная-т Яр построем взял: коя изба – на боку, а друга– без
вирху.*

Несолёные калачики царицынски.

Слатинкой медок – есть Дубовка городок.

Большие поленицы камышински.

Пристанью славен тут Саратов городок.

Тут нам парусом побегать и канатом повлегать.

Канатом повлегать в Сорокиих островах.

Чистой гладинкой бечовычкой – в Змеевичах Горах.

Городинки село высоко взнесено.

Рыбенско село – рыболовы наголо.

Волски мужики – сыромятники.

Сызран город в ями – по три шашки в бани.

Тащи-волоки – в Переволоки.

Сок да Самара – Царев курган.

Жипина Подвальца – то Ширяев Буярак.

Пшеницай нагрузитца – в Надевичьем селе.

Быстрая вода – Сенгилъевская Гряда.

Шиловка село – погулять нам весело.

Садами есть доволен Симбирской городок.

(В другом тексте этого же собрания мы находим аналогичную по смыслу ЭТП: *Ох ты, батюшка Синбирской городок, / Во тебе стоит зеленинькой садок*).

Долги кнутники – тетюшински мужики.

Котами-башмаками – есть Казань городок.

На строву ищо стоит Свяцкой городок.

На красе еще стоят Чабаксары городок.

Шолковой Затон – тут вора́м притон.

Хорошие розшивушки – роботински.

Воры мужики – шельмы кадински.

Кстова и христова – то Великой Враг.

Чарычка маленка, винцо хорошо – постоялые дворы подновински.

Бесподобной пирожок тут есть Нижней Городок.

По белую капусту – в Козиное село.

Тут есть Котово село – то козья молоко:

по три денишки удой, сам и козыньку подой.

Город Балахна стоит полы распахня.

Город Городец – воевода молодец.

Килишма – Решма кутит, она мутит, колесом вертит.

Город Кострома – тут гульлива старона.

Ярославль-ат на прикраси – по три шашки на припаси.

Рыбной Городок – всем рошивушкам привод.

В этом «каталоге кораблей», «каталоге» бурлацких станов (привалов-стоянок-ночёвок) мы насчитали их 40.

Хотелось бы еще назвать несколько присущих фольклорной поэзии устойчивых формул, построенных на ЭТЛ, т.е. ‘этнотопонимических формул’ (ЭТФ). Четыре из них мы находим в корпусе исследуемых текстов с региональной ЭТЛ. Приведем лишь их примеры.

а) ‘Распутье’ (обычно, трех дорог).

Еще первая дороженька Киевская,

Вторая-то дороженька Астраханская,

А третья-то дороженька Московская.

Формула достаточно «крепкая», и направления в ней закрепились, как правило, былинные, «столбовые». Однако в наших текстах мы встречаем еще и Новгородскую, и Сурскую, и, даже, Карсунскую дороги.

б) 'Маршрут следования', или 'путевой лист'.

*Вы несите мое тело на синее море,
На синее море на Каспийское <...>
Вы несите мое тело на круты горы,
На те круты горы Жигулевския,
Вы положите мое тело промеж трех дорог...*

в) 'Ориентир', или 'топонимический ориентир'.

*Как повыше-то было села Лыскова,
Что пониже-то было села Юркина,
Спротив самаго Богомолова,
В Луговой-то было сторонушке,
Протекала тут речка быстрая,
По прозванью-то речка Кержинка.*

г) 'Каталог невест (женихов)'.

*Трех девушек любишь:
Перву Машу во Казани,
А Дуняшу в Ярославле,
А душеньку Ульяшеньку в Нижнем городочке.*

Региональный топонимикон должен содержать все виды речевых единиц, относящихся к этнотопонимике, – ЭТЛ, ЭТИ, ЭТП.

Сопоставление топонимов по различным источникам представлено в следующей таблице.

1830-е г., г. Симбирск, Симбирской губ.; Д.А. Валуев, Языковы 388 текстов	1845–48 г., Симбирская губ.; местные корреспонденты для РГО; 14 текстов	1845–51 г., Нижегородская губ.; П.И. Пискарев; 73 текста	1875 г., Арзамасский у., Нижегородской губ.; А.В. Карпов; 496 текстов	1885 г., Курмышский у., Симбирской губ.; П.С. Таушев; 52 текста	Современный топоним
Алатырь город		Алатырь / Алатыр город			г. Алатырь, Чувашская респ.; п/б р. Суры
		Арзамас [город]; арзамасский (воевода)	Арзамас [город]		г. Арзамас, Нижегородская обл.; п/б р. Теши
Астрахань город, городочик; Астраханский город; Астраханское царство; Астраханская губерния; астраханский (губернатор, человек)	Астрахань город	Астраханская дороженька; астраханец	Астрахань город	Астрахань [город]	г. Астрахань, Астраханская обл.; л-п/б
	Балахна город				г. Балахна, Нижегородская обл.; п/б
Богомолово село		Богомолово [село]			с. Богомолово, Нижегородская обл.; п/б

	Болдинский остров				о. Болдинский (в г. Астрахани), омывается р. Болда)
			Бузулук река		р. Бузулук, приток р. Самара, Оренбургская обл.
Булат река					р. Булак, в г. Казань, Татарстан; л/б
	Великой враг / Великой Враг				с. Великий Враг, Нижегородская обл.; п/б
	верховья города [волжские]				Верхняя Волга
Войское село					(?) пос.Волжский, Нижегородская обл.; п/б
Волга река		Волга [река]; волжаночка, волжаненочек	Волга [река]]	Волга [река]	р. Волга
Волской [город]	волски (мужики)				г. Вольск, Саратовской обл.; п/б
	Гарянские ворота				одна из башен Астраханского кремля

	Городец город				г. Городец, Нижегородская обл.; л/б
	Городинки село				с. Белогорское (Белогородня), Саратовской обл.; п/б
	Дубовка городок				г. Дубовка, Волгоградской обл.; п/б
Жегулевский, Жигулевские горы		Жигулевския горы	Жигулевские горы		горы Жигулёвские
	Жипина (?) Подвальца / Подвальца				с. Подвалье, Самарской обл.; п/б
Загарино, Загорино село					с. Загарино, р. Ульяновская обл., на р. Сызранке; п/б
Змеины горы	Змеевичи горы / Змеевичи Горы				Змеевы Горы, Саратовской обл.; п/б
	кадински (мужики)				с. Кадницы, Нижегородская обл.; п/б
Казань город, городок; казанский (губернатор, человек); казанка	Казань город; Казань город, городок	Казань [город]; казанец	Казань город, городок		г. Казань, Татарстан; л/б

Казань река; Казанка река			Казанка река		р. Казанка, приток Волги, Татарстан; л/б
				Кама речка	р. Кама, приток Волги, л/б
Камышенка город	камышински (поленицы)				г. Камышин, Волгоградская обл.; п/б
Карастан устье					(?)
Карсунская дорога					г. Карсун, Ульяновская обл.; п/б
Каспийское, Каспицкое море		Каспийское море			море Каспийское
Керженка, Кержинка речка		Кержинка речка	Керженка река		р. Керженец, приток Волги, Нижегородская обл.; л/б
	Килишма				г. Кинешма, Ивановская обл.; п/б
	Козиное село				с. Большое Козино, Нижегородская обл., п/б
Корочарово село, селение					район г. Муром, Владимирская обл.; л/б р. Оки

	Кострома город				г. Кострома, Костромская обл.; л-п/б
	Котово село				(?) с. Котово, Нижегородская обл.; п/б
	Котова / Кстова				г. Кстово (бывш. дер. Кстовская), Нижегородская обл.; п/б
			Кунавино село		Канавино, р-он г. Нижний Новгород; п/б
Кутьма река					р. Кудьма, приток Волги, п/б
Лысково, Лыское село		Лысково село		Лысково село	г. Лысково, Нижегородская обл.; п/б
		Макарий; макарьевский (песок)	Макарьевская ярмарка	Макарьевская ярмарка	пос. Макарьево (Свято-Троице- Макарьево- Желтоводский женский монастырь), Нижегородская обл.; л/б
		Малыково село			(?) г. Вольск, Саратовской обл.; п/б

	Митина коса / Митина Коса				(?) коса между р. Волга и притоком Митинка, напротив с. Заволжское, Астраханская обл.; л/б
Можай [город]					г. Можайск, Московская обл.; п/б р. Москвы
Москва [город]; Московская дорога, дорожка, дороженька; Московское царство, государство; московский (человек, чудотворец)	Москва город; московския (сеноторушки); маскаль	Москва город; Московская дорожка, дороженька		Москва [город]; Москва царство	г. Москва
Муром город					г. Муром, Владимирская обл.; п/б
	Надевичье село				с. Новодевичье, Самарской обл.; п/б

Нижний город, городочик; Нов-город; Новагород; Новай город Низовский; Новгородская дорога, дороженька	Нижней городок	Нижний городочек; Нов-город	Нижний [город]		г. Нижний Новгород, Нижегородская обл.; п/б
	низовья города [волжские]				Нижняя Волга
Ока река					р. Ока, приток Волги; п/б
	подновински (дворы)				слобода Подновье, в составе г. Нижний Новгород, п/б
	Переволоки				пос. Переволоки, Самарской обл.; п/б
		поволжские (люди)			Поволжье
Покровский монастырь					монастырь Покровский, в г. Суздале; п/б р. Каменки (бассейн Волги)

	Решма				с. Решма, Ивановская обл.; п/б
	роботински (розшивушки)				с. Работки, Нижегородская обл.; п/б
	Рыбенско село				с. Рыбное, Саратовской обл.; п/б
	Рыбной городок				г. Рыбинск, Ярославская обл.; п/б
Самара городочик			Самара город		г. Самара, Самарская обл.; л/б
	Самара [река]		Самара река		р. Самара, приток Волги; Самарская обл.; л/б
Саратов город, городочик; Саратовска, Саратовская степь	Саратов городок		Саратов город; Саратовская степь		г. Саратов, Саратовская обл.; п/б
Свияжский город	Свияцкой городок				с. Свияжск, Татарстан; п/б
			Семёново село		с. Семёново, Нижегородская обл., на р. Иржа; п/б бассейн Волги

Сингилей город	Сенгилеевская гряда / Сенгилеевская Гряда				г. Сингилей, Ульяновская обл.; п/б
Симбирской город, городок, острог	Синбирской, Симбирской городок				г. Ульяновск, Ульяновская обл.; п/б
	Сок [река]				р. Сок, Самарская обл.; л/б приток Волги
	Сорокии острова / Сорокии Острова				(?) напротив с. Сорочьи Горы, в устье Камы, Татарстан; л/б Волги
Стрижов остров					(?)
Суздаль город					г. Суздаль, р. Каменка; п/б бассейн Волги
Сура река					р. Сура;
Сурская дорога					р.пос. Сурское, Ульяновская обл.; л/б р. Суры
Сызран [город]	Сызран город				г. Сызрань, Самарской обл., п/б

татарин, татарка, татарченок	татарская (тулупица)	татарин		татарин	Татарстан
	тетюшински (мужики)				г. Тетюши, Татарстан, п/б
Тула [город]					г. Тула, на р. Упа; п/б приток р. Ока
Хвалынское море		Хвалынское море			море Каспийское
Хвалынской [город]					г. Хвалыньск, саратовская обл.; п/б
	Царев курган / Царев Курган				Царев Курган, слева у устья р. Сок; л/б Волги
Царицын городочек, городочик	царицынски (калачики)		Царицын [город]		г. Волгоград; п/б
	Чабаксары городок				г. Чебоксары, Чувашская респ.; п/б
	Черная гряда				(?)
Черностов остров					(?)
Черностовское устье					(?)
	Чорный яр / Чорный Яр				с. Чорный Яр, Астраханской обл.; п/б

Шереметево село					с. Шереметево, р. Ульяновская обл., на р. Сызранке; п/б
	Шиловка село				с. Шиловка, Ульяновская обл.; п/б
	Ширяев буерак / Ширяев Буерак				с. Ширяево, Самарской обл.; п/б
	Шолковой затон				затон Шелковый, у с. Великовского, Нижегородская обл.; л/б
	Бнатовская крепость / Бнатовская Крепость				с. Енотаевка, на берегу р. Енотаевки, притока р. Волги, Астраханская обл.; п/б
Юркино село		Юркино село		Юркино село	с. Юркино, Нижегородская обл.; п/б
Ярославль город	Ярославль [город]	Ярославль [город]; ярославский (купец)	Ярослав город; Ярославль [город]		г. Ярославль, Ярославская обл.; п/б

Список литературы

Зеленин Д.К. Географическая песня // Вестник воспитания. 1904. № 4. Разд. 2–4. С. 91–94.

Карпов 2010 – Народные песни, записанные в Арзамасском уезде Нижегородской губернии А.В. Карповым летом 1875 года / сост. Ю.А. Курдин и др. Арзамас: АГПИ, 2010.

Киреевский 1977 – Собрание народных песен П. В. Киреевского. Т. 1: Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях / ред. В.Г. Базанов, А.А. Горелов, А.Д. Соймонов. Л.: Наука, 1977.

Пискарев 2014 – Народные русские песни Нижегородской губернии, собранные П.И. Пискаревым / изд. подгот. К.Е. Корепова и В.Ф. Шевченко. М.: «Звезда и Крест», 2014. (Серия «Фольклорный архив»; под общей ред. В.Ф. Шевченко. Вып. 3).

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978.

V.F. Shevchenko

Toponyms of the Volga Region in Russian Poetic Folklore (on the basis of regional records of the XIX century). - Part 1

To identify the folklore toponymy of the Volga region, five archival collections of folk songs recorded in the Volga region in the 19th century are being investigated. All kinds of speech units related to ethnotoponymics are analyzed - vocabulary, phraseology, sayings, proverbs. Attention is drawn to stable folklore formulas based on ethno-toponymic lexicon.

Key words: poetic folklore, Volga region, ethnotoponymic lexicon and phraseology, route songs

Г.И. Шипулина

(Баку, Азербайджан)

Антропонимы в поэтических заголовках М.Ю. Лермонтова

Статья посвящена использованию антропонимов в заголовках лермонтовских стихотворений и их особенностям; выделяются типичные заголовочные модели с антропонимами, отмечается их частотность.

Ключевые слова: стихотворение, заголовок, антропоним, модель заголовка, шифратор.

Заголовки не раз служили объектом исследования лингвистов. Не останавливаясь на перечислении огромного количества публикаций, посвящённых им, отметим, что исследовались самые разные проблемы: особенности и функции, семантика и поэтика заглавий, их статус, структура и семантико-стилистические

характеристики; изучалась специфика заголовков в разных литературных жанрах, в том числе и в языке поэзии. Между тем, нам не встретилось работ, посвящённых анализу поэтических заголовков в лирике М.Ю. Лермонтова и, тем более, роли в них антропонимов. Заявленная тема представляется интересной и крайне важной в связи с работой над «Словарём языка поэзии М.Ю. Лермонтова», завершение которого предполагается в конце 2018 г.

Существует множество различных определений заголовка: «название литературного произведения, в той или иной степени раскрывающее его содержание» [БСЭ 1972: 271]; «выходной лист, первый листок книги или сочинения, где означено название его; самое название это» [Даль 1955, I: 567]; «компас» [Швец 1971: 19], «некоторая чудовищно уплотнённая аббревиатура текста» [Солганик 1973: 75]; «десяток-другой букв, ведущих за собой тысячи знаков текста» [Блисковский 1981: 5].

Суммируя различные определения заголовка, в качестве рабочего прием то, в котором его особенности определяются лингвистическим статусом: это структурно-семантическое единство, коммуникативная единица, которая находится в позиции перед текстом, является его названием и прямо или косвенно указывает на его содержание, выделяя данное речевое произведение среди других [Сыров 2002: 59]. В лингвистическом плане заголовок – первичное средство номинации, выделенное графически; самая сильная позиция и наиболее заметная часть текста, способствующая возникновению и усилению или исчезновению читательского интереса.

Одной из возможностей оформления заголовка поэтического произведения являются антропонимы – «имя в литературном произведении играет очень важную роль – ориентира во времени и пространстве» [Суперанская 2007: 30]. В заголовках стихотворений М.Ю. Лермонтова они выступают как особенно заметное, стилистически и семантически маркированное экспрессивное средство, как яркая внешняя примета его идиостиля: М.Ю. Лермонтовым написано около 470 стихотворений, в заголовках 114 (около трети) из них встречаются антропонимы; среди них преобладают официальные (фамилия, инициалы и фамилия, реже имена); уменьшительные, сокращённые или переданные латиницей (*Додо, Мартыш, Василь - Чиков, Emilie, Ma chère Alexandrine*). Кроме имен реальных людей, знакомых М.Ю. Лермонтова, встречаются

имена исторических деятелей, художников, поэтов и писателей, мифологических персонажей.

Говорить о частотности каких-либо антропонимов в заголовках, на наш взгляд, не приходится – слишком специфично их использование; только одно имя – *Наполеон* – использовано в заголовках трижды; остальные антропонимы однократны.

Функции антропонимов в художественной речи вызывают особый интерес у исследователей и, в принципе, описаны достаточно полно. Однако их функционирование в стихотворных заголовках имеет свои особенности – адресные, экстралингвистические (энциклопедические, психологические), эмоциональные аспекты, возможна идеологическая направленность названия.

В литературе отмечается, что через антропонимы реализуется функция создания и поддержания иллюзии реальности вымышленного мира повествования. Однако особенность антропонимов в анализируемых заголовках состоит как раз в том, что они представляют собой имена реальных людей и, в большей своей части, близких знакомых поэта.

Соотношение компонентов писатель – антропоним – текст позволяет определить мотивацию выбора имени, а в Полных собраниях сочинений вскрыта связь многих антропонимов с биографией поэта и установлено большинство личностей, чьи имена скрыты Лермонтовым под разными шифрами.

Заголовки-антропонимы внешне достаточно нейтральны, хотя их семантическая роль проявляется в именах, отсылающих к мифу, к реальным историческим лицам, к творчеству писателей, поэтов, художников.

Нельзя отказать в информативности и тем именам собственным, семантика которых не опирается на исторические или литературные источники. Невостребованность такой информации объясняется, скорее всего, тем, что эти имена могут быть совершенно не известны читателю: это антропонимы, называющие родных, близких друзей, товарищей по учебе или службе. Имя в заголовке представляет собой смысл и персонажа, и текста.

В семантике антропонимов, образующих заголовки лермонтовских стихотворений, редко выделяются социально обусловленные факторы, определяющие отношение его к адресату, и эмоции, которые последний вызывает у автора (*Фадей, Маккавей*).

Применительно к заголовкам лермонтовских стихотворений можно говорить о наиболее типичных заголовочных моделях, определяющих некоторую их клишированность. Предпочтение, отдаваемое поэтом нескольким конкретным заголовочным структурам с антропонимами, возможно, объясняется однотипностью последних и самими литературными жанрами, в которых написаны стихотворения – это, преимущественно, посвящения, мадригалы, эпиграммы, экспромты, шуточные стихотворения. Нельзя не учитывать и того, что эти заголовочные клише были модными, существовали в литературе в период создания его стихотворений. Кроме того, в первой трети XIX в. были модны альбомы для посвящений, лежавшие на самом видном месте в светских салонах. И в них любой поэт, а тем более такой знаменитый, как Лермонтов, просто обязан был вписать стихотворение, посвященное хозяйке салона или ее дочерям.

Посвящал Лермонтов стихи, эпиграммы, мадригалы и мужчинам – родственникам, товарищам по совместной учебе и военной службе.

Самой распространенной моделью считается «однословное личное имя», однако в лермонтовских заголовках явное предпочтение отдано модели «фамилия» (с инициалами или без них, с апеллятивами или без оных). Для наглядности частотность отмечается в каждой группе примеров, образованных по одной или однотипной модели. Заголовки, данные в скобках, принадлежат не Лермонтову, а комментаторам его стихотворений.

Идеально было бы анализировать заголовки вместе со стихотворным текстом, но эта задача невозможна в рамках статьи, учитывая значительное число заголовков с антропонимами и их моделей. Структурная классификация лермонтовских заголовков с антропонимами такова:

I. Однословный антропоним в функции именуемого названия, предназначенный для создания образа текста, что позволяет увидеть лицо в определенных условиях, описываемых текстом: модель «антропоним в имен. п.» (б): *Наполеон* (Где бьет волна о брег высокой); *Наполеон* (В неверный час, меж днем и темнотой); *Пан*; *Тамара*; а) сокращенное домашнее имя: *Додо* (Умеешь ты сердца тревожить); б) антропоним «имя + отчество»: *Надежда Петровна*.

II. В самой значительной группе заголовков-посвящений (74, или $\approx 65\%$) антропоним выступает в функции адресата; он выступает в нескольких моделях:

1. Антропоним в дат.п. без предлога» (29, или 25,4 %):

а) однословный антропоним-фамилия: *Алябьевой* (*Вам красота, чтобы блеснуть, Дана*); *Бартеневой* (*Скажи мне: где переняла*); *Бухариной* (*Не чудно ль, что зовут вас Вера?*); *Кропоткиной* (*Я оклеветан перед вами*); *Мартыновой* (*Когда поспорить вам придется*); *Нарышкиной* (*Всем жалко вас: вы так устали!* – в автографе обращение уточнено: «А *M-lle [L] E.Narichkine*»); *Сабуровой* (*Как? Вы поэта огорчили*); *Толстой* (*Не даром она, не даром*); *Уваровой* (*Вы мне однажды говорили*); *Щербатовой* (*Поверю ль я, чтоб вы хотели* – в автографе озаглавлено: «А la *princesse A.Tcherbatoff*»); *Башилову* (*Вы старшина собрания, верно* – в автографе озаглавлено: «А Son Excellence M-r *Vachiloff* – «Его превосходительству Г-ну *Башилову*»»); *Булгакову* (*На вздор и шалости ты хват*); *Трубецкому* (*Нет! мир совсем пошел не так*);

б) инициалы и фамилия: (*Э.К. Мусиной-Пушкиной*) (*Графиня Эмилия*); (*А.А. Олениной*) (*Ах! Анна Алексевна*); *А.О. Смирновой* (*Без вас хочу сказать вам много*); *М.П. Соломирской* (*Над бездной адскою блуждая*); (*А.А. Углицкой*) (*Ma chere Alexandrine*); *А.Г. Хомутовой* (*Слепец, страданьем вдохновенный*); *М.А. Щербатовой* (*На светские цепи*); (*Н.Н. Арсеньеву*); *И.П. Мятлеву* (*На наших дам морозных*); б 1) один инициал и фамилия: (*А.Петрову*) (*Ну что тебе скажу я спросту?*); б 2) инициалы и сокращённая фамилия: *Н.Ф.И...вой* (*Любил с начала жизни я* – по требованию Н.Ф. Ивановой при первой публикации 1859 г. напечатано под заглавием «*М.Ф.М...вой*»); б 3) «тройчатка»: *А.Д.З....* (*О ты, которого клевет твой верный Павел*); *Н.Ф.И.* (*Дай бог, чтоб вечно вы не знали*);

в) апеллятив и фамилия: *Графине Ростопчиной* (*Я верю: под одной звездою*); в 1) сокращённый апеллятив и антропоним-фамилия: Г(-ну) *Павлову* (*Как вас зовут? ужель поэтом?*); в 2) сокращённые апеллятив и фамилия: Г-ну *П...* (*Аминт твой на глупца походит*);

г) апеллятив с предлогом «в» и фамилия с инициалами: В альбом *Д.Ф. Ивановой* (*Когда судьба тебя захочет обмануть*); В альбом *Н.Ф. Ивановой* (*Что может краткое свиданье*).

2. «Антропоним в дат.п. с предлогом *К*» (16, или $\approx 14\%$):

а) антропоним – личное имя: *К Нине* (Перевод стих. Шиллера «К Эмме»); *К Нэере*; б) антропоним – фамилия: *К Дурнову* (Довольно любил я, чтоб вечно грустить); *К Грузинову* (в одном из автографов заголовок зашифрован: «К Г...ову»; б1) антропоним – инициалы и фамилия: (*К Н.И. Бухарову*) (*Мы ждем тебя, спеши, Бухаров*); (*К М.И. Цейдлеру*) (*Русский немец белокурый*);

в) сокращенный антропоним: *К Д.* (*Будь со мною, как прежде бывала*); *К Д...ву* (*Я пробежал страны России*); *К Л.* (*У ног других не забывал*); *К Н.И.* (*Я не достоин, может быть*); *К П...ну* (*Забудь, любезный Петерсон*); *К Су(шковой)* (*Вблизи тебя до этих пор*); в 1) апеллятив + антропоним в сокращенной форме: *К другу В.Ш.*; в 2) антропоним в сокращенной форме с сокращенным апеллятивом: *К кн. Л.Г-ой*;

г) антропоним в виде шифратора: *К N.N.* (*Ты не хотел! но скоро волю рока – в автографе приписка Лермонтова «(К Сабурову – наша дружба смешана со столькими разрывами и сплетнями, что воспоминания об ней совсем не веселы. – Этот человек имеет женский характер. – Я сам не знаю, отчего так дорожил им)»*); *К N.N.**** (*Не играй моей тоской*).

3. «Апеллятив + антропоним в дат. п. с предлогом *К*» (2): а) антропоним сокращенный: *Романс к И...* (*Когда я унесу в чужбину*); б) антропоним-шифратор: *Стансы к Д**** (*Я не могу ни произнести*).

4. Антропоним-шифратор (27) – в этой достаточно большой группе антропоним выступает в качестве определенного кода, который мы называем шифратором. Поэт, по каким-то одному ему известным причинам, использует разные шифраторы при одной букве *К* (*К...*, *К**, *К****), которую можно было бы посчитать предлогом *К*, если бы не существовало значительной группы заголовков с предлогом *К* перед антропонимом (см. выше 2), 3). Используется также традиционный для сокрытия имени шифратор *N.N.*:

а) шифратор *К...*: *К...* (*Не говори: я трус, глупец*); *К...* (*Простите мне, что я решился к вам*); *К...* (*Не привлекай меня красюю – в автографе приписка Лермонтова «(А.С. (Хотя я тогда этого не думал)»*); *К.....* (*Не привлекай меня красой*);

б) шифратор *К**: *К** (*Делись со мною тем, что знаешь*); *К** (*Я не унижусь пред тобою*); *К** (*Мы случайно сведены судьбою*); *К** (*Оставь напрасные заботы*); *К** (*Мой друг, напрасное старанье!*); *К** (*Печаль в моих песнях, но что за нужда*); *К** (*Прости! – мы не встретимся боле*);

в) шифратор **К*****: **К***** (*Глядися чаще в зеркала – ранний автограф озаглавлен «К С.С...ой»*); **К***** (*Не говори: одним высоким*); **К***** (*Не думай, чтоб я был достоин сожаленья*); **К***** (*Когда к тебе молвы рассказ*); **К***** (*Когда твой друг с пророческой тоскою*); **К***** (*О, полно извинять разврат*); **К***** (*Дай руку мне, склонись к груди поэта*); **К***** (*Не медли в дальней стороне*); **К***** (*Всевышний произнес свой при говор*); **К***** (*О, не скрывай! ты плакала об нем*); **К***** (*Ты слишком для невинности мила*); **К***** (*Не ты, но судьба виновата была*); **К***** (*Мы снова встретились с тобой*);

г) шифратор **N.N.**: *В день рождения N.N.*; *Очи N.N.*; *Посвящение N.N.* (*Вот, друг, плоды моей небрежной музы – в автографе позднейшая приписка Лермонтова «(При случае ссоры с Сабуровым)»*).

III. «Апеллятив в имен./род. п. + антропоним в род./дат. п.» (6): *Заблуждение Купидона*; *Эпитафия Наполеона*; *Гроб Оссиана*; *Пир Асмодея*; *Памяти А.И.Одоевского*; *Подражание Байрону*.

IV. Предложно-падежная форма с апеллятивом или без него (10):

а) с предлогом «из» + род. п.: *Из Андрея Шенье*; *Из Гете*; *Из Паткуля*; *Из альбома С.Н.Карамзиной* (*Любил и я в былые годы*);

в) с предлогом «на» + вин./род. п.: *На картину Рембрандта*; (*Эпиграмма на Н.Н.Кукольника*); (*Эпиграмма на Ф.Булгарина, I, II*) (*Россию продает Фадей*);

V. Антропонимы встречаются в первой строке стихотворения (при наличии другого заголовка – не антропонима или при отсутствии заголовка) (17, или ≈15%). Соотнесение антропонима с целым высказыванием – первой строкой стихотворения отличает лирическое стихотворение от произведений эпического или драматургического жанров, которые представляют явления действительности в их пространственно-временном развертывании, а стихотворение имеет дело с одномоментным переживанием, замкнутым в самом себе и только опосредованно связанным с внешним миром. Поэтому озаглавленность/неозаглавленность стихотворения определяется лишь творческим намерением автора, спецификой его художественного мышления (в скобках отмечается второе название стихотворения, если оно имеется): *«Когда Рафаэль вдохновенный»* (Поэт); *«Амур спросил меня однажды»* (Глупой красавице); *«Кларису юноша любил* (Гость); *«Катерина!*

Катерина!» (Послание); «Как луч зари, как розы *Леля*»; «Нет, я не *Байрон*, я другой»; «Вы не знавали князь *Петра*»; «Се *Маккавей-водопийца*»; «Остаться без носу – наш *Маккавей* боялся»; «*Дамон*, наш врач, о друге прослезился»; «Милый *Глебов*, сродник *Фебов*»; «Скинь бешимет свой, друг *Мартыш*»; «Он прав! Наш друг *Мартыш* не Соломон»; «Велик князь *Ксандр*, и тонок, гибок он»; «Наш князь *Василь* - / *Чиков* – по батюшке»; «С лишком месяц у *Мерлини*»; «За девицей *Emilie*».

Итак, стихотворные заголовки с антропонимами – интересный объект для исследования, однако они, на наш взгляд, во всяком случае, на материале лермонтовских заголовков, не позволяют говорить о его особом идиостиле и индивидуальном авторском мастерстве. Проведение исследований заголовков произведений других поэтов одного литературного направления, жанра или периода времени позволило бы установить определенные «заголовочные универсалии».

Список литературы

- Блисковский З.Д. Муки заголовка. М.: Книга, 1981. 111 с.
Большая советская энциклопедия (БСЭ). 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1972. 609 с.
Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1955. Т. 1. 699 с.
Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. М., 1973. 214 с.
Суперанская А.В. Имя – через века и страны. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2007. 192 с.
Сыров И.А. Функционально-семантическая классификация заглавий и их роль в организации текста // Филологические науки. 2002. № 3. С. 59–67.
Швец А.В. Разговорные конструкции в языке газет. Киев, 1971. 95 с.

G.I. Shipulina

Anthroponyms in poetic titles M.Yu. Lermontov

The article is devoted to the use of anthroponyms in the headings of Lermontov poems and their features; typical headline models with anthroponyms are distinguished, their frequency is noted.

Key words: poem, headline, anthroponym, header model, encoder.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абитова Алсу Рамилевна, студент; Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; г. Ульяновск, Россия

Абдуллаев Сайфулла Нурмухаммедович, доктор филологических наук, профессор; Иссык-Кульский государственный университет; г. Каракол, Кыргызстан; Sayfylla-ab@rambler.ru

Аглеева Зухра Равильевна, доктор филологических наук, профессор; Астраханский государственный университет; г. Астрахань, Россия; z.agleeva@yandex.ru

Акимова Эльвира Николаевна, доктор филологических наук, профессор; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва; г. Саранск, Россия; akimovaen@mail.ru

Алёшина Людмила Васильевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой языковой и литературной подготовки в системе начального общего образования; Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева; г. Орел, Россия; alyoshinalv@mail.ru

Анисимова Дарья Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель; Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; г. Ульяновск, Россия; anisimowa.darya2012@yandex.ru

Антонова Анастасия Игоревна, студент; Воронежский государственный университет; г. Воронеж, Россия; asy-antonova@yandex.ru

Артемяева Ольга Михайловна, студентка историко-филологического факультета; Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; г. Ульяновск, Россия

Афанасьева Мария Александровна, магистрант; Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского; г. Ярославль, Россия; Mariya.afanaseva.1993@list.ru

Ахметова Мария Вячеславовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник; Институт общественных наук, Школа актуальных гуманитарных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; г. Москва, Россия; malinxi@rambler.ru

Баженова Татьяна Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент; Самарский государственный социально-педагогический университет; г. Самара, Россия; bazhenova@pgsga.ru

Барзанова Марина Юрьевна, магистрант; Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; г. Сызрань, Россия; barzanova.marina@mail.ru

Баканова Елена Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент; Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; г. Ульяновск, Россия; bakanova59@mail.ru

Бакутов Владимир Александрович, учитель географии; Большепаратская средняя общеобразовательная школа; с. Новые Параты, Республика Марий Эл, Россия; vladimirbakutov@yandex.ru

Балтаева Кулжан Искаковна, преподаватель; Иссык-Кульский государственный университет; г. Каракол; Кыргызстан

Бартенева Виктория Георгиевна, старший преподаватель; Донецкий национальный технический университет; г. Донецк, Донецкая народная республика; dravika2016@yandex.ru

Батырева Лариса Петровна, кандидат филологических наук, доцент; Ивановский государственный университет (Шуйский филиал); г. Шуя, Россия; Batyreva.lara@yandex.ru

Бекасова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор; Оренбургский государственный педагогический университет; г. Оренбург, Россия; bekasova@mail.ru

Беленов Николай Валерьевич, кандидат педагогических наук, доцент; Самарский государственный социально-педагогический университет; г. Самара, Россия; belenov82@gmail.com

Бубнова Нина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент; Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского; г. Смоленск, Россия; 85ninochka67@mail.ru

Бугаева Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью и речевой коммуникации гуманитарно-педагогического факультета; Российский государственный аграрный университет им. К.А. Тимирязева; г. Москва, Россия; ivbugaeva@yandex.ru

Бурыкин Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Словарного отдела; Институт лингвистических исследований РАН; г. Санкт-Петербург, Россия; albury@rambler.ru

Буянова Галина Борисовна, кандидат филологических наук, доцент; Тамбовский государственный университет; г. Тамбов, Россия; galina_buyanova@mail.ru

Варникова Евгения Николаевна, кандидат филологических наук, доцент; Вологодский государственный университет; г. Вологда, Россия; e-varnikova@yandex.ru

Васильев Валерий Леонидович, доктор филологических наук, профессор; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; г. Великий Новгород, Россия; vihnn@mail.ru

Васильева Наталия Владимировна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела теоретического и прикладного языкознания; Институт языкознания Российской академии наук; г. Москва, Россия; vasileva-natalia@yandex.ru

Васяева Кристина Олеговна, студент; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал); г. Арзамас, Россия; vasyaeva.kristina@yandex.ru

Вдовина Ксения Эдуардовна, студент; Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина; г. Нижний Новгород, Россия; vdovina.ksenija@yandex.ru

Верещагина Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент; Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны; г. Ярославль, Россия; olgavereshchagina@mail.ru

Верховых Людмила Николаевна, кандидат филологических наук, доцент; Воронежский государственный университет (Борисоглебский филиал); г. Борисоглебск, Россия; lverhovyh@mail.ru

Викторин Виктор Михайлович, кандидат исторических наук, доцент; Астраханский государственный университет; г. Астрахань, Россия; victvic@mail.ru

Волынец Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, профессор; Белорусский государственный университет; г. Минск, Республика Беларусь; tatka1955@rambler.ru

Врублевская Оксана Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент; Волгоградский государственный социально-педагогический университет; г. Волгоград, Россия; Gessewolf2009@yandex.ru

Выдрина Ирина Святославовна, магистрант; Самарский государственный социально-педагогический университет; г. Самара, Россия; г. Уральск, Казахстан; piranessa@mail.ru

Галушко Елена Фёдоровна, кандидат филологических наук, доцент; Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; г. Ульяновск, Россия; ms.galushko@bk.ru

Ганжина Ирина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент; Тверской государственный университет; г. Тверь, Россия; emmaus1962@yandex.ru

Гарагуля Сергей Иванович, доктор филологических наук, профессор; Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова; г. Белгород, Россия; garagulya@mail.ru

Геккина Елена Николаевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник; Институт лингвистических исследований РАН; г. Санкт-Петербург, Россия; gekkina@rambler.ru

Глинкина Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент; Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; г. Ульяновск, Россия; natglinkina@gmail.com

Головина Любовь Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент; Псковский государственный университет; г. Псков, Россия; golosfack@mail.ru

Головченко Елена Викторовна, магистрант; Санкт-Петербургский государственный университет; г. Санкт-Петербург, Россия; el.golovchenko@gmail.com

Голуб Збынек (Holub Zbyněk), PhD. et PaedDr., Ph.D., доктор философии, доцент, старший ассистент; Институт богемистики и библиотековедения; г. Опава, Чешская республика; zbynek.holub@fpf.slu.cz

Горяев Сергей Олегович, кандидат филологических наук, доцент; Уральский федеральный университет, Миссионерский институт; г. Екатеринбург, Россия; Gorajev@yandex.ru

Григина Олеся Алексеевна, студент; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал); г. Арзамас, Россия; lesenakg@gmail.com

Гузнова Алёна Вячеславовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель; Нижегородский государственный инженерно-экономический университет; г. Княгинино, Россия; alena_guznischeva@mail.ru

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович, доктор филологических наук, профессор; Дагестанский государственный университет; г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия; garun48@mail.ru

Дамбуев Игорь Александрович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук; г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия; igor_dambuev@mail.ru

Дворкина Екатерина Александровна, старший преподаватель; Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина; г. Москва, Россия; bee227@mail.ru

Демидова Татьяна Эрастовна, кандидат педагогических наук, доцент; Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; г. Ульяновск, Россия; demidova66@rambler.ru

Деникина Анна Евгеньевна, студент; Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева; г. Самара, Россия; anna.denikina@mail.ru

Дозорова Дарья Владимировна, ассистент; Московский педагогический государственный университет; г. Москва, Россия; dozorowa.dasha@yandex.ru

Дыжитова Екатерина Чингисовна, аспирант; Забайкальский государственный университет; г. Чита, Россия; katya8003@yandex.ru

Дырдин Александр Александрович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии, издательского дела и редактирования; Ульяновский государственный технический университет; г. Ульяновск, Россия; dyrd@mail.ru

Ермакова Елена Владимировна, старший преподаватель; Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина; г. Москва, Россия; elerma@bk.ru

Есаева Анастасия Михайловна, студент; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал); г. Арзамас, Россия; esay9@mail.ru

Жамсаранова Раиса Гандыбаловна, доктор филологических наук, профессор; Забайкальский государственный университет; г. Чита, Россия; rebeca_zab@mail.ru

Жданова Елена Александровна, ассистент; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; г. Нижний Новгород, Россия; e-a-zhdanova@inbox.ru

Жиленкова Ирина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент; Белгородский государственный национальный исследовательский университет; г. Белгород, Россия; zhilenkova@bsu.edu.ru

Замалетдинова Ляйсан Рафатовна, кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы; Средняя общеобразовательная школа с углубленным изучением английского языка № 1415; г. Москва, Россия; lyaيسان.zamaletdinova@gmail.com

Захарова Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора языкознания; Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН; г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия; katja.zaharova@mail.ru

Захарова Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент; Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; г. Ульяновск, Россия; zaharova2007@yandex.ru

Ильин Вячеслав Николаевич, ведущий инженер; Ульяновское конструкторское бюро приборостроения; г. Ульяновск, Россия; slavaru-ulyan@yandex.ru

Исакова Ирина Николаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия; Mandala-1@yandex.ru

Исламова Юлия Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела социально-экономического развития и мониторинга; Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок; г. Ханты-Мансийск, Россия; islyv@yandex.ru

Кадирова Энзе Ханафиевна, кандидат филологических наук, доцент; Казанский федеральный университет; г. Казань, Республика Татарстан, Россия; enge@inbox.ru

Казакова Наталия Владимировна, магистрант; Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; г. Ульяновск, Россия; natalka3220@mail.ru

Калинина Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор; Вятский государственный университет; г. Киров, Россия; grifon.kalinina@yandex.ru

Калинкин Валерий Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка; Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького; г. Донецк, Донецкая Народная Республика; kalinkin.valeriy@mail.ru

Картавенко Вера Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка; Смоленский государственный университет; г. Смоленск, Россия; vera-kartavenko@yandex.ru

Карюкова Екатерина Владимировна, магистрант; Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; г. Ульяновск, Россия; catherinekar93@gmail.com

Касьянова Вера Михайловна, кандидат филологических наук, доцент; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия; vkasianova@mail.ru

Клемёнова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор; Ростовский государственный экономический университет; г. Ростов-на-Дону, Россия; klemenova@yandex.ru

Климкова Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал); г. Арзамас, Россия; dialect_arz@mail.ru

Ковалев Геннадий Филиппович, доктор филологических наук, профессор; Воронежский государственный университет; г. Воронеж, Россия; kovalev@phil.vsu.ru

Кодынева Людмила Юрьевна, аспирант; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Гуманитарный институт); г. Великий Новгород, Россия; Kodynewa.Liudmila@yandex.ru

Козинец Сергей Борисович, доктор филологических наук, профессор; Саратовский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования; г. Саратов, Россия; koziniec74@mail.ru

Козлова Людмила Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент; Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева; г. Орел, Россия; luvkoz 57@ gmail.com

Комарова Наталия Сергеевна, аспирант; Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; г. Ульяновск, Россия; nataliya_shulygi@mail.ru

Комарова Наталья Алексеевна, учитель русского языка и литературы, Патрикеевская общеобразовательная школа им. полковника Э.В. Сухаревского; р. п. Базарный Сызган, Ульяновская область, Россия; gluxovskij.81@mail.ru.

Комлева Наталья Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент; Вологодский государственный университет; г. Вологда, Россия; k.nati@mail.ru

Королева Инна Александровна, доктор филологических наук, профессор; Смоленский государственный университет; г. Смоленск, Россия; innakor@mail.ru

Корчагина Юлия Владимировна, студент; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал); г. Арзамас, Россия; yulya01.03.1995@gmail.com

Косанович Богдан Радевич, доктор филологических наук, профессор; Нови-Садский университет; г. Нови Сад, Сербия; Kosanovic@neobee.net

Костина Ксения Владимировна, студент; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал); г. Арзамас, Россия; Kostinakv@mail.ru

Крюкова Ирина Васильевна, доктор филологических наук, профессор; Волгоградский государственный социально-педагогический университет; г. Волгоград, Россия; kryukova-irina@ya.ru

Кузнецов Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор; Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; г. Нижний Новгород, Россия; nalbuz@mail.ru

Кузница Екатерина Сергеевна, магистрант; Московский педагогический государственный университет; г. Москва, Россия; katrina309@rambler.ru

Кузьмина Надежда Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент; Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; г. Ульяновск, Россия; kuzmina5173@mail.ru

Куркина Светлана Павловна, лаборант; Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского (филиал); г. Новозыбков, Россия; surkina2009@yandex.ru

Курс Ксения Юрьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель; Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского; г. Смоленск, Россия; kskurs@yandex.ru

Лазарева Ольга Юрьевна, преподаватель; Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка; г. Минск, республика Беларусь; VolhaLazarava@rambler.ru

Ласынова Наиля Азаматовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой башкирской филологии; Башкирский государственный университет (Сибайский институт); г. Сибай, Республика Башкортостан, Россия; nalasinova@mail.ru

Левина Элла Михайловна, кандидат филологических наук, доцент; Белгородский государственный национальный исследовательский университет; г. Белгород, Россия; elevina@rambler.ru

Летаева Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и литературы; Московский государственный институт международных отношений

(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Одинцовский филиал); г. Одинцово, Россия; letaewa.n@yandex.ru

Ли Жанна Олеговна, магистрант; Бакинский Славянский университет; г. Баку, Азербайджан; jane.lee.1990@mail.ru

Лубянский Владимир Константинович, магистрант; Ростовский государственный экономический университет; г. Ростов-на-Дону, Россия; klemenova@yandex.ru

Ляпидовская Марина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент; Российский государственный гидрометеорологический университет; г. Санкт-Петербург, Россия; neforis@mail.ru

Макарова Анна Андреевна, кандидат филологических наук, редактор; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; г. Екатеринбург, Россия; toponimist@yandex.ru

Максимчук Нина Алексеевна, доктор филологических наук, профессор; Смоленский государственный университет; г. Смоленск, Россия; nmaximchuk@yandex.ru

Малеева Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент; Университет прикладных наук БФИ; г. Вена, Австрия; elena.maleeva@fh-vie.ac.at

Малышева Мария Сергеевна, аспирант; Белгородский государственный национальный исследовательский университет; г. Белгород, Россия; mergen1616@mail.ru

Манакин Кирилл Николаевич, ученик; средняя школа № 156 им. Б. Рябцева; г. Нижний Новгород, Россия

Мартьянова Вера Николаевна, доцент; Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко; г. Глазов, Россия; katerina138@yandex.ru

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор; Витебский государственный университет им. П.М. Машерова; г. Витебск, республика Беларусь; mvavit@tut.by

Матлин Михаил Гершенович, кандидат филологических наук, доцент; Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; г. Ульяновск, Россия; matlin@mail.ru

Матлина Анисия Михайловна, магистрант; Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; г. Ульяновск, Россия; matlin@mail.ru

Медведкова Елена Станиславовна, старший преподаватель, Волжский университет им. В.Н. Татищева (институт); г. Тольятти, Россия; esmedvedkova@yandex.ru

Меркулова Надежда Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент; Воронежский государственный технический университет; г. Воронеж, Россия; ndvv@mail.ru

Минина Елена Владимировна, старший преподаватель; Горловский институт иностранных языков; г. Горловка, Донецкая Народная Республика; goltsmanelena@mail.ru

Мочалова Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва; г. Саранск, Республика Мордовия, Россия; mochalova2014@rambler.ru

Муллонен Ирма Ивановна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора языкознания; Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук; г. Петрозаводск, Россия; mullonen@krc.karelia.ru

Мульдьяров Петр Ярушкович, доктор медицинских наук; г. Москва, Россия; olvor36@mail.ru

Мызников Сергей Алексеевич, доктор филологических наук, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий Словарным отделом; Институт лингвистических исследований РАН; г. Санкт-Петербург, Россия; myznikovs@rambler.ru

Мызникова Янина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет; г. Санкт-Петербург, Россия; janinam@mail.ru

Назаров Алоис Ильич, главный редактор веб-проекта «Планета имен и фамилий» (imja.name); г. Алматы, Республика Казахстан; aloisnazarov@gmail.com

Назарова Ольга Валерьевна, заведующая Сектором краеведения; Волгоградская областная универсальная научная библиотека им. М. Горького; аспирант; Волгоградский государственный

медицинский университет; г. Волгоград, Россия;
nasarova_olga@mail.ru

Насилов Дмитрий Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой тюркской филологии; Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета; г. Москва, Россия; nadi1803@mail.ru

Немирова Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологического образования Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина; г. Сыктывкар, Россия; nvnemirova@yandex.ru

Нестерова Татьяна Вячеславовна, кандидат филологических наук, профессор; Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина; г. Москва, Россия; TVNesterova@pushkin.institute

Николаев Егор Револьевич, аспирант; Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук; г. Якутск, Республика Саха (Якутия); 1953307@mail.ru

Николина Наталия Анатольевна, кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Института филологии; Московский педагогический государственный университет; г. Москва, Россия; ruskafedra314@gmail.com

Ногоева Чынаркуль Айтакуновна, преподаватель; Иссык-Кульский государственный университет; г. Каракол, Кыргызстан

Осетров Игорь Германович, кандидат филологических наук, доцент; Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; г. Ульяновск, Россия; igorosetrov@yandex.ru

Павлов Сергей Геннадьевич, кандидат филологических наук, доцент; Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина; г. Нижний Новгород, Россия; sergeypavlov70@mail.ru

Панкратова Екатерина Викторовна, студентка; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал); г. Арзамас, Россия; Katya-pankratova@mail.ru

Парзулова Марияна Христова, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой болгарского языка и литературы;

Университет «Проф. д-р Асен Златаров»; г. Бургас, Болгария;
mparzulova@yahoo.com

Петриева Лариса Игоревна, доктор филологических наук, профессор; Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; г. Ульяновск, Россия; petrieva@mv.ru

Петрова Наталия Евгеньевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и культуры речи; Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина; г. Нижний Новгород, Россия; Petrova_ngru@mail.ru

Плотинина Наталья Павловна, учитель русского языка и литературы, заслуженный учитель Российской Федерации; гимназия № 79; г. Ульяновск, Россия; n_plotinina@mail.ru

Подлипалина Наталья Михайловна, секретарь; средняя общеобразовательная школа «Центр образования»; с. Шигоны, Самарская область, Россия; магистрант; Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; г. Ульяновск, Россия; koshelek8885555@mail.ru

Полякова Юлия Давидовна, кандидат педагогических наук доцент; Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина; г. Москва, Россия; urolyakova1009@yandex.ru

Попкова Надежда Николаевна, студент; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал); г. Арзамас, Россия; popkova.nadya2016@yandex.ru

Попов Сергей Александрович, кандидат филологических наук, преподаватель; Воронежский государственный университет; г. Воронеж, Россия; spro@bk.ru

Прусова Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент; Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны; г. Ярославль, Россия; timofeevalena76@yandex.ru

Разумов Роман Викторович, кандидат филологических наук, доцент; Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Институт филологии и культуры; г. Ярославль, Россия; rvrazumov@list.ru

Рамазанова Рауза Зинуровна, ассистент; Московский педагогический государственный университет; г. Москва, Россия; xusiainovarosa@gmail.com

Рассадин Александр Павлович, кандидат филологических наук, доцент; Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; заведующий сектором филологии НИИ; НИИ истории и культуры Ульяновской области им. Н.М. Карамзина; г. Ульяновск, Россия; rassad@rambler.ru

Ремчукова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор; Российский университет дружбы народов; г. Москва, Россия; remchukova.lena@yandex.ru

Рогалёва Елена Ивановна, доктор филологических наук, профессор; Псковский государственный университет; г. Псков, Россия; cambala2007@yandex.ru

Рогозная Нина Николаевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации; Иркутский национальный исследовательский государственный технический университет; г. Иркутск, Россия; g09@istu.edu

Романова Татьяна Павловна, кандидат филологических наук, доцент; Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева; г. Самара, Россия; romanovatp@mail.ru

Ростова Евгения Гелиевна, кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории инновационных средств обучения русскому языку; Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина; г. Москва, Россия; Rostova_evgenija@mail.ru

Садов Юрий Валентинович, кандидат исторических наук, доцент; Санкт-Петербургский кадетский военный корпус Министерства обороны РФ; г. Санкт-Петербург, Россия; VODAS_spb@mail.ru

Садова Татьяна Семеновна, доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет; г. Санкт-Петербург, Россия; tatsad_90@mail.ru

Сербул Марина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент; Ивановский государственный университет (Шуйский филиал); г. Шуя, Россия; mserbul@mail.ru

Синенко Екатерина Станиславовна, преподаватель; Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР; г. Донецк, Донецкая Народная Республика; sinenko.ye@yandex.ru

Сироткина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, доцент; Сургутский государственный педагогический университет; г. Сургут, Россия; sirotkina71@mail.ru

Скляренко Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент; Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова; г. Одесса, Украина; asklyarenko@yahoo.com

Скорук Ирина Денисовна, кандидат филологических наук, доцент; Восточноевропейский национальный университет им. Леси Украинки; г. Луцк, Украина; irynaskoruk@gmail.com, skoruk1957@ukr.net

Смирнова Евгения Сергеевна, преподаватель; Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко; г. Кострома, Россия; evg-es@mail.ru

Смирнова Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, корреспондент; Редакция газеты «Знамя Победы»; г. Сухой Лог, Россия; Olga19732007@yandex.ru

Соколова Анастасия Александровна, кандидат филологических наук, доцент; Тюменское высшее военно-инженерное командное училище им. Маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень, Россия; asok19@yandex.ru

Соколова Татьяна Петровна, кандидат филологических наук, доцент; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина; г. Москва, Россия; tsokolova58@mail.ru

Соловьев Алексей Николаевич, кандидат филологических наук, доцент; Смоленская государственная сельскохозяйственная академия; г. Смоленск, Россия; sancongoalexnat@mail.ru

Сулейман Мария Мбвановна, аспирант; Волгоградский государственный социально-педагогический университет; г. Волгоград, Россия; maha1991.16@mail.ru

Супрун Василий Иванович, доктор филологических наук, профессор; Волгоградский государственный социально-педагогический университет; г. Волгоград, Россия; suprun@vspu.ru

Сысоева Евгения Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент; Донецкий национальный университет; г. Донецк, Донецкая Народная Республика; janemail2@rambler.ru

Сысоева Светлана Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент; Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина; г. Рязань, Россия; s_sys@mail.ru

Сэржээ Бэсүд Жамбалдорж, доктор филологических наук, профессор; Монгольский государственный университет; г. Улан-Батор, Монголия; J-Serjee@yahoo.com

Тарасова Елизавета Сергеевна, студент; Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; г. Ульяновск, Россия; elitar1996@mail.ru

Теуш Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент; Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина; г. Екатеринбург, Россия; olga.teush@yandex.ru

Тиняева Ксения Владимировна, студентка историко-филологического факультета; Арзамасский филиал Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; г. Арзамас, Россия; xenia.tinyaeva@yandex.ru

Титова Юлия Юрьевна, редактор; ООО «Издательство "Эксмо"»; г. Москва, Россия; titova.yu@mail.ru

Тихоненко Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент; Белорусский государственный медицинский университет; г. Минск, Республика Беларусь; tikhonenko.helen@ya.ru

Тихонова Анна Юрьевна, доктор культурологии, профессор; Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова; г. Ульяновск, Россия; tikhonovaau@yandex.ru

Томасик Петр (Tomasik Piotr), кандидат филологических наук, научный сотрудник Института Неофилологии и Прикладной Лингвистики; Университет Казимира Великого; г. Быдгощ, республика Польша; piotrust@poczta.onet.pl

Томасик Самуэла (Tomasik Samuela), аспирант; Университет Казимира Великого; г. Быдгощ, республика Польша; s.tomasik@rambler.ru

Трушков Михаил Алексеевич, аспирант; Вятский государственный университет, г. Киров, Россия; yoga-kirov@mail.ru

Туйгильдина Елена Ивановна, старший преподаватель; Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; г. Ульяновск, Россия; elena.tuugildina@yandex.ru, filolog73@mail.ru

Фальковская Анастасия Владимировна, ассистент; Набережночелнинский институт Казанского федерального университета; г. Набережные Челны, Республика Татарстан, Россия; jantarz@yandex.r

Фатеева Наталья Александровна, старший преподаватель; Тюменское высшее военно-инженерное командное училище им. Маршала инженерных войск А.И. Прошлякова; г. Тюмень, Россия; fna2007@mail.ru

Федотова Ксения Сергеевна, аспирант; Донецкий национальный университет; г. Донецк, Донецкая Народная Республика; ks-weiss@mail.ru

Федотова Татьяна Васильевна, доктор филологических наук, профессор; Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина; г. Краснодар, Россия; Fedotova66@mail.ru

Фролова Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент; Московский педагогический государственный университет (Институт филологии); г. Москва, Россия; frojlen@yandex.ru

Хадиева Гульфия Камиловна, кандидат филологических наук, доцент; Казанский федеральный университет; г. Казань, Республика Татарстан, Россия; gul-khadieva@yandex.ru

Хайрутдинов Данил Данилович, ученик; средняя общеобразовательная школа № 56; г. Набережные Челны, Россия; danil.hayrutdinov@mail.ru

Халитова Гузель Ураловна, магистрант; Оренбургский государственный педагогический университет; г. Оренбург, Россия

Хаусманн-Ушкова Надежда Васильевна (Hausmann-Ushkova Nadezhda), доктор филологических наук, профессор; Йенская высшая школа прикладных наук имени Эрнста Аббе; г. Веймар, Германия; nush2001@mail.ru

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, научный руководитель Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; hisamitdinova.firdaus@yandex.ru

Цветкова Елена Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент; Костромской государственной университет, Институт гуманитарных наук и социальных технологий; г. Кострома, Россия; elv15@list.ru

Черненко Марина Юрьевна, учитель русского языка и литературы, главный хранитель музея дворянского рода Бакуниных; Прямухинская средняя общеобразовательная школа; с. Прямухино, Кувшиновский район, Тверская область, Россия; marinachernenok@yandex.ru

Чугунова Ирина Вадимовна, студент; Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; г. Ульяновск, Россия; chugunova.irina.95@mail.ru

Шайхисламова Зубаржат Фаниловна, кандидат филологических наук, доцент; Башкирский государственный университет; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; zubarzhas@yandex.ru

Шайхулов Алмас Галимзянович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой татарской филологии и культуры; Башкирский государственный университет; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; almazufa2004@mail.ru

Шаповал Виктор Васильевич, кандидат филологических наук, доцент; Московский городской педагогический университет; г. Москва, Россия; liloro1@yandex.ru

Шапошников Александр Константинович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела этимологии и ономастики; Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук; г. Москва, Россия; possidima@gmail.com

Шарифуллина Лариса Владимировна, кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы; средняя

общеобразовательная школа № 7; г. Набережные Челны, Республика Татарстан, Россия; sto3@bk.ru

Шарфави Эмилия, кандидат филологических наук, доцент; Университет им. Я.А. Коменского; г. Братислава, Словакия; Emilia.Charfaoui@fm.uniba.sk

Шевченко Владимир Федорович, главный редактор издательства «Лабиринт»; г. Москва, Россия; vladimir.shev@gmail.com

Шетэля Виктор (Szetela), кандидат филологических наук, доцент; Московский педагогический государственный университет, Институт иностранных языков; г. Москва, Россия; szetela@mail.ru

Шиляева Светлана Николаевна, студент; Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко; г. Глазов, Россия; svetlyi1996@yandex.ru

Шипулина Галина Ивановна, кандидат филологических наук, профессор; Бакинский славянский университет; г. Баку, Республика Азербайджан; Shipulina39@gmail.com

Шмелева Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; г. Великий Новгород, Россия; szmiel@mail.ru

Шульгач Виктор Петрович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник; Институт украинского языка НАН Украины; г. Киев, Украина; v.shulgach@mail.ru

Энхбат Дашдондог Хиад, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка; Монгольский государственный университет; г. Улан-Батор, Монголия; Denkh_NUM@yahoo.com

Юй Исин, аспирант; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; г. Москва, Россия; Китайская Народная Республика; уух-diana@yandex.ru

Яковлева Евгения Андреевна, доктор филологических наук, профессор; Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы; г. Уфа, Республика Башкортостан; e_yakov@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОНИМИКИ, ЭТНОНИМИКИ, ЗООНИМИКИ

<i>Абдуллаев С.Н., Балтаева К.И. (Каракол)</i> Пословицы-параллели с зоонимами в русском и киргизском языках . . .	3
<i>Аглеева З.Р. (Астрахань)</i> О некоторых особенностях имянаречения в полиэтническом регионе . .	9
<i>Ахметова М.В. (Москва)</i> Орфографическая вариативность катойконимов в XX–XXI вв.: <i>миас(с)цы, старорус(с)цы</i> и др.	16
<i>Баканова Е.В. (Ульяновск)</i> «Да святится имя Твое» (к вопросу об Имени в Синодальном переводе Библии)	23
<i>Батырева Л.П. (Шуя)</i> Шуйские прозвища с диалектной основой	29
<i>Варникова Е.Н. (Вологда)</i> Способы фиксации родства и происхождения животных в современной русской зоонимии	33
<i>Васяева К.О. (Арзамас)</i> Семейные прозвищные комплексы в говорах части Сергачского района Нижегородской области	40
<i>Волынец Т.Н. (Минск)</i> Имя собственное и его функциональная семантизация в мемуарной литературе	44
<i>Галушко Е.Ф. (Ульяновск), Подлипалина Н.М. (Шигоны)</i> Русские фамилии жителей Ульяновской области: опыт исследования .	52
<i>Гарагуля С.И. (Белгород)</i> К вопросу о создании «Лингвокультурологического словаря английских фамилий»	62
<i>Григина О.А. (Арзамас)</i> Антропонимическое пространство романа П.И. Мельникова-Печерского «На Горах»	66
<i>Гузнова А.В. (Княгинино)</i> Прозвища от слов с религиозной семантикой в арзамасских говорах . . .	71
<i>Деникина А.Е. (Самара)</i> Актуальные тенденции развития современного антропонимикона	76

<i>Есаева А.М. (Арзамас)</i> Тезоимённость и полионимия в антропонимическом пространстве посёлка Берещино Нижегородской области	83
<i>Калинина Л.В. (Киров)</i> «Неуловимый Джо» как прецедентный феномен	87
<i>Ковалев Г.Ф. (Воронеж)</i> Сохраним наше русское отчество!	93
<i>Куркина С.П. (Новozyбков)</i> Фамилии, образованные от катойконимов (на материале фамилий жителей г. Новозыбкова Брянской области) . . .	102
<i>Назаров А.И. (Алматы)</i> О личных именах татар Алматы	108
<i>Парзулова М.Х. (Бургас)</i> Об антропонимии болгарских переселенцев в Российскую империю . . .	115
<i>Рамазанова Р.З. (Москва)</i> Проблема идентификации и самоидентификации при употреблении имён собственных в детской речи	121
<i>Рогозная Н.Н. (Иркутск)</i> Лингвистический анализ функционирования русского антропонима в китайском социуме	125
<i>Романова Т.П. (Самара)</i> Самарская зоонимия в международном проекте Стефана Вархола	137
<i>Склярченко О.Н. (Одесса)</i> Типологический этюд: народное этимологизирование мифонимов (теонимов)	144
<i>Скорук И.Д. (Луцк)</i> Фамилии с корнем * <i>Kul</i> - в антропонимиконе г. Ульяновска	150
<i>Смирнова О.С. (Екатеринбург)</i> От былинного Добрыни до библейской Евы: опыт изучения именника малого города	154
<i>Сысоева Е.С. (Донецк)</i> Лингвистический статус оценочного антропонима в английской лингвокультуре	157
<i>Тарасова Е.С., Воронина Н.В. (Ульяновск)</i> Антропонимы как средство характеристики персонажей П.И. Мельникова-Печерского	164
<i>Томасик П. (Быдгощ)</i> Зоонимия – (почти) идеальное пространство для обучения студентов ономастике	169

<i>Фальковская А.В. (Набережные Челны)</i> Семантико-функциональные особенности инвективной лексики в диалектной среде (на основе «Материалов для объяснительного областного словаря вятского говора» Н.М. Васнецова)	174
<i>Шапошников А.К. (Москва)</i> Древнерусские сложные имена младшей серии на праславянском фоне: этимологический аспект	177
<i>Шмелева Т.В. (Великий Новгород)</i> Антропонимия как ресурс городского ономастикона	184
<i>Юй Исин (Москва)</i> Парадигма личного имени в структурном и функциональном аспектах .	188

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ И АПЕЛЛЯТИВНО-ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ

<i>Геккина Е.Н. (Санкт-Петербург)</i> «Тут все очень спорно», или Топонимы петербургского метро в оценках горожан	194
<i>Горяев С.О. (Екатеринбург)</i> Номинативные универсалии в сфере рекламных имен: <i>под знаком «Ориона»</i>	201
<i>Касьянова В.М. (Москва)</i> Ономастическое пространство современного города: основные тенденции в номинации детских магазинов	206
<i>Клемёнова Е.Н., Лубянский В.К. (Ростов-на-Дону)</i> Ономастика в рекламе или региональный нейминг	214
<i>Максимчук Н.А. (Смоленск)</i> Политонимы в системе ономастических единиц: статус, функции, значение	219
<i>Матлин М.Г. (Ульяновск)</i> Диалектные наименования дикорастущих растений на территории Базарносызганского района Ульяновской области (по материалам экспедиции 2016 г.)	224
<i>Осетров И.Г. (Ульяновск)</i> Товарный знак: сходство до степени смешения	230
<i>Синенко Е.С. (Донецк)</i> Структура отагионимного экклезионима именного типа	234
<i>Тихоненко Е.В. (Минск)</i> Лингвистический статус эргоурбанонима	241

<i>Томасик С. (Быдгощ)</i>	
Названия ветеринарных клиник Нижнего Новгорода	248
<i>Фатеева Н.А. (Тюмень)</i>	
Место милитаронимов в системе современной ономастики	252
<i>Яковлева Е.А., Мухаметгареева Н.М. (Уфа)</i>	
Артионим как объект перевода: лингвокультурологический аспект	261
ЛИТЕРАТУРНАЯ И ФОЛЬКЛОРНАЯ ОНОМАСТИКА	
<i>Абдуллаев С.Н., Ногоева Ч.А. (Каракол)</i>	
Литературный псевдоним как вид антропонима и синтез концепта «свобода»	270
<i>Абитова А.Р., Туйгильдина Е.И. (Ульяновск)</i>	
Антропонимы в повестях Ч. Айтматова	272
<i>Антонова А.И. (Воронеж)</i>	
Антропонимикон комедии А.А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» как отражение литературной борьбы	276
<i>Бартенева В.Г. (Донецк)</i>	
Ассоциативные связи поэтонимов в романе Дж. Джойса «Улисс»	282
<i>Буянова Г.Б. (Тамбов)</i>	
Символика имен героев в романе М.Ю. Лермонтова «Вадим»	288
<i>Верецагина О.Н. (Ярославль)</i>	
Роль имени собственного в драмах М.Ю. Лермонтова (на материале драмы «Menschen und Leidenschaften»)	295
<i>Врублевская О.В. (Волгоград)</i>	
Имена собственные в контексте постмодернизма	302
<i>Выдрин И.С. (Уральск)</i>	
Названия городов и улиц в художественном мире Б. Окуджавы и В. Высоцкого	308
<i>Глинкина Н.А. (Ульяновск)</i>	
Функция имени в авторском мифе об абсолютной личности в романе Ф. Сологуба «Творимая легенда»	313
<i>Демидова Т.Э. (Ульяновск)</i>	
Особенности именованности персонажей в романах Дж. Барнса «Как это было» и «Любовь и так далее»	317
<i>Дырдин А.А. (Ульяновск)</i>	
Этимология имён и фамилий в «Ювенильном море» Андрея Платонова	330
<i>Исакова И.Н. (Москва)</i>	
Антропонимы как ключ к пониманию сюжета произведения («За чем пойдёшь, то и найдёшь» А.Н. Островского)	341

<i>Кадирова Э.Х. (Казань)</i> Ономастические реалии в рассказе А. Халима «Казыктагы тальян (Тальянка на плетне)» и особенности их перевода	349
<i>Казакова Н.В., Кузьмина Н.А. (Ульяновск)</i> Кто же он на самом деле, «человек в капюшоне»? (Система номинаций, представляющих Афрания в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»)	354
<i>Карюкова Е.В., Галушко Е.Ф. (Ульяновск)</i> Имена персонажей в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история»	362
<i>Комлева Н.В. (Вологда)</i> Личные имена и прозвища в повестях и рассказах В.И. Белова	369
<i>Косанович Б.Р. (Нови Сад)</i> Ономастика пушкинских «Песен западных славян» и её сербские эквиваленты	375
<i>Костина К.В. (Арзамас)</i> Ключевое слово как библионим или его часть в творчестве В.П. Крапивина	382
<i>Курс К.Ю. (Смоленск)</i> Способы номинации города Смоленска в творчестве М.В. Исаковского . .	389
<i>Летаева Н.В. (Одинцово)</i> Ономастическое пространство прозы М. Агеева	393
<i>Ляпидовская М.Е. (Санкт-Петербург)</i> Личное имя и прозвище-апеллятив в рассказе Н.С. Лескова «Дурачок»	400
<i>Малеева Е. (Вена), Шарфави Э. (Братислава)</i> Функционирование антропонимов в произведениях С. Хоршева-Ольховского	406
<i>Мальшева М.С. (Белгород)</i> Прецедентное имя «Петр-плотник» в балладном творчестве И.А. Чернухина	414
<i>Матлина А.М. (Ульяновск)</i> Поэтика имени собственного в повести В.М. Шукшина «Калина красная»	421
<i>Медведкова Е.С. (Тольятти)</i> Именования русских воевод в романе В.И. Костылева «Кузьма Минин»	426
<i>Меркулова Н.В. (Воронеж)</i> Синергический эффект эстетических онимов в характеристике персонажей (на примере ключевых имен романа Г. Флобера «Воспитание чувств»)	430

<i>Минина Е.В. (Горловка)</i> Топопозтоним «Белый дом» в романе Кена Фоллетта «Гибель Гигантов»	436
<i>Павлов С.Г., Вдовина К.Э. (Нижний Новгород)</i> Символика имён главного героя романа Е. Водолазкина «Лавр»	440
<i>Петриева Л.И., Артемьева О.М. (Ульяновск)</i> Специфика женского антропонимикона романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»	444
<i>Прусова Е.Н. (Ярославль)</i> Топонимы Урала как ключевые номинации локусов в структуре художественного пространства романа «Доктор Живаго»	450
<i>Садов Ю.В., Садова Т.С. (Санкт-Петербург)</i> 12 Героев Свири: символический подтекст и реальность	454
<i>Сербул М.Н. (Шуя)</i> Библейские коннотации антропонимов в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»	460
<i>Смирнова Е.С. (Кострома)</i> Топонимы в романе В.Г. Корнилова «Семигорье»	466
<i>Федотова К.С. (Донецк)</i> К вопросу о выборе заголовочного слова при работе над словарём поэтонимов: собственное имя и поэтическая номинация	472
<i>Фролова Е.А. (Москва)</i> Функционирование антропонимов в повести-сказке В.М. Шукшина «До третьих петухов»	478
<i>Чугунова И.В. (Ульяновск)</i> Речевое воплощение персонажа и имя собственное (на материале романа И.А. Гончарова «Обыкновенная история»)	483
<i>Шевченко В.Ф. (Москва / Ульяновск)</i> Топонимы Поволжья в русском поэтическом фольклоре (на материале региональных записей XIX в.). Часть 1.	488
<i>Шипулина Г.И. (Баку)</i> Антропонимы в поэтических заголовках М.Ю. Лермонтова	504
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	512

Подписано в печать 11.09.2017	Тираж 500	Формат 60x84/16
Усл. печ. л. 31,21		Заказ № 393

Отпечатано на участке оперативной полиграфии
при ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова»,
432063, г. Ульяновск, б-р Пластова, д. 13, корп. 2